

*Министерство природных ресурсов и экологии РФ
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

Фонд президентских грантов

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

**Ландшафт человека:
исследования Русского Севера
на перекрестке наук**

Сборник материалов
XI Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск
2024

УДК 502.4 (470.11)+947 (470.11)
ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)
К35

Ответственный редактор – *А.В. Яковлева*
Составители – *М.Н. Мелютина, А.А. Быльченко*

*Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

К35 Кенозерские чтения – 2023. Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук: сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина, А.А. Быльченко; отв. ред. А.В. Яковлева; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». – Архангельск, 2024. – 532 с.: ил.
ISBN

Сборник содержит материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2023», проходившей на территории Национального парка «Кенозерский» с 17 по 20 августа 2023 г., в которой приняли участие исследователи из ведущих научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Мурманска, Вологды, Каргополя. В издании представлены статьи, посвященные роли историко-культурного наследия в создании и осмыслении пространства человека; влиянию природных факторов на формирование и развитие среды его обитания; значению объектов архитектурного наследия в живом ландшафте, способствующих сохранению и передаче идентичности в настоящих и будущих поколениях. Исследования, связанные с территориями Кенозерья и Онежского полуострова, являются в сборнике приоритетными.

Книга адресована специалистам заповедных территорий, музеев, научных центров, университетов, занимающихся изучением локального наследия России, Русского Севера, Кенозерья, Онежского Поморья, представителям местных сообществ и широкому кругу читателей, неравнодушных к сохранению отечественных природных и историко-культурных территорий.

УДК 502.17(470.11)(82)+947(470.11)
ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)

*Издание осуществлено в рамках проекта «Львы и розы.
Гражданская архитектура в культурном ландшафте Кенозерья»,
поддержанного Фондом президентских грантов,
при финансовой поддержке Министерства природных ресурсов и экологии
Российской Федерации, а также ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

ISBN

© Мелютина М.Н., Быльченко А.А., составление, 2024
© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2024

**Ландшафт Человека: исследования
Русского Севера на перекрестке наук**

Ландшафт как событие

Баранов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии русского народа, Российский этнографический музей; dmitry.baranov@list.ru

Статья посвящена обзору новых направлений в антропологии, в рамках которых исследования культурных ландшафтов могут получить новое измерение. Так, например, произошедший несколько десятилетий назад материальный поворот в социальных и гуманитарных дисциплинах позволил интерпретировать ландшафт не только как явление материальных практик, т.е. объект освоения посредством ремесел, промыслов, хозяйственных и обрядовых практик и символической интерпретации окружающего мира, но и как субъект, непосредственно участвующий в процессе формирования социальных взаимоотношений и самого человека. Кроме того, рассматриваются те изменения, которые материальный поворот вызвал в методах описания и исследования ландшафта. В частности, речь пойдет о непрезентативной теории, которая акцентирует внимание на самих практиках, а не на результатах этих практик, на том, как человек и природные объекты взаимодействуют друг с другом. С нерепрезентативными этнографическими стилями связан и так называемый сенсорный поворот, который не только приписывает собственному чувственному пониманию ландшафта важную роль для антропологического исследования культуры, но и характеризует его как главный способ познания социального мира.

Ключевые слова: ландшафт, материальный поворот, нерепрезентативная этнография, полевые исследования, сенсорный поворот.

Название темы отсылает к так называемому материальному повороту в антропологии, в рамках которого человек оказался лишен исключительной привилегии обладать агентностью, которая, как оказывается, может быть приписана таким явлениям нечеловеческого мира как, например, ландшафт или транспортная система [18, с. 11]. Новая перспектива, уравнивающая в правах субъект и объект, человека и вещь, привела в итоге к неактуальности прежнего этнографического дуализма — материальной и духовной культуры. Взамен этого на передний план выдвигается взаимодействие двух субъектов: сообщества людей, с одной стороны, и сообщества вещей, природных объектов, явлений — с другой. Теперь мир материальных объектов становится самодостаточным и нейтральным по отношению к человеку, ему уже не требуется опора в мире социальных значений, он ценен сам по себе, и зача-

стю уже не человек придает смысл вещи или ландшафтному объекту, а «косная материя» определяет ценность человека. Этот поворот подразумевает взгляд на ландшафт не только как на результат материальных практик, т.е. объект освоения посредством ремесел, промыслов, хозяйственных и обрядовых практик и символической интерпретации, но и как на субъект, непосредственно участвующий в процессе формирования социальных взаимоотношений и преобразования социальных явлений. В такой перспективе не только человек создает культурный ландшафт, но и ландшафт конструирует самого человека. Кроме того, подвергая критике понятие объектности ландшафта, я подразумеваю также и присущую ему «процессуальную» природу, событийность. Если перефразировать Т. Ингольда, то ландшафт — это вовсе не объект, а некое собрание нитей жизни [16, с. 12–13].

Значит ли это, что ландшафт здесь интерпретируется как некое живое существо, с которым человек на равных ведет диалог? Нет, ландшафт выступает в качестве агента только в определенном контексте, так сказать, в присутствии человека, сам по себе он не может быть таковым. Но, будучи объектом воздействия, он не пассивен, а оказывает известное сопротивление, т.е. его природные свойства задают правила обращения с ним и формируют символический образ ландшафта в локальной картине мира. Речь здесь идет о том, что люди активны по отношению к ландшафту, но ограничены в выборе относительно того, как они могут преобразовать и использовать его. Люди могут трансформировать ландшафт настолько, насколько он позволяет это.

Здесь весьма уместно обратиться к теории аффордансов (возможностей) Дж. Гибсона, где под возможностями понимается все, что окружающий мир предоставляет животному или человеку, «чем он его обеспечивает и что он ему предлагает — неважно, полезное или вредное» [3, с. 188]. Следуя предложенной Гибсоном перспективе, можно утверждать, что ландшафт способен влиять на людей непосредственно, как материальная среда с определенными характеристиками, предлагающими и запрещающими те или иные действия [3, с. 188; 8, с. 20]. Если на этом остановиться, то мы рискуем впасть в географический детерминизм, признавая абсолютный диктат природной среды над человеком. Вероятно, более корректным будет говорить о том, что ландшафт задает определенный набор возможностей, например для своего освоения, но выбор того или иного сценария взаимоотношений с ландшафтом остается за человеком. Причем этот выбор не всегда рационален с точки зрения здравого смысла. Так, зачастую формы хозяйственно-производственной деятельности характеризуются избыточностью технологических процессов, когда множество операций не имеют, с современной точки зрения, влияния на конечный результат.

В любом случае, если и говорить об агентности ландшафта или его объектов, то не в смысле их активного действия и обладания ими некой интенцией, а скорее в плане противодействия, поскольку первоначальный его импульс, инициатива исходит от человека. Иными словами, ландшафту делегируется роль агента или субъекта, который благодаря своим природным физическим свойствам заставляет человека приспособиться к себе и диктует, где ему селиться, как и из чего строить дом, как добывать себе пропитание, и даже определяет распорядок дня и взаимоотношения в семье, деревенском сообществе и т.д. Об этом писал этнограф XIX в. С. Максимов в недооцененной книге «Куль хлеба и его происхождения», в которой обнаруживается удивительное этнографическое описание крестьянской культуры в «хлебоцентричной» перспективе [7].

Когда мы говорим о ландшафте, то речь идет не только об особенностях рельефа, растительности, поселении и других материальных экспликациях, но и, например, о звуковой среде, которая также выступает в качестве партнера человека по диалогу. Звуки природы (крики животных, пение птиц, журчание ручья) или те, что связаны с деятельностью человека (колокольный звон, пастушеская мелодия рожка или барабанная дробь, гудение механической дойки коров), воспринимаются как текст, который необходимо правильно прочитать и согласно нему действовать. К примеру, фольклористы утверждают, что для максимального звукового охвата пространства народные исполнители поют громко, напряженным тембром и выбирают для этого специальные места, откуда звук хорошо разносится. При этом учитывается и способность ландшафта создавать эхо. Попеременное исполнение песен двумя группами певцов, располагающимися на некотором расстоянии друг от друга, и связь обрядовых песен с движением также позволяют увеличить зону воздействия звука. Другой пример: в некоторых локальных традициях приходские церкви старались строить на таком расстоянии друг от друга, чтобы колокольный звон доносился до ближайших церквей.

То, как особенности рельефа могут воздействовать на повседневное поведение, хорошо иллюстрирует случай, отмеченный мною во время экспедиции в д. Сонино Вилегодского района Архангельской области. Там единственным местом с устойчивой сотовой связью был заброшенный деревенский аэродром на лесной поляне. Каждый вечер там собиралась молодежь, чтобы выйти на связь с внешним миром. Характерно то, что попутно коммуникация осуществлялась и непосредственно в среде местной молодежи. Во многом это напоминает традиционный институт молодежных гуляний на «лужках» в русской деревне, когда молодежь уходила на вечерки за пределы деревни. Так, благодаря специфике места, заключающейся в доступности сотовой связи, забро-

шенный деревенский аэродром стал новым узлом в коммуникационном пространстве, заменившем традиционные молодежные собрания. Получается, что особенности ландшафта приводят к формированию особой экологической общности местных жителей со специфическими животными и растительным миром, а также со своей собственной картиной мироздания.

Замечу, что придание ландшафту статуса активного субъекта не является заслугой исключительно современной антропологии или социологии. Само изучение ландшафта имеет длинную историю, состоящую из попыток отобразить связь между народом и его землей – связь, навеянную в свое время литературной романтической традицией [9, с. 153]. В рассматриваемом контексте я хотел бы выделить таких крупных ученых, как В. де ла Блаш и Д.Н. Анучин. Их имена связывают в первую очередь с возникшим более 100 лет назад направлением «география человека». Анучин призывал изучать влияния, оказываемые природой на историю культуры обитателей конкретных территорий, а равно и влияния, оказываемые человеком на изменение географических условий; иначе говоря, изучать соотношения между природой и группами человечества. Французский исследователь Де ла Блаш добавлял, что человек так же, как и природа, может рассматриваться в качестве географического фактора, но при этом еще и наделенного инициативой. Не удивительна в связи с этим распространившаяся в начале XX в. музейная традиция акцентировать на этнографических выставках связь человека и природы: «Каждая эпоха должна разворачиваться на фоне лика земли соответствующего времени, ее орографии, гидрографии, климатических зон, растительного и животного мира. В музее... народный быт будет жить только в обстановке своей среды, да и понят он может быть только в условиях ландшафта»¹. Основатель американской антропологии Франц Боас также призывал показывать в этнографических музеях «каждый народ, каждую культуру как результат влияния природного и социального окружения» [13, с. 139–142]. В своем крайнем варианте природный детерминизм проявился в традиции представлять на знаменитых всемирных выставках неевропейские народы не просто как сообщества, занимающие место между природой и культурой [12, с. 77; 11, с. 39], но как часть природного ландшафта, подобную флоре и фауне.

«Натурализация» в музейных стенах культуры неевропейских народов в лучшем случае позволяла их интерпретировать только как систему «средств экологической адаптации». Так произошло, например, в 1970-х гг. в Музее Академии наук Калифорнии [17, с. 211] или в

¹ *Инполитова А.Б.* Музейная этнография Москвы 1920–1930-х гг. (на примере Центрального музея народоведения): дипломная работа. М., 1998. С. 25.

парижском Музее человека в 1930-х гг., который также был выстроен на экологических основаниях, но уже с намерением отказаться от иерархии культур. В большинстве случаев экзотические народы демонстрировались как общества, не имеющие своей самостоятельной культуры и истории, в худшем – как общества, не имеющие своей самостоятельной культуры и истории. В целом, подобные музейные показы отсылают к традициям эпохи Просвещения противопоставлять культуру и природу и помещать туземное население на сторону природы, а не культуры. Понятно, что в данном случае концепт природы имеет инструментальный вектор использования – важно не то, какой смысл в него вкладывается, а то, что он позволяет подчеркнуть отсутствие «культур» у неевропейских народов.

Возвращаясь к концепту агентности, отмечу его уязвимость, которая обусловлена присущим ему антропоцентризмом, поскольку проявить свою агентность – значит «дать сдачи» людям, которые воздействуют на объекты, их окружающие, т.е. подтолкнуть человека или позволить ему подступить к тому, чего в ином случае он бы сделать не смог [15, с. 7]. Для описания подобных ситуаций А. Джелл использует понятие «распределенной личности», которая выходит за рамки человеческого тела, выступая как совокупность взаимодействий, в том числе и с природными объектами. В такой трактовке ландшафт может рассматриваться в качестве существенной части биографии как конкретных людей, так и местного населения в целом. Из этого следует, что через знакомство с существующими топографическими номинациями (названия урочищ, лугов, покотин и пр.), хозяйственными и обрядовыми практиками можно прочитать отдельные страницы жизни людей.

Любопытно, что если в антропологии и этнографии материальный поворот предполагает интерпретацию материальных природных объектов не как неких символов или социальных знаков, а как субъектов, наделенных конституирующими функциями, то в так называемой новой культурной географии в борьбе с натуралистическим обоснованием социальных явлений на первый план выдвигаются скорее символические параметры географической реальности. Представители новой культурной географии пришли к тому, чтобы окончательно не принимать физическое, материальное пространство за детерминанту социокультурных феноменов [6]. Хотя и здесь раздаются голоса в пользу ограничения тематики пространства лишь сферой прямого значения этого слова. Говорится о необходимости более конкретно поставить проблему материальных условий и окружающей среды. Это значит, что преобразование всех экологических систем под влиянием потребностей общества не предполагает исключения зависимости общества от физико-географических и биогеографических условий. Но этот тезис звучит здесь достаточно мягко, поскольку утверждает, что простран-

ственное окружение влияет на наши отношения. Другими словами, совокупность возможных видов отношений просеивается через «пространственное сито» [6].

Материальный поворот означает внимание к физическим свойствам пространства (рельефу местности, температуре воздуха, качеству почвы, визуальным и звуковым характеристикам и т.д.), которые могут оказывать непосредственное влияние на человека и его повседневную жизнь. В самом деле, почти любые человеческие практики имеют пространственное и материальное измерение. Само понятие «материальная культура» претерпело изменения: в 1970-х гг. Дитц предложил расширенное определение, которое по большому счету означало выход за рамки материального, поскольку включало в себя танцы, жесты, язык [15, с. 48]. В своих рассуждениях о природе идеологии Л. Альтюссер также значительно расширил рамки самого понятия материальности: «Итак, рассматривая некоего субъекта <...> мы будем утверждать, что существование идей о его верованиях материально, потому что его идеи — это его материальные поступки, входящие в материальную практическую деятельность, регулируемую материальными ритуалами материального идеологического аппарата, от которого происходят идеи данного субъекта» [1]. Речь идет не только о культурных ландшафтах, но и о перемещении в пространстве, пространственных связях, миграциях, культурной, локальной, этнической и других идентичностях.

Что нового может дать нам изучение ландшафта в рамках материально-пространственного поворота? Коснусь только одного аспекта: методов изучения культурных ландшафтов, а именно — полевых исследований. Можно ли изучать культурный ландшафт удаленно? В самом деле, где находится этнографическое поле и где проходит граница, отделяющая его от исследователя? Обязательно ли поле пространственно отдалено от этнографа и имеет четкую территориальную привязку? Ведь понятие «поле» — само по себе изначально нагружено разнообразными пространственными коннотациями и понималось, по крайней мере в традиционной антропологии, как место, где локализована квинтэссенция традиционной культуры [5, с. 113]. С точки зрения полилокальной этнографии, которая актуализирует проблему поля и локального знания не в географической перспективе, а в ментальной, ландшафты можно изучать и не находясь на месте, т.е. проводя интервьюирование с уроженцами Кенозерья, например, в Санкт-Петербурге, Архангельске или Каргополе. Их воспоминания, да и они сами, могут, если вспомнить Пьера Нора, выступать в роли «мест памяти» ничуть не хуже, чем, скажем, часовни, обетные кресты и священные рощи в самом Кенозерье. Понятно, что тогда речь здесь пойдет не о сакральной географии или особенностях ландшафтов как таковых, а о том, как и почему люди рассказывают об этом, т.е. о нарративах, рисующих

ментальную карту ландшафта, карту иерархий связанных с ним событий и одновременно карту умолчаний. По сути, в результате интервьюирования мы получаем вербализированную репрезентацию географии Кенозерья. В лучшем случае это мемораты – воспоминания очевидцев, которые по законам фольклорного жанра используют определенные формулы, клише и организуются в устойчивую структуру. Возникающие нарративы размывают границы между вымыслом и реальностью, поскольку они подчиняются определенным правилам повествования, опираются на общее смысловое поле варьируемых элементов, когда одно понятие передается различными синонимичными лексемами. Отсюда пластичность, вариативность и даже кажущаяся противоречивость текстов, описывающих как прошлое, так и настоящее.

Нетрудно заметить, что работа в «удаленном поле» не показывает, какие именно характеристики пространства оказали влияние на формирование «символической топологии» (П. Нора) ландшафтных объектов. Это демонстрирует также набирающая популярность даже среди кабинетных ученых традиция путешествовать с научными целями, когда чужие места обитания познаются непосредственно. Иными словами, «удаленное поле» имеет дело с репрезентациями сакральной географии Кенозерья, но не с онтологией его конкретных объектов. Пространство здесь является когнитивным конструктом, постоянно воспроизводимым в нарративах. Выезд же на место, непосредственное знакомство с особенностями ландшафта актуализирует нерепрезентативную идею о том, что существуют и другие разнообразные способы этнографического познания и описания, которые Ф. Ваннини, например, называет «нерепрезентативными этнографическими стилями» [19]. Речь идет о таких формах антропологической репрезентации, как рисунки, наброски, «перформативное письмо», которые, как предполагается, воспроизводят наиболее аутентичную картину мест. В более радикальных попытках адаптировать письменный текст к описанию ландшафта некоторые этнографы в своих работах используют короткие предложения, которые дают ощущение экономии дыхания, перекликаются с короткими звуками, ощущаемыми в ландшафте, а также с тишиной, в которой они двигались. Кроме того, собственно полевые встречи можно рассматривать как выходящие за рамки репрезентации и объяснения, как события, посредством которых этнографы и их информанты создают и переделывают свой жизненный мир, меняя свое положение и отношения. В этом смысле можно согласиться с утверждением Ф. Дескола, что особенности ландшафта – это лишь беглый набросок биографии того или иного человека [4]. С каждым местом связаны индивидуальные воспоминания о том, что произошло здесь когда-то, распознать же их можно, только находясь на месте, обладая знанием о тех событиях, которые пережило местное сообщество людей.

Стоит добавить, что в рамках набирающей силу сенсорной антропологии нашему собственному чувственному восприятию ландшафта приписывается важная роль в переосмыслении и понимании разнообразных традиционных практик, неважно, связаны ли они с почитанием местных святынь или с повседневной хозяйственной деятельностью. Сомнению стала подвергаться сама возможность скрыть качество материального объекта, познаваемое при помощи органов чувств, за его социокультурным значением. Как пишет Дж. Томас, подчеркивая важность в полевых исследованиях «чувственного понимания», «используя косу для подстригания травы, мы можем кое-что узнать о строении деревянной рукоятки, и о дереве, из которого оно сделано, и о выборе металлического лезвия, даже не задавая явных вопросов <...> При строительстве дома мы незаметно знакомимся с характеристиками почвы и недр, направлением и силой ветра, близостью воды, направлением солнечных лучей, эстетическим качеством и функциональностью дерева и камня, ламана и соломы для крыши» [10, с. 295].

Само восприятие материальных объектов с помощью органов чувств является, таким образом, существенным для антропологического исследования культуры. Это становится возможным только при условии «территориализации» этнографического поля, присутствия на месте (*in situ*), когда только и возможны полевые встречи с местными жителями и непосредственное знакомство с пространственным поведением населения в целом. Собственно говоря, это то, что составляет содержание нового направления — «сенсорной этнографии/антропологии», которая предполагает эмпатическое вовлечение исследователя в практики и места, значимые для людей, участвующих в исследовании [2, с. 19]. Речь идет о смещении фокуса этнографии на чувственный опыт «как главный способ познания социального мира» [2, с. 18; 14, с. 660].

Список литературы

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // НЛЮ. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 18.05.2023).
2. *Ваневская В.П.* Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 2. С. 8–26.
3. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
4. *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М., 2012.
5. *Елфимов А.Л.* Полилокальная этнография вчера и сегодня: разговор с Джорджем Маркусом // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 106–126.
6. *Лоссау Ю.* Пространство значения: Поворот к пространству, культурный поворот и культурная география. URL: <http://yarcenr.ru/articles/culture/space/>

prostranstvo-znacheniya-povorot-k-prostranstvu-kulturnyy-povorot-i-kulturnaya-geografiya-60896/ (дата обращения: 18.05.2023).

7. *Максимов С.В.* Куль хлеба и его происхождения. СПб., 1873.

8. *Петряшин С.С.* Практики ориентации во времени суток по небесным светилам в русской сельской культуре (кон. XIX–XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

9. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М., 2010.

10. *Томас Дж.* Археология, антропология и материальные вещи // Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков, 2020. С. 285–301.

11. *Ames M.* What Could a Social Anthropologist do in a Museum of Anthropology // Museums, the Public and Anthropology. A Study in the Anthropology of Anthropology. Vancouver, New Delhi, 1986. P. 26–36.

12. *Bennett T.* The Birth of the Museum. History, theory, politics. London, New York, 2009.

13. *Boas F.* Museums of Ethnology and Their Classification // Museum Studies: An Anthology of Contexts. Oxford, 2010. P. 139–142.

14. *Dicks B.* Action, experience, communication: three methodological paradigms for researching multimodal and multisensory settings // Qualitative Research. 2014. Vol. 14, no. 6. P. 656–674.

15. *Hicks D.* The Material-Cultural Turn: Event and Effect // The Oxford Handbook of Material Culture Studies. Oxford, 2010. P. 25–98.

16. *Ingold T.* Bringing Things to Life: Creative Entanglements in a World of Materials // Realities Working Papers. 2010. No. 15. P. 1–14.

17. *Karp I., Kratz C.* Reflection on the fate of Tippoo's Tiger. Defining cultures through public display // Cultural encounters: representing "otherness". London, 2000. P. 194–228.

18. *Miller D.* Materiality: An Introduction // Materiality. Durham, 2005. P. 1–50.

19. *Vannini Ph.* Non-representational ethnography: new ways of animating life-worlds // Cultural Geographies. 2014. Vol. 22 (2). P. 317–327.

Межевые планы в историко-экологических исследованиях Кенозерского национального парка¹

Козыкин Александр Владимирович – научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; gryllus2007@gmail.com

Наквасина Елена Николаевна – профессор, доктор сельскохозяйственных наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; e.nakvasina@narfu.ru

Оцифровка межевых планов позволяет совмещать их с современными топоосновами, используя ГИС-технологии. Это открывает широкие возможности для национальных парков по сохранению природно-культурного наследия, в частности исторически значимой культуры земледелия. В результате комбинированного земледелия (пашенное, подсеčno-огневое, лесной перелог) Поморье отличалось «лоскутностью» и разбросанностью крестьянских сельскохозяйственных угодий. Межевые планы VIII и XIX вв., совмещенные по оригинальной методике с современными топоосновами (лесостроительные планы и космоснимки), позволяют проследить в Кенозерском национальном парке динамику структуры земельных угодий на ключевом участке (более 56 тыс. га) за длительный период времени. Динамика землепользования отражает смены систем земледелия и социально-экономического строя за 250 лет. Межевые планы и их цифровая привязка к современным топоосновам позволяет проводить натурную идентификацию объектов, которые могут быть использованы в системе сохранения и восстановления агрокультурного наследия территории. Кроме того, межевые планы позволили сформировать более полную по сравнению с исследованиями устной речи, проводимыми ранее, топонимическую базу. Выделены шесть групп микротопонимов сельскохозяйственных угодий, отличающихся по способам их формирования в устной речи местного населения. Часть этих топонимов, определенных по межевым планам 1861 г., уже утрачена вместе с подсеčno-огневой и лесной переложной систем земледелия. Межевые планы открыли целый пласт исторических знаний в сохранении агрокультурного наследия Кенозерского национального парка.

Ключевые слова: эколого-историческая трансформация, аграрная история, межевые планы, космоснимки, земельные угодья, топонимика.

© Козыкин А.В., Наквасина Е.Н., 2024

¹ Исследования выполнены в рамках темы «Идентификация объектов подсеčno-огневого и переложного ведения хозяйства на территории Кенозерского национального парка».

Сохранение агрокультурного наследия является приоритетным направлением деятельности и научных исследований Кенозерского национального парка. В последние годы особое внимание исследователей привлекает проблема натурной идентификации, сохранения и восстановления объектов старых земледельческих систем, которые существовали на территории парка до интенсификации сельского хозяйства при изменении социально-экономического строя в начале XX в.

Исторически на Севере существовало одновременно три земледельческие системы, согласно современной классификации. Во-первых, пашенное земледелие с двух- и трехпольем, основу которого принесли новгородцы, осваивавшие северные земли начиная с XI в. Вначале они расселялись по берегам рек с пригодными для возделывания почвами [12], формируя прибрежный речной или озерный тип заселения. Крестьяне, приходившие в эти края из Новгородской и Ростово-Суздальской земель, где уже внедрялась паровая система земледелия, стремились и на новых местах заводить пашню по этой системе. Исходя из этого, вероятно, до XIV в. включительно преобладающей системой земледелия на Севере была не подсека, а паровая система земледелия первоначально в форме двухполя, а затем и трехполя.

Позднее нехватка земель (при экстенсивном земледелии) потребовала освоения лесов под пашни, сенокосы, выгоны. Начали вести разработку лесных участков отжигом (подсечно-огневое земледелие), что широко практиковалось на Севере благодаря природным условиям и сохранялось вплоть до 1930-х гг. Но подсека в большинстве районов Поморья никогда не являлась преобладающей системой земледелия, а была лишь главным средством расширения пахотных угодий [8].

Освоение новин в Архангельской губернии крестьяне вели в несколько этапов. Участок очищали сначала от леса – это называлось подсекой. Лес на будущем поле сжигали – зола шла на удобрение; это было так называемое «огнище», или «пожог». Затем в течение нескольких лет здесь сеяли репу, хлеб, кормовые культуры. Когда же замечали, что земля начинает истощаться, переходили к трехпольной системе земледелия – делили поле на три части – на озимую рожь, ячмень или другие яровые культуры и пар [5].

Крестьяне снимали в течение 2–10 лет обильные урожаи без удобрения [11], потом забрасывали поля, чаще на 10 (до 25–40) лет. Такое земледельчество походит на переложное. По мнению П.Н. Третьякова [13], подсека со временем была заменена лесным перелогом, которая близка подсеке и существовала параллельно с пашенным земледелием. В XVI в. лесной перелог уже существовал наряду с подсекой. Существование этих систем земледелия выявлено как в Каргопольском, так

и в Важском уездах. Ю.С. Васильев [4] ссылается на данные, которые прямо или косвенно указывают на существование здесь подсечной системы землепользования и лесного перелого.

В силу слабого плодородия почв и недостатка удобрений перелог на Севере был просто необходим, но использовался крестьянами не только из агротехнических соображений. Л.В. Милов писал, что переложные земли были необходимым средством поддержания режима трехполья, резервом пашенных земель. Подсечно-огневая система земледелия при перелогe обеспечивала полное восстановление не только плодородия почв, но и основных компонентов зональных биоценозов. Немаловажным было и то, что переложная и поросшая лесом пашня, хоть и учитывалась писцами, но не облагалась, как правило, тяглом, а подчас даже и оброком [10].

История подсек, оставляемых на перелог после истощения, была разной: часть их могли оставить под постоянную пашню трехполья, часть могли использовать под сенокосы или выгоны, а оставшиеся – под зарастание лесом. Крестьяне следили за старыми подсеками, считали их своими. Несомненно, выбор истории поля определялся качеством (плодородием почвы) и месторасположением угодья. Как правило, пашенные земли трехполья располагались ближе к деревням, перелог и сенокосы – на удалении. Соотношение пашенного леса с основной (трехпольной) пашней по отдельным волостям и деревням различно. Если основная пашня в деревнях преобладала над пашенным лесом, то в починках чаще могло быть обратное.

В результате такого комбинированного земледелия в Поморье сформировались «лоскутность» и разбросанность крестьянских сельскохозяйственных угодий. Нередко угодья крестьянского двора состояли из 10, 20, 30 и более отдельных полос и полосок. Пестрота того старого аграрно освоенного ландшафта вызывает интерес природоведов для понимания современного ландшафта территории. Для заповедных земель этот аспект связан еще и с идентификацией угодий, сопровождающих их артефактов и, возможно, с восстановлением части локальных объектов традиционного землепользования.

Широкие возможности для отслеживания трансформаций землепользования за длительные периоды времени открывают современные компьютерные технологии, которые все чаще применяются в исторических и экологических исследованиях как в России, так и за рубежом [3, 9]. В этом смысле перспективным видится использование планов Генерального межевания XVIII–XIX столетий в качестве компонентов исследований [1, 2].

Для территории Кенозерского парка в пределах ключевого участка были использованы известные планы Генерального межевания Олонецкой губернии 1780-х гг. и обнаруженные в 2015 г. в Национальном

архиве Республики Карелия планы специального межевания Кенозерской и Почезерской дач Вершининской волости Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии 1861 г. Они изготавливались в целях размежевания земель, предоставленных сельским обществам, и уточнения характеристик угодий для последующего налогообложения. Эти планы дают возможность увидеть структуру земельных угодий и оценить реальные масштабы сельскохозяйственного освоения значительной площади территории Кенозерского парка в несколько десятков тысяч гектаров в XVIII и XIX вв.

Масштаб и проработка планов Генерального (1780-е гг.) и специального (1861 г.) межеваний разные. Планы 1861 г. дают более детальную и точную информацию о землепользовании на территории полигона исследования в прошлом. И те и другие планы выполнялись вручной. Известно, что более поздние делались на основе материалов полевой межевой инструментальной съемки. «Отмывка» (раскраска) различных типов угодий выполнена цветными красками с нанесением тушью номеров выделов, а на некоторых – их местных названий. Приложением к планам межевания являются межевые книги, содержащие таблицы с вычислением и описанием угодий. Самое же главное – то, что на планах нанесены не только контуры сельскохозяйственных и лесных угодий, но четко вычерчены побережья озер, рек, а также точечные объекты – дома, церкви, часовни, мельницы, что позволяло сделать достаточно точную привязку к современным топоосновам.

В качестве современных топооснов для привязки А.В. Козыкиным [7] использованы планы лесоустройства Кенозерского национального парка 2014 г., а также пирамидальные сборки космических снимков высокого разрешения с файлами привязки с интернет-ресурса SAS-Planet. В качестве опорных точек связей привязки использованы наиболее явные элементы гидрографической сети, побережья озер, межуездные просеки, дороги и т.п. в случае их неизменного местоположения, отраженного на планах.

На сегодняшний день покрытие современной территории парка растровыми аналогами исторических межевых планов охватывает большую площадь парка, более 56 тыс. га (ил. 1). Полученные материалы позволяют сравнить динамику землепользования за 250 лет на ключевом участке Кенозерского национального парка (ил. 2).

Планы межевания XVIII в. были наименее проработаны. В структуру учитываемых земель прежде всего попадали пашни, облагаемые налогами, деревни и естественные насаждения, в том числе болота (отдельной строкой). Перелог, т.к. они не облагались оброком, учитывались как лесные насаждения. Планы специального межевания середины XIX в. уже были более структурированы, что связано с усиле-

нием налогообложения. Стали рассматривать не только пашни, но и перелого, сенокосы, а также их качественные характеристики – «по мокрому грунту», «по сухому грунту», «чистые», «с кустарником». Отдельно учитывали хвойный и лиственный леса, которые могли быть использованы при заготовке леса для строительства и при проведении отжига на подсеке. На планах Генерального межевания отдельно были прописаны оброчные земли и монастырские земли, однако их идентификация в силу мелкого масштаба планов и перекрытия с другими угодьями оказалась практически невозможной. На планах 1861 г. эти категории земель уже четко выделяются в структуре землепользования. Оброчные земли представляли казенное недвижимое имущество и рассматривались как отдельные статьи при описании землепользования. В то же время, как показывают архивные материалы, это могли быть не только сельскохозяйственные земли, но и деревни.

В этот период развития сельского хозяйства на Севере доля перелогов в шесть раз превосходила площади пашен. Разработанные перелого составляли резерв как для пашен, так и для сенокосов, доля которых была не меньше пашенных земель, что требовало развивающееся животноводство.

Структура земель ключевого участка Кенозерского национального парка отражает жизнь того времени. Спустя 100 лет после изменения в начале XX в. социально-экономического строя произошла миграция населения, укрупнение деревень, относящихся к колхозам и совхозам, и в связи с этим исчезновение мелких отдаленных поселений. Все это отражается в структуре землепользования: уменьшились их площади, а вместе с тем в 8–9 раз сократились пашни. Сменилась и система земледелия. Прекратили отжиг леса и освоение новых участков, была сделана ставка на плодосмен и удобрение полей, в том числе и минеральными удобрениями. Сенокосы пока поддерживались, продолжали держать коров и заготавливать сено. Сохранение животноводства обеспечивало огороды и пашни органическими удобрениями. Перестройка, связанная с очередной сменой социально-экономических отношений, привела к дальнейшим потерям сельскохозяйственных земель: их площади уменьшились в два раза, при этом оказались полностью потеряны все пашенные земли. Практически остались только сенокосные угодья. Поддержка со стороны Кенозерского национального парка позволила сохранить все поселения.

Используя современные геоинформационные системы (ГИС), сотрудники парка стараются реконструировать историческое землепользование, сделать все возможное для сохранения агрокультурного наследия региона. Пользуясь совмещением межевых планов и материалов лесоустройства, космоснимков, теперь можно идентифицировать и изучать в натуре бывшие земледельческие угодья, закрепить распо-

ложение бывших пашен в соответствии с артефактами (например, кучи камней могут свидетельствовать о расположении «камелёнок», краевых канавок, старых дорог и т.п.). Натурные объекты (более 20 объектов) подтверждаются обязательным почвенным опробованием: на пашнях и перелогах до сих пор видны следы обработки, связанные с перемешиванием почвенных горизонтов (перелого) или формированием четко обособленного, не традиционного для нативных почв Севера, пахотного горизонта (постоянные пашни), а также угли, оставшиеся после отжига леса. Нередко, рядом с полями обнаруживаются сохранившиеся репные ямы, использовавшиеся крестьянами для хранения в зимний период основной культуры того времени – репы.

Межевые планы, особенно подробные планы 1861 г., раскрывают также обширнейший пласт русских микротопонимов Кенозерья, уже исчезнувших из лексики населения к моменту проведения первых топонимических сборов во второй половине XX в. [6]. Во второй половине XX – первом десятилетии XXI в. сбор топонимов производился, вероятно, в форме опросов коренных жителей, проживавших в деревнях Кенозерья. Исследования показывают, что к этому периоду хорошо сохранились гидронимы, названия мысов, островов, крупных возвышенностей и крупных болотных массивов. В то же время, наиболее подвижная микротопонимия – названия небольших урочищ, пашен, перелогов, сенокосов, ныне заросших лесом, – дошла до нашего времени с большими потерями. Утраты топонимики Кенозерья были связаны, скорее всего, с кардинальными изменениями системы хозяйственного использования земель, произошедшими в начале XX в., прекращением использования переложной системы земледелия и нарушением возрастной преемственности в поколениях местных жителей.

Применение ГИС-технологии позволило сформировать топонимическую базу данных, согласно планам межевания Почезерской, Кенозерской и Кенорецкой дач 1861 г., по их названиям и с современной топографической привязкой. Для исследования местной микротопонимии был выбран район окрестностей оз. Свиного, Долгого, Порженского, Кенозера, Почозера. С конца XVIII до первой половины XIX в. исследуемая территория находилась в Пудожском уезде Олонецкой губернии, затем частично вошла в Каргопольский уезд Олонецкой губернии. На сегодняшний день данная территория находится в Плесецком районе Архангельской области в границах Кенозерского национального парка. Выбор района исследования (ил. 3, 4), как уже отмечалось выше, обусловлен сплошным покрытием смежных межевых планов, хорошей территориальной дифференциацией сельскохозяйственных угодий в прошлом, наличием данных по населению за исследуемый период.

Обработка планов межевания позволяет судить о том, что большинство угодий (урочищ) не было отмечено на планах индивидуальными микротопонимами. Часто названия лесных урочищ влияли на названия пахотных участков. Особенно это проявлялось по мере удаления от поселения: пашня — лесная подсека (перелог) — лесное урочище. В основном топонимы урочищ распространялись на пахотные участки и иные угодья, расположенные вблизи или в их границах. Возле деревень и вдоль основных дорог и речек, как правило, используются индивидуальные названия участков угодий.

Среди микротопонимов в различных вариациях встречаются названия финно-угорского происхождения — Шалга, Валдай, Луда, Ла(у)хта, Ньюра, Орга, Корга, М(н)янда, Шайма, Сельга и др. Как правило это названия болот, крупных лесных массивов, возвышенностей, заливов и озер. В то же время названия сельскохозяйственных полей имеют преимущественно русское происхождение, а по смыслу носят часто утилитарный характер. Это вполне укладывается в гипотезу о том, что земледельческое освоение окрестностей Кенозера происходило вместе с приходом русских переселенцев, а топонимическая структура формировалась в период раннего контакта языковых групп.

Интересен с точки зрения формирования топонимики сельскохозяйственных объектов землепользования подход к закреплению их названий. Встречаются топонимы, связанные с расположенными рядом религиозными, культовыми, обрядовыми и инфраструктурными объектами. Значительная часть названий связана с именами (фамилиями или прозвищами) местных жителей — пользователей участков. Довольно часто встречаются названия, обозначающие физическое состояние угодий, плодородие земель и этапы обработки лесных подсек и перелогов.

Приведем примеры различных групп формирования топонимических названий угодий землепользования в пределах ключевого участка Кенозерского национального парка. Топонимы заносились в атрибутивные таблицы ГИС с сохранением оригинальной орфографии надписей межевых планов. Сохранить это написание постарались в приведенном ниже перечне и мы. Поскольку надписи на планах сделаны прописными буквами, скорее всего чертежниками по данным полевых дневников, расшифровка их не всегда давала удовлетворительный корректный результат. Именно поэтому в случае неоднозначного прочтения в скобках делалась запись других вариантов либо предполагаемого варианта.

1 группа топонимических названий с использованием *географических ориентиров и положения на местности относительно жилых или хозяйственных объектов*: Прямки, Задворное, Загуменье, Удворовь, Умагазинь, Заднее, Задворки, Заводь, Умельницы, Подь Летникомь,

На Летнике, Заозадокъ, Горблахта, Куйлахта, Задница, Подъ Задницей, Угольниха, Санникъ, Умостовъ, Конецъ улицы, Дворище, За Боровухой, Запольки, Путныя Вароты, Лабазницы, На Якуминихи, На Белогорской дороги, Захлавами, Чёлма, Подъ Здыхальной, Здыхальна, Прикалитки, Зимникъ, Орга, Закухтино, Великая ляга, Загуменное поле, Анбарное, Уморшачника, Шаймы, Дегтярникъ, У Масельги, Подъ Чижевцами, Борова орга, У Сари мха, Вилы, Валдай, Озяблый логъ, Подъ баненкой, Великая Шалга, Житкой логъ, Сидяча гора, Вадига, Ерусалимъ гора, Залухтики, Рудная Орга.

II группа топонимических названий, в которых использовались *подходы микротопографии*: Заямкой, Большие поляны, Плоское, Смольные полосы, Заполоски, Крежь, Бережна, Ручьево, Уребинки, Лисей берегъ, Свиные хребты, На Горы, Наволокъ, Летной кряжь, Островъ, Горбы, Въ Трипольницахъ, Угарелого мха, Въ Болотахъ, Въ Гремячемъ, Горне поляника, Свиной носъ, Нареки, За Гранью, Заболотье, У Грязи, Подъ пригоромъ, Высокой крежь, Подъ Близкой горой, Крежно, Подъ Няндой, Плоской валь, Косогоры, Холмы, Уродника, Назгоркахъ, Бугры, Крутые горы, На Ямахъ, Куршалга, гора Карунья, Лухта, Логуши, Лудница, Розлива.

III группа топонимических названий, основанная на оценке *состояния угодья, как правило, на этапе обработки*: Опалиха, В Чищахъ, Пустоша, Пустошь, Припашь, Косиха, Долгая пожня, Кустовато, Шалга, Въ Шалге, Тожъ Потайбалы, Грело-горное, Ровно, Въ Виткомъ березники, Боры, Польцо, Осиновець, Новая Чища, Уская пашня, Деревянка, Палище, Навина, На Старомъ Осеку, Припоши, Припаши, Луги, Луговатица, Бревенно, Серёдка, Дрань, Кустовато, Гарело, Долгиня, Залезь, Гарюха, Палище, Замяндачь, Круглушка, Лиственники, На Репницахъ, Плешка, Молочное, Горелый Крежь, Наземнику, Черногорско, Избная шалга, Гладка пашня, Моржна, Горне полянка, Лящиха, Ярышь, Паличны крижы, Въ Осеку, Большая Пожня, Новая Пожня, Чищи, Боръ, Палище, Топорное, Большая плоская гарь, Листоватникъ, Чаша, Малая Чаша, Подосинникъ, Житникъ, Красная сосна, Чашовець, Гарь, Поскотинна.

IV группа топонимических названий с использованием *терминов, относящихся к плодородию почвы*: Песочное, Каменницы, Каменна, Подъ Каменно, Каминухи, Каменикъ, Упесочка, Гнилка, Суковата, Гниловатица, Гниловатица, Гниловатикъ, Письянка, Письяница, Закаменнымъ, Ледяница, Пески, Черная грязь, Пясочны, Песчаница, У Каменя поляны, Пустобраницы, В Грязныхъ, Пустоша, Луданникъ, Житница, Мокруша, Зяблуха, Мурашиха, Красной мяндачь, Большая Шалга.

V группа топонимических названий с использованием *терминов, связанных с положением угодья относительно религиозных и культовых*

объектов: Крестовуха, Часовенское, Учасовни, Кресты, Въ Крестовыхъ, Погоское, Укреста в летнемъ конце, Могилья, Малебинъ. Возможно, Ерусалимъ гора.

VI группа топонимических названий, связанная с *вероятной имущественной принадлежностью к поселению либо по имени или прозвищу хозяина(ки):* Фёдоровщина, Свинуха, Прокшина, Лобаниха, Бубыло, Захарьевски, Студенецкая, Онаковское, Понькина, Гришино, Осдиха, Патрушевская, Филино, Кулома, Подъ Куломой, Яковлева, Жигочово, Потрикеева, Преданникова, Голубиха, Прозоровская, Панькино поле, Ларинская поляна, Ивановщина, Куликовщина, Парамонова поляна, Суханова поляна, Димидовщина, Бабкина, Мурашиха, Малодушечье, Мурзиха, Варзино, Шаштуниха, Василиевщина, Попова поляна, Гоголиво, Лазарева пожня, Лазарева гора, Гришино, Корепановска, Стрелкова, Артёмова, Игнатова гора, Утретьякова, Агафонова гора, Максимова гора, Выползова, Никитиха, Круплова, Видрины, Петрова.

Однако есть топонимы, этимология которых в рамках данного исследования не поддается интерпретации. Например, Скокушница, Ригозно, Ключухи, Печь, Сивериха, Тягунье, Веселья, Загровище, Натерпъ, Рылуха, Раздоры, За Раздорами, Боровуха, Котельницы, Овшица, На Виселичномъ, Стамечъ, Прислонъ, Точильно, Пинуса, Пенуса, Запеносамъ, Въ Пинусахъ, Плошаки, У Вахкана, Курдюки, Бавканикъ, Прикаты, Пустюхинщина, Нашатрахъ, Ломовуха, Бляды, Пропоямечь, Дрочица, Наветерникъ, Золотарь, Поклоны, Собаки, Упупка, Кулубель, Мегрецы, Разгуляй, Пенусная орга, Накостькахъ, Въ Шеломахъ, Каргоморь.

В настоящее время в большинстве своем индивидуальные названия пашен, перелогов и сенокосов забыты. Вероятная причина этого – в прекращении переложного земледелия в конце XIX – начале XX в., о чем свидетельствует динамика структуры землепользования. Впрочем, топонимика Кенозерья несет целый пласт исчезнувшей культуры, она характеризует историческое прошлое аграрной культуры региона и является одной из линий сохранения культурного наследия национального парка.

Оцифровка межевых планов позволяет совмещать их с современными топоосновами, используя ГИС-технологии. Это открывает широкие возможности для национальных парков по сохранению природно-культурного наследия, в частности исторически значимой культуры земледелия, которая в последние десятилетия оказалась забыта и не представлена в региональных исследованиях.

Список литературы

1. Баталов Р.Н., Радченко Л.К. Обзор основных направлений использования ГИС-технологий в историко-картографических исследованиях // Вестник СГУГиТ. 2020. Т. 25, № 1. С. 119–135.

-
2. Баранова Е.В., Канищев В.В., Кончаков Р.Б. Проблемы взаимосвязи исторических источников и ГИС-технологий (по материалам дворянского землевладения Тамбовской и Тульской губерний конца XVIII – начала XX в.) // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 2 (4). С. 42–49.
 3. Брюханова Е.А., Рыгалова М.В. Исторические ГИС on-line: обзор зарубежных и отечественных проектов // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 56–59. DOI 10.14258/izvasu(2016)2-08
 4. Васильев Ю.С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. Вологда, 2013.
 5. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
 6. Дерягин В.Я. Методические разработки для студентов пединституты и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозерья»: в 2 ч. Архангельск, 1987.
 7. Козыкин А.В. Методика оценки изменений агрокультурного ландшафта на основе ГИС-обработки планов межевания 1861 г. и современного описания лесного фонда Национального парка «Кенозерский» // Историческая информатика, 2021. № 2 (36). С. 221–236.
 8. Колесников П.А. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 64–99.
 9. Кончаков Р.Б., Баранова Е.В. Геоинформационные системы в исторических исследованиях: современные тенденции // XV Державинские чтения: в 2 т. Тамбов, 2010. Т. 1. С. 154–162.
 10. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
 11. Опыт описания Олонецкой губернии, составленный К. Бергштрессером. СПб., 1838.
 12. Стрекаловская О.Н. Природные основы формирования сельских поселений Архангельской области: автореф. дис. ... канд. географ. наук. СПб., 2007.
 13. Третьяков П.Н. Сельское хозяйство и промыслы // История культуры древней Руси: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1948.

Колористика северного ландшафта: семиотический подход¹

Лавренова Ольга Александровна – кандидат географических наук, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; olgalavr@mail.ru

В культурном ландшафте, если мы рассматриваем его как семиотическую систему, цвет играет роль знака. Ему присущи разные типы знаковых функций – сигналов, индексов, иконических моделей, условных знаков или символов. Цвет в ландшафте обладает большой долей нестабильности хотя бы по причине периодической смены освещения. Хромодинамика ландшафта подразумевает сосуществование разных видов и смыслов цветовых фокусов разной длительности – от нескольких дней до десятилетий. Цветовые локусы-знаки находятся в постоянной коммуникации в культурном ландшафте, представляющем собой поле постоянного «культурного взрыва», в котором транслируются традиционные смыслы культуры и порождаются новые значения. Цветовая символика является частью «ландшафта-как-текста», содержащего те или иные сообщения – «послания» культуры самой себе. Северный ландшафт обладает своей колористической спецификой, которая также насыщена смыслами, находящимися в коммуникации между собой.

Ключевые слова: культурный ландшафт, семантика цвета, знаковые системы культуры, северный ландшафт, Русский Север.

Введение. Культурный ландшафт – результат постоянного взаимодействия культуры и вмещающего природного ландшафта. Семантика культурного ландшафта определяется всем спектром значений, входящих в ментальность культуры. Символические значения цвета складываются из психологических особенностей восприятия цвета и культурных традиций. «Цвет – явление прежде всего социальное. Именно общество “производит” цвет, дает ему определение и наделяет смыслом, вырабатывает для него коды и ценности, регламентирует его применение и его задачи» [5, с. 4].

© Лавренова О.А., 2024

¹Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 22-18-00407 «Когнитивная культурология цвета: разработка научных основ формирования колористики культурного ландшафта». Частично использованы материалы статьи: *Lavrenova O.* Color Semantics of the Cultural Landscape // Arts. 2023. No. 12. P. 111. <https://doi.org/10.3390/arts12030111>

Колористика культурного ландшафта представляет собой знаковую систему, и «цвет понимается как способ визуальной коммуникации, особого рода язык, состоящий из отдельных знаков. Каждый цветовой знак имеет разные по глубине уровни значения. Один и тот же тон или оттенок в зависимости от контекста и условий его использования может выступать в роли индекса, у которого форма следует из содержания и провоцируется ею. Копии, где форма повторяет содержание; или символа, у которого форма связана с содержанием совершенно произвольно и условно» [1, с. 23]. Цвет имеет семантическую функцию, в соответствии с которой цвета также могут играть роли сигналов, имея функцию оповещения, индексов и иконических моделей, согласно классификации основоположника семиотики Чарльза Пирса. Цвет, как и другие знаки, может иметь функции закрепления, хранения и трансляции информации, в том числе и через поколения.

Своя специфика колористической семантики есть и у северных ландшафтов, включая ландшафты Русского Севера.

Колористическая семиотика ландшафта. Восприятие ландшафта человеком происходит в том числе через дешифрирование цветовых сочетаний, являющихся своеобразными «естественными знаками». Именно в этом процессе реализуется принцип непрерывной передачи информации и плавного перетекания цветовых оттенков – так называемый *принцип палитры*, который противопоставляется принципу алфавита, где синтаксические конструкции создаются сочетанием хорошо различимых единиц [6, с. 191].

Цветовые нюансы могут восприниматься по-разному в зависимости от когнитивных задач. Различается цвет осязаемый, цвет воспринимаемый и цвет представляемый. «На уровне осязаемого цвета, в зависимости от индивидуальной чувствительности, могут фиксироваться сотни и тысячи цветовых оттенков, не соотносенных с какими-то определенными предметами. На уровне цвета воспринимаемого это многообразие сокращается, происходит обобщение цветовых нюансов и их соотношение с окрашенностью тех или иных предметов. На этом перцептивном уровне за один цвет может приниматься множество оттенков, различаемых на уровне ощущений. На уровне представляемого цвета могут воспроизводиться как сенсорные, так и перцептивные впечатления, но менее отчетливо и разнообразно. На этом этапе многообразие снова обобщается, цвета группируются по категориям, связанным, как правило, с каким-либо вербальным обозначением – «красный», «синий» и т.п. <...> Узнавание видимого цвета – необходимое условие его использования как знака, с которым связано определенное значение. Но для того, чтобы цвет приобрел функции знака, одного его узнавания недостаточно, и нужно отнесение цвета к чему-то иному <...> некоторое его смещенное ос-

мысление, ведущее от презентуемого цвета к репрезентируемому объекту» [6, с. 189].

Мы воспринимаем мир как трехмерное пространство. Хотя цвет сам по себе воспринимается двухмерными, вне пространственного опыта [11], именно с помощью цветовых нюансов воспринимаются и дешифрируются объем и глубина пространства. Например, осветление цвета и смещение в сторону голубизны дешифрируется как информация о более отдаленном положении объектов (ил. 1). Возможно поэтому цвета делятся не только на теплые и холодные, но и на «наступающие» и «отступающие». Как пишет И-Фу Туан об этой бинарной оппозиции именно в контексте восприятия ландшафта: «Красный, оранжевый и желтый описываются как наступающие цвета, потому что они кажутся наблюдателю ближе, чем другие оттенки. Красный, или, в частности, красно-оранжевый, “идет навстречу”. Это стимулирует нервную систему и наводит на мысль о тепле. Красный цвет также приводит к тому, что объект кажется тяжелее, чем он есть на самом деле. Зеленый, синий и сине-зеленый известны как отступающие цвета; они предполагают прохладу»² [14, р. 24]. Яркость и чистота объекта теплого цвета символизирует его близость наблюдателю, что отвечает естественной системе знаков, характеризующих физическую реальность, т.к. красный или желтый объект, удаляясь, теряет свою яркость и чистоту, обретает холодные оттенки.

Именно в природном ландшафте цвет имеет *индексальные функции*, когда он «указывает на наличие каких-то свойств у объектов» [6, с. 190]. Например, в биосемиотике и индикационной геоботанике цвет растений сигнализирует о тех или иных свойствах почвы и подстилающей породы. Более насыщенный зеленый цвет листья свидетельствует о близости источников воды. Колориметрический анализ применяется для первичного анализа минералогического состава почв и их классификации [13].

Также цвет травяного покрова, листья деревьев, неба, общая гамма пейзажа могут сигнализировать о широте изображенного или сфотографированного места. Иногда художники утрируют цветовую гамму, создавая цвет-код, узнаваемый как знак географической широты. Например, картины М.В. Нестерова соловецкого цикла сложно спутать с его пейзажами средней полосы – именно цветовая гамма сообщает зрителю о северном местоположении (ил. 2). В картинах Н.К. Рериха северного цикла используется те же нюансы кобальта зеленого светлого. Художник А.А. Борисов, певец Арктики, также часто использует светло-зеленый для пейзажей Соловков и неарктического Русского Севера. Интересно, что эта цветовая гамма совершенно не соответ-

² Здесь и далее – переводы автора статьи.

ствуется современным фотографиям тех же мест и широт, но создает настроение, узнаваемый цветовой символ пейзажей неяркого солнца. Еще одна гипотеза (физико-географическая): возможно, причину такого несоответствия следует искать в глобальном потеплении, в том, что лесотундра и типичный для нее сфагнум отступили из этих мест дальше на север.

В антропогенных – рукотворных – ландшафтах в повседневных и культурных практиках по отношению к цвету, вернее локализованным «цветовым пятнам», используется преимущественно *принцип алфавита*. Из этих «цветовых букв» составляются «слова» и «фразы» – смысловые цепочки, которые взаимоувязываются в текст культурного ландшафта.

Ахроматические цвета в ландшафте и их семантика. В рукотворном ландшафте Русского Севера преобладают ахроматические цвета – белый или серый (цвет архитектурных сооружений от белокаменных до бетонных), серый или коричневый (дикий камень, деревянная архитектура).

«Повседневное сознание цветом считает только хроматические тона. И именно такой подход больше подходит для анализа цветовой репрезентации в городском пространстве. Рассмотренная с этой позиции архитектура распадается на черно-белые и цветные постройки. Как в любом языке, ахроматические знаки (в этом случае цвет в городском пространстве будет равен нулю) могут существовать только на фоне хроматических (ненулевых), образуя с ними систему» [1, с. 25]. Но это в идеале. В советских городах, в том числе и на Севере, преобладание светлых конструкционных материалов (преимущественно бетон) является данностью, связанной с дешевыми и лаконичными градостроительными решениями.

Бесцветность архитектуры (вроде серых панельных «хрущевских» пятиэтажек в СССР) «указывает на низкую колористическую культуру, ограниченные материальные возможности, отсутствие необходимых материалов-цветоносителей» [1, с. 26]. В случае северных широт это еще и знак пренебрежения к физиологическим и психологическим нуждам населения, поскольку в условиях недостаточной инсоляции и длительности снежной зимы яркие цвета зданий являются естественным антидепрессантом. Конечно, некоторые архитектурные элементы и часть фасадов окрашиваются в хроматические цвета, но общий тон зачастую ахроматический (ил. 3).

Ахроматическое цветовое пространство города несмотря на всю свою невзрачность, может иметь вполне определенное значение, имеющее «индексальную» природу – это своеобразный «знак беды». Серые (покрытые пылью, со смытым или сбитым красочным слоем) развалины, заброшенные здания сигнализируют «о потере контроля над цветовым пространством города, о незапланированности изменений в нем

и его неуправляемости» [1, с. 26]. Заброшенные бетонные и панельные строения идентифицируются пятнами серого цвета, знаменующими глубокие трещины и осыпающиеся фасады. Еще один интересный цветовой эффект «знака беды» – черные провалы окон, образующиеся после того, как осыпалось бликующее стекло, ведущее диалог с небом и окружающей средой (ил. 4). Такими становятся рабочие пригороды крупных городов и заброшенные рабочие поселки после ухода из них градообразующих предприятий.

«Знак беды» в онтологическом смысле можно воспринимать и как пустоту. Безобразие форм плюс пыльная ахроматичность – это отсутствие смысла и пустота без потенциальности развития, пустота как гнездо изнанки жизни. В пустоте зарождается и существует иная, «изнаночная» жизнь, связанная с вандализмом, но также побуждающая к появлению новой, пусть и протестной, пусть и хаотичной, цветности – реализации таких видов искусства, как граффити, стенсил-арт, стрит-арт. В северных заброшенных поселках такая «изнаночная» жизнь не зарождается – слишком суровы климатические условия, чтобы здесь могли жить и творить свою контркультуру маргиналы. Как результат – отсутствие новых цветowych меток на стенах заброшенных домов.

Дихотомия красоты и безобразия лежит в основе любой жизни и служит маркерами ее внутренних качеств. Русский философ Н.О. Лосский писал: «В основе всех процессов в конечном итоге лежит инстинктивное или даже иногда сознательное стремление к абсолютной полноте жизни. Отсюда следует, что на всех ступенях природы существует красота или безобразие, потому что красота есть чувственное воплощение положительных, а безобразие есть чувственное воплощение отрицательных черт душевности или духовности» [3, с. 220–221]. Он утверждал, что природа прекрасна в любых состояниях, следовательно, безобразие – удел части очеловеченных ландшафтов, прямое следствие духовной и душевной недостаточности общества.

Конечно, коричневый и серый могут иметь благородные оттенки и использоваться в том числе и в дизайне элитных жилых кварталов. Серые и серебристые цвета присущи высотным ансамблям, сделанным в стиле хай-тек. «Использование стекла и нержавеющей стали было призвано подчеркнуть современный характер этого места, но также смягчило внешний вид этих высотных зданий благодаря отражающим свойствам этих материалов. Большие стеклянные пластины работают как зеркала, дублируя внешнюю среду, меняя цвет в зависимости от погоды. Панели из тонированного стекла и аскетичные стальные орнаменты используются для придания большей зернистости и текстуры монолитным фасадам. Дневной свет окрашивает стальные детали в контраст с обшивкой здания» [15].

Сельский ландшафт и ландшафт малых поселений обычно вписывается в природную палитру – либо гармонирует с ней, либо противостоит.

При восприятии природного ландшафта определенные цветовые характеристики пейзажа привлекают наибольшее внимание. Согласно исследованиям трекинга глаз, «пурпурно-зеленая вариация является важным фактором в горных ландшафтах, желто-голубое цветовое поле является важным фактором в водных ландшафтах, сложность является важным фактором в открытых ландшафтах, и изменение оттенков является важным фактором в лесных ландшафтах» [9, с. 12].

Как показывают исследования, разные варианты цвета листвы (зелено-белые, зелено-желтые) вызывали чувства «комфорта», «расслабления», «естественности», «красоты» и «жизнерадостности» по сравнению с другими цветами [10].

Здесь коричневый может иметь смысловые характеристики «природности», «натуральности», экологичности, «подлинности» (в духовном смысле). «В естественной среде есть стволы и ветви деревьев, вспаханные земли, время года, осень, когда зеленые листья, проходя через красные, оранжевые, желтые варианты, становятся коричневыми, прежде чем упасть на землю». При этом физики утверждают, что «коричневый цвет не относится к электромагнитному спектру и что коричневого света не существует. Мы воспринимаем коричневый исключительно как “цвет объекта”, например, когда наш глаз стимулируется светом, рассеянно отраженным окрашенной в коричневый цвет поверхностью, освещаемой источником, работающим в широком спектральном диапазоне. <...> Коричневый – это темно-оранжевый (или также темно-желтый), то есть он подразумевает относительно низкую яркость» [12].

Жилые дома, построенные из неокрашенного дерева, чаще всего имеют либо серый, либо коричневый цвет, который в природном ландшафте воспринимается гармонично. Это может стать основой нового имиджевого тренда. Например, д. Кимжа Архангельской области, где сохранились жилые дома из неокрашенного дерева, в 2016 г. присоединилась к ассоциации «Самые красивые деревни России» (ил. 5).

Изначально светло-коричневый цвет дерева (особенно, если используется осина) на Сервере и на высокогорье становится серебристым под действием природных факторов, и строения выглядят будто покрытые серебром (благородный серый) (ил. 6). Серый цвет в ландшафтах Русского Севера становится ненулевым знаком, поскольку связан с культовыми сооружениями, являющимися смысловым средоточием знаковой системы. Этот цвет также становится индексальным знаком, маркирующим сельские северные ландшафты и их духовную составляющую – храм как центральный локус обитаемого пространства.

Церкви Русского Севера не всегда были серебристыми или коричневыми. В XIX в., согласно общей моде, некоторые из них были окрашены в разные цвета – белый, зеленый и пр. Элементы декора окрашивались в дополнительные цвета. Но со временем краска сошла и изначальный цвет необработанного дерева снова стал доминирующим и маркирующим именно региональные культурные особенности на современных фотографиях.

Культовые строения, преимущественно белокаменные (или оштукатуренные и побеленные), остаются приоритетом крупных монастырей и городских поселений (ил. 7). Здесь включается символическая природа цвета: белый цвет воспринимается как конвенциональный знак, связанный с философией христианства, символизирующий собой духовную чистоту и собственно Святой Дух (символ его – голубь с белым оперением).

Хромодинамика в ландшафте. Значимые цветовые фокусы разнятся по степени своей *временной закреплённости в ландшафте*, формируя «подвижное цветопространственное поле» [2, с. 225].

Периодические цвета имеют разные временные периоды проявления и/или доминирования в культурном ландшафте, обусловленную причинами как физико-географическими (географическая широта, сезонность), так и культурными, политическими, идеологическими (праздники, выборы и т.п.).

Ежедневная периодичность – свет рассветного, полуденного или закатного солнца, рассеянный свет облачного неба. Тень в ландшафте имеет важное значение в рамках «естественной семиотики» – благодаря теням объекты воспринимаются трехмерными, хотя картинка, отражаемая на глазном дне, не имеет объема. Тьма ночи – это также отсутствие света. «Ночная тьма сама по себе является лишь большой тенью, своего рода регулярной тенью, создаваемой землей» [7, с. 186].

В городах «ночные пространства могут быть заново преобразены с помощью искусственного освещения. Как циклическое движение в регулярных ритмах или с другой длительностью, цветной свет может использоваться для дополнения внешнего вида цветных конструктивных материалов или манипулирования ими» [7, с. 182]. Управление искусственным светом – уличное освещение, подсвечивание зданий прожекторами и украшение неонам. Подсвечиваются в основном самые значимые здания и памятники в городе. Неон – более дешевое и более «игрушечное» освещение, используемое частными фирмами для привлечения клиентов, создания узнаваемого облика. Рекламные экраны, постоянно меняющие цвет и содержание, становятся не только ночными, но и дневными фокусами цвета и света, при этом не являясь смысловыми узлами ландшафта города.

В циркумполярных широтах ночное освещение имеет особый смысл, поскольку становится заместителем солнечного света в период полярной ночи или минимально короткого светового дня. Интересно, что в Яндекс-картинках по запросу Мурманск или Архангельск две трети появившихся изображений – ночные виды центральных районов городов, сверкающих и отражающихся в водной глади. Вода играет роль удвоения света и цвета, и происходит диалог с небом, подсвеченным северным сиянием (ил. 8). Эти небесные огни в сочетании с искусственной подсветкой становятся брендами северных городов.

Сезонная периодичность. В высоких широтах ночь становится не ежедневной, а сезонной реальностью, приучая людей жить в темноте, довольствуясь искусственным освещением. Для того чтобы жить в условиях полярной ночи, человеку нужна особая философия и приспособляемость, о которой пишут исследователи [8].

В умеренном и субарктическом климате существует два главных цветовых сезона: «хроматический (весна, лето и осень), когда фоном цветовой картины служат зеленые насаждения; ахроматический (зима), когда основную цветовую палитру определяет черно-бело-серая гамма» [4, с. 195]. Для представителей народов Севера белый цвет не является однозначным. Здесь также имеет место естественный язык оттенков снега. По оттенку возможно отличить свежий снег от слежавшегося, наст от фирна и т.п. и соответственно изменить маршрут.

Периодичность событий и праздников. Свою периодичность, обусловленную культурой, имеют знамена, флажки, транспаранты. Эти цветовые пятна наиболее символичны, т.к. связаны с идеологией, религией, религиозными или политическими праздниками (ил. 9).

Сюда можно отнести полихромность и красочность торговых брендов, которая в определенных городских локациях (торговых улицах) воспринимается как идентичность места. В северных широтах важны также корпоративные цвета компаний, используемые в однотипных вагончиках рабочих поселков и форменной одежде.

Заключение. О том, что цвет в культуре – это определенный язык, уже довольно много сказано в разных исследованиях, это показывает данный обзор и сделанные на его основе аналитические выводы.

Осознанное использование цвета в культурном ландшафте, согласно культурному коду и психологии визуального восприятия, *ведет к созданию сообщения или текста* в его широком культурологическом понимании. Культурный ландшафт в принципе можно интерпретировать как текст благодаря множественным смыслам, связанным с его элементами.

Соответственно, цвета в культурном ландшафте, от природных до рукотворных, имеют свои значения, не всегда четко выраженные, но влияющие на эмоциональное восприятие, на подспудное считывание

смыслов, и помогают ориентироваться в этом «цвето-смысловом» пространстве.

Северные реалии – некий особый цветовой язык и текст, обусловленный природными особенностями, цветовой гаммой растительности в сочетании с цветом неба, озер и моря, спецификой конструкционных материалов, освещением, используемым в период полярной ночи.

Список литературы

1. *Грибер Ю.А.* Теория цветового проектирования городского пространства. М., 2018.
2. *Ефимов А.В.* Колористика города. М., 1990.
3. *Лосский Н.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., 1998. С. 220–221.
4. *Михалчева С.Г.* Колористические взаимосвязи архитектурной и природной среды жилого комплекса // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2018. № 5 (18). С. 194–200.
5. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М., 2015.
6. *Чертов Л.Ф.* Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М., 2014.
7. *Cler M.* Colour appearance in urban chromatic studies // New Directions in Colour Studies. Amsterdam; New York, 2011. P. 181–189.
8. Darkness. The Dynamics of Darkness in the North / D. Chartier, K.A. Lund, G. Th. Jyhannesson (eds.). Montréal; Reykjavik, 2022.
9. *Huang A. S.-H., Lin Y.-J.* The effect of landscape color, complexity and preference on viewing behaviour // Landscape Research. 2020. Vol. 45, issue 2. P. 214–227. DOI: 10.1080/01426397.2019.1593336.
10. *Kexiu L., Elsadek M., Liu B., Fujii E.* Foliage colors improve relaxation and emotional status of university students from different countries // Heliyon. 2021. Jan 31. Vol. 7 (1). e06131. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e06131.
11. *Klaren U., Arnkil H., Fridell A.K.* Colour and Light in Design – Levels of Experiencing Colour and Light // DRS/ CUMULUS. The 2nd International Conference for Design Education Researchers. Oslo, 2013. P. 743–752.
12. *Ronchi L.* About the ubiquitous but academically neglected color named brown // Colore. Quaderni di Cultura e Progetto del Colore. 2010. Vol. 68. P. 9–20.
13. *Sánchez-Maracyn M., Melgosa M.* Significance of Light, Sample and Observer in Determining Soil Colors // Soil Science Society of America Journal. 2011. No. 75. P. 984–993.
14. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia. A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York, 1990.
15. *Zimnicka A., Balanicka E., Kroll A.* Evolution in Approach to Colour in Tall Buildings' Architecture on the Isle of Dogs, London, UK // Arts. 2022. Vol. 11 (1). P. 9. <https://doi.org/10.3390/arts11010009>.

Эволюция исторического культурного ландшафта русской деревни в лесной зоне

Трапезникова Ольга Николаевна — доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт геоэкологии Российской академии наук; ontolga@gmail.com

Возникновение исторического культурного ландшафта русской деревни в лесной зоне Восточно-Европейской равнины связано со славянским аграрным освоением территории, начавшимся во второй половине 1-го тыс. н.э. В процессе освоения менялись ареал распространения и особенности организации сельского культурного ландшафта. В настоящее время мы имеем дело с обратным процессом — с исчезновением культурного ландшафта, в лучшем случае с его консервацией и трансформацией. Цель исследования — анализ эволюции сельского культурного ландшафта, роли природных и антропогенных факторов в этом процессе.

Ключевые слова: аграрное освоение, подсечно-огневое земледелие, пашенное земледелие, система сельского расселения, ландшафтно-хозяйственный комплекс, землевладение, землепользование.

Концепция культурного ландшафта находится в центре большого пула междисциплинарных исследований, удачно объединяя исторические, экономические и этнографические исследования, с одной стороны, и геоэкологические, ландшафтные, физико-географические — с другой. Если же рассматривать вопрос с позиции географической науки, то эта концепция, пришедшая к нам главным образом из зарубежной географии, оказалась очень востребована на отечественной почве, т.к. примирила наших географических физиков и лириков — эконом-географов и физико-географов, ломавших копыя всю вторую половину прошедшего века по вопросам единства географии и предмета ее изучения.

Большинство исследователей включает в культурный ландшафт ландшафтно-хозяйственный комплекс и нематериальную составляющую [7, 9]. Признавая огромную роль последней в формировании и осмыслении окружающей человека среды, в нашем исследовании мы ограничимся лишь материальной составляющей культурного ландшафта, не выходя за естественно-научные рамки. При этом, однако, нельзя не учитывать социально-экономические аспекты развития культурного ландшафта, большое разнообразие стратегических выборов управления

ландшафтно-хозяйственным комплексом в зависимости от особенностей землевладельцев и землепользователей, от их взаимоотношений.

В рамках анализа сельского культурного ландшафта проявляется существенная особенность его организации – структура и инфраструктура. В центре элементарного земледельческого культурного ландшафта находится поселение (иногда куст поселений) земледельцев. Поселение представляет собой центр управления, при этом важно отметить, что оно привязано к управляемым экосистемам не только в функциональном, но и в пространственном отношении. Это естественно, поскольку близость к угодьям, сельскохозяйственным в первую очередь, сокращает трудозатраты на их обработку. Инфраструктура, в частности дорожная сеть, также связана с минимизацией трудозатрат на получение и сбыт продукции. С этих позиций главное в культурном ландшафте – то, что он объединяет вмещающий ландшафт (environment) и социально-экономическую деятельность населения. Вот почему исторический культурный ландшафт русской деревни в лесной зоне определяется взаимоотношением между деятельностью ее жителей (от культурных и религиозных традиций до сельского хозяйства, охоты, рыболовства, лесного хозяйства и т.п.) и характеристиками природных ландшафтов, в котором эти люди существуют. Действительно, особенностью культурного ландшафта, который формировался славянскими племенами в лесной зоне Восточно-Европейской равнины было то, что с одной стороны он был аграрным, т.к. основным занятием славян было земледелие, а с другой – земледелие это было сильно ограничено суровыми климатическими условиями региона и недостаточным плодородием почв, так что выживание требовало широкого использования дополнительных ресурсов, включая лесные (древесина, корм для скота, охота, ягоды, грибы и др.) и водные (в основном рыба, но также и более редкие виды ресурсов, такие как водоросли в качестве корма скоту, речной жемчуг) угодья.

Итак, широкое расселение славянского населения в лесной зоне Восточно-Европейской равнины началось еще в конце 1-го тыс. н.э. в западной его части. Можно предположить, что первые славянские племена, проникшие на эту территорию, занимались подсечно-огневым земледелием, что определило сформированный ими культурный ландшафт и систему расселения.

Технология подсечно-огневого земледелия основывается на мобилизации питательных веществ почвы под воздействием обжига, увеличении минерального питания за счет золы, получаемой от сожженной древесины и восстановления почвенного плодородия в результате длительного срока отдыха участка земли, когда он зарастает естественной растительностью. Основным элементом подсечно-огневой агрогеосистемы является подсека, т.е. участок земли, расчищенный от леса, как

правило, удобренный золой от сожженной древесины и способный давать очень большой урожай в течение 1–3 лет на песчаных почвах и до 5–8 лет – на суглинистых. После этого участок приходилось забрасывать. Таким образом, агрогеосистема фактически включала в себя, кроме собственно сельскохозяйственных угодий, очень значительный объем резервных земель с той или иной степенью восстановления природного биоценоза. Система расселения в этом случае характеризовалась относительно редко расположенными крупными поселениями. Этому описанию соответствует псковско-новгородская культура длинных курганов, относительно крупные поселения которой располагались по большей части на участках, занятых сейчас сосновыми лесами, где материнские породы представлены песками и легкими супесями [5, 12]. Такие ландшафты (преимущественно флювиогляциальные равнины и долинные зандры) мало пригодны для постоянной пашни, но они представляются едва ли не самыми лучшими для кратковременной подсеки. Кроме того, данная система расселения привязана не к конкретным сельскохозяйственным выделам, а к ландшафту в целом, причем с учетом близости рыболовно-охотничьих ресурсов, транспортных артерий и т.п.

Вопрос о времени и характере перехода от подсечно-огневого к пашенному земледелию носит принципиальный для нас характер, т.к. эти два вида сельскохозяйственных технологий формируют различные системы расселения и типы культурного ландшафта. Кренке и соавт.¹ [8], А.Л. Александровский и соавт. [2] относят начало пашенного земледелия к очень раннему периоду, связывая его с дославянской дьяковской культурой. С ними категорически не согласны В.Я. Конечский и К.Г. Самойлов [6], подчеркивающие, что в истории лесной зоны Восточно-Европейской равнины до сих пор не известно ни одного факта, достоверно свидетельствующего о наличии в этот период пахотных орудий. Письменных свидетельств перехода от подсечно-огневого земледелия к пашенному не обнаружено.

Промежуточным этапом перехода к пашенному земледелию с постоянной пашней мог быть перелог, т.е. система земледелия, при которой поле забрасывается на несколько лет для восстановления плодородия. Такая система могла практиковаться в тот период, когда не было регулярного удобрения постоянной пашни навозом. По-видимому, на разных территориях переход к пашенному земледелию с постоянной пашней происходил в разное время, зачастую без смены населения

¹ Кренке Н.А., Марченко Н.А., Низовцев В.А., Чернов С.З. Комплексные ландшафтные, почвенные и археологические исследования для разработки концепции Дунинского историко-ландшафтного археологического и историко-мемориального заповедника (РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева) в 2006 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1.2.

[16]. При этом и подсека в той или иной степени существовала наряду с постоянной пашней вплоть до XX в.

В качестве примера такого перехода можно рассмотреть упомянутую выше культуру длинных курганов (подсечно-огневое земледелие), где после ее ассимиляции культурой сопок (ильменские славяне, пашенное земледелие) в первые века 2-го тыс. н.э. зафиксирован процесс расселения больших патриархальных семей (родов) с появлением множества мелких поселений, не превышающих 1–3 домов [12]. Кроме того, согласно этим археологическим исследованиям, увеличилась средняя продолжительность существования поселений на одном месте, что также может свидетельствовать о наличии постоянной пашни.

Земледелие и животноводство составляют вкуче основу пашенного земледелия. Оно обладает конкретной и жестко обусловленной структурой и ориентируется на иные типы ландшафта нежели подсечно-огневое земледелие. Пашенное земледелие отличается от мотыжно-подсечно-огневого следующими признаками:

- наличием пахотных орудий (соха, плуг и т.п.);
- использованием тягловой силы скота;
- наличием постоянной пашни в качестве основного источника сельскохозяйственной продукции;
- определенной системой севооборота на постоянной пашне, предусматривающей кратковременный (сезонный) период восстановления ее плодородия.

Процесс аграрного освоения лесной зоны показывают основанные на данных археологических исследований реконструкции систем сельского расселения, выполненные как историками, так и археологами [3, 12]. В частности, фиксируется смена систем расселения в первые века 2-го тыс., когда сокращается средний размер поселения и одновременно увеличивается их число, что рассматривается как результат перехода на пашенное земледелие. При этом отдельные поселения продолжают сохранять большую населенность, но, во-первых, они, как правило, имеют дополнительные функции помимо сельскохозяйственного производства, такие как места торгова, сбора дани и т.п., а во-вторых, являются центрами притяжения многочисленных мелких поселений, окружающих их. На этом этапе «элементарные» культурные ландшафты, объединяются в гнезда, формируя культурные ландшафты более высокого ранга.

Татаро-монгольское нашествие вызвало не только разорение на Руси, но и стало толчком и одной из причин нового этапа аграрной колонизации. В результате нашествия и последовавшего за ним экономического спада было утрачено не менее половины поселений. Новая малодворная сеть поселений, достигшая своего рассвета в XV–XVI вв., развивалась не столько на месте исчезнувших поселений, сколько осваивала новые территории, в том числе северные [16]. Другой причиной

продвижения русских все дальше на север была пушная торговля. Она и прежде играла большую роль в экономике Великого Новгорода и была основой хозяйства Белозерских и Кубенских поселений [10]. Такое интенсивно-экстенсивное развитие, при котором широкое внедрение пашенного земледелия сопровождалось освоением новых регионов, продолжалось до середины – конца XVI в. В результате были полностью освоены Новгородские земли (за исключением Заонежских), Тверские, Московские (Клинско-Дмитровская гряда) и ополья: Рязанское, Касимовское, Владимирское и др. Значительно освоены земли северо-запада (Каргополье) и северо-востока (Пермь), Кубено-Заозерский край. К началу XVI в. большинство удобных для поселений земель уже было занято [3], причем это касается даже периферийных регионов, например окрестностей Устюжны, входившей в состав Угличского княжества [11].

Интенсивная внутренняя колонизация сопровождалась важными социальными изменениями. На первом этапе произошло окняжение и обояривание земель, возникло и широко распространилось церковное землевладение. При этом произошел постепенный перевод крестьян-собственников в положение государственных крестьян и признание государственными крестьянских земель, ранее свободных от феодальной иерархии земельных прав [13]. После объединения земель под эгидой Московского княжества резко возросла роль государства. Одновременно вотчинная система стала вытесняться поместной с широким распространением крепостной зависимости.

Результатом этого периода стало формирование особого типа культурного ландшафта по всей лесной зоне Восточно-Европейской равнины, который можно считать историческим культурным ландшафтом русской деревни.

XVI в. можно рассматривать как своего рода водораздел между временем более или менее свободного аграрного освоения лесной зоны Восточно-Европейской равнины и периодом, когда свободное расселение и освоение сменилось аграрным развитием под контролем государства, что более всего выразилось в формировании крепостной системы для крестьян и поместной для служилых людей.

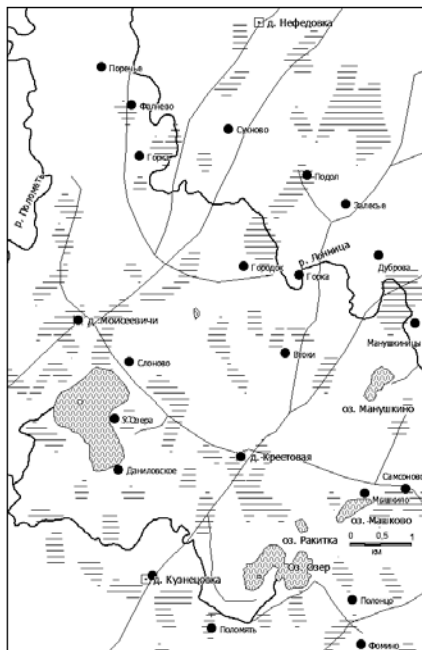
Что представлял собой с географической точки зрения этот культурный ландшафт, распространившийся на такой большой территории? В его основе лежит одно кажущееся противоречие. Так, и российские, и зарубежные историки, причем независимо друг от друга, отмечают удивительную однородность сельского хозяйства лесной зоны Европы в Средние века. Как подчеркивается в «Аграрной истории Северо-Запада России», «по состоянию земледелия Северо-Западная (и, вероятно, Северо-Восточная) Россия XV в. не отличалась сколько-нибудь существенно от других, расположенных в нечерноземной полосе Восточной и Центральной Европы, стран. То же господство трехполья в

сочетании с огневым земледелием (играющим второстепенную роль и сохранившимся не повсеместно). Схожий набор культур. Схожие орудия труда. Наконец, та же неустойчивость и скачкообразность урожая и тот же их уровень» [1, с. 372]. Согласно источникам, средние урожаи основных хлебов держались еще в конце XV в. во Франции на уровне сам-4,3. А в Германии, Скандинавии, Чехии, Польше, Литве, Латвии и Эстонии они составляли в XVI в. сам-4,2—сам-4,1 [17], что не отличается от урожайности зерновых культур Русского Севера. Эта однородность, казалось бы, входит в очевидное противоречие с тем, что огромная по площади территория лесной зоны Европы естественно характеризуется большим разнообразием как климатических, так и других природных условий. Однако объяснение этого феномена заключается в том, что пашенное земледелие в регионе уже существовало на грани своей рентабельности, где природные факторы жестко лимитировали систему земледелия, включая культуры и их урожайность, так что более высокие показатели урожайности, иные культуры и т.п. были практически невозможны, а при более низкой урожайности вложенные затраты не окупались. Возникает правомерный вопрос, каким же образом достигалась такая однородность сельского хозяйства в течение достаточно длительного периода на столь огромной и довольно разнородной территории? Ответ, который позволяет сделать проведенный нами анализ [14], заключается в следующем: отмеченная многими исследователями однородность сельского хозяйства лесной зоны достигалась крайней избирательностью угодий, которые оно использовало. Вследствие этого, особенностью аграрного развития лесной зоны Восточно-Европейской равнины является тот факт, что каждый исторически сложившийся тип агроландшафта отличается от других не набором сельскохозяйственных культур, агроэкосистем и агротехнологий, а главным образом пространственной организацией и ландшафтной локализацией. Именно в этом проявлялась весь период пашенного земледелия лимитирующая и дифференцирующая роль природных факторов. Именно поэтому многие из крупных исторических культурных ландшафтов, представляющих собой аграрные регионы с многочисленными тесно связанными между собой преимущественно мелкими деревнями, получили собственные названия, такие как поречья (сельские культурные ландшафты, сформировавшиеся в долинах рек), ополя (наиболее плодородные территории в лесной зоне, почти полностью распаханые), поозерья (сельскохозяйственные регионы, сформировавшиеся в котловинах, оставшихся от сильно сократившихся в размерах ледниковых озер, на плодородных озерных отложениях) и др.

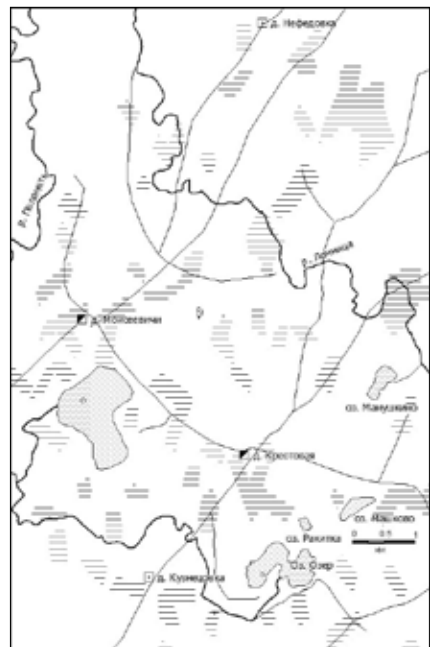
Следующим этапом эволюции культурного ландшафта лесной зоны стал период Смуты в начале XVII в., когда само существование русского государства находилось под угрозой. После Смуты в стране про-

изошли большие перемены. Коснулись они и сельского культурного ландшафта. Самое главное, произошла существенная трансформация системы землевладения, землепользования и расселения. Во время Смуты в наиболее пострадавших от нее регионах, таких как западная (Новгородские пятины) и центральная (Московско-Владимирская земля) части лесной зоны, произошло исчезновение до 90 % деревень. Большинство из них уже не восстановилось. При этом совсем новых деревень также появилось очень немного. Сохранившиеся деревни пополнились пришлыми крестьянами из разоренных селений и существенно увеличились в размерах. В результате произошла смена системы расселения с малодворной на многодворную в наиболее освоенных и густонаселенных районах лесной зоны России.

Одновременно возникло большое количество так называемых пустошей, т.е. заброшенных пахотных земель на месте бывших поселений (на рисунке штриховкой показаны поля, большая часть которых превратилась в пустоши вследствие изменения поселенческой структуры).

а

б

Изменение поселенческой структуры Новгородских земель после Смуты:
 а) 1500 г. (по Историческому атласу Деревской пятины Новгородской земли [15]); б) 1778 г. (по Плану Генерального межевания)

Часть из этих пустошей, наиболее удаленных, была заброшена окончательно, другие обрабатывались «наездом», поскольку близлежащей пашни стало не хватать на возросшее число жителей. Крестьяне оказались обречены на постоянную нехватку близко расположенной и доступной для регулярного удобрения плодородной земли. Надел каждого крестьянина в большой деревне-общине состоял из отдельных участков как близкой, так и удаленной пашни, с «хорошей» и «плохой» землей. Так возникла чересполосица и, следовательно, принудительный, обязательный для всех членов общины севооборот. К тому же от поколения к поколению ситуация с количеством людей в каждом дворе менялась, из-за чего были необходимы переделы земли.

В результате, одно только изменение системы расселения с мелко-селенной (малодворной) на крупноселенную (многодворную) неминуемо оборачивается лишением крестьянской семьи права распоряжаться своей наделной землей и переходом к общинному землевладению и землепользованию (см. таблицу).

Влияние трансформации системы расселения на сельскохозяйственное использование земель

Параметр	Малодворная	Многодворная
Тип общины	Родовая или соседская	Соседская большая
Тип распоряжения землей	Общинное или семейное землеуправление	Общинное землеуправление
Тип землепользования	Семейное	Общинное
Система землепользования	Переделов нет, земля – семейное достояние	Переделы земли, общий принудительный севооборот

Все эти факторы приводили к минимизации обработки земель крестьянами и, как следствие, к падению эффективности сельского хозяйства. Кроме того, общинное землепользование препятствовало проявлению личной инициативы в освоении новых сельскохозяйственных технологий из-за необходимости поддерживать общий севооборот, исключающий индивидуальные особенности. Характерно, что там, где не произошло смены системы расселения и ограничения свободного расселения крестьян, на севере лесной зоны и в Приуралье, проблемы с падением эффективности сельского хозяйства были менее выражены и проявлялись значительно позднее. Они обострились лишь после отмены крепостного права с введением общинного землевладения.

Больше того, углубление кризиса к концу XIX в. привело к парадоксальной ситуации, когда максимальная урожайность зерновых в лесной зоне наблюдалась в северных Олонецкой и Архангельской губерниях,

в то время как наименьшей она была в южных Калужской, Владимирской и Нижегородской губерниях [4].

Возник своеобразный замкнутый круг:

– увеличение населения при неизменной системе расселения приводило к тому, что выборочная распашка наиболее плодородных угодий сменялась сплошной распашкой близлежащей территории (за исключением болот и других неудобий), а это само по себе снижало среднюю урожайность;

– в результате увеличения пахотных земель сокращалась площадь кормовых угодий и соответственно количество скота;

– сократившееся количество удобрения (навоза) надо было вывозить на большую площадь, следовательно, дальние поля испытывали значительный недостаток удобрения, что еще больше снижало среднюю урожайность;

– снижение урожайности требовало увеличения распашки и интерпретировалось как нехватка пахотной земли;

– увеличение распашки при неизменности системы расселения и земледелия приводило к еще большему падению урожайности.

Почему этот процесс затронул в большей степени южную часть лесной зоны, более пригодную для земледелия? Этот парадокс объясняется действием правила природного ограничителя: *чем жестче природные факторы ограничивают возможности сельскохозяйственного использования территории, тем выше вероятность того, что пространственная организация ландшафтно-хозяйственного комплекса (агрландшафта) сохранится при изменении социально-экономических условий.*

В XX столетии произошла принципиальная смена типа сельского хозяйства в России – экстенсивного натурального хозяйства на товарное, ориентированное главным образом на животноводство. Однако эта смена сопровождалась целым рядом неблагоприятных последствий, в том числе нарушением внутренней организации культурного ландшафта. В то же время в этот период политика властей вплоть до 1990-х гг. была направлена на поддержание высокого уровня аграрной освоенности региона, часто вопреки задачам повышения эффективности сельского хозяйства. Вследствие искусственного поддержания и неэффективного использования значительных территорий после смены политики в конце XX в. произошло резкое, практически катастрофическое сокращение площади культурного ландшафта региона начиная от пахотных угодий и заканчивая поселенческой сетью.

Эволюция культурного ландшафта происходит под воздействием не столько природных, сколько социо-экономических факторов. Так, аграрное освоение лесной зоны Восточно-Европейской равнины было следствием череды исторических процессов, сначала Великого переселения народов, затем татаро-монгольского нашествия, Смуты, отмены

крепостного права, сопровождавшегося повсеместным внедрением общинного землевладения и далее вплоть до отказа от социалистического пути развития, колхозов и совхозов.

В организации и эволюции культурного ландшафта лесной зоны природные факторы играют роль лимитирующих. Это означает, что для агросистем они являются ограничителем как пространственным (даже в пределе своего роста сельскохозяйственные угодья занимают только те природные урочища, которые возможно и экономически оправданно использовать на данном этапе развития аграрных технологий, транспорта и т.д.), так и сущностным, лимитирующим возможные типы агроэкосистем (также при заданном уровне развития). При этом, с одной стороны, сложные агроприродные условия территории исторически определяли относительную однородность сельского хозяйства по агротехнологиям, набору сельскохозяйственных орудий, выращиваемых культур и их урожайности, достигавшейся за счет крайней избирательности природных комплексов, которые использовались как сельскохозяйственные угодья. С другой стороны, чем менее жесткие ограничения для ведения сельского хозяйства накладывали природные условия, тем сильнее сказывались на эволюции исторического культурного ландшафта и присущей ему системы сельского расселения социально-экономические условия, что привело к его значительно большей сохранности в северных регионах лесной зоны по сравнению с центральными и южными.

Список литературы

1. Аграрная история Северо-Запада России. XVI век. Общие итоги развития Северо-запада. Л., 1978.
2. Александровский А.Л., Кренке Н.А., Александровская Е.И., Долгих А.В. Ранняя история почв и ландшафтов древнейших русских городов // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 2. С. 91–103.
3. Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
4. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М., 2004.
5. Конецкий В.Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху Средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 3–19.
6. Конецкий В.Я., Самойлов К.Г. К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Археологические вестн. СПб., 2000. № 7. С. 320–328.
7. Косенков Г.Л., Колбовский Е.Ю. Периодизация и реконструкция истории освоения территории национального парка Смоленское Поозерье для целей типологии культурного ландшафта // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 3, № 4. С. 232–238.

-
-
8. *Кренке Н.А., Александровский А.Л., Лазукин А.В., Спиридонова Е.А.* Земледельцы и скотоводы бронзового и железного веков на берегах Москвы-реки: новые открытия // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 3 (64). С. 147–158.
 9. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.
 10. *Макаров Н.А.* Археологическое изучение Северо-Восточной Руси: колонизация и культурные традиции // Вестник РАН. 2009. Вып. 12. С. 1068–1079.
 11. *Пугач И.В.* Сельское население Устюженского края в первой трети XVII в. // Сельское расселение на Европейском Севере. Вологда, 1993. С. 22–43.
 12. *Седов В.В.* Сельские поселения Смоленской земли VIII–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 92. С. 126.
 13. *Тесля А.А.* История законодательства о праве поземельной собственности в России с IX по начало XX века: учебное пособие. М., 2004.
 14. *Трапезникова О.Н.* Геоэкологическая концепция агроландшафта // Известия РГО. 2014. Вып. 1. С. 56–68.
 15. *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов): в 3 т. Т. 1. М.; СПб., 2008.
 16. *Чернов С.З.* Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI вв. как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
 17. *Slicher van Bath B. H.* Yield ratios, 810–1820. Wageningen, 1963. (A. A. Y. Bijdragen 10.)

Крестьянская архитектура в таежной среде Европейской России

Шургин Игорь Николаевич – архитектор-реставратор первой категории, член секции деревянной архитектуры и музеев деревянного зодчества Федерального научно-методического совета по культурному наследию при Минкультуры России; inshur45@yandex.ru

В наши дни сельскохозяйственные занятия населения таежного севера Европейской России сходят на нет. В сложившихся условиях последним признаком непрерывной многовековой деятельности человека в подобных местах остается сельская, в том числе и «лесная» архитектура – традиционные постройки охотников-промысловиков и сенокосные деревни. Лесные строения помогают современному человеку понять, как его предки много сотен лет жили в окружении суровой тайги.

Ключевые слова: охотничья избушка, лесной лабаз, амбар, дверь на «пяте», волоковое окно, нодья, слопец, охотничий шалаш.

Большая часть России покрыта тайгой – непроходимым прежде северным лесом. Как только место ледника на Земле заняли таежные дебри, там появились люди. Тайга удовлетворяла все жизненные потребности первобытного человека. В таежной чаще первопоселенцы находили себе пищу: мясо диких животных, рыбу из лесных речек и озер, грибы, ягоды и различные съедобные растения. С древнейших времен люди одевались в звериные шкуры и мех. В качестве строительного и поделочного материала дерево без преувеличения всецело служило обустройству быта таежных насельников. Их жилище и другие постройки, домашняя утварь, орудия труда, хозяйственные приспособления были деревянными.

Шло время. На таежной земле одни племена и народы сменялись другими. К концу 1-го тыс. н. э. европейскую тайгу в границах нынешней России на северо-западе населяли племена лопарей (саамов), веси (вепсов), карел. На северо-восток от них, в Предуралье жили пермяне (коми-зыряне и коми-пермяки), лесная самоядь (лесные ненцы) и другие народности.

На рубеже 1-го и 2-го тыс. н. э. рядом с таежными аборигенами появились славяне Древней Руси. Первыми были новгородцы. Они осваивали таежные земли с северо-запада. Навстречу им продвигались, заселяя северо-восточную часть таежной территории, выходцы

из Ростово-Суздальского, а затем Московского княжеств. Постепенно славяне либо вытеснили аборигенов (лопарей) на север, ближе к тундре, либо часть их (весь) ассимилировала. Пришельцы – славяне – представляли разные социальные группы населения Древней Руси. Среди них были боярские слуги, в частности новгородские ушкуйники, монахи, наконец, крестьяне. Они принесли на Север новую религию (православие), новые виды хозяйства (пашенное земледелие, домашнее животноводство), новые виды ремесла (плотничество, судостроение и др.).

С появлением земледелия насельники тайги стали делать себе одежду не только из звериных шкур и меха, но и из тканей, для изготовления которых научились использовать лен. С древности и до конца прошлого столетия небесная голубизна полей цветущего льна живописно выделялась среди других злаков на фоне древесной зелени.

Тайга не утратила свое господствующее значение в жизни северян даже в XX столетии. В этом убеждала, например, панорама окрестностей Ульяновского монастыря близ р. Вычегды в Коми, открывавшаяся с высоты полуразрушенной монастырской колокольни в середине 1970-х гг. Насколько хватало глаз, нигде не было видно никаких следов присутствия человека – только зеленая пустыня со всех сторон до самого горизонта.

В северной тайге условия существования оставались почти неизменными много столетий, и в деятельности людей сохранялись особенности, исчезнувшие там, где не было сплошного леса. До начала XX в. кое-где можно было встретить архаичную форму земледелия – подсеку с перелогом [3, с. 5, 29–32, 61–62; 6, с. 108]. Как и в далекой древности, крестьяне, нуждавшиеся в пахотной земле, выжигали под пашню участки таежного леса и сеяли хлеб на удобренной золой почве. Ежегодные посевы быстро истощали лесную пашню. Спустя несколько лет хозяева-земледельцы или оставляли эту землю «отдыхать» и расчищали новый участок, или должны были старую пашню удобрять навозом домашнего скота. Расчищать в тайге новый участок – «новину» – было физически очень тяжело и трудоемко, поэтому крестьянам приходилось постоянно удобрять «лешую пашенку», как они называли эту землю.

В окруженных тайгой крестьянских хозяйствах наряду с земледелием важную роль продолжала играть охота и другие лесные промыслы. Приемы промысловой охоты веками почти не изменялись [9, с. 10–14]. Охотничьи угодья в таежных дебрях передавались по наследству, как пахотные или сенокосные земли. Их тоже можно было купить или продать. Наиболее прибыльной была охота на пушного зверя и дичь. Для их добычи служили не только ружья, но и, как в древности, силки, ловушки, капканы и другие снасти из веток, жердей, плах (ил. 1).

«Путик» – маршрут, по которому велся промысел многими поколениями охотников, обычно находился далеко от их родной деревни и мог составлять сотни километров. В конце XIX в., например, коми охотники с верховьев Вычегды ходили на Урал. Промысловый сезон начинался осенью и продолжался до весны. Почти все это время охотник оставался в лесу, навещаясь домой только на большие праздники [5, с. 47–48].

В период многодневного промысла временным пристанищем охотнику служили шалаши различного устройства – по существу древнейшие первобытные строения [5, с. 46–49]. Среди них самыми основательными, по-видимому, были сооружения с тремя вертикальными стенами под односкатной крышей – неподвижное, хотя и временное жилище. До начала прошлого столетия оно продолжало служить, например коми охотникам-промысловикам, для ночлега (ил. 2). Постель в таком шалаше делалась из елового лапника [2, с. 304–305].

Для тепла перед шалашом с открытой стороны устраивался специальный тлеющий костер – нодья. Это толстое бревно, расклиненное в продольном направлении на две половины. В образовавшуюся щель закладывается береста и поджигается. Бревно – нодья – укладывается вдоль открытой стороны шалаша. Оно может тлеть почти всю ночь, создавая своего рода тепловую завесу перед входом в это примитивное обиталище [9, 11].

Уместно заметить, что два таких трехстенных шалаша, приставленные один к другому открытыми сторонами, могли стать начальным этапом одного из возможных путей образования первобытных четырехстенных построек. Шалаши приставлялись один к другому открытыми сторонами так, что гребень одного ската крыши нависал над гребнем другого, накрывая стыковочную щель между ними. Под щелью прямо на земле раскладывался костер или устраивался из камней простейший очаг, служивший для обогрева жилища и приготовления пищи. В местах, где древние люди находились постоянно, небольших деревнях, у них были бревенчатые строения, но, по всей вероятности, не целиком срубы. В древних постройках бревна не врубались, а просто укладывались одно на другое и в углах зажимались парой столбов, врытых в землю по сторонам стены. Согласно исследованиям археологов, подобные жилища строили себе в IX в. обитатели поселения на оз. Арайши в Латвии [1, с. 3–8].

Со временем люди научились рубить настоящие четырехстенные избы-клети. Они отапливались печью-каменкой, сложенной из «диких» (не обработанных) камней-булыжников, на земле в одном из углов внутри строения. Чтобы нагретый печью воздух лучше сохранялся, избу «мшили», т.е. все щели в срубе, особенно пазы между бревнами и «чаши» в углах конопатили (забивали) длиноволокнистым мхом. Те-

плое жилище такого простейшего устройства еще сохранялось в быту таежных охотников даже в последней четверти XX в.

Обычно во время промысла на расстоянии дневного пути охотника устраивались специальные станы для отдыха и ночлега. На высоком сухом берегу таежных речек рубилась настоящая избушка (ил. 3), рядом с ней – небольшой амбар (ил. 4) и стол со скамьями. Обустраивалось место для летнего костра. Архаичные по виду и устройству охотничьи избушки коми встречались в тайге вплоть до 1980-х гг. Это простой четырехстенный сруб-клеть, стоящий прямо на земле. Он покрыт тесом на один или два ската (ил. 3). В последнем случае скаты вверх встречаются на одном уровне, и щель между ними прикрывает тяжелое бревно (охлупень), которое снизу имеет продольную выемку-паз. В этот паз заходят концы кровельных тесин. Нижними концами тесины ската упираются в поток – выдолбленное в виде желоба бревно, которое подвешено на «курицах» – естественных крючьях, вырубленных из стволов молодых елей с Г-образным отростком у корневища. «Курицы» врубаются в верхнее бревно соответствующей стены и в нижнюю слегу конструкции кровли. Сруб охотничьей избушки сразу при постройке утеплялся мхом, проложенным между венцами.

Вход в избушку, покрытую на один скат, мог быть прорублен в стене как под косым ребром крыши, так и под гребнем. При двускатном покрытии входной проем делался во фронтовой стене. Внутри вела небольшая скрипучая дверь простейшего устройства. По периметру проема непосредственно в бревнах сруба выбиралась четверть – внутренний уступ, в который входило дверное полотно из одной или двух досок. С одного бокового края полотно имело сверху и внизу по выступу – шипу, круглому в сечении. Оба шипа вставлялись в пазы, специально выдолбленные один под другим в верхней и нижней четвертях, в углах проема. На шипах дверь со скрипом поворачивалась, когда ее открывали или закрывали. Такое устройство известно как дверь на «пяте». «Пятой» называется нижний угол полотна, остающийся в четверти проема, когда дверь открыта. Чтобы уменьшить трение при поворотах полотна, шип «пяты» и гнездо смазывали дегтем. Ручкой в таких дверях служил или кривой сук, прибитый к полотну деревянным гвоздем, или штырь, вбитый в сквозное отверстие в дверной доске. Наверное, так были устроены ворота во двор Бабы-Яги, которые сестрица Аленушка из русской сказки смазывала маслом, чтобы они не скрипели.

Внутри избушки настилался пол и нередко потолок. В одном из углов была как будто навалена груда булыжников. На самом деле это печь-каменка. Ее топка в виде сложенной из камней ниши была обращена в сторону от двери, к окошку. Основанием печи служил сруб в два или три венца, внутри заполненный землей. Каменка топилась

по-черному: дым шел прямо в избушку, а наружу он вытягивался через открытую на время топки дверь и маленькое прямоугольное отверстие в стене под потолком над печью. Когда дрова в каменке полностью сгорали, и избушка очищалась от дыма, чтобы сохранить теплый воздух, дверь закрывали, а отверстие-дымоволок плотно затыкали.

У стены рядом с печью и у дальней стены устраивались нары — дощатое возвышение для ночлега. Вдоль свободной стены под окном врубалась скамья. Стол стоял не всегда: часто избушки были такими маленькими, что для него просто не оставалось места.

Освещалось охотничье жилище одним или двумя окошками, по конструкции волоковыми. Это узкие отверстия, прорубленные между двумя бревнами не больше, чем в полдерева, т.е. на половину толщины каждого бревна, чтобы меньше ослаблять конструкцию сруба и лучше сохранять тепло. В помещении с одной стороны окна в стене вытесывалась неглубокая ниша. Вверху и внизу в нише выбирались пазы, верхний паз глубже нижнего. В эти пазы свободно вставлялась доска с четвертями в ее верхней и нижней кромках. Легко передвигаясь в пазах ниши, эта доска при необходимости закрывала проем, иначе — заволакивала его, отчего такое окно и получило название «волоковое». В проем вставлялась оконница — рама с окончинами, т.е. со стеклами или другими пропускающими свет материалами. Когда стекло было дорогим, недоступным для деревенских жителей, вместо него использовались бычий пузырь, тонкие сосновые дощечки, промасленный холст и др. [4, с. 35—39].

В некоторых таежных местностях (например, в бассейне верхней Вычегды в Коми) охотничьи станы разрастались до целой охотничьей деревни. Для долговременного пребывания в тайге охотнику были необходимы не только избушки, но и другие постройки. Среди них, самыми лесными, если можно так выразиться, выглядят лабазы — амбарчики на одной или нескольких высоких ножках-столбах (ил. 5). Обычно на «путике» бывало несколько таких сооружений. В них охотник летом закладывал продукты для зимнего «лесования», а зимой хранил добычу, которую по окончании охоты доставлял домой в деревню. Маленький лабаз напоминает ящик. На его строительство могло быть достаточно одного дерева, срубленного выше роста человека. Бревно раскалывалось на плахи: толстые шли на сруб-ящик, сравнительно тонкие — на односкатную крышу и пол. В основание ящика врубалась крестовина. Она несла пол. Надавив снизу на одну из досок пола и сдвинув ее в сторону, можно было просунуть руку внутрь ящика. Амбарчик устанавливался на одном столбе-пне от того же дерева, из ствола которого он был срублен. Чтобы никакой четвероногий лесной вор не забрался в кладовую, вершина столба затесывалась. Хозяину же для

доступа внутрь амбарчика служила своеобразная лестница: бревнышко с зарубками-ступенями. Когда надобности в лесенке не было, она лежала рядом на земле. Постороннему человеку найти такой амбарчик в таежных дебрях очень трудно: он неразличим в густых ветвях деревьев на расстоянии нескольких метров. Если современный горожанин все же неожиданно наткнется на него, то невольно подумает, что встретил избушку на курьих ножках, оставленную лесной нечистью [9, с. 12].

От века к веку численность населения на таежных землях росла. Крестьянские хозяйства развивались и расширялись, способствуя образованию усадеб или дворов. Постепенно составилась набор необходимых построек крестьянского двора. Главным строением была изба с хлебопекарной печью. К избе примыкали, а также стояли рядом клетки-кладовые. В одних хранилась одежда и прочие домашние вещи, другие клетки были хлебными амбарами. Столетия назад с весны до поздней осени вещевые клетки служили еще и спальнями для молодых супружеских пар больших, неразделенных крестьянских семей [7, с. 87–89].

Чтобы получить больше навоза, крестьяне вынуждены были держать много скота: овец, лошадей, коров, хлева и сеновалы для которых первоначально стояли на территории усадьбы отдельно от избы и клеток. Но, вероятно, в самом конце XVI столетия в крупных селениях северного Поморья хозяйственные постройки впервые объединились с жилищем в единое сооружение – дом-двор, или дом-комплекс, – вершину самобытного архитектурного творчества северорусского крестьянства [7, с. 175–183]. В отдалении от жилища и клеток, на задворках стояла черная баня, устроенная почти так же, как охотничья избушка. Близ пашни находились овины для сушки снопов сжатого хлеба. Все сооружения крестьянского двора-усадьбы обносились оградой, чтобы крестьянский скот, погоняемый общественным пастухом, не забредал в поля и огороды, а шел прогоном, специально устроенным между дворами, на выгон (пастбище), без которого скотина не могла обойтись в теплое время года.

Первоначально насельники таежного Севера могли свободно, без каких-либо ограничений срубить себе жилище и хозяйственные строения в сухих и открытых местах вблизи рек и озер. С увеличением численности населения и следовательно размеров деревень расположение составлявших их крестьянских усадеб пришлось упорядочить – ставить рядами по речным и озерным берегам.

В тех местах, где в окрестностях селений пастбищ не хватало, скотину, в основном молодняк, отвозили на лодках далеко от деревни на приречные пастбища, где за домашними животными следили пастухи, оберегавшие их от хищников. При таких отдаленных от основной деревни выгонах возникали сезонные сенокосные селения (ил. 6).

В сравнении с охотничьими деревнями сенокосные деревни больше походили на обычные селения. В них при избах нередко строились хлева и сараи для сена. Да и сами избы были больших размеров. Ведь на сенокос выезжали всей семьей, с детьми — в основном селении оставались одни старики. Ни охотничьи, ни сенокосные деревни не огораживались, и постройки в них стояли без геометрического порядка.

В результате многовековой деятельности крестьянства панораму освоенных человеком мест на таежном Севере повсеместно составляли расчищенные участки леса, возделанные поля и луга, запруженные ручьи и речки, линии протоптанных тропинок, полосы наезженных дорог. Однако главным видимым доказательством участия человека в создании этой радующей глаз согласованной картине всегда служили и служат постройки. Архитектурное своеобразие конкретному освоенному поколениями крестьян месту они придают преимущественно при пространственно-планировочном объединении в деревни и села, а также в ансамбли приходских храмов, стоящих или посреди селений, или в стороне от них. Иногда строения кажутся обособленными от основной застройки крестьянского селения, например так воспринимаются водяные мельницы, некоторые часовни, небольшие монастыри-пустыни. На самом деле и они играют важную роль в цельном архитектурном облике конкретной сельской местности [8, с. 64–65].

При этом нельзя забывать, что с глубокой древности и до недавнего времени человек жил всецело в лесной стихии. В окружении тайги он не разлучался с деревом всю жизнь, от рождения до смерти. Младенца укладывали в берестяную зыбку — колыбель, покойника опускали в могилу в домовине — гробу, выдолбленном из цельного бревна. Почти все конструкции крестьянских построек оставались деревянными. Металл, в частности гвозди, были дороги и использовались редко. Составные части сруба, крыши, крыльца и других строительных конструкций скреплялись при помощи пазов, шипов, штырей, клиньев и другими подобными способами.

Допромышленная деятельность людей в тайге — отвоевывание у леса территории под земледелие и сельское строительство (по существу развитие крестьянского хозяйства), а также промысловая охота — на протяжении столетий сохраняла признаки древности. В этом уникальность исторической ситуации на таежном Севере Европейской России.

В наши дни сельскохозяйственная деятельность населения северных областей Европейской России, непрерывно продолжавшаяся сотни лет, сходит на нет. Поля не пахутся и не засеваются, луга не скашивают, и все угоды постепенно зарастают лесом. В этих условиях последним признаком существования в прошлом традиционной деятельности человека в подобных местах остается сельская, в том числе и «лесная» архитектура.

Список литературы

1. *Аналс Я.Ф.* Развитие латгальского жилища IX–X вв. и опыт реконструкции (по материалам Арайшского озерного поселения) // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983. С. 3–8.
2. Верхне-Вычегодская экспедиция // Труды северной методологической охотоустроительной экспедиции. Вып. 1. М., 1932. С. 301–305.
3. *Колонист.* Подсечно-огневое хозяйство устьесольского зырянина // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1913. С. 61–62.
4. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
5. *Сергель С.* В зырянском крае. М.; Л., 1928.
6. *Шенников А.А.* Гороховецкие зимницы. Очерки из истории российских крестьян, их хозяйства, быта и культуры. СПб., 1997.
7. *Шенниов А.А.* Длинный дом и крытый двор. Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX – начала XX века. СПб., 1992.
8. *Шургин И.Н.* Деревянная архитектура как ключевой элемент культурного ландшафта и эволюция традиционного строительства в Кенозерье // Наследие и современность. 2019. Т. 2, № 2. С. 64–80.
9. *Шургин И.Н.* От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М., 2009.

**Роль историко-культурного наследия
в формировании и осмыслении пространства
человека**

Использование рыбных и морских звериных тоней Кирилло-Белозерским, Соловецким и другими монастырями в их вотчинах на Онежском полуострове в XVIII веке¹

Алексеева Ярослава Игоревна — независимый исследователь, ихтиолог;
a-ja@list.ru

Рыбные (семужьи, сельдяные) и морские звериные (нерполовные) тони на Онежском полуострове в XVIII в. (до 1764 г.) принадлежали Кирилло-Белозерскому, Соловецкому и другим монастырям. В работе рассматриваются способы использования тоней, характеристики промысла на тонях (оснащение, число промышленников, стоимость аренды и др.).

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Онежский полуостров, XVIII век, рыболовный промысел, тони, аренда, семга.

Введение. На Онежском полуострове в XVIII в. располагались многочисленные тони для лова рыбы (семги, сельди, кумжи, озерной рыбы) и морского зверя (нерпы). Как и во многих других прибрежных районах Белого моря среди морских промыслов основным был семужий, на большинстве тоней ловили семгу (см. Приложение).

С XVI–XVII вв. Онежский полуостров представлял собой чересполосицу вотчин разных монастырей. Тонями здесь владели Александрово-Ошевенский, Кожеозерский, Николо-Корельский, Спасо-Прилуцкий, Пертоминский, Троице-Сергиев, Антониево-Сийский, Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри [1, № 242; 2, с. 125–126; 3, с. 241–242; 8, с. 43–44; 10, с. 28–29; 12, с. 9, 22, 31–32, 40; 13, с. 24]. Близкое расположение угодий приводило к спорам между монастырями, в частности из-за тоней. Большинство этих споров были разрешены. Например, тоней Спорницей, из-за которой возникали разногласия между Кирилло-Белозерским и Антониево-Сийским монастырями, эти два монастыря стали пользоваться погодно². В районе Пурнемской, Лямецкой, Пушлахотской и Золотицкой волостей наиболее многочисленными угодьями владели Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Чтобы прекратить возникавшие между ними споры, было при-

© Алексеева Я.И., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «История и современное состояние тоней (промысловых участков) Онежского полуострова».

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1196. Оп. 1. Д. 578. Л. 1.

нято решение «размежеваться в две округленные большие вотчины». В 1618 г. Соловецкий монастырь получил от Кирилло-Белозерского его пурнемские и лямецкие угодья, а взамен отдал свои золотицкие и пушлахотские, в том числе рыбные и нерполовные тони [4, с. 250–264]. Соловецкий монастырь поступился золотицким семужьим промыслом ради занятия солеварением в Лямецкой и Пурнемской волостях, где семгу практически не ловили. Однако в это же время (1617–1621 гг.) Соловецкий монастырь приобрел не менее семи золотицких тоней³. В XVII–XVIII вв. Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри владели на Онежском полуострове наибольшим числом тоней среди всех монастырей (см. иллюстрацию, Приложение).

Ранее было показано, что Соловецкий монастырь на одних тонях вел промысел сам, а другие тони сдавал в аренду крестьянам [7, с. 222]. В данной статье более подробно рассматривается, как монастыри распорядились своими тонями с начала XVIII в. до секуляризации 1764 г.

Большая часть полученных сведений о тонях обнаружена в документах Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей. Сведения о рыбном и морском зверином промыслах Соловецкого монастыря в его вотчинах на Онежском полуострове содержатся в приходо-расходных, раздаточных, отводных, писцовых и переписных книгах (РГАДА. Ф. 1201, 281, 1209, 350). Данные о промыслах Кирилло-Белозерского монастыря были получены из документов Золотицкого рыбного промысла Кирилло-Белозерского монастыря (приходо-расходные книги, прошения о сдаче на оброк, переписка, инструкции, указы), писцовых и переписных книг. В ведении Золотицкого рыбного промысла находилась вся хозяйственная деятельность Кирилло-Белозерского монастыря в Золотицкой, Пушлахотской и Лопшеньгской волостях (РГАДА. Ф. 1441, 1209, 350). Сведения о тонях Кирилло-Белозерского монастыря ограничены периодом с 1730 по 1763 г. До этого времени права на тони в Золотице, Дураково и Пушлахте были переданы государству для отдачи другим владельцам на откупы. В 1715 г. монастырь писал прошения о возврате угодий, однако управление Золотицким промыслом было возобновлено только в 1727–1730 гг.⁴ Об использовании тоней другими монастырями (Антониево-Сийским, Пертоминским) были выявлены данные только за отдельные годы (см. Приложение).

Монастырский промысел на тонях и сдача тоней в аренду. Часть тоней использовалась монастырями для своего промысла. Сведения о числе тоней, где производился монастырский лов, а также тоней, сданных в аренду и пустующих, приведены в табл. 1.

³ Там же. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1552. Л. 16–18 об.

⁴ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 265. Л. 1; Д. 1081. Л. 1–1 об.; Д. 1407. Л. 1–19.

Кирилло-Белозерский монастырь использовал на морских тонях труд покрученников из доли улова. На каждой тоне «сидели» по два покрученника⁵. Помимо морских тоней, Кирилло-Белозерский монастырь занимался ловом семги на рыболовном заборе в р. Золотица. Сюда монастырь нанимал крестьян за плату (5 руб.) и за припасы⁶. На соловецкие тони из монастыря отпускали по два или три трудника на тону, в 1712 и 1716 гг. под руководством монахов⁷, в 1752 г. — служителей⁸. Антониево-Сийский монастырь также отправлял из монастыря на судне «работных людей» под началом монаха. В 1755 г. было отправлено 8 человек⁹. Промыслом Кирилло-Белозерского монастыря руководил «промышленный монах». В первой половине XVIII в. на каждых двух-трех тонях монастырского лова находился монах для управления промыслом, в середине XVIII в. монахов на тонях также сменили служители¹⁰.

Таблица 1. Использование тоней Онежского полуострова Кирилло-Белозерским и Соловецким монастырями

Монастырь	Год	Число тоней в аренде	Число тоней, где ловил монастырь	Число пустующих тоней	Число тоней, указанных в документах, всего	Источник (РГАДА)
Кирилло-Белозерский	1712	17*	—	Нет данных	20	Ф. 350. Оп. 1. Д. 168. Л. 474 об. — 475
	1730	20	Нет данных	2	22	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 1406. Л. 12–14
	1743	13	10**	13	36	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 4442. Л. 2 об. — 7 об.
	1745	18	11**	9	38	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 5076. Л. 3–11 об.

⁵ РГАДА. Ф. 1441. Д. 6742. Л. 6 об. — 9; Д. 8437. Л. 3 об. — 4 об.

⁶ Там же. Д. 4442. Л. 5 об., 7 об., 8 об.

⁷ Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 830. Л. 21–27; Д. 865. Л. 9 об. — 11.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 2755. Л. 6–30.

⁹ Там же. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 4442. Л. 7 об.; Д. 6742. Л. 7; Д. 8437. Л. 3 об. — 12 об.

Монастырь	Год	Число тоней в аренде	Число тоней, где ловил монастырь	Число пустую- щих тоней	Число тоней, ука- занных в докумен- тах, всего	Источник (РГАДА)
Кирилло- Белозер- ский	1746	21	8**	9	38	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 5300. Л. 2–7 об.
	1752	Нет данных	8**	Нет данных	8	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 6351
	1754	24	8**	Нет данных	32	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 6742. Л. 2–6 об.
	1763	Нет данных	8**	Нет данных	8	Ф. 1441. Оп. 2. Д. 8437. Л. 3–3 об.
Соловецкий	1712, 1713, 1716	Нет данных	4	Нет данных	4	Ф. 1201. Оп. 1. Д. 830. Л. 2, 21, 23, 24 об., 27; Д. 988. Л. 6–8 об.; Д. 865. Л. 9–11
	1719	11	4	Нет данных	14	Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22; Оп. 4. Д. 720. Л. 7–8 об.
	1722	22	Нет дан- ных	Нет данных	22	Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–3
	1732	23	3	1	27	Ф. 1201. Оп. 4. Д. 418. Л. 8 об. – 10
	1738	Нет данных	4	Нет данных	4	Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1590. Л. 12–14 об.
	1752	Нет данных	3	Нет данных	4	Ф. 1201. Оп. 5. Д. 2755. Л. 6–10 об.

Примечания: * – оброк за сданные тони, видимо, поступал государству;
** – считая забор на р. Золотица.

Монастыри снабжали свой промысел продуктами, солью, снастями и пр. Из продуктов Кирилло-Белозерский монастырь поставлял ржаную муку, крупы, толокно, солод¹¹. Привозимый из Соловецкого монастыря «запас» был более разнообразным. Помимо ржаной муки, солода, овсяной крупы, промышленников обеспечивали коровьим маслом, тресковым салом, семгой, палтусом и треской¹². Баренцево-морские палтус и треска, доставлявшиеся с Мурманских промыслов, а также вотчинная семга, в XVIII в. составляли основу рыбного рациона в Соловецком монастыре. Палтус и треска были основными видами рыб, выдававшимися монастырем в службы и поездки [6, с. 74]. Кроме того, Соловецкий монастырь снабжал трудников одеждой и обувью¹³.

В отводных книгах и некоторых других документах приведены описания находившихся на тонях построек, орудий лова, судов, инструментов, посуды и пр. На большинстве тоней находились изба («хором») и амбар для снастей. На соловецкой тоне Кярженице в 1712–1713 гг. было две избы и два амбара «на Горе и на Юрике», т.е. вдали от моря и у воды¹⁴. На нерполовной тоне Шкулихе, принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю, не было построек, и золотичанин Молоков в 1733 г. просил отдать ему эту тону в аренду на 10 лет, «ис построя на два года», и обещал построить здесь избу, сени и клеть¹⁵. Промышленники договаривались с монастырями также о постройке тонских изб взамен утраченных или об их ремонте. Крестьянин, арендовавший в 1732 г. тону Угнаволок, спрашивал соловецкого архимандрита, ему ли чинить сгнившее «хоромное строение» в зачет кортомных денег или прежним владельцам¹⁶. На соловецких тонях в 1712–1713 гг. держали по два-три карбаса: один или два промышленных и один «малой переездной». Основными орудиями лова на морских тонях были невода. На тоне Кярженице в 1712 г. было «два невода ветхие прошлых годов, невод сего летной». Также и на других соловецких тонях использовали по три невода, два подержанных и один новый¹⁷. На семи тонях Кирилло-Белозерского монастыря в 1754 г. ловили восемь неводами¹⁸. Карбасы и невода, инструменты (клещи, топоры, молотки, напарьи, скобели, багаены и др.) хранились в «снастных» амбарах. В амбарах,

¹¹ РГАДА. Ф. 1441. Д. 1442. Л. 4 об. – 7 об.; Д. 5076. Л. 8 об. – 9; Д. 5300. Л. 7–9; и др.

¹² Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 830. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 865. Л. 9.

¹⁴ Там же. Д. 988. Л. 6–8 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 1870. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 419. Л. 7.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 988. Л. 6–8 об.

¹⁸ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 6740. Л. 5 об.

«хоромах» и погребях хранилась посуда (бочки квасные и рыбные, бочки с солью, рыбные чаны, кадки, ушаты, квашни и пр.)¹⁹.

В приходо-расходных книгах Золотицкого рыбного промысла Кирилло-Белозерского монастыря (1743–1763 г.) приводятся сведения о том, сколько было израсходовано материалов на производство, починку, хранение и поддержание рабочего состояния орудий лова. В каждой расходной записи указывалось, для чего нужен тот или иной материал, поэтому мы можем узнать не только о материалах, из которых производились рыболовные снасти, но и об устройстве этих снастей и способах лова. Для вязки и починки семужьих неводов покрученникам выдавали пеньковую пряжу. Сетное полотно сажали на тетивы, к неводам «на тетивы» выдавались «ужища липовые», на неводные «воротовые» и «вытяжные» клечи – «пенковые спуски», для вязки неводных мереж – «прядено». «Прядено» и «пенковая пряжа» выдавались также для вязки юнд (нерпечьих сетей). На морские тони отпускалась смола для смоления неводов, неводных мереж и карбасов, а также рогожи «на покрышку неводов». Всего в трех записях в семи приходо-расходных книгах упоминаются гарвы (ставные сети с загнутым концом), на вязку которых выдавалась «пряжа пенковая» и тонкий «пенковый спуск» на тетивы. Также пеньковая пряжа была выдана в 1763 г. на вязку частого невода с мережами и матицей²⁰.

«Частый» (мелкоячеистый) тяглый невод использовали для лова пресноводной рыбы в р. Золотица и озерах. Гарвы, по-видимому, также использовали для лова в Золотице или предустьевых морских участках, на морских тонях они не упоминаются. На морских тонях для лова семги в XVIII в. использовали, судя по расходным книгам, ставные невода с ловушками (мережами). Упоминание воротового клеча говорит о том, что невода вытягивали с помощью ворота. Невода указываются как основное орудие лова семги в морском побережье Онежского полуострова с XVI в. [1, № 26, 27, 36, 41] до конца XIX в. [11]. К 1910 г. невода повсеместно были заменены тайниками. Исследователь рыболовства Летнего и Онежского берегов В.Р. Алеев называет тайник «ставным неводом с ловушками, у которых сетяное дно» [5, с. 84]. Можно предположить, что невода с ловушками с XVIII в. постепенно видоизменялись, усложнялись, что привело к возникновению тайников.

Монастыри вели учет прихода и расхода на тонях своего лова, поэтому основная информация известна об этих тонях. Однако наибольшая часть тоней сдавалась в аренду («в оброк», «в кортому») (табл. 1).

В 1712–1719 г. Соловецкий монастырь вел монастырский лов на четырех тонях (Кярженица, Тимофеевский наволоок, Спируха и Угна-

¹⁹ Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 988. Л. 6–7.

²⁰ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 1406. Л. 2, 9–9 об.; Д. 5076. Л. 5–6 об., 10 об.; Д. 5300. Л. 10, 16–16 об.; Д. 6742. Л. 16 об. – 17 об.; Д. 8437. Л. 36 об. – 44 об.; и др.

волок). Тоня Угнаволок с 1722 г. сдавалась в аренду. В 1732 г. монастырь сдал в аренду тоню Кярженицу, но в 1738 г. снова начал ловить там сам. Помимо семужьих тоней, в 1738 г. монастырь ловил пресноводную рыбу в оз. Мураканское²¹. Число тоней Соловецкого монастыря, сдаваемых в аренду, известно за 1719, 1722, 1732 гг. В 1719 г. отмечено вдвое меньшее число тоней, возможно, это связано с тем, что монастыри сдавали тони более, чем на 1 год (до 10 лет²²), и в документе 1719 г. зафиксированы только тони, сданные в этом году, а в 1722 г. указан список тоней, с которых принимались собираемые ежегодно оброчные деньги (табл. 1, см. также иллюстрацию, Приложение).

В 1722 г. Соловецкий монастырь получил за 22 тони, сдававшиеся в аренду, 21 рубль 14 алтын 2 деньги²³.

Кирилло-Белозерский монастырь в 1743 и 1745 гг. вел монастырский лов на девяти и десяти тонях и на заборе в р. Золотица, в 1746–1763 гг. — на семи тонях и на заборе. В аренду с 1712 по 1754 г. сдавалось от 13 до 24 тоней в год (табл. 1). От арендаторов тоней Кирилло-Белозерский монастырь в 1730–1754 гг. получал от 15,7 до 33 руб. в год (в среднем 24,6 руб.), что составляло наибольшую сумму (от 16 до 39 % от общей суммы приходных денег) среди других приходных статей Золотицкой службы. В 1742 г. взимался оброк с сигов и сельдей (9 руб. 40 коп.), в 1742–1748 гг. — с ворванного сала (от 1 до 35 руб., в среднем 14 руб.). Остальные выплаты включали прием оброчных денег с пашен и сенных покосов Золотицкой, Пушлахотской, Лопшеньгской волостей и д. Дураково, с каргопольских и турчасовских половников, за проданный скот, масло коровье²⁴.

Антониево-Сийский монастырь сдавал в аренду шесть тоней (см. Приложение). Стоимость аренды одной семужьей тони составляла от 10 коп. до 5 руб., нерпичьей — от 10 коп. до 1,5 руб., тони сельдяного лова — от 60 коп. до 2,5 руб., речной куможьей тони — 40 коп²⁵.

О желательности сдачи тоней в аренду свидетельствуют документы Пертоминского монастыря. В 1699 г. его братия жаловалась: «... только небольшое число есть у нас по морскому берегу 4 тони красной рыбы семги, и те тони больше лежат впусе, никто на оброк их за плохостью не берет» [12, с. 152]. Находилось «впусе», т.е. не использова-

²¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 830. Л. 20 об.; Д. 988. Л. 7; Д. 865. Л. 11; Оп. 2. Д. 22. Л. 2; Д. 223. Л. 9–11 об.; Оп. 4. Д. 418. Л. 2; Д. 419. Л. 1–2 об.; Д. 720. Л. 7 об.

²² Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 223. Л. 9–11 об.; Ф. 1441. Оп. 2. Д. 1870. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.

²⁴ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 5076. Л. 1 об. — 4; Д. 6193. Л. 2 об. — 10 об.; Д. 6777. Л. 22.

²⁵ Там же. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 507. Л. 5–5 об.; Д. 578. Л. 1 об.; Д. 926. Л. 1 об. — 4 об.; Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–3; Оп. 5. Д. 4893. Л. 8; Ф. 1441. Оп. 2. Д. 5300. Л. 2–4; Д. 1081. Л. 2–4 об.; Д. 6742. Л. 1 об. — 3.

лось, довольно большое число тоней по всему Онежскому полуострову. В документах Соловецкого монастыря информация о пустующих тонях встречается редко, в контексте обсуждения возможности такую тоню сдать²⁶. Тем не менее, по-видимому, таких тоней было немало, т.к. в XVII–XVIII вв. найдены упоминания о 46 соловецких тонях (из них 36 семужьих) (см. Приложение), из которых в XVIII столетии в изученных документах указаны как работающие максимум 27. Список пустующих тоней за отдельные годы приводится в документах Кирилло-Белозерского монастыря (табл. 1). Кирилло-Белозерский монастырь сдавал «излишние» тони, которыми сам не предполагал пользоваться. В инструкции для монаха, управлявшего Золотицким промыслом, написано: «имеющиеся в тех промыслах монастырские рыбные тони осмотреть и по осмотру, ежели какие годные на монастырь, а оставшие за наличием отдать охочим людям ис платежа оброку»²⁷. Также при рассмотрении прошения крестьянина о желании арендовать пустующую тоню управляющему монаху приходил указ из монастыря: «велеть справится вышеписанная тоня и салной промысел... монастырскому промыслу не годны и другим никому не отданы в оброк то... отдать ему просителю»²⁸.

Прошения о желании взять тони и сенные покосы в оброк волостные крестьяне подавали через выборных крестьян или мирских старост²⁹. Сведения о том, как волость распоряжалась тонями, были найдены только для Лопшеньгской волости: «у нас в Лопшеньгской волости на 47 душ только имеется по очереди полтретя тони две Мураканды да полтони Спорницы»³⁰. Здесь, по-видимому, тони перераспределялись волостью по очереди между крестьянами. В других волостях на одних и тех же тонях в разные годы ловили крестьяне, по-видимому, не связанные близкой степенью родства, т.е. и здесь, вероятно, происходило перераспределение волостью тоней между промышленниками. Есть сведения, что в конце XVIII – начале XX столетия в Золотицкой³¹, Лямецкой волостях и Унской губе рыболовные участки распределялись жеребьевкой [5, с. 88; 9, № 58]. Однако в некоторых случаях на одних и тех же тонях на протяжении многих лет ловили представители одной семьи. Из личных прошений крестьян в Соловецкий монастырь известно, что тоня Яреньгской волости Кошева в 1719 г. была на оброке у яренжанина Ивана Аникеева Короткого³², а в 1722, 1732, 1737 гг.

²⁶ Там же. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 418. 1732 г. Л. 2.

²⁷ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 6500. Л. 6–6 об.

²⁸ Там же. Д. 1870. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Д. 1865. Л. 1; Д. 6777. Л. 1, 1 об., 11.

³⁰ Там же. Д. 6351. Л. 2.

³¹ Там же. Ф. 1441. Оп. 5. Д. 5288. Л. 22.

³² Там же. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 720. Л. 8 об.

(годы, за который есть данные об арендаторах) — у его сына Харитона Короткого³³. Яреньгская тоня Крестовая в годы, за которые есть сведения (1719, 1722, 1736, 1743 гг.), сдавалась в аренду яренжанам Гуляеву и Попову, в 1744 и 1748 гг. — Волокитиным и Попову с сыном Семеном (за исключением 1735 г., когда здесь «сидел» поп Федорьян), а в 1749—1750 гг. на половине тони ловили Семен Иванов Попов и его сноха «погодно». Семен Иванов пишет в Соловецкий монастырь: «тоней владел отец мой который умре а после отца я со снохой»³⁴. За продолжение аренды «семейных» и некоторых других тоней в личных прошениях крестьяне периодически обещали наддачу (прибавление суммы аренды по сравнению с предыдущими годами)³⁵. Пока мы не знаем, каким образом волесть распределяла тони, затруднительно сказать, почему отдельные тони могли находиться в долговременном владении семьи. Возможно, это были тони, которыми монастырь владел по купчим, а не по вотчинному праву, поэтому они могли не распределяться волестью.

Жителям далеких от Онежского полуострова районов тони сдавались редко. В прошении 1733 г. «Пушлахоцкого усолья мирской староста Андрей Семенов и все того усолья крестьяне» просили Кирилло-Белозерский монастырь отдать им тоню Коргу с подтонком («отдать из оброку нам нижайшим, а иноволосных не припушать») ³⁶. В 1720-х гг., когда тони Кирилло-Белозерского монастыря были переданы государству и монастырь ими не распоряжался, золотицкие крестьяне сами сдали в аренду одни из лучших рыболовных участков, тони Усть-Яреньгу, Яшнаволок и забор на р. Золотица канцеляристам из г. Каргополя³⁷. В 1731 г. монастырь забрал эти тони для монастырского лова³⁸. Соловецкий монастырь в 1732 и 1742 гг. сдавал на 10 лет тоню Угнаволок кемлянину Ивану Лопинцеву³⁹.

Монастырский учет на семузьбых промыслах. В документах о монастырском лове Соловецкого монастыря начала XVIII в. указаны цифры расхода и прихода денег на промысле Летнего берега. Количество выловленной семги приводилось в денежном эквиваленте. Прибыль с тоней монастырского лова была нестабильна: в 1712 г.

³³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22. Л. 2 об.; Оп. 4. Д. 418. Л. 2–2 об., 10; Ф. 350. Оп. 1. Д. 104. Л. 1379.

³⁴ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22. Л. 2; Оп. 4. Д. 720. Л. 8 об.; Оп. 5. Д. 2052. Л. 9 об., 18.

³⁵ Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 5–5 об., Л. 9 об. — 10; Д. 419. Л. 1; Ф. 1441. Оп. 2. Д. 6342. Л. 13.

³⁶ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 1865. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Д. 1081. Л. 1 об. — 2 об.

³⁸ Там же. Д. 1406. Л. 12 об. — 13.

³⁹ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 223. Л. 9–11 об.; Оп. 4. Д. 419. Л. 1–2 об.

монастырь потерпел убыток на 14 руб., а в 1716 г. прибыль составила 23 руб. Соловецкий монастырь владел обширными семужьими ловлями в разных районах Белого моря. Наибольшее количество семги монастырь получал из Вазужской волости (около 30 % улова), с Чебоцкого (16,5 %) и Кемского (15,9 %) заборов (в 1712 и 1716 гг.). В 1712 г. уловы с четырех тоней на Летнем берегу были невелики (2006 кг), но в 1716 г. было выловлено 6536 кг, что составило довольно значительную часть (12,3 %) от уловов рыбы монастырского промысла со всех семужьих угодий, составивших в 1712 г. 44 773 кг, в 1716 г. — 53 065 кг [7, с. 223–225].

В приходо-расходных книгах Золотицкого промысла приведены цифры прихода и расхода денег, припасов и рыбы в монастырском хозяйстве Золотицкой, Пушлахотской, Лопшеньгской волостей и д. Дураково с 1742 по 1751 г. В некоторые годы остаток от расхода составлял до 70 руб. за счет получения доимочных денег за прошлые годы и денег, присланных из монастыря. Ежегодный приход денег Золотицкой службы приблизительно соответствовал расходу на содержание промысла, монастырского хозяйства, дорожные расходы. Однако кроме денег, Кирилло-Белозерский монастырь получал семгу, количество которой также указывалось в приходо-расходных книгах. Основную часть семги, выловленной на своем промысле, отправляли в монастырь. В 1763 г. из 67 пудов 18 фунтов семги, принятой с тонь своего промысла в Золотицкой и Лопшеньгской волостях, было отправлено в Кирилло-Белозерский монастырь 64 пуда 30 фунтов. Остальная небольшая часть была выдана «на монастырский золотицкий дворовый расход» и 13-фунтовая (около 5 кг) рыба отпущена секретарю Архангелогородской губернской канцелярии Ивану Верховскому «в почтение». Также Кирилло-Белозерский монастырь приобретал семгу, составлявшую долю промысла покрученников⁴⁰. Помимо семги своего улова и купленной у покрученников, Кирилло-Белозерский монастырь ежегодно получал семгу с крестьян Золотицкой, Пушлахотской, Лопшеньгской волостей и д. Дураково. По прошениям крестьян не позднее чем с 1754 г. выплата окладных денег была заменена на выплату семгой (320 пудов) и салом (15 пудов): «за владение рыбных и звериных тонь, соляной варницы, пашенных земель и сенных покосов платить им крестьянам в здешний Кирилло-Белозерский монастырь из своего улову рыбою семгою добро-го усолу». Осенней семги в этой выплате должно было быть 220 пудов, меженной — 100 пудов. Оговаривалось, что одна осенняя рыба должна была быть не «ниже 4х рыб в пуде», т.е. весить не меньше 4 кг, а меженная — не меньше шести фунтов (2,4 кг). Количество сала (15 пудов),

⁴⁰ Там же. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 6777. Л. 2, 28; Д. 8437. Л. 35–35 об.; Д. 6740. Л. 65; и др.

которое монастырь мог получить, ограничивалось Архангелогородской промысловой конторой, имевшей монополию на покупку сала⁴¹.

Таблица 2. Количество семги, принятой Кирилло-Белозерским монастырем с вотчин Онежского полуострова и Умбы⁴² (пуд/кг)

Район	1745 г.	1752 г.	1754 г.	1761 г.	1763 г.
Умба (с монастырских тоней)	Нет данных	390/6388	275/4505	115 пудов 3 фунта/1885	Нет данных
Онежский полуостров (с монастырских тоней)	266/4357 (улов на тонях)	210/3440 (улов на тонях)	303/4963 (улов и покупка на тонях)	Нет данных	67 пудов 18 фунтов / 1105 (принято)
Онежский полуостров (окладная выплата)	Нет данных	Нет данных	320/5242	320/5242	320/5242

Семужьи угодья Кирилло-Белозерского монастыря на Белом море были не настолько обширны, как Соловецкого. Монастырский лов производился в районе Умбы на Терском берегу и на тонях Онежского полуострова. Учитывая количество ежегодно получаемой Кирилло-Белозерским монастырем окладной семги (320 пудов), наибольшее количество семги монастырь получал с Онежского полуострова (табл. 2). За разрешение платить уловом вместо денег крестьяне обязались не требовать у монастыря для соления рыбы соли и посуды, а также на своих подводах безвозмездно отвозить семгу и сало к Онежскому устью (позднее г. Онега)⁴³. Рыбу сюда везли по зимним дорогам в декабре. Монастырские служители вели учет количества рыбы на подводах. На каждой подводе помещалось 20 пудов. «Межени... Пушлахты у Степана Андреева на подводе 4 веса 20 пудов числа 172 рыбы... Осени... У Омельяна Шапкина на подводе 20 пуд числа 186 рыб...». За семгой на Онежское устье приезжали крестьяне из близких к монастырю селений (с. Звоз, Волок Словенский, д. Курекаева, Горки, Липова, Зуева и др.). Нагруженную на их подводы рыбу (также по 20 пудов на подводу) снова подсчитывали и записывали в реестры «подводчикам... подмонастырской вотчины у которых на Онежском устье клали семгу»⁴⁴.

Управляющий Золотицким промыслом монах обязан был также следить, чтобы покрученники, работавшие на монастырских тонях, не продавали свою долю рыбы «посторонним», а только Кирилло-Бело-

⁴¹ РГАДА. Ф. 1441. Д. 6740. Л. 9 об., 26–42 об.

⁴² Там же. Д. 5076. Л. 11 об.; Д. 6351. Л. 8–19 об.; Д. 8437. Л. 5.

⁴³ Там же. Д. 6740. Л. 26–26 об.; Д. 6777. Л. 1 об.

⁴⁴ Там же. Д. 6351. Л. 30–35 об.

зерскому монастырю «по тамошней береговой цене». В 1742, 1754 гг. семгу по Летнему берегу монастырь покупал по 40–50 коп. за пуд⁴⁵. В 1761 г. «недоплатная рыба» на Онежском устье принималась по 1,5 руб. за пуд. Управляющий монах следил также за обеспечением уплаты окладной семги. По доношению монастырского служителя Ивана Канжина, в 1761 г. промышленники не пустили его в амбар с семгой, для приема которой он приехал в Лопшеньгу, потому что продали рыбу «посторонним», которым «не заплатя в монастырь, продавать недолично». Промышленники в ответных доношениях отвергали обвинения Канжина и утверждали, что он сам не пошел в амбар за рыбой, т.к. они сказали ему, что в амбаре ее мало, а основная часть рыбы находится на тонях, откуда ее невозможно привезти «за сильными ветрами». В монастырь для разбирательства был вызван лопшеньгский крестьянин Иван Маезеров. Выборных монастырь обязал собрать недоимочную окладную рыбу за прошлые годы или взять за нее деньгами по 1,5 руб. за пуд⁴⁶.

Соловецкий монастырь также запрещал продавать рыбу с монастырских тоней посторонним. В 1752 г. на крестьянина Яренгской волости Ивана Пирожникова другим яренжанином был написан донос, где утверждалось, что Пирожников скупает рыбу на монастырских тонях. Служители и трудники показали, что он ни разу на монастырских тонях не появлялся и что рыбу они никому «ни единого фунта» не продавали. Донос был объявлен ложным⁴⁷. Невозможно оценить, существовала ли продажа на сторону и насколько она была распространена, поскольку промышленники отрицали подобные обвинения. Можно предположить, что такие продажи происходили, если покупатели могли предложить более высокую цену, чем монастырь. В деле Пирожникова приведены слова из беседы яренжан, которые хвалились большими уловами и говорили, что «прошлого лета одной ночи продали семги лопшенцу Ивану Федорову Майзерову сто двадцать пудов»⁴⁸. По-видимому, местные крестьяне приобретали рыбу для перепродажи, и могли покупать ее как у арендаторов, так и на монастырских тонях.

Заключение. В XVIII в. большинство вотчинных тоней монастыри сдавали в аренду крестьянам. Это приносило небольшой, но стабильный доход. Лов на тонях собственно монастырями требовал организационных усилий и расходов. Прибыль от своего промысла была нестабильна и зависела от размеров улова. Возможно, в связи с этим Соловецкий монастырь, ловивший своими силами в начале XVIII в. на четырех тонях, с 1720-х гг. одну из них стал сдавать в аренду постоянно, а другую

⁴⁵ Там же. Д. 6500. Л. 6 об.; Д. 6193. Л. 1 об.

⁴⁶ Там же. Д. 6740. Л. 5–20 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 2755. Л. 20.

⁴⁸ Там же.

в отдельные годы. Кирилло-Белозерский монастырь, в 1743 и 1745 гг. промышлявший на девяти-десяти тонях и заборе в р. Золотица, с конца 1740-х гг. до 1763 г. сохранил для своего лова забор и семь тоней. Кирилло-Белозерский монастырь промышлял семгу на Онежском полуострове на наибольшем числе тоней среди всех монастырей, владевших здесь угодьями. Видимо, это было связано с тем, что беломорские рыболовные угодья Кирилло-Белозерского монастыря были сосредоточены на Онежском полуострове и в Умбе, и с Онежского полуострова в монастырь поступало наибольшее количество семги за счет своего улова, покупки у покрученников и окладной рыбы. После секуляризации монастыри лишились своих тоней. На Онежском полуострове Соловецкий монастырь после 1764 г. брал в аренду более десяти тоней в год, на тонях работали покрученники. Среди этих тоней были бывшие соловецкие тони и тони, принадлежавшие ранее другим монастырям⁴⁹.

Список литературы

1. Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг. Л., 1988. № 242.
2. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской Академии наук: в 4 т. Т. I. СПб., 1836.
4. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 2. СПб., 1894. (Русская историческая библиотека. Т. XIV)
5. *Алеев В.Р.* Отчет о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий. Отд. оттиск из материалов к познанию русского рыболовства. Т. II, вып. 2. СПб., 1913.
6. *Алексеева Я.И.* К вопросу о том, какую рыбу ели в Соловецком монастыре в XVII и XVIII веках (1680–1768 гг.) // Соловецкий сборник. Вып. 18. Архангельск, 2022.
7. *Алексеева Я.И.* Семужьи тони Соловецкого монастыря на Онежском полуострове (XVI–XVIII вв.) // Соловецкий сборник. Вып. 16. Архангельск, 2020.
8. *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. М., 1888.
9. Лямецкий приход (в Онежском уезде). Историко-статистическое описание прихода // Архангельские губернские ведомости. 1869.
10. *Макарий (Миролобов Н.К.)*. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря: в 2 кн. Кн. 1. М., 1879.
11. Отчеты и Обзоры Архангельского губернского статистического комитета за 1874–1904 гг. Архангельск, 1875–1905.
12. *Приклонский А.П.* Пертоминский архив: описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в Музее Соловецкого общества краеведения, XVII–XVIII вв. Соловки, 1927.
13. Сборник грамот Коллегии экономии: в 4 т. Т. II. Л., 1929.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4894. Л. 2; Д. 4942. Л. 2–2 об.; Д. 5288. Л. 21 об. – 22.

Список тоней на Онежском полуострове в XVII–XVIII веках

№	Название тони	Промысловый вид	Владелец	Период, за который имеются данные	Годы монастырского лова	Годы сдачи в аренду	Годы, когда тони не использовались
1	Звонная	Семга	Пертоминский монастырь	1633–1683	–	–	–
2	Ручьевская	Семга	Пертоминский монастырь	1633–1680	–	–	–
3	Чючча, р.	Нет данных	Соловецкий монастырь	1683	–	–	–
4	Сосновка	Семга	Пертоминский монастырь	1683	–	–	–
5	Ручьевиха	Семга	Пертоминский монастырь	1680	–	–	–
6	Куравица	Семга	Пертоминский монастырь	1631	–	–	–
7	Подрожная	Семга	Пертоминский монастырь	1683	–	–	–
8	Кинжуга, р.	Речная рыба	Пертоминский монастырь	1623–1683	–	–	–
9	Ратоминский	Нерпа	Пертоминский монастырь	1684	–	–	–
10	Вежма, р.	Нет данных	Троице-Сергиев монастырь	1653	–	–	–
11	Кумжевая	Кумжа	Соловецкий монастырь	1629–1632	–	–	–
12	Унский Рог	Нерпа	Пертоминский монастырь	1679–1684	–	–	–

№	Название тони	Промысловый вид	Владелец	Период, за который имеются данные	Годы монастырского лова	Годы сдачи в аренду	Годы, когда тони не использовались
13	Сосновка, р.	Семга	Соловецкий монастырь	1621–1753	–	1748, 1753	1732
14	Сосновский бер.	Семга	Соловецкий монастырь	1636–1752	–	1732	–
15	Красавка	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1641	–	–	–
16	Лежаща	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1641	–	–	–
17	Варыхалиха	Семга	Соловецкий монастырь	1644–1732	–	1722, 1732	–
18	Лелинская	Семга	Соловецкий монастырь	1635	–	–	–
19	Погорелка	Семга	Соловецкий монастырь	1644–1732	–	1722, 1732	–
20	Погорелка другая	Семга	Соловецкий монастырь	1722, 1732	–	1722, 1732	–
21	Крестовая	Семга	Соловецкий монастырь	1635–1732	–	1722, 1732	–
22	Волочек	Семга	Соловецкий монастырь	1644–1732	–	1722, 1732	–
23	Чернецкая	Семга	Соловецкий монастырь	–	–	1722	–
24	Большая Му-раканда	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1641–1754	–	1736, 1745, 1746, 1751–1754	1743

25	Малая Мура- канда	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1641–1752	–	1736, 1745, 1746, 1751, 1752	–
26	Мураканское оз.	Озерная рыба	Соловецкий монастырь	1621–1732	1732	–	–
27	Браница	Семга	Соловецкий монастырь	1635, 1732	1732	–	–
28	Малая Кри- ница	Семга	Игуменов Петр, церковь Николы	1621–1635	–	–	–
29	Большая Кри- ница	Семга	Игуменов Петр, церковь Николы	1621–1636	–	–	–
30	Яреньга, р.	Семга	Соловецкий монастырь	1722–1754	–	1722– 1754	–
31	Никольская	Семга	Троице-Сергиев мона- стырь	1610–1664	–	–	–
32	Розлог	Семга	Соловецкий монастырь	1676–1732	–	1722, 1732	–
33	Малая Двер- сянка	Семга	Соловецкий монастырь	1636–1732	–	1722, 1732	–
34	Большая Двер- сянка	Семга	Соловецкий монастырь	1715–1732	–	1715– 1732	–
35	Кошевая	Семга	Соловецкий монастырь	1719–1737	–	1719– 1737	–
36	Подмошече	Семга	Церковь Николы	1621–1635	–	–	–
37	Уползина	Семга	Соловецкий монастырь	1722	–	1722	–
38	Лавкута	Семга	Соловецкий монастырь	1722–1752	–	1722– 1752	–

№	Название тони	Промысловый вид	Владелец	Период, за который имеются данные	Годы монастырского лова	Годы сдачи в аренду	Годы, когда тони не использовались
39	Лукашиха	Семга	Соловецкий монастырь	1645–1754	–	1719–1754	–
40	Крестовая	Семга	Соловецкий монастырь	1645–1750	–	1719–1750	–
41	Сярта	Семга	Соловецкий монастырь	1735–1750	–	1735–1750	–
42	Лудушка	Семга	Николо-Корельский монастырь	1640	–	–	–
43	Безумиха	Семга	Церковь Николы	1621	–	–	–
44	Большая Никольская	Семга	Николо-Корельский монастырь	1730	–	–	–
45	Голодеиха	Семга	Антониево-Сийский монастырь	1739–1763	–	1739–1763	–
46	Лопшеньга, р.	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1618–1621	–	–	–
47	Спорница	Семга	Кирилло-Белозерский и Антониево-Сийский монастыри	1736–1763	–	1736–1763	–
48	Тотманга	Семга	Соловецкий монастырь	1618–1737	–	1733, 1737	–
49	Говенка	Семга	Антониево-Сийский монастырь	1740–1763	–	1740, 1763	–
50	Воронья	Семга	Антониево-Сийский и Николо-Корельский монастыри	1744–1749	–	1744, 1749	–

51	Еричная	Семга	Антониево-Сийский монастырь	1739–1763	–	1739–1764	–
52	Матфиевка	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1754	–	–	–
53	Плошиха	Семга	Соловецкий монастырь	1722	–	1722	–
54	Малое Васи-листо	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1745–1763	1745–1763	–	–
55	Большое Васи-листо	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1763	1743–1763	–	–
56	Защепинская	Семга	Соловецкий монастырь	1635–1742	–	1719, 1732, 1736, 1742	–
57	Копылиха	Семга	Соловецкий монастырь	1719–1722	–	1722	–
58	Банево	Семга	Соловецкий монастырь	1635–1742	–	–	–
59	Баневский подтонок	Семга	Соловецкий монастырь	1719–1736	–	1722, 1736	–
60	Яж наволо	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1618–1763	1731–1763	1727–1730	–
61	Малетка	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1730–1754	–	1730, 1745–1754	1743
62	Усть-Яреньга	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1618–1763	1731–1763	1727–1730	–
63	Каменка	Семга	Кожеозерский мона-стырь	–	–	–	–
64	Ворзоторка	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1746	–	1712, 1730	1743–1746

№	Название тони	Промысловый вид	Владелец	Период, за который имеются данные	Годы монастырского лова	Годы сдачи в аренду	Годы, когда тони не использовались
65	Столбиха	Семга	Соловецкий монастырь	1620–1752	–	1719–1752	–
66	Кончаков наволоок	Семга	Соловецкий монастырь	1620–1763	–	1719–1763	–
67	Могилица	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1622–1746	–	1712, 1730	1743–1746
68	Даншин наволоок	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1622–1754	–	1730, 1745, 1754	1743
69	Пешанка	Семга	Кожозерский монастырь	–	–	–	–
70	Михалица	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1622–1754	–	1712, 1730, 1746, 1754	1745, 1746
71	Дошанка	Семга	Кожозерский монастырь	1621	–	–	–
72	Тимофеев наволоок	Семга	Соловецкий монастырь	1620–1752	1712–1752	–	–
73	Тимофеевская	Семга	Соловецкий монастырь	XVII в.	–	–	–
74	Кярженица	Семга	Соловецкий монастырь	1620–1752	1712–1713, 1716, 1719, 1738, 1752	1732	–
75	Катариха	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1746	–	1730, 1745, 1746	1743

76	Становище	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1763	1743–1763	1730	–
77	Спорница	Нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1743	–	–	1743
78	Спируха	Семга	Соловецкий монастырь	1620–1752	1712–1752	–	–
79	Горбалда	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	–	1712, 1730, 1746, 1754	1743, 1745
80	Нечаевская	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1622–1754	–	1712–1754	–
81	Новинка	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1746	–	–	1743–1746
82	Ондрюков наволоок	Семга	Соловецкий монастырь	1620 г. – XVIII в.	–	–	–
83	Кега	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	1743	1730, 1745–1754	–
84	Угнаволоок	Семга, нерпа	Соловецкий монастырь	1618–1752	1712–1719	1722–1752	–
85	Жижгин, остров	Нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	–	1743–1754	1730
86	Костылиха	Семга	Соловецкий монастырь	1618–1742	–	1719–1742	–
87	Лопалахта	Нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	–	1743, 1745, 1754	1730, 1746
88	Лопатка	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	–	1743–1754	–

№	Название тони	Промысловый вид	Владелец	Период, за который имеются данные	Годы монастырского лова	Годы сдачи в аренду	Годы, когда тони не использовались
89	Малый Перт наволоок	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1745–1746	–		1745–1746
90	Перт наволоок	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	–	1712–1754	–
91	Золотица, р.	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1763	1731–1763	1730	–
92	Никольский наволоок	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1754	–	1745–1754	1743
93	Сатанцы	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1730–1754	–	1730–1754	–
94	Корги Шкулиха и Мондо-риха	Нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1754	–	1712, 1730, 1733–1745	1732
95	Хай наволоок	Семга	Александровский монастырь	–	–	–	–
96	Корга	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1712–1763	1743–1763	1712–1733	–
97	Средняя	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1730–1754	–	1730–1754	–
98	Орлово	Семга, нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1622–1763	1743–1763	1712, 1730	–
99	Городок	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1754	–	1743–1754	–
100	Кресты	Семга	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1754	–	1743–1754	–

101	Мокрая губа	Нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1743–1746	–	1743	1745, 1746
102	Пушлахоцкая губа	Сельдь	Кирилло-Белозерский монастырь	1730–1754	–	1730–1754	–
103	Губский сальный	Нерпа	Кирилло-Белозерский монастырь	1745–1754	–	–	–
104	Шидровка, р.	Кумжа	Кирилло-Белозерский монастырь	1730–1754	–	1730–1754	–
105	Ильина, р.	Кумжа	Соловецкий монастырь	1620–1712	–	–	–
106	Котова, р.	Кумжа	Соловецкий монастырь	1620–1712	–	–	–
107	Палова, р.	Кумжа	Соловецкий монастырь	1712	–	–	–
108	Лямца, р.	Кумжа	Соловецкий монастырь	1620–1712	–	–	–
109	Пурнема, р.	Кумжа	Соловецкий монастырь	1712	–	–	–
110	Вейга, р.	Кумжа	Соловецкий монастырь	1712	–	–	–
111	Ухта, р.	Семга	Соловецкий монастырь	1620–1712	–	–	–

* *Примечания:* 1. Номера тоней указаны в соответствии с картой на ил. 1. 2. Источник: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. СПб., 1894. С. 256–298 (Русская историческая библиотека. Т. XIV); *Белюров С.А.* Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады. М., 1888. С. 46; *Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря. СПб, 1896. С.11; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. X. СПб., 1867. С. 301–307; *Приклонский А.Л.* Пертоминский архив. Соловки, 1927. С. 31–32; РГАДА. Ф. 350; Оп. 1. Д. 168. Л. 474 об. – 487 об.; Д. 104. Л. 1380; Ф. 1196. Оп. 1. Д. 507. Л. 5–5 об.; Д. 578. Л. 1 об. – 5 об.; Д. 926. Л. 1 об., 4 об.; Ф. 1201. Оп. 2. Д. 22. Л. 2 об.; Оп. 4. Д. 418. Л. 2–10. Д. 720. Л. 8; Оп. 5. Д. 2052. Л. 9 об. – 18. Д. 4826. Л. 2; Ф. 1441. Оп. 2. Д. 17. Л. 1; Д. 45. Л. 29 об.; Д. 109. Л. 2; Д. 1406. Л.13; Д. 4442. Л. 4; Д. 5076. Л. 4; Д. 5300. Л. 2 об.; Д. 6342. Л. 1 об. – 15 об.; Д. 6351. Л. 2; Сборник грамот Коллегии экономии: в 4 т. Т. II. Л., 1929. № 7; и др.

Формулы этикета в говорах Кенозерья

Анненкова Дарья Александровна — магистрант филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; dasha.dobk@yandex.ru

Статья посвящена формулам этикета, зафиксированным в архангельских говорах на территории Кенозерья. В работе рассмотрены формулы приветствия, прощания, благопожелания и ответы на эти приветствия и благопожелания. Наряду с общерусскими конструкциями в архангельских говорах обнаруживается множество оригинальных этикетных формул, дифференцирующихся в зависимости от конкретной речевой ситуации. Выбор формулы приветствия и прощания может быть обусловлен временем суток, социальным статусом адресата и другими факторами. В некоторых ситуациях на этикетные формулы налагается запрет. Благопожелания в говорах Кенозерья произносятся в самых разных ситуациях. Зафиксированы формулы, произносимые перед сном, при пожелании здоровья и благополучия, при угощении. Особые благопожелания адресуются человеку, занимающемуся каким-либо трудом: стрижкой овец, доением коровы, стиркой и т.д. Также в работе рассмотрены ответы на благопожелания и благодарность. Статья написана на основе ранее не вводившихся в научный оборот материалов, собранных диалектологами в ходе экспедиций в Архангельскую область.

Ключевые слова: этикет, формулы этикета, архангельские говоры, говоры Кенозерья, диалектология, русская диалектология.

Для социума чрезвычайно важны формулы этикета. Любой язык мы начинаем с изучения формул приветствия, прощания, благопожелания и ответов на эти приветствия и благопожелания. Анализируя этикетные формулы, исследователи отмечают, что речевой этикет — это «совокупность стереотипных вербальных единиц, используемых для проявления доброжелательного отношения к собеседнику в различных ситуациях общения» [2, с. 5]. Формулы этикета рассматриваются лингвистами в первую очередь в связи с фатической функцией языка, которая «реализуется в разнообразных ситуациях общения и связана с установлением, содержанием и завершением/размыканием речевого контакта» [5]. Понятие «фатического общения», введенное в научный оборот Б. Малиновским, получило свое развитие в трудах Р. Якобсона, рассматривающего фатическую функцию как обмен «ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации» [10, с. 195].

Этикетные формулы характеризуются повторяемостью и устойчивостью, что обеспечивает их повсеместное узнавание: «Новых слов в этой области практически не появилось», поэтому «процесс изменений остается незамеченным» [6]. Тем не менее речевой этикет представляет собой живую систему, реагирующую на изменения в обществе, и оказывается различным в разные эпохи.

В литературном языке и диалектах могут использоваться разные формулы этикета. В говорах наряду с общерусскими конструкциями обнаруживается множество оригинальных словосочетаний и лексем. В статье рассмотрены этикетные формулы, зафиксированные на территории Архангельской области в говорах Кенозерья. Они включают в себя приветствия, благопожелания и прощания.

1. Формулы приветствия. Наиболее частотные формулы приветствия в архангельских говорах включают в себя общерусские слова: *здравствуйте, здравствуй, привет*. Приветствия выбираются говорящим в зависимости от статуса и возраста собеседника.

1.1. При встрече с незнакомым взрослым человеком или человеком более высокого социального статуса используются лексемы *здравствуй, здравствуйте, здравствовать, здорово, здравия желаю, доброго здоровья-ца: Здравствуйте, проходите, проходите!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Здравствовать, Александр Иванович! Всем здравствовать!* (Мезенский р-н, д. Совполье).

Лексемы сопровождаются обращением к собеседнику по имени и отчеству, в противном случае считается, что этикетная формула нарушена: *Здорово, здорово – и́менём, по име-óчкины, а он пошёл круто: «Здорово, бабушка!»* (Лешуконский р-н, с. Олема).

При приветствии, направленном на собеседника равного социального статуса или младшего по возрасту, употребляются лексемы *здравствуй, здоро́ванько, здоро́вате, привет: Привет, Худяковы, привет сенокосникам!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Ой, здравствуй, лобушка моя!* (Плесецкий р-н, с. Церковное). *Здравствуешь, Володя!* (Лешуконский. Вожгора). *Здравствуйшь, детонька!* (Холмогорский р-н, д. Прилуки). *Здорованька!* (Вилегодский р-н, с. Павловск). *Доброго здоровьяца!* (Вилегодский р-н, с. Павловск). При этом обращение по имени и отчеству не считается обязательным, хотя тоже встречается.

В говорах Кенозерья сохраняются не все перечисленные формулы: речевой этикет в говорах, «как и в литературном языке, подвижен, изменчив, соответствуя поведенческим изменениям в социуме» [1, с. 307]. На данный момент наиболее частотными лексемами, используемыми в говорах Кенозерья при приветствии, являются *здравствуйте, здорово, здоро́вате, привет: Здравствуйте, девоньки!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Серёга, здорово! Чё делаешь-то?* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *О, с Почы приехали, привет!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Иван Акимыч, здоро́вате!* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча).

1.2. Приветствия в архангельских говорах дифференцируются в зависимости от ситуации и могут быть классифицированы различным образом. Приветствия, связанные с временем суток: при утренней встрече произносится *здорово ночевали, доброе утро, доброго утра: Да говорили: «здорово ночевали», говорили утром* (Шенкурский р-н, с. Тарня). *Ночевали здорово, крещёны!* (Шенкурский р-н, сел. пос. Верховаденьга). При дневной встрече используются лексемы *здравствуйте, привет, добрый день, доброго дня: Здравствуйте, здравствуйте, заходите, хвастайте!* (Плесецкий р-н, д. Вершинино). *Привет соседям!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Доброго дня, матушки!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). При встрече вечером в ответной формуле используется общерусское словосочетание *добрый вечер: Добрый вечер! Гулять идёте?* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). *Доброго вечера, девочки!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). Приветствия, направленные на конкретного адресата: человеку, входящему в дом, говорят: *Здорóвайте, дорога где – так по старинке говорят, здороваются у нас* (Лешуконский р-н, с. Возгора). Приветствуя приехавшего, говорят: *Ой, да с весёлым прибытием!* (Вельский р-н, пос. Судрома). Множество формул приветствия используется в свадебном обряде.

1.3. Формулы приветствия часто включают в себя обращения, которые могут быть направлены как на одного собеседника, так и на группу лиц. Лексемы *крещёные, крещёный* употребляются по отношению к любому человеку вне зависимости от степени знакомства, социального статуса и принадлежности к конфессии: *Раньше придёшь в избу, скажешь: «Здорóво, все крещёны»* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Садись давай, крещёны. Садитесь за стол, крещёные, попьём чайку-то. Ешьте, крещёные, больше никаких пирогов нету* (Плесецкий р-н, д. Вершинино).

К девушке, женщине более младшего возраста обращаются *девонька, девочка, девушка, любушка, матушка: Здравствуйте, девоньки!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Девушки, проходите!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Ой, здраствуй, лóбушка моя!* (Плесецкий р-н, д. Вершинино). *Здравствуйте, матушки мои, бежите домой!* (Плесецкий р-н, пос. Поча).

К мужчине, мальчику обращаются *парень, парнёк, батюшко: Надо, батюшко, пей!* (Плесецкий р-н, д. Першлахта). *Работай, Андрюша, батюшко* (Плесецкий р-н, д. Першлахта).

Лексемы *матушка, батюшко* используются в отношении любого человека, родственника и неродственника, включая детей. Бытуют и особые обращения, в которых «смешивается половая принадлежность: обращение *паря, брат* может быть направлено к девочке/девушке, как и «составные» обращения *девка-паря, паря-девка, парень-девка, паря-девушка, девки-ребята-братци*» [4, с. 340].

1.4. Формулы приветствия характеризуют нормальное поведение человека в обществе, а их отсутствие оценивается как нечто ненорматив-

ное: *Зашёл — и ни здрасте, ни прости* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). *Я поражаюсь, что такие люди ещё есть! Ни здравствуй, ни прости, такое чучело!* (Плесецкий р-н, д. Вершинино). *Ой, золотая, там всё идут-идут-идут, и ни здорово, ни прости* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча).

В ряде случаев на формулы приветствия налагается ограничение или запрет: считается неправильным при встрече с болеющим человеком употребление формул, содержащих лексему *здоровье*: *Не спрашивай у больного здоровье* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). У данного выражения есть не только прямой, но и переносный смысл. Оно может быть использовано как ответная реплика на вопрос, касающийся неприятной для человека темы.

В некоторых ситуациях приветствия запрещены. Это происходит, когда боятся сглаза или порчи. Таким образом, запрет на приветствия выполняет апотропеическую функцию. Например, нельзя здороваться, когда идешь за святой водой в Крещение: *Ты идёшь, я идёшь — ни здорово, ни прости, ничего не говори, тайно старались сходить* (Шенкурский р-н, сел. пос. Верхоледка). Или когда собираешься гадать: *Идёшь на рощань, на перекрёсток трёх дорог, когда идёшь, ни с кем ни здороваешься* (Плесецкий р-н, пос. Поча). Когда доишь корову: *Пока я подойник не поставила на стол, я ни с кем не здороваюсь. Когда не забуду, полотенчиком накину на ведро. Всё говорят, сглазят, что корова будет меньше доить* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). Нельзя здороваться и разговаривать с человеком, который идет на охоту, на рыбалку, в лес: *Когда человек в лес идёт, никогда нельзя кликать и спрашивать, куда идёт* (Плесецкий р-н, пос. Поча).

1.5. Приветствовать необходимо не только людей, но и мифологических духов-хозяев чужого пространства и те локусы, где эти духи обитают. Принято здороваться, заходя в лес и приходя на озеро. Если не проявить должного уважения, то духи могут навредить человеку: «В народной картине мира фантастические, мифологические существа мыслятся как реально существующие, хотя и имеют особую природу: они, согласно народным представлениям, существуют параллельно миру людей и могут взаимодействовать с человеком» [3, с. 7]. Можно обращаться непосредственно к лесу или озеру: *Я в лесную избушку захожу, перед этим поздороваюсь: здравствуй, избушка, привечай! И с озером здороваюсь* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Я дак всё здороваюсь с лесом, захожу дак. «Здравствуй, лес!» — крикну во всё горло.* (Плесецкий р-н, д. Першлахта).

Примеры, в которых человек здоровается, прощается, благодарит чужое пространство, регулярно записывались на территории всей Архангельской области. Так, лес — «одно из воплощений “иного мира” и место постоянного скопления нечистой силы» [7, с. 24], а леший, мифологический хозяин леса, «является едва ли не самым распро-

страненным и ярким образом народной демонологии на Русском Севере» [8].

2. Формулы прощания. Конструкции, употребляющиеся при прощании, в говорах более вариативны, чем в литературном языке. Они так же различаются в зависимости от ситуации.

2.1. При прощании в завершении беседы в Кенозерье используются формулы *до свиданья, давай до свидания, давайте гостите, давайте увидимся, давайте приходите как чего, с Богом* и др.: *Ну ладно, до свиданья* (Плесецкий р-н, Поча). *Давайте до свидания, приходите* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). *Хорошо, девочки, давайте гостите, когда делать нечего будет* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Ну, до свидания, давайте увидимся!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Ну приходите, как чего* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Бежите с Богом!* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча).

2.2. В других архангельских говорах фиксируются еще и такие формулы прощания, как *покатой дороги, счастливого пути, хорошей дорожки, с Богом, благослови Господи* и другие, произносящиеся, когда человек уезжает в дальнюю дорогу: *Дай Бог вам пути-здоровья да дорожечки хорошей* (Мезенский р-н, д. Бычье). *Как не увижу, счастливой вам дороги* (Шенкурский р-н, д. Котажка).

На территории Кенозерья, прощаясь надолго, говорят: *с Богом, благослови Господи, счастливого пути: Я так всё с Богом да перекрещу* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Удачной вам поездки! Благослови с Богом* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Ну давайте, счастливого пути!* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). *С Божьей помощью в путь!* (Плесецкий р-н, пос. Поча).

2.3. С духами-хозяевами необходимо не только здороваться, но и прощаться. Человек также прощается с лесом, озером: *Пойдѣшь [из леса]: «Оставайся, полянка, с добром!»* (Онежский р-н, д. Большой Бор). *«Здравствуй, избушка, привечай». И прощаюсь с ней и с озером* (Плесецкий р-н, пос. Поча).

3. Благопожелания. С формулами приветствия и прощания тесно соотносятся благопожелания, которые звучат в самых разных ситуациях: приветствия гостя, пришедшего в дом; приглашения к столу; угощения; приветствия работающему; поздравления; прощания на ночь. Благопожелания широко распространены не только на территории Архангельской области. По мнению специалистов, у разных народов они «восходят к языческим обрядам призывания удачи». Под термином «благопожелание» понимается «принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание добра одним лицом в адрес другого лица» [2, с. 10].

3.1. В архангельских говорах существовали особые формулы приветствия, которые использовались при входе в чужой дом: *Живут добро!* (Вилегодский р-н, с. Павловск). *Раньше-то заходят, первое дело: «Живут хорошо!» И хозяйева: «Садись да здравствуй!»* (Красноборский р-н,

с. Верхняя Уфтюга). *Сейчас* — «здравствуйте», а раньше: «**Здорово живите!**» (Плесецкий р-н, пос. Поча). «**Здорово живите!**» — шапки складут и рукавицы (Ленский р-н, с. Тохта).

3.2. Зафиксированы приветствия-пожелания человеку, занимающемуся каким-либо трудом: *Раньше говорили: Здоровоте! Труд в пользу, если работают* (Верхнетоемский р-н, д. Чёрный Ручей). *Здравствуйте! Успеха в работе вам!* (Красноборский р-н, д. Кречетово).

Пожелания дифференцируются в зависимости от того, каким именно трудом занят человек. Стрижкой овец: *Шуба на бабенку!* (Красноборский р-н, д. Телегово); Стиркой: *Бельна в корыто!* (Лешуконский р-н, д. Родома); Доением коровы: *Морё под кормилицу!* (Красноборский р-н, д. Телегово). *Морешко под матушко!* (Устьянский р-н, д. Сабуровская).

На территории Кенозерья таких дифференцированных благопожеланий работающему записать не удалось. Там используются обобщенные приветствия, адресованные человеку, занимающемуся любым трудом: *Труд на пользу или Бог в помощь. А он отвечал «спасибо»* (Плесецкий р-н, пос. Поча).

3.3. В архангельских говорах, помимо общерусской формулы *спокойной ночи*, употребляются и другие пожелания перед сном: *Давайте, до свидания вам на тёмную ночь* (Плесецкий р-н, д. Вершинино).

3.4. Особые формулы используются при угощении: *Не стесняйся, ешь знай* (Пинежский р-н, д. Ёркино). *Давай, блины берите, живите как дома!* (Вилегодский р-н, с. Павловск). *Ешьте здорово!* (Пинежский р-н, д. Явзора). *Ешьте, не бойтесь!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Кушайте, на здоровье вам* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча).

3.5. При пожелании здоровья и счастья на территории Кенозерья употребляются такие формулы, как *Будь здрава да счастлива!* (Плесецкий р-н, д. Вершинино). *Дай Бог счастья!* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). В материалах, записанных в других населенных пунктах, фиксируются иные формулы: *Дай Бог здоровьица да памяти большой!* (Виноградовский р-н, с. Заостровье). При пожелании долгих лет жизни: *Как будто тебе далёкого здоровья* (Устьянский р-н, с. Бестужево). *Дай Бог хорошего времени, хорошей жизни семейной дак. Дай Бог вам добра да здоровья!* (Пинежский р-н, д. Явзора). *Дай, Господи, всем людям крещёным добра и здоровья!* (Приморский р-н, д. Сюзьма). *Дай Бог, храни в жиле!* (Холмогорский р-н, д. Ныкола).

3.6. Самый частотный ответ на благопожелания — *спасибо* — лексема, этимологически возводящаяся к словосочетанию: *Спаси Бог: «Искон. Сращением спаси богъ, с отпадением после утраты редуцированного конечного э»* [9]. Возникает вопрос, каким мог бы быть ответ на благопожелания в дохристианскую эпоху? Нельзя ли считать реликтом такого ответа сочетания типа *давай ладно* или *ладно давай*, часто фиксирующиеся на территории всей Архангельской области?

3.7. В говорах Кенозерья используется несколько формул, которые произносятся в ответ на благодарность: *на здоровье, на здоровьице, пожалуйста: На здоровьице, на здоровьице* (Плесецкий р-н, д. Усть-Поча). *Кушайте малину на здоровье, девочки!* (Плесецкий р-н, пос. Поча). *Пожалуйста, девочки!* (Плесецкий р-н, пос. Поча).

В статье была рассмотрена лишь небольшая часть этикетных формул, которая используется в бытовом общении при встречах, прощаниях, пожеланиях. Ситуаций употребления этих формул очень много. За пределами нашего исследования остались формулы приветствия при приглашении к столу, благопожелания, связанные со свадебным, крестильным и похоронным обрядами, обмен приветствиями на Пасху и другие праздники, формулы благопожелания и прощания при отъезде в армию и приветствия при возвращении из армии, формулы прощания с домом при переезде, благодарности и ответы на них. Все это заслуживает дальнейшего детального изучения.

Список литературы

1. Гришанова В.Н. Речевой этикет как элемент народной культуры. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-etiket-govora-kak-element-narodnoy-kulturny> (дата обращения: 12.09.2023).
2. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zorina/index.htm> (дата обращения: 14.09.2023).
3. Добкина Д.А. Женские демонологические персонажи Русского Севера (по материалам архангельских говоров). М., 2022.
4. Качинская И.Б. Свет ты мой миленький дружок: номинация и обращение (по материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии: в 2 т. Т. II (VII). М., 2004. С. 334–346.
5. Козловская Л.А. Фатическая функция языка: социолингвистический и структурно-грамматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993.
6. Кронгауз М. Новое в речевом этикете // Журнал «Русский язык». URL: <https://rus.lsept.ru/article.php?ID=200100301&ysclid=llnsh2sgyb306063613> (дата обращения: 10.09.2023).
7. Левкиевская Е.Е. Русская народная мифология. М., 2009.
8. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера // Вологодская областная универсальная научная библиотека. 1996. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/6.htm> (дата обращения: 21.08.2023). 1996.
9. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка // Gugo.me – словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения: 14.09.2023).
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

Тони как характерный элемент традиционного культурного ландшафта Летнего берега Белого моря.

Результаты обследования прибрежных промысловых участков в 2023 году

Анциферова Анна Ивановна – главный хранитель музейных фондов, Национальный парк «Кенозерский»; antsiferova@kenozero.ru

Статья посвящена тоням – промысловым участкам Летнего берега Белого моря, которые рассматриваются с точки зрения прибрежного традиционного культурного ландшафта. В течение нескольких столетий здесь формировалась особая производственная и бытовая морская культура, связанная прежде всего с семгой – основной промысловой рыбой этого побережья. В последние годы под влиянием различных факторов происходят изменения этой системы.

Ключевые слова: поморы, Онежский полуостров, Летний берег Белого моря, тоня, промысловый участок, прибрежные морские промыслы.

Традиционная система деления прибрежной полосы Летнего берега Белого моря на промысловые участки сложилась несколько веков назад. К XV–XVI вв. относятся первые документальные свидетельства о владельцах тоней, о способах смены собственников посредством купли-продажи, дарения, раздела, обмена или вклада в монастыри. Эта система оставалась практически без изменений на протяжении нескольких столетий, все изменения происходили в основном внутри участков – деление крупных тоней на мелкие (первые и вторые, малые и большие) – и были вызваны увеличением численности населения на Онежском полуострове, а также ростом числа претендентов на экономически выгодные морские промыслы.

Тогда же формируется традиционная инфраструктура тоней, предназначенная для обеспечения поморов всем необходимым во время длительного промысла семги вдали от дома. Тоньские избы, карбасы, орудия лова и вешала для их просушки, колодцы, шесты-флюгеры, амбары-склады для хранения орудий лова, поклонные кресты стали характерными элементами традиционного культурного ландшафта.

В 1910 г. ихтиолог, специалист по промысловым рыбам Белого и Баренцева морей Василий Рафаилович Алеев обследовал и описал промысловые участки Летнего берега, указал их последовательность и владельцев, протяженность, орудия лова, наличие карбасов, количество рыбаков, результативность отдельных наиболее продуктивных тоней.

В его публикации применительно к отдельным тоням встречается описание особенностей ландшафта, но нет сведений о прибрежной инфраструктуре каждого участка: не упоминаются поклонные кресты и часовни, избы и иные сооружения. В.Р. Алеев дает общую характеристику прибрежного рыбацкого хозяйства: «По всему берегу нет такого места, где бы семга совсем не ловилась: тони без перерыва следуют одна за другой. Весь Летний берег можно себе представить установленным тайниками. Летний берег довольно равномерно заставлен орудиями лова. Как необходимая принадлежность лова семги тайниками является карбас. Это более или менее солидно построенная лодка, способная ходить по морю. Величина ее различная, но колеблется в пределах таких, что один человек мог с ней справиться. При внезапно разразившемся шторме или вообще при настолько бурной погоде, что уже дальше тайник нельзя оставить в воде — другая работа: нужно тайник, снимая с кольев, выбрать в карбас и, если есть основание думать, что шторм будет продолжительный, развесить сети на вешала. Необходимая принадлежность каждой тони, обычно, находящейся в нескольких верстах от селения, — это промысловая избушка. Лов семги требует постоянного присутствия, в крайнем случае, одного человека около поставленного тайника. В большинстве случаев бывает двое ловцов, а при 2-3 и более неводах обязательно несколько человек. Селений по Летнему берегу мало, и расстояние между ними доходит до 40 верст. Поэтому часть населения лето и особенно осень живет в промысловых избушках» [1, с. 81–83].

В 1930-х гг. все промысловые участки, ранее принадлежавшие монастырям или поморам, были национализированы и использовались рыбаковскими колхозами. В послевоенные годы, судя по документам рыбаковских колхозов, отдельные наиболее продуктивные, или, как говорят поморы «уловистые», тони преобразуются в рыбстаны на большее количество рыбаков с возможностью их длительного проживания вдали от дома. В конце 1950-х гг. мелкие рыбаковские колхозы укрупнили. И с этого времени исследуемый участок Летнего берега находился в пользовании колхоза имени Калинина, колхозов «Заря» и «Беломор». С 2018 г. колхоз «Заря» вошел в состав рыбаковского колхоза имени Калинина.

В 2023 г. автором статьи проведено экспедиционное исследование тоней Летнего берега Белого моря (в границах Национального парка «Онежское Поморье») с целью описания их современного состояния, а также сравнительного анализа выявленных ранее архивных, научных, иллюстративных, картографических материалов. Важнейшая задача исследования — фотофиксация фактов прибрежной промысловой деятельности на Онежском полуострове, выявление исторических фотографий, связанных с промыслом рыбы и морского зверя. С помощью фотогра-

фий разных лет можно проследить изменения в архитектуре тоньских изб, карбасах, орудиях лова, обозначить тони, маркированные поклонными крестами, выявить особенности рельефа, но таких фотографий крайне мало.

Общая протяженность изученного участка составила около 100 км, от р. Чукча до мыса Ухт-Наволок, где заканчивается Летний берег Белого моря и начинается Онежский берег. В ходе обследования фиксировались все строения и иные инфраструктурные сооружения, расположенные в границах каждой тони, а также их состояние. Собирались сведения о владельцах и промысловой специфике каждого конкретного участка.

Результаты обследования и беседы с местными жителями показали, что некоторые промысловые участки, находящиеся в долгосрочной аренде у рыболовецких колхозов в настоящее время законсервированы. Например, про тону «Чернечка» жители Яреньги рассказывают: «Колхоз ловил в прошлом году. Плохая тоня оказалась. Ее колхоз законсервировал». Среди законсервированных также оказались тони «Спасская», «Крестовая» и «Большая Сярта» в промысловом районе д. Лопшеньги.

В 2023 г. на обследованном побережье рыболовецкий колхоз имени Калинина осуществляет промышленный лов только на трех участках. Тони «Турка» и «Никольская» обслуживаются четырьмя рыбаками из Лопшеньги, тоня «Браница» – двумя рыбаками из Яреньги. На каждом участке рыбаки выставляют по одному семужьему неводу – «нёводу», как эти орудия лова называют поморы. Также на этих тонях в 2023 г. впервые планово осуществлялся промысел горбуши. Рыбаки отметили, что ожидали массового подхода горбуши к Летнему берегу Белого моря, но рыбы оказалось крайне мало¹.

Находящиеся на удалении от деревень обследованные колхозные тони «Браница» в промысловом районе Яреньги и «Никольская» в промысловом районе Лопшеньги имеют схожую инфраструктуру. На яреньгской тоне «Браница» есть изба, семужий невод, два карбаса (большой для установки и снятия невода, а также небольшой карбас-подъездок для ежедневной проверки невода), вешала для просушки снастей, флюгер. На избе закреплена табличка с названием участка, координатами и условными границами (ил. 1). Схожая инфраструктура – у лопшеньгской тони «Никольской», где сохранились

¹ В 1950-х гг. в Баренцево море завезли горбушу (тихоокеанского лосося) двух генеративно-изолированных линий – четных и нечетных лет. Наибольшие адаптивные преимущества в наших северных условиях оказались у горбуши с непродолжительным и ранним нерестом нечетных лет. Продолжительность жизненного цикла такой горбуши от нереста до нереста составляет два года, что определяет двухлетнюю периодичность колебаний ее численности.

жилая изба, построенная в 1970-х гг., и старая изба, используемая как склад, наличествуют невод, два карбаса, вешала и флюгер. В настоящее время рыбаки, обеспеченные техникой с хорошей проходимостью, не сидят на тонях, а ездят на свои участки два раза в день для проверки орудий лова.

По-иному выглядит тonya «Турка». Поскольку она расположена в центре д. Лопшеньги, то тоньская изба, являющаяся непременным атрибутом дальних промысловых участков, отсутствует. В настоящее время тоню можно определить только по информации местных жителей, карбасам и установленному неводу (ил. 2). На территории каждого населенного пункта вдоль Летнего берега имеется несколько традиционных промысловых участков, а главный элемент тони — избушка — отсутствует, т.к. рыбаки могут в любой момент уйти домой или наоборот прийти для проверки орудий лова.

На обследованном участке Летнего берега Белого моря обнаружены руинированные или уже разрушенные сооружения колхозных рыбстанов, рыбоприемных пунктов Пертоминского рыбокомбината, а на тоне «Зацепино», где в XX в. происходил обмен почтой между Лопшеньгой и Летним Наволоком, зафиксированы остатки почтового стана.

Все остальные традиционные промысловые участки, удаленные от населенных пунктов, обозначены частными избами или землянками. На отдельных избах, которые еще используются или уже брошены, обнаружены владельческие и датирующие знаки (например, «ААФ 189_ изба построена»). Разновременные пометы («ВAB 1914», «ПИА 1915», «СФГ 1913 окт 7», «1918 г. ЕПГ») на наружных стенах одной избы (ил. 3), предположительно, означают конкретных рыбаков и года их «сидения на тони».

По свидетельству рыбаков, в последние годы практически нет необходимости в строительстве изб для длительного проживания, или как обозначают местные жители «сидения на тони», т.к. многие промысловики имеют различные транспортные средства и могут ежедневно, если это необходимо, ездить до своего участка и возвращаться домой. Место своего промысла они маркируют столбиками, камнями, железными бочками, особенностями рельефа, триангуляционными знаками. По словам рыбаков, каждый знает, где чья тonya. Существуют негласные правила пользования участками. Каждый рыбак пользуется только своим участком. Если у местных рыбаков возникает желание поставить орудие лова не на своем участке, то нужно спросить разрешение у владельца, договориться с ним.

На участке побережья протяженностью 20 км от мыса Красногорский Рог до болота Шомбарский Мох в 1910 г. располагались тони Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря и с. Красная Гора. Затем промышленный лов осуществлял рыболовецкий колхоз имени

Калинина. Сейчас рыболовы-любители из пос. Пертоминск активно используют побережье от Красногорского Рога до р. Чукча, берега которой соединяет аварийный мост. После реки орудия лова ставит только один житель Пертоминска, он использует тоню «Костылев Мох» (сейчас эта тоня называется «Костылёво»). За д. Красная Гора, где постоянно проживает только один человек, сохраняется тоня «Канава». Такое название промысловый участок получил из-за канала, прокопанного из оз. Красного в Белое море более 100 лет назад. На этой тоне стоят два амбара, в которых хранятся лодки, моторы, орудия лова. В 1910 г. В.Р. Алеев на этом участке описал 17 промысловых участков, на которых были установлены 25 неводов-тайников для промысла семги. В 2023 г. на этом 15-километровом участке зафиксированы четыре рыбацкие избы, одна землянка, а также столбики, маркирующие участки, флюгеры и вешала. По свидетельству местных жителей, карбасов в Пертоминске ни у кого нет, их давно не шьют, поэтому рыбаки используют лодки из резины или ПВХ (поливинилхлорид – пластик). И действительно, ни один традиционный «шитый» карбас на обследованном участке не обнаружен.

Промысловый район д. Яреньги протяженностью чуть больше 30 км простирается от мыса Яреньгский Рог до тони «Спорница» («Болотиха»). В 1910 г. В.Р. Алеев зафиксировал 34 тони (самая маленькая – «Сербичка» – 0,13 км, самая большая – «Рог» – 2,6 км), на которых разными владельцами были установлены 55 семужьих неводов-тайников. Исследователь отметил, что по результатам промысла 1909 г. доходность 11 тоней составила от 1000 до 2000 рублей – самые высокие экономические результаты за тот год по Летнему берегу Белого моря. В 2023 г. только на тоне «Браница» колхоза имени Калинина зафиксирован один семужий невод, а колхозные участки «Крестовая» и «Чернечка» колхозом законсервированы.

Остальные 28 участков используются рыболовами-любителями д. Яреньги. Избы или землянки зафиксированы на 25-километровом участке от Яреньги до Яреньгского Рога. Часть из них заброшена и не используется уже несколько лет, некоторые избышки из-за смерти постоянного владельца используются случайными рыбаками. Помимо колхозного семужьего невода зафиксированы одна рюжа на навагу, камбалу и сига, а также несколько сеток. На берегу находились лодки: два традиционных карбаса, одна деревянная плоскодонка, остальные – резиновые, металлические или пластиковые. К важным хозяйственным элементам можно отнести несколько полузаброшенных колодцев, устроенных рыбаками недалеко от промысловых изб. Этими колодцами пользовались во время длительного пребывания на участке. У некоторых изб стоят шесты, к которым до недавнего времени крепились флюгеры для определения направления ветра.

Наибольшая сохранность традиционного культурного прибрежного ландшафта характерна для промыслового района д. Лопшеньги, который начинается от тони «Большая Сярта» (между Яреньгой и Лопшеньгой) (ил. 5) до тони «Банёво» (между Лопшеньгой и Летним Наволоком). Протяженность – больше 30 км.

В 1910 г. В.Р. Алеев отметил здесь 37 тоней (самая маленькая – «Никольская» – 0,3 км, самая большая – «Галдарея» – 1,9 км) и самую высокую плотность установки орудий лова – здесь насчитывалось 79 семужьих неводов-тайников. В 2023 г. зафиксировано два невода на тонях «Турка» и «Никольская», несколько руж и сетей. Тони «Спасская», «Сийская», «Гнидино» законсервированы, остальные используют жители д. Лопшеньги. На этом участке отмечена самая высокая концентрация промысловых изб, принадлежащих местным рыболовам-любителям. Все промысловые участки, сформировавшиеся в XVI–XVIII вв., сохранили свои названия. Они по-прежнему используются местными жителями и имеют развитую инфраструктуру: избу с каменной или железной печью, вешала, карбас или лодку (резиновую или ПВХ), флюгер, колодец. На тоне «Зацепино» установлен крест (ил. 4).

В промысловом районе д. Летний Наволок, историческая протяженность которого около 30 км, от тони «Бонёво» (между Лопшеньгой и Летним Наволоком) до тони «Волчий» (между Летним Наволоком и Летней Золотицей) в 1910 г. насчитывалось 29 промысловых участков, на которых было установлено 54 семужьих невода. В тот период самой маленькой считалась тоня «Малютка» протяженностью 0,15 км, самой большой – «Малая Кега» протяженностью 1,8 км. В настоящее время промысловый район д. Летний Наволок сохраняется за рыболовецким колхозом «Беломор», который значительно укрупнил участки. Их всего пять, включая тоню «Бонёво», традиционно использовавшуюся жителями Лопшеньги. В 2023 г. характерными особенностями традиционного прибрежного культурного ландшафта можно считать избы на тонях «Каменка» и «Михалица», избу на тоне «Кярженица», которую в 2014 г. перестроили под часовню (ил. 6).

В д. Летний Наволок постоянно проживают пять человек, летом численность населения увеличивается. Колхоз «Беломор» дает разрешение на лов рыбы местным жителям, которые, как и жители соседних деревень, имеют всевозможные транспортные средства для ежедневного (в случае необходимости) посещения своих промысловых участков. В отдельных местах этого населенного пункта в море установлены ружи и сети без уже знакомой развитой инфраструктуры на берегу. Часть населения этой деревни рыбачит в непосредственной близости от нее – на исторической тоне «Становище», которая также не маркирована избой.

Таким образом, анализ различных источников информации и экспедиционные обследования показывают, что названия тоней и их отдельные инфраструктурные атрибуты – характерный элемент традиционного прибрежного культурного ландшафта Летнего берега Белого моря на протяжении достаточно длительного времени.

В настоящее время промысловая прибрежная деятельность, а стало быть, и участки сохраняются в промысловых районах населенных пунктов с достаточной численностью населения. При немногочисленности населения в отдельных деревнях дальние промысловые участки забрасываются. Однако в последнее время благодаря развитию техники и появлению различных транспортных средств хорошей проходимости отпадает необходимость долговременного пребывания («сидения») на своих тонях. Это может постепенно привести к окончательному забрасыванию промысловых изб. Также изменения происходят и в водных транспортных средствах. В последнее время традиционные карбасы, которые в некоторых летнебережных деревнях уже совсем перестали «шить», заменяются на лодки из резины или ПВХ. И в количественном, и в качественном отношении изменились традиционные орудия лова. Если рюжи и сети для лова наваги, камбалы и сига еще широко используются местным населением, то снастей на семгу – основную промысловую рыбу этого берега – осталось очень мало. Семужьи невода можно использовать только при промышленном рыболовстве, а его объемы в этом районе Белого моря постепенно сокращаются. Также на побережье очень мало поклонных крестов, часовен и иных широко распространенных ранее инфраструктурных элементов промысловых участков.

Таким образом, для сохранения и отражения многовековой промысловой истории Летнего берега необходимо выбрать наиболее характерную тону для последующей консервации и музеефикации.

Список литературы

1. *Алеев В.Р.* Отчет о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий. СПб., 1913.

Об истории озера Чёлмское и древнейших обитателях Кенозерья¹

Герасимов Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; dger@kunstkamera.ru

Кузнецов Денис Дмитриевич — кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт озероведения Российской академии наук — Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук; dd_kuznetsov@mail.ru

Лудикова Анна Валерьевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт озероведения Российской академии наук — Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук; ellerbeckia@yandex.ru

Муравьев Роман Иванович — лаборант, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; студент, Санкт-Петербургский государственный университет; alcesalces243@gmail.com

Сапелко Татьяна Валентиновна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт озероведения Российской академии наук — Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук; tsapelko@mail.ru

Хартанович Валерий Иванович — кандидат исторических наук, заведующий отделом антропологии, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; vkhartan@kunstkamera.ru

Холкина Маргарита Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет; младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; tyttokulta@yandex.ru

© Герасимов Д.В., Кузнецов Д.Д., Лудикова А.В., Муравьев Р.И., Сапелко Т.В., Хартанович В.И., Холкина М.А., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»» на исследование по теме «Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования».

Авторы выражают глубокую благодарность администрации и сотрудникам Национального парка «Кенозерский» за многолетнюю систематическую поддержку археологических изысканий в Кенозерье и Лекшмозерье. Отдельная благодарность — Ксении Владимировне Титовой за ценные критические замечания, высказанные при подготовке статьи.

Работами последних лет на памятнике археологии Усть-Чёлма вблизи южной оконечности оз. Лёкшмозеро в Каргопольском секторе Национального парка «Кенозерский» были выявлены артефакты разных археологических периодов, от мезолита до Нового времени. Изучены участки непереотложенного культурного слоя, содержащие материалы раннего мезолита с пластинчатой и микропластинчатой индустрией. Определимые фаунистические остатки представлены костями бобра. Радиоуглеродная датировка по кости бобра помещает раннемезолитический комплекс в середину 8-го тыс. до н.э.

В прилегающей к стоянке заболоченной низине выявлен шлейф культурного слоя, перекрытый органическими отложениями. Предварительное изучение стратиграфии позволяет выделить четыре этапа, характеризующиеся различными условиями осадконакопления, связанными с изменениями уровня древнего водоема.

Ключевые слова: ранний мезолит, Архангельская область, торфяник, палеоводоем.

Материалы эпохи мезолита выявлены на целом ряде археологических памятников, расположенных на территории Национального парка «Кенозерский». Наконечники на пластинах были найдены в д. Вершинино, где еще в конце XIX в. проводил обследование И.С. Поляков [7]. Пластины и микропластины присутствуют в материалах стоянки Медвежий остров 1, изучавшейся С.В. Ошибкиной [5]. Пластинчатая индустрия была зафиксирована на нескольких стоянках на берегах оз. Кенозеро и Лёкшмозеро в ходе инвентаризаций начала 2000-х и середины 2010-х гг. [1, 2]. Тем не менее, вплоть до последнего времени артефакты эпохи мезолита были выявлены лишь в смешанных комплексах, часто в окатанном состоянии на разрушенных памятниках в волноприбойной полосе.

Такое состояние источниковой базы не позволяло с достаточными основаниями атрибутировать мезолитические материалы Кенозерья и Лекшмозерья. В то же время, рассматриваемая территория, по которой проходит водораздел между бассейнами Балтийского и Белого морей, и где соседствуют археологические культуры бассейна р. Онеги и озерных котловин Восточного Прионежья, является одной из ключевых для изучения взаимодействия разных культурных традиций на протяжении многих тысячелетий. Необходимым условием хронологической и культурной атрибуции материалов эпохи мезолита в Кенозерье и Лекшмозерье является выявление и исследование замкнутых мезолитических комплексов, т.е. комплексов артефактов из эпохи мезолита, условия нахождения которых предполагают отсутствие примеси артефактов других археологических периодов.

В 2018 г. под руководством А.Я. Мартынова были проведены археологические раскопки поселения Косицына 2 – одного из немногих

известных археологических памятников Кенозерья с сохранившимся непереотложенным культурным слоем [4]. Памятник оказался местом многократного заселения. В коллекции представлены материалы разных периодов каменного века, от мезолита до энеолита, а также эпохи бронзы, раннего железного века, Средневековья и Нового времени. Важным результатом раскопок 2018 г. является изучение нескольких структур в основании культурного слоя, которые могут рассматриваться как замкнутые комплексы раннего мезолита. По углю из структур были получены радиоуглеродные даты 8272–7821 лет до н.э. и 7731–7488 лет до н.э. [4, с. 225], позволяющие отнести мезолитический контекст памятника Косицына 2 к наиболее ранним археологическим свидетельствам заселения Архангельской области.

Участки культурного слоя эпохи мезолита были изучены на памятнике Усть-Чёлма в Национальном парке «Кенозерский» (Каргопольский р-н Архангельской обл.) вблизи оз. Лёкшозеро совместной экспедицией Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) и Санкт-Петербургского государственного университета в 2021–2022 гг.

Лёкшозеро является крупным олиготрофным водоемом, средняя глубина которого 8 м, максимальная – 28 м, площадь зеркала 55,3 км² [3, 8]. Высота уреза воды по данным топографических карт – 156 м над уровнем моря (в Балтийской системе высот). Площадь водосбора – 158,5 км². Котловина озера сформировалась в результате экзарационно-аккумулятивной деятельности ледника, форма котловины близка к овальной, берега озера изрезаны слабо (коэффициент извилистости 1,6). Озеро окружено моренными холмами, сформировавшимися в ходе последнего оледенения. Среди приозерных ландшафтов преобладают песчаные и супесчаные равнины с заболоченными участками на глинистых грунтах (им соответствуют местные географические термины – лухта и замоина) [8].

Из Лёкшозера вытекает р. Лёкшма. Участок в верхнем течении протяженностью чуть менее 2 км до впадения в оз. Чёлмское (Монастырское) носит название Челма (Чёлма). Участок представляет собой извилистую протоку в заболоченной долине с несколькими старицами. Оз. Чёлмское является расширением длиной чуть более 2 км при максимальной ширине около 400 м.

Слабая изрезанность береговой линии и заболоченность берегов, по-видимому, является причиной малого количества археологических памятников каменного века непосредственно на берегах Лёкшозера. В то же время, материалы каменного века были зафиксированы на всех участках, где минеральный берег примыкает к воде. Практически на всех этих участках, за исключением стоянки Чёлма (Лёкшозеро) 1 сейчас находятся деревни (ил. 1). В настоящее время и, вероятно, не один

десяток лет уровень Лёкшмозера искусственно поднят примерно на 1 м плотиной в истоке р. Чёлма. Это также могло способствовать разрушению стоянок каменного века, расположенных вблизи береговой линии.

Поселение Моршихинская 1 зафиксировано в 1998 г. В.В. Шевелёвым, в 2003 г. обследовалось А.Г. Едовиным [9; 2], а в 2016–2023 г. — экспедицией МАЭ РАН [1]. Расположено оно на северном берегу Лёкшмозера в пределах д. Моршихинской, в западной ее части близ кладбища, на террасе высотой около 7 м над уровнем озера вблизи устья ручья на правом (западном) его берегу. Размеры памятника — 60 × 80 м. Среди подъемного материала представлен выразительный мезолитический компонент — скребки, фрагменты микропластин, в том числе с ретушью, также встречаются фрагменты неолитических лепных сосудов. Зачистка 2016 г. на краю подрезанной дорогой террасы показала наличие выраженного культурного слоя, насыщенного артефактами.

Стоянка Анфаловская зафиксирована в 2003 г. А.Г. Едовиным [2], нашедшим здесь ножевидную пластину и кремневый скол, однако отметившим отсутствие признаков культурного слоя в зачистках. Стоянка расположена на северном берегу Лёкшмозера, в пределах д. Моршихинской, в восточной ее части (бывшая д. Анфаловская). В 2016 г. при обследовании экспедицией МАЭ РАН участка напротив визит-центра Каргопольского сектора Национального парка, соответствующего плану и описанию А.Г. Едовина, артефактов не обнаружено. Участок расположен близ крутого обрыва. Возможно, стоянка размыта.

Памятники каменного века в южной части Лёкшмозера были выявлены разведками И.С. Манюхина в 1989 г.² В 2000-х и 2010-х гг. под руководством А.Г. Едовина [2] и Д.В. Герасимова [1] на памятниках был проведен мониторинг.

Стоянка Усть-Чёлма (Чёлма 1, Лёкшмозеро 3) расположена на правом возвышенном берегу р. Чёлма, в 150 м от впадения ее в оз. Чёлмское (Монастырское) у границ бывшего Челмогорского монастыря. Согласно описанию И.С. Манюхина, поселение занимает полого спускающийся край возвышения высотой от 1 до 3 м (общая высота берега в этом месте — 6 м). Размер зафиксированной в 1989 г. стоянки составил 120 × 35 м. Экспедицией И.С. Манюхина на памятнике был заложен раскоп площадью 4 м². Мощность культурного слоя составила более 1 м. Среди находок присутствовали несколько фрагментов позднесредневековой, в том числе чернолощенной, керамики, фрагмент лепной средневековой посуды, фрагменты каргопольской ?, позднекарго-

² Манюхин И.С. Отчет о работе Илекского археологического отряда Карельской археологической экспедиции в Каргопольском и Онежском районах Архангельской области в 1989 году // Архив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. № 145. 1989.

польской, сетчатой, асбестовой, ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики, кремневый наконечник с прямым основанием, фрагменты двух пряслиц. В раскопе был зафиксирован очаг предположительно неолитического времени размером $0,8 \times 0,5$ м и мощностью до 25 см.

Стоянка Лёкшозеро 1, относящаяся к каменному веку, расположена в 1 км к западу от истока протоки из Лёкшозера в оз. Чёлмское, в урочище Пески на террасе высотой 1 м. В волноприбойной зоне под береговым валом встречаются многочисленные находки, преимущественно относящиеся на основании типологии к эпохе мезолита. Это пластины и фрагменты пластин, в том числе ретушированные, скребки на пластинах, призматические нуклеусы. Большинство находок выявлено в сильно окатанном состоянии.

Стоянка Лёкшозеро 2, относящаяся к каменному веку, расположена на юго-восточном берегу озера, на террасе высотой 3–3,5 м у ручья в д. Труфаново. Находки – два скребка, два скобеля, пластина, карандашевидный нуклеус, четыре отщепы.

Учитывая, что расположенные непосредственно на побережье Лёкшозера стоянки каменного века в большинстве своем размыты и представлены переотложенными (частично окатанными) материалами, памятник Усть-Чёлма оказался наиболее перспективным для выявления непереотложенного культурного слоя.

Памятник был локализован на основании чертежей и описания, приведенных в отчете И.С. Манюхина, на правом (условно южном) минеральном борту заболоченной долины р. Чёлма между истоком ее из Лёкшозера и оз. Чёлмским, в 150 м к северо-западу от бывшего Челмогорского монастыря и ныне действующего кладбища. Здесь прослеживаются две террасы (ил. 2). Высота уступа первой террасы составляет 2 м (превышение над урезом воды в оз. Чёлмском – 6 м). Вторая терраса слабо выражена в рельефе, ее бровка прослеживается еще на 1 м выше первой террасы. В прошлом участок подвергался распашке, сейчас здесь луг с отдельными кустами и деревьями. Полосы распашки и колеи от пахотной техники читаются на аэрофотосъемке. Рельеф склона значительно нарушен в ходе хозяйственной деятельности. Если выше по краю террасы пахотный слой составляет не более 20 см, то к северному борту траншеи 1 его мощность в результате склоновых процессов достигает 40 см, а вместе с подстилающим его слоем коричневого гумусированного песка – 70 см. Можно заключить, что исходный рельеф поверхности террасы был сильно выровнен в результате распашки и значительные массы грунта сместились вниз по склону, подняв бровку террасы.

Вдоль бровки 1-й террасы долины р. Чёлма примерно в 10 м от края была размечена линия шурфов на расстоянии 10 м друг от друга (ил. 2). Также два шурфа заложены по линии, перпендикулярной

уступу террасы, для изучения распространения материала вверх по склону. Полученные данные об участках максимальной мощности и насыщенности культурного слоя позволили наметить место закладки траншеи 1 размерами 2 × 5 м, ориентированной перпендикулярно бровке террасы.

Согласно глазомерному плану из отчета И.С. Манюхина 1989 г., культурный слой стоянки Усть-Чёлма распространен примерно на 120 м вдоль бровки 1-й террасы и на 30 м вверх по склону от нее. Работами 2021–2022 гг. был охвачен участок протяженностью 130 м вдоль бровки 1-й террасы, уходящий на 15 м вглубь площадки террасы (ил. 2). По результатам проведенных работ можно заключить, что южная граница памятника проходит между шурфами 3 и 10, в последнем из которых находки отсутствовали. Однако делать какие-то выводы о западной и северной границах памятника в настоящее время преждевременно, т.к. материал присутствовал во всех заложенных здесь шурфах. Можно лишь заключить, что памятник, вероятно, имеет значительно больший размер, чем указано в отчете 1989 г. Для определения северной и западной границ памятника необходимы дополнительные работы, включая закладку шурфов.

В траншее 1 под дерном мощностью от 5 до 15 см залегает пахотный слой – гумусированная коричневато-серая рыхлая супесь с редкими включениями угольков, пронизанная корнями растений. Общая мощность этого слоя составила 20–30 см, ближе к краю террасы мощность увеличивается до 40–50 см. В южной части траншеи в основании пахотного слоя залегает светло-серый песок. На поверхности слоя прослежены полосы от распашки. В центральной и северной частях между рыхлым пахотным слоем и светло-серым песком выклинивается слой коричневатой плотной супеси, мощность слоя возрастает в направлении бровки террасы и у северного края траншеи достигает 60 см. По основной площади траншеи понижение поверхности слоя светлого песка шло плавно, но на протяжении 2 м в северной части траншеи перепад высот составил около 1 м.

В южной части траншеи 1 на поверхности слоя светло-серого песка была расчищена структура F1 – округлое пятно красноватого песка диаметром менее 1 м с линзой белого песка в центре. Расчищенное на поверхности слоя светлого песка у северного края траншеи заглубление гумусированного песка правильной округлой формы диаметром около 25 см (структура F2), возможно, является следом от деревянного столба или корневища.

При финальной зачистке бортов траншеи в северо-восточном углу между дерном и слоем пахоты был зафиксирован слабо читающийся перекоп (возможно, это остатки поздней хозяйственной ямы), имеющий мощность до 30 см.

Зачистка поверхности структуры F1 в южной части раскопа позволила зафиксировать овальное пятно красноватого песка размером 120 × 80 см, вытянутое по оси перпендикулярно бровке террасы. Глубина ямы составила около 25 см. Концентрация темного красноватого песка приходилась на центральную часть ямы. Заполнение по краям ямы практически не отличалось по цвету от вмещающих отложений. Граница условно определена по включениям ожелезнений, присутствовавших только в материковом песке. Заполнение ямы содержало большое число находок, прежде всего кальцинированных костей.

Заполнение структуры F1 (красноватый песок, схожий по цвету и текстуре с материковым) отличалось от перекрывающей ее коричневатой супеси, слой которой образовался уже после прекращения функционирования структуры в качестве хозяйственного объекта. Таким образом, структура F1 старше времени формирования гумусированной супеси и пахотного слоя.

Коллекция керамики из шурфов и траншеи разделяется на два комплекса — ямочно-гребенчатую керамику эпохи неолита и гончарную посуду эпохи Средневековья и Нового времени. Всего найдено 352 фрагмента сосудов, в том числе 158 крупных фрагментов, из которых 61 относится к эпохе неолита (ил. 3), а 97 — к более поздним периодам.

Керамика эпохи неолита (ил. 3) характеризуется примесью дресвы в керамическом тесте, стенками толщиной около 1 см, заглаженными или обработанными расчесами. Сохранился один фрагмент утолщенного и срезанного внутрь венчика, орнаментированного наклонными оттисками гребенчатого штампа (ил. 3: 1). Фрагменты стенок орнаментированы ямками, оттисками гребенчатого и гладкого штампов полой трубки. Мотивы орнамента — горизонтальные ряды элементов. Изредка встречаются геометрические мотивы — зигзаги и геометрические фигуры.

Гончарная посуда на памятнике преобладает. Основная часть — неполивная, сероглиняная. Есть фрагменты плоских донеч и S-образно профилированных закрученных наружу венчиков. На сероглиняной керамике нередко виден слой нагара на внутренней и внешней поверхностях. Небольшая часть фрагментов покрыта поливой изнутри и снаружи. Встречены фрагменты посуды из фарфора и каменной массы.

К предметам эпохи Средневековья и Нового времени, помимо керамики, можно отнести находки кованых железных гвоздей — всего 10 шт. Кроме них в траншее найден также фрагмент венчика железного котла.

Артефакты из кремня относятся к разным периодам каменного века. Их практически нельзя разделить по сырью, но есть некоторые морфологические различия. Из более чем тысячи каменных артефактов, найденных при раскопках траншеи, всего 1 % составляют пред-

меты из кварца и 1 % — предметы из сланца. Все остальные находки являются продуктами расщепления кремня. Для изготовления орудий использовался карбоновый кремень, как галечный, так и плиточный. Цвет преимущественно серо-розовый или медовый. Используемый кремень нередко имеет плохое качество, часть можно охарактеризовать как окремненный известняк. Это сырье, вероятно, имеет местное происхождение: памятник расположен в зоне распространения кремненосных осадочных пород. Кремень в виде крупных и мелких галек встречается в моренных отложениях и в пахоте.

Основная часть заготовок представлена отщепами. Нуклеусы — призматические, одно- и двухплощадочные. Значительная часть отщепов имеет признаки предварительной тепловой обработки кремня. Часть отщепов имеет следы утилизации, т.е. они использовались в качестве орудий без вторичной обработки.

Наиболее представительной категорией орудий являются небольшие округлые (2–3 см в диаметре) скребки на отщепах с высокой краевой ретушью (ил. 4: 9–17, 19–20). Присутствует один кварцевый скребок. Найдены фрагмент бифасиального наконечника и наконечник на пластине, обработанный ретушью только на спинке (ил. 4: 18). Выделяется серия пластин и микропластин (ил. 4: 1–3, 5–8). Значительное количество обломков проксимальных и дистальных частей пластин и микропластин указывает на то, что их изготовление производилось непосредственно на стоянке. Найдены концевые скребки на пластинах (ил. 4: 1, 7). Также в культурном слое встречены фрагменты кальцинированных (пережженных) костей животных.

Основная часть археологических находок происходит из слоя пахоты, т.е. культурный слой здесь переотложен. Среди находок представлены материалы Средневековья — Нового времени (фрагменты сероглиняной и поливной гончарной посуды, металлические предметы). Имеется выразительный комплекс находок позднего неолита — эпохи раннего металла, к которому помимо керамики относятся фрагмент бифасиального наконечника стрелы и продукты расщепления с признаками тепловой обработки (использование этой технологии получает широкое распространение в конце 4–3-м тыс. до н.э.).

Пластины, микропластины, их фрагменты и орудия на них, а также наконечник на пластине представляют мезолитический компонент в материалах стоянки. Они встречаются во всех горизонтах, начиная со слоя дерна, хотя наибольшее их количество отмечено в нижней части культурного слоя. Археологически гомогенный комплекс эпохи мезолита, вероятно, представлен в структуре F1, из которой происходят кальцинированные кости (более 40 % из всех найденных в траншее 1) и микропластины, при этом в ней нет керамики и металлических изделий.

Морфологически выразительные фрагменты кальцинированных костей из структуры F1 были изучены профессором Хельсинкского университета (Финляндия) К. Маннермаа. Все определенные фрагменты (5 шт.) являлись костями бобра (*Castor fiber*).

В торфянике у подошвы террасы была заложена траншея 2 размером 1 × 5 м, размеченная в той же системе координат, что и траншея 1, и ориентированная перпендикулярно уступу террасы (ил. 2). Поверхность, на которой была заложена траншея, имела высотные отметки 4,0–3,6 м над урезом оз. Чёлмского. В траншее под дерном мощностью около 10 см залегает слой торфа, на глубине около 30 см от поверхности переходящий в сапрпель. В толще сапрпеля выделяется верхний слой (коричневый с древесными остатками и щепой) и нижний (черный плотный сапрпель). На глубине 65–70 см от поверхности плотный насыщенный органическими остатками сапрпель сменяется черным заиленным песком, который подстилается желтовато-серым алевритовым песком. Поверхность слоя алевритового песка в условно южной части траншеи 2 имеет достаточно крутой уклон в направлении русла реки. По южной стенке, непосредственно у подошвы террасы, песок залегает всего в 50 см от поверхности, но уже в 1 м от южной стенки глубина залегания слоя достигает 80 см от поверхности, а в разрезе по северной стенке – 1 м.

В южной части траншеи на глубине около 40 см от поверхности (примерно в 3,4 м над современным урезом оз. Чёлмского) были выявлены верхние концы четырех деревянных колов. Дальнейшая разборка культурного слоя показала, что колы были вбиты в слои органического осадка и лишь неглубоко входили в минеральное дно. Длина колов – 50–60 см, острые концы затесаны металлическим инструментом, сохранность древесины хорошая. Колы были вбиты попарно, образуя характерную конструкцию для мостков у берега водоема. При этом дальше от края террасы следов колов больше не встречено. По-видимому, мостки были достаточно короткими.

Археологические находки из траншеи 2 представлены преимущественно отходами расщепления кремня. Несколько фрагментов керамики найдено в верхних горизонтах. Артефакты из кремня – отщепы, пластины, микропластины и их фрагменты – залегали преимущественно на контакте органических и минеральных отложений. Следует отметить полное отсутствие в органических отложениях в траншее 2 костных остатков и рыбьей чешуи, которых можно было ожидать в прибрежной части водоема, примыкающей к освоенному человеком участку берега.

Из стенки траншеи (ил. 2) были отобраны образцы для изучения естественно-научными методами в Институте озероведения РАН. Общая мощность разреза составила 1 м. Пробы из нижней части разре-

за, представленной минеральными и органо-минеральными осадками, отбирались непосредственно из разреза. Вышележащие органические отложения были вырезаны монолитом мощностью 75 см, пробы из которого отбирались в лабораторных условиях. К настоящему времени получены результаты анализа потерь при прокаливании (ППП, %), показывающие изменение содержания органического вещества по разрезу (ил. 5).

Эти данные подтверждают наблюдавшиеся изменения литологического состава и позволяют говорить как минимум о четырех этапах с разными условиями осадконакопления на данном участке. На наиболее раннем этапе накапливались минеральные осадки с низкими значениями ППП. Вероятно, это происходило в мелководной зоне водоема в условиях, неблагоприятных для накопления органического вещества. Возможно, с этим водоемом связан формирование 1-й террасы (6 м над современным урезом оз. Чёлмского). Далее уровень водоема падает, начинается накопление органо-минеральных осадков (черный заиленный песок на глубине 90–65 см). Резкое увеличение содержания органического вещества на границе заиленного песка и сапропеля (60–50 см от поверхности) может свидетельствовать о продолжающемся обмелении водоема и установлении слабопроточных застойных условий осадконакопления. Уровень водоема, по крайней мере на конец этого этапа его истории, фиксируется по верхним концам деревянных колов, которые должны были несколько возвышаться над водой. Иными словами, еще в позднем Средневековье, а возможно, и в Новое время данный участок долины р. Чёлмы находился под водой. Следующий этап осадконакопления, по-видимому, характеризуется условиями, близкими к современному: на этом участке долины формируется торфяник, является древостой.

Наиболее ранний период обитания на памятнике связан с заселением песчаной поверхности вдоль бровки 1-й террасы (6 м над современным урезом оз. Чёлмского) и образования структуры F1, заполненной находками мезолитического возраста. В это время формируется и шлейф культурного слоя стоянки в прибрежной части водоема у подножья террасы, куда попадают отходы хозяйственной деятельности, в частности отходы расщепления камня.

Типологически мезолитический комплекс стоянки Усть-Чёлма находит параллели в материалах культуры Веретье, исследованных в первую очередь работами С.В. Ошибкиной [6]. Памятники этой культуры сосредоточены по краям древних озерных котловин, исследованных оз. Воже и Лаче, в регионе, получившем название Восточное Прионежье. Судя по облику каменной индустрии, по расположению памятника и по фаунистическим остаткам (наличие костей бобра при отсутствии костей и чешуи рыбы), мезолитический комплекс стоянки

Усть-Чёлма относится к периоду раннего мезолита. Это подтверждает и полученная по кости бобра радиоуглеродная дата, помещающая комплекс в середину 8-го тыс. до н.э.

Впоследствии поверхность обитания мезолитической стоянки была перекрыта серо-коричневой гумусированной супесью (возможно, почвенным слоем заливного луга). На ранних этапах территория могла затопливаться в половодья. По всей видимости, это время соответствует периоду накопления сапропеля в прибрежной части водоема, вскрытого в траншее у подножья террасы. В серо-коричневой супеси оказались перемешаны находки эпохи мезолита, неолита (ямочно-гребенчатая керамика), Средневековья и Нового времени. Судя по обилию находок эпохи Средневековья и Нового времени, в этот период здесь также была достаточно плотно освоенная хозяйственно прибрежная зона. Указанному этапу, вероятно, соответствует время функционирования деревянных мостков, основание которых найдено в траншее 2 у подножья террасы. Участок подвергался распашке, видимо, уже после очередного понижения уровня водоема до современных отметок. В пахотном слое оказались перемешаны находки разных периодов, начиная с мезолита вплоть до современных стекол и керамики. Находки мезолита-неолита могли быть перемещены вниз по склону с более высоких участков террасы в результате распашки.

Предложенные выводы о периодах истории древнего водоема и этапах обитания приуроченной к нему стоянки Усть-Чёлма являются лишь предварительными. Требуется проведение радиоуглеродного датирования образцов органических отложений и деревянных колов, получение дополнительных датировок по археологическим образцам, изучение образцов из разреза биостратиграфическими методами. Тем не менее, полученные к настоящему времени результаты показывают, что археологический памятник Усть-Чёлма обладает большим потенциалом для комплексных междисциплинарных исследований освоения человеком территории Национального парка «Кенозерский» в контексте природных изменений, начиная с самого раннего этапа заселения.

Список литературы

1. Герасимов Д.В., Стрельцов М.А., Фёдоров И.А., Хартанович В.И. Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования // Кенозерские чтения – 2019: Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 116–124.
2. Едовин А.Г. Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской научной конференции. Архангельск, 2004. С. 65–82.
3. Лукин А.А., Шарова Ю.Н. Оценка качества вод на основе гистологического анализа организмов рыб (на примере оз. Кенозеро) // Кенозерские чте-

ния: материалы 1-й Всероссийской научной конференции. Архангельск, 2004. С. 178–194.

4. *Мартинов А.Я., Дзенисов Г.А., Ирха П.А., Потуткин Н.С., Шаврин С.А.* Древности Кенозера: стационарные исследования стоянки Косицына-2 в 2019 году // Кенозерские чтения – 2021: Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 220–237.

5. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М. 1978.

6. *Ошибкина С.В.* Эпоха мезолита на Севере Европы // На переломе эпох. М., 2009. С. 280–295.

7. *Поляков И.С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине реки Оки и на верховьях Волги. СПб., 1881. [Отд. отт. из журн.: Записки Имп. рус. геогр. общ. по отделу этнографии. 1882. Т. IX]

8. Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка. Петрозаводск, 2002.

9. *Шевелёв В.В.* Исследования 1998 года в Каргополье // Исторический город и сохранение традиционной культуры. М., 1999. С. 117–120.

Этнолингвистический словарь Кенозерья: концептуальные основания, структура, материал¹

Иванова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; anna.uehmzy@gmail.com

В статье представлены базовые характеристики «Этнолингвистического словаря Кенозерья», над которым совместно работают научные сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова и Национального парка «Кенозерский»: концептуальные основания, структура словника и отдельных словарных статей, иллюстративный материал. Помимо этого, описаны некоторые наиболее приметные особенности культурного ландшафта кенозерских деревень.

Ключевые слова: Кенозерье, культурный ландшафт, репрезентация, этнолингвистический словарь.

Технологическая цепочка исследовательского процесса у гуманитариев разного профиля, работающих с традиционной культурой и языком (речь идет главным образом об этнологах, фольклористах, диалектологах и культурологах), включает несколько взаимовязанных этапов: сборание, архивацию, эдацию, изучение полевого материала. Перевод последнего в издательский формат, делающий его доступным для широкого круга исследователей, – ответственный шаг, требующий от издателя, с одной стороны, максимальной объективации в подаче и комментировании этнокультурной информации, а с другой – правильного выбора формы ее репрезентации. Она должна быть удобной для пользователя и предоставлять возможность быстро и точно формировать кейсы для организации и проведения собственного исследования.

Сказанное объясняет, почему в последние десятилетия одной из самых востребованных форм описания и представления этнокультурной информации разного масштаба (общеславянского, общерусского, регионального, субрегионального, локального) стала словарная [15–18]. При всех различиях в дефинициях подобных словарей (этнолингвистический, этнодиалектный, этнокультурный) они схожи в подаче материала, в основу которой положен принцип алфавитного каталога. Сборание в одну словарную статью материала, извлеченного составителями из опубликованных и архивных источников, и наличие внутри

© Иванова А.А., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» на исследование по теме «Концептуальные основания и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

словаря гипертекстовых ссылок действительно значительно упрощает процесс поиска нужной информации. К примеру, работа со словарной статьей, посвященной *корове*, может направить дальнейшей словарный поиск информации по нескольким векторам, связанным: а) с первым весенним выгоном на волю (статьи *скотоводство*, *выгон скота*, *пастух*, *отпуск*, *Егорьев день*), б) возможным «запиранием» ее «хозяином» леса и «отвораживанием» человеком, знающим толк в магии (статьи *леший*, *отвораживать*, *ворожея*, *заговор*).

Осознание преимуществ словарной формы работы с этнокультурной информацией подвигло руководство Кенозерского национального парка еще на рубеже XX и XXI вв. начать работу над этнолингвистическим словарем Кенозерья. Подготовленную рукопись, составители которой в машинописном экземпляре не были указаны², так и не издали по ряду причин объективного и субъективного порядка, главная из которых, на наш взгляд, состояла в том, что первоначальному замыслу не вполне соответствовал ее жанровый формат, который точнее определить как диалектный словарь. Именно поэтому возобновление работы над словарем в 2020 г. началось с разработки его концептуальных оснований, которые в итоге определили состав словника, источники информации, характер, порядок и формы ее подачи в отдельных статьях, типы аналитических статей, комментарий и приложений.

Концептуальные основания этнолингвистического словаря Кенозерья. Методологическими основаниями словаря стали две концепции:

1) культурного ландшафта (разработана коллективом сотрудников НИИ природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачёва под руководством Ю.А. Веденина [14]³);

2) описания культуры и последующего их сравнения по набору ключевых слов-концептов (разработана А. Вежбицкой) [2].

Согласно первой, культурный ландшафт (КЛ) представляет собой «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [14, с. 16]. В научном дискурсе предложено несколько исследовательских моделей его описания (см. [11]). Согласно одной из них, неоднократно

² Этнолингвистический словарь Кенозерья: [рукопись] / сост. Е.А. Чашина. Архангельск, 2003 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 1. Оп. 2. Д. 91.

³ При создании в 1991 г. Национального парка «Кенозерский» концепция культурного ландшафта легла в основу Программы разворачивания его деятельности по сохранению природного и культурного наследия [19].

апробированной при изучении разных субрегионов Русского Севера [5–7, 9, 10, 12], системными элементами КЛ являются:

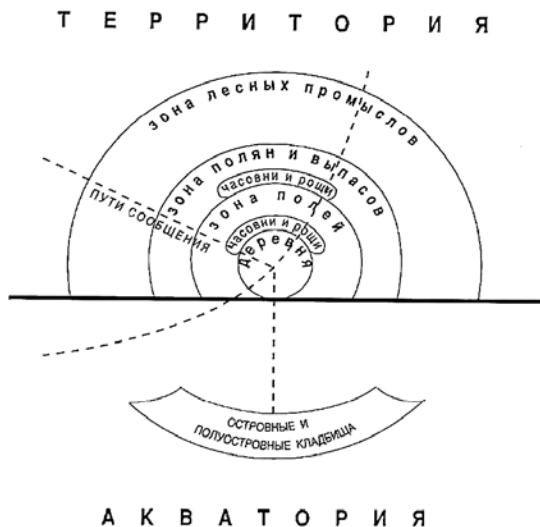
- природная среда обитания;
- сообщество людей, проживающих в ней;
- их хозяйственная деятельность;
- селитьба – способ селенческого обустройства жизненной ойкумены (жилые, хозяйственные, культовые постройки, их экстерьеры и интерьеры, способ пространственной организации на местности) [3];
- язык;
- духовная и материальная культура.

Два последних компонента (язык и культура), будучи системными составными частями КЛ, являются также вербальными и паравербальными способами его описания. По отношению к ним остальные компоненты выступают в качестве смысло- и текстопорождающих референтных оснований, а также контекстов их бытования, варьирования и эволюции [8]. Посредством этих каналов осуществляется межпоколенная трансляция значимой для местного сообщества этнокультурной информации, что объясняет ее включение в ядро репертуара *локального текста* [4], а также частотность воспроизведения и варьирования в нем. В этом мы солидарны с составителями этнодиалектного словаря «Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья», полагающими, что **«то, что не актуально и малозначимо, не повторяется и не варьируется»**. Факты, встречающиеся только один раз (имеются в виду *не варианты, а факты, не имеющие вариантов*), никогда не включаются нами в состав *словника*» [17, с. 14].

В силу сказанного лексемы, обозначающие ключевые для локальной этнокультурной традиции «факты» и понятия, превращаются в концепты, способные выполнять интеграционную и идентификационную функции. По этому признаку, в частности, диалектный и этнодиалектный словари существенным образом различаются. Словник первого в количественном отношении на порядок превышает словник второго, поскольку преследует цель передать *весь* корпус слов, задействованных в речевых практиках диалектоносителей; тогда как у этнодиалектного словаря принципиально другая задача – представить слова концептуально нагруженные, способные выступать в качестве опознавательных маркеров конкретной культурной традиции и своего рода ключей к пониманию ее особенностей. К примеру, в пространственной организации культурного ландшафта Кенозерья особую роль сыграл тот факт, что он формировался вокруг больших и малых озер – Кенозера, Долгого, Свиного, Лёкшмозера и др., что и представлено на рисунке.

«Крестьянский ландшафт Кенозерья имеет центрическую полизональную структуру. Во всех случаях поселения граничат с озером. Центром является собственно деревня <...>. Вокруг деревни форми-

руется несколько зон, различаемых по характеру природопользования. Очевидно, что ближними к ней будут акватория озера (поскольку мы имеем дело с поозерным типом расселения) и массивы общинных полей с небольшими перелесками, образующие вместе с озером пояс открытого пространства. <...> Зона имеет радиально-лучевую структуру. Поляны, и луга сосредоточены вдоль основных дорог, соединяющих поселения либо уводящих к дальним озерам с рыболовными и охотничьими угодьями. Лесо-луговые угодья сменяются лесными и озерно-лесными промысловыми угодьями. Периферийная зона лесов, болот и малых озер – обязательная составляющая культурного ландшафта. Зона акваториальная – у деревень Кенозерья, стоящих на одном водоеме, – общая. <...> Акваториальная зона культурного ландшафта, непосредственно примыкающая к деревне, включает различные по хозяйственной и планировочной роли участки. Это и рыболовные угодья, и водные пути сообщения. К акваториальной зоне на Кенозере относятся и островные кладбища, используемые определенными группами деревень. <...> Акватория озера пространственно разъединяет, но визуально объединяет различные кусты деревень» [13, с. 258–259].

Пространственная организация культурного ландшафта кенозерской деревни [13, с. 258]

Не случайно в диалекте и традиционной культуре местных жителей (*кенозер*, *лекимозер*) особенно развитыми оказались сегменты, связанные с озерной семантикой [1] (см. сюжеты быличек, посвященные во-

дянику и водянице⁴, ритуалы и заговоры на отыскание уопленника⁵, удачу в рыбном промысле⁶ и др.). Соответственно в составе словаря «озерные» слова-концепты не могли не занять заметного положения.

Состав словника и структура словаря. При формировании базовых и отсылочных статей словника составители словаря ориентировались на описанную выше исследовательскую модель КЛ. На сегодняшний день каждый из ее системных элементов представлен следующими словарными статьями (перечисляются курсивом в алфавитном порядке):

природная среда – гидрообъекты, растительный и животный мир (*ветер, вода, змея, камень, лес, озеро, птица, рыба*);

сообщество – человек (*волосы, имя, кровь, прозвище, части тела*), родство кровное, по браку, заместительное (*богоданный, божатка, духовное родство, крещение младенца, родство кровное, рождение, свойство*), социальный статус (*вдова, внебрачные дети, сирота, старая дева, холостяк*);

селища – жилищный комплекс (экстерьер, интерьер, утварь: *дом, красный угол, матица, окно, порог, печь, стол, лесная изба, веник, посуда*), хозяйственные постройки (*баня, овин*), культовые объекты (*кладбище, крест поклонный, святой местночтимый, монастырь, небеса, роща святая, церковь, часовня*), дорожно-транспортная сеть (*волок, дорога, путик, путь, перекресток, упряг*), ритуальные практики (*завет, паломничество*), обряды, связанные с выбором места для возведения жилища, хозяйственных и культовых построек; обряды въезда/входа в жилые и хозяйственные постройки);

⁴ «В Кенозере в невод заловили водяника. Он взмолился, чтобы выпустили; обещал: “Я рыбы вам много дам”. Его упустили в озеро. Потом первую тоню вытянули – полон конского навоза, а вторую тоню – полную рыбы» [УЯВ, д. Лекшмозеро; Архив кафедры фольклора МГУ (далее – АКФ) 1959, т. 8, № 76].

⁵ «...у нас женщина ходит, шас, говорят, она перестала помогать. Она на воду ходила, с водяным разговаривала. <...>. Вот у нее дочь в Конёве утонула, она поехала, сходила на берег, там Онега. На второй день утром рано пришла, уже труп лежал тут вот рядом!» [ШЕА, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 1, № 25].

⁶ «“Стану я, раб божий Павел, благословясь, пойду перекрестясь. Выйду из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду я в чистое поле. В чистом поле идет по пути по дороге тридевять мужиков, несут тридевять топоров. Этими топорами чёшут смолье и гонят смолу в тридевять бочок. Кто эту смолу может перепить, переисть, тот может раба божья Павла и ловушечки переговорить. А кто не може ни перепить и ни переисть, тот не може переговорить и ловушечок. По-корюся, помолюся Петру и Павлу, всем апостолам, чтобы дали рыбки в каждую зорю, в каждую пору, в каждый час, в каждую минуту. Аминь моим словам”. В смолу наговорить, и в эту смолу зажгут и обкурят эти ловушечки. Когда обговорит тебя, и сам через огонь пройди, а потом спускать. А сначала, чтобы не уговорили, то так надо говорить для всякого случая. Кто ни встренется, не обговорит» [МПН, д. Горы; АКФ 1959, т. 25, № 66].

ХОЗЯЙСТВО — домоводство (*прядение, прялка, ткачество*), земледелие (*жатва, пожинаха, сенокос*), скотоводство (*выгон скота, корова, отвораживать, отпуск, пастух, скотоводство*), промыслы (*лодка, охота, рыболовство, сплав леса, топор*);

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА — мифология («хозяева» природных и домашних локусов, люди, обладающие сверхъестественной силой, — *банник, водяник, ворожец, жировой, лесовой, овинник, обменыш, покойник, проклятый*), народный календарь (сезонные и хозяйственные циклы, христианские праздники — двенадесятые, престольные, часовенные, обетные: *Великий четверг, Вербное воскресенье, время, времена года, говенье, дни недели, Духов день, Егорьев день, заговенье, Иванов день, Ильин день, канун, Пасха, Петров день, Покров, праздник, Святки, Сорок святых, Троица, христославение, яйцо пасхальное*), молодежные собрания и гуляния (*бесчинства, гадания, игры, качели, танец*), пища будничная, праздничная, обрядовая в составе календаря, свадьбы, похороны, кормления «хозяев» домашних и природных локусов (*блин, витушка, двинянка, калитка, пиво, рыбник, соль, трапеза, хлеб, шаньга*), одежда будничная, праздничная, обрядовая — ряженье, родильно-крестильная, свадебная, похоронная (*одежда, платок, пояс*), фольклор — песенный эпос (*баллада, былина, историческая песня, духовный стих*), сказочная и несказочная проза (*быличка, легенда, предание, сказка*), обряды и обрядовый фольклор — календарный, семейный (*родины, свадьба, плач ритуальный, похороны, свадебная песня*), окказиональный — промыслово-хозяйственные, лечебные, любовные, обережные магические тексты (*заговор, оберег, отпуск, «Сон Богородицы», порча, привораживать*), песенный фольклор (*песня, хороводная песня, частушка*), детский фольклор, фольклор речевых ситуаций (*пословица, примета, присловье, снотолкование*).

По мере работы над словарем состав приведенного словника постоянно корректируется в количественном и качественном отношении. Помимо него в словаре будут представлены аналитические статьи обобщающего характера, посвященные истории заселения Кенозерья, изучению его этнокультурных особенностей и диалекта, отдельным компонентам культурного ландшафта края, а также списки исполнителей и населенных пунктов, словарь диалектных и малоупотребительных слов.

Материал. Основная информация для написания словарных статей извлекалась из полевых материалов, собранных у жителей Кенозерья⁷ с конца 1950-х гг. по настоящее время в ходе работы фольклорных и

⁷ Под Кенозерьем нами понимается территория Кенозерского национального парка, включающего помимо крупных озер (Кенозеро, Долгое, Свиное и Лёкшмозеро) окрестности других, взаимосвязанных озерных систем — Масельской, Долгозерской, Хергозерской, Наглимозерской, Порженской, Почозерской.

диалектологических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова (хранятся в архивах кафедры фольклора (русского устного народного творчества) и диалектологического кабинета филологического факультета).

Этнокультурная информация, приводимая в каждой словарной статье, подается с двух позиций – внешней (этной, исследовательской) и внутренней (эмной, исполнительской). В результате тексты авторов статей и информантов оказываются равноправными и сориентированными друг на друга, что позволяет избежать интерпретаций и оценок, не релевантных традиции. В качестве иллюстрации приведем фрагмент статьи «Выгон скота»: «Первый выгон скота из хлева на улицу представляет собой развитый комплекс обрядовых действий, включенный в весенний календарный цикл. Его основной целью (обеспечение сохранения домашних животных в течение всего пастбищного периода) продиктованы желательные сроки выгона – для большинства кенозерских деревень это Егорьев день – 23 апреля / 6 мая (см. Егорьев день): “Как бы ни была погода – надо выпустить на Егория. Хотя бы на пять минут выпихнуть на улушку. Все равно надо на Егория выпустить, в этот праздник” [ЕГИ, д. Вершинино; АКФ 2013, т. 13, № 89]. Подобное предпочтение объясняется тем, что св. Георгий (Егорий) на Русском Севере почитался как главный покровитель и охранитель скота, на что прямо указывают произносимые в момент выгона скотины приговоры: “Егорий храбрый, Михайло архангел, спаси и береги скотий гон...” [ОАВ, д. Шишкино; АКФ 2013, т. 1, № 143]. Сроки выгона могли меняться, сдвигаясь на более позднее время (например, на Николин день – 9/22 мая) по двум причинам – климатическим (если год выдавался холодным и снежным) и суеверным (старались не выгонять в понедельник, постные дни – среду и пятницу, а также в день недели, на который пришлось в текущем году Благовещение): “...у нас весной есть такой праздник – Егорий, если была возможность выпустить, если тепло было на улице, то старались в этот Егорий выпустить, хоть на полчаса. И опять же говорили слова. И нужно выпускать в определенные дни. Вот смотрели на день на Благовещение. Если он, например, в четверг или во вторник, те дни считались невыпускными. Выпускали в другие дни. Я не знаю, правда это или нет, но верили, что те дни тяжелые для скотины” [АММ, пос. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 4, № 71-72]; “...если в воскресенье было Благовещение, то мы только в субботу. Только в субботу вот могли. А в постные дни нельзя выпускать: среда и пятница, например. В понедельник тоже не выпустим” [СЛИ, д. Першлахта; АКФ 2013, т. 6, № 153]; “Раньше-то на Егория <...>. Выгонели в воскресенье, во вторник, вот в такие дни, а в понедельник не выгонели. Каки-то праздники, вот Великий четверг, вот по таким праздникам замечали да в такие дни не выгонели” [ПЗА, д. Горы; АКФ 2013, т. 4, № 14]».

Поскольку со второй половины XX в. традиционный культурный ландшафт многих кенозерских деревень в ряде своих составляющих уже находился в руинированном состоянии, составителям словаря в некоторых случаях приходилось обращаться к архивным материалам, собранным на сопредельных территориях, с жителями которых кенозера вступали в регулярные хозяйственные, социальные и семейные связи (Ундозеро, Водлозеро и др.) и к публикациям конца XIX – первой трети XX в. (П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг, Н.Н. Харузин, В.Н. Харузина, В.Н. Мансикка, Б.М. и Ю.М. Соколовы, др.).

Список информантов

- АММ – Аникеева Мария Михайловна, пос. Усть-Поча.
ЕГИ – Емельянова Галина Ивановна, 1962 г.р., д. Вершинино.
МПН – Машаков Павел Николаевич, 1913 г.р., д. Горы.
ОАВ – Овчинникова Анна Васильевна, 1935 г.р., д. Шишкино.
ПЗА – Поспелова Зинаида Александровна, 1927 г.р., проживала в д. Горы.
СЛИ – Сивцева Любовь Ивановна, д. Першлахта.
УЯВ – Ушаков Яков Васильевич, 1906 г.р., д. Лёкшмозеро.
ШЕА – Шмайхель Екатерина Александровна, 1955 г.р., пос. Усть-Поча

Список литературы

1. *Абрамова А.А.* Озеро в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения – 2013: Культурные ландшафты: традиции для развития. Архангельск, 2015. С. 112–117.
2. *Вежибцкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
3. *Иванова А.А.* Архетипическая модель организации севернорусской селитбы (традиции и современность) // Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик. М., 2020. С. 208–215.
4. *Иванова А.А.* Локальный текст в фольклорной традиции Кенозерья // Кенозерские чтения – 2021: Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 190–200.
5. *Иванова А.А.* Мифологический ландшафт Пинежья, Кенозерья, Поморья: к проблеме этнокультурных диалектов // Рябининские чтения – 2023. Петрозаводск, 2023. С. 336–340.
6. *Иванова А.А.* «Ране везде хозяева были...»: леший в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения – 2015: Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек. Архангельск, 2016. С. 101–116.
7. *Иванова А.А.* Река в культурном ландшафте севернорусской деревни // Природные стихии в русской словесности. М., 2015. С. 22–32.
8. *Иванова А.А.* Фольклор как форма репрезентации и интерпретации культурного ландшафта // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: труды семинара «Культурный ландшафт». Вып. 4. М., 2009. С. 39–45.

-
-
9. *Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
 10. *Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М., 2009.
 11. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
 12. *Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А.* Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998.
 13. *Кулешова М.Е.* Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М., 2004. С. 247–285.
 14. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М., 2004.
 15. *Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001.
 16. *Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А.* Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М., 1997.
 17. Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Т. 1–2 / И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин и др. М., 2012.
 18. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.
 19. *Шатковская Е.Ф., Мелютина М.Н.* Исторические факторы формирования культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2 (2). С. 9–19.

«Олонецкие епархиальные ведомости» как источник для составления истории Кенозерского прихода¹

Калитин Владимир Александрович — кандидат технических наук, член приходского совета храма Успения Божией Матери д. Вершинино Плесецкого района Архангельской области; vladimirkalitin@yandex.ru

В статье приведены сведения, обнаруженные в газете «Олонецкие епархиальные ведомости», издаваемой с 1 июля 1898 г. по 1 июня 1918 г., о повседневной жизни Кенозерского Успенского прихода Пудожского уезда Олонецкой епархии с приписанными к нему церквями Кумбасозерской Ильинской и Ведягинской Андреевской, а также ближайших к нему приходов Почезерского Спасского и Кенского Преображенского в Пудожском уезде, а также Ряпусовского Сретенского в Каргопольском уезде. Опубликованные «Олонецкие епархиальные ведомости» состояли из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной части обнаружены сведения: о наградах священнослужителям и крестьянам; переменах по службе; утверждении в должностях церковных старост; назначениях пенсий по Духовному ведомству; пожертвованиях; открытии школ и назначении законоучителей. В неофициальной части обнаружены историко-краеведческие сведения о приходах. Данные, почерпнутые из номеров «Олонецких епархиальных ведомостей», были использованы автором при написании нескольких статей по истории Кенозерского прихода.

Ключевые слова: «Олонецкие епархиальные ведомости», Русская православная церковь, Кенозерский приход.

Епархиальные ведомости — местные официальные церковные периодические издания (газеты, журналы), выходившие в 63 епархиях Российской православной церкви в 1860–1922 гг.

На сайте Российской национальной библиотеки есть электронный фонд «Докусфера», где написано, что «в РНБ находится самая полная в России коллекция Епархиальных ведомостей, объем которой состав-

© Калитин В.А., 2024

¹ Данная тема была разработана и оформлена автором в виде реферата под названием «Епархиальные ведомости XIX — начала XX в. как исторический источник» (на примере составления по «Олонецким епархиальным ведомостям» истории Кенозерского прихода Пудожского уезда Олонецкой губернии) в рамках изучения дисциплины «История Русской Православной Церкви» на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского при Отделе религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии в 2016 г. В 2023 г. материалы доработаны в виде статьи.

ляет свыше 3 млн. страниц за 1860–1917 гг. Епархиальные ведомости губерний являлись официальными органами епархий. Епархиальные ведомости распадаются на части *официальную*, содержащую распоряжения Св[ятейшего] Синода и Епархиального начальства, и *неофициальную*, которая включает в себе выписки из творений св. отцов и духовных писателей, темы для проповедей, историко-статистическое описание епархий, поучения и беседы, извещения и приглашения к участию в благотворительности, назидательные размышления и духовные советы и указание подобных книг. Большинство Епархиальных ведомостей выходили 2 раза в месяц, некоторые еженедельно. Первые Епархиальные ведомости появились в Ярославле, в 1860 г.»².

Первые выпуски Епархиальных ведомостей

Впервые программа Епархиальных ведомостей была составлена в 1853 г. архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием³. Только через шесть лет она была представлена на утверждение Святейшему Синоду Херсонским архиепископом Димитрием (Муретовым). В ходатайстве в пользу издания Епархиальных ведомостей архиепископ Димитрий приводил следующие соображения: 1) значительное сокращение переписки бумаг в консисториях при типографском изготовлении более грамотных и точных копий; 2) получение местным духовенством нужных для него сведений, «причем многие из священно-церковно-служителей, будучи извещаемы посредством ведомостей, не имели бы нужды совершать поездки... в епархиальный город для справок об участи своих просвб, о праздных местах, об успехах своих детей, обучающихся в семинарии» и т. п.; 3) «новый способ к пастырскому действованию на паству... и с словом назидания и утешения, и с предостережением от заразы и плевел разных лжеучений и обычаев нехристианских, и с возваниями к подвигам благотворительности и другим богоугодным делам»⁴.

² Электронный фонд Российской национальной библиотеки «Докусфера» // Российская национальная библиотека. URL: <http://leb.nlr.ru/collections/89> (дата обращения: 14.08.2023).

³ Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий – в миру Иван Алексеевич Борисов (15/27 декабря 1800 г., Елец – 26 мая/7 июня 1857 г., Одесса). Член Императорской Российской академии (1836 г.), член Святейшего Синода с 26 августа 1856 г., знаменитый проповедник. В 1997 г. причислен к лику местночтимых святых Одесской епархии Украинской православной церкви Московского Патриархата.

⁴ Епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/190001.html?ysclid=11825s6wvy0957641652> (дата обращения: 14.08.2023).

Его ходатайство о разрешении издания в Одессе «Херсонских епархиальных ведомостей» Синод удовлетворил 11 ноября 1859 г. Указом Синода от 31 декабря того же года утвержденная программа была разослана всем епархиальным архиереям. С 16 апреля 1860 г. согласно ходатайству Ярославского и Ростовского архиепископа Нила⁵ по программе, аналогичной плану архиепископа Иннокентия, стали издаваться «Ярославские епархиальные ведомости», на два с половиной месяца опередившие «Херсонские епархиальные ведомости».

История издания «Олонецких епархиальных ведомостей»

Из материалов Википедии известно, что: «Олонецкие епархиальные ведомости» — официальная газета Олонецкой епархии, издававшаяся в Петрозаводске в 1898–1918 годах. Они начали издаваться в соответствии с указом Святейшего Правительствующего Синода.

Редакция газеты размещалась в Олонецкой духовной семинарии, издание печаталось в Олонецкой губернской типографии в Петрозаводске. Первым редактором официальной части епархиальных ведомостей был секретарь Олонецкой духовной консистории Г. Добротин. Неофициальную часть епархиальных ведомостей редактировал ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Нафанаил (Троицкий), с 1905 года — архимандрит Фаддей (Успенский).

В официальной части публиковались сведения о высочайших и синодальных наградах священнослужителям, изменениях по службе, назначениях пенсий по духовному ведомству и др.

В неофициальной части публиковались статьи о карельских святых, чудотворцах и просветителях, материалы историко-краеведческого характера, материалы, посвященные событиям в других епархиях. Сотрудниками епархиальных ведомостей являлись преподаватели духовных учебных заведений Петрозаводска. Епархиальные ведомости выходили 2 раза в месяц, с 1909 года — 3 раза в месяц. Выпуск был прекращен в 1918 году»⁶.

Ознакомиться со сканированными копиями номеров «Олонецких епархиальных ведомостей» можно в интернете на официальном сайте Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря⁷.

⁵ Ярославский и Ростовский архиепископ Нил — в миру Николай Федорович Исакович (1799 г., с. Орехи Оршанского уезда Могилевской губ. — 21 июня 1874 г., Ярославль).

⁶ Олонецкие епархиальные ведомости // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.08.2023).

⁷ Олонецкие епархиальные ведомости. Петрозаводск, 1898–1918 // Религиозная организация «Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриар-

Исторические сведения о Кенозерском приходе, обнаруженные в официальном отделе «Олонецких епархиальных ведомостей»

О высочайших, синодальных и епархиальных наградах священнослужителям и крестьянам. Синодальные награды, 1903 г.: «Определением Святейшего Синода, от 18 апреля 1903 года за № 1723, за заслуги по духовному ведомству, удостоены, ко дню Рождения Его Императорского Величества, награждения:... в) камилавкой... церкви села Ряпусова, Каргопольского уезда, священник Иоанн Казанский» [59, с. 330].

Высочайшие награды, 1907 г.: «Государь император, по всеподданнейшему докладу Кавалерской Думы ордена св. Анны, в 3-й день февраля сего года Всемилостивейше соизволил согласно удостоению Св. Синода пожаловать сей орден 3-й степени священникам – Ряпусовского прихода, Каргопольского уезда, Иоанну Казанскому за 25-летнее прохождение законоучительской должности в народных школах» [2, с. 317].

Синодальные награды, 1908 г.: «Ко дню Рождения Его Императорского Величества, 6 мая сего [1908] года, Святейшим Правительствующим Синодом удостоены награждения по Олонецкой епархии следующие лица: 1) За заслуги по духовному ведомству... г) наперстным крестом от Св. Синода выдаваемым... церкви села Ряпусова, Каргопольского уезда свящ. И[оанн Михайлович] Казанский» [60, с. 236].

Епархиальные награды, 1913 г.: «На окраску Ряпусовской Сретенской церкви Каргопольского уезда. поступили следующие пожертвования: от купца Л. Камтанова 100 руб., от жены свящ[енника] М. Казанской 25 р., от учительницы В. Казанской 10 р., от кр[естьянина] В.М. Филиппова 10 р., от торгующего кр[естьянина] А.А. Нечаева материала на 21 руб., от кр[естьян]н К. Кузнецова и Пар. Егор. Сидоровой 17 руб., по приговору от прихожан 20 руб., от вдовы Анны Нечаевой 3 р., собранных священником И. Казанским от разных лиц и прихожан 150 рублей 62 коп. За означенное пожертвование Олонецким Епархиальным начальством выражается жертвователям благодарность» [31, с. 502].

Епархиальные награды, 1914 г.: «Список священнослужителей, кои Преосвященным Никанором, Епископом Олонецким и Петрозаводским, за ревностное пастырское служение и благоповедение удостоены к празднику Св. Пасхи 1914 г. награждения... набедренником: <...> Кенозерского прихода – священ. Иоанн Кудряшев... О сем объявляется награжденным для внесения в их послужные списки» [49, с. 236].

Синодальные награды, 1917 г.: «Список награжденных Святейшим Синодом к 29 июня 1917 г. Олонецкой епархии: а) палицей... церкви

хат)»: Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке. Биографические базы данных и собрание материалов. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6314/> (дата обращения: 14.08.2023).

Ряпусовского прихода, Каргопольского уезда протоиерей Иоанн Казанский» [61, с. 339].

Епархиальные награды, 1918 г.: «Во внимание к отлично-усердной службе церкви Божией к празднику Св. Пасхи Епархиальным начальством награждаются: Камилавкой священники приходов:... Кенозерского прихода, Пудожского у[езда] Владимир Первенцев» [50, с. 89–90].

Перемены по службе: об утверждении в должности, перемещении священников, назначении на вакансию, умерших, свободных мест в приходах. 1899 г.: «Перемещены: священники церквей: села Ошевенского, Каргопольского уезда Иоанн Енохов и села Ладвы, Петрозаводского уезда, Василий Ильинский — один на место другого» [9, с. 1–2].

1907 г.: «Священник Кенозерского прихода Пудожского уезда Владимир Крючков, согласно ходатайству Олонецкой Губернской Земской Управы, перемещен к Петрозаводской большой церкви с 3 февраля 1907 г.» [50, с. 89]. После того как он занял эту должность, появилось объявление: «Свободные места. Священнические. В Кенозерском прих[оде] Пудож. у[езда]. По штату положено: Священ. 2; Диаконск. 1; Псаломщ. 2. Дом для подлежащего лица: Церковный; Жалованья казенного 300 р. и закон. 75 р. — 375 р. Земли для причта: Пахотн. 2 дес.; Сенокос. 10 дес. Прихожан правосл. Обоего пола: 3968. Раскольников обоего пола: —. Расстояние от губернского города: 430. Место объявляется вакантным по 7 марта» [50, с. 90].

«Псаломщик Вытегорского прихода Вытегорского уезда, студент семинарии Николай Николаевский 7 марта с. г. перемещен на вакансию священника в Кенозерский приход Пудожского уезда» [5, с. 152].

1908 г.: «Священник Кенозерского прихода Пудожского уезда Николай Николаевский 20 мая сего года перемещен в Архангельский приход, Каргопольского уезда... Заштатный священник Иоанн Казанский 26 мая сего года назначен на священническую вакансию в Хергозерский приход, Каргопольского уезда» [6, с. 238].

«Свободные места. Священнические. В Кенозерском пр[иходе] Пудожск. у[езда]. По штату положено: Священ. 2; Диаконов 1; Псаломщ. 2. Дом для подлежащего лица: Церк[овный]; Жалованья казенного 300 р. Земли для причта: Пахотн. 2 дес.; Сенокос. 10 дес. Прихожан правосл. обоего пола: 3887. Раскольников обоего пола: —. Расстояние от губернского города: 430. Место объявляется вакантным по 22 июня» [6, с. 238].

«Священник Кумбасозерского прихода Пудожского уезда Иоанн Полозов 11 июля 1908 г. перемещен на священническую вакансию в Курвушский приход, Лодейнопольского уезда. Пудожский уездный наблюдатель церковно-приходских школ, священник Василий Ребров 15 июля с. г. назначен на священническую вакансию в Кенозерский приход Пудожского уезда» [7, с. 340].

«Свободные места. Священнические. В Кумбасозерском пр. Пудожского уезда. По штату положено: Священ. 1; Псаломщ. 1. Дом для подлежащего лица: Церк.; Жалованья казенного 400 р. и закон. 75 р. — 375 р. Земли для причта: Пахотн. Сенокос. Всего 8 дес. Прихожан правосл. обоего пола: 502. Раскольников обоего пола: —. Расстояние от губернского города: 445. Место объявляется вакантным по 14 авг.» [11, с. 342].

1911 г.: «Священник Лелемского прихода, Каргопольского уезда, Владимир Первенцев перемещен в Кенозерский приход, Пудожского уезда» [8, с. 242].

«Членами Благодетельского Совета 21 округа утверждены: Протоиерей Ряпусовского прихода Иоанн Казанский и священник Кенозерского прихода Владимир Первенцев... 12 мая» [51, с. 302].

1913 г.: «И. д. псаломщиков... Лекшмозерского [прихода] — Александр Тервинский утверждены в занимаемых должностях» [52, с. 459].

«Священник Кенозерского прихода Пудожского уезда Иоанн Тервинский умер 2 сентября, 42 лет» [53, с. 476].

«Свободные места. Священн. В Кенозерском пр[иходе] Пудожского уезда. По штату положено: Священ. 2; Диаконов 1; Псаломщ. 2. Дом для подлежащего лица: Церк[овный]; Жалованья казенного 400 р. Земли для причта: Пахотн. 2. Сенокос. 10.

Прихожан правосл. обоего пола: 3667. Раскольников обоего пола: —. Расстояние от губернского города: 430. Место объявляется вакантным по 21 окт.» [57, с. 491; 58, с. 591].

«И. д. псаломщиков... Кумбасозерского <прихода> Михаил Фомин утверждены в занимаемых ими должностях 28 октября» [54, с. 606].

«Диакон Кенозерского прихода Пудожского уезда Иоанн Кудряшов рукоположен в сан священника на штатную вакансию в том же приходе 6 декабря» [56, с. 637].

«Свободные места. Диаконские. В Кенозерском пр[иходе] Пудожского уезда. По штату положено: Священ. 2; Диаконов 1; Псаломщ. 2. Дом для подлежащего лица: Церк[овный]; Жалованья казенного 200 р. Земли для причта: Пахотн. 2. Сенокос. 10.

Прихожан правосл. обоего пола: 3667. Раскольников обоего пола: —. Расстояние от губернского города: 430. Место объявляется вакантным по 1 января» [12, с. 622].

Этот срок с 11 декабря 1913 г. был продлен до 21 декабря, а затем несколько раз до 1 марта 1914 г. [13, с. 638; 14, с. 1; 15, с. 18; 16, с. 46; 17, с. 76; 18, с. 102; 19, с. 124].

1917 г.: «Указом Св. Синода, от 15 ноября 1917 г. за № 9694, на вакантную должность штатного члена Олонецкой Духовной Консистории назначен избранный на эту должность Олонецким Епархиальным съездом духовенства и мирян священник Владимир Крючков» [63, с. 511–512].

«Благочинным I округа Олонецкой епархии вместо отказавшегося от должности благочинного священника Владимира Крючкова избран и 5 августа утвержден протоиерей Николай Первенцев» [55, с. 383].

«Диакон Надпорожского прихода Каргопольского уезда Сергей Соколов назначен на священническую вакансию в Ведягинский приход того же уезда 7 августа. Рукоположен во священника 8 августа...

И. д. псаломщика Ведягинского прихода Каргопольского уезда Федор Попов, согласно прошению, уволен от должности псаломщика 10 августа» [40, с. 392].

Об утверждении в должностях церковных старост. 1899 г.: «Утверждение в должностях церковных старост и представителей от прихожан для участия при ежемесячном свидетельстве церковных сумм. Согласно приговорам, засвидетельствованным подлежащими причтами и благочинными, епархиальным начальством утверждены: в должностях церковных старост местных церквей крестьяне сел: Пудожского уезда: Кенозерского – Александр Нечаев, Кумбасозерского – к приписной церкви – Константин Сатин <...> Ряпусовского – Иосиф Капустин... Почезерского – Николай Новожилов» [65, с. 2–3].

1903 г.: «Избранные прихожанами... отставной унтер-офицер из крестьян дер. Ряпусова Кенозерской волости Аверкий Кузнецов утверждены в должностях старост – Ряпусовской церкви на время по 31 декабря 1904 года – протокольными постановлениями Консистории, утвержденными резолюциями Его Преосвященства, от 7 января» [64, с. 34].

1908 г.: «Утверждены в должностях церковных старост в церквях приходов... Почезерского – Николай Александров Новожилов, Кенозерского – Александр Алексеев Нечаев... Ведягинской, приписанной к Кенозерскому приходу, – Василий Филиппов Мартынов... Ряпусовского – Михаил Григорьев Рудачихин... Кумбасозерского – Никита Максимов Мелехов» [35, с. 187].

1917 г.: «Утверждены в должности церковного старосты:... Кумбасозерской Ильинской крестьянин Терентий Куликов, на первое трехлетие... Кенской Преображенской – крестьянин Иван Грандов, на 4-е трехлетие; Ведягинской Андреевской – крестьянин Стефан Тряпцын, на второе трехлетие; Почезерской Спасской – крестьянин Василий Колобов, на 1-е трехлетие; Ряпусовской Сретенской – Андрей Кузнецов, на 2-е трехлетие» [34, с. 344].

О назначениях пенсий по Духовному ведомству. 1911 г.: в «Списке умерших лиц, на погребение коих и на первоначальную жизнь их семей надлежит выслать из кассы братской взаимопомощи пособия», вышедшем «от Олонецкого Епархиального Попечительства о бедных духов. звания», сообщалось в графах: «№№; Наименование умерших

священ. служителей; Какое Попечительством назначено пособие; Какая сумма должна взиматься благочинными: Со священников, коп.; С диаконов, коп.; С псаломщиков», коп.:

«2. Псаломщик Ряпусовского прихода Михаил Мегорский (семейный) – 70 р. _ к.; 15; 10; 5. <...>

6. Священник Кенозерского прихода Василий Ребров (семейный) – 280 р. _ к.; 60; 45; 15» [37, с. 244].

1914 г.: «Указом Св. Синода от 29 апреля за № 7032 несовершеннолетним детям умершего священника церкви Кенозерского прихода Пудожского уезда Иоанна Тервинского Анне, Константину, Таисии, Марии, Петру и Елене Тервинским назначена предварительная пенсия из казны в размере 100 руб. в год» [30, с. 302].

О пожертвованиях. 1900 г.: «Канцелярия Олонецкого Епархиального Преосвященного доводит до сведения, что в пользу больных и раненых воинов в Китае поступили в октябре месяце разные вещи, собранные... Священником Ряпусовского прихода И. Казанским – разного холста в 19 кусках – 45 арш. и 7 полотенец» [27, с. 724–725].

1901 г.: «В пользу больных и раненых русских воинов в Китае по подписным листам поступило пожертвований с 7 ноября по 18 декабря... священника Ряпусовского прихода, Каргопольского уезда, Иоанна Казанского – 2 р. 70 к.» [1, с. 6].

1914 г.: «В Кумбасозерскую церковь, Пудожского уезда, [поступили от] неизвестных лиц плащаница в 50 руб., покрывало – 10 рублей, священническое облачение в 50 руб. и священническое и диаконское облачение – 100 руб., всего на 210 рублей» [32, с. 103–104].

Об открытии школ и назначении законоучителей. 1902 г.: «Каргопольское уездное земское собрание ассигновало... на открытие школы грамоты в Поржинском обществе 50 р.» [48, с. 706, 708].

1907 г.: «Священник Кенозерского прихода Пудожского уезда Иоанн Тервинский назначен законоучителем Кенозерского министерского училища с 6 марта с. г.» [3, с. 154].

1908 г.: «От Каргопольского уездного отделения Олонецкого Епархиального Училищного Совета. Попечитель Ведягинской церковно-приходской школы, крестьянин Кенозерской волости, Климовского сельского общества, деревни Тырышкиной Василий Михайлович Филиппович пожертвовал построенный им на личные его средства (до 1000 рублей) в деревне Тырышкиной новый одноэтажный деревянный дом-особняк на берегу озера в распоряжение Каргопольского уездного отделения Епархиального Училищного Совета для помещения в оном Ведягинской церковно-приходской школы и учителя. Крестьяне означенной деревни Тырышкиной Климовского общества законным приговором от 2 сентября 1907 года уступили бесплатно 1 десятину земли, где стоит пожертвованный Филипповым дом, в пользование школе.

Каргопольское уездное отделение Епархиального Училищного Совета, приняв этот безвозмездный дар крестьянина-попечителя, немало свидетельствующий о сочувствии к церковной школе и расположенности к ней со стороны населения, постановило: “с признательностию приняв для надобностей Ведягинской церковно-приходской школы в дар от крестьянина-попечителя Василья Михайлова Филипова новоустроенный им дом: 1) усерднейше испросить Архипастырское Его Преосвященства благословение крестьянину-попечителю Василью Филиппову с выдачей установленной грамоты и 2) выразить благодарность заведующему Ведягинской церковно-приходской школой, священнику Кенозерского прихода о. Иоанну Тервинскому за его влияние, содействие и помощь в деле пожертвования, передачи утверждения дома за Каргопольским уездным отделением Епархиального Училищного Совета и ходатайствовать о внесении сей благодарности в послужной список о. Тервинского”. <...> Означенные ходатайства со стороны Епархиального Начальства утверждены» [36, с. 188–189].

1 августа 1908 г. сообщалось: «Петрозаводское Уездное Отделение Олонецкого Епархиального Училищного Совета выражает свою глубокую благодарность лицам, проявившим в течение минувшего учебного года особое усердие и любовь в учебно-воспитательном деле, а именно: а) законоучителям и заведующим: священникам Вл. Крючкову [перемещенному из Кенозерского прихода с 3 февраля 1907 г. к Петрозаводской больничной церкви]» [38, с. 344].

«Назначены законоучителями вновь открываемых с 1 сентября сего года земских училищ: Зехновского – священник Ряпусовского прихода Иоанн Казанский. Священник Кенозерского прихода Василий Ребров и Иоанн Тервинский назначены 19 августа с. г. законоучителями: первый – Кенозерского двухклассного училища и последний – Рыжковского земского училища» [29, с. 378].

1913 г.: «Пудожское уездное отделение Олонецкого Епархиального Училищного Совета согласно своему журнальному постановлению от 21 июня сего года по рассмотрении и обсуждении результатов годовых занятий в школах:

1) Отмечает особенно усердных и успешных... учащихся... Кенозерской [школы] – К.Н. Малиновскую... и Почезерской – Л. Савина. <...>

3) Выражает благодарность Отделения остальным из вышеуказанных законоучителям и учащим.

4) Отметив долготлетние свыше 10 лет труды по народному образованию при усердии и успехах учащихся... Кенозерской [школы] – Клавдии Малиновской (17 лет на службе)... Почезерской – Леонтия Савина (11 лет)... почтительнейше представляет их за исключением Клавдии Малиновской к награждению серебряными медалями за усердие, а Клавдию Малиновскую – золотой медалью.

5) Учителям и учительницам, потрудившимся в преподавании женского рукоделия и переплетного мастерства, выражает благодарность, кроме сего особенно успешным в этом деле учащим... учительнице... Кенозерской [школы] – К.Н. Малиновской поощряет денежной наградой... по 5 рублей. Всех учителей, потрудившихся в переплете 312 книг, вознаграждает по 8 коп. за книгу, а именно Л. Савину 10 р. 8 коп.

6) Учащих, хорошо поставивших церковное пение и организовавших хоры, поощряет денежной наградой... Почезерской [школы] – Л. Савина» [39, с. 442–443].

1914 г.: «Священник Кенозерского прихода Пудожского уезда Иоанн Кудряшов утвержден в должности законоучителя Бухаловского земского училища 30 января» [33, с. 378].

Исторические сведения о Кенозерском приходе, обнаруженные в неофициальном отделе «Олонецких епархиальных ведомостей»

1903 г.: в газете «Олонецкие епархиальные ведомости» от 1 февраля была опубликована статья священника Иоанна Михайловича Казанского «Освящение храма в селе Кенозере», в которой описано трехдневное празднование освящения Никольской церкви, проходившее в Кенозерском погосте в декабре 1902 г. В статье приводится «Речь, сказанная по заамвонной молитве» священника Кенозерского прихода Владимира Павловича Крючкова: «На месте выстроенного нами теперь храма в 1875 году сгорел деревянный во имя Богоявления Господня, и вот 20 с лишним лет на месте его деревянный крест указывал место бывшего престола Господня, а храма не было. Создавали мы нужду в постройке нового храма по причине тесноты имеющегося у нас, но сознания одного мало, необходимы на постройку средства и средства немалые, которых при бедности прихожан мы не имели. И вот через 20 с лишним лет, после пожара церкви, наступил желанный день; буди же благословенно и памятно среди нас навсегда знаменательное 13-е февраля 1898 года, когда мы на церковно-приходском сходе решили увековечить память о Священном Короновании Их Императорских Величеств постройкою храма во имя Св. Николая чудотворца с пределами в честь Благовещения Богородицы и мученицы царицы Александры, что нами и совершено. Но, положа руку на сердце, должно напомнить вам, что долго бы не молиться нам в сем храме, если бы на помощь нам Господь не послал благотворителей, из коих один, покойный Алексей Федорович Нечаев положил прочное основание для постройки, пожертвовав на это дело 2000 рублей, а сын его Константин Алексеевич, проживающий ныне на Афоне, на свой счет приобрел художественный иконостас (7000 рублей)» [62, с. 92–94].

1906 г.: опубликована статья священника Владимира Павловича Крючкова «Двадцатипятилетний юбилей служения в священном сане

священника Ряпусовского прихода, Каргопольского уезда, о. Иоанна Казанского» [28, с. 31–36].

1912 г.: в № 3–9 газеты опубликована статья «Из воспоминаний о путешествии во Святую землю» священника Петрозаводской больницы церкви Владимира Павловича Крючкова «Из воспоминаний о путешествии во Святую землю» [41, с. 74–76; 42, с. 99–100; 43, с. 109–111; 44, с. 134–135; 45, с. 150–152; 46, с. 166–168; 47, с. 178–182].

**Статьи по истории Кенозерского прихода,
написанные автором с использованием сведений
из «Олонецких епархиальных ведомостей»**

За последние годы автором настоящей публикации были написаны несколько статей для местной газеты «Плесецкие новости», в том числе: «Восстановление Кенозерской Успенской церкви» [21, с. 3]; «Возрождение Кенозерской православной общины: [дореволюционная история приходов в Кенозерье и их сегодняшний день]» [20, с. 3]; «Сей храм на вашем попечении» [25, с. 3]; «Первая литургия в Успенской церкви Кенозерья» [24, с. 1–2]. В газете «Кенозерье», выпускаемой Национальным парком «Кенозерский», были опубликованы статьи «6 апреля Успенская церковь отметила 135-летие со дня освящения главного престола» [26, с. 36–37] и «Наши люди на Афоне. 1000-летию русского монашества на Афоне посвящается» [23, с. 40–42]. В 2016 г. на сайте Архангельской епархии автором размещена статья «Наш Афон. Инок Русского Пантелеимонова монастыря Косма – из купеческой семьи благотворителей Кенозерского прихода. 1000-летию русского монашества на Афоне посвящается» [22].

Заключение

«Епархиальные ведомости», выпускаемые в 63 епархиях Российской империи в XIX – начале XX в., являются достоверным историческим источником, из которого могут быть почерпнуты материалы для составления исторических справок церковных приходов Русской православной церкви.

Автором статьи были просмотрены некоторые номера «Олонецких епархиальных ведомостей», в которых обнаружены исторические материалы по истории Кенозерского прихода Пудожского уезда Олонецкой губернии. Они были использованы для подготовки нескольких современных публикаций по истории церковного прихода церкви Успения Божией Матери в с. Кенозере (современный адрес: д. Вершинино (Погост) Плесецкого р-на Архангельской обл.).

Работа над составлением истории Кенозерского прихода автором будет продолжена с использованием новых данных, обнаруженных в «Олонецких епархиальных ведомостях».

Список литературы

1. В пользу больных и раненых русских воинов в Китае, по подписным листам, поступило пожертвований с 7 ноября по 18 декабря // Олонекские епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). Официальный отдел. 1901. 1 января. № 1. С. 6.
2. Высочайшие награды // ОЕВ. Официальный отдел. 1907. 1 июля. № 13. С. 317.
3. Епархиальные известия. О назначении на должность законоучителей // ОЕВ. Официальный отдел. 1907. 15 марта. № 6. С. 154.
4. Епархиальные известия. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1907. 15 февраля. № 4. С. 89–90.
5. Епархиальные известия. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1907. 15 марта. № 6. С. 152.
6. Епархиальные известия. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 июня. № 11. С. 238.
7. Епархиальные известия. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 августа. № 15. С. 340.
8. Епархиальные известия. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1911. 21 мая. № 15. С. 242.
9. Епархиальные известия. Перемены по службе // ОЕВ. Часть официальная. 1899. 15 февраля. № 4. С. 1–2.
10. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1907. 15 февраля. № 4. С. 90.
11. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 августа. № 15. С. 342.
12. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 11 декабря. № 35. С. 622.
13. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 21 декабря. № 36. С. 638.
14. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 1 января. № 1. С. 1.
15. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 11 января. № 2. С. 18.
16. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 21 января. № 3. С. 46.
17. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 1 февраля. № 4. С. 76.
18. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 11 февраля. № 5. С. 102.
19. Епархиальные известия. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 21 февраля. № 6. С. 124.
20. *Калитин В.А.* Возрождение Кенозерской православной общины: [дореволюционная история приходов в Кенозерье и их сегодняшний день] // Плесецкие новости. 2005. 7 июня. № 64 (9748). С. 3.
21. *Калитин В.А.* Восстановление Кенозерской Успенской церкви // Плесецкие новости. 2005. 23 августа. № 96 (9780). С. 3.
22. *Калитин В.А.* Наш Афон. Инок Русского Пантелеимонова монастыря Косма – из купеческой семьи благотворителей Кенозерского прихода // Ар-

хангельская епархия. URL: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/58668/> (дата обращения: 14.08.2023).

23. *Калитин В.А.* Наши люди на Афоне. 1000-летию русского монашества на Афоне посвящается // Кенозерье. 2016. № 3-4 (51-52). С. 40–42.

24. *Калитин В.А.* Первая литургия в Успенской церкви Кенозерья // Плесецкие новости. 2006. 19 августа. № 94 (9928). С. 1–2.

25. *Калитин В.А.* Сей храм на вашем попечении // Плесецкие новости. 2006. 11 февраля. № 15 (9849). С. 3.

26. *Калитин В.А.* 6 апреля Успенская церковь отметила 135-летие со дня освящения главного престола // Кенозерье. 2015. № 1-2 (45-46). С. 36–37.

27. Канцелярия Олонецкого Епархиального Преосвященного доводит до сведения, что в пользу больных и раненных воинов в Китае поступили в октябре месяце разные вещи, собранные // ОЕВ. Официальный отдел. 1900. 1 ноября. № 21. С. 724–725.

28. Кенозерского прихода священник Вл[адимир Павлович] Крючков. Двадцатипятилетний юбилей служения в священном сане священника Ряпусовского прихода, Каргопольского уезда, о. Иоанна Казанского // ОЕВ. Неофициальный отдел. 1906. 1 января. № 1. С. 31–36.

29. О назначении на должность законоучителя // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 сентября. № 17. С. 378.

30. О назначении пенсии // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 11 мая. № 14. С. 302.

31. О пожертвованиях, поступивших в церкви Олонецкой епархии // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 11 октября. № 29. С. 502.

32. О пожертвованиях, поступивших в церкви Олонецкой епархии // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 11 февраля. № 5. С. 103–104.

33. Об утверждении в должности законоучителей // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 11 февраля. № 5. С. 378.

34. Об утверждении в должности церковных старост // ОЕВ. Официальный отдел. 1917. 1 июля. № 15. С. 344.

35. Об утверждении в должностях церковных старост // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 мая. № 9. С. 187.

36. От Каргопольского Уездного Отделения Олонецкого Епархиального Училищного Совета // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 мая. № 9. С. 188–189.

37. От Олонецкого Епархиального Попечительства о бедных духов[ного] звания. Список умерших лиц, на погребение кои и на первоначальную жизнь из семей надлежит выслать из кассы братской взаимопомощи пособия // ОЕВ. Официальный отдел. 1911. 21 мая. № 15. С. 244.

38. От Петрозаводского Уездного Отделения Олонецкого Епархиального Училищного Совета // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 августа. № 15. С. 344.

39. От Пудожского Уездного Отделения Олонецкого Епархиального Училищного Совета // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 21 августа. № 24. С. 442–443.

40. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1917. 1 сентября. № 19. С. 392.

41. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 21 января. № 3. С. 74–76.

-
42. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 1 февраля. № 4. С. 99–100.
43. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 11 февраля. № 5. С. 109–111.
44. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 21 февраля. № 6. С. 134–135.
45. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 1 марта. № 7. С. 150–152.
46. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 11 марта. № 8. С. 166–168.
47. Петрозаводской больничной церкви свящ. Влад[имир Павлович] Крючков. Из воспоминаний о путешествии во Святую землю // ОЕВ. Отдел неофициальный. 1912. 21 марта. № 9. С. 178–182.
48. Пособия Уездных Земств Олонецкой губернии церковным школам на 1903 год // ОЕВ. Официальный отдел. 1902. 1 ноября. № 21. С. 706, 708.
49. Распоряжения Епархиального начальства // ОЕВ. Официальный отдел. 1914. 1 апреля. № 10. С. 235–236.
50. Распоряжения Епархиального начальства // ОЕВ. Официальный отдел. 1918. 15 апреля. № 8. С. 89–90.
51. Распоряжения Епархиального начальства. Об утверждении в должности членов Благочиннического совета // ОЕВ. Официальный отдел. 1916. 1 сентября. № 16. С. 302.
52. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 11 сентября. № 26. С. 459.
53. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 21 сентября. № 27. С. 476.
54. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 1 декабря. № 34. С. 606.
55. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе // ОЕВ. Официальный отдел. 1917. 15 августа. № 18. С. 383.
56. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе. О рукоположении // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 21 декабря. № 36. С. 637.
57. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 1 октября. № 28. С. 491.
58. Распоряжения Епархиального начальства. Перемены по службе. Свободные места // ОЕВ. Официальный отдел. 1913. 21 ноября. № 33. С. 591.
59. Синодальные награды // ОЕВ. Официальный отдел. 1903. 15 мая. № 10. С. 330.
60. Синодальные награды // ОЕВ. Официальный отдел. 1908. 1 июня. № 11. С. 236.
61. Список награжденных Святейшим Синодом к 29 июня 1917 г. // ОЕВ. Официальный отдел. 1917. 1 июля. № 15. С. 339.
-

62. С. И. К. [Священник Иоанн Михайлович Казанский]. Освящение храма в селе Кенозере. Свящ[енник] Вл[адимир Павлович] Крючков. Речь, сказанная по заамвонной молитве // ОЕВ. Неофициальный отдел. 1903. 1 февраля. № 3. С. 92–94.

63. Указы из Святейшего Правительствующего Синода. Перемены по службе. О рукоположении // ОЕВ. Официальный отдел. 1917. 15 декабря. № 26. С. 511–512.

64. Утверждение в должностях церковных старост // ОЕВ. Официальный отдел. 1903. 15 января. № 2. С. 34.

65. Утверждение в должностях церковных старост и представителей от прихожан, для участия при ежемесячном свидетельстве церковных сумм // ОЕВ. Часть официальная. 1899. 15 февраля. № 4. С. 2–3.

Русский Север и его литературное освоение

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

В статье рассматривается процесс формирования Русского Севера как литературного региона в результате внешнего литературного освоения, которое связано с деятельностью столичных литераторов. Вводится понятие литературной магистрали как исторической дороги, «покрытой» текстами разновременных литературных путешествий. Для Русского Севера в качестве такой магистрали выступала Северная Двина.

Ключевые слова: литературный регион, литературное освоение, литературная магистраль, Русский Север.

Открытие Севера российским обществом. Несмотря на тысячелетний опыт освоения Севера русскими, открытие его российским обществом произошло только во второй половине XIX в. Произошло это событие прежде всего благодаря деятельности ученых – этнографов, фольклористов, диалектологов, искусствоведов. Первые экспедиции на Север привели к крупным научным открытиям своеобразной деревянной архитектуры, дониконианских старообрядческих изданий, проявлений народного православия, тесно переплетенного с язычеством, древнерусских былин и пронзительных поморских песен (в связи с этим хотелось бы упомянуть, что в Кенозерском национальном парке, где работали выдающиеся русские фольклористы А.Ф. Гильфердинг, Н.Н. Харузин, братья Соколовы и другие, был создан музей былины «В Начале было Слово»).

Большой общественный резонанс вызвала книга С.В. Максимова «Год на Севере», написанная на основе материалов литературного путешествия, совершенного в середине XIX в. [7]. Автор сумел проплыть по Белому морю и ознакомиться с поморской культурой, посетить Соловки, добраться до удаленного Кольского полуострова и Печоры, побывать на Пинеге и Мезени.

В продвижении ярких образов региона велика роль русских художников и литераторов. На рубеже XIX и XX вв. путешествия по Северу совершили литераторы В.И. Немирович-Данченко, К.К. Случевский, М.М. Пришвин, Н.А. Лейкин, художники В. Верещагин, Н. Рерих, И. Шишкин, М. Нестеров, А. Васнецов, А. Архипов и многие другие. Они были восхищены Севером.

Приведем цитату, принадлежащую известному меценату Савве Мамонтову: «Я не знаю, как выразить восторг, который охватывает мою душу при виде этого чудного во всех отношениях Севера. Эта ширь, этот свет, эта серьезная радость, которая разлита во всем, приятно поднимает дух. Я делаюсь поэтом – таково влияние блестящего Севера» [2, с. 104]. Ему вторит поэт К.К. Случевский: «Удивительная страна – Север! Как поражаетесь вы полуночным солнцем, как не сразу увидите играющего пред вами в море кита, так точно не заметите вы того, что называет местный охотник тропочкой, “путиком”» [9, с. 330].

Особенности внешнего литературного освоения Русского Севера. Двинская литературная магистраль. Литературное освоение территории предполагает насыщение ее художественными описаниями, литературными образами, формирование территориального свертхтекста. Применительно к централизованному российскому пространству (наличие мощных столичных литературных центров и обширной периферии) можно говорить о внешнем и внутреннем литературном освоении регионов [5, с. 80–82]. Первый тип связан преимущественно с деятельностью литературных варягов – представителей Москвы и Петербурга, второй – с литературным творчеством уроженцев Русского Севера.

Как и для остальных регионов России (Юг, Урал, Сибирь), для Севера характерно преобладание внешнего литературного освоения вплоть до конца XIX в., когда стала формироваться собственная литературная традиция.

Несмотря на обширность российского пространства, маршруты литературных путешествий и места в регионах, которые посещали литераторы, часто совпадали. Этот парадокс во многом связан с особенностями российского пространства – неразвитостью дорожной сети и низкой плотностью городов. К примеру, большая часть путешествующих по Русскому Северу в XVIII – первой половине XX в. сплавлялись по Северной Двине и ее притокам от Вологды до Архангельска. Среди целей их путешествий – паломничество к северным монастырям, знакомство с историческими и мемориальными местами. Приехавших из других регионов России особенно интересовали места, связанные с деятельностью М.В. Ломоносова и Петра Великого, погружение в неброский северный ландшафт с его деревянными храмами, яркими народными костюмами и нежной северной природой.

Путешественники не только передвигались по одному маршруту, но и, как правило, посещали одни и те же места – города, храмы, памятники. При плавании по Сухоне и Северной Двине в этот список входили Вологда, Тотьма, Великий Устюг, Сийский монастырь, Холмогоры, Архангельск и непременно Соловки. В Вологде внимание путников привлекал домик Петра Великого, Софийский собор и могила К.Н. Батюшкова, а в Архангельске – Троицкий собор и памятник

М.В. Ломоносову. В результате образ огромного региона складывался на основе знакомства с относительно ограниченным кругом мест. В то же время, это позволяло сравнивать оценки и впечатления разных литераторов при посещении одних и тех же мест. Так формировалась литературно-географическая система, или литературная магистраль.

Литературная магистраль как историческая дорога, «покрытая» текстами разновременных литературных путешествий. Основные компоненты литературной магистрали – историческая дорога, места остановок, круг авторов, тексты травелогов, устойчивые образы мест. Функционирование литературной магистрали обеспечивается повторяющимися маршрутами, совпадающими местами остановок, системой перекрестных ссылок авторов, переключкой образов мест.

Применительно к Русскому Северу важнейшим литературным маршрутом на протяжении длительного периода выступала Двинская литературная магистраль (ил. 1).

Подвинская историческая дорога – транспортный каркас Двинской литературной магистрали. Подвинская историческая дорога представляла собой часть пути из Ростова на Север. Этот маршрут проходил по Волге, Шексне, через Белое озеро, короткий Славенский волок и далее в Сухону. Как показали результаты археологических исследований, Славенский волок использовался уже в XI в. [6]. Кроме основного маршрута существовали и другие водно-волоковые пути, связывавшие бассейны Волги и Сухоны.

После присоединения Новгорода к Московскому государству Подвинская дорога, как расположенная ближе к Москве и наиболее удобная для судоходства, становится важнейшей для Русского Севера. На протяжении столетий Северная Двина остается главной транспортной и культурной артерией Русского Севера. В ее бассейне находятся и древние столицы Русского Севера (Великий Устюг, Холмогоры), и его нынешние региональные столицы – Вологда, Архангельск, Сыктывкар. В середине XVI в. Северная Двина имела шанс стать национальной рекой России, если был бы реализован проект Ивана Грозного по переносу столицы государства в Вологду. Подвинскую историческую дорогу «освятил» Петр Великий, который, посещая Русский Север, трижды проплыл по Северной Двине.

Среди наиболее известных литераторов, в разное время путешествовавших по Северной Двине и оставивших тексты травелогов, назовем И.И. Лепёхина, П.И. Челищева, С.В. Максимова, В.И. Немировича-Данченко, К.К. Случевского, В.В. Верещагина, Н.А. Лейкина, М.М. Пришвина. Путешествие по одному маршруту и посещение одних и тех же мест создавало условия для полемики между разновременными травелогам и литераторами. Найденные темы и образы передавались от одного литератора к другому. Тем более, что новый

путешественник, как правило, стремился ознакомиться с текстами о двинских путешествиях своих предшественников. Подобная преемственность способствовала формированию устойчивых литературных образов регионов и мест.

Функционирование Двинской литературной магистрали: система перекрестных ссылок. Первые путешествия по Русскому Северу, имеющие литературный характер, относятся к последней трети XVIII в. Так, в 1772 г. академик Лепёхин, ученик Ломоносова, проехал из Сибири через Соликамск и Сольвычегодск в Холмогоры и Архангельск [4]. В 1791 г. похожее путешествие совершил П.И. Челищев [12]. Основной целью обоих было посещение родины М.В. Ломоносова. Среди литературных путешествий, оказавших огромное влияние на восприятие русским обществом Севера, была книга «Год на Севере», написанная фольклористом, этнографом и писателем С.В. Максимовым по результатам путешествия, совершенного в 1855–1856 гг. [7]. Другие литераторы, прочитав книгу Максимова, отнеслись к ней как к образцовому путеводителю, сверяя с ним свои путевые впечатления. К примеру, поэт К.К. Случевский, совершивший поездку по Северной Двине и по Онеге в 1885 г., ряд этнографических и фольклорных текстов заимствовал у С.В. Максимова [9].

В текстах писателя Н.А. Лейкина, проплывшего по Северу в 1898 г., приводятся ссылки на более ранний северный травелог В.И. Немировича-Данченко [3, 8]. В свою очередь в описании путешествия А.И. Фирсова, опубликованном в 1907 г., содержится прямая ссылка на Н.А. Лейкина. Традиция продолжается и в советское время. Так, журналист и писатель В.Е. Страхов, спускаясь по Северной Двине и описывая успехи советской промышленности, не забыл упомянуть имена Челищева и Лейкина и сравнить исторические и современные образы городов Подвинья [10]. Тем самым, система перекрестных отсылок авторов и диалог образов мест представляют собой важный компонент функционирования региональной литературной магистрали, формирующий устойчивые литературные образы региона.

Вне сомнения, литературные путешествия осуществлялись и по другим водно-волоковым путям Севера. Например, по Ладожско-Онежскому маршруту прошли В.И. Немирович-Данченко, К.К. Случевский, М.М. Пришвин; по Пинеге сплавливались С.В. Максимов и М.М. Пришвин. И все же число травелогов, связанных с Северной Двиной, существенно выше, при этом они тесно связаны друг с другом.

Функционирование Двинской литературной магистрали: переключки литературных образов (на материале литературных описаний памятника М.В. Ломоносову). Наряду с позитивными образами по литературной цепочке передавались и негативные, часто ничем не оправданные впечатления. В качестве примера приведем кумулятивную цепочку

негативных оценок со стороны визитеров в отношении памятника М.В. Ломоносову в Архангельске. Поясним, что это был первый памятник в стране, поставленный великому помору знаменитым И.П. Мартосом на народные деньги, собранные по всей России (ил. 1).

С.В. Максимов (посетил город в 1856 г.): «Вот новый урок созидателям, сумевшим в лице Ломоносова изобразить *римского гражданина в тоге* (курсив мой. — В. К.), с гением у ног, а не простого мужика, с приличными, более понятными и ясными атрибутами, или что-нибудь вроде этого. К тому же памятник мал, пропадает в массе зданий и не пользуется ни хорошим видом, ни хорошим местом» [7, с. 531].

В.И. Немирович-Данченко (жил в городе в 1870 г.): «Посреди ее (площади. — В. К.) в настоящее время находится памятник Ломоносову. Холмогорский крестьянин, могучий работник науки, представлен в виде *куща, выходящего из бани и закутанного в мокрую простыню* (курсив мой. — В. К.). Ни лавры на голове, ни коленопреклоненная, чахоточная фигура гения с лирою в руках не уничтожают этого впечатления» [8, с. 71].

Поэт К.К. Случевский (проехал Архангельск в 1885 г.): «Хотя он (памятник Ломоносову. — В. К.) воздвигнут по проекту знаменитого Мартоса, но в сущности, один из самых неудачных памятников в России» [9, с. 223].

Писатель Н.А. Лейкин (посетил город в 1890-х гг.): «Поэт и ученый представлен стоящим на северном полушарии, на котором начертано: Холмогоры. Изображен он *с накинутой на плечи тогой*, не закрывающей грудь, и эта тога настолько неудачна, что делает Ломоносова как бы *выходящего из бани с накинутой на плечи простыней* (курсив мой. — В. К.). Лицо его как-то сморщено. Коленопреклоненный гений подает ему лиру. Крылатый гений также неудачен. Пьедестал памятника гранитный. Вообще группа представляется очень комической» [3, с. 130].

А.И. Фирсов (был предположительно в 1907 г.): «Памятник невысок и вылит из меди по совершенно неудачному проекту ректора академии художеств И.П. Мартоса, вдохновившегося одою поэта “Вечернее размышление о Божием величии при случае великого северного сияния”. Ломоносов представлен стоящим на северном полушарии, на котором помещена подпись: “Холмогоры”. Изображен он с накинутой на плечи тогой, не закрывающей грудь, и эта тога настолько неудачна, что делает Ломоносова, по меткому замечанию Н.А. Лейкина, как бы *выходящим из бани с накинутой на плечи простыней*. Коленопреклоненный гений, *похожий на голодающего индуса* (курсив мой. — В. К.)» [11, с. 1008–1009].

Заметим, что решение Мартоса отражает художественный стиль своего времени. При этом изображение Ломоносова в античном одеянии приобщает его к классикам древности. Очень важен обществен-

новый контекст, который не понимали упомянутые литераторы: скульптор отражает общественный образ гения в русском обществе середины XIX в., которого считали прежде всего великим поэтом и реформатором русского литературного языка. Понимание деятеля как великого ученого пришло позже, после того как были переведены с немецкого и шведского языков его научные труды. Вместе с тем негативные оценки привели к тому, что судьба монумента в городе складывалась непросто: он дважды менял свою локализацию [1].

Тем самым, система перекрестных отсылок в трудах авторов и перекличка образов мест представляют собой важный компонент функционирования региональной литературной магистрали, формирующий устойчивые литературные образы территории. Для фронтальных регионов страны важную роль в формировании образов Русского Севера сыграло внешнее литературное освоение – литературные путешествия из Москвы и Петербурга (со второй половины XVIII в.). Столичные литераторы обращали внимание на неброскую красоту ландшафта, своеобразии северной природы, архитектуры и этнографии.

Список литературы

1. Глухов А.И., Калуцков В.Н. Ломоносов в культурном пространстве России и Зарубежья (на материалах памятников и топонимии) // Ломоносов и география. М., 2011. С. 88-98.
2. Киселева Е.Г. Московский художественный кружок. Л., 1979.
3. Лейкин Н.А. По Северу дикому. СПб., 1913.
4. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и адъюнкта Академии наук Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 4 ч. Ч. 4. СПб., 1805.
5. Литературная география России: атлас-справочник / науч. ред. Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков. М., 2022.
6. Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.
7. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984.
8. Немирович-Данченко В.И. Беломорье и Соловки: воспоминания и рассказы. М., 2009.
9. Случевский К.К. По Северо-Западу России: в 2 т. Т. 1. СПб., 1897.
10. Страхов В.Е. Двинские дали. Архангельск, 1972.
11. Фирсов А. По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине // Исторический вестник. 1907. Т. 110. Октябрь – декабрь. С. 629–652; 981–1002.
12. Челищев П.И. Путешествие по северу России в 1791 г. М., 2009.

Обозначение кровного родства в говорах Кенозерья¹

Качинская Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; kacza@yandex.ru

В говорах Архангельской области встречаются особые слова, называющие родственников по крови. В Кенозерье мать называли *мамонькой*, а отца – *татой*, *таткой*, *батюшкой*. Родная дочь могла называться *дочёра*, прадеды – *правдедки*. По-разному могли называться родные и двоюродные братья и сестры. Кроме того, термины кровного родства регулярно переносятся на приемных родителей, на свойственников, на духовных восприемников. Часто они употребляются по отношению к неродственникам, используются как междометия (*батюшки! матушки мои!*). Они способны развивать многочисленные переносные значения, выходить далеко за пределы области родства, распространяясь на животный и растительный мир, на мифологическое пространство, на абстрактные понятия и предметы.

Ключевые слова: термины кровного родства; архангельские говоры; говоры Кенозерья; Русский Север; культурный ландшафт Русского Севера.

Говоря о культурном ландшафте, нельзя не коснуться такой важной темы, как термины родства. Родство делится на кровное и некровное. К некровному относится родство по браку, т.е. свойство, заместительное родство, т.е. приемные дети и родители, и духовное родство, возникающее в результате крещения младенца. С точки зрения структуры родства все эти группы различаются, однако одни и те же слова могут обозначать понятия во всех четырех группах. Так, например, слово *матушка* может обозначать родную мать (кровное родство); свекровь, тещу и даже жену (область свойства); приемную мать, т.е. мачеху; крестную мать ребенка (область духовного родства). Гендерная параллель касается лексем *батька*, *батюшка* (*батюшко*), которые указывают и на родного отца, и на свекра, тестя или мужа, на отчима, на крестного отца. Кроме того, лексемы *матушка*, *батюшка* и некоторые другие употребляются по отношению к неродственникам, используются как междометия (*баюшки! матушки мои!*) и, как многие другие термины кровного родства, способны развивать многочисленные переносные

© Качинская И.Б., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»» на исследование по теме «Концептуальные основание и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

значения, выходить далеко за пределы области родства, распространяясь на животный и растительный мир, на мифологическое пространство, на абстрактные понятия и предметы [4].

Кровное родство подразделяется на прямое (*мать, отец, дочь, сын*) и боковое (*брат, сестра, дядя, тетка, племянники*), а также на восходящее (*деды и бабушки*) и нисходящее (*внуки*). «Восходящим» называется родство, направленное в «прошлое», согласно общепринятым изображениям родословного дерева: «Название “восходящие <родственники>” обусловлено тем, что при графическом изображении родства они изображаются по прямой линии кверху от того лица, родство коего определяется»². Соответственно, нисходящее родство направлено в «будущее».

Выделяют степени (колени) родства. Сам человек (*эго, имярек*) — это «нулевая» ступень и в цепочку не входит, а является лишь звеном в отношении к остальным звеньям: 1-я степень восходящего родства — это родители, 1-я степень нисходящего — дети, 2-я степень восходящего — дед и бабушка, 2-я степень нисходящего — внуки. Прадеды и правнуки относятся к 3-й степени. Боковое родство тоже подразделяется на степени (колени), ко второму колену относятся двоюродные братья и сестры, к третьему — дяди, тетки, племянники.

Термины родства представляют собой сложную упорядоченную систему, в которой каждая лексема обозначает строго определенное место индивида в структуре родства. Любой человек уже при рождении занимает в этой структуре определенное место, а чаще — сразу несколько мест (*дочь, внучка, сестра, племянница*). В процессе жизни количество функций нарастает (*мать, бабушка, тетка, жена, невестка, свекровь, теща*). Места в структуре родства зависят не от *эго*, а от его окружения. Цепочка смены поколений непрерывна. В процессе жизни человек постепенно теряет родственников по восходящей линии и приобретает по нисходящей, соответственно, у него прибавляются новые функции. Женщина выходит замуж и оказывается одновременно *женой* для своего мужа и *невесткой* для родителей мужа. Мужчина женится и становится *мужем* для своей жены, *зятем* для ее родителей, *свояком* для братьев жены (если у нее есть братья). Для того чтобы стать *дядей* и *тетей*, надо иметь племянников. Для того чтобы стать *дедом* и *бабушкой*, надо иметь внуков.

Линии родства связаны с гендерным разделением, их всего две: *матрилинейная* включает родственников по матери, *патрилинейная* — по

² Брокгауз, Ефрон. Энциклопедический словарь. 1890—1906. Восходящие родственники. (Родство). Цит. по: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/24364/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%B5?ysclid=lm1tpbgxj735175225 (дата обращения 10.05.2023).

отцу. Информация о линиях родства (отцовской и материнской) в современном русском языке отсутствует, хотя когда-то отличались дядя по матери (*вуй*) и дядя по отцу (*стрый*), племянники со стороны брата (*братич*) и со стороны сестры (*сестрич*) [7, с. 79–80; 81; 61; 67]. В некоторых славянских языках эти отличия сохранились.

Термины родства относятся к древнейшему слою лексики и совпадают во многих индоевропейских языках: «Основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены древнейшей эпохой» [7, с. 14]. Особенно ярко это видно на славянском материале: «Общность основного словарного фонда славянских языков проявляется, между прочим, и в терминологии родственных отношений, что важно и как свидетельство для истории языка, и как показатель важнейших социально-исторических процессов в жизни славянства» [7, с. 16]. Однако в разных регионах наряду с общерусскими терминами могут встречаться свои варианты, которые затрагивают уровень словообразования и грамматики, фонетики и синтаксиса (когда наряду с однословными терминами используются аналитические конструкции, словосочетания).

К настоящему времени выявлены варианты терминов родства для всей Архангельской области, их оказалось около тысячи единиц. Рассматривались четыре группы родства, от кровного до духовного, а также лексика, формально не входящая в терминологию родства, но связанная с ней самым тесным образом, указывающая на половозрастную характеристику человека и его социальный статус. Очень важным показалось проследить распространение вариативности терминов родства в более узком регионе, в говорах Кенозерья. Н.И. Толстой говорил о возможности и даже необходимости изолированного рассмотрения материала в пределах одной языковой зоны: «Надо полагать, что без этнически, территориально и лингвистически обозначенных, приуроченных и обособленных семиологий общая семиология в некотором отношении останется беспочвенной и без широких перспектив дальнейшего развития» [6, с. 26].

В настоящей публикации приводятся иллюстрации только из Плесецкого района Архангельской области. Возле каждого примера в скобках приводится название населенного пункта (деревни, села, поселка), в котором была осуществлена запись. Иллюстрации взяты из «Архангельского областного словаря» [2], сбор материалов для которого начался с конца 1950-х гг., и его богатейшей картотеки. С тех пор население большинства приозерных деревень вынуждено было покинуть свои родные места, и многие деревни исчезли. В 1991 г. был основан Национальный парк «Кенозерский», куда вошло большинство обследованных деревень Плесецкого (в прошлом – Приозерного) района. Приведены также полевые записи автора.

Для обозначения терминов родства мы будем использовать основные общерусские понятия (*мать, отец, дочь* и т.д.). Для кровного родства выделяется 12 таких понятий, однако реальных вариантов в говорах Кенозерья встретилось гораздо больше, причем у одних понятий синонимов достаточно много, а у других мало.

Прямое родство.

1. **Мать.** Для обозначения родной матери встретились варианты *мать, матерь, матка, мама, мамка, мамаша, матушка, маменька, мамонька, мамушка, мамынька*: *Ейна мама моему тате сестра* (Першлахта). *У ней матерь померла дак* (Усть-Поча). *Парня не знаю батька, а матка вчера с ним шла* (Федово). Словоформы с ласкательными суффиксами: *Дак все вместях поедете, к мамушкам родным. Маменька — это ласково* (Федово). *Твоя мамонька ешию жива? У меня свекрова-то лучше мамыньки родной была. У нас покойна мамынька с батюшком на ярманку ездили* (Першлахта). Слово *мамка* тоже часто воспринимается как ласкательное (*Всё «мамка» и «мамка», ласково звали*). *Он сходит: «Мамка, я знаю, где корова»* (Усть-Поча).

Слово *мама* воспринимается как новое, но используется повсеместно, часто противопоставляясь более «старым» наименованиям.

2. **Отец.** Для обозначения родного отца встретились варианты *отец, батька, батюшка (батюшко), батя, тата (тато), татко, татынька, татя, папа, папенька, папонька* и некоторые другие: *Поедут, отцу да матери привезут. Тоже ни отца ни матери, от батюшка шестигодова. С батей гли-ко, как насадилисе (напились)!* (Вершинино). *Я батюшком звала отца-то родного, а муж-от — татом, ещё татко. Я пожалела, как тату да маму оставишь? Звопишь издале: тата ли тато! Эти истый отец, вся колодка, истый папенька. Истой папонька, у него улыбка, как у папоньки. Татынька, тебя маменька цыганом ругала* (Першлахта).

Лексема *папа* с ее дериватами, хотя и является для архангельских говоров относительно новой (имеются многочисленные свидетельства информантов о том, что сами они своих отцов *папами* еще не называли), в настоящее время широко распространена: *Отца — батюшком да татой, а ноне-то папой, раньше папой не звали. Нынь всё папой стали звать, а раньше — татой* (Першлахта).

3. **Дочь.** Для обозначения дочери встретились варианты *дочь, дочерь, дочка, доченька, дочёра*: *Мой сын и ейна дочь сошлись, дак она мне сватья. Старша-то доцерь не робатывала. Она у дочери. У него здесь в деревне обеи дочёри живут* (Першлахта). *Дочка вот щас приехала с Вологды. Анны Алексеевны, гли-ко, доцёря* (Поромское). *Мамаша доченьке да говорила: «Не будь такая тороплива и в клетоцку не попади. Ой, попадёшь ты, дочка, в клетоцку, будет волошка да не твоя...»* (Усть-Поча). *Матка дала латку да рогатку — живи, дочка!* (Федово). — т.е. ничего не дала в приданое. Как правило, старшая девочка становилась основной помощницей

матери по хозяйству, нянькой братьям и сестрам. Тогда ее могли называть *большуха*: *У кого большухи-то есть, дак дивья!* (Першлахта).

4. **Сын.** Для обозначения родного сына встретились варианты *сын, сынок, сынишко*: **Сын, сынишко ей** (Першлахта). *Ещё один сын Коленька есть, ходит в одиннадцатый класс, ещё один сынок* (Вершинино).

5. **Родная бабушка** – *баба, бабка, бабушка, бабуля, бабулечка*: *Улины – это у них была бабулечка, которая нянчилась со всеми детьми, её звали бабушка Уля. Баба Луша* (Усть-Поча). *Сыну-то ейному бабка я доведу* (Першлахта). *Бабушку помню папину* (Федово).

6. **Родной дед** – *дед, дедко (дедка), дедушко (дедушка)*: *Я теперь сам дедко стал* (Церкова). *Был дедко Микита, так всё прозвище-то Микитины* (Першлахта). *С того краю есть бабушка и дедушко старенькой, вот и живём* (Вершинино).

7. **Прадеды.** Более далеких предков в Кенозерье называли *прадед, прадедушка, правдед, правдедко, правдедушка, дед, дедко*: *Наших Калитиных звали Пётрушковы, потому что когда-то прадед, наверно, Пётр был* (Усть-Поча). *Правдедко был Ларивон – и мы Ларивоновы. В роду дедко был, я уж в третьем колоне. В деревне дедко, правдедко как зацели звать, так всё колоне и зовут, и зовут. Правдедкам, бывало, нашим* (Першлахта). *Мы на Мамонове жили, у меня правдедушка был. Мужьё-то у нас односемейно были раньше, не мужьё, а деды-правдеды. Деды делились одной семьи* (Вершинино). *Прадедки были из Киризии* (Федово). Соответственно *прадеду* возникает *прабабушка, правбабка*: *Мы уж прадедушка, прабабушка, у нас внучек есть, правнучек, вернее* (Поча). *Я уж правбабка* (Церкова).

8. **Внуки.** Мальчик – *внук (мнук), внучек (внучёк), внучонок*: *У меня внук Олёша плёл, кудельничал* (Усть-Поча). *Внука ждали, внук-от жалёбной у нас был* (Першлахта). *А тут сноха со своим внучонком* (Федово). Девочка – *внука, внучка*: *Одна девочка есть, внука Ксюша. Ольга внука есть в Плесецке. В августе родились две внуки. Я внуцам-то бабка* (Федово). *Вот две внуки вырастила, бабушка выкачала в зыбке, ноци не спала* (Поромское). Когда речь идет о мальчиках или мальчиках и девочках, их называют *внуки (мнуки, унуки), внуча, внучата*: *Внуки всё, как ноцевать прибеут, там гнездятся*. (Конёво). *Семеро мнук да шестеро правнучат* (Церкова). *Унуки ткали половики. Тут, со внуцатами* (Федово). *Году не жили вместея: сноха-то попала зубатая, не залюбила внуцат* (Рыжково).

Так как в русском языке нет специальных слов, указывающих, с какой именно стороны, сына или дочери, приходятся внуки бабушке или деду, возникают аналитические конструкции, словосочетания: *Эта внука от дочери, а та внука от сына* (Федово). *Это внука от сына* (Першлахта). *От ейной от дочери это внуки* (Вершинино). Составные конструкции возникают и тогда, когда речь идет о более дальнем род-

стве: *Это от брата внука. Внучатая племянница от брата* (Федово). При этом предлоги могут опускаться, и тогда выражение *внук (внучка) сына* значит то же самое, что и *внук (внучка) от (у) сына*. Конструкции типа *сыновний (дочерний) внук* обозначает вовсе не правнука со стороны сына (дочери), а внука от сына: **Внуца-то приходят сыновьи** (Федово).

9. **Правнуки.** Мальчик – *правнук, правнучек*, девочка – *правнука, правнучка*: *А детей, внуков у нас восемь, девятый правнук. Мы уж прадедушка, прабабушка, у нас внучек есть, правнучек, вернее* (Поча). *У меня щас есть Варвара, правнучка, у Васи внука* (Усть-Поча). *Одна правнука кончала десятый класс. У ней уж правнука замужем* (Федово). Дети мужского или обоего пола – *правнуки, правнучата*: *А я убилая с гостями, тут правнуки были. Пять внуков, шесть правнуков, старуха богата! Внучат целая куца и правнучат* (Федово). *А те годы всё водилась с правнучатами. Семеро внук и четверо правнучат* (Церкова). *Любят все, внуцата и правнуцата – все любят сюда ехать* (Усть-Поча). *У меня уж правнучеты народились* (Вершинино).

Боковое родство. К боковому родству относятся родные и двоюродные (троюродные) братья и сестры, дяди, тетки, племянники.

1. **Родного брата** кенозёра могут называть *брат, брателко, братко, братан*: *А с моей стороны у меня, подруженьки, никого не было. У меня был брат да сестра. Померли, и я одна* (Усть-Поча). *Обе сестры разошлись, и брат разошёлся* (Поча). *Братьё были. Братьё прилетили. А брателку пятой год шёл, был один брателко* (Першлахта). *Цетверо детей прижил мой братко* (Поромское).

2. **Родная сестра** – *сестра, сестричка, сестрёнка, сеструха*: *Например, у мя у Феде было две сёстры, Нина да Шура* (Усть-Поча). *В гости приехал проведывать сёстер. Был у меня зять здесь с сеструхой* (Першлахта). *Нас было две сестрички. А сестрёнки, братовья есть?* (Федово). Так как именно старшей сестре приходилось нянчить всех младших детей, ее могли называть *няня, нянюшка*: *Я с ей нянчилась. Семь лет было няньке, семь лет только. А когды она померла, мне уж восемь, в школу пошла* (Вершинино). *Ну я небольшая была, но я всё время была в няньках и на хозяйстве. Мама приедет, у меня уже и белья настирано* (Усть-Поча).

3. **Двоюродные братья и сёстры** в архангельских говорах имеют не только двусловные, но и однословные наименования. Двоюродный брат – *братан, брателко, братанец, братко, братай*, а также *двоюродник* и *троюродник* (если речь идет о троюродном брате): *Так родова-то вот двоюродные, троюродные* (Рыжково). *Это мужа двоюродники насажены (на фотографии). Двоюродники. Троюродники* (Федово). *У меня Сашка братан служил вместе со мной, в одной дивизии служил* (Усть-Поча). *С Мурманска приехал ему братай. Дядя да братанци жили. Мы братанци* (Першлахта). *Братанец* буде мне по матери (Поромское).

Как видно из примеров, номинации родного и двоюродного братьев могут совпадать: *Братан* кликнут *хоть родного, хоть двоюродного. Родного можно назвать брателком и двуродного* (Першлахта). Однако может встретиться и противопоставление: *Тут сноха не братана, а брата* (Федово).

Двоюродная сестра, в отличие от родной, как правило, обозначается дериватами от корня *сестр-*: *сеструха, сестрица, сестрёнка, сестреница, сестринка*, хотя, как и в случае с братьями, лексемы могут совпадать: *Анна Иванна у меня сестричка двуродная, двуродная сестреница и есть. У меня там двуродние сестреницы, матери-то родны сёстры, а мы уж сестреницы* (Рыжково). Используются также двусловные и однословные наименования: *двородница, двоюродница: В Усть-Поче живёт сестрица двоюродна* (Вершино). *Моя троюродна сестринка* (Рыжково). *У меня была двородница* (Федово).

4. **Тетка** – *тёта, тётка, тётя, тётушка*: *Так у меня вот две тётки было почезерских, и всё. Утром просыпается у нас тётушка, вот которая всё названивает щас мне* (Усть-Поча). *А у мамы была тётка в Усть-Поче, она (мама) всё время, два раза в неделю бегала пешком туда ела* (Поча). *У тётки живёе, у свекровниной* (Вершино). Часто указывается, с чьей именно стороны проявляется родство: *У меня-то, с моей-то стороны, было две тётки, ну, с Почезера, папины сёстры. Ейна мама моему тате сёстра* (Першлахта).

Тёткой, тётей внучатые племянники могли называть родственницу предыдущего поколения, двоюродную бабушку, т.е. тетку родителей: *Тётя Луша – так мы её и называли, и вспоминаем до сих пор этим именем, хотя приходилась она нам, шестерым детям её племянника, на самом деле двоюродной бабушкой, но была самой родной* (Усть-Поча).

5. **Дядя** – *дядя, дядька, дядюшка, дядяк*: *Папа раньше с дядей Васей. Там эта-то заднюшка-то дяди Сашина. Калитини, и тоже они Офонины, но вот имено дядьку Володю и дядьку Женю звали Комунистовы* (Усть-Поча). *Дядяк приехал* (Рыжково). *Дядюшек звали Кузнецовы, а фамилия была Поповы, потому что кузнецами были дед и прадед* (Федово). *А это всё нам вот дядюшка делал* (Поча). Порой вместо односложных терминов используются аналитические конструкции: *Папин брат ушёл в приёмышы туда, деревня Чёлма* (Вершино).

6. **Племянники**. Мальчик, мужчина будет называться *племянник, племяш*, девочка, женщина – *племянница, племяшка*. Во множественном числе – *племянники и племяши*: *А это моя племянница от брата* (Федово). *Ну невестки, снохи, племянницы – много у меня родственников. А так же и у дедушки (у мужа), всё да братья, племянники да* (Усть-Поча). *У ей доць приезжала, племяши* (Церкова).

Переносные значения. Термины родства, преимущественно кровного, относятся к разряду так называемой коннотативной лексики, т.е.

представляют собой особую группу, каждый элемент которой обладает богатыми ассоциациями и поэтому способен развивать многочисленные новые значения. В одном случае осуществляется перенос на людей: родственников и неродственников, в другом случае переносные значения выходят далеко за пределы человеческого сообщества.

1. **Кровное родство – кровное родство.** Когда в семье появляются дети, происходит перераспределение функций родства. Взрослые дети сами становятся родителями, отцом и матерью, а их родители – дедом и бабушкой. Мена функций сопровождается меной терминов. Все они начинают называть друг друга не по прямой функции, а по «соседней», наиболее актуальной. Мать (как и свекровь, теща, жена) становится *бабушкой*, отец (свекор, тесть, муж) – *дедом*, дочь (невестка) – *мамой*, сын (зять) – *папой*. Это происходит не только тогда, когда говорят с детьми или при детях, а в любых ситуациях. Прежние обращения и номинация тоже могут сохраняться.

2. **Кровное родство – свойство.** Регулярно термины кровного родства употребляются при обозначении свойства, родства по браку. *Мамой, матушкой, мамашей* называют свекровь, тещу, жену, *батей, батюшкой* – свекра; девери будут *братьями*, золовки – *сестрами, сестрицами*. *Привезла мне её мама – свекровушка* (Федово). *А зять меня с первого дня, вот они приехали, и зять меня сразу назвал мама* (Усть-Поча). В традиционной культуре новых, *богоданных* родителей мужа (жены) невестка (зять) называет так же, как супруг (супруга). Если этого не происходит, это рассматривается как отказ от традиции: *А Света свекровь зовёт «Галина Петровна».* *А свёкра зовёт батя* (Усть-Поча). *Мать, матка, бабка, бабушка* – свекровь, теща, жена, *дедко* – свёкор, тесть, отец, муж: *У меня матка (жена) парня принесла. А я бабушкой свою супружку называл* (Федово). *Так-от мы перешли с дедком-то (с мужем), переехали сюда, а дедко-то четыре дня только прожил, да и помер. А я одна осталась* (Вершинино).

3. **Кровное родство – духовное родство.** Духовного наставника, священника, называли *отец, батюшко*, его жену, попадью, – *матушка*. В годы советской власти это могло забыться: *Я отца зову батюшком, а ты попа – почто? Он нам ведь не отец!* (Першлахта).

Крестную мать называли *матушкой*, крестного отца – *батюшкой*. Так как крестным родителям запрещено было вступать между собой в браки, восприемниками обычно становились близкие родственники: старшие сестры и братья, тетки и дяди. Дедушек и бабушек в крестные старались не брать, т.к. считалось, что духовные родители должны сопровождать своего крестника всю жизнь, они же принимали большое участие в проведении свадьбы в качестве посаженных отца и матери. В советские годы были разрушены монастыри и храмы, проводились гонения на священников, которые сопровождалась их принудитель-

ным выселением, и крестить детей стало негде и некому. Крестную мать в Кенозерье обычно называли *божатка*, *божата*. Близкие родственники настолько регулярно выступали восприемниками, что смешение функций кровного и духовного родства провоцировало взаимозамену терминов [3, с. 75]. Родную тетку стали называть *божаткой*, даже если она и не являлась крестной матерью своим племянникам: *Вот у меня у брата семеро ребят родилось, все меня зовут божаткой. Не крестили в то время, она просто. Один старший родилсы, и я нянчиласы, да вот всё, сказали: тут тебе божатка, с тобой нянчится, и вот он стал* (называть). *Тётя Зоя назвать, говорит, как-то будто не по себе, божатка, да и всё* (Усть-Поча).

4. **Кровное родство – заместительное родство.** Приемных родителей тоже называют при помощи терминов кровного родства: *мачеху – мать, мама, маменька, тётя, отчима – отец, папа, дядя*, даже когда говорят о них как о третьих лицах: *А потом неродный папа пришёл* (Федово). *Неродные дети (пасынки, падчeryта), будут называться сыном и дочерью, как и родные: Если неродной сын – так падчeryныш* (Рыжково). *Гости – падчeryха, неродная дочь* (Першлахта).

5. **Кровное родство – неродство.** Постоянно термины кровного родства проецируются на неродственников. *Матушкой* будет не только женщина старшего возраста, как бы годящаяся говорящему в матери, но женщина и даже девочка любого возраста, в том числе совсем маленькая: *А я вот всё живу, матушка* (Першлахта). *С того краю есть бабушка и дедушко старенькой, вот и живём, матушко* (Вершинино). *Вчера, матушка, хлеба-то не досталось* (Усть-Поча). Обращение может быть направлено даже к малому ребенку: *Здорово, матушка. Внуца моя* (Усть-Поча). То же наблюдаем в обращениях к мужчинам любого возраста, включая детей-мальчиков: *На, батюшко, я тебя вытру* (ребенку двух лет). *Коленька, скажи, батюшко-то* (Першлахта).

Старая женщина – *бабушка, бабулька, бабулюшка: Одна тут у нас бабулюшка ходила* (Федово). *И щас-то всё равно есть бабульки, которые заговаривают, ходят ведь всё равно. Не все ведь и выжились* (Усть-Поча). *Старик – дед, дедко, дедулечка: У него рука была набита, он старый уже, ветеран войны, ну пожилой очень дед был* (Усть-Поча). *У нас дедулечка один в деревне был, он валенок катал* (Федово).

Любых малознакомых женщин, как правило, более старшего возраста, называют *тёта, тётя, тёпенька*: *«Корми, тёпенька, эких коней», – меня похвалил военком* (Вершинино). *Иди тётам помашаи ручкой* (Першлахта). Знакомый, незнакомый, малознакомый мужчина-неродственник – *дядя, дяденька, дядечка, дядька: Ныне-то мою дядьки нету живого, ну я ещё тогда девкой была, молоденька. Закажешь, и какой-нибудь дяденька сплетёт* (Усть-Поча). *И первого числа с Мирного хотя дядечка приехать* (Поча). Это характерно не только для северных гово-

ров, но происходит повсеместно, особенно в случаях детской речи или когда говорят с детьми.

Братом, братаном могут назвать любого человека близкого возраста: **Братан** — и родной брат, и двоюродный, и близких друзей называли: *работали на близкой работе, братаются* (Першлахта). *Много таких братанчиков пьяных* (Усть-Поча). Выражение *наш брат* обозначает как-то связанных между собой людей, т.е. значит то же, что *мы*: *С нашим братом не особо чикались* (Федово). Сестра милосердия по всей России давно превратилась в «медицинскую сестру» — *медсестру, сестрёнку, сестрицу*: *Придёт сестрица (в больнице): будете кушать?* (Федово).

Метафорические переносы. С.М. Толстая писала о «культурных кодах», в которых задействованы термины родства, становящиеся «донорами» для развития совсем других значений в самых разных областях: «Тенденция к расширению понятия родства характерна не только для языка, но и для культуры, где мы можем наблюдать распространение этой категории за пределы собственно родственных отношений, определяемых связью людей по рождению, и формирование целой системы видов родства, в разной степени и в разных направлениях отступающих от прототипической модели генетического родства» [5, с. 12]. Термины кровного родства переносятся не только на людей, но и на предметы, растительный и животный мир, мифологическое пространство, употребляются как междометия. Чаще всего механизмом переноса является метафора, основанная на богатых коннотациях, присущих терминам родства: «Коннотации характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах» [1, с. 163].

1. **Мир животных.** Человеческой семье постоянно уподобляется семья животных. Родившая самка — *матка, мать, мама*: *Большая matka этих овец была. Коза может в год стать матерью. Мама (кошка) такая цепачкая. Может, батька ейный от той породы (кот). Сын (кот) вылитый прадедко — не пакостит, ничего не своротит* (Федово). Улитку называют дядюшка: *Дедюшко-олень, выпучи рожка, дай пирожка. Их на-родитсе, оленей эких!* (Першлахта).

2. **Мир растений.** Картофелину, от которой образовались новые клубни, называют *маткой*: *Хоть не накинайте матки-то (в корзины)* (Першлахта). Ромашка полевая, а также девясил («желтая ромашка») — *бабушка* или *бабушка-дедушка*: *Пойдёмте-ко, паря, по цветы — дедушко-бабушки. Не хочу сорвать дедушко-бабушку. Дедушки-бабушки много наросли, цветоцков-то. Пуцок из дедушко-бабушки* (Першлахта).

Новые значения в области растительного мира получают не только термины кровного родства, но и приемного. Трава мать-и-мачеха имеет несколько вариантов названий, в том числе *мачеха-трава*: *Жар*

вытягиват **мацеха-трава** (Рыжково). Старая картофелина не только **матка**, но и **мачеха**: *Стара картовина останеся – мачеха* (Першлахта). **Мачеха-то** – картошка, котору сáдят (Рыжково). Дополнительный отросток, сучок, который может давать гниль на дереве, – **пасынок** или **падчерица**: *Ой, это дерево с падчерицей, гнилое* (Тарасовская). Утолщение на стебле зонтичного растения – **падчерёнок**: *Дудка. Падчерёнок звали* (Першлахта).

3. **Мир предметов**. Малая укладка зерновых – **бабка**: *Тетерева всё время раньше летали на бабки овсяны* (Федово). Несущая балка потолка – **матица**: *Она была колдовка, у ей в потолке матицу сломали, не могла умереть* (Федово). Части рыболовной ловушки – **матка**, **матица**, **детинец**, **детинчик**: *Курмы вяжут – такой свяжут мешок, вокруг кольца обовьют, а внутри сделают детинок – туды рыбка попадат. Таки сделаны туды заходы, детиночки. А эту цасть – матка, а детинок маленькой. Рыбы попадат полная матица* (Першлахта). Сосуд для пива – **братина**, **братыня**: *Братыня-то была – такой кови, из которого пиво пили* (Федово).

4. **Пространство мифологии**. С помощью терминов кровного родства (**матушка**, **батьюшка**, **бабушка**, **дедушка**) обращаются к домашним духам, духам леса, воды, бани: *Во хлеви ведь надо тоже, вот скотинку купишь, приведёшь, надо спроситься: Хозяин-батьюшко, большушка-матушка, я вот привела скотинку* (Усть-Поча). Лесной хозяин – **батьюшко**, **дедушко**: *Зачертятся сковородником, и потом тоже крикнешь, что леший-батьюшко, зачертились, на замок заложились, скажи, кому что будет?* (Федово). *Паренька трое сутки искали. Трое сутки искали: Меня дедушко седатой водил, дедушко седатой, с палочкой ходит* (Вершинино).

Междометия. Переходят термины кровного родства и в междометия: *Дотого дотру – батеньки мои! Да батьюшки светы!* (Вершинино).

Список литературы

1. *Апресян Ю.* Коннотация как часть прагматики слова // *Апресян Ю.* Избр. труды: в 2 т. Т. II. М., 1995. С. 156–177.
2. *Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово́й, Е.А. Нефедовой.* М., 1980–2022 – Вып. 1–23– (издание продолжается).
3. *Качинская И.Б.* Термины духовного родства в архангельских говорах // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.* 2019. Т. 78, вып. 1. С. 72–79.
4. *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира. М., 2018.
5. *Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // *Категория родства в языке и культуре.* М., 2009. С. 7–22.
6. *Толстой Н.И.* Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
7. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства. М., 1959.

Антропология холодного ландшафта: промысловый аспект (Опыт изучения источников, записанных в деревне Лопшеньге)

Мелютина Марина Николаевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия, Национальный парк «Кенозерский»; nauka@kenozero.ru

Предметом исследования является мировоззрение и бытие промысловиков-охотников, живущих на северном морском побережье. Для человека холодного ландшафта важной реалией и символом одновременно являются холод и лед. В статье эти понятия рассматриваются как основа обеспеченности, пропитания, самодостаточности поморов. Автором изучаются традиции промыслового уклада, ритуальные практики, вещный мир. В научный оборот вводятся неопубликованные материалы исследователей и прежде всего Н.И. Рождественской, записанные в д. Лопшеньге на южном Беломорье. Впервые публикуются этнографические предметы из музейного фонда Национального парка «Кенозерский».

Ключевые слова: южное Беломорье, Лопшеньга, зверобойный промысел, лед, холод, вещественный мир, этнограф Н.И. Рождественская.

В современном научном процессе вопросы изучения проблемы человека являются частью междисциплинарной системы гуманитарного знания. «Контекст человекознания», «проблема человека» (Т.А. Бернштам) [3, с. 21–22], «антропологически ориентированная история» (А.Я. Гуревич) [6] — это научные теории, призванные исследовать человека в разных его проявлениях.

В фокусе нашего изыскания — осмысление бытия человека, живущего в холодном ландшафте, через призму традиций поморского уклада, языка, ритуальных практик, вещного мира. Отправными точками данной работы являются теория «северности» канадского ученого, географа, лингвиста, писателя Луи-Эдмон Амлена [1], предлагающая изучение понятия «северность» с позиции коренного и некоренного населения, с исторической точки зрения, а также изучение северности пространственной, ментальной, культурной, экономической, политической и др. Большой междисциплинарный исследовательский потенциал имеют теории криософии российского геокриолога В.П. Мельникова [10] и концепт «антропология холода» Е.Н. Романовой и О.Э. Добжанской [15].

Источниковую базу для написания статьи составили неопубликованные полевые материалы московского фольклориста Н.И. Рождественской (1899–1975), объединенные темой «Быт и фольклор д. Лопшеньги (Северной области, Приморского района)». Документы Н.И. Рождественской хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства¹ и Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля². Использованы также издания этого автора, отдельные главы которых посвящены промысловому укладу поморов [13, 16, 18]. Выявленные нами сведения о научной деятельности Н.И. Рождественской и ее собирательской работе на Летнем берегу Белого моря кратко изложены в наших предыдущих отчетах и статьях [11, 12]³. В корпус источников вошли также материалы из архива московского лингвиста Т.М. Судник, переданные в научный архив Национального парка «Кенозерский»⁴, отчеты историко-этнографических экспедиций Архангельского краеведческого музея⁵ и Кенозерского национального парка⁶. Источниковой базой работы является также коллекция этнографических предметов, собранных в д. Лопшеньге.

Криосфера играла значимую роль в устройении морского промыслового уклада и устава поморов, конструировании их жизненного мира и системы ценностей. Изучение традиционной поморской криософии опирается нами на осмысление холода как на созидательный код, основу жизнеобеспечения на Севере, естественное условие бытия⁷.

¹ Российской государственной архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127.

² Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля. Фольклорный архив. № 64/8–11.

³ Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д. Историко-архивные изыскания по теме «Архив Н.И. Рождественской: полевые материалы 1930-х гг., собранные в деревнях Лопшеньга, Уна, Луда, Нижозеро» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 26.

⁴ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга Приморский район Архангельская область, август 1971 г. Полевой дневник. Цифровая копия // Там же. Оп. 8. Д. 17/14.

⁵ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства и бытовой уклад поморов Летнего берега в XIX – начале XX в. Научный отчет по итогам экспедиции на Летний берег в 1987–1989 гг. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574.

⁶ Мелютина М.Н., Харитонова Я.Э. Фольклорно-этнографические экспедиции в деревню Лопшеньга. 2018 г.; 2019 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 8. Д. 17/17.

⁷ Концептуально данная тема впервые рассмотрена в статье: Терехихин Н.М., Мелютина М.Н. Мифопоэтические аспекты традиционной поморской кри-

Морские промыслы были основным занятием селений Беломорья. Поморские пословицы гласят: «Наши предки заселились не землю пахать, а с моря добывать», «В море – горе, а без него – вдвое» (13, с. 14). Зимнее ледяное морское пространство в представлении поморов – это обитаемый мир человека. Восприятие промысловиками живого морского ландшафта выражены в поморских текстах: «Отзовешься неладно о море, рассвирепеет»; «Надо море-то уважить, следоват, поразговаривать с им перед карбасным походом, пусть-ко маленько погодит волной пужать. Слово тако надо знать...» [8, с. 102]. «Уймись ты море Белое, студеное, почитаем тебя за кормильца нашего. Жизней нашей нету без тебя. Отвори ты, море Белое, дорогу мужикам да сынам нашим», – причитали поморки [4, с. 141].

Одним из значимых периодов жизнеобеспечения поморов было время с середины февраля до конца мая. Во время зимнего, или весновального, промысла морских млекопитающих, прежде всего гренландского тюленя, мужское население деревень Беломорского побережья уходило на далекий от них Мурман (ил. 1). Промысловики рассказывали: «На Сретенской неделе станем на ледок, куда ветер потянет, в ту сторону и отправимся» [13, с. 81].

Поморы объединялись в мужские промысловые общины. Несколько небольших артелей собирались в крупную структуру – «ромшу», главой которой был опытный «юровщик». Психологический и нравственный контекст тяжелого и опасного промысла, рассчитанного не менее, чем на три-четыре недели, воспроизведен М.М. Пришвиным в произведении «За волшебным колобком»: «“Юровщик” – это предводитель на льдине: он ведет людей и выбирается из самых храбрых, справедливых и умных. Эту льдину с людьми носит от одного края моря к другому, между опасными подводными камнями, водоворотами, островами; случается, пронесит и в океан» [14, с. 50–51]. Несмотря на то, что пребывание на льдине было рискованным, некоторые поморы по «40 зим на спуск ходили»⁸.

Благословение на промыслы жители морского побережья получали у священников, например в Лопшеньге в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Благодарственный молебен служили и после возвращения: «Ране, ежели вынесет на берег благополусьно со всем промыслом – богу зверь отсулен был, всегда было уш это. Мы взяли лысана (тюленя. – М. М.) одного, стянули в деревню, продали – и деньги в церковь положили»⁹.

ософии и антропологии холода: реконструкция и интерпретация // Вестник САФУ. Философия. 2021. Т. 21, № 4. С. 122–123.

⁸ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 22.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 15.

Проводы промысловой ромши завершались ритуалами прощания с мирянами: «Вот походил на Зимно море <...> вот домой пришли: мать <...> отец, сестры <...> дядя Адриан, деинка. <...> отец лампадку засветит <...> все перекрестятся и потом... Ну я походил – перво к отцу в ноги проститься: на воду на живу идешь, може и не бывать... матери в ноги, с сестрами поцелуемся, а с теми об ручки, вот и отправиса», – рассказывает житель д. Лопшеньги Петр Михайлович Юдин¹⁰.

Н.И. Рождественская записала редкий обряд прощания в д. Малошуйке в Поонежье: «Зажжет батька или матка лампадку. Потом принесет матка шубу овчинную, положит наземь кверху овчинами. Батька с маткой около шубы стоят, сын, который на Мурман походит, им в ноги кланяется – руки на шубу кладет: “Татка, прости меня”, два раза поклонится, два раза скажет. А третий раз батька не дает ему до ног доложиться. У него на руке на правой дельница (рукавица), тоже на овечьей шерсти. Дельницей за плечо захватит, сын-то встанет, он его по голове гладит и говорит: “Поди, бог с тобой!” Потом батька передает дельницу матке, и с ней таким же образом: тоже поклонится матке два раза, а третий раз матка не допустит, те же слова ему говорит, так же по голове гладит. Тут уж все на ногах стоят» [13, с. 28–29].

Проводы охотников сопровождалась прощанием со всеми членами семьи: «Жоны, у кого матери, сестры, либо каки свои... Бабы взади идут – прощаются да ревут, робятишки провожают маленьки – дак на возу сидят <...>. Домой-то придешь – поревишь, ну и станешь обрезаешь со скотом», – рассказывала Афимья Семеновна Майзерова из Лопшеньги¹¹.

Перед ледовой встречей с морским зверем совершается охотничий ритуал огненного жертвоприношения: «Приказал старший (опытный промышленник) по бахилу с правой ноги снять и половину соломенной стельки отделить. Потом взял он ножик, со своей головы и у нас, у двоих, немножечко волосков снял. Все и сложил на огонь. А потом лодку через огонь троими и потянули. Потом приказал старший всем по ружью и багры взять. Ну, вот и пошли кругом огня: старший впереди, средний – посередине, а я, кормовой, – позади. Пошли когда, он и учит: “Вы меня спрашивайте: „А что, старец, делаешь?“ Я буду отвечать вам: „Курюсь над дымком“, а вы: „Курись, курись“» [13, с. 102].

Отъезд звероловов начинался «за деревней за три версты: там рынцьяк (незамерзшее море) близко <...>. Мужички пообедают и коницков запрягают, хлеб-одежду повозят к лодкам. Потом в лодку все под

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 13.

бока упихают, которы под бока – которы в голову»...¹² «На лодоцьки сгрузили, поставили паруса и побежали в море – по 2 целовека в лодке. Ветер был горний – шалоник, забежали на лед км за 15 <...>. Лыдина порядошна, км 5 была в окружности – самая крепкая лыдина была <...>. На этой лыдине нас понесло... сутки-други всё на море относит потихоньку, уж земля своя потаилас. Днем ходим по лыдины – у воды промышляем... Тюленя убьешь, на лед к себе вытащишь, по льду к лодоцьке таскаешь куцю», – вспоминал лопшарь Петр Михайлович Юдин¹³.

Поединок человека и зверя в холодном ландшафте сопровождался амбивалентным отношением охотников к морским животным. Об этом свидетельствуют рассказы Сусанны Петровны Майзеровой и Ирины Адриановны Майзеровой: «Вот значит мы вышли, только спустилис – выстает зверь в мори, попередиште нас: эдак заходил-заходил лысун; он из-подо льду на воды и мы на воды в лодоцьки. Эдак выстал, сам такой с сиза, усыки черненьки <...> с усиков текет <...>. Отец <...> его кутилом skutелит <...>. Поехали дальше: нерепки на водицьке ходят <...>. Тилисайцик – морского тюленя дите <...> сидит на камешку; хотели мы его убить... Он смотрел-смотрел на нас, закружался на камешку, головушкой сунулся в воду – и все... Только и был <...>. Глазки кругленьки, черненьки <...>. Вот и лежит: две нерпы и тилисайцик: серенькой такой, мыроцька как у кошецьки, усыки маленьки есть»¹⁴.

Мирскую основу бытия поморов на льду составлял вещный мир. «Женки рубах накладывают, и цулков накладывают трое-четверо, да ишто верхоньки кожаны (поверх рукавиц), кафтаны натканы положат, шубы, ровгу (одеяло) из овчины положат. Женки все и складывают в кису – штобы не промокало (мешок из тюленьей кожи)», – свидетельствует Афимья Семеновна Майзерова (д. Лопшеньга)¹⁵. Промышленники использовали «ползальную рубаху» поверх одежды, чтобы, подползая на лыдине к зверю, быть для него незаметным [13, с. 84]. Обязательно надевали русские рукавицы [5], которые «досельные» (древние) старухи вязали толстыми нитями одной иглой. «Они в два раза были теплее, чем прутиками связанные», – делится воспоминаниями о прошедших временах Степан Матвеевич Петров из д. Лопшеньги¹⁶. Шерстяные мужские рубахи для промысловиков изготавливали тоже женщины или их привозили из Норвегии. На Летнем берегу

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 14–15.

¹⁴ Там же. Л. 18, 21.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 24.

Белого моря вязанные рубахи называли рубашками или верховицами. Своеобразного старинного покроя рубашки с длинными рукавами и невысоким воротом вязались вкруговую на 10 спицах. Лопшеньгская мастерица Марфа Ивановна Майзерова вспоминала, что «рубашки вязала с узорами из цюжой прядины, по тринадцати в зиму свяжу рубашок»¹⁷ (ил. 2).

На лодку в виде палатки натягивали холст – «буйно»¹⁸ (ил. 3). «Внизу “буйно” было обшито веревкой и пришиты “чужики-петли”, в которые вставляли колышки – “сошки” и натягивали “буйно” над лодкой. Ставили “буйно” так высоко, что почти стоя ходишь. На одну лодку ставили 8 сошек. Сверху на “буйно” стелили еще один парус от холода», – рассказывает Степан Матвеевич Петров¹⁹. Для ночного отдыха шили специальный спальный мешок из оленьих шкур на троих (экипаж зверобойной лодки), который имел название «рува»²⁰. По воспоминаниям Петра Михайловича Юдина, сон на льдине был не хуже, чем в избе: «Ночью в лодочках и спим: парусами и буйном закроиссе вроде палатки, оленными одеялами закроиссе, штобы уш не пробирало; тепло-то в одной рубахе спишь, спотеш, луцце чем дома на печыцке а не то»²¹.

Костер на льдине поморы разводили на железной плоскости с одной загнутой от ветра стороной, которую именовали «Алат»²². Для приготовления пищи также использовали деревянные треноги с крючком для подвешивания котла. Вместе с хлебом и высушенной рыбой с собой брали в качестве еды поморские козули, предназначенные для длительного хранения.

Артель вела лов с помощью неводов (длиной до 400 м и шириной до 10 м), ружей, гарпунов (кутил) – специальных острогов на деревянном древке с длинным ремнем для подтягивания убитого зверя²³ (ил. 4). Для охоты на животных использовали «манок» на нерпу (в коллекции музейного фонда Национального парка «Кенозерский» хранится этот предмет) (ил. 5).

Во время забоя морского зверя поморы жили в лодках на плавающей льдине, нередко уносимой ветрами далеко в море, а порой

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 38.

¹⁸ В музейный фонд Национального парка «Кенозерский» парус-«буйно» (ОП КП–778) поступил из д. Лопшеньги.

¹⁹ *Цветкова Л.И.* Традиционная система хозяйства.... Л. 23.

²⁰ *Судник Т.М.* Деревня Конецдворье, Лопшеньга...

²¹ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.

²² *Судник Т.М.* Деревня Конецдворье, Лопшеньга...

²³ В музейный фонд Национального парка «Кенозерский» поступили два гарпуна для зверобойного промысла из д. Лопшеньги (ОП КП–567, ОП КП–745).

и к Северному Ледовитому океану. Именно поэтому воплощением судьбы зверобоев часто выступает ветер. «Дай поветерь» – с такими словами обращались к богу охотники. В поморской «розе ветров» нрав морских ветров разный. Например, «горний ветер – ветер с материка, падёра – сильный ветер со снегом, голомянник – ветер из дальних и морских широт» [8, с. 102]. Из-за неблагоприятных ветров происходила скрученность льда, что осложняло выход зверя на лед²⁴. Северо-восточные ветры прибывали льдину со зверем к берегам и тогда промысел был успешным, при юго-западных ветрах лед отрывался от берегов и тогда льдину с тюленем и промышленниками относило от берега²⁵. Промысел при неблагоприятных ветрах и штормах мог иметь и печальный исход: «без промысла – все море отягло» [13, с. 83].

В тревожных поморских «ожиданьцах», импровизированных женских молитвах, обращенных к морю, содержится целый спектр мифологизированных описаний ветров: «Ой, рванет полуношник нежеланный, встанет взводень, зарыдат» [4, с. 141].

Способность приспособиться к суровым условиям жизни на льдине порождала и творческие занятия. «В свободное время, неделями ожидая морского зверя на дрейфующих льдинах и на островах, охотники занимались ювелирной по технике исполнения мелкоузорной резьбой по дереву. По старинному обычаю каждый из них с весновального промысла в подарок жене или дочери должен был привести узорную прялку²⁶ или рубель», – пишет исследователь Н.В. Мальцев [9, с. 41–42]. «Инструмент брали с собой, знали: прижмет к земле, две-три недели делать нечего будет», – рассказывал житель д. Яреньги Михаил Борисович Сметанин²⁷. Изготавливали поморы щетные ящики для хранения мелкого сапожного инструмента, ящички для инструмента (ил. 6), резные детали ткацкого станка – блочки (ил. 7, 8) и другие предметы [7, с. 23–24]. В собрании Российского этнографического музея находится уникальный щетной ящичек из д. Лопшеньги с подробной надписью: «Сей ящикъ деланъ наморж/овчи 1880 года месеца Апреля /7 днѧ Андрея Арефьева Фе/дотова писалъ сопственною / своею рукою // Того же месеца кожу воло/чили 155 кошъ / ...2»; на крышке вырезаны инициалы «АА/ СФ» [2, с. 21]. В музейном фонде Национального парка «Кенозерский» хранятся два предмета с авторской надписью мастера

²⁴ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 30.

²⁵ Там же. Л. 24.

²⁶ Коллекция резных прялок в музейном фонде Национального парка «Кенозерский» представлена в статье М.Н. Мелютиной [11, с. 260–261].

²⁷ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 45.

Андрея Арефьевича Федотова – корыто 1918 г. изготовления²⁸ и скамья 1893 г.²⁹ (ил. 9).

Надпись на прялке лопшеньгского промысловика, находящейся в коллекции Архангельского краеведческого музея, гласит: «1899 г. месяца апреля 6 дня делана на Зимномъ мори были нать Сосновцом 30 верстах о земли Прялка девици Овдоти Ларивоновой Преди Прялку береги За отца бога моли» [7, с. 24, 139].

Детям поморы на «зимних морях куклы резали: панки, конников, посуду, для мальчиков делали кораблики, как настоящие, с мачтами и парусами. Если парень родится, ему нож под подушку деревянный клали, а если девка, то куклу клали»³⁰ [7, с. 190–201; 19, с. 309].

Высокий статус в промысловых мужских дружинах, выходявших на ледовые «весновальные» промыслы занимал сказитель («старинщик»). Одним из известных сказителей беломорской д. Лопшеньги был Николай Нестерович Петров (? – 1937), получивший за ловкость в зверобойной охоте прозвище «Фараон». «Фараона в середку посадят. Первое место даешь ему, потому что сказочник. Находились люди такие – табак наготово навёртывают только: “Расскажи, пожалуйста” <...>. всю ночь бывало сказывал», – вспоминали зверобои [13, с. 97–98]. По замечанию Н.И. Рождественской, «женщины сказок, кроме немногих детских, почти не знали; сказка продолжает жить среди промышленников-колхозников» [13, с. 16].

Бытие в пространстве сурового моря значительно рискованнее, чем на земле. «Север – это пространство, которое не предназначено для сытой, самодовольной “экономической” жизни стяжания и собственных интересов. Это пространство испытания крепости веры, самостояния человека, его духовных самополаганий», – пишет Н.М. Терехихин [17, с. 47]. «Со страхом в море не суйся, – он тебя вглубь и утянет», – говорят поморы [8, с. 620].

Отношение к неудачам промысла или к гибели человека основано у морских охотников на понимании толерантности Судьбы: «Пошел взводень и начало лед ломать. Простились мы друг с дружкой, тут заплакали, стоим, кончины ожидаем» [13, с. 81]. Говорили еще и так: «Мы из веков около моря; тот помирает, так другой на его место выстает» [13, с. 30].

«Кто в море не бывал, тот от желания сердца Богу не маливался» – это известная поморская пословица³¹. Сира Ермолаевна Ярушкина, уроженка д. Яреньги, вспоминает: «Отец рассказывал, что однажды так

²⁸ ОП КП–520.

²⁹ ОП КП–1358.

³⁰ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 45–46.

³¹ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 59.

сильно голодовали, что из сапог похлебку варили»³². «Потом пала сильная погода: шторм, снежина така была — и прямо ницего не видим... под буйном лежали сутки, не евши», — свидетельствует лопшарь Петр Михайлович Юдин³³ (ил. 10).

Морально-этические скрепы поморской жизни раскрывают отношение поморов к смерти: «От смерти не отмолишься, море возьмет, никого не спросит»; «Приходит смертный час на море, а навечно лежать в землю тянет»; «В землю поры, на свой уголок», — говорили поморы [16, с. 161].

Осознание близкой смерти во льдах и подготовка себя к погребению описана лопшарем Матвеем Осеевичем: «В море один остался. Он стал истомляться, начал из тартыша (льдина в море), из ропачков (намерзания на льдине) себе могилу делать. Кафтан был при себе, и потом у него были пострелены 4 нерпы — 2 постелил в могилу, нерпу одел на себя, а ишо одну для прикрутки, повалился совсем уж на смерть» [16, с. 46].

Такое отношение русских людей на Севере как к жизни, так и к смерти («смерть позвала») — в согласии с зовом природы — русский прозаик Юрий Казаков называл «тихим мужеством»³⁴. Тревожные ожидания мужей, сыновей, родных с опасного промысла выражены в трагических строках и мелодике женских плачей, записанных в Лопшеньге: «Я трижды мужа отпевала» и «Уж потеряла я своего дитя сердечного»³⁵.

На основе биографических нарративов и этнографических записей исследователей, мы предприняли попытку воссоздать образ жизни поморов Беломорского побережья во время зимнего промысла морских млекопитающих. Человек, живший в холодном ландшафте, вел особый образ жизни, характеризующийся пониманием северных условий, способностью приспособиться к ним и пониманием того, что действует в соответствии с этими условиями. Ледяное пространство, окружающее человека во время охоты на зверя, являет собой территорию не холодной пустынности, а живого мира, наполненного голосами животных, звуками ветра, сказаниями, женскими мольбами-ожиданьями и др. Холод, по представлениям охотников, — это деятельный элемент мироздания, ресурс, ключ к открытию человеческих возможностей.

³² Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 24.

³³ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 15.

³⁴ Горышин Г.А. Вещество любви [Рукопись] // Личный архив А.Г. Гродецкой.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 25–26.

Список литературы

1. *Агранат Г.А.* Зарубежный Север: опыт освоения. М., 1970.
2. *Баранова О.Г.* Надписи и знаки на поморских экспонатах в собрании Российского этнографического музея // Живая старина. 2021. № 1 (109). С. 21–27.
3. *Бернштам Т.А.* Феноменальный мир русской традиционной культуры. СПб., 1922.
4. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.
5. *Григорьева Г.А.* Рукавицы русские: вязание одной иглой: каталог. Севе-родвинск, 2023.
6. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
7. *Кондратьева В.Г.* Резное дерево Поморья: каталог. М., 2014.
8. *Крнев П.Г.* Энциклопедия Русского Поморья в очерках и рассказах ко-ренного помора. М., 2023.
9. *Мальцев Н.В.* Народное искусство Северного Поморья // Кенозерские чтения – 2009: Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное ис-следование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 32–44.
10. *Мельников В.П., Геннадиев В.Б.* Криософия – система представлений о холодном мире // Криосфера Земли. 2011. Т. XV, № 4. С. 3–8.
11. *Мелютина М.Н.* Поморская девка южного Беломорья: социокультур-ный статус (опыт исследования на полевых материалах, собранных в деревне Лопшеньге) // Кенозерские чтения – 2021: Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 238–262.
12. *Мелютина М.Н.* «Забывтая» экспедиция по этнографии Лопшеньги 1930-х гг. в современном контексте // Кенозерские чтения – 2019: Граждан-ские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 212–224.
13. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках: сборник Н.И. Рождествен-ской. Архангельск, 1952.
14. *Пришвин М.М.* За волшебным Колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии. СПб., 1908.
15. *Романова Е.Н., Добжанская О.Э.* Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурологи-я и искусствоведение. 2019. № 35. С. 256–263.
16. *Рождественская Н.И.* Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архан-гельск, 1941.
17. *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004.
18. У Белого моря. Народные песни и сказы / сост. Н. Рождественская. Архангельск, 1958.
19. *Шангина И.И.* Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея / Кенозерские чте-ния – 2019: Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 306–350.

Причитание «Уж потеряла своего-то я дитя сердесьного»

*Исполнитель – Ольга Петровна Поздеева.
Запись Н.И. Рождественской, д. Лопшеньга.
1937–1938 гг.³⁶*

Уж потеряла я да потеряху не малую,
Уж я ни сто рублей – я не тысяцу,
Больше ста рублей – больше тысячи,
Уж потеряла своего-то я дитя сердесьного.
Опустели да наши светлы светлицы,
Опустели да новы горницы,
И некому то у нас жить в их, да красоватиса.
Уж сколько весело было наше дитя сердесьное
Охвоць-то был он плясать то у нас – тонцоватити,
В своих горницах да во высокиих,
В своих светлицах да во хороших.
Уж кабы знала – то уж я да и ведала
Эту злу тоску-ку-круцинку великую,
Дак не отправила бы уж на злодейку на дальну на сторону,
Луццо бы удержала я в своей родимой я стороны,
Расплацесся – так все складно приходит...
Так уж не заменит теперь мое дитя сердесьное,
Уж на трудах-то роботах тижоленьких.
По тепленькому лету – угревному
И ходить со вострой то со косой – со булатною
По долгим-то прокосьям-протяжным,
И по гладеньким раскосистым пожинкам
И по зимушкам-зимам по студенным
И не заменит своего-то тепла красного солнушка,
И родителя-то своего батюшка,
Уж не съездит на дорогом-то кони на выступцивом,
Уж на гладенки-то раскосисты пожинки,
За меленьким то сеном порошливом.
И на маленьких то не заменит поделках домашних.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 25–26.

И нигде не наживет наше дитю сердесьное
Многосцетненькой да золотой казны,
Ни хлебушок-то он у нас да стоялых,
И ни денежок да лежалых.
Уж ушел он навеки да закатился,
Уж за дальние города за украинные,
Уж унес он свое да тело белое.
Уж кабы были крылушка, да были перушка,
Уж и слетала бы я ко своему дитю то сердесьному,
Уж нашла бы распроведала его во кладбище,
И бывает раскопала бы я его тело белое,
И омыла бы его да снарядила
Во хорошее да платье цветное.
Бывает не так бы болела моя буйная голова,
Не так бы тоснуло мое зяблое сердце ретивое.
Дак уж теперь у меня сердце кровью да обливаеца,
Черной пеценью да запекаетца.
Уж только прикацен к моему сердецьку ретивому,
Уж и серый горящий-то камешок,
Дак теперь век будет мне не откатити.
И заростет теперь у меня серый горящий-от камешок,
Уж пока не придет ко мне ни прикатитца.

Разбросанные общества (О крестьянском управлении в центральных уездах Вологодской губернии на рубеже XIX и XX веков)

Мухин Дмитрий Александрович – заведующий научно-экспозиционным отделом, Архитектурно-этнографический музей Вологодской области «Семенково»; muxin@mail.ru

Административные единицы в вологодской деревне в 1830-х гг. создавались по нормативам, введенным реформой П.Д. Киселева. В результате низовые единицы – сельские общества – в диаметре доходили до 40 верст, а расстояние до волостного центра могло превышать 100 верст. В статье рассматриваются тактики управления, которые позволяли крестьянам центральных уездов Вологодской губернии формировать реальную систему управления, приспособленную для местных условий.

Ключевые слова: крестьянство, самоуправление, Вологодская губерния.

Вологодская губерния в конце XIX – начале XX в. была большим и неоднородным территориальным образованием. Различный исторический опыт и порядок формирования административных единиц приводили к тому, что в разных частях губернии на практике существовали принципиально различные формы крестьянского управления. Н.М. Дружинин предлагал выделять в губернии три района: юго-западные уезды (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, где до отмены крепостного права здесь преобладали частновладельческие крестьяне), средние, или центральные (Устюжский, Вельский, Никольский, Тотемский, Сольвычегодский уезды, где преобладали государственные крестьяне), и северные (Усть-Сысольский, Яренгский) [2, с. 380].

Низовые административные единицы – сельские общества – для государственных крестьян создавались в 1830-х гг. в рамках реформы П.Д. Киселева. В этот период сельское общество – это достаточно крупное административное образование, являвшееся частью государственной системы управления и существовавшее с целью реализации необходимых административных функций. В сельском обществе должно было быть около 200 домохозяев, а населенные пункты могли располагаться на расстоянии до 15 верст. Но эти правила нарушались, в результате размеры общества могли быть значительно больше.

В объяснении Теребаевского сельского старосты Никольского уезда Сверчкова по поводу медлительности при составлении окладных листов для взыскания податей сообщается следующее: «Медлительность эта произошла потому, как в обществе состоит 36 селений, из числа которых вновь населенные починки состоят от общественной квартиры около 35 или 36 верст, и при этом в разных сторонах, и числится в обществе более 1500 наделов, на которые разделена земля. <...> Работа эта весьма трудная, и при этом между этой трудной работой исполнялись предписания разных учреждений, нетерпящих отлагательства времени»¹.

Размеры сельских обществ и количество дел, за которые были ответственны сельские староста и писарь², фактически парализовали сам механизм управления. Сходы имели право ходатайствовать о разделе общества, но окончательное решение было за вышестоящим начальством. Так, в 1892 г. в Устьысольском уезде «ходатайство об отделении... села Чухломского (в этот момент в селе было 135 домохозяев. — Д. М.) в отдельное самостоятельное общество — от Межадорского общества оставлено без последствий, как незаслуживающее уважения», при этом конкретных оснований для отказа указано не было³.

Расстояние же от селения до волостного правления могло быть настолько большим, что участие крестьян в волостном сходе становилось практически невозможным. Так, например, между д. Третницей и Родюкино (центр Родюкинской волости Никольского уезда) было 49,5 верст [3, с. 97], а расстояние до отдельных починков могло быть значительно больше. Починок по р. Осиповке и д. Нижнюю Паломицу (центр Волмановской волости Никольского уезда) разделяло 120 верст [3, с. 79]. В подобных случаях дорога только в одну сторону должна была занимать несколько дней, а полностью на участие в волостном сходе или заседании волостного суда крестьянам приходилось бы тратить не менее недели. Даже традиционное требование периодически приходить в волостное правление для получения заданий и инструкций для сельских старост могло быть сложно выполнимым. Так, по сообщению Нестеферовского волостного правления, в 1894 г. «штрафные деньги 2 рубля от Верхнее-Егородского сельского

¹ Великоустюгский центральный архив (далее — ВЦА). Ф. 569. Оп. 1. Д. 45. Л. 83–83 об.

² Например, в Исходящем реестре Спасо-Морозовского общества Трегубовской волости Устюгского уезда за 1903 г. числится 492 вопроса, по которым общество отписывалось вышестоящему начальству. См.: ВЦА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 725.

³ Национальный архив Республики Коми. Ф. 61. Оп. 1. Д. 225. Л. 13.

старосты не взысканы за семидесятиверстным проживанием его от волостного правления»⁴.

В XIX столетии имел место значительный рост сельского населения, регулярно проводились семейные разделы, поэтому к концу XIX в. сельские общества могли включать в себя не 200 хозяйств, а значительно больше. Так, в конце XIX столетия в Шебенгском обществе Тоемского уезда состояло 553 домохозяина⁵, в Богоявленском обществе Устюгского уезда – 604 домохозяина⁶, а в Павинском обществе Никольского уезда – 1020 домохозяев⁷. Такие размеры сельских обществ сами по себе подрывали те концепции, которые стояли за законодательством о крестьянском самоуправлении. И.А. Христофоров отмечал, что «представление авторов закона зиждилось на патриархальной картине: прекрасно знакомые друг с другом уважаемые домохозяева совместно разбирают и решают касающиеся их общих интересов вопросы» [13, с. 263]. Но, как в начале XX в. выяснила редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах, в искусственно созданных сельских обществах «отдельные члены их нередко друг другу даже незнакомы» [11, с. 42].

Таким образом, расстояния и многолюдность становились серьезными проблемами для деятельности крестьянского управления, поэтому для успешного функционирования требовалось формирование иной системы управления, нежели то предписывалось законом. Если предписанная законом норма не соответствовала реальной ситуации в конкретном обществе, то крестьяне имели инструмент, позволявший им стать частью законотворческого процесса и повлиять на само законодательство. Правительствующий Сенат являлся высшей судебной инстанцией, но его решения приобретали силу действующей нормы, поэтому крестьянское прошение, проходившее ряд инстанций и доходившее до Сената, могло корректировать существовавшие законы.

Рассмотрим эту практику на примере законодательства о селенных сходах (сходах одного конкретного населенного пункта, а не сельского общества в целом). Эти сходы, особенно в крупных обществах, для крестьян были намного удобнее сельских. Решения принимались на уровне селения хорошо знавшими друг друга соседями. О роли селенных сходов писал в 1887 г. К. Головин: «Здесь, на этом бесформенном сходе, которого не ведает закон, решаются все малые и великие дела общинного хозяйства» [1, с. 32].

⁴ ВЦА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3669. Л. 64.

⁵ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 685. Оп. 1. Д. 1074. Л. 48.

⁶ ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 355. Л. 58.

⁷ ВЦА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 321.

Эта позиция не совсем соответствовала реальной ситуации. На рубеже XIX и XX вв. селенные сходы постепенно санкционировались, но не через изменение Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (предполагавшего существование только сельского и волостного сходов), а через решения Сената. Решениям же Сената по данным вопросам должно было предшествовать прошение конкретного крестьянина, сталкивавшегося с несоответствием закона и практики.

Впервые законодательно селенные сходы были закреплены указом первого департамента Сената № 3877 от 22 ноября 1883 г. Они должны были собираться только по вопросам принятия в селение нового члена. Постепенно официальная сфера компетенции селенных сходов расширялась, и в нее были включены следующие вопросы:

- распоряжение мирской землей в случае раздельного владения землей селениями, а не всем сельским обществом⁸ (указом второго департамента Сената № 1491 от 2 декабря 1886 г.);

- разверстка повинностей (указом второго департамента Сената № 1491 от 2 декабря 1886 г.);

- выборы поверенных от селения по различным вопросам (решением общего собрания первого, второго и кассационного департаментов Сената № 1 от 1888 г.);

- переделы земли (указом второго департамента Сената № 2238 от 22 апреля 1892 г.);

- семейные разделы (указом второго департамента Сената № 6618 от 20 ноября 1901 г.) [5, с. 559–561].

Все эти решения принимались на основании крестьянских прошений, в том числе и из северных губерний. Таким образом, крестьяне имели возможность влиять на изменение законодательства. Основная же особенность этого процесса состояла с другом: сами решения и указы Сената не оказывали серьезного воздействия на практику бытования селенных сходов, поскольку через конкретные прецеденты законодательно признавалась уже существовавшая в определенных общинах компетенция сходов, а реальные практики были намного разнообразнее.

⁸ Однако еще летом 1886 г. Вологодский губернатор Кормилицын в ходе ревизии центральных уездов губернии отмечал: «Распоряжение мирской общественной землей и дела, вытекающие из пользования оной, как то: переделы земель, прием новых членов и проч. ныне во всех обривизованных мной уездах ведают хозяйственные сходы, составляемые из домохозяев селений, имеющих отдельное от прочих деревень общества действительное, а не только плановое земледелие». При этом губернатор отметил, что «преподанные в этом отношении при прежних... ревизиях указания не прошли бесследно» [14, с. 3]. Таким образом, в данном вопросе решения губернской администрации на несколько лет опередили последующие постановления Сената.

Кроме того, решения Сената, как правило, не содержали процессуальных норм. Так, например, согласно решению Сената № 906 от 4 марта 1897 г., официально закреплялось существование сходов еще одного типа: «Соединенные сельские сходы (сходов нескольких сельских обществ или деревень, входивших в разные сельские общества. — *Д. М.*), как отдельные органы общественного управления, допускаются законом в случаях, когда обсуждению их подлежат вопросы, касающиеся способов исправного выполнения крестьянами лежащих на них повинностей» [3, с. 2]. Деятельность вновь вводимых в законодательство сходов четко не регламентировалась, как правило, указывалась только сфера их компетенции. Вопрос об условиях легитимности таких сходов решался либо самой общиной, либо местным некрестьянским начальством.

Во-первых, неоднозначно решался вопрос о лице, которое должно было председательствовать на сходе. Например, в Заболотско-Юковской волости Кадниковского уезда, по сведениям корреспондента Тенишевского бюро А.Е. Мерцалова, соединенный сход «составляется из всех домохозяев участка под председательством местных сельских старост» [6, с. 677]. В Хреновской волости Вологодского уезда сход Шоломовского, Зуевского, Мурмановского и Стрелевского обществ проходил под руководством волостного старшины⁹.

Во-вторых, не однозначен был вопрос о представительстве крестьян на сходе. В постановлении земского начальника 7-го участка Тотемского уезда относительно приговора соединенного схода в Чучковской волости сообщалось: «В составлении приговора относительно права пользования крестьянами деревни Андреевской дополнительным земельным и лесным наделом должны участвовать все 57 селений в установленном законом количестве домохозяев от каждого селения, а не от 26, как в данном случае»¹⁰. При подписании данного приговора для крестьян, как и на сельском сходе, значимым было общее количество участников, для земского начальника — представительство от каждого селения.

Таким образом, даже если решения Сената фиксировали легитимность практики, то приговоры сходов могли быть отменены местным некрестьянским начальством, если земский начальник или чиновник по крестьянским делам по-другому представлял себе правильную систему функционирования данного института. В отношении селенных сходов, разрешенных целой серией указов Сената, оставалось множество неразработанных вопросов: обязан ли присутствовать сельский староста, должна ли вестись отдельная книга для записи решений,

⁹ ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 450. Л. 5.

¹⁰ ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 809. Л. 7 об. — 8.

где и кем должен храниться приговор и т.д. Всегда существовал риск, что приговор будет отменен земским начальником или чиновником по крестьянским делам как не соответствующий их представлениям о норме и процедуре.

В законодательстве Российской империи конца XIX в. оставались значительные лакуны в процессуальных нормах, которые заполнялись местными традициями и практиками. Рассмотрим некоторые примеры.

В крупных сельских обществах, в которых расстояние до центра общества измерялось десятками верст, сходы проходили в вечернее и ночное время, чтобы у крестьян была возможность добраться до центра общества за световой день. Например, акт Метлинского волостного старшины Сольвычегодского уезда в 1898 г. подтверждал: «Ночью с 23 по 24 февраля сего года Метлинским сельским обществом постановлен был приговор о разрешении виноторговли»¹¹. Аналогично в 1894 г. чиновник по крестьянским делам рассматривал дело сельского старосты Нижнее-Егородского общества Странной волости Устюгского уезда об испорченной бывшим сельским старостой книге приговоров. По показаниям свидетелей, причиной данного инцидента было то, что сход происходил в ночь с 18 по 19 декабря и «его, Тесаловского (бывшего сельского старосту. — Д. М.), тем более не спавшего ночь по случаю происходившего схода, сильно разобрало, и сделался он пьян»¹². Но, как правило, в приговоре схода время проведения не фиксировалось. Некрестьянское начальство могло неоднозначно отнестись к ночному сходу, поэтому для старосты и писаря безопаснее было не фиксировать подобные детали схода.

В соответствии с законом, сельский сход считался состоявшимся, если в нем приняло участие не менее половины домохозяев. Поскольку возможности собрать кворум в одном помещении в крупных обществах не существовало, то в некоторых из них сроки проведения основных сходов смещались, чтобы была возможность провести их на улице и не ограничиваться помещением избы.

Как правило, сходы по учету и выбору сельских должностных лиц проводились во второй половине ноября — начале января, однако в ряде крупных обществ эти сходы переносились на сентябрь и октябрь. Так, в 1894 г. о проведении сходов по выбору полицейских сотских и десятских в Палемской волости Устюгского уезда¹³ можно судить по информации, представленной в таблице.

¹¹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 823. Л. 161–161 об.

¹² ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325. Л. 67 об.

¹³ Там же. Л. 146–162.

Сельские сходы в Палемской волости Устюгского уезда осенью 1894 г.

Дата проведения	Общество	Количество домохозяев в обществе	Количество подписей под приговором
6 сентября	Савинское	292	217
11 сентября	Грибинское	462	312
11 сентября	Всесвятское	265	177
11 сентября	Викторовское	378	255
12 сентября	Городецкое	145	104
12 сентября	Пырзенское	190	137

Кроме того, Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, не содержало закрытого списка должностных лиц. В случае необходимости крестьяне могли сами вводить новые должности, если это было необходимо. Например, «летом 1898 года жители Брусенца и Монастырихи составили строгие приговоры, чтобы по воскресеньям и двенадцатым праздникам никто из них не ходил на работы полевые, не работал и дома, даже чтобы никто не ходил в эти дни в лес за ягодами, грибами и груздями. <...> Письменный этот приговор хранился у старшего десятского каждой деревни» [8, с. 12–13]. В данном описании привлекает внимание несколько моментов. Во-первых, вводилась особая должность «старшего десятского». В деревне, где было несколько десятских, один выбирался «старшим» (хотя законодательство не предусматривало такой должности), и именно он становился главным местным должностным лицом. Во-вторых, обязанность по хранению приговоров в сельском обществе возлагалась на сельского старосту и писаря. Иначе говоря, старший десятский выполнял не только полицейские функции, но и необходимые обществу функции, которые на уровне сельского общества относятся к компетенции старосты. На десятских также могли возлагаться и другие обязанности, характерные для сельского старосты, например по организации и проведению селенного схода или выполнению функций мирового судьи [6, с. 181]. Таким образом, если у крестьян селения возникала необходимость, то они могли расширять функции отдельных должностных лиц так, как это было удобно для селенного общества. В данном случае один из десятских становился своеобразным «селенным старостой».

В то же время существовали практики, которые напрямую противоречили действовавшему законодательству. Например, в крупных обществах большая часть крестьян, в том числе грамотных, участия в подписании приговоров вообще не принимала. Так, в Страденской волости Устюгского уезда «по заведенному порядку, по приговору схода избираются двое или трое рукоприкладчиков из грамотных лиц для переписи

ски явившихся на сход домохозяев, а затем и для подписи за них под приговором»¹⁴. В таком случае сбор сведений о присутствующих производился рукоприкладчиками уже во время схода, когда переписать всех присутствовавших не представлялось возможным (особенно если сход происходил в тесном помещении). Закономерно, что список участников схода оказывался приблизительным. Записывали в том числе и со слов других участников. Как выяснилось в результате расследования обстоятельств схода Нижнее-Егородского общества Страденской волости Никольского уезда, проходившего 18 января 1895 г., в приговор рукоприкладчиком было вписано девять домохозяев со слов Осипа Тесаловского, заявившего, что часть из них лично присутствует, а часть — передали ему свой голос¹⁵. Причем именно факт наличия этих подложных подписей для Тесаловского послужил основанием для подачи жалобы на решение схода.

Для самих рукоприкладчиков точный список участников также не имел принципиального значения. Корреспондент Тенишевского бюро Николай Кириллов из Сольвычегодского уезда сообщал следующее: «После схода народ расходится, остаются только грамотные для подписи. Подписывают они обыкновенно за всю деревню: “Просьбою крестьян Ивана, Петра, Андрея и Семена Тарасовых, Михаила, Николая и Александра Кокшаровых Петр Кокшаров и за себя руку приложил” и не вдается “ручник” в разбор того, все ли названные лица были на сходе, может быть, их была только половина. Сельское начальство никогда не перекликает явившихся на сход по фамилиям, не отмечает и не явившихся, ровно и волостное правление не интересуется такими подробностями, лишь бы приговор был заподписан» [7, с. 554].

Интересно, что начальство часто было осведомлено о подобных практиках. М.О. Толмачев на основании сведений вологодского губернского земского совещания сообщал, что нормой для крупных обществ была ситуация, когда вместо заявленных в приговоре 400–500 человек на сходе «были только те, которые могли поместиться в тесной соборной избе» [10, с. 22–23]. Однако никаких выводов из этой практики губернское земское собрание не сделало.

Аналогичной была и ситуация с перераспределением сферы компетенции между уровнями сходов. Автор из Никольского уезда, подписавшийся как П.П., сообщал, что «властям (чиновникам по крестьянским делам. — Д. М.), осознавшим всю неправильность такого положения дел (требованию рассматривать вопросы о семейном разделе на сельском

¹⁴ ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325. Л. 150 об.

¹⁵ Там же.

сходе¹⁶. — Д. М.), волей-неволей приходилось истолковывать закон в том смысле, что дела о семейном разделе, как и земельные дела, могут быть решаемы селенными сходами; решения же Сената, несогласные с таким толкованием¹⁷, пришлось игнорировать» [4, с. 1].

Таким образом, ситуации, когда чиновники были прекрасно осведомлены о систематических нарушениях закона, но признавали, что именно местные механизмы лучше адаптированы для решения необходимых вопросов, редкостью не являлись. Однако для самих сельских обществ всегда оставался риск: или сам чиновник мог поменять свое мнение, или при смене чиновника новый мог рассмотреть ситуацию по-другому. В таком случае старосте грозили штрафы или аресты.

Единой системы крестьянского управления, особенно в крупных обществах центральных уездов Вологодской губернии на рубеже XIX и XX вв., не существовало. Каждое общество, а иногда и каждая деревня формировали свои практики управления. Эти практики могли влиять на законодательство Российской империи или игнорировать его. На долгосрочность этих практик влияло несколько основных критериев: во-первых, удобство в конкретных локальных условиях, соответствие крестьянским представлениям о правильности и справедливости, а во-вторых, готовность местных чиновников признавать или не замечать существовавшие практики.

Список литературы

1. Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887.
2. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа Киселева: в 2 т. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы. М.; Л., 1946.
3. Общественные дела сельских, селенных и волостных сходов / сост. А.К. Боровский. М., 1905.
4. П.П. Семейные разделы крестьян (письмо из Никольского уезда Вологодской губернии) // Северный край. № 187. 19 июня 1899 г. С. 1.
5. Практика Правительствующего Сената по крестьянским делам (по 2 Департаменту и 1 Общему Собранию, а также Гражданскому Кассационному Де-

¹⁶ Собрать сельский сход из-за больших размеров сельского общества было крайне затруднительно, особенно по вопросам, касавшимся только одного селения.

¹⁷ В частности указ Правительствующего Сената № 6722 от 22 июня 1892 г., принятый по итогам рассмотрения жалобы крестьянина д. Большое Фомино Байдаровской волости Никольского уезда Ивана Топоркова. До попадания в Сенат жалоба была отклонена чиновником по крестьянским делам и губернским по крестьянским делам присутствием, т.е. такой порядок семейных разделов, противоречивший законодательству, не вызвал возражений ни в одном органе власти вплоть до губернского уровня [12, с. 2].

партаменту и Общему Собранию 1, 2 и Касс. Деп. — с 1882 года по 1 марта 1914 года) / сост. И.М. Тютрюмов. СПб., 1914.

6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 2. СПб., 2007.

7. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5, ч. 3. СПб., 2007.

8. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5, ч. 4. СПб., 2008.

9. Список населенных мест Вологодской губернии. Вологда, 1881.

10. *Толмачев М.О.* Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей. М., 1903.

11. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах: в 6 т. Т. 1. СПб., 1903.

12. Указ Правительствующего Сената Вологодскому губернатору, от 22 июня 1892 года за № 6722 // Вологодские губернские ведомости. 1892. №. 48. С. 2.

13. *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.

14. Циркуляр г. Вологодского губернатора крестьянским учреждениям и должностным лицам волостных и сельских управлений // Вологодские губернские ведомости. 1887. № 20. С. 3.

К вопросу методики и результатам изучения традиционного судостроения¹

Наумов Юрий Михайлович — заместитель руководителя отдела Морская Арктическая комплексная экспедиция Российского Научно-исследовательского института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачёва; eglovo@gmail.com

В результате экспедиций 1999–2000 гг. по изучению истории и современного состояния традиционного судостроения и судоходства удалось выявить существование локальных различий, описать местные традиции и понять, что крестьянское лодкостроение на внутренних водных путях требует дальнейшего изучения. С опорой на опыт, полученный во время экспедиционных исследований, в 2007 г. автором была разработана методика исследования, позволяющая систематизировать собранную в 2000–2020-х гг. информацию о народном судостроении локальных центров Русского Севера. Специальное изучение лодкостроения с помощью методики позволяет увидеть особенности традиционных лодок различных локальных центров, в том числе их терминологию, раскрыть содержание и богатство этой части материального наследия. Выполнен сравнительный анализ и сделаны вполне обоснованные выводы о развитии традиций судостроения и судоходства в каждом районе, а также об их современном состоянии. Стало возможным показать народное судостроение как социоприродный и историко-культурный феномен народной материальной культуры. Статья и представленная в ней методика ставят целью не только представить новые возможности этнографических исследований, но и способствовать актуализации традиционного лодкостроения.

Ключевые слова: народное судостроение и традиционное судоходство, методика изучения, традиционные лодки локальных центров, новые возможности этнографических исследований, актуализация традиционного лодкостроения национальных парков.

Темой исследований автора являются крестьянские лодки, что бытовали и бытуют на внутренних водных путях и бассейнах озер России.

© Наумов Ю.М., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «История и современное состояние традиционного судостроения и судоходства на территории национальных парков “Кенозерский” и “Онежское Поморье” (оз. Кенозеро, Лекшмозеро, Летний и Онежский берега Белого моря)».

В 1980-х гг. автору впервые довелось познакомиться с особенностями лодок Кижских шхер, а в 1980–1990-х гг. в экспедиционной работе клуба «Полярный Одиссей» с Морской Арктической комплексной экспедицией НИИ природного и культурного наследия был получен практический опыт по изучению и сохранению традиционного судостроения и судоходства. Началом научной работы автора по этой теме в 1999 г. можно считать первые исследования народного лодкостроения в музее-заповеднике «Кижы». В первый же год в результате полевой работы в Кижских шхерах, Заонежье и на оз. Сямозеро в обследованных деревнях было выявлено, что в них есть местные лодки и мастера, которые их изготавливают. Было установлено, что практически во всех деревнях сохраняется историческая память о традициях и местная терминология лодкостроения, обнаружены общие закономерности в современном состоянии традиций судостроения, связанные с географией и историей района исследований. Изучение автором сохранившегося, но почти неизвестного современникам, даже специалистам, традиционного судостроения внутренних водоемов позволило увидеть свободное поле для исследований этой части материального наследия, начать поиск подходов к сбору информации и обработке результатов.

В результате экспедиций 1999–2000 гг. удалось выявить существование локальных различий, описать местные традиции и понять, что крестьянское лодкостроение на внутренних водных путях требует дальнейшего изучения и многолетней программы исследований этой части народной материальной культуры. Музеем-заповедником «Кижы» было принято решение о продолжении работы по научной теме: «История и современное состояние традиционного судостроения и судоходства бывшей Олонецкой губернии и сопредельных районов». В 2001 г. автором были опробованы различные подходы к работе и разработана анкета-опросник, при этом отработывалась методика комплексных исследований и полевых работ, расширялась география экспедиций.

Для дальнейшего изучения традиционного крестьянского лодкостроения автором был предложен термин «традиционное народное судостроение и судоходство», понимаемый как «строительство и использование в местах постоянного проживания различными этносами разнообразных средств передвижения по воде для ведения традиционного хозяйства» [4, с. 9]. Народное лодкостроение предполагает изготовление и применение в личном крестьянском хозяйстве различных типов местных лодок вне зависимости от того, делались ли они мастером для собственных нужд или на заказ. При этом коммерческие, грузовые, промысловые и прочие крупные традиционные суда не являлись предметом исследований.

Ежегодно проводились экспедиции по изучению истории и современного состояния традиционного судостроения и судоходства, включающие опрос местных жителей по разработанной анкете, фотофиксацию и обмеры традиционных лодок. Систематизация материалов была не возможна без определенного алгоритма работы, подразумевавшего особый способ получения наиболее полного объема информации по каждому району исследований и сравнения лодок по единым параметрам. С опорой на опыт, полученный при изучении источников и во время экспедиционных исследований, была разработана методика исследования народного лодкостроения, опубликованная в 2013 г. [2, с. 201–211]. В основе методики – комплексный подход: поиск материалов в различных источниках, сбор сведений от информаторов, выявление и описание различных традиционных лодок.

Основными информантами являются собственно народные судостроители, владельцы традиционных лодок, рыбаки и старожилы. Опыт практической полевой работы показал, что опрос по разработанной автором методике и анкете действительно позволяет получить максимальный объем информации о судостроении каждого района, его потенциале и связях с другими сопредельными районами в разные периоды истории. Главное в работе – непротиворечивое соединение данных. Для этого сведения из архивов и письменных источников должны сравниваться с полевыми этнографическими и натурными исследованиями истории и современного состояния народного судостроения и судоходства.

Собранная информация, систематизировалась согласно методике по разделам:

- особенности судоходства в районе, типы, размеры и назначение традиционных местных лодок и приспособлений, связанных с деятельностью на воде;

- материалы, конструктивный набор и технология строительства различных типов местных лодок и лодок соседних районов;

- оснастка, виды использования и ходовые качества различных типов местных лодок и известных лодок других районов;

- местная терминология традиционного судостроения и судоходства;

- сведения о мастерах и мастерских, где строились лодки, а также о состоянии местного судостроения в различные периоды;

Работа по данным направлениям позволила обработать собранную информацию о народном судостроении локальных центров, сделать сравнительный анализ и выводы о развитии традиций судостроения и судоходства в каждом районе и об их современном состоянии как исторически развивающейся части материальной культуры населения.

Работа продолжалась по многолетней программе экспедиций, под-
готовленной автором, с целью комплексного изучения истории и со-
временного состояния традиционного народного судостроения и судо-
ходства локальных центров. Программа предусматривала:

- организацию серии экспедиций с целью фото- и видеофиксации
современного состояния и сбора информации по истории народного
судостроения и судоходства в пока еще не изученных автором райо-
нах,
- изучение архивных документов и исторических источников,
- проведение натурных обследований и обмеров лодок,
- сравнительный анализ развития и современного состояния судо-
строения в различных локальных центрах.

В соответствии с принятой методикой и структурой разделов сфор-
мировалась документальная научная база и уникальный банк данных
по народному судостроению. Анализ собранного по методике матери-
ала позволяет обнаружить и описать общие и локальные особенности
традиций народного лодкостроения и их зависимость от ряда местных
факторов.

Первыми были исследованы три локальных центра в Республике
Карелия: центры проживания русских на архипелаге Кижские шхеры
на Онежском озере, карел-ливвиков на оз. Сямозеро и северных кар-
рел в бассейне оз. Куйто. Современные названия лодок происходят от
места их локации: «кижанки», «сямозерки», «калевалки», специальное
изучение лодкостроения этих районов помогло увидеть, чем традици-
онные лодки отличаются друг от друга. Ранее в российской этногра-
фической и специальной научной литературе не было публикаций,
целиком посвященных народному судостроению района исследова-
ний. В 2008 г. была опубликована статья «Традиционные лодки Сямо-
зерья» [5, с. 461–496], в которой впервые делается попытка раскрыть
внутреннее содержание и богатство этой части материального насле-
дия различных локальных центров, включая терминологию, и пока-
зать народное судостроение как социоприродный и историко-куль-
турный феномен.

На рисунках лодок трех локальных центров (ил. 1–3 [5]), различных
по условиям навигации, показаны в сравнении особенности их лодко-
строения: у трех лодок одинаковой длины видны различия в традициях
установки штевней, высоты бортов, формы корпуса и его оснастке.
В результате работы стало возможным показать разнообразие судостро-
ительных традиций, провести сравнительный анализ и доказать, что
традиционные лодки – это элемент, глубоко встроенный в народную
культуру каждого локального центра.

При выполнении исследований, исходя из специфики музейной де-
ятельности, было необходимо разработать не только методику изуче-

ния лодкостроения, но и подходы к музеефикации полученных данных и собранных материалов.

В 1999–2020 гг. была проделана следующая работа:

1. Осуществлялся поиск источников по теме в архивах и литературе, накопление, сравнительный анализ и систематизация собранных материалов; изучался опыт и результаты работы аналогичных исследований в России и за рубежом.

2. Апробирована методика изучения народного судостроения и судоходства: проведено более 30 экспедиций, из них 15 экспедиций в районы нынешней Республики Карелия, восемь экспедиций в пограничные районы Архангельской и Ленинградской областей и семь рекогносцировочных поездок в Вологодскую, Тверскую, Новгородскую и Псковскую области.

3. Подготовлены предложения по музеефикации результатов исследований и собранных экспонатов, которые впервые в истории экспозиционной деятельности музея были реализованы в комплексе «Кижская гавань» и вошли в технико-экономическое обоснование развития музея-заповедника «Кижь».

4. По результатам исследований опубликовано пять монографий и более 50 статей в научных сборниках.

Более чем в 150 населенных пунктах по маршрутам 25 экспедиций автором были проведены натурные исследования истории и современного состояния традиционного судостроения и судоходства, включающие опрос местных жителей по разработанной анкете. В экспедициях постоянно велись обмеры традиционных местных лодок, включая уже брошенные старые и руинированные лодки, проводилась фото- и видеофиксация этих лодок, мастеров и мастерских, этапов строительства и технологии судостроения, особенностей местного судоходства, построек, приспособлений и иных артефактов, связанных с народным судостроением и судоходством.

Было опрошено более 170 информаторов (лодочников или рыбаков), удалось записать фамилии около 500 мастеров, из них более 100 работавших на момент опроса. Были сняты на видеокамеру процессы строительства лодок и беседы с мастерами. Зафиксировано более 2000 лодок, обмеряна 51 лодка и выполнены обмерные чертежи семи лодок. Собранные фото- и видеоматериалы передавались в архив музея «Кижь», велась работа по научному описанию лодок в фондах музея. Удалось познакомиться с музейными коллекциями традиционного судостроения и судоходства Карельского краеведческого, Российского этнографического, областных и ряда районных краеведческих музеев Архангельской, Новгородской, Псковской, Вологодской и Тверской областей.

Полевые исследования показали, что сохранение традиций народного судостроения в различных районах Северо-Запада России крайне неравномерно. Это обуславливается несколькими факторами:

- а) удаленностью от больших городов и труднодоступностью районов постоянного проживания;
- б) историческим развитием и потенциалом каждого центра традиционного судостроения в 1960–1970-х гг.;
- в) сохранением традиций судостроения и количеством работающих мастеров;
- г) сохранением традиционных видов деятельности, количества и активности коренного местного населения;
- д) современной потребностью местного населения в традиционном водном транспорте или наличием других заказчиков;
- е) заинтересованностью и поддержкой местной, районной и региональной власти и некоторыми иными экономическими и социокультурными факторами.

Главные итоги исследовательской работы:

1. Ранее история и современное состояние народного лодкостроения исследуемой территории специально не изучались, поэтому не получили подробного описания в специальной, научной и популярной литературе. Полученные сведения подтверждают актуальность проделанной работы и расширяют возможности сбора информации по этой части народной материальной культуры. Собранный по методике автора фактический материал позволил сделать описание и сравнить особенности судостроения на разных водоемах в локальных центрах. Результаты комплексных исследований были опубликованы в научных статьях и монографиях.

2. На основании сведений, полученных в экспедициях, можно утверждать, что на начало XX в. на всех больших и средних озерах сформировались свои типы лодок и свой судостроительный потенциал, обеспечивающий потребности населения. Почти во всех локальных центрах до наших дней сохранилась не только историческая память, но и традиционная терминология судостроения и местные типы лодок. Все традиционные народные лодки имеют почти одинаковый набор конструктивных элементов, но наблюдается расхождение в теории корпусов и терминологии разных районов.

3. На основании проведенных по указанной методике исследований можно сделать вывод о преемственности при передаче традиций от мастера ученику и об устойчивости традиций народного лодкостроения к внешним воздействиям. Иконографические и архивные материалы, особенно фотографии первой половины XX в., позволяют уточнить информацию, полученную в результате экспедиционной работы, и подтверждают тот факт, что обнаруженные в экспедициях типы народных

судов сохраняют старые традиции отдельных центров. Учитывая консерватизм крестьянской культуры, можно предположить значительно больший период строительства народных лодок и говорить о древности сохранившихся типов местных лодок.

4. В различных районах на протяжении всей истории под влиянием миграционных потоков, хозяйственной деятельности и этнокультурных контактов вырабатывались свои оптимальные типы лодок и формы корпусов, технология строительства, конструктивные особенности лодок и их местная терминология. Собранный материал позволяет анализировать локальные особенности судостроения отдельных центров в зависимости от назначения судов и условий судоходства, искать истоки традиций и пути их распространения.

5. Наиболее устойчиво традиции лодкостроения сохраняет русское население на Карельском и Онежском берегах Белого моря, на Водлозере, Лекшмозере, Онежском озере, а также карельское население в бассейне оз. Куйто и р. Кемь. Обнаружен возврат к традициям – новые мастера строят на основе изучения старых местных лодок.

6. Традиции лодкостроения в отношении формообразования и конструктивного набора корпусов, используемых материалов и технологий более устойчивы, чем в народном деревянном зодчестве, поэтому можно продолжать экспедиционную работу, по единой методике собирать материалы, обмерять и описывать народные лодки каждого отдельного судостроительного центра, сравнивать с другими локальными центрами.

7. Издание собранных материалов о народном лодкостроении может стать основой не только для фиксации и сохранения, но и для дальнейшего изучения исчезающего народного наследия как специальными, так и этнографическими и краеведческими экспедициями. Необходимо вести поиск заинтересованных партнеров и продолжать изучение, сохранение и музеефикацию этой важной части народной материальной культуры.

Полученный опыт работы позволил автору в 2017–2018 гг. провести исследования народного лодкостроения и судоходства на территории Национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье». Традиционные крестьянские лодки, которые бытовали или бытуют в XX – начале XXI в. в бассейне р. Онеги и на побережье Белого моря, стали предметом комплексных исследований автора на территории обоих национальных парков и сопредельных районов. Ранее специальное изучение лодок в этом регионе не проводилось, имеются только разрозненные сведения, оставленные путешественниками и этнографами, для которых изучение лодок вовсе не было главной целью их работы. Между тем, на территориях национальных парков в силу удаленности от основных дорог и труднодоступности почти всех локальных цен-

тров, высоких цен и отсутствия поставок серийных лодок народное судостроение с различными на его основе модификациями все еще сохранилось, есть мастера, которые строят деревянные лодки [1, с. 274–374; 3, с. 339–401].

С участием главного специалиста по формированию турпродуктов на основе традиционной культуры Кенозерского национального парка Е.Г. Мазилова, в соответствии с методикой и с учетом полученного опыта автором был проделан следующий объем работ:

1. Осуществлены поиск источников по теме в архивах и литературе, накопление, сравнительный анализ и систематизация собранных материалов, включая архивы и фонды Национального парка «Кенозерский».

2. Проведены пять экспедиций в Каргопольском и Онежском районах Архангельской области и в пограничных районах Республики Карелия. В пяти локальных центрах народного судостроения зафиксированы фамилии 89 мастеров-лодочников XX–XXI вв., около 150 специальных терминов, более 200 лодок, включая руинированные.

3. Подготовлены предложения по музеефикации и актуализации народного судостроения и судоходства, которые впервые были реализованы в гонках «Лекшмозерской регаты» и комплексе судостроительной мастерской в д. Моршихинской.

4. По результатам исследований опубликовано пять статей в научных сборниках и подготовлена монография по истории и современному состоянию традиционного судостроения на территориях Национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье».

Основной источниковой базой для анализа истории и современного состояния народного судостроения обозначенного региона стали материалы полевых исследований автора, новые находки документов и фотографий, связанных с народным лодкостроением и судоходством.

Полевые материалы первых экспедиций в Кенозерье и на оз. Лёкшмозеро позволили сделать вывод о том, что во многих деревнях пока еще проживают знатоки традиционной технологии судостроения, хранители информации об истории этой части народной культуры, о старых мастерах конца XIX и первой половины XX в. Одновременно стало ясно, что настоящий период характеризуется быстрым уходом из жизни многих наиболее осведомленных информаторов, существенно трансформируются, а порою и исчезают старинные типы лодок, а вместе с ними и материальные следы былого деревянного судостроения.

Дополнительными источниками, расширяющими временные рамки исследований, являются документы из архивов и музейных фондов Каргополя, Карелии, Санкт-Петербурга, сведения из исторических исследований и этнографических работ, трудов русских и иностранных

путешественников, материалов, связанных с описаниями рыбного промысла и иных публикаций.

В результате углубленного изучения народного судостроения и судоходства локальных центров главным специалистом Е.Г. Мазилковым удалось собрать необходимые материалы для сохранения и актуализации традиций лодкостроения в Национальных парках «Кенозерский» и «Онежское Поморье». Ежегодно проводится «Лекшмозерская регата», в программе «Плотницкой школы» проходят занятия по обучению местных школьников и молодежи деревянному судостроению.

Собранные материалы позволили Е.Г. Мазилкову реконструировать основные типы местных лодок обоих парков для продолжения работы по их сохранению и строительству (ил. 4).

Особенности традиционных лодок и судоходства различных локальных центров Русского Севера до сих пор мало изучены, хотя именно лодки были основой водного транспорта для освоения территории, постоянного проживания и дальнейшего хозяйственно-экономического использования природных богатств региона. Исследования по данной теме можно и нужно продолжать в контакте с партнерами, проводить совместные комплексные экспедиции по сбору материалов, что позволит определиться в общих подходах к их обработке и публикации результатов. Прделанная работа и разработанная автором данной статьи методика ставят целью не только показать новые возможности этнографических исследований народной материальной культуры, но и способствовать актуализации традиционного лодкостроения.

Список литературы

1. *Наумов Ю.М.* История и современное состояние традиций народного судостроения и судоходства на территории Каргопольского и Пудожского уездов // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России: в 2 т. Т. 1. М., 2020. С. 274–374.

2. *Наумов Ю.М.* К вопросу о методике изучения народного лодкостроения // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Петрозаводск. 2013. С. 201–211.

3. *Наумов Ю.М.* К вопросу об истории и современном состоянии традиций народного судостроения и судоходства Онежского и Летнего берегов Белого моря // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России: в 2 т. Т. 2. М., 2021. С. 339–401.

4. *Наумов Ю.М.* «Кижанка» – лодка Онежского озера. Петрозаводск, 2011.

5. *Наумов Ю.М., Орфинский В.П., Скворцов А.П.* Традиционные лодки Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 461–496.

Зверобойные промыслы кольских купцов на архипелаге Шпицберген в конце XVIII века¹

Никонов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет; главный научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона, филиал Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; snikonov-77@mail.ru

В статье рассматривается участие в зверобойных промыслах на архипелаге Шпицберген (Грумант) купцов из Колы в конце XVIII в. Формирование слоя купечества в Коле относится к последней четверти XVIII в. и стало следствием административных и социальных реформ Екатерины II. Слои кольского купечества был незначителен: в него вошли как представители старожильского населения города, так и перебравшиеся сюда выходцы из русского и нерусского населения Архангельской губернии. Трое кольских купцов (Петр Турчасов, Федор Горюшков и Андрей Герасимов) пытались организовать китовый промысел и вести добычу морских млекопитающих на Шпицбергене, но из-за неблагоприятных факторов эти начинания потерпели неудачу.

Ключевые слова: Кола, Шпицберген, зверобойные промыслы, купечество, Петр Турчасов, Федор Горюшков, Андрей Герасимов.

Кола (Кольский острог) – город, возникший в XVI столетии на слиянии р. Кола и Тулома, в нескольких десятках километров от незамерзающего Баренцева моря. Развитие рыболовных промыслов и международной торговли на Мурманском берегу в XVI–XVII вв. определило основные занятия местного населения. Это были промыслы и торговля². По своему социальному составу город был близок служилым городам Поморья и Сибири, где основным населением являлись стрельцы и казачество. Близость Колы к границе, длительные пограничные конфликты со Швецией и Данией привели к формированию многочисленного стрелецкого гарнизона. Посадский слой оставался немногочисленным³.

© Никонов С.А., 2024

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурс» Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН.

² О занятиях колян см.: [8, с. 5–12; 11, с. 66–86, 205–212; 13, с. 19–22].

³ О социальном составе Кольского острога см.: [13, с. 31–52].

В отличие от Холмогор и Архангельска, в Коле до конца XVIII в. не было купечества. Административные и сословные реформы Екатерины II ставили целью упорядочить городское население России, разделив его на несколько социальных групп [3, с. 405, 418–422, 450–453]. Верхушку городского сословия составляли купцы трех гильдий.

Кольское купечество было немногочисленным. В 1780 г. по распоряжению генерал-губернатора Вологодского и Ярославского наместничества А.П. Мельгунова⁴ комиссар Кольского острога Ефим Тимофеев подготовил ведомость о населении города⁵. Тогда в городе было четверо купцов, один из которых был архангелогородцем⁶. Спустя год сменивший Тимофеева комендант Б.И. Эрнер (Ернер) распорядился составить новую ведомость населения города, зафиксировавшую уже девять купцов⁷. Четвертая ревизия (1782 г.) приводит данные о десяти купцах, но отмечено, что один из них – А.Н. Чиракин – в 1781 г. утонул.

Представители некоторых купеческих фамилий (Горюшков, Суслов, Рекунов, Яргин, Турчасов) относятся к старожильческому населению Колы. Голодной и Чиракин были выходцами из поморских волостей, из лопарского погоста и Архангельска вели свой род династии Герасимовых. Прежнее социальное и этническое происхождение указано в ревизии не для всех купцов. Двое из них были выходцами из крестьян, еще двое – из солдат, один – саам.

Занятия купцов по сохранившимся источникам прослеживаются плохо. Не будет большим преувеличением сказать, что основная их деятельность была связана с рыбным промыслом и торговлей на российских и европейских рынках. Ближайшим был рынок Северной Норвегии, где велась меновая торговля [6; 9; 15].

Ставший заметным во второй половине XVIII в., подъем купеческих промыслов в Европейской Арктике [7, с. 52–54] не обошел стороной и Колу. Нам известно об участии в промыслах на Шпицбергене по меньшей мере трех купцов.

Двое из них – это компаньоны Петр Петров сын Турчасов (1752–1789) и Иван Михайлов сын Горюшков (1739–1789). Оба были выходцами из старожильческого населения Колы и до вступления в купечество несли военную службу [12, с. 156–159, 188–192]. Петр Турчасов записался в купечество в 1780 г.⁸ Он обладал незаурядным умом и

⁴ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 72. Оп. 3. Д. 9. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 3–12

⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1006. Л. 4.

⁸ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 51. Оп. 11. Т. 25. Д. 3. Л. 1 об.

стремился реализовать свой предпринимательский талант. Возможно, определенное влияние на личность будущего купца оказало его участие в качестве помощника в академической экспедиции И.И. Лепёхина и Н.Я. Озерецковского (1771–1772 гг.), а также астрономической экспедиции П.И. Румовского (1767 г.) [10, с. 28–29, 36–37; 12, с. 156–159]. Выполняя поручение Лепёхина и Озерецковского, в 1772 г. солдат Петр Турчасов совершил поездку в Санкт-Петербург, побывав в Академии наук и Кунсткамере [12, с. 156–159].

Примерно тогда же в купечество записался Иван Михайлов сын Горюшков, один из компаньонов Турчасова⁹. 10 июня 1781 г. Горюшков подал прошение кольскому коменданту Эрнеру о записи в купечество. Он объявил капитал в 700 руб., высказал намерение заниматься «коммерцией» как «в Российской империи, так и в иностранных государствах», специализируясь на рыбном и сальном промыслах¹⁰. К 1786 г. купец смог разбогатеть, увеличив свой капитал до 10 тыс. руб., что позволило ему вступить в первую гильдию [12, с. 191]. В купечество в 1774 г. был записан и младший брат Ивана – Федор Михайлов сын Горюшков¹¹.

Нельзя не отметить, что до вступления в купеческое сословие Турчасов и Горюшков уже занимались предпринимательством, заработав капитал, необходимый для вступления в новую социальную группу.

Основным направлением в деятельности Петра Турчасова и Ивана Горюшкова была торговля продуктами рыболовных промыслов и морошкой. Для этого компаньоны отправляли корабль в Санкт-Петербург [12, с. 190]. Помимо торговли, они организовывали промысловые экспедиции на Шпицберген. Одна из них состоялась в 1779 г. и закончилась неудачно. Подробно ее ход был описан Петром Турчасовым в прошении на имя генерал-губернатора А.П. Мельгунова¹².

В 1779 г. на Шпицберген (русский Грумант) вышло судно компаньонов Петра Турчасова и Федора Горюшкова. Команда судна состояла из 12 человек: кормщика Семена Васильева сына Кирьянова, полукормщика Петра Бережного и рядовых промышленников¹³. На архипелаге, где, по словам Турчасова, «разных наций китоловными промышленниками» добывались морские млекопитающие, прои-

⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1005. Л. 1, 2.

¹¹ ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 25. Д. 3. Л. 1.

¹² ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1050. Л. 1–3 об.

¹³ Рядовые промышленники: Петр Матвеев, Елисей Комисаров, Максим Поников, Иван Замохин, Филимон Степанов, Степан, Тимофей, Петр Махилев, Андрей Уткин, Савастьян Степанов. См.: Там же. Л. 16.

зошел несчастный случай¹⁴. Судно остановилось на зимовку в заливе Денсгат¹⁵. Сюда приходили для промысла и европейские китобои. В это время здесь были два китобойных английских судна. Команда одного из них под названием «Экстер» (англ. Exeter) под управлением капитана Деннинга (Denning) напала на русских промышленников. 29 июня 1780 г. «ввечеру» артель Кирьянова спала в промысловой избе и была внезапно разбужена лаем собак¹⁶. Промышленники вышли из избы и встретили идущих к ним двух англичан, одного из которых «по платью» они определили как кока. Не предвидя опасности, артельщики подпустили незваных гостей к избе, у стены которой стояли «промысловыя огнестрелния ружья, числом семь, и зверинья рогатины (рогатина — копые, предназначенное для охоты на морского зверя. — С. Н.)»¹⁷. Неожиданно схватив оружие, англичане подали условный сигнал притаившимся недалеко товарищам: подняли вверх красные платки и закричали. Выскочившая из засады группа английских китобоев «с великим криком и разбойническим видом» бросилась к русским промышленникам, обратив оставшихся без оружия людей в бегство. По бегущим был открыт огонь, и один из промышленников, крестьянин Сумской волости Петр Махилев, получил смертельное ранение. Еще один промышленник Петр Андреев был ранен в шею и локоть. В течение дня спасавшиеся от нападения груманланы прятались «в горах между ущелинами»¹⁸. Все это время они наблюдали за неприятелем, отметив, что в нападении участвовали китобой обоих судов, а общая численность англичан составляла 50 человек.

Оставленная без присмотра станова изба была полностью разгромлена и разграблена. Промышленники составили внушительный перечень убытков, понесенных от чужеземцев: 100 руб. золотом и серебром, 80 кож оленьих, 8 шкур медвежьих, 100 шкурок голубых песцов, 50 шкурок белых песцов, 50 пудов сала оленьего, 1,5 пуда ружейного пороха, а также различные предметы (иконы, флаг, свечи, компасы)¹⁹. Уходя, китобой «с сердец» порубили большой промысловый карбас²⁰.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ П.П. Турчасов приводит и русское название этого залива — Северный поворот. Речь идет о Данскегаттете (Danskegattet) — проливе между островами Амстердам и Датским [1, с. 69].

¹⁶ В этнографических описаниях жизни и быта русских промышленников на Шпицбергене и Новой Земле отмечалось использование ими собак [2, с. 642–643; 14, с. 290–291]. Тем не менее, в источниках XVIII — начала XIX в. такие факты не фиксируются. Прошение купца П.П. Турчасова является исключением.

¹⁷ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1050. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

Все имущество промышленников, хранившееся в сундуках в избе, было испорчено и разбросано. Были похищены орудия промысла (ружья и рогатины) и «работничье платье»²¹.

Только когда нападавшие удалились, четверо промышленников отважились подойти к избе. Позже англичане постарались загладить свою вину. Двое англичан подошли к становой избе, чтобы вернуть кормщику «пограбленную шляпу», «показывая знаками» готовность выдать документ «об обиде» и возвратить награбленное²². Кормщик Семен Кирьянов и полукормщик Петр Бережной решились принять это предложение. Капитан английского судна, название которого в документах не указано, принял русских промышленников в каюте и возвратил им четыре шубы, три ружья, подзорную трубу, пару сапог. На ломаном русском капитан уверял: «мой нет кралом болше»²³, заявляя, что участие в ограблении принимала команда «Экстера». Он составил письменное свидетельство о нападении, передав его Кирьянову и Бережному²⁴. На предложение угоститься чаем и водкой англичанин получил отказ²⁵.

По возвращении в Архангельск свидетельство перевели на русский язык, оно датировано 11 июля 1780 г.²⁶ Как предположил Петр Турчатов, пойти на частичное признание вины английского капитана подвигла алчность: скорее всего, он оказался обижен «за усилной и неравной раздел грабежа», который учинил Джон Деннинг²⁷.

Несмотря на то, что летние месяцы считались наиболее удачным временем для зверобойного промысла, команда Кирьянова стала собираться обратно в Архангельск. Лишившись большого карбаса и орудий промысла, промышленники «не могли уже ничего вновь предпринять»²⁸. Пришлось бросить добычу промысла, поскольку из-за отсутствия карбаса ее невозможно было вывезти к судну. На большую землю так и не были доставлены 85 моржей, 17 морских зайцев, 57 оленей, доставшиеся «на пожрение зверям»²⁹.

Общий размер ущерба Петром Турчатовым был оценен в 2 тыс. руб. Через Коллегию иностранных дел он хотел привлечь к ответственности «аглинских злодеев», создающих опасность промысла «на волних мо-

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 2 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 2 об.

²⁶ Там же. Л. 3 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же.

рях» не только ему с компаньоном, но и другим российским промышленникам³⁰. Дело, однако, так и осталось нерешенным.

Несчастья преследовали Петра Турчасова и на протяжении следующих двух лет. Прося в 1782 г. у генерал-губернатора разрешение на строительство галиота³¹ в Онежской округе, купец сетовал: «В прошлом 1781-м, тако же и нынешном 782 годех по власти Божией разбило» в море два его корабля³². Предпринимал ли купец попытки возобновить промысел на Шпицбергене, нам неизвестно.

Освоить непривычный для Поморья китобойный промысел стремился купец Андрей Иванов сын Герасимов (1748 – после 1810)³³. Будучи уроженцем Архангельска, купец имел в Коле многочисленные коммерческие интересы, что, видимо, стало причиной записи в купечество его сыновей, а впоследствии и самого Андрея Ивановича. В Коле А.И. Герасимов взял на откуп винную торговлю. Согласно заключенным в 1787 г. контрактам, в течение 3–4 лет он поставлял спиртное для питейных домов Кузомени, Варзуги, Умбы, Кандалакши, Керети, Колы³⁴. Доверенным человеком Герасимова в Коле был мещанин Я.Д. Молвистов, ведавший делами в отсутствие откупщика³⁵.

Важной вехой в становлении интереса Герасимова к зверобойным промыслам стал выход в 1768 г. указа Екатерины II «о заведении вновь китовой ловли при городе Коле и ея Лапландии и на Спизбергене»³⁶. Этот указ, рассмотренный в Комиссии о коммерции, упразднял деятельность сальной монополии графа П.И. Шувалова и передавал «как промысел того сала, так кож морских зверей, моржоваго зубья и трески рыбы» местным промышленникам³⁷. Архангелогородские купцы получили привилегию вести торг продукцией рыболовных и зверобойных промыслов с европейцами. Эти мероприятия стали частью общего экономического курса, направленного на поощрение частной инициативы и отказ от создания монополий³⁸.

³⁰ П.П. Турчасов упоминает, что с подобным нападением ранее столкнулись суда, принадлежавшие архангелогородскому купцу Василию Мерянинову и тверскому купцу Василию Королёву. См.: Там же. Л. 4 об.

³¹ Галиот – парусное судно каботажного плавания.

³² ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1390. Л. 1–1 об.

³³ Биографические сведения об Андрее Герасимове см.: [5, с. 69; 16, с. 160–161].

³⁴ Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО). Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 19, 24, 27, 31, 39.

³⁵ Там же. Л. 54.

³⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 18: 1767–1769. СПб., 1830. № 13141. С. 695–696.

³⁸ Подробнее см.: [4, с. 34–68].

Очевидно, Андрей Герасимов участвовал в организации промыслов еще до выхода в свет указа 1768 г. В двух письмах руководству Беломорской компании он писал, что занимается промыслами уже 40 лет³⁹. Письма датированы 1805 г., следовательно, если память не подводила купца, то в море он начал выходить не позже 1765 г.

Уже в 1772 г. купец занимался китобойным промыслом, для этого «приготовив разные инструменты», благодаря чему смог добыть трех китов. Наиболее удачным для него оказался промысловый сезон 1774 г., когда в Кольском заливе и Мотовской губе удалось поймать семь китов. Полученное при разделке животных сало было продано в Архангельске бранденбургскому купцу Самуэлю Беккеру (Самуилу Готлибу)⁴⁰. Удачное начинание Герасимова отмечал воевода Колы в донесении архангелогородскому губернатору в 1775 г. [12, с. 54].

Добившись неожиданно для себя успеха, Андрей Герасимов решает вложить больше средств в дело. Он строит в Архангельске крупное судно в 60 ластов⁴¹, готовит «инструменты и сети доволним числом», закупает съестные припасы. Выйдя из Архангельска, предположительно, в октябре 1774 г., корабль попал в шторм. Как писал купец, судно «розбило», из груза была спасена «малая часть вина». Спиртное было погружено на корабль для доставки в Колу⁴².

Неудача не изменила намерений купца продолжить заниматься коммерческой деятельностью. Он построил новый корабль, на который были погружены 2 тыс. пудов «шпанской» соли, предназначенной для транспортировки в Кронштадт. Маршрут корабля начинался в Мотовской губе, откуда он благополучно пришел в Кронштадт, а затем и в Петербург. На обратном пути судно получило повреждения и, видимо, пришло в негодность⁴³. Было построено новое, которое купец также намеревался отправить в Петербург с солью, но не сделал этого: судно ушло на Шпицберген «для промыслов звериных». Большого успеха этот вояж (так в источниках XVIII–XIX вв. назвалось морское путешествие) не имел. Андрей Герасимов объяснял неудачу «от недорования Божия на море рыбных промыслов»⁴⁴. Из-за понесенных убытков он

³⁹ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 112. Л. 4; Российский государственный исторический архив. Ф. 13. Оп. 1. Д. 241. Л. 3.

⁴⁰ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 112. Л. 5. — Беккеры — архангельский купеческий род датского происхождения, живший в России со второй четверти XVIII в. [16, с. 316].

⁴¹ Ласт — мера веса, равная 72 пудам; пуд — мера веса, равная 16,38 кг. 60 ластов составляли 70,8 т.

⁴² ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 5 об.

⁴⁴ Там же.

вынужден был отказаться от новых попыток организации зверобойных промыслов.

Масштабы участия купцов из Колы в промысле на Шпицбергене плохо известны благодаря сохранившимся фрагментам таможенных книг Кольского уезда. Согласно данным таможенного ведомства Колы, из города на промысел в 1785 г. вышло два судна, 1789 г. – четыре, 1791 г. – одно⁴⁵. К концу столетия этот зверобойный промысел пришел в упадок. Возродить его в начале XIX в. попыталась Беломорская торговая компания. Насколько удачным оказался этот опыт – сюжет отдельного исследования.

Список литературы

1. *Гортер (Куратова) А.А.* О поморских топонимах на Свальбарде (архипелаге Шпицберген и острове Медвежий) // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 21. Архангельск; М., 2022. С. 65–71.
2. Допросы русских промышленников о Шпицбергене // Кольские карты. URL: https://www.kolamap.ru/library/doc/1818_dopros.htm (дата обращения: 02.09.2022).
3. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
4. *Ковальчук А.В.* Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: идеи и практика. СПб., 2017.
5. *Малашенков А.А., Фёдоров П.В.* Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас: в 2 ч. Ч. 1. Мурманск, 2010.
6. *Минаева Т.С.* Торговля Кольского Севера с Норвегией в первой половине XIX в. // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее. Мурманск, 2016. С. 191–196.
7. *Никонов С.А.* Европейская Арктика в XVI–XVIII вв.: модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство) // Российская история. 2021. № 6. С. 43–60. DOI: 10.31857/S086956870017374-2
8. *Никонов С.А.* Участие стрельцов Кольского острога в мурманском рыбном промысле в XVII – начале XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2015. Вып. 2. С. 5–12.
9. *Репневский А.В., Нильсен Й.П., Тевлина В.В.* Консулы и купцы, поморская торговля и руссенорск // Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М., 2017. С. 170–209.
10. *Сорокожердьев В.В.* Румовский в Коле. Обсерватория на Соловараке. Мурманск, 2022.
11. *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения: историко-краеведческие исследования: в 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997.
12. *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения: историко-краеведческие исследования: в 3 т. Т. 2. Мурманск, 1998.
13. *Ушаков И.Ф., Дашинский С.Н.* Кола. Мурманск, 1983.

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 849. Л. 7 об. – 8; Д. 898. Л. 59 об.; Д. 913. Л. 79 об.

14. *Харитонов А.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) (Из записок шенкурца) // Отечественные записки. 1849. Т. 66. № 10. С. 282–298.

15. *Шрадер Т.А., Нильсен Й.П., Колле Н.* Поморские рыбные промыслы и торговля до 1815 года // Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М., 2017. С. 68–86.

16. *Шумилов Н.Н.* Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): генеалогический справочник. Архангельск, 2009.

Языковой ландшафт в русско-норвежской коммуникации (на примере топонимики)¹

Пшенко Регина Алексеевна — аспирант, младший научный сотрудник, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; pshenkoregina@gmail.com

В статье представлен анализ русско-норвежской коммуникации на протяжении периода с VI в. до 1920-х гг. При этом особое внимание уделено аспекту поморских плаваний к берегам Норвегии. Тесные многовековые контакты культур, формировавшиеся в схожих пространственных реалиях, приводили к их взаимопроникновению — культурной диффузии, а также положительно сказывались на установлении межгосударственных отношений. Богатый опыт поморских плаваний к берегам Норвегии запечатлен в рукописных навигационных источниках — лоциях, топонимическая структура которых является индентором восприятия поморами пространства прибрежных районов Белого, Баренцева и Норвежского морей. В статье представлены результаты анализа форм адаптации норвежских топонимов к лексической структуре поморской группы говоров северно-русского наречия.

Ключевые слова: поморская лоция, топонимы, русско-норвежская коммуникация, Северная Норвегия, Европейский Север России, поморская торговля.

Развитие русско-норвежских отношений неразрывно связано с рыболовецкой и промысловой деятельностью прибрежного населения Русского Севера.

Первые сведения о морских путешествиях на Руси связаны с походами балтийских славян, которые уже в VI в. отправлялись в путешествия по Балтийскому и Северному морям. Развитие рыболовного промысла и упорядочивание морской практики содействовало выделению рыбаков или «кочетников» (от слова «кочеть» — название приспособления для весла) в обособленный класс населения. Система рек и волоков соединяла два центра восточнославянского мира — Киев и Новгород, открывая новгородцам путь к верхним притокам Северной Двины и Белому морю, к Мурману и скандинавским странам.

Первые выходы в Белое море, на Мурман, на побережье Ледовитого океана относятся к XIII в., когда новгородские промышленники ухо-

© Пшенко Р.А., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» на исследование по теме «Российско-норвежские связи на территории южного Беломорья в конце XIX — первой четверти XX века».

дили глубоко на Север, занимаясь здесь ловлей рыбы, моржей и тюленей [1, с. 20]. Первоначально прибывание промысловиков на Север было временным и сезонным, однако возможность ведения деятельности по промыслу рыбы, морского зверя, а также заготовки рыбьего зуба, или моржового клыка, содействовала укоренению населения. Е.Е. Замысловский высказывает мысль, что «колонизация северного края должна была с особой силою сказаться после татарского погрома, так как области, омываемые северными водами, представляли более безопасное убежище сравнительно с другими, центральными, областями русскими» [4, с. 82].

Историк-исследователь И.П. Шаскольский нашел многочисленные подтверждения, подкрепленные шведскими, норвежскими и русскими источниками, о морских походах русских к берегам Норвегии начиная с 1200-х гг. [17, с. 26]. К 1251 г. между Европейским Севером России и территорией Северной Норвегии, входившей в состав Дании, был заключен первый договор, призванный урегулировать отношения в приграничных областях. Факт подписания договора зафиксирован в «Саге о Хаконе Старом» [16].

Берега Лапландии и Северной Норвегии были привлекательными территориями для добычи рыбы и морского зверя, что обусловлено географическими особенностями. Белое море – это шельфовое море, его средние глубины – 55–65 м, предельная глубина – 343 м. К тому же Белое море до 6 месяцев в году покрыто льдом, что существенно влияет на ихтиофауну и поголовье морского зверя. Море у берегов Норвегии намного глубже, средняя глубина Норвежского моря – 1735 м, а предельная глубина – 3970 м. Ответвление теплого течения Гольфстрим омывает берега, способствуя развитию жизни в воде. Количество и качество морских ресурсов на данных территориях сильно разнилось, и, несмотря на сложность и опасность пути, русские промысловики постоянно совершали плавания, выходя из губы Белого моря в открытый океан.

Непрерывающееся соперничество за территории и ресурсы сталкивало население Европейского Севера России и Северной Норвегии, что приводило к нарушению ранее подписанного договора. 3 июня 1326 г. в Великом Новгороде был подписан новый «Договор о мире, границе и торговле в Заволочье и Лапландии», который устанавливал свободу торговли для купцов обоих государств, был призван решать проблему управления и влияния на данной территории, а также являлся первым письменным договором, закреплявшим границы Руси [12, с. 113].

В коммуникации населения рассматриваемых нами территорий море являлось пространственной доминантой. Море – граница экзистенциальная, т.к. морской промысел являлся опасной деятельностью. Идея испытания морем проходит красной нитью в культурных, религиозных и эстетических представлениях норвежцев и поморов.

Поморы и норвежцы использовали море не только в промысловых целях, но и как транспортную магистраль. Торговые экономические отношения Норвегии и России постепенно наращивали темп. Развитию данных отношений также содействовали географические факторы. Европейский Север России был связан с центральными регионами системой рек, которая позволяла доставлять зерно, муку и другие продукты на Север, где климатические условия препятствовали вызреванию зерновых культур. Северная Норвегия долгое время была отрезана от юга государства, поэтому прибрежные поселения Северной Норвегии практически полностью зависели от морских ресурсов. К XVIII в. торговля между населением Северной Норвегии и Русского Севера выделяется в самостоятельное явление, которое позже получило название «поморская торговля». 1740-е гг. были крайне неурожайными, что стало дополнительным фактором развития поморской торговли на территории Норвегии. На тот момент еще отсутствовали официальные соглашения между странами, и торговля не была легализована, поэтому мука была нелегальным продуктом и важной формой помощи норвежскому населению. Со стороны России поморская торговля была стимулирована двумя событиями. Во-первых, указом Екатерины Великой 1 июля 1768 г. промышленникам Архангельской губернии была разрешена вольная торговая деятельность, которая распространялась на продажу «сала... кож морских зверей, моржового зубья и трески» на внутреннем рынке [7, с. 695–696]. Во-вторых, в 1801 г. император Александр I разрешил осуществлять в России вывоз хлеба из одной губернии в другую и его свободную продажу [8, с. 579].

Ввиду того, что контакты поморов и норвежцев происходили в большей степени у берегов Норвегии, о характере отношений в первую очередь можно судить благодаря многочисленным норвежским документам, регулирующим торгово-экономическую и промысловую деятельность. Так, согласно царскому рескрипту от 10 февраля 1747 г., русским рыбакам разрешалось ловить рыбу только за пределами территориальных границ Норвегии (территория Норвегии включала одну морскую милю, что приблизительно равно 7453 м). Также им предоставлялось право содержать небольшие помещения на берегу. Согласно сведениям губернатора Финнмарка Амтманна Фьельдстеда (Amtmann Fjeldsted), в 1775 г. у берегов Норвегии находилось свыше 1000 русских судов [20, с. 6]. В 1765 г. между Россией и Данией-Норвегией был подписан договор (соглашение) о вечной дружбе, что стало положительным фактором развития отношений. Далее торгово-экономические отношения развивались волнообразно и ситуационно, принимая характер притяжения-отталкивания. Взгляды на международные контакты, зафиксированные в разнообразных нормативных актах, проанализированы в статье профессора Кёсти Булл [20].

Русские источники, фиксирующие трансформацию российско-норвежских связей, связаны с регламентацией торговли хлебом и зерновыми культурами. Так, в 1835 г. российским императором был издан указ о беспошлинной и неограниченной торговле хлебом жителями Кольского и Кемского уездов с Норвегией, а уже в 1837 г. данная льгота распространяется почти на весь Европейский Север [9, с. 282–283]. 8 февраля 1838 г. данная льгота была продлена еще на пять лет [10, с. 94–95], далее она приобрела бессрочный характер и распространялась на всю территорию архангельского Поморья.

К началу XX в. экспортирование сельди и соленой рыбы теряет значение, уменьшается количество русских промысловиков и промысловых судов на территории Финнмарка, однако важность поморской торговли сохраняется.

Финалом торговых и промысловых отношений Европейского Севера России и Северной Норвегии стало начало Первой мировой войны. 28 июля 1914 г. был издан указ об ограничении коммерческих связей подданных иностранных государств с русской стороной, а 12 августа 1914 г. введен запрет на вывоз хлеба из Норвегии.

Тесные связи населения Северной Норвегии и Севера России порождали возникновение культурной диффузии – обмена культурными традициями. Ярким примером нематериальной формы культурной диффузии является пиджин руссенорск – язык, который был создан для использования во время торговых контактов. Данный пиджин существовал на протяжении 150 лет, состоял из 350–400 лексем, процентное соотношение которых было практически равным (равное количество русских и норвежских лексем).

Важно заметить, что на явлении культурной диффузии также сказывалось то, что обе культуры формировались и развивались в единых пространственных реалиях. Ассимиляционные процессы, общая хозяйственная деятельность, схожие природно-климатические условия формировали систему схожих образов, тем самым благоприятствуя выстраиванию отношений, основанных на доверии и понимании.

Весь накопленный опыт поморы фиксировали в лоциях или мореходных книгах – рукописных книгах с обозначением расстояния между пунктами назначения, описанием приметных мест, а также мест торговли и обмена товарами между норвежцами и поморами [18, с. 131]. На настоящий момент известно 12 лоций. Лоции включали в себя эмпирический опыт навигации в акватории Белого, Баренцева и Норвежского морей. Они транслировали народное знание, зачастую не имели одного определенного автора, а также многократно дополнялись, включая новые сведения, описания, фиксируя изменения топонимов.

Классификация лоций по диахроническим признакам практически невозможна, однако возможно выделение ареалов написания. Геогра-

фическая локализация связана с анализом пунктов отправления, а также направлениями и удаленностью. Так, по мнению И.Ю. Шундалова и М.А. Савинова, основными центрами написания известных лоций являются Кемь, Сорока, Сума и остров Мудьюг [19, с. 33].

Установление приблизительного периода написания лоций связано с появлением важных навигационных доминант – башен на мысах Святой Нос и Пулоньгский Нос, мысе Орлова и острове Сосновец, построенных в 1822 г.² Данные навигационные башни фигурируют в Мореходных книгах, но в ранних версиях лоций говорится о поклонных крестах.

Признаками, свидетельствующими о единовременном создании лоций, являются схожая структура и идентичные топонимы. Композиция текста лоций состояла из молитвы, введения (краткий указатель направлений и расстояний) и основной части (подробное описание навигационных опасностей районов устья Северной Двины, Терского и Мурманского берегов) [19, с. 34].

Лоции в последствии оказали влияние на профессиональные мореходные руководства, раннюю краеведческую литературу. В 1673–1674 гг. появляются карты территорий Белого и Баренцева морей, надписи на которых были выполнены на шведском языке [2, с. 15], однако использовались поморские географические названия [3, с. 8]. Накопленные знания поморов по достоинству оценил М.В. Ломоносов, когда подготавливал экспедицию по отысканию «проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». В 1762 г. он написал: «По новым известиям от грумантских и новоземельских промышленников явствует, что поиск морского пути по северу на восток удобнее начать можно от западного Грумантского берегу, нежели с Новой Земли» [5, с. 376]. М. Рейнеке, создатель описания Белого моря и его окрестностей, писал про поморов: «Наизусть помнят они румб и расстояния между приметными местами. Многие имеют рукописные лоции и карты, самими ими или опытнейшими кормщиками составленные по памяти» [14].

Лоции писали полууставом или скорописью. Народные географические термины, использованные в текстах лоций, раскрывают обширные географические знания поморов о природе Белого, Баренцева и Норвежского морей, а также их побережий. М.С. Попова выделяет несколько групп терминов: навигационные; промысловые; сельскохозяйственные; топонимы; термины, обозначающие характерные формы рельефа, водные, погодные, а также ледовые условия [11]. Для написания топонимов использовали русские и норвежские названия географических объектов, написанные кириллицей.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 330. Оп. 1, т. 7. № 17703.

Целью данного исследования было выявление закономерностей адаптации норвежских топонимов и фиксация их в лексике поморской группы говоров северно-русского наречия.

Выборка топонимов носила случайный характер и была сделана из текстов трех лоций (см. таблицу): «Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев» [15], «Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов» [6], «Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей, по Мурманскому берегу и данному владению в подробном описании становищ и расстояний» [13].

Адаптация топонимов Поморских лоций

Адаптированный топоним (из лоции)	Альтернативная форма топонима (в др. лоциях)	Норвежское название (на норвежском языке)	Вид географического объекта	Лоция-источник
Данвик	—	Gamvik	Поселение (рыбачья деревня)	«Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев»
Губа Тая	—	Tanafjord	Фьорд	«Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев»
Широкая губа	—	Syltefjord	Фьорд	«Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев»
Гавусин	—	Haugesund	Поселение (коммуна)	«Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев»
Стаппен	Щап\Шапа	Storstappen	Остров	«Расписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев»
Тромсин	—	Tromsø	Город	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Варгаев	—	Vardø	Город	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Берлеваг	Берлион	Berlevåg	Поселение	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»

Адаптированный топоним (из лоции)	Альтернативная форма топонима (в др. лоциях)	Норвежское название (на норвежском языке)	Вид географического объекта	Лоция-источник
Кендрог	—	Nordkinn	Гора, полуостров, поселение	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Кильвик	—	Kilvik	Поселение	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Фуголям	—	Fuglenes	Мыс	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Аморфест	Амарфист, Хамарфист	Hammerfest	Город	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Асвик	—	Hasvik	Поселение	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Лопан	—	Loppa	Остров	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Хайен	—	Håja	Остров	«Мореходная книга, или лоция Беломорских поморов»
Фонина губа	—	Kongsfjord	Поселение	«Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление к путешествию...»
Кильвийская салма	Каме-фиорд	Kamøyfjord	Фьорд	«Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление у путешествию...»
Бердион река	—	Tana elv (elv – река)	Река	«Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление у путешествию...»

При заимствовании и адаптации норвежских топонимов в лексике поморской группы говоров северно-русского наречия были выявлены следующие особенности:

1. Калькирование. Полное фонетическое заимствование. Например: Берлеваг – Berlevåg; Кильвик – Kilvik.

2. Частичное калькирование, редукция отдельных сложно произносимых звуков в ходе фонетической адаптации. Данная группа обильно представлена среди топонимов в лоциях. Формирование данной формы заимствования происходит ввиду подражания фонетической форме норвежской лексемы. Норвежский звук [h] не имеет русского аналога, звук мягкий и произносится с придыханием, поэтому зачастую просто редуцируется. Например: Аморфест (Амарфист, Хамарфист) – Hammerfest или Асвик – Hasvik. В отдельных случаях происходит замена на русский звук [г]: Гавусин – Havgesund.

3. Адаптация топонима путем антономазии – замена норвежского топонима на русский, образованный от антонима. Данная форма указывает на переход принадлежности территории и маркирует отношение «пространство – человек». Данный маркер особенно интересен в контексте пространства, относящегося к территории Норвегии, которое приобретает русский антоним. Примером данной адаптации является: Kongsfjord – Фолина губа.

4. Адаптация иноязычного топонима при помощи прибавления русского окончания *-н*. Примеры данной адаптации: Хайен – Håja; Лопан – Lorra; Тромсин – Tromsø.

Таким образом, топонимическая структура лоций – это индентор восприятия поморами пространства прибрежных районов Белого, Баренцева и Норвежского морей. Комплексный анализ топонимов позволяет установить закономерности и основные факторы их формирования. Адаптация норвежской топонимической структуры в лексическую структуру поморской группы говоров северно-русского наречия свидетельствует о долговременной продуктивной коммуникации.

Ретроспективный анализ коммуникации населения Европейского Севера России и Северной Норвегии доказывает параллельное формирование культурных традиций в условиях схожих пространственных реалий, взаимовлияние (формирование явления культурной диффузии, запечатленное в материальных и нематериальных культурных образах), а также поступательное развитие отношений на межгосударственном уровне, зафиксированное в различных нормативных актах, регулирующих промысловую и торгово-экономическую деятельность.

Список литературы

1. Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
2. Богданов К.А. Поморская картография: в 3 ч. Ч. 1. Л., 1954.
3. Гемп К.П. Поморские лоции и «Книга мореходная» О.А. Двинина. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.

4. *Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России: с приложением Материалов для историко-географического атласа России XVI в. СПб., 1884.

5. *Ломоносов М.В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. VII. М.; Л., 1934.

6. Мореходная книга или лоция Беломорских поморов / подг. изд. Н.В. Морозова // Записки по гидрографии., 1909. Т. XXX. С. 269–305.

7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 18. СПб., 1830. № 13141.

8. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 26. СПб., 1830. № 19803.

9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 2-е. Т. 10. Отд. 1. 1835. СПб., 1836. № 8006.

10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 2-е. Т. 13. Отд. 1. 1838. СПб., 1839. № 10960.

11. *Попова М.С.* Поморские лоции и географические знания поморов: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Архангельск, 2014.

12. *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах: в 2 вып. Вып. 1. М., 1995.

13. Продолжение лоции беломорских поморцев: Наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей, по Мурманскому берегу, и данному владению, в подробном описании становищ и расстояний / подг. изд. А.В. Фрейганг // Морской сборник. 1866. Т. LXXXV, № 7 (июль). С. 129–147 (Отд. III).

14. *Рейнеке М.Ф.* Определение берегов и промер глубин Белого моря // Записки гидрографического депо: в 5 ч. 1836. Ч. II.

15. Росписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев / подг. изд. В.Г. Козлов // Морской сборник. 1866. Т. LXXXIII, № 3 (март). С. 19–51 (Отд. III).

16. Сага о Хаконе Старом, 1251. Встарь, или Как жили люди. URL: <http://www.lifeofpeople.info/registry/?id=396> (дата обращения: 16.08.2023).

17. *Шаскольский И.П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомина) // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. М., 1965.

18. *Шрадер Т.А.* Поморские лоции – источник изучения истории плавания русских в Северную Норвегию // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 129–134.

19. *Шундалов И.Ю., Савинов М.А.* Поморские лоции как исторический источник // Соловецкое море. 2007. № 6. С. 31–42.

20. *Bull K. S.* Russian Fishing Activities off the Coast of Finnmark – A Legal History // Arctic Review on Law and Politics. 2015. Vol. 6, no. 1. P. 3–10.

Икона XVII века «Рождество Христово; Неизвестный святой» из Пахомиева Кенского монастыря. Новые открытия

Родионова Вера Юрьевна — художник-реставратор темперной живописи II категории, заместитель заведующей Отдела научной реставрации; Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; vera_rodionova77@mail.ru

Статья посвящена реставрации и исследованию иконы из Пахомиева Кенского монастыря. К сожалению, сам монастырь не сохранился, но чудом уцелели иконы древней обители. Комплекс, состоящий из двенадцати памятников, хранится в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Икона XVII в. «Рождество Христово; Неизвестный святой» принадлежит каргопольской иконописной традиции и имеет непосредственный аналог — иконы XVII в. из иконостаса церкви Рождества Христова в Каргополе. И хотя икона до конца еще не раскрыта от поздней записи XIX в., и мы не можем увидеть авторский сюжет, проведенное рентгенографирование памятника дает нам важную информацию о первоначальной живописи.

Ключевые слова: иконопись, реставрация, рентгенографирование, Пахомиев Кенский монастырь.

Икона XVII в. из деисусного чина «Рождество Христово; Неизвестный святой» (в записи — Праотец Исаак) (размер 127,2×50,5 см, ЦМиАР КП 640) (ил. 1) принадлежит каргопольской иконописной традиции и имеет непосредственный аналог — иконы XVII в. из иконостаса церкви Рождества Христова в Каргополе [3, с. 19–27]. Памятник, на наш взгляд, происходит из Рождественской церкви Пахомиева Кенского монастыря [1, с. 254–298], выстроенной и освященной в третьей четверти XVII столетия [2, с. 254–298]. Икона, находящаяся на хранении в Центральном музее имени Андрея Рублева (размер 127,2×50,5 см, ЦМиАР КП 640) еще не отреставрирована, на записи 1868 г. изображен праотец Исаак с вязанкой дров в руке. Раскрыты фрагменты авторской живописи: на празднике — фигуры двух пастухов старца и юноши, а также ангела над ними. В низу иконы раскрыта часть сине-белой фелони святителя и белой епитрахили с красными крестами. Первоначально предполагалось, что лик святого (предположительно Василия Великого, день празднования которого приходится на следующий день

после праздника Рождества Христова) расположен на уровне головы Праотца Исаака, а сам сюжет Рождества располагается вокруг нимба святого.

В 2023 г. старшим научным сотрудником Научно-исследовательской лаборатории Московского музея современного искусства, кандидатом химических наук О.Ю. Русаковой и научным сотрудником, физиком-технологом Е.В. Мальковой было выполнено рентгенографирование иконы портативной рентгеновской установкой «РПА-50». На рентгеновских снимках мы смогли рассмотреть скрытые под записью авторские участки живописи, которые опровергли наше первоначальное заключение. Новые исследования дают нам важную информацию о первоначальном авторском изображении сюжета праздника, истории создания и бытования Пахомиева Кенского Преображенского монастыря.

На первом фрагменте (ил. 2) под изображением святого Исаака в центре хорошо просматривается сидящая фигура Богоматери. На руках Дева Мария держит Младенца Христа. Лики Божьей Матери и Младенца в хорошей сохранности, хорошо читаются глаза, нос и рот святых, а также звезды Приснодевства. Богоматерь окружена четко очерченной мандорлой круглой формы. На фоне неба в левом и правом углах изображены четыре ангела – два с левой и два с правой стороны. Между ангелами в центре помещена звезда, выполненная белой краской и лучами указывающая на Божью Матерь. Чуть выше над ангелами выполнены белильные надписи. Справа от Марии изображены волхвы на конях. В нижней части под мандорлой слева изображен Иоанн Дамаскин, покрытый белым платом, со свитком, выполненным белилами, в руках. В правой части изображена вторая фигура святого со свитком в руках, но нечетко читаемая. Преподобные Иоанн Дамаскин и предположительно Козьма Маиумский славят Богоматерь. В их руках свитки с текстами Рождественской стихиры и песнопения Октоиха 8-го гласа «О Тебе радуется...». Еще на иконе может помещаться фигура пророка Иеремии, держащего свиток со словами пророка Исаии: «Се Дева во чреве примет и родит сына» (Ис. 7: 14), наиболее известного пророчества о рождении Христа-Премудрости; но это выяснится только после раскрытия иконы от записи.

На втором фрагменте (ил. 3) в центре под изображением рук святого Исаака, держащего вязанку дров в руке, мы видим группу людей в белых шапочках и киноварных сапожках. Группа людей, символизирующая Церковь Земную, занимает практически все пространство снимка. Лики людей не читаются в отличие от ликов Богоматери и Младенца. Вероятно, это обусловлено жестким и объемным красочным слоем XIX в. с большой примесью белил.

На третьем фрагменте (ил. 4) у святого, стоящего слева, четко читается белильная обводка нимба, доходящая до середины окружности,

просматриваются очертания плеч и двойной ряд белильных жемчужин, окаймляющих клав одежд. Также белильные жемчужины читаются по границе Евангелия в левой центральной части снимка. Часть жемчужин утрачена. На одеждах этого святого виден светлый вертикально идущий растительный узор. У святого, стоящего справа, четко читается епитрахиль белого цвета, перекинутая через руку. Фрагмент этой епитрахили с красными киноварными крестами мы можем наблюдать в выполненной пробе справа в центре. Красочный слой хорошей сохранности, незначительные утраты левкаса и красочного слоя наблюдаются вдоль трещины досок основы. К сожалению, не прочитываются лики святых. Возможно, это обусловлено тем, что краска на верхнем слое записи XIX в. нанесена очень плотно.

На четвертом фрагменте (ил. 5) под изображением ног святого Исаака просматривается тонкая удлиненная нога святого, стоящего слева. К сожалению, его вторая нога, скорее всего, находится на месте утраты левкаса и красочного слоя около трещины досок основы. Край одежд святого обрамлен рядом жемчужин. Часть жемчужин утрачена. На одеждах также виден светлый узор ткани.

У святого, стоящего справа, хорошо просматривается киноварного цвета обувь. Ряд белильных жемчужин также обрамляет край одежд. Справа хорошо видна белая епитрахиль. Надо отметить, что везде красочный слой авторской живописи хорошей сохранности и только вдоль трещины досок основы наблюдаются незначительные утраты левкаса и красочного слоя.

Празднование Собора Пресвятой Богородицы приходится на 8 января, на второй день после праздника Рождества Христова. Всю соборную полноту Церкви, Земной и Небесной, олицетворяет Богородица. Об этом и свидетельствуют песнопения праздника. Традиция празднования, посвященного одному из главных действующих лиц события, отмечавшегося накануне, имеет глубокие исторические корни.

Сам иконописный образ Собора Богоматери является развернутой иллюстрацией стихиры 2-го гласа, исполняемой после псалма «Господи, воззвах» (Пс. 140) на вечерне как накануне праздника Рождества, так и накануне празднования Собора Богородицы: «Что Ти принесем, Христе, яко явился еси на земли яко человек нас ради? Каяждо от тебе бывших тварей благодарение Тебе приносит: Ангели – пение, небеса – звезду, волсви – дары, пастырие – чудо, земля – вертеп, пустыня – ясли, мы же – Матерь Деву. Иже прежде век, Боже, помилуй нас». Изображенная в центре композиции на фоне гор мандорла с Богоматерью, на коленях которой восседает Младенец, указывает, что Боговоплощение есть Откровение Бога. Темная небесная полусфера в верхней части средника соединена со «славой» Богоматери. Остальные фигуры соответствуют словам стихир. В верхних углах изображены ангелы,

которые приносят дар пения. Справа от Богоматери – волхвы, слева – пастухи, приносящие хвалу.

Иконография «Собора Богоматери», имеющая истоки в искусстве XI–XII вв., формировалась на рубеже XIII и XIV столетий на Балканах. На Руси, где она получила особое развитие, известна с конца XIV – начала XV в. На иконе из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева сюжет дан в иконографическом варианте, получившем распространение в XVII столетии в каргопольской иконописи.

Рассмотрев рентгенографические снимки и описанную выше икону, мы пришли к заключению, что название памятника «Рождество Христово; Неизвестный святой» следует заменить на «Собор Богоматери; Неизвестные святые». Дальнейшая реставрация и раскрытие авторского слоя живописи от поздней записи XIX в. даст нам возможность наиболее подробно изучить уцелевший памятник из несохранившегося Пахомиева Кенского Преображенского монастыря.

Список литературы

1. Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Русского Севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 254–298, 447–515.
2. Евсеева Л.М. Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 282–296.
3. Кольцова Т.М. Иконы Каргополя. Из собрания Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Свод русской иконописи. М., 2014. С. 19–27.

Жизнь на острове Жижгин. Природно-географические и экономические факторы освоения и развития территории в условиях изолированности от материка

Роц (Шангина) Людмила Григорьевна – председатель Поморского отделения Российского творческого Союза работников культуры; lgots@bk.ru

Географическое положение острова Жижгин, близость к арктическим широтам и изолированность от большой земли определили историю заселения острова и развития территории. Материальное снабжение и взаимодействие с внешним миром полностью зависело от изменчивости сезонных погодных явлений Белого моря. В статье представлен опыт обеспечения жизнедеятельности в условиях сурового климата и ограниченности материальных ресурсов. Рассмотрено влияние историко-культурного наследия поморов, а также Жижгинского агарового завода в решении социальных, культурных и других жизненно важных потребностей жителей острова.

Состав и численность населения определялись потребностями производственного предприятия, куда привлекали обученных специалистов, спецпереселенцев, принимали поморов из соседних деревень. На острове сложился мультикультурный и многонациональный состав населения с многодетными семьями, что приводило к взаимному обмену опытом ведения хозяйственной и бытовой деятельности. Дети с ранних лет были приобщены к труду как к необходимому фактору выживания на острове, рано выросли и становились самостоятельными.

В статье высказывается идея использования потенциала территории для развития туризма путем создания на острове Жижгин экспозиционного пространства с информацией о производственном предприятии советского периода по переработке морских водорослей.

Ключевые слова: Онежское Поморье, остров Жижгин, Жижгинский агаровый завод, Жижгинский маяк, спецпереселенцы, поморские традиции, игры и забавы детей, воспитание детей в поморской семье.

Настоящая статья основана на личном опыте автора с момента рождения на острове Жижгин в 1955 г. до окончания средней школы в 1972 г., на воспоминаниях моей матери Елены Леонтьевны Шангиной (1912–1985), уроженки д. Дураково Приморского района Беломорского края (ныне Архангельская область), старшего брата Леонида Алексан-

дровича Шангина, 1933 г.р., родившегося в той же деревне, а ныне проживающего в Архангельске.

Историческая справка о заселении острова. На Жижгине до XVIII в. не было постоянного населения, только сезонное. Постоянные жители появились здесь после создания в 1780-х гг. маячной службы, а впоследствии гидрометеорологической станции (ГМС). Дело в том, что в силу сурового климата (остров насквозь продувается ветрами), изоляции острова от большой земли, его малых размеров и, как следствие, ограниченной пищевой ресурсной базы Жижгин не привлекал поморов для постоянного проживания. Они не стремились его обживать, но использовали для сезонного промысла рыбы и в период веснования для охоты на морского зверя. До середины XX в. на острове сохранялась полуразрушенная бревенчатая изба, которая могла использоваться как промысловая тоня, а также для проживания лоцманов. Из многочисленных источников известно, что в период летней навигации в XVII–XVIII вв. на острове стояла артель лоцманов из крестьян селения Лямца [3, с. 403]. Сменные лоцманы по очереди сопровождали шедшие в Архангельск, Онегу и обратно до Горла Белого моря торговые суда. С окончанием летней навигации лоцманы возвращались к месту постоянного проживания.

Неспроста до сих пор жива легенда про братьев-разбойников Колгу, Кончака и Жижгу [2, с. 108], давших название одноименным островам. Братья нападали на суда с богомольцами и поморскими промысловиками и грабили их. Поскольку постоянных жителей не было, то на пустынных островах вполне могли обитать лихие люди, чьи имена и послужили названиями для безымянных частей суши.

Географическое положение и инфраструктура острова Жижгин. Остров Жижгин (65°12' с.ш., 36°48' в.д.) расположен в Белом море к северо-востоку от оконечности Онежского полуострова и отделен от материка проливом Жижгинская Салма, ширина которого в самом узком месте составляет 5 км. Ближайшие населенные пункты на материке – бывший пос. Кега (7 км), д. Летний Наволок (ранее Дураково, 13 км), Летняя Золотица (28 км). Длина острова – 3 км, ширина – от 0,8 до 1,5 км, общая площадь – примерно 3,6 км². Береговая линия – извилистая с коргами, мысами (мыс Палецкий, мыс Толстик, мыс Песчаный) и пологими заливами (Кислая губа, Заводская губа), берег преимущественно каменистый. В центре острова – лесистая возвышенность, которую местные жители называют горой. На «горе» находится пригодное для купания озеро с пресной водой, равнинные торфяные болота, поросшие кустарником, вереском, морошкой и багульником. На самом высоком месте расположен Жижгинский маяк и маячный поселок. Рядом с маяком расположена вышка морского и воздушного наблюдения с бинокляром, куда представители воинской части изредка пускали местных жителей посмотреть на окрестности. Казарма стояла у подно-

зия крутого склона горы. На спуске к югу разместились домики ГМС с площадкой наблюдения за погодой, открытой еще в 1893 г.

Жижгинский маяк. Для навигационного оснащения сухоходных путей в Белом море одним из первых был построен Жижгинский маяк (ил. 1). Из архивных источников известно, что первый маяк на Жижгине в 1760-х гг. установил английский купец Вильям Гом, озабоченный безопасностью транспортировки закупленного в Онеге леса [3, с. 402–403]. Дошедший до наших дней облик маяк приобрел в ходе перестройки, предпринятой в 1842 г. по проекту гидрографа, адмирала российского флота М.Ф. Рейнеке [3, с. 402–403].

Долгое время с 1863 по 1884 г. смотрителем маяка был Александр Иванович Исаковский, коллежский регистратор, отслуживший до того 25 лет фельдшером в гренадерском полку русской армии [1, с. 31–34]. За время его службы на маяке неоднократно проводился ремонт, а в 1883 г. было установлено новое фонарное сооружение. Умер и похоронен А.И. Исаковский на Жижгине. Информация о нем высечена на сохранившейся надгробной плите. Место захоронения приблизительно известно, т.к. в 1960-х гг. надгробная плита лежала на своем месте.

С 1890 г. более 40 лет служила на маяке династия Ратмановых: Ефим Иванович Ратманов, а затем четыре его сына и две дочери. В середине XX в. служили Донцовы, Свидловы, Головки, Байдуровы, Рассановы и наконец Николай Романихин.

Маяк представляет из себя круглую каменную башню желтого цвета высотой 18 м, наверху – стеклянный купол и вращающийся световой фонарь, оснащенный французскими линзами. Лучи белого света описывают полный круг – один медленный оборот и два быстрых. Каждый год служители зажигали огни маяка по расписанию в один и тот же день 25 августа. Для жителей острова эта дата означала конец лета и начало сезона осенних штормов, для детей школьного возраста – скорое расставание с родителями перед отправкой в интернат. Кроме маяка на отдельной каменной луде Чур-Наволок напротив Палецкого мыса было установлено звуковое сигнальное средство «ревун» (наутофон), который издавал монотонный протяжный звук, далеко разносившийся в тумане и в условиях плохой видимости. Отмели и скрытые корги были отмечены световыми плавающими буями, которые периодически подзаряжали для непрерывного горения.

Из средств оповещения проходящих судов на маяке на самом высоком месте стояла также пушка (1910 г.), которую заряжали гильзой с порохом. Выстрелы пушки с интервалом в 10 минут являлись звуковым сигнальным средством во время тумана. В 1954 г. пушку увезли с острова, а пороховой погреб с остатками слежавшегося сырого пороха еще долго привлекал внимание нескольких поколений детворы. В начале 1960-х погреб еще стоял.

В маячном поселке были построены два одинаковых больших жилых дома для служащих и один дом поменьше, баня, дизельная станция, склад горюче-смазочных материалов, продуктовый амбар и хозяйственные сараи. Один из сараев позади маячной башни, со слов местного жителя Николая Алексеевича Донцова, был перестроен из бывшей часовни. Рядом с часовней было старое кладбище служителей маяка, которое к середине XX в. уже почти потеряло свои очертания и заросло травой, но оставалось еще несколько надгробных плит. На центральной площадке перед башней маяка рядом с пожарным щитом на стойке висел старинный, к сожалению не сохранившийся, латунный колокол с выгравированной на нем датой основания маяка. Маяк владел собственным казенным катером закрытого типа, в котором были места для пассажиров. На территории маяка во всех служебных помещениях и особенно внутри башни маяка поддерживались порядок и чистота. Территория маяка вместе с сенокосами была огорожена забором, поселковым детям вход туда был воспрещен.

Работники маячной службы находились на ведомственном спецобеспечении продуктами питания, теплой одеждой для полярников, горюче-смазочными и строительными материалами, а также всем необходимым для круглогодичного автономного проживания на острове. Спецпайки и все остальное было на порядок качественнее и разнообразнее, чем товары из поселкового магазина. Состав служителей маяка был постоянным, кадровый состав не менялся десятками лет. Жили дружно, держали свой скот (корова, козы, кролики), дела вели хозяйски основательно. Многие из служителей были переселенцами из Крыма, Волгограда и других южных регионов Советского Союза. Необходимо отметить сплоченность и взаимовыручку внутри коллектива, что особенно важно на Севере, где в одиночку выжить практически невозможно. Мои родители были частью этого сообщества, хотя и не служили на маяке.

Поселок Жижгин. Вдоль южной стороны острова вытянулся поселок, производственные здания и склады Жижгинского агарового завода (ил. 2). Изначально в 1920 г. на Жижгине был построен Жижгинский йодный цех. Поселок начинали застраивать с северной стороны острова («на той стороне», как говорили здесь). Это были небольшие дома по типу поморских, на три окна по фасаду. Однако, как вспоминала моя мама Елена Леонтьевна Шангина, море с северной стороны было беспокойным, сразу от берега начинались большие глубины и не было закрытых бухт, что не позволяло построить надежный причал. Со временем жизнь острова сосредоточилась на юге, вокруг агарового завода, где вырос поселок, построили крепкий причал с рельсами для вагонеток и небольшой будкой ГМС с приборами для записи уровня морских приливов и отливов. Здесь между двумя коргами находилась закрытая бухта и плавсред-

ства были защищены от штормов. У причала могли пришвартоваться промыслово-транспортные суда (ПТС) и баржи с неглубокой осадкой, но только во время прилива. Большие суда, в том числе грузопассажирские, вставали на якорь на рейде напротив причала, куда с берега выходили карбасы за пассажирами. За грузом отправлялся небольшой буксир «Беркут» с кунгасом (плоскодонная баржа)¹.

Поселок, завод и причал строили спецпереселенцы. Жилые дома в поселке были барачного типа, всего 10 бараков на два крыльца. В каждой половине – несколько квартир или комнат с печкой. Аналогичные бараки сохранились на Соловках. Наша семья жила в четвертом бараке. Позднее, примерно в 1965 г., построили два двухэтажных дома на 12 квартир из бруса. Один до сих пор стоит на Жижгине, второй в разобранном виде увезли на Соловки. Кроме бараков стояли заводская контора с узлом связи, магазин, пекарня, баня, начальная школа, местный клуб. Медпункт, детский сад и детские ясли размещались в жилых бараках. В 1960-х был построен аэродром на открытой южной части острова, называемой Черняевское, принимающий малую авиацию – вертолеты и самолеты АН-2. Раз в неделю на остров заходили пассажирские суда. Самым важным транспортным средством на острове, без которого не могла обойтись ни одна семья, был поморский карбас. На нем рыбачили, возили грузы, ездили в гости, добывали водоросли – он решал все хозяйственные вопросы. В отделении связи работали радиосвязь, телеграф. Почту доставляли еженедельно, в период навигации судами, а в зимнее время самолетами АН-2 или вертолетами.

Дома отапливались дровами, которые заготавливали на берегу, куда течением приносило лес, сплавляемый по Северной Двине. Питьевую воду брали из озер и колодцев. Один из колодцев на песках со вкусной родниковой водой, сохранившийся и поныне, вырыл мой отец Григорий Савельевич Москаленко, которому здесь пригодилось умение с помощью лозы определять водоносный слой. На краю поселка стоял скотный двор и зароды с сеном для небольшого стада коров на десятков голов и 3-4 лошадей. По берегам острова кое-где установлены створы, в которых в осеннее время зажигали сигнальные огни.

Жижгинский агаровый завод. Настоящий подъем в истории освоения острова начался со строительства Жижгинского йодного цеха 1920 г. Стране в то время для нужд Красной Армии был нужен в промышленных масштабах кристаллический йод. На острове научились его производить. Позднее завод был переименован в Жижгинский агаровый.

¹ Так во время летней навигации осуществлялся «северный завоз» – снабжение острова на зиму товарами и продуктами питания, лекарствами, другими товарами первой необходимости, а также углем, горюче-смазочными и строительными материалами для нужд завода в соответствии с утвержденными нормативами.

Строительство промышленного предприятия на острове было продиктовано наличием больших запасов ценного сырья в прибрежной зоне – ламинарии, фукуса, анфельции. Архангельские ученые вели постоянные научные разработки. В одном из барачных на Жижгине постоянно жили и трудились исследователи, а барак, расположенный на берегу моря, в народе называли «институт».

На заводе действовало несколько цехов по переработке морских водорослей. Добывали йод, выпускали высшего качества пищевой агар-агар из анфельции, альгинат натрия, производили маннит – ценное лекарственное сырье для фармацевтики. До войны моя мама работала в йодном цеху. По ее воспоминаниям, производство было тяжелым и крайне вредным для здоровья. Водоросли сжигали в печах, а из зольного порошка путем растворения в воде и последующего выпаривания получали кристаллы йода.

В производственном цикле для промывки водорослей использовали пресную воду из купальнико озера, вода поступала самотеком по трубам прямо в цеха. В морозные зимы, когда озеро промерзало до дна, привлекали местное население и детей-школьников на вывоз снега для завода. Дети, кто покрепче, охотно соглашались, за это платили небольшие деньги. Я тоже получила свои 56 советских копеек.

Котельная завода отапливалась привозным углем или дровами, когда были перебои с углем. Дрова заготовливали на берегу, вывозили на лошадях. По рассказам мамы, во время Великой Отечественной войны бывало, что молодые женщины по пояс в морской воде баграми цепляли бревна, подтаскивая их к берегу.

Сырье. Для завода существовало два способа заготовки сырья. Первый – драгировка водорослей, т.е. подъем их со дна, в летний сезон с карбаса ручными драгами – специальным приспособлением для добытия водорослей с больших глубин. Ламинарию сушили на камнях, предварительно обрезав корни, затем сдавали на приемный пункт, где высушенные водоросли с помощью пресса формировали в брикеты и складировали. Второй способ нравился всем местным жителям, ибо он позволял даже пенсионерам и детям собирать водоросли вручную после шторма на берегу. Дожидались отлива и спешили на берег, чтобы в числе первых собрать побольше сырья (ил. 3). За 1 кг сушеной анфельции платили 36 копеек, за ламинарию – 26 копеек. Тариф был единый для всех – и для взрослых, и для детей. В один из сезонов я заработала себе на одежду для школы.

Готовую продукцию завода – агар-агар, альгинат натрия, маннит, йод, а также сушеные водоросли – в период летней навигации вывозили в Архангельск морем, зимой – на вертолетах и самолетах АН-2.

Численность и состав населения. Вопрос с рабочей силой для стройки в 1930-х гг. решался просто – на Север высылали спецпереселенцев,

раскулаченных крестьян из южных регионов страны, вербовали специалистов, набирали мотористов и механиков из числа выпускников курсов, организованных повсюду в Беломорье. Сюда иногда направляли людей, которым было запрещено проживать в больших городах. Мой брат Леонид Александрович Шангин вспоминал, что после войны пришел корабль с «тунейдками»: привезли около 10 женщин, выселенных на остров для трудового перевоспитания на заводе. Эта категория женщин-переселенцев внесла оживление в жизнь острова, часть из них впоследствии создала семью, родились дети, а некоторые продолжали вести разгульный образ жизни.

Среди переселенцев были крымчане, поволжские немцы, татары, арабы. Были переселенцы с Севера из Шойны, вынужденные приехать сюда после закрытия там заготовительного участка (семья Завьяловых, Воробьевых, Ратовых). Было немало приезжих из поморских деревень: из Летнего Наволока – Шангины, Курьяновы, Репины, Гуляевы, Бурдаевы, Бронникова Анна Павловна (дочь попа) с мужем, Киселевы Ким Степанович и Валентина Степановна; из Летней Золотицы – Зоя Викторовна Свидлова (Устинова), Молоковы, Агафоновы, Гуськовы; из Пушлахты – Кондрашины. Екатерина и Виктор Яковлевы были из Архангельска. Из областного центра присылали медиков, киномехаников, работников ГМС.

Я перечислила тех, кого хорошо помню, сложно припомнить всех жителей, их было много. Например, в 1962 г. только в начальной школе Жижина обучалось 56 детей младшего школьного возраста, а еще были детский сад и ясли. Старшие школьники учились в интернатах на Соловках, в Летней Золотице и Петроминске. По оценочным данным, численность населения острова в период, когда завод был на пике своего развития, составляла до 600 чел.

Таким образом, население острова было пестрым, каждый со своей историей, порой трагичной, со своей культурой, песнями, традициями и кухней. Звучали поморский говор, татарская речь, украинская, немецкая, изредка карельская. Вместе с тем, совместная работа на заводе, необходимость выживания в суровом климате и физический труд делали свое дело. Складывалась общность людей, объединенных общими задачами, потребностями и интересами. Происходил культурный взаимообмен. Приведу примеры. Так, переселенцы с Крыма очень хорошо готовили, умели обращаться со скотиной, выращивали редкие для наших мест растения и сельскохозяйственные культуры, научили поморов обмолачивать жито с помощью конской тяги и вращения жернова. Именно они первыми начали использовать в качестве удобрения для картофеля перепревшую за зиму туру (водоросли), выращивали овощи и зелень на грядках. Крымчане умели делать брынзу из козьего молока, заготавливали свинину впрок в виде сала, соленого мяса, колбас, грудинки, корейки

и сальтисона, тем самым внося разнообразие в рацион питания. Женщины с маяка научили нас собирать лепестки цветов шиповника для заготовки на зиму, получался ароматный розовый ликер. Среди вербованных был художник, кто-то пел и играл на гитаре, баяне и гармошке. Приезжие люди преподавали детям уроки живописи, игры на инструменте, мой брат Володя учился у соседа-художника писать масляными красками. Поморы в свою очередь делились опытом мореплавания, способами рыбной ловли сетью, удочкой, острогой, мережей, методами заготовки рыбы впрок. Поморские жонки научили приехавших держать овец, прясть шерсть, вязать носки и рукавицы, без которых трудно пережить долгую северную зиму. Женщины обменивались узорами вышивания, техникой ришелье, особенностями вязания крючком и т.д.

Сложившееся мультикультурное сообщество на острове Жижгин способствовало взаимному обмену опытом ведения хозяйства и досуга, вносило разнообразие в повседневную жизнь. В целом отношения между местными жителями и приезжими были дружными. Все они были тружениками, независимо от национальности оказывавшими друг другу поддержку, откликаясь на чужую беду. Это создавало атмосферу доброжелательности и взаимовыручки, которая распространялась и на отношения с соседними поморскими поселениями Летнего Берега (ил. 4).

Решение социальных, культурных и других жизненно важных потребностей жителей острова. Жижгинский агаровый завод был системообразующим предприятием, который решал все вопросы жизнедеятельности и снабжения. Главным человеком на острове и на заводе до момента его закрытия был директор Жижгинского агарового завода, а позднее Жижгинского заготовительного участка Петр Фомич Свидлов. Все вопросы, касавшиеся снабжения, транспорта и связи, производства, труда и кадров, перевозки детей на учебу в интернаты, поддержания порядка на острове – все замыкалось на нем. Петр Фомич был фактически комендантом острова.

Продукты и товары для магазина привозили в период летней навигации на судах в рамках «северного завоза» в количестве, достаточном для пропитания жителей в течение зимы. Ассортимент был в пределах нормативов, мы не жаловались. Дополнялся рацион домашними запасами и заготовками, родственники с большой земли присылали гостинцы. Зимой на вертолетах и самолетах могли привезти по заявке медикаменты, почту, наличные деньги для заводской кассы, подарки детям к Новому году от Архангельского водорослевого комбината. Запомнилось, как впервые привезли на остров вафли и халву, эти лакомства детишки острова на видели никогда в жизни. В тот же вечер в помещении пекарни была организована продажа сладостей. Сбежались все жители, образовалась очередь. Делили так, чтобы досталось по-

немногу в каждую семью. Также один раз в сезон привозили капусту, арбузы и виноград, и это был праздник.

Завод содержал конюшню и коровник, в котором было до десятка коров и телят, а также заводской козел-производитель. Молоко и мясо шли в основном в детсад и ясли, излишки продавали населению. Иногда в продаже был даже творог. Варили на дровяной плите, для сбивания масла использовали центрифугу, а для отделения пахты от творога – сепаратор.

Для хозяйственных нужд можно было выписать на заводе лошадь, чтобы привезти с берега заготовленные водоросли, дрова, сено. Один час стоил 26 копеек, сетовали, что дорого. При скотном дворе обитал козел. Длинные загнутые рога, заросший, агрессивный, он гонялся за людьми и детьми без разбору, но он был нужен, т.к. многие держали коз.

Один на весь поселок фельдшер оказывал самую разную медицинскую помощь, включая стоматологическую и родовспоможение. «Медичка» же проводила прививочные компании. При медпункте работала санитарка, она же – помощница по хозяйству. В случае тяжелого заболевания, несчастного случая, острого аппендицита вызывали санитарную авиацию из Архангельска. Такие случаи были редки. Сколько помню, несмотря на большие семьи по 5-6 детей, на острове не было детской смертности. В поморских семьях естественный отбор складывался веками, детишки рождались от физически крепких женщин красивыми и здоровыми.

Активно работал клуб. Была хорошая библиотека, каждую неделю привозили свежие фильмы, выпущенные в кинопрокат. Эта система работала по всей стране и наш отдаленный остров не был забыт. После фильма в субботу в клубе устраивали танцы. Это было место знакомства местных девушек, парней и молодых матросов из воинской части. На праздники (1 Мая, 7 Ноября, Новый год) в клубе организовывали концерты. Выступали школьники, приезжали участники самодеятельности из Летней Золотицы, Летнего Наволока. На Новый год бал-маскарад проводился отдельно для детей (ил. 5), отдельно для взрослых. Перед началом праздничного концерта руководитель местной партийной организации Н.И. Романихин со сцены зачитывал поздравление, докладывал о трудовых достижениях на заводе, награждал ударников труда. Иногда летом приезжал театральный коллектив из Архангельска. Это было запоминающееся событие.

В Жижгинской начальной школе обучались дети с 1 по 4 класс, детей было много, и классы были укомплектованы. Занимались в двух помещениях, в одном – 1 и 3-й классы одновременно, в другом – 2 и 4-й классы. Учителя Анна Павловна Бронникова, награжденная орденом Ленина, и Александра Михайловна Донцова обучили грамоте всех детей поселка, в том числе всех шестерых детей нашей семьи. Важны-

ми уроками были урок изучения природы, который проводился на открытом воздухе у моря или озера, и особо отмечу уроки чистописания (каллиграфии). Запомнились горячие завтраки на большой перемене. Их по доброте своей души готовила для нас А.М. Донцова. Это могла быть простая отварная картошка, выращенная на пришкольном участке, но мы чувствовали почти родительскую заботу и домашнюю атмосферу.

Для обучения в средней школе детей с острова отправляли учиться в интернаты Пертоминска, Летней Золотицы и Соловков. Таким образом, с 10 лет дети начинали жить практически самостоятельно, без ежечасной родительской опеки. Всегда было грустно расставаться с родителями и островом. Телефонная связь с материком тогда отсутствовала, выручали только письма. Завод отправлял детей на учебу всех вместе морем на ПТС или буксире «Беркут», а также по воздуху на вертолетах и самолетах АН-2. В Летнюю Золотицу зимой детей доставляли на лошадах. Старшие ребята, кто посмелее, могли зимой на выходных прибежать из Летней Золотицы (28 км) и даже из Пертоминска (80 км) на лыжах через замерзшее море, но это было очень опасно, родители были против.

Церкви на острове не было никогда. В царское время на маяке была часовня, которая использовалась позднее в маячном хозяйстве как сарай. К религии было отношение, выразившееся наставлением: «Все не поминай и плохо не говори». Мама передала мне семейную молитву в помощь, а также заговор от грыжи у детей.

Остров был хорошо обустроен и пригоден для круглогодичного проживания большого количества работников агарового завода с семьями благодаря тому, что Жижгинский агаровый завод на должном уровне поддерживал системы жизнедеятельности, обеспечивал круглогодичное снабжение и связь с большой землей, решал социальные потребности. Всем жителям были доступны детские дошкольные учреждения, начальная школа, услуги связи, медицинская помощь, в том числе стоматология и родовспоможение. Работали магазин, почта, клуб, баня, пекарня ежедневно выпекала свежий хлеб.

С закрытием завода в 1968 г. жизнь в поселке постепенно сошла на нет, поселок обезлюдел. Таким образом, в годы работы Жижгинского агарового завода с 1930 по 1968 г. остров находился на пике своего развития. Был получен уникальный опыт создания в условиях Крайнего Севера комфортной среды обитания на мало пригодном для жизни участке суши. Многие выходцы с острова, получившие «жижгинскую» закалку, с благодарностью вспоминают этот период, давший им разносторонние навыки и ценный опыт.

Воспитание детей в поморской семье. Детские игры и забавы. Попытаюсь осветить семейный уклад на примере нашей семьи, где, подрастая, шестеро детей покидали родительский дом, но тесную связь с семьей и друг с другом пронесли через всю жизнь. Так было заведено,

что старшие братья становились для младших вторыми родителями, опекали, поддерживали, помогали материально. Наша семья была построена как традиционная поморская, где родители были на равных, оба главные: каждый в своих вопросах. Такая семья могла существовать без изменения качества жизни в случае длительного отсутствия одного из взрослых. Подобный семейный уклад продиктован суровыми условиями, где нужно было много трудиться, ведь без этого просто не выжить. Дети беспрекословно слушались отца и мать, уважали их и не перечили. Дети с малых лет участвовали в жизни семьи, были вовлечены в повседневный труд и чувствовали свою ответственность за порученное дело. Естественным ходом событий, без назиданий прививались трудовые навыки, детей учили всему, что может пригодиться в жизни именно здесь на Севере.

Детские забавы редко были просто игрой, как например лапта, взятие снежной крепости, катание на лыжах и коньках. Надо сказать, у нас не было покупных игрушек, мастерили самодельные. Зато какую смекалку и умение нужно было проявить!

Забавы и занятия чаще приносили практическую пользу для семьи и были связаны с добычей средств пропитания. Приведу некоторые примеры занятий мальчигов и юношей:

- колоть зубатку (во время отлива на каменной корге острой за- колоть зубатку);
- топтать камбалу (на отмели босиком наступить на мелкую камбалу и быстро извлечь из воды руками);
- убрать с причала ревяков (так на острове назывались бычки – сорная рыба с большой головой и маленьким туловищем; когда ее снимают с крючка, она издает звуки похожие на рев);
- выпаривать соль из морской воды на костре на листе железа;
- собирать на берегу раковины мидий для скормливания курам (это укрепляло яичную скорлупу);
- в марте на заводском поле ловить пуночек на силки из конского волоса (силки делали своими руками);
- катать дробь, зарядить патроны дробью и порохом, забить войлочные пыжи и пойти с ружьем на охоту за гагами и утками во время осеннего перелета птиц.

А еще надо было ворошить сено на сенокосе, вязать веники, заготавливать дрова, окучивать картофель, обрезать корни у ламинарии, расстилать водоросли на камнях для просушки, чтобы назавтра перевернуть и затем собрать уже вяленую ламинарию (и это ежедневно).

Занятия девочек связаны с рукоделием, шитьем, вязанием, вышивкой. Нужно было чипать овечью шерсть и потом самой ее напрясть, научиться печь пироги, блины, готовить, поддерживать чистоту в доме, стирать, ухаживать за скотиной. Собирать грибы и ягоды, чтобы заго-

товить достаточный их запас на зиму – девичья обязанность, причем не только на свою семью, но и на семьи взрослых братьев в Архангельске. Для нас были сделаны небольшие грабли, небольшая лопата. Нас учили тому, как продлить жизнь вещам. В условиях ограниченных материальных ресурсов бережливость была ценным навыком. Перелицевать, закропать, поднаставить, заштопать, подлатать – эти слова были в обиходе не от бедности, а от хозяйского отношения к вещам. Девочки должны были уметь оказать первую медицинскую помощь, сделать перевязку. Мама учила, что лучшим ранозаживляющим средством является лист свежей ламинарии, наложенный на ранку на ночь. В ламинарии много йода, необходимого для обеззараживания, и коллагена, который буквально затягивает рану свежей кожей. Проверено, мы пользуемся этим средством до сих пор.

Нам с сестрой Любой мама рассказывала былины и семейные легенды, передавая таким образом культурный код народа – поморские традиции.

Приведу для примера старинную детскую считалку от 1 до 10 из деревни Дураково, которую не встречала ни в одном печатном издании: «Рази, двази, тризи, ризи, пята, лата, шуни, муни, бука, крест».

Получив разносторонние трудовые навыки в семье, нам, детям, было проще адаптироваться к самостоятельной жизни в интернате, где приходилось полностью ухаживать за собой. А чувство ответственности и самодисциплина, привитые с малых лет, не позволяли поверхностно относиться к учебному процессу, поэтому в школе мы все хорошо учились, а я была круглой отличницей.

Семья была действительно крепостью, опорой. Сейчас я осознаю, как мне повезло родиться и вырасти в такой семье.

Какой опыт я вынесла из жижгинского детства во взрослую жизнь? Какие черты характера помогли мне состояться как женщине, матери, добиться профессиональных успехов? Отвечу так: трудолюбие, надежность, ответственность, чувство локтя, взаимовыручка, крепкие семейные связи, бережливость и доброта, а еще внутренняя установка – в любой трудной ситуации не сдаваться ни за что. Это и есть поморский характер.

Список литературы

1. *Комарицин А.А., Корякин В.И., Романов В.Г.* Маяки России. Исторические очерки. СПб., 2001.
2. *Максимов С.В.* Год на Севере. М., 1987.
3. *Харитонова Я.Э.* Путевые огни Беломорья: архивные материалы по истории маяков акватории Белого моря // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 402–403.

Унская губа в контексте истории Беломорья

Ружников Андрей Валерьевич — старший научный сотрудник, Архангельский краеведческий музей; ruzhnikov62@yandex.ru

Унская губа Белого моря вошла в созданный Национальный парк «Онежское поморье». Цель данной работы попытаться структурировать сведения, факты, события, имеющие отношение к этой территории, полученные автором из разных источников при изучении других тем, и обозначить направления дальнейших исследований для формирования восприятия Унской губы как единого культурно-исторического пространства со своей спецификой в общей истории Беломорья при разработке проектов и программ развития национального парка.

Ключевые слова: Унская губа, Уна, Луда, Пертоминск.

История Беломорья у многих ассоциируется с такими понятиями, как солеварение, монастырская колонизация, морские и лесные промыслы, всесоюзная лесопилка, вольный Север, ссылка, ГУЛАГ, ворота в Арктику. При этом в разных районах Беломорья эти общие понятия сформировались в процессе конкретных событий, придавших им черты, позволяющие атрибутировать их с определенным ландшафтом. Унская губа площадью 150 км², расположена на Онежском полуострове в географическом центре Поморья, на границе Двинской губы и бассейна Белого моря.

Одной из особенностей Унской губы является отсутствие на ее берегах сел и деревень, они располагались на Летнем берегу Белого моря. На протяжении столетий постоянное население проживало в посадах Уне и Луде, являвшихся единственными населенными пунктами. Внешне жизнь, быт, хозяйство сельских и посадских жителей Беломорья были схожи, но для государства жители посадков (посадские, или мещане) являлись горожанами со всеми вытекающими правами и обязанностями.

В 1501 г. Унско-Лудский приход имел деревянную церковь во имя священномученика Климента [1, с. 91–92], простоявшую более 400 лет, разрушенную при советской власти. Понятно, что строили ее не сезонные промысловики, не первопоселенцы, обычно начинавшие с часовен, а уже обжившиеся, обустроившиеся люди, которые выбрали эту территорию основательно и надолго. В начале XVII столетия в Уне было 22 двора, а в Луде — 17 (учет тогда был подворный). В середине XIX в. Уна представляла из себя населенный пункт с дву-

мая церквями, колокольной, площадью, шестью улицами и переулками, 11 мостами. В Луде были церковь, площадь, пять улиц и переулков, три моста. Расположенные в 4 км друг от друга посады были примерно равны по своим социально-экономическим потенциалам. По многим параметрам их можно рассматривать как единую агломерацию. Там были церковно-приходские школы, почтовая станция, питейные дома, коптильные заводы, соляные варницы, скорняки, плотники, санники, кузнецы, стекольщики. Суммарно жители имели до 350 лошадей, 400 коров, 1000 овец. Среди жителей купцов не отмечено, но были личные дворяне.

В каждом посаде была своя посадская Дума. Епархия в письмах к притчу постоянно напоминала, что общий до 1868 г. приход — не сельский, а посадский с правами городского (был общий до 1868 г.). В 1909 г. появилось Унское потребительское общество (кооператив); в 1911 г. — Лудское кредитное товарищество; в 1915 г. — Акционерное общество по оборудованию курорта в Унской губе [3].

В советском административном праве такой единицы, как «посад» не было, поэтому посады и часть небольших городов перевели в разряд сел.

Основным ресурсом для экономического развития и благосостояния населения выступала соль. О северном солеварении опубликовано достаточно исследований. Мы же рассмотрим этот вопрос через призму Унской губы.

Значимость конкретных соляных промыслов зависит от крепости рассола в источниках, с 1768 г. измеряемого по шкале Баумэ. На Беломорье наиболее крепкие рассолы были в Нёноксе — 10,5; затем в Уне и Луде — 4,2–4,5; десятки остальных промыслов имели крепость 1,2–1,8. Именно поэтому желающих контролировать унские солеварни во все времена было достаточно.

В XVI–XVIII столетиях в этой борьбе активно участвовали монастыри. В документах, связанных с Унской губой, упоминаются такие структуры, как казна, Антониево-Сийский монастырь, имевший в Уне варницы и двор, которому царь Михаил Федорович в 1620 г. позволил беспошлинно отправлять на Вологду 16 тыс. пудов соли. Николо-Корельский монастырь и Троице-Сергиева лавра имели заводы в Луде. Соловецкий монастырь держал на варницах старцев в Лудском усолье. На варницах Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря один «сугреб», т.е. выход соли с одной варки, давал на унском промысле 48–50 пудов, а годовая добыча достигала от 5 до 9 тыс. пудов соли. Скорее всего, это неполный перечень. Монастыри в то время были активными участниками не только экономической, но и политической жизни государства. По статусу представленных в Уне и Луде монастырей понятно, что общегосударственные политические процессы

простирались и на этот известный, несмотря на удаленность, уголок Беломорья. В 1600 г. по приказу Бориса Годунова в Луду (Усоль-Луду) был сослан Александр Никитич Романов (брат Федора Никитича, будущего патриарха Филарета), где он и умер в 1602 г. Его тело в 1606 г. перевезли в Москву и захоронили в одном из монастырей. В 1613 г. отступающие от Москвы поляки и литовцы пересекли Онежский полуостров, разорив Уну и Луду. Во время Соловецкого восстания Лудские варницы монастыря были забраны в казну.

Отстранение монастырей вследствие екатерининских реформ от активной экономической деятельности повлекло изменения и в управлении соляными промыслами. После секуляризации в документах встречаются Унский казенный завод, завод купца Русанова (14 тыс. пудов в год), завод Унского мещанского общества (9 тыс. пудов в год), завод Лудского мещанского общества (7 тыс. пудов) и т.п. Иначе говоря, были представлены государственная, частная и общественная формы собственности на основные средства производства.

Унская соль, в разные периоды, отправлялась через Холмогоры в Великий Устюг и Вологду, через Канинский волок – на печорские рыбные промыслы, через Емецкий волок – на Онегу и Каргополь, в Белозерск, Олонецкую губернию, Мезень (например, в августе 1795 г. Афанасий Ершов должен был поставить по водному пути 3500 пудов с унских и лудских промыслов, столько же – с нёнокских промыслов, 1500 пудов – с Пинежского Кулоя). Соль вверх по Северной Двине перевозилась в рогожных мешках или бочках, на северные рыбные промыслы ее поставляли в бочках. Собственного рогожного и бочарного производства на Онежском полуострове не зафиксировано. По-видимому, отсутствовало необходимое сырье. Следовательно, на протяжении столетий, были постоянные оптовые поставщики тары из других регионов. Транспортировка осуществлялась на морских судах – лодьях и палубных двух- и трехмачтовых карбасах. Суда с экипажами обеспечивали владельцы усолжий. Свои либо арендованные лодьи с экипажами держали здесь Соловецкий, Николо-Карельский, Сийский и Спасо-Прилуцкий монастыри. Казна нанимала перевозчиков на торгах. По пути за солью в Уну, Луду суда завозили хлеб и другие товары, необходимые для местного населения.

Таким образом, в отличие от других районов Беломорья строить и содержать собственные морские транспортные средства у жителей посадов не было экономической целесообразности (Сумпосад, например, имел до 60 транспортных судов [4]), хотя в море они тоже ходили. Лудский мещанин Епифан Попов участвовал в экспедиции Розмыслова на Новую Землю, жители Уны и Луды встречаются в списках экипажей судов из Двинских и Онежских волостей. А для поморских кормщиков (судоводителей), нанимаемых солепромышленниками на разных бере-

гах Белого моря, губа была достаточно хорошо известна. Например, спасший судно с Петром I на борту стрелец Антип был родом с Сумского посада.

Вход в Унскую губу можно рассматривать как отдельный историко-ландшафтный объект. Мыс Красногорский рог – географическая точка, от которой начинаются: Двинская губа на юго-восток, Унская губа на юго-запад, бассейн Белого моря на север. Вместе с мысом Яренгский Рог образует вход в Унскую губу. От обеих мысов в море на несколько миль тянутся подводные рифы, известные в Поморье как Унские рога, кроме того, они находятся в створе горла Белого моря и открыты северным ветрам. Это одно из самых опасных для мореходства мест в Белом море, где погибло немало промысловых и транспортных судов. Только во время одного шторма в июне 1561 г. здесь разбилось 15 лодий – почти весь флот Соловецкого монастыря, доставлявший на острова известь для каменного строительства. Возможно, поэтому строительство каменных зданий на Соловках началось только со следующего 1562 г. В 1566 г. 12 июля иноки Соловецкого монастыря Вассиан и Иона погибли, возвращаясь из устья Двины на Соловки с припасами и были там похоронены. В 1694 г. на рогах едва не разбилось судно с Петром I на борту. В то же время Унская губа – фактически единственное место на Летнем берегу, где могут укрыться от непогоды крупные суда с осадкой до 5 м. Туда был отведен корабль Ричарда Ченслера в 1553 г., на время его поездки в Москву к Ивану Грозному.

Возможно, это сочетание «опасность» и «спасение» послужило одним из аргументов основания в 1617 г. Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря, занимавшегося солеварением, слюдянными промыслами, промышлявшего рыбу на Мурмане, и т.п. Роль и место Пертоминского монастыря как хозяйствующего субъекта в истории Поморья до конца еще не изучено и не оценено. Упраздненный в ходе секуляризационной реформы 1764 г. монастырь открывается вновь в 1778 г. как заштатный, т.е. существующий без бюджетной поддержки на собственные доходы и пожертвования, и начинает активно развиваться. К XX в. монастырь имел кирпичный завод, смоловаренный завод из трех печей со скипидарной перегонкой¹, солеварню, кузницу, водяную мукомольную мельницу, конный и скотный дворы, оленье стадо, портовое и гостиничное хозяйство, больницу, почтово-телеграфную контору, семушки тони², водяную мельницу на р. Сума с мукомольными жерновами и станками для изготовления железной прово-

¹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1920.

² Там же. Д. 1497.

локи, с прилегающими покосами и рыбными ловлями³. На Яренгском роге монастырь построил и обслуживал маяк, спасательную станцию. Он имел подворье в Архангельске, промысловые и транспортные суда, одно из которых называлось «Вассиан и Иона» [4].

На летние сезонные сельхозработы нанимал до 40 работников⁴, еще специалистов на строительные, ремонтные, хозяйственные работы: печников, каменщиков, плотников из волостей Летнего и Онежского берегов (например, в 1821 г. на строительстве водяной мельницы привлеченные заработали более 160 руб.)⁵. Среди доходных статей бюджета были традиционные для Беломорья рыба и ворвань, а в расходных – материалы для орудий морских промыслов.

После революции всё принадлежавшее обители перешло в систему ГУЛАГА, затем стало частью народного хозяйства. Пертоминский монастырь разделил судьбу многочисленных северных монастырей, выступавших в качестве не только духовных объектов, но и разнопрофильных хозяйствующих субъектов, причем на всех исторических этапах.

Как промысловый район, Унская губа известна с XIV в. и до сих пор пользуется популярностью у любителей морепродуктов. Население Уны и Луды одновременно имели до 90 промысловых карбасов [2]. При среднем сроке службы 15–20 лет это предполагало ежегодную замену четырех или пяти судов, а также капитальные и текущие ремонты. Строительство карбасов непосредственно в посадах в документах не отражено, да и в районах активного солеварения из-за большой потребности в дровах деловой древесины не хватало. Возможно, центром судостроения было окруженное подходящим лесом оз. Карбасовое на другом берегу губы, из которого в губу впадает р. Карбасовка.

Строительство карбаса занимало 5–10 дней, материал заготавливался в декабре – феврале. Для строительства нужны были карбасный сарай и избушка для мастеров. Приходящие мастера-судостроители – распространенная практика в Поморье. Например, мастера Маезеровы из Лопшеньги еще в 2010-х гг. приглашались шить тоневые карбаса в Летнюю Золотицу и другие места. Добытая рыба, помимо собственного потребления, в соленом и копченом виде поставлялась в Архангельск и Вологодскую губернию [3]. Традиционные для Беломорья рыбные промыслы продолжались и в советский период Унским рыбколхозом. Пертоминский рыбзавод работал еще в 1980-х. В 1970–1980-х гг. были популярны чартерные авиарейсы Ан-2 в Унскую губу для любителей

³ Там же. Т. 1. Д. 886; Т. 2. Д. 1354.

⁴ Там же. Т. 2. Д. 2044. Л. 6 об. – 7.

⁵ Там же. Т. 1. Д. 932.

зимней рыбалки. Существовали проекты организации в губе рыбозаводного производства.

Когда во второй половине XIX в. Беломорье стало превращаться во всероссийскую лесопилку, Унская губа в стороне не осталась. Промышленная заготовка строевого леса началась в бассейне р. Вежма. Разработанный для озер кошелевый сплав был адаптирован к Белому морю для буксировки сырья на Маймаксанские заводы. С началом Первой мировой войны из-за возросшей интенсивности судоходства сплав по Двинской губе был запрещен, но спрос и цены на лесоматериалы росли. Тогда на мысе Заячьем был построен лесозавод на локомобильной тяге, что, по крайней мере для Европейского Севера, было «ноу-хау». После революции завод вместе с лесопромышленными участками был передан в систему ГУЛАГа. Лесохимическим производством – выработкой смолы и скипидара – занимался Пертоминский монастырь.

В районе Унской губы постоянно пересекались и сталкивались имущественные интересы трех социальных групп: мещан (из посадов), крестьян (из сел) и духовенства (из монастырей и приходов). Многочисленные примеры различных подходов к решению конфликтных ситуаций как внутри групп, так и между группами являются показателем независимости взглядов при отстаивании личных и групповых интересов.

В 1802 г. священник Унского прихода Иван Нечаев написал жалобу в губернское правление о том, что рыбная тоня Гнидинская на Летнем берегу Архангельской округи отдана мирским обществом сторонним людям в оброк, а оброчные деньги вносятся в церковную казну «по малости». Прежде тоней пользовались священно- и церковнослужители унской церкви, но мирское общество ее отобрало⁶.

Пришел ответ, что так как данная тоня в казенном оброке и во владельческом (церковном) не числится, то дело рассматриваться не будет. Клир не успокоился и продолжал писать жалобы. Губернские чиновники запросили столичные архивы (в Архангельске в 1770-х гг. часть архивов сгорела), подняли документы до 1709 г. Окончательный вердикт был таким: унские жители (и церковь, и посад) владели тоней незаконно, и с 1807 г. тоня была возвращена лопшеньгскому сельскому обществу.

За Унскими церквями числилось 129 празговых участков, в основном сенокосных, распределяемых на торгах между жителями Уны⁷. За лудской церковью числилось 29 участков, а поголовье скота в посадах было примерно равное. Лудские мещане пожаловались на унских, об-

⁶ Там же. Д. 194.

⁷ Там же. Д. 954; Т. 2. Д. 1494.

винив их в занижении цены на торгах и нанесении тем самым убытка приходу. Епархия распорядилась проводить распределение на открытых торгах. Торг на 6 остожий в так называемой Каменной Лахте на северном берегу Унской губы проходил в унском приходе. Унские предложили за участок 3 рубля, лудские мещане дали 6 рублей и выиграли. При этом представителя Яреньгской волости крестьянина Василия Гуляева на торги не допустили, хотя он предлагал за этот участок празги в церковь унского прихода 10 рублей⁸.

Более 100 лет Пертоминский монастырь был «смотрящим» за оз. Ратоминское, расположенным на территории Лудской лесной дачи на южном берегу Унской губы, на землях, смежных с угодьями Лудского посада. У монастыря там был хозяйственный комплекс: флигель, овин, гумно, амбар, скотный двор. Заготавливалось сырье для смолокурного завода. Монастырь выдавал разрешения мещанам и крестьянам на лов рыбы. После проигрыша суда в 1878 г. монастырь ушел с этой территории, а озеро перешло на 12 лет сюземскому крестьянину Федору Сметанину. Работники Сметанина ежегодно вылавливали по 200–400 пудов рыбы, чем истощили поголовье рыбы в озере. Когда монастырь вернулся, он вынужден был полностью запретить лов на несколько лет, чтобы объемы рыбы восстановились до промысловых⁹.

Зимой волки прогнали стадо монастырских оленей за губу на Яреньгский берег, где крестьяне перестреляли всех оленей. Ущерб составил 300 рублей¹⁰.

Были и примеры сотрудничества. Когда в 1813 г. в Уне возникла угроза разрушения церкви, колокольни и кладбища из-за осыпания речного берега, размываемого ледоходами и дождями, в решении проблемы вместе с епархией участвовали самые уважаемые крестьяне сел Летнего берега.

В лоции Белого моря, кроме гидрографических сведений, есть информация о социальных особенностях населения. О селах Летнего берега, например, сказано, что жители Лопшеньги могут оказать помощь в ремонте судна и рангоута, жители Яреньги и Сюзьмы могут выполнить мелкий ремонт судна. А о жителях единственных населенных пунктов Унской губы, посадов Луды и Уны сказано: «На помощь в исправлении судна от жителей посадов и монастыря рассчитывать не следует, так как они заняты своими промыслами» [2].

Таким образом, Унскую губу можно рассматривать как обособленное историко-культурное пространство, ландшафт и население кото-

⁸ Там же. Т. 1. Д. 559.

⁹ Там же. Т. 2. Д. 2160.

¹⁰ Там же. Д. 2122.

рого на протяжении столетий формировались под воздействием географических, природных, логистических, социальных особенностей, сохраняя общность с историей Беломорья.

Список литературы

1. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015.
2. Лоция Белого моря. Пг., 1915.
3. Памятная книжка для Архангельской губернии... Архангельск, 1850–1916.
4. *Ружников А.В.* Владельцы парусных судов Архангельской губернии 1897–1917. Архангельск, 2023.

Наставники и ученики Ю.И. Смирнова (По материалам Мемориальной библиотеки Ю.И. Смирнова)¹

Смирнова Марина Александровна – кандидат исторических наук, главный библиотекарь, Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»; ma.al.smirnova@mail.ru

Многие книги Мемориальной библиотеки фольклориста Ю.И. Смирнова были подарены ему учителями, друзьями, коллегами. На изданиях имеются автографы, которые раскрывают отношения дарителей (часто – авторов) к Юрию Ивановичу, выражают заботу его учителей, почитание учеников, уважение друзей и коллег.

Ключевые слова: Мемориальная библиотека Ю.И. Смирнова, автографы.

В Кенозерском национальном парке продолжается работа по научному описанию подаренной парку Мемориальной библиотеки московского исследователя фольклора Юрия Ивановича Смирнова. Она составляет примерно 8 тыс. изданий. Это научные и научно-популярные книги, журналы, отдельные оттиски статей, авторефераты. Издания на русском и на многих европейских языках (английский, белорусский, болгарский, македонский, молдавский, немецкий, польский, румынский, словенский, хорватский, чешский, и др.). Тематика публикаций связана с научной работой Юрия Ивановича, а также с его личными интересами. В экспозиции, посвященной Юрию Ивановичу, представлена малая часть этой библиотеки (около 1 тыс. изданий), но она отражает все разнообразие его научных интересов. С этим фондом можно познакомиться в музее «В Начале было Слово» [1], с ним можно работать специалистам.

Издания, не попавшие в экспозицию, также находятся в Кенозерском национальном парке, но хранятся они в архивных фондах, поэтому доступ к ним ограничен. Составляется научное описание всех изданий, выявляются интересные экземпляры, содержащие различные автографы, пометки, экслибрисы, позволяющие понять принцип формирования библиотеки, взаимоотношения автора с дарителями и многие другие детали этой коллекции. Хотя описательной работы еще очень много, благодаря этим книжным свидетельствам уже можно су-

© Смирнова М.А., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Научное описание Мемориальной библиотеки XVIII–XX вв. ученого-фольклориста Ю.И. Смирнова: открытия и проблемы».

дить о ярких моментах во взаимоотношениях Юрия Ивановича со своими педагогами, друзьями, коллегами и учениками.

Традиция дарить книгу существует очень давно, а если на ней сделана надпись от дарителя, то это издание становится еще ценнее. В библиотеке Юрия Ивановича много книг и статей с автографами. Помимо таких изданий, предназначенных лично ему, есть книги, журналы, статьи с автографами другим известным фольклористам, например Петру Григорьевичу Богатыреву, Софье Исааковне Минц. И все же большинство изданий подарено Юрию Ивановичу.

Дарителями были самые разные люди – близкие и случайные, но неизменно благодарные за его помощь и советы. Автографы отражают как дружеские взаимоотношения с дарителями, так и признательность за научную помощь или поддержку в работе. Юрий Иванович, действительно, очень много помогал своим коллегам и ученикам в изучении и издании фольклорных текстов, созданных славянскими народами в России, Болгарии, Словении, Македонии, Хорватии и других славянских странах.

Наставниками Юрия Ивановича были многие известные фольклористы. Взаимоотношения с Учителем складываются по-разному, не всегда ученик достигает высот своего наставника, а иногда он может стать равным ему или даже превзойти учителя по собственным научным разработкам. В любой ситуации ученик должен ценить и уважать своего педагога. Юрию Ивановичу повезло с учителями, которые научили его разбираться и в профессии, и в людях. Автографы на книгах от учителей помогают увидеть и мудрость педагога, и уважение ученика. В библиотеке Смирнова нет книг, которые дарил своим учителям Юрий Иванович, а они, безусловно, были, но есть издания, подаренные его учителями. И автографы показывают, что учителя наблюдают за профессиональным ростом своего ученика, искренне радуются его успехам, поддерживают в трудные минуты.

Яркий пример – книги с автографами Эрны Васильевны Померанцевой. Она опекала своего ученика всю жизнь, и, хотя их научные пути не совпали, это не помешало им сохранить добрые отношения и уважение друг к другу. Эрна Васильевна всегда старалась подарить Юрию Ивановичу книгу или статью с автографом, в котором звучала ее забота и уважение к его исследованиям. По ее словам, он был для нее «самым строптивым, но все же милым учеником».

Перечислим некоторые книги с автографами Э. В. Померанцевой.

Сказки и песни Вологодской области / сост.: С.И. Минц, Н.И. Савушкина; под ред. Э.В. Померанцевой, С.В. Викулова. – Вологда: Обл. книж. ред., 1955. – 271 с.

Автограф: *Дорогому Юре Смирнову – героическому собирателю сказок на память о начале его исследовательского пути. Э. Померанцева, Н. Савушкина. 4/XI-55 г.*

Померанцева Э.В. Некоторые особенности русской пореформенной сказки // Советская этнография. — 1956. — № 4. — С. 32–44. — Отд. отт.

Автограф: *Юре Смирнову — в надежде, что он не перестанет быть моим учеником. 7/III-57 г. Э. Померанцева.*

Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1965. — 220 с.

Автограф: *Милому Юре Смирнову в напоминание о том, что я возлагала, возлагаю и буду возлагать на него большие надежды. 16/XII 65 г. Э. Померанцева.*

Померанцева Э.В. Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева // Советская этнография. — 1971. — № 6. — С. 137–147. — Отд. отт.

Автограф: *Моему самому строптивому, но все же милому ученику — Юре Смирнову. 22/III 72 г.*

Русские пословицы и поговорки / сост. и предисл. Э.В. Померанцевой. — М.: Дет. лит., 1973. — 80 с. — (Школ. библиотека).

Автограф: *Как ни верти, а дело верши — делай, Юра, сборник былин. 18/VI 73 г. Э[рна] П[омеранцева].*

Мордовские сказки / в обраб. Э.В. Померанцевой; рис. В. Милашевского. — М.: Дет. лит., 1973. — 111 с.: ил.

Автограф: *Одному из моих детей — детскую книжку с материнской любовью, хоть и трудный ребенок. 6/VI 74 г. Э[рна] П[омеранцева].*

Савушкина Н.И. Русский народный театр. — М.: Наука, 1976. — 151 с.: 4 л. ил. — (Серия «Из истории мировой культуры»).

Автограф: *Юре Смирнову — на добрую память о наседке, с тревогой следящей за тем, как высиженные ею утята плавают по фольклорным морям. 4/III 77 г. Э[рна] П[омеранцева].*

Отражение межэтнических процессов в устной прозе / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1979. — 173 с.

Автограф: *Юре, несмотря на измену! 12/IV 79 г.*

И когда ее не стало, то ее внучка подарила Юрию Ивановичу одну из последних книг Эрны Васильевны с автографом:

Померанцева Э.В. Русская устная проза: учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / сост. В.Г. Смолицкий. — М.: Просвещение, 1985. — 272 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу, на добрую память о моей бабушке, Эрне Васильевне Померанцевой. Маша. 21.XI.85.*

Другие педагоги тоже дарили свои книги с автографами своему бывшему студенту, хотя надписи на них более сдержаны. Например, Владимир Прокопьевич Аникин (1924–2018), доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова.

Аникин В.П. Фольклор как коллективное творчество народа: учеб. пособие по спецкурсу для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 80 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову с добрыми пожеланиями от автора. 30/VI-71.*

Эти издания, как учебники, которые специалист должен знать, а специалиста в Юрии Смирнове преподаватели разглядели еще в период учебы.

Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.) // Советская этнография. — 1969. — № 4. — С. 28–39. — Отд. отд.

Автограф: *Глубокоуважаемому Юре Смирнову на добрую память. С. Дмитриева*

Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер / АН СССР; отв. ред. д-р геогр. наук Э.М. Мурзаев. — М.: Наука, 1985. — 143 с. — (Серия «Человек и окружающая среда»).

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу, старому другу и коллеге, с любовью и уважением. Р. Агеева. 26/IX.85.*

Еще в молодости Ю.И. Смирнов успешно помогал редактировать фольклорные издания, о чем с благодарностью вспоминали редакторы.

Фольклор как искусство слова / отв. ред. проф. Н.И. Кравцов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. — 170 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову с пожеланием научных успехов. 14.XII.1966. Н. Кравцов.*

Учеба, начавшаяся в университете, продолжалась и потом, в ходе работы (экспедиции, обработка материалов, статьи, конференции и др.). Не все смогли заниматься устным народным творчеством, остались немногие, кого эта работа увлекла еще в университете. Юрий Иванович оказался среди них. Его друзья по университету, по экспедициям, разбехавшись в разные края, поддерживали связи, иногда встречались, советовались, спорили, обсуждали публикации, радовались успехам.

В библиотеке Юрия Ивановича есть издания от друзей, от тех, с кем учился, работал, бывал в экспедициях. Автографы на этих книгах другие, более зазорные, не назидательные. Со многими своими друзьями, ставшими коллегами, Юрия Ивановича связывали студенческие годы в стенах университета и экспедициях, в буднях и праздниках. С кем-то он дружил, с кем-то сотрудничал, соперничал, ссорился; тем не менее, все занимались любимым делом, учились друг у друга. По окончании университета многие, даже находясь в разных краях, поддерживали отношения, делились мыслями и, конечно, своими публикациями. В библиотеке Юрия Ивановича немало книг, подаренных друзьями из некогда тесного студенческого круга, ставших теперь преподавателями, учеными, которые не забыли свою юность и своих товарищей.

Новиков Ю.А. Эпическая традиция Пудожского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 – фольклористика / АН Белорус. ССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1976. – 22 с.

Автограф: *Юрию Иванычу – сырое произведение незрелого ума его бывшего соратника и соавтора. Малоубедительное, но все-таки материальное доказательство того, что есть еще порох в пороховницах. 10./I-77 г. Новиков.*

Башкирские богатырские сказки. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1981. – 335 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу Смирнову с пожеланиями всего успешного, счастливого в Новом 1982 году и богатырского, как сказки, тоже. От Л. Барага. 2/I-82.*

Фольклор народов РСФСР: межвуз. науч. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Башкирский гос. ун-т им. 40-летия Октября; отв. ред.: проф. Т.М. Акимова, проф. Л.Г. Бараг. – Уфа, 1983. – 158 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу Смирнову с новогодним приветом. 2 января 1984 г. Л. Бараг.*

Дерягин В.Я. Из истории лексических изоглос в говорах Архангельской области // Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1968. – С. 167–188. – Отд. отд.

Автограф: *Дорогому Юре с наилучшими пожеланиями и с надеждой на общее решение наших северных вопросов. В. Дерягин. 1/VII-71.*

Топонимика Кенозера. Ч. I: Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ / Арханг. ордена «Знак По-

чета» гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1987. — 48 с.: ил.

Автограф: *Старому кенозёру на суд суровый. Чти и помни походы 50–60-х. В. Дерягин. 13.10.87.*

Смолицкий В.Г. Героические былины о Добрыне Никитиче: автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т этнографии. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1963. — 28 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову — Робеспьеру от фольклористики с поздравлением и пожеланием, чтобы за первым делом последовали другие самых разных родов, видов и жанров. В. Смолицкий.*

Собирание и изучение фольклора давало возможность приобретать новых друзей и союзников, хотя были и противники (науки без этого не бывает). В большей степени это случалось на конференциях, где собирались специалисты. Юрий Иванович был участником многих научных конференций в Советском Союзе, в России, за рубежом. Он не боялся критиковать и поддерживать. Автографы на книгах показывают и эту сторону его деятельности.

Позднеев А.В. Практикум по курсу «Устное народное творчество»: для студентов-заочников I курса ф-тов рус. яз. и лит. пед. ин-тов / Гл. упр. высш. и сред. пед. учеб. заведений М-ва просвещения РСФСР. Моск. гос. заоч. пед. ин-т. — М.: Просвещение, 1970. — 111 с.

Автограф: *Многоуважаемому Юрию Ивановичу Смирнову с изложением новой концепции фольклора (а не только практикум). От А. Позднеева. 31.VII.70.*

Наумов Е.П. Южнославянский эпос и проблемы сербского Средневековья // Славянский и балканский эпос / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. — М.: Наука, 1971. — С. 5–52. — Отд. отт.

Автограф: *Дорогому Юре — главному виновнику появления данной статьи — с добрыми чувствами от автора. Е. Н[аумов].*

Смирнова стали приглашать как специалиста в оргкомитеты конференций. Юрий Иванович прекрасно справлялся с этой работой, помогая подготовить и провести любую конференцию, ведь фольклор — это сложное явление литературы. Особенно много он работал в Сибирском регионе. Изданные сборники материалов таких конференций в большом количестве имеются в его библиотеке. Иногда он состоял в редколлегии, а иногда был консультантом, помогающим разобраться в сложном вопросе.

Материалы к семинару по русскому фольклору / сост. А.В. Кулагина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 108 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову — с глубоким уважением и симпатией. 14/IX-81. Кулагина.*

Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России / отв. ред.: Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. — Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. — 248 с. — (Археография и источниковедение Сибири).

Автограф: *Глубокоуважаемому Юрию Ивановичу от авторов и редакторов. 28.1.88. Е. Ромодановская, Н. Покровский, Н. Зольникова.*

Улзытуев Д.А. Напев: стихотворения: пер. с бурят. — М.: Современник, 1983. — 183 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову в память об Улан-Удэ от сотрудников Отдела литературоведения, фольклористики и искусствоведения. 23.02.84. [Восемь подписей]*

Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский (1831–1916): учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Калининский гос. ун-т. — Калинин, 1988. — 81 с.

Автограф: *Дорогой Юра! С неизменной и постоянной симпатией сей достаточно многострадальный труд. М. Фрейденберг. 21.IV.88*

Живица / сост. В. Пелихов; авт. предисл. В. Песков. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 380 с. — (Б-ка молодой семьи).

Автограф: *Русской косточке — Юрию Ивановичу Смирнову от А. Стрижева (страницы 232–330).*

Русский фольклор и фольклористика Сибири: тез. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. известного сибирского фольклориста Л.Е. Элиасова, 1–2 июня 1994 г. / РАН. Сиб. отд-ние. Бурят. науч. центр. Ин-т обществ. наук. — Улан-Удэ, 1994. — 71 с.

Автограф: *Уважаемому Юрию Ивановичу от оргкомитета и участников конференции. 24.06.94 г.*

Кань Кунш Олан: публикация материалов Ханты-Мансийского окружного науч.-фолькл. фонда. Вып. 1 / авт.-сост., пер. Т.А. Молданова. — Ханты-Мансийск, 1997. — 148 с.

Автограф: *Уважаемому Юрию Иванович от автора. Молданов. 7.04.99.*

Шли годы, у Юрия Ивановича появились свои ученики. Он был научным руководителем у многих аспирантов, которые потом, после защиты, дарили свои издания учителю. Коллеги тоже обращались за помощью и всегда ее получали.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / АН СССР. Сиб. отд., Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук; отв. ред. канд. филол. наук Р.П. Матвеева. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1987. – 400 с.

Автограф: *Великодушному Юрию Ивановичу с благодарностью за помощь в работе. 17.09.1987. Матвеева.*

Горелов А.А. Из наблюдений над текстами Сборника Кириши Данилова // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 1993. – С. 369–381. – Отд. отд.

Автограф: *Моему критику Юрию Ивановичу Смирнову от упорного в «заблуждениях». А. Горелов. 15.11. 93 г.*

Козлова Н.К. Восточнославянские былички о мифическом любовнике. Опыт систематизации сюжетов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН; науч. рук. Ю.И. Смирнов. – М., 1996. – 23 с.

Автограф: *Дорогому и уважаемому моему учителю от ученицы, если позволите себя так называть. Н. Козлова.*

Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренковой; отв. ред. К.Е. Корепова. – Н. Новгород: КиТиздат, 1998. – 168 с.

Автограф: *Уважаемому Юрию Ивановичу Смирнову на строгий суд. К.Е. Корепова, Ю. Шеваренкова.*

Кузьмина Е.Н. Героический эпос народов Сибири: аспекты двуязычной эдиции и типологии (на материале серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»): дис. ... д-ра филол. наук: специальность 10.01.09 – фольклористика. – Новосибирск, 2005. – 84 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу с надеждой на добрый отзыв. Евг. Ник.*

Яданова К.В. Несказочная проза теленгитов / отв. науч. ред. Ю.И. Смирнов. – М., 2006. – 127 с.: 4 л. ил.

Автограф: *Моему учителю Юрию Ивановичу с уважением и благодарностью. Күзелеш Яданова. 19.12.06*

Критика Ю.И. Смирнова могла быть серьезной. Ее боялись, тем не менее многие авторы отправляли на суд признанного авторитета свои труды. Редакторская помощь Юрия Ивановича и даже его критические замечания помогали авторам совершенствовать научные публикации.

Блажес В.В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса: учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. фак. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск, 1977. – 80 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову с желанием быть понятым. Автор. г. Свердловск. Март 1982 г.*

Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. Т. 1: Эпическая поэзия. — М.: Наука, 2007. — 629 с.: 2 л. ил.

Автограф: *Юрию Ивановичу с трепетом и в ожидании «смирновской» критики. В. Бахтина.*

Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: (достоинство и превратности научного знания) / РАН. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. — М.: Наследие, 2000. — 335 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу с надеждой, что ругать будете не очень сильно. В. Бахтина.*

Коллеги, общаясь с Юрием Ивановичем, могли просто подарить свое издание: для работы, чаще на память или на рецензирование. Вероятно, он сам тоже дарил свои книги и статьи друзьям и коллегам, в его библиотеке их, конечно, не осталось, а вот автографов друзей и коллег в ней очень много. Они разные: сухие, официальные, традиционные или легкие, философские, с юмором и самым разнообразным спектром эмоций. Автограф — это память о человеке или о событии. Даже обычная подпись на книге может иметь важное значение для того, кому ее подарили. Именно поэтому издания с автографами бережно хранятся в любых библиотеках, Юрий Иванович не был исключением.

Эолова арфа: антология баллады / сост., подгот. текстов, предисл. и коммент. А.А. Гугнина. — М.: Высш. шк., 1989. — 671 с. — (Б-ка студента-словесника).

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову — лучшему знатоку славянских народных баллад — с глубокой благодарностью от составителя. Гугнин. 27 ноября 1989 г.*

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Дерево и гармония: образ древнерусского деревянного зодчества: книга для юношества. — М.: Ополо, 1998. — 208 с.: 16 л. цв. ил.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову — на добрую память и с надеждой на дальнейшие творческие встречи — от автора. Е.А. Ополовникова. 30 августа 2003 г.*

Бурчина Д.А. Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов / отв. ред. канд. филол. наук Ю.И. Смирнов. — Новосибирск: Наука, 2007. — 543 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу с пожеланиями всего самого наилучшего, что может быть в этой жизни и огромной благо-*

*дарностью в подготовке этой книги! Без вас она бы не состоялась!
Здоровья Вам и творческих взлетов! Дарима Бурчина. 30.10.07.
Улан-Удэ*

Иностранные друзья и коллеги также дарили свои издания, оставляя автографы на память. Одна из таких книг была издана на македонском языке:

Димитров Е. Четири децении на социјалистички самоуправен развој на македонскиот народ и на нароностите во ср Македонија. — [Б.м., б.г]. — 15 с. — Отд. отт.

Автограф: *Юре Смирнову.*

Автографов на книгах и статьях очень много, но в библиотеке есть издания и без них. Авторы не всегда оставляли памятную запись. Сегодня не угадать, что подарено авторами или, возможно, приобретено в магазине, если на книге нет особых пометок. У Юрия Ивановича имеются и такие издания, которые он приобретал для работы. Для него были дороги все книги, статьи, журналы, газеты — любые публикации, которые могли быть полезны в его работе. В его библиотеке они есть — с автографами и без них, с личными пометками ученого и его научными комментариями. Многие издания в его библиотеке имеют вложенные газетные статьи, которые дополняют содержание книг или раскрывают новые сведения об авторах.

При составлении научного описания библиотеки учитываются все дополнительные элементы, которые помогают понять отношение ее владельца и к изданиям, и к авторам. А автографы демонстрируют уважение коллег и учеников к авторитетному специалисту в области изучения русского фольклора Юрию Ивановичу Смирнову.

Работа по описанию библиотеки продолжается и, конечно, будут выявлены новые интересные автографы и издания.

Список литературы

1. *Смирнова М.А.* Научное описание Мемориальной библиотеки Ю.И. Смирнова: открытия и проблемы // Кенозерские чтения — 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 356–362.

Старые фотографии рассказывают (К вопросу об использовании фотографического материала при ретроспективной реконструкции культурного пространства выговских староверов)

Старицын Александр Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; profitens@yandex.ru

Статья посвящена истории староверческих скитов, располагавшихся на территории современного Медвежьегогорского района Республики Карелия. В 1960 г. через эти места проходил маршрут фольклорной экспедиции Московского государственного университета, руководимой Ю.И. Смирновым. Во время экспедиции были сделаны фотоснимки, зафиксировавшие не существующую ныне часовню и другие памятники в местах существования скитов. Фотоархив Ю.И. Смирнова был завещан Кенозерскому национальному парку и хранится в его собрании. На основе архивного, картографического и фотографического материалов удалось установить все поселения староверов, находившиеся на исследуемой территории, и в общих чертах воссоздать историю исчезнувших построек.

Ключевые слова: Русский Север, фольклорные экспедиции, фотографии, староверчество, скиты, часовни.

Кафедра фольклора МГУ в 1956 г. разработала план экспедиций на Русский Север, по которому предполагалось обследовать места, где записывали былины П.Н. Рыбников в 1860–1866 гг., А.Ф. Гильфердинг в 1871 г. и братья Б.М. и Ю.М. Соколовы в 1926–1928 гг. Предполагаемым результатом северных экспедиций под руководством доцента Э.В. Померанцевой должно было стать накопление материала, позволявшего решить проблему взаимовлияния различных фольклорных жанров на значительной территории России [5, с. 85; 6, с. 162]. Ю.И. Смирнов начал принимать участие в экспедициях, будучи еще студентом¹, а в 1960 г. он, только что окончивший МГУ, возглавлял группу, работавшую в Медвежьегогорском районе Карелии, где когда-то находились староверческие скиты [4, с. 89; 10, с. 86]. В ходе работы экспедиции ее участниками были сделаны несколько фотографий, запечатлевших окрестности двух небольших озер – Куносозера и Вени-

© Старицын А.Н., 2024

¹ Студент Ю.И. Смирнов был одним из авторов методического пособия в помощь собирателям народного творчества, которое использовалось в экспедициях [10, с. 87].

хозера. По берегам этих озер в XVIII–XIX вв. существовали староверческие скиты, являвшиеся частью более крупного Верховского скита Выго-Лексинского общежительства.

В материалах 2-й ревизии 1744–1748 г. сохранился перечень поселений, входивших в состав Верховского скита: у Тервозера, Куносозера, Тамбичозера, Кодозера, Татарского озера, Перозера, Венихозера, Икшозера, Гавушезера, Немозера, Укшозера, Пилмасозера, «на Пялемской верхотины о Калью реку»². На карте Олонецкой губернии 1727 г. А. Клешина пустыня Верховская показана между Тервозером и Куносозером [12]. При сопоставлении этих данных с планом генерального межевания возникает предположение, что она находилась в районе озера Белая Ламба. В скиту была часовня, построенная в 1707 г.³ Посвящение часовни неизвестно, но допустимо предположить, что она была Всехсвятская, т.к. в соборном послании в скиты от 1731 г. предписывалось, чтобы в часовне Верховского скита 17 ноября 1731 г. совершили Всенощное бдение всем святым [2, с. 273]. Поселение у Тервозера располагалось на северном и южном берегах Верхнего Тервозера. По утверждению бывшего старовера Г. Яковлева, перешедшего в лоно господствующей церкви, на Тервозере была часовня в честь Знамения Богородицы [11, с. 115]. Куносозерское поселение находилось на северном берегу Куносозера. На фотографии 1960 г. из архива Ю.И. Смирнова за его спиной видна часовня, еще не совсем развалившаяся (ил. 1). Она упомянута в деле «по рапорту Повенецкого исправника о вновь открытых в 1855 г. в лесах Повенецкого уезда 3-х часовных раскольнических»⁴. Часовня в лесу около Куносозера названа Петропавловской.

В 2016 г., объезжая на велосипеде Верховские скиты, я побывал на Гавушезере и Столпозере и решил проехать через лес до Куносозера. Спросив в Тамбичозере, где нужно сворачивать на Куносозеро, я получил невнятный ответ, но все равно поехал. Свернул, как мне показалось, на довольно хорошую дорогу, но она стала раздваиваться, и мне не один раз приходилось на развилке выбирать наугад, по какой дороге ехать. В итоге, в одном случае я уперся в болото, а в другом – дорогу во многих местах перегораживали упавшие стволы деревьев, через которые приходилось перетаскивать велосипед. После изнурительной многочасовой возни я продвинулся всего на 2–3 км и решил отказаться

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 179–198.

³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 336 (Писаревы). Д. 254. Л. 25 об.

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1 (Канцелярия олонцкого губернатора). Оп. 46. Д. 23/615.

от своей затеи. Вышел из леса на тамбичозерскую дорогу уже в сумерках, а мне предстояло проехать еще около 140 км до Медвежьегорска. Таким образом, в 2016 г. до Куносозера добраться не удалось.

В 2018 г. попытка повторилась, но уже в компании инока Василия и на машине. Ехали мы от Кузьминского озера, где останавливались на ночлег, по сергиевской дороге и за разговорами не заметили поворот на Куносозеро. Только проехав 20 км, мы спохватились и вернулись назад к месту ночной стоянки. Двигаясь оттуда, с трудом нашли едва заметный поворот. Дорога была сложная, но машина справлялась, пока глубокая лужа не стала непреодолимым препятствием для «Жигулей». Прошли пешком 4 км и вышли к Куносозеру, возле которого была когда-то деревня, но следов построек обнаружить не удалось (ил. 2). Прошли еще 3 км, взобрались на гору, откуда открылся захватывающий вид на болота и лесные дали. С горы была видна дорога на Тамбичозеро, которую я не нашел в 2016 г.

Поселение у Тамбичозера (Тамбичозерский скит) находилось на западном берегу Нижнего Тамбичозера. Поселение у Кодозера (Кодозерский скит), где находилась часовня, известная с самого основания скита [3, с. 425; 9, с. 126], локализуется на северном берегу одноименного озера. В сочинении Г. Яковлева «Извещение праведное о расколе беспоповщины» указано посвящение часовни в честь Успения Богородицы [11, с. 115]. Татарское озеро лежит в 3 км на восток от Кодозера. В 200 м на север от Татарского озера расположено Перозеро, но, где были поселения у этих озер, установить невозможно.

Приблизительно в 500 м на север от Перозера простирается Венихозеро, у южной оконечности которого находилось староверческое Венихозерское поселение. Здесь в 1720–1730-х гг. жил известный староверческий учитель Симон Иовлев. Он происходил из священнической семьи Великого Новгорода, участвовал в движении новгородских староверов-федосеевцев, бежал в Швецию в поселение на Черной мызе под Нарвой, потом перебрался в Копорье. Когда жители Копорского поселения стали вести более свободный образ жизни, Симон Иовлев ушел на Выг, в Верховские скиты на Венихозеро [9, с. 341–343].

В староверческом сочинении «Краткое сказание о ревности и подвизех духовных преподобнаго отца Генадия, жившаго при реце зовоной Немене, яже у Спаса на Бору» содержится рассказ о том, как в начальные годы освоения приверженцами старой веры Выговского суземка некий благочестивый муж по имени Феодот Миронов, нашедший для себя убежище у Венихозера, пришел к старцу Геннадию за благословением. Для этого Феодоту пришлось пройти 70 км (именно на таком расстоянии озеро Венихо отстоит от Тихвина Бора).

Келья старца находилась на небольшой речке недалеко от Тихвиноборского скита. Подойдя к келье и произнеся Иисову молитву, Фео-

дот не услышал ответа. Повторив несколько раз молитву, он решился войти в келью и увидел старца Геннадия спящим. Подождав немного, он разбудил его. Старец проснулся очень взволнованным и рассказал Феодоту, что ему привиделась Богородица, которая молилась своему сыну за людей, населяющих Выговский суземок. Выслушав пересказанное старцем чудное видение и получив благословение, Феодот отправился в обратный путь на Венихозеро⁵. Представленный в сказании благочестивый муж – реальное лицо – Федот Миронович Лешкин, посадский человек из Старой Ладogi и, вероятно, основатель поселения у Венихозера. Впоследствии он и его сестра старица Нимфодора жили у Гаушезера⁶.

Некогда этот отрывок из сказания своими яркими образами произвел на меня сильное впечатление, и я запомнил название озера Венихо, что в переводе с карельского языка означает «судно» или «лодка». В 2013 г., путешествуя по Верховским скитам, я шел от Столпозера на Кодозеро и, как я думал, сбился с дороги. Долго плутая, я вышел к незнакомому озеру, на берегу которого уже в сумерках нашел рыбацкую избу. Тогда я был просто счастлив, обнаружив ее. Каково же было мое удивление, когда спустя месяц, уже дома я проследил по карте свой маршрут и обнаружил, что озеро, у которого я нашел приют, называется Венихо – то самое, где скрывался от гонений в конце XVII в. ладожанин Федот Миронович Лешкин. Что-то мне подсказывает, что не случайно я тогда вышел к этому озеру (ил. 4). На фотографии из архива Ю.И. Смирнова виден угол Венихозера примерно в том месте, где стояла рыбацкая изба (см. ил. 3). На другой фотографии изображен крест на вершине горы над озером (ил. 5). Возможно, там находилось староверческое кладбище (ил. 6).

В 2018 г. вместе с иноком Василием мы снова посетили Венихозеро на машине. Мне хотелось показать Василию место, где некогда скрывался упомянутый в сказании о старце Геннадии ладожанин Феодот Мионов, а потом был образован Венихозерский скит, вошедший в систему Верховских скитов. В этот приезд с нами случился неожиданный конфуз. Переночевав в избе, мы уже собрались продолжить наше путешествие в сторону Кодозера, но не смогли выехать. Дело в том, что изба находится на берегу озера под горой. Когда подъезжаешь к избе, то легко спускаешься с вершины горы к берегу; но, когда выезжаешь, необходимо преодолевать значительный подъем, что оказалось не по силам маломощным «Жигулям». К тому же дорога при подъеме поворачивала, и машина не могла набрать необходимую ско-

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 199 (Собрание Никифорова). № 587. Л. 21–22 об.

⁶ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 191 об.

рость, чтобы заскочить на гору. Мы поняли, что оказались в ловушке, и все наши радужные планы рушились. Что делать? В такой глуши никто не ездит, ждать помощи бессмысленно. Идти 15 км в ближайшую д. Тамбичозеро за трактором не хотелось. Василий отчаянно пытался выехать: первая попытка, вторая, третья... Машина добиралась до самого верха, зависнув там, редела, не в силах перскочить через невидимый нам рубеж, и скатывалась назад. На шестой попытке машина выскочила на вершину... Почему нам удалось вырваться из ловушки? Может быть потому, что Василий долгое время жил в окрестностях Старой Ладogi – родины основателя Венихозерского скита Федота Мироновича Лешкина?

Икшозеро лежит в 3 км на восток от Венихозера, протянувшегося с севера на юг на 6 км. На карте А. Клешина «пустыня Икшезерская» была отмечена на северо-западном берегу озера. Гавушезерское поселение (Ладожский скит), одно из старейших среди поселений Выговского верховья, располагалось на южном берегу озера Гакси (Ладожское). Так как первоначально скит населяли выходцы из г. Ладogi, Гавушезерское озеро было переименовано в Ладожское (современное Гакси), и скит имел двойное наименование: Гавушезерско-Ладожский. Оз. Гакси находится в 5 км на северо-запад от Икшозера. В скиту была Никольская часовня, стоявшая на горе над озером, о которой известно, что она существовала в 1706 г. [8, с. 431–432]. Г. Яковлев ошибочно указал, что часовня стояла у Икшозера [11, с. 115]. Немозерское поселение находилось на северном берегу одноименного озера, которое лежит в 4 км на юг от Икшозера. В материалах первой ревизии было отмечено поселение «у Нельмозера», где жил монах Александр⁷. Нельмозеро расположено на расстоянии 23 км на восток от Ладожского скита. Однако в материалах 2-й ревизии сделана пометка, поясняющая, что монах Александр, записанный в 1723 г. у Немозера, умер в 1739 г.⁸ Из пояснения видно, что в 1723 г. Нельмозеро было указано по ошибке вместо Немозера. В 2 км на юг от Немозера лежит Укшозеро, на северном берегу которого было Укшозерское поселение. В 8 км на юго-восток лежит Пильмасозеро. Судя по данным карты А. Клешина и по отмеченным на современной карте развалинам деревни, можно допустить, что поселение староверов возникло на северном берегу озера [12; 7, с. 105]. В верхнем течении р. Пяльма у впадения в нее р. Калья находилось староверческое поселение, помеченное на плане генерального межевания как Пялемская верхотина.

Отдельно от поселений Верховского скита переписаны в 1744 г. Янгозерское и другие жилища: у Янгозера, Кердомозера, Кукомосозера

⁷ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2373. Л. 30 об.

⁸ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 196 об.

(Кукумасозера), Мовжозера, Светлого озера, Егозера, Узкого озера⁹. На карте А. Клешина и на плане генерального межевания эти озера не отмечены. Тем не менее, их легко обнаружить на современной карте [7, с. 105]. Янгозеро лежит в 4 км на восток от Икшозера. Поселение у Янгозера можно отождествить с упомянутым в Житии Корнилия Выговского поселением у Мянгозера [1, с. 91]. Развалины деревни на современной карте отмечены на восточной стороне озера [7, с. 105]. На расстоянии 1 км к северу лежит Кердомозеро. Кукумасозеро находится в 8 км на восток от Янгозера. В показаниях крестьянки Выгорецкого погоста Ирины Герасимовой от 1737 г. и старовера Ивана Игнатьева Корташа от 1742 г. поселение «у Кукомосозера» названо скитом¹⁰. В 6 км на юго-восток от Мовжозера лежит Янгозеро. На северной стороне оз. Светлое соединяется протокой с Кердомозером. В 5 км на север от Светлого лежит Егозеро, на северо-западной оконечности которого отмечены развалины деревни. В 1 км на восток от него лежит оз. Узкое [7, с. 10–106]. Янгозерские жилища не представляли собой самостоятельный скит и по своему расположению, скорее всего, являлись частью Верховского скита. В материалах ревизий было пропущено поселение Иссельга, относящееся к Верховскому скиту и отмеченное на карте А. Клешина [12]. В 1734 г. в письме соловецкого архимандрита Варсонофия поселение на Иксельге (Иссельге) было названо скитом¹¹. Локализуется поселение на расстоянии 14 км на юг от Тамбичозерского скита [7, с. 105].

Фотографии из архива Ю.И. Смирнова сохранили изображения исчезнувших строений и ландшафтов и являются ценными свидетелями существования погибших памятников. Изучение старых фотоснимков позволяет уточнить месторасположение отдельных построек, сравнить виды ландшафтов и заметить произошедшие изменения.

Список литературы

1. *Брецинский Д.Н.* Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 62–107.
2. *Выгорецкий Чиновник*: в 2 т. Т. 2. СПб., 2008.
3. *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым: в 2 т. Т. 1. СПб., 1861.

⁹ Там же. Л. 199–202.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1273. Л. 47 об.; Государственный архив Новгородской области. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 528. Л. 15 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 5. Д. 1416. Л. 8.

-
-
4. *Епифанская-Казюк В.Н.* Итоги научной работы за 1959 г. Филологический факультет // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. 1960. № 2. С. 86–92.
 5. *Костюхин Е., Новиков Ю., Смирнов Ю.* Архангельская фольклорная экспедиция 1959 года // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. 1960. № 1. С. 85–87.
 6. *Новиков Ю., Смирнов Ю.С.* Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета // Советская этнография. 1960. № 4. С. 162–168.
 7. *Общегеографический региональный атлас. Республика Карелия.* М., 2002.
 8. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 5. СПб., 1881.
 9. *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.
 10. *Хабин В.Н.* Научная работа филологического факультета в 1960 году // Вестник Московского университета. Серия VII: Филология, журналистика. 1961. № 2. С. 83–88.
 11. *[Яковлев Г.]* Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины (С приложением «карты Суземка раскольнического» и «Летописца Выговского»). М., 1888.
 12. *Détail du lac d'Onega, près ou en Finlande / par Akim Fedorov Klechnin, géodésiste* // Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003058c> (дата обращения: 31.05.2015).

Концессионная программа треста «Северолес» в Каргопольском и Онежском уездах: экономический эффект и отношение населения¹

Трошина Татьяна Игоревна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; tatr-arh@mail.ru

Построенная на обширном комплексе архивных и опубликованных источников статья касается короткой истории привлечения в 1922–1928 гг. иностранных инвесторов к восстановлению разрушенного войнами и революцией народного хозяйства Советской России. Учитывая риски политического и экономического свойства, применялась форма передачи ресурсов иностранным капиталистам в форме концессий. На Европейском Севере России таким ресурсом стал лес, который стал осваиваться смешанными акционерными обществами, создававшимися государственным трестом «Северолес» и группами иностранных капиталистов, преимущественно владельцев национализированных в Советской России предприятий. Ожидался экономический эффект в виде современных западных технологий и развития новых отраслей хозяйства, в частности лесохимических производств и дорожного строительства. Ожидания не оправдались: местное население, с одной стороны, приветствовало приход предпринимателей, обеспечивших их работой; с другой – воспринимало концессионную программу как отступление от завоеваний революции. В статье рассматривается лесозаготовительная деятельность советско-норвежской компании «Руснорвеголес» на территории Онежского и Каргопольского уездов, переданной ей в концессию. Особое внимание уделено способам и условиям найма и использования концессионерами рабочей силы из крестьян этих уездов.

Ключевые слова: Европейский Север России, новая экономическая политика, лесная промышленность, советская концессионная программа, Северолес, Руснорвеголес.

Восстановление разрушенного войнами народного хозяйства Советской России происходило в непростых обстоятельствах преодоления

© Трошина Т.И., 2024

¹ Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России», <https://tscf.ru/project/22-18-20061/>

последствий революционных экспериментов в области экономики, в сложных международных условиях (политическая и экономическая блокада) и при этом в ожидании мощного технологического прорыва. Особой отдачи во всех этих направлениях ждали от лесного хозяйства. Послевоенная Европа нуждалась в лесоматериалах, благодаря чему можно было прорвать экономическую блокаду. Высокие цены на древесину могли дать стране столь необходимую для восстановления валюту. Активные дискуссии в дореволюционной России вокруг «лесного вопроса», как казалось, сформировали представления о формах правильной эксплуатации лесных богатств [2; 5; 8].

Европейский Север отвечал многим из этих запросов. Здесь произрастала значительная часть европейских лесов России, при этом высокого качества. Выход по сплавным рекам к северным портам создавал условия для экспорта лесоматериалов в европейские страны. Но были и сложности: отсутствие инфраструктуры (оснащенных лесовозных дорог и сплавных путей) не позволяло вывезти нужное количество древесины к заводам. До 40 % северных лесов представляли собой так называемые «нетоварные насаждения», которые не годились для производства экспортной доски и поэтому оставались не вырубленными, «пропадая на корню»². Для полноценных экспортных операций у государственного лесопромышленного треста «Северолес» (которому были переданы лесные площади Севера Европейской России, а также национализированные лесозаводы) было недостаточно морского транспорта. К тому же в западных странах существовал риск ареста товаров из Советской России по искам эмигрировавших владельцев. Для организации лесозаготовок и лесосплава не хватало продовольствия, орудий труда, одежды и обуви для рабочих.

Нарком внешней торговли Л.Б. Красин и директор-распорядитель «Северолеса» С.И. Либерман (умер в 1946 г. в США, оставив книгу воспоминаний «Building Lenin's Russia») предложили решить весь комплекс проблем путем предоставления лесных концессий акционерным обществам, организованным на паритетных началах группой иностранных предпринимателей и «советской группой» («Северолесом»). Преимущество предоставлялось концессионным предложениям бывших владельцев, потерявших свою собственность в Архангельской губернии, на условии признания ими результатов национализации. Предполагалось, что тем самым советские экспортные грузы не будут находиться под риском конфискации, а концессионеры привлекут к решению коммерческих вопросов свою сохранившуюся с дореволюционных времен агентуру. Капиталистам, как считалось, легче будет

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 106. Л. 3–4.

получать кредиты в зарубежных банках и привлекать новейшие технологии для развития лесной промышленности.

Однако иностранные концессионеры в первую очередь были заинтересованы в аренде своих национализированных предприятий и в возможности продажи остававшейся там экспортной древесины на мировом рынке, что позволило бы им компенсировать хотя бы частично понесенные потери. Поэтому условиями концессионных договоров, помимо их реституционного характера (по крайней мере, в отношении лесных смешанных концессий – Русанглолеса, Руголландлеса, Руснорвеголеса³), предполагалась концессия лесных площадей с условием выполнения довольно жесткого производственного плана по вырубке и сплаву леса, а также строительство предприятий по переработке нетоварной древесины (целлюлозных, бумажных, древесно-массных, смолокуренных и прочих предприятий) с целью перехода к безотходному производству. Тем самым было бы положено начало индустриализации отдаленных северных территорий, что, кроме экономической выгоды, помогло бы преодолеть безработицу в северной деревне.

Иностранные концессии, в том числе в лесной промышленности, изучены достаточно подробно. Рассмотрены преимущественно вопросы правового положения концессионеров в СССР, а также деятельность концессионных предприятий (в нашем случае – лесопильных заводов). Вместе с тем, передача в концессию огромных пространств не в последнюю очередь касалась населения десятков крестьянских волостей, привлекаемых для заготовки экспортного лесоматериала и его сплава к заводам.

Лесозаготовки с последней четверти XIX в. были для северных крестьян важным промыслом. В послереволюционную эпоху привычная работа приобрела немало новых форм, и контролирующие органы следили за соблюдением иностранными концессионерами советского трудового законодательства и выполнением других, прописанных в договорах обязательств в отношении наемных работников. Крестьяне со своей стороны активно включились в новые трудовые отношения, приспособивая их под свои интересы. Этот процесс особенно интересен в отношении глухих районов северных губерний, таких как лесные волости Онежского и Каргопольского уездов, которые были переданы в концессию для обеспечения сырьем лесопильных заводов г. Онеги Русско-норвежскому Онежскому лесопромышленному акционерному обществу (сокращенно – «Руснорвеголес»), состоявшему из бывших владельцев национализированных предприятий или их правопреемников («Товарищество Ф. Прютц», «Бакке и Виг», «Бакке и Вагер»,

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8350. Оп. 4. Д. 310. Л. 6, 7.

«Онежский лесной торг»). Все эти фирмы имели многолетний опыт работы в Архангельской губернии, где до революции им принадлежало пять онежских заводов.

Предложения других претендентов (например, немецкой фирмы «Клюбер и Нидгаммер», ходатайствовавшей о долгосрочной лесорубочной концессии в бассейне Онеги и Ваги по заготовке сырья для своих предприятий в Саксонии) отвергались⁴. Причиной было стремление концессионеров заготавливать и вывозить за границу преимущественно сырье. Для Советского же государства важны были инвестиции в новые технологии и производства. С бывшими собственниками договоры заключались именно на этих условиях. Сомнения в их искренности выполнять эти условия присутствовали, но вопрос надо было решать срочно, и концессионеры получили немало льгот. Согласно «инструкции по подготовке района к передаче», сотрудникам «Северолеса» на местах предписывалось «лишних и ненужных для работ по передаче служащих района... сразу же... уволить, выдав по коллективному договору выходное пособие, а по окончании работ – уволить всех остальных», поскольку район подлежал передаче «Руснорвеголеса», от которого и зависит «оставление сотрудников»⁵.

Согласно актам передач, концессионеры получали в пользование «склады продовольствия в лесорайонах, жилые и нежилые постройки, сплавной инвентарь и разное движимое имущество, тоже и канцелярское имущество, патенты и клейм-контролы». Однако при передаче часто возникали конфликты. Так, представитель «Руснорвеголеса» в Каргопольском лесорайоне А. Вагер отказывался принимать часть заготовленного и хранившегося с 1917 г. в ненадлежащем состоянии лесоматериала («качество которых сейчас – дрова»), признанные им непригодными продукты питания, а также два лесозавода, которые таковыми числились только на бумаге⁶. Советской стороной часть актов передачи в результате так и не были подписаны, но факт передачи имущества все же признавался в обмен на разрешение нарушить некоторые прописанные в концессионном договоре условия, например по срокам начала лесозаготовок, которые не устраивали концессионера.

Решив формальные вопросы, норвежские концессионеры с энтузиазмом взялись за дело. Еще до революции они занимались здесь лесозаготовками, поэтому им были знакомы и места, и население [1]. Не были для них неожиданностью и анархические настроения населения, возникшие в период революции и являвшиеся отражением архаичных представлений крестьян, считавших леса своей собственностью. Уже

⁴ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–6.

⁵ Там же. Д. 710. Л. 8, 4, 5.

⁶ Там же. Л. 27–38.

в 1917 г. фиксировались случаи изгнания лесозаготовителей из пределов волостей. Начальству предоставлялись самые разные мотивы таких поступков. Так, весной 1917 г. крестьяне Кенозерской волости объяснили запрет А. Вагеру рубить лес сомнением по части того, куда пойдет заготовленный у них и сплавленный в Онегу лес, поскольку лесопромышленник «нерусского происхождения». Каргопольский уездный комиссар предостерег крестьян от того, чтобы «чинить препятствия», т.к. Вагер – шведский подданный, а не немец⁷.

Массовый характер приобрели случаи, когда крестьяне не разрешали заниматься рубкой леса артелям пришлых рабочих, сами же выставляли непомерно высокую (по мнению заводовладельцев) цену за свой труд, требовали плату за сплав бревен по рекам, протекающим через их волость, ссылаясь на то, что молевой сплав губит рыбу. Порядок с лесозаготовками был наведен после окончания Гражданской войны, когда охвативший страну топливный кризис превратил заготовку древесины в дело государственной важности. В условиях беспрецедентно низкой покупательной способности советских денежных знаков использовать вольный труд не представлялось возможным, поэтому государственные заготовительные органы применяли формы трудовых мобилизаций. Артелям лесорубов зимой и артелям сплавщиков летом выдавались повышенные продовольственные пайки, и желающих для этих работ было предостаточно.

С переходом к нэпу и по мере разрешения топливного кризиса особый режим благоприятствования для лесозаготовителей был отменен. «Северолес» занимался заготовкой леса на основах хозяйственного расчета. Некоторые волости, например на Онежском полуострове, обращались к властям с просьбой «дать им какую-нибудь лесозаготовительную работу», в связи с бедственным продовольственным положением. Поэтому в концессионных договорах были прописаны четкие производственные планы по заготовке лесоматериалов, что обеспечило бы работой сотни крестьян-лесорубов, сплавщиков и рабочих на лесозаводах.

Согласно договору, «Руснорвеголес» получил для эксплуатации 3,2 млн га в Онежском, Каргопольском, частично в Кадниковском и Кирилловском уездах с имевшимися здесь 22 лесничествами (2,2 млн га лесной площади), где концессионеры обязаны были обеспечить заготовку 1,2 млн пиловочных бревен, а также устроить целлюлозно-бумажное производство для переработки не менее 292 тыс. кубометров тонких, не экспортных еловых бревен⁸.

⁷ ГААО. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 41. Л. 99

⁸ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 1960-6. Л. 29; Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Р-9923. Оп. 9. Д. 99. Л. 1.

При этом советская сторона учитывала и определенные сложности территории. Концессионерам передавались участки леса, которые прежде не разрабатывались [4, с. 241], а значит, здесь не было необходимой инфраструктуры. До революции не успели провести здесь и лесоустройство, поэтому заготовители находились под риском штрафов за неправильную рубку. Особой проблемой стал сплав по Онеге и ее притокам, где было немало порогов и песчаных отмелей. В нижнем течении реки (в южных районах Онежского уезда и в Каргопольском уезде) существовало довольно развитое хлебопашество, и на реках стояло 30 водяных мельниц, что также усложняло сплав, который приходилось проводить только модем, т.е. россыпью, отдельными бревнами. Это негативно влияло на качество древесины, понижая ее стоимость на иностранных рынках⁹. Население также опасалось, что молевой сплав ухудшит возможности для рыболовства: по мнению специалистов, гниющая в воде кора выделяла кислоту, разъедающую скорлупу моллюсков, основной корм для крупных речных рыб – сомов, лососей [3].

Весь этот комплекс проблем заведомо усложнял работу концессионеров, и советская сторона рассчитывала, что они вложат средства в постройку новых лесовозных дорог, расчистят сплавные реки, построят жильё для лесорубов. Именно поэтому договор на аренду заводов был тесно связан с подписанием договора на концессию в Онежском бассейне. Согласно договору, советская сторона обязывалась подготовить план лесного хозяйства, проведя для этого все лесоустроительные работы. Это было маловыполнимое обязательство: и до революции, в более благоприятные времена, не удавалось это сделать из-за высоких затрат и недостатка специалистов. В этом отношении для концессионеров пришлось оставить лазейку: одновременно с «соблюдением требований экономически рациональной эксплуатации и сохранности леса» допускалось, по крайней мере на первое время, использовать уже разработанные лесосеки, «лежащие на более близком расстоянии от [используемых] сплавных рек»¹⁰.

Несмотря на различные уступки, лесные концессии, в том числе и «Руснорвеголес», не справлялись с планом лесозаготовок. В определенной степени это было связано с потерей интереса концессионеров к работе в Советской России. В Европе началась рецессия, и лес резко упал в цене, не принося ожидаемых доходов. Серьезно пошатнула финансовое положение концессий советская валютная политика: червонец на мировом рынке ценился дешевле установленной Госбанком цены, от чего в первую очередь страдали экспортеры. И если государственным экспортным организациям оказывалась поддержка в форме

⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1960-б. Л. 30.

¹⁰ Там же. Л. 40.

списания долгов и выдачи выгодных кредитов, то иностранные концессии ее не получали.

Настаивая на создании смешанных акционерных обществ, каким был «Руснорвеголес», советская сторона рассчитывала не только участвовать в доходах, но и контролировать их получение. Иностранные концессионеры, со своей стороны, полагали, что государство, как основной акционер, заинтересованный в доходах, будет предоставлять им всевозможные льготы и послабления. Судя по косвенным данным, во время предварительных переговоров представители «Северолеса» обещали такого вида поддержку со стороны государства.

И действительно, в концессионных договорах, к примеру, оговаривалось невмешательство рабочих организаций в дела администрации. Более того, поддерживавшие рабочих профсоюзы получали замечания от контролировавших их партийных организаций [7]. Что касалось рабочих, занятых на лесозаготовках и сплаве, т.е. населения территорий, переданных «Руснорвеголесу» в концессию, то центральные и губернские власти были заинтересованы лишь в обеспечении местных жителей работой и заработком, что снизило бы социальное напряжение, а также в выполнении программы по лесозаготовкам. Внимания к защите лесорубов и сплавщиков было еще меньше, чем к требованиям рабочих лесопильных предприятий.

Вместе с тем, согласно концессионным договорам, работодатель обязан был выполнять основные требования советского трудового законодательства, которое было принято еще в 1918 г., в период завышенных социальных ожиданий. Соблюдение его в полном объеме мешало выполнению задачи повышения производительности, а при заключении договоров с крестьянами создавало концессионерам массу проблем. Судя по судебным делам, конфликтов с трудовыми коллективами (артелями) было немало [6].

В результате, концессионерам не пригодился приобретенный ими до революции опыт организации лесозаготовок. Архивные документы подтверждают удивление концессионеров, столкнувшихся с более жесткой системой защиты трудовых прав, чем было не только в дореволюционной России, но и в современной им Европе. По словам одного из концессионеров, «в царской России не нужно было прилагать много забот и труда, чтобы хорошо заработать. Сегодня все обстоит совершенно иначе. <...> затруднения как для капиталиста, так и для его сотрудников настолько велики... что нормальные люди этого выдержать не могут»¹¹. Акционеры лесных концессий ссылались на непроизводительные затраты, налагаемые на них коллективными договорами, прописанными законодательством. Концессионер обязан был

¹¹ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 377. Л. 169–170.

финансировать организацию профсоюзной и культурной работы, и это касалось не только заводских рабочих.

Работавшие на заготовке и сплаве леса крестьяне неоднократно поднимали вопрос о создании для них профсоюзной организации. Со стороны партийных и советских органов это встречало сопротивление: крестьян подозревали в «ревности» к рабочему классу, ссылались на наличие «крестьянских обществ взаимопомощи», которые обладали правом распределять оплачиваемую работу среди бедняков, а также оказывать им материальную поддержку. Но пришлось пойти крестьянам навстречу: лесорубов и сплавщиков на время их сезонной работы принимали в профсоюз «работников сельского и лесного хозяйства» («Всеработземлес»), созданный для батраков и рабочих земельных и лесных учреждений (лесорубы и сплавщики по своему материальному положению к таковым не относились). Как результат, отношения работодателя и наемных работников основывались на коллективных договорах, на различного рода соглашениях и трудовых договорах, посредниками при заключении которых выступали профсоюзные организации.

Согласно «генеральному соглашению», в пользу профсоюза происходило отчисление 2 % со всех сумм заработка: 1,5 % на содержание местных профсоюзных органов, 0,5 % на культурную работу, которые выдавались профсоюзам авансом, с началом заготовок. Так, от «Руснорвеголеса» требовалось «вносить авансом 1000 рублей в <Каргопольское> уездное отделение» профсоюза¹². Вряд ли рабочие – лесорубы и сплавщики – действительно могли получить «культурную» во время работы в лесу и на сплаве. Партийными комиссиями неоднократно обращалось внимание на излишнее количество функционеров в отчетах профсоюзных организаций сезонных рабочих¹³.

Несмотря на жесткость формальных требований коллективных и трудовых договоров, настроение занятого на лесозаготовках крестьянства, судя по информационным сводкам ГПУ, было «подавленно-недовольное» низкими заработками, а также «сдачей подрядов кулакам, бывшим подрядчикам, которые собирают в артели своих людей»¹⁴. Как на самом деле выполнялись требования трудовых договоров в отдаленных уездах и волостях, судить можно по жалобам крестьянских делегатов на партийных и советских конференциях. При этом официальные отчеты показывали, что требуемый от концессионеров

¹² ГАВО. Ф. р-9923. Оп. 9. Д. 99. Л. 4.

¹³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. п-3. Оп. 2. Д. 59. Л. 45.

¹⁴ ГАОО. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1018. Л. 10.

минимум трудовых прав соблюдался. Впрочем, в Никольском уезде Вологодской губернии, лесничества которого были переданы в эксплуатацию другой лесной концессии («Русанглолес»), партийная комиссия выявила факты подкупа местных властей. В результате, инспектор по труду, например, отчитывался о соблюдении прав рабочих со слов концессионеров, даже не посещая лесозаготовок¹⁵. Можно предположить, что подобное происходило и на других переданных концессионерам территориях.

«Руснорвеголес» обязывался привлекать к работам ежедневно около 5 тыс. рабочих с 2900 лошадьми. Заработная плата лесоруба и возчика с лошадью (это была трудовая единица; в качестве возчиков приходилось брать в лес женщин и подростков, что, собственно, уже было нарушением трудового законодательства) составляла 5,50–3,70 руб. в день. «Руснорвеголес» согласился привлекать только «организованных» рабочих (членов артелей), а также предоставлять работу через комитеты крестьянской взаимопомощи, которые распределяли работу среди способных ее выполнить в обмен на взносы, шедшие на поддержку бедноты. Опасаясь ссориться с местными властями, концессионеры на это шли, хотя договариваться напрямую с «крепкими хозяевами», с которыми имели дело еще до революции, было привычнее и надежнее. Во всяком случае, в источниках, включающих не только официальные отчеты, но и доносы с мест и выступления на крестьянских конференциях, сведений о нарушениях правил вербовки рабочей силы со стороны норвежских концессионеров не обнаружено.

Согласно подписанным «Руснорвеголесом» с Центральным комитетом профсоюза коллективным договорам на лесозаготовительные работы, заключенным с Каргопольским уездным отделением профсоюза соглашений и трудовым договорам с отдельными лесорубочными артелями¹⁶, рабочие должны были без дополнительной платы расчищать катища и проводить прочистку лесовозных дорог, строить лесные избышки для ночевки. Подрядчик обеспечивал их продуктами питания, спецодеждой и обувью, орудиями труда (в счет аванса за будущий заработок) и необходимыми материалами.

Сплавщикам выплачивалось от 85 коп. до 1,35 руб. в день, в зависимости от квалификации. В отличие от лесорубов, которые, как предполагалось, будут работать недалеко от своего дома (многие даже ночевали дома или брали раз в неделю банный день), сплавщики отправлялись в далекий и опасный путь на несколько недель, и «Руснорвеголес» нанимал их на условии «готового довольствия: 3,5 фунта

¹⁵ ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253.

¹⁶ ГАВО. Р-9923. Оп. 9. Д. 163. Л. 1, 2, 4–7, 46–87; Д. 99. Л. 1–3.

хлеба, 3/4 фунта мяса или 1,25 фунта рыбы, крупы 36 золотников¹⁷, масла 6 золотников, соли 3 золотника в день на каждого».

Каждый рабочий оформлялся по расчетной книжке и на основании письменного трудового договора, в котором досконально прописывалось его задание на определенный срок. В коллективном договоре оговаривались формы и способы вербовки рабочих. Концессионер обязан был принимать исключительно жителей района проведения работ, что создавало немалые сложности из-за недостатка на местах рабочей силы. Так, в 1926 г. по многим лесорайонам прокатилась такая форма протеста рабочих, как отказ от вербовки. Началась конкуренция между различными лесозаготовительными организациями, и таким образом рабочим удалось добиться более выгодных условий найма. Отмечалось, что «зарплата местами доходит до 10 руб. в день», и даже происходит «выдача вина рабочим за счет организации»¹⁸.

Предъявлять свои условия работы и оплаты труда крестьяне могли и на основании некоторых пунктов трудового договора: «В случае несоответствия фактических условий работы с обусловленными в договоре, заключенном на месте вербовки, коллектив рабочих может требовать изменения условий договора или расторжения его, при чем при расторжении хозорган обязан оплатить обратную дорогу и выплатить за каждый потраченный день»¹⁹. Впрочем, оговаривалось, что при отказе артели или отдельных ее членов от работы «без уважительной причины» компенсация не полагалась.

Оговаривалось также, что сезонные рабочие не получают при увольнении по истечении срока договора выходное пособие. Невыплата денег на обратную дорогу при отказе от работы и выходного пособия при увольнении, как у других категорий рабочих, были основными поводами для трудовых споров между концессионерами и сезонными работниками. Народный суд при этом не всегда вставал на сторону рабочих. Знакомство с документами показывает, что, действительно, работники нередко нарушали данные обязательства, требуя при этом различные неустойки, что судом могло рассматриваться как «нетрудовое обогащение»²⁰.

Важным достижением революционного времени была социальная защита рабочих. «Руснорвеголес» обязался оснащать лесоучастки передвижными аптечками, заключать договоры с уездными хирургами и фельдшерами местных медицинских участков для оказания неотложной помощи рабочим. Заболевших или травмированных доставляли за

¹⁷ Фунт составлял 453 гр, золотник – 4,3 гр.

¹⁸ НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5–7, 44.

¹⁹ ГАВО. Р-9923. Оп. 9. Д. 99. Л. 1–3.

²⁰ ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 86, 319–320, 329–371 и др.

счет концессионера в ближайшее медицинское учреждение и оплачивали лечение. Материальная помощь в случае травмы предоставлялась по 75 коп. в день (примерно половина дневного заработка), но не более месяца. Под давлением профсоюзов пособие было увеличено до 1,25 руб. в день. Заболевшие пособия не получали, они обеспечивались только бесплатной медицинской помощью в течение месяца.

В случае увечья или смерти рабочего «Руснорвеголеса» выплачивал за увечье одновременно (после месяца лечения) 20 руб. В случае смерти семья получала 50 руб., при этом оговаривалось: «если не договорятся о другом»²¹. С лошадьми была особая проблема. Деньги на их замену лесорубам не выдавались. Объяснялось это тем, что в договорах говорится о материальной помощи при несчастном случае с людьми, а не с лошадьми. После долгих переговоров было решено рассматривать пострадавшую лошадь как «амортизацию имущества», и выплачивалась примерно половина ее стоимости.

В Каргопольском уезде в течение лесозаготовительного сезона 1925 г. (два зимних месяца) произошел 31 несчастный случай с людьми и 14 с лошадьми. Один человек погиб, двое получили тяжелые увечья. Выполнение социальных обязательств в этом отношении не были обременительны в отличие от вопросов, связанных с заработной платой и профсоюзными отчислениями.

Профсоюзы как могли защищали интересы рабочих-лесорубов и сплавщиков, обращая внимание различных органов власти на то, что концессионер выполняет только те статьи коллективного договора, которые «в интересах нанимателя», категорически отказываясь идти навстречу требованиям рабочих. В своей объяснительной записке представитель Каргопольского отделения профсоюза пишет, что у «Руснорвеголеса» «свои хозяйственные расчеты, их выгоды договором учтены, а возчик, работающий по 14 часов за мизерную плату, их не тревожит»²². Представитель концессионера в Каргополе и Вологде отказывался уплачивать расходы на профсоюз, заявляя (как указывалось в письме Вологодского обкома профсоюза): «Вы все равно ничего не сделаете, не посмеете — в виду важности заготовки топлива и леса для экспорта». По словам члена профсоюза, у «Руснорвеголеса» «творится произвол с рабочими... договоры дорабатываются самими <концессионерами> и являются кабальными... Руснорвеголес в Каргопольском районе монопольный хозяин, рабочим деваться некуда, поэтому и навязывают свои условия»²³.

²¹ ГАВО. Р-9923. Оп. 9. Д. 99. Л. 4.

²² Там же. Л. 28.

²³ Там же. Л. 35.

Итак, экономические успехи концессионеров оказались хуже ожидаемых. Их взаимоотношения с наемными работниками на основе советского трудового законодательства продемонстрировали изъяны такой формы найма для задач социалистического строительства. К концу 1920-х гг. иностранные акционеры были вынуждены продать свои акции «Северолесу», после чего началась новая страница истории лесопромышленности в Северном крае.

Список литературы

1. *Абрахамсен Э.* Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России. Архангельск, 2016.
2. *Болгова О.Н.* Материалы о состоянии лесного дела в Архангельской губернии на страницах «Лесного журнала» (1833–1918 гг.) // Лесной журнал. 2013. № 5. С. 21–28.
3. *Германович Л.* Нужды внутреннего рыболовства // Красная Карелия. 1923. 16 нояб.
4. *Данильченко С.Л.* Концессии в экономике нэповской России. М., 2011.
5. Леса Севера и их главнейшие нужды. К XII Всероссийскому съезду лесовладельцев и лесохозяев, с участием лесозаводчиков и лесопромышленников, в г. Архангельске, 15–25 июля 1912 г. СПб., 1912.
6. *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты // Вестник РУДН. Сер. История России. 2023. Т. 22, № 2. С. 316–329.
7. *Трошина Т.И.* Трудовые отношения и конфликты на концессионных предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии в 1920-е годы // Вестник САФУ. 2023. Т. 23, № 4. С. 15–26.
8. *Щекотов И.П.* Проект наивыгоднейшей эксплуатации лесов севера России. СПб., 1884.

Кенозерский сказитель былин Кропачев-Лядков

Филиппова Илона Викторовна — краевед, генеалог-исследователь; ilonaf1973@gmail.com

В статье подробно описывается жизненный и творческий путь Ивана Михайловича Кропачева — сказителя былин, о мастерстве которого ходили легенды. Представлен анализ архивных документов, осуществленный с опорой на исторические источники и сохранившиеся воспоминания его односельчан о сказителе.

Ключевые слова: Кенозерье, И.М. Кропачев, фольклор, песни, народные былины.

Первые записи былин появились в XVII столетии и представляли собой не научную фиксацию фольклорной традиции, а развлекательное чтение. Открытие, превратившее Русский Север в «Исландию русского эпоса», произошло в результате деятельности российских властей по выявлению политически неблагонадежных элементов, одним из которых оказался Павел Николаевич Рыбников.

Павел Николаевич Рыбников (1831–1885), филолог, выпускник Московского университета, был арестован в Черниговской губернии, где изучал культуру старообрядцев. После этого в 1859 г. Павел Николаевич был выслан в Петрозаводск. Образованный молодой человек стал чиновником губернской канцелярии. Служебные командировки Рыбников совмещал с этнографическим изучением северного края. От своего первого информанта фольклорист узнал о других сказителях [12].

Одному из сказителей по фамилии Кропачев, больше известному под деревенской фамилией Лядков, с которым встречались П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг, и посвящена данная статья. Информации о Кропачеве очень мало, в основном, это метрические книги и ревизии, а также публикации, в которых отражены немногие биографические данные и репертуар Ивана Михайловича. Это первые две части издания «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Народные былины, старины и побывальщины», опубликованные 1861 и 1862 гг.; извлечение из писем П.Н. Рыбникова И.И. Срезневскому по поводу издания его сборника (Срезневский писал рецензию к первому тому «Песен, собранных П.Н. Рыбниковым»), которые были опубликованы во второй части в 1862 г.; «Заметки собирателя», опубликованные в третьем томе сборника Рыбникова в 1864 г.; и Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г.

Сначала хотелось бы познакомить читателей с биографией Ивана Кропачева. Что это за человек? Как он жил?

Задумывались ли Вы когда-нибудь над тем, сколько тайн скрывается в жизни ваших предков? И что мы вообще про них знаем? Мой интерес к персоне этого сказителя былин вызван тем, что он является моим прямым предком. Именно поэтому информация об этом роде тщательно собиралась мною в течение нескольких лет.

Крестьяне с фамилией Кропачевы проживали в Кенозерской волости в д. Мамонов Остров предположительно с середины XVII в. (это первые сохранившиеся документы), а возможно и ранее жили там. Впервые фамилия была зафиксирована в переписи 1718 г.¹, а чуть позже встречается и в ревизии 1745 г.², в которой записан прадед сказителя былин Кропачева – Алексей Михайлов сын Кропачев. И потом, уже только в XIX столетии, можно встретить эту фамилию в ревизии 1834 г.³, когда все крестьяне Кенозерья стали ее указывать.

У Алексея Михайлова было трое детей: старший сын Федор, который является продолжателем рода Кропачевых, дочь Дарья, которая была не замужем и сын Иван, который умер в отрочестве.

У Федора Алексеева было пятеро детей: два сына и три дочери. Старший сын, Михаило, родился в 1768/1769 г. (по ревизии 1782 г.⁴ ему было 14 лет), и он являлся отцом сказителя былин Кропачева-Лядкова. Второй сын Семен был переведен в Петербургское мещанство в 1811 г.⁵ Две дочери были выданы замуж в этой же Кенозерской волости, третья дочь Евфимия была незамужней, проживала в доме с братом Михаилом. Именно благодаря ей и научился грамоте сын Михаила.

Михаило Федоров женился еще до 1795 г., о чем в ревизии этого же года имеется запись: «у Михайла Федорова жена Агафья Осипова 26 лет взята Пудожского уезда Кенозерской волости деревни Немятой у Осипа Иванова»⁶. Саму метрическую запись о браке не удалось найти. В 1798 г.⁷ у молодой семьи родился первенец, сын Максим, который умер в младенчестве, поэтому ни в одну ревизию не попал.

Итак, 19 мая 1809 г. в семье крестьянина д. Мамоновой Михайла Федорова Кропачева и его законной жены Агафьи Осиповой родился

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 169. Л. 499.

² Там же. Оп. 2. Д. 1272. Л. 951 об.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 4. Оп. 18. Д. 484. Л. 2 об. – 3.

⁴ Там же. Д. 29. Л. 129.

⁵ Там же. Д. 288. Л. 1 об.

⁶ Там же. Д. 152. Л. 2 об.

⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 25. Д. 6. Л. 227 об.

второй сын. Крещен он был 22 мая 1809 г. именем Михаило⁸ в Кенозерском приходе священником Василием Федоровым. Однако уже по ревизии 1811 г.⁹ этот ребенок оказался записан под именем Иван. Под этим именем он и станет известен в последствии как сказитель былин. Причину такой путаницы с именами пришлось тщательно исследовать. Изначально было предположение, что при записи в метрическую книгу перепутали имена, т.к. в этот же день был крещен еще один младенец из д. Ряпусовой, нареченный именем Иван¹⁰, но при просмотре ревизии 1811 г. данная версия не подтвердилась. Более того, этот младенец, нареченный именем Иван, оказался в ревизии 1811 г.¹¹ записан под именем Федор. И, видимо, этот случай не единственный.

Итак, почему младенцу поменяли имя? Существует несколько версий. Первая: имя, которое дается при крещении, нельзя никому говорить. Это бережет ребенка от глаза и порчи, и зачастую родители отдают предпочтение имени, данному при рождении, или, как еще говорили, «домашнему» имени. Вторая версия: имя, данное при крещении, не нравилось родителям и не совпадало с тем именем, которое родители давали ребенку при рождении, в честь святого, который особенно почитается этой семьей. Третья версия: был обычай изменения имени в случае тяжелой болезни, имя изменяли для того, чтобы от этой болезни избавиться. Какова была на самом деле причина изменения имени у сына Михаила, остается только догадываться.

Больше детей в этой семье не было. Таким образом, Иван Михайлович был единственным ребенком в семье. Его отцу на момент рождения сына исполнилось 40 лет, а матери — 36. Почему в семье больше не было детей, неизвестно, и это очень странно, т.к. в то время в семье было обычно по 7–10 детей. Так и рос Иван один, без сестер и братьев. Возможно, он был любимым сыном в семье, но баловали детей в крестьянских семьях редко. Как гласит народная мудрость, учить дитя нужно, пока оно поперек лавки лежит, дальше поздно будет. Лет до семи, как и все крестьянские дети того времени, он играл в игрушки, бегал по деревне за бабочками и играл с соседскими детишками в догонялки. Длинными зимними вечерами отец рассказывал былины, которых знал очень много. Иван внимательно слушал рассказы отца. Чуть позже, когда он подрос, его, как и всех мальчишек его возраста, обучали плести корзины, короба и лапти, наставляли, как ухаживать за скотиной, помогать в поле и многому другому, что должны были уметь делать крестьянские дети.

⁸ Там же. Оп. 26. Д. 8. Л. 183 об.

⁹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 288. Л. 1 об.

¹⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 8. Л. 183 об.

¹¹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 288. Л. 7 об.

Отец Михайло Федоров занимался торговлей, мать — хозяйством, помогала в семье родная сестра Михаила, монастырка Евфимия. Родители Ивана уже были в преклонном возрасте. Возможно по этой причине в 1825 г.¹², когда ему исполнилось 16 лет, он привел в дом жену, в помощь родителям. Жена Анна была старше его на 5 лет. Родители Ивана Кропачева дожили до старости: отец умер в 1842 г.¹³ и записан в метрической книге под деревенской фамилией, а мать — в 1845 г.¹⁴

У Ивана Михайловича в браке с Анной Васильевной (урожденная Ножкина из д. Мамоновой) родилось семеро детей: три дочери и четыре сына — Степан и три Василия. Занимались крестьянством, растили детей, слушали былины деда Михаила (старшие дети еще успели застать это время). Жили, как все крестьяне, не богато, но и не бедно. Со временем дочери повыходили замуж и покинули родительский дом, но все равно семья у Ивана Михайлова была большая, сыновья остались при отце, помогали с хозяйством. Видимо, поэтому он решил заняться торговлей. Как написал А.Ф. Гильфердинг: «В продолжение 9 лет (в конце 1850-х и в 1860-х гг. — *И. Ф.*) Лядков был целовальником...» [7, стб. 1167].

Жена Анна умерла в мае 1869 г.¹⁵, а уже в июле он в возрасте 57 лет вступил в брак во второй раз¹⁶. Вторая жена Ивана Михайловича, Мавра Григорьевна Юрьева, была родом из д. Тырышкино. Поручителем при венчании был его родной сын Степан.

В ноябре 1869 г. случилась беда — сгорел дом. Об этом пожаре написано и у А.Ф. Гильфердинга в биографической справке сказителя: «Развязавшись с должностью целовальника, Лядков занялся опять крестьянством, но, разоренный недавно пожаром, живет очень бедно» [7, стб. 1167]. Благодаря этой информации, удалось найти в газете за январь 1870 г. сообщение о пожаре [4]. Но в заметке приведены неверные данные, указан Повенецкий уезд, вместо Каргопольского. В Повенецком уезде не было д. Мамоновой и Ряпусовского общества. Видимо, ошибка возникла при передаче информации в газету. На деле, дом сгорел у Кропачева из Кенозерья, со всем имуществом и постройками. Ущерб составил 150 рублей. Именно для таких случаев было введено страхование.

Удалось найти документ земской управы о страховании строений на 1869 г. по Пудожскому уезду в Кенозерской волости. У Ивана Кро-

¹² НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 23. Л. 224.

¹³ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. Оп. 9. Д. 50. Л. 1149 об.

¹⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 35. Л. 980 об.

¹⁵ Там же. Д. 73. Л. 905.

¹⁶ Там же. Л. 883 об.

пачева был застрахован дом со двором, оцененные при страховании в 50 рублей. Дом был застрахован на 25 рублей, и ежегодно надо было уплачивать страховую сумму в 25 копеек. Также было застраховано два амбара, оцененные в 10 рублей, и за них ежегодно надо было уплачивать страховую сумму в 10 копеек¹⁷. Возможно, семья Кропачевых сумела получить страховку за сгоревший дом и хозяйственные постройки, и позже был выстроен новый дом в два этажа. После пожара, который практически разорил семью, членам ее пришлось заняться крестьянством, т.к. надо было на что-то жить. Из документа 1917 г.¹⁸ известно, что семья владела землей 40 лет, значит примерно в 1877 г. они взяли в аренду участок земли, который и обрабатывали все вместе. Дальнейшая жизнь их в самом начале XX в. почти ничем не отличалась от жизни российских крестьян конца XIX в.: так же пахали землю, сеяли и собирали урожай, закладывая его на хранение; ухаживали за животными – лошадьми, коровами, овцами и козами; ловили рыбу и охотились; заготавливали на зиму сено и дрова. Много времени уходило на работы по дому.

Так какова же была жизнь простого крестьянина, помимо основной работы в поле? Жители деревни, где проживал Кропачев, как и многие крестьяне Кенозерья, участвовали во всех значимых волостных и деревенских событиях.

Удалось установить, что Иван Михайлович принимал участие в проведении ревизии в 1858 г. и был старшиной Ряпусовского сельского общества. Имена старост указывались в ревизской сказке: они ставили свои подписи, подтверждая достоверность написанного. Из этого документа на память потомкам осталась подпись Кропачева, им собственноручно поставленная¹⁹.

В 1862 г. один из его сыновей (Василий 1-й) был утвержден на должность сотского при волости: «По постановлениям Губернского Правления, в должности сотских и к ним кандидатов на наступающее с 1862 по 1865 г. трехлетие утверждены 18 июня: по Вершининской волости Каргопольского уезда 1-м сотским крестьянин д. Мамоновой Василий Иванов Кропачев» [16].

В 1880 г., когда крестьяне подавали прошение на постройку церкви в д. Ряпусовой, Иван Кропачев был выбран доверенным от крестьян Ряпусовского общества для доставки данного прошения в Олонецкую духовную консисторию²⁰.

¹⁷ НАРК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 38. Л. 131.

¹⁸ НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 600. Л. 38.

¹⁹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 798. Л. 211 об.

²⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 2153. Л. 21.

Хотелось бы более подробно изучить биографию Ивана Михайловича, но, к сожалению, жизнь крестьян XIX в. мало отражена в архивах, документов о них практически не было. Единственным источником того времени послужили данные, которые записал Александр Федорович Гильфердинг, когда собирал былины у сказителей. Вот, как он описал И.М. Кропачева и его жизнь: «Иван Кропачев, более известный по прозвищу Лядков, крестьянин деревни Мамонова на Кенозере, грамотный, 65 лет, высокий сгорбленный старик с сильною проседью. Заимствовал былины от своего отца, крестьянина-торговца, который знал очень много “старин” и превосходно их пел; но от кого и где отец им научился, этого Лядков не знает, потому что помнит отца только стариком. Когда он родился, отцу было 50 лет, умер же он в глубокой старости лет 25 тому назад. Сам позабыл многое из того, что он прежде знал от отца, особенно с тех пор, как научился грамоте от тетки-монастырки (это было лет 15 тому назад) и предался чтению церковных книг. Он прочел всю Библию, Четью-Минею, Пролог, Златую Цель, Маргарит и др.» [7, стб. 1167].

В заметках Гильфердинга Кропачев фигурирует под прозвищем Лядков, это своего рода уличная фамилия. Эти фамилии весьма многочисленны в Кенозерье. Внутри деревни зачастую все жители носили одну фамилию, и в связи с необходимостью внутридеревенского различения по роду давалось еще и прозвище. Чаще всего это прозвище происходило «по деду» или по характеристике деятельности одного из предков.

В д. Мамоновой проживало пять семей с фамилией Кропачевы, семья Ивана Михайловича имела деревенскую фамилию Летковы, а не Лядковы, как представляется во всех публикациях.

Уличная фамилия была очень распространена в деревнях, иногда даже в метрических книгах крестьян записывали под этой фамилией. Фамилию Летковых я увидела в метрических книгах четыре раза. В 1841 г.²¹ при рождении сына Василия отцом записан Иван Михайлов Летков, а приемником – его сын Степан Иванов Летков. В 1842 г.²² записано, что умер Михайло Федоров Летков. И дважды фамилия фигурирует в 1876 г.: что дочь Степана Иванова выходила замуж под этой фамилией²³ и что умерла дочь Василия 1-го, записанная в метрической книге под этой фамилией²⁴.

²¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 32. Л. 790 об.

²² ГАВО. Ф. 496. Оп. 9. Д. 50. Л. 1149.

²³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 15. Д. 10. Л. 51 об.

²⁴ Там же. Л. 62 об.

Даже в настоящее время уличные фамилии остаются распространенными в деревнях. Примером этому может послужить фраза, сказанная одной жительницей д. Матеры, когда мою бабушку выдавали замуж: «Сашка Сайдин за Машкой Летковой приехал и забрал ее к себе»²⁵. Так говорили местные жители в 1946 г.

Почему Гильфердинг записал Ивана Леткова под фамилией Лядков уже не выяснить. Возможно, плохо расслышал фамилию, а может, на то была какая-то другая причина. Есть и другой вариант – Гильфердинг записал правильно, а в метрических книгах есть ошибка. Рыбников вообще записал Ивана без фамилии, указав просто – целовальник с Кенозера, и на то были причины, как он пояснил это в письме Петру Алексеевичу Безсонову: «Не всегда я выставлял имя крестьянина, от которого записывал: да иногда забывал это сделать, а иногда опасался спросить крестьянина, чтобы он не перестал петь» [14, с. V].

Не менее загадочной остается и дата смерти Ивана Михайловича. Все дело в том, что запись о его смерти так и не найдена. Достоверно было известно только то, что в 1880 г. в марте он был еще жив. На основании этих данных в Государственный архив Архангельской области в 2019 г. был послан запрос о поиске в метрических книгах записи о смерти Ивана Михайлова Кропачева, даже указан был тот факт, что этот человек может быть записан под фамилией Летков (Лядков). В результате архивом дважды были просмотрены записи за период с 1879 по 1907 г., и ответ был отрицательный – сведений о смерти Ивана Михайлова не обнаружено. Пришлось отложить на время поиски данной метрической записи.

Уже в 2022 г. изыскания немного сузились во временном отрезке. Была найдена метрическая запись о смерти второй жены Кропачева в 1881 г.²⁶, в которой она записана, как вдова. Значит Иван Михайлович умер в промежуток между мартом 1880 г. и мартом 1881 г. Возможно, что он отправился по делам в другой уезд или же в гости в соседнюю волость и по дороге умер. Нельзя исключать и такую банальную причину, как человеческий фактор. Записи в метрических книгах велись в двух экземплярах, один из которых передавался в консисторию (консисторский экземпляр), другой хранился в церкви (черновик). Вполне возможно, что при переписывании с черновика в чистовик запись пропустили, потеряли. Такое случалось.

В начале июня 2023 г. Государственный архив Архангельской области открыл удаленный доступ, что дает возможность отыскать еще

²⁵ Воспоминание местной жительницы Власовой (Артемьевой) Марии Андреевны, 1940 г. р, д. Матера, которая рассказала эту информацию по телефону автору данной статьи.

²⁶ Там же. Оп. 39. Д. 63. Л. 98 об.

некоторое количество информации. Впереди большая работа по поиску места смерти легендарного сказителя. Надеюсь все же найти эти данные, т.к. он единственный из рода Кропачевых (Летковых), чья дата окончания жизненного пути до сих пор не выяснена.

Заканчивая рассказ о биографии И.М. Кропачева, хотелось бы сказать еще пару слов о его потомках. Как уже говорилось ранее, дочери его вышли замуж в этой же Кенозерской волости. Все три Василия имели семью, детей. Хотя Василий 2-й и был отдан в рекруты в 1863 г.²⁷, позже вернулся домой, женился и жил семейной жизнью, как и его братья. Удалось установить, что еще до 1917 г. они проживали в деревне. Однако перед Великой Отечественной войной в деревне остался проживать только потомок сына Степана – Александр Григорьевич, который является моим прадедом.

Перейдем к рассказу о творческой составляющей жизни Кропачева-Лядкова. Впервые его былины записал Павел Николаевич Рыбников в 1860 г. Иван Михайлович был единственным кенозерцем (не считая Богданова, от которого он пытался записать былины), с кем ему посчастливилось встретиться на обратном пути, да и то потому, что тот в это время возвращался из Каргополя. Павел Николаевич встретился с Кропачевым в Тихвиноборском погосте, на почтовой станции. Вот, как описывает эту встречу фольклорист в своей «Заметке собирателя», которая была опубликована в 1864 г. в третьей части сборника «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым»: «Подвигаясь к Каргополю, на одной станции в Полуборском погосте, я разговорился о любимом предмете с проезжим; он оказался целовальником с Кенозера и подтвердил мне, что в их стороне много сказителей. От него я услышал песню о Горе, былинку о Кострюке и отрывок отличнейшего пересказа о Дюке. Он же отыскал мне крестьянина, который спел вариант о Чуриле» [15, с. XXXV]. В 1-й части книги Полуборский погост по ошибке назван Тихвиноборским.

Чуть позже, в 1862 г. в письме Измаилу Ивановичу Срезневскому от 5 октября 1862 г., Рыбников писал про напевы былин сказителей и вот как он описал услышанное от Кропачева: «Заметил я еще один прием у Кенозерского певца (II т., № 27, стр. 135): напев Дюка Степановича подходит к подблюдному (например, скачет груздочек по ельничку); но на третьем от конца слоге (на ante penultima) делается особого рода цезура, голос возвышается и протягивается, а последние 2 слога соединяются с следующим стихом» [13, с. 261–262].

В былине «О Дюке Степановиче» главный герой [14, с. 135] – индийский богатырь, герой киевского былинного цикла. По сюжету и со-

²⁷ НАРК. Ф. 37. Оп. 56. Д. 209. Л. 91 об. – 92.

держанию эта былина – одна из самых оригинальных русских былин, отразившая черты реального быта Руси как XII, так и XVII в.

Вторая былина, записанная от Кропачева, «О горюшке» [11, с. 470], рассказывает о судьбе доброго молодца, который терпит лишения и невзгоды и, преследуемый Горем, погибает.

Третья былина – «Кастрюк» [14, с. 221]. Согласно сюжету, Кастрюк, брат Марьи Темрюковны, невесты Ивана Грозного, на свадебном пиру вызывает на поединок кого-то из русских богатырей, намереваясь посрамить Москву, но терпит позорное фиаско. Данный персонаж является популярнейшей фигурой народной исторической песни-былины XVI в.

Здесь стоит отметить, что былина о Кастрюке, данная Лядковым обоим собирателям, представляет два несхожих текста – обстоятельство, не раз отмеченное при изучении былин других сказителей (Рябинина, Сарафонова, Трофима Романова) [5]. В варианте былины, которую Кропачев рассказал Гильфердингу, развязка звучит так: «...Да Дунай, Дунай да Лядков боле петь не знай» [7, стб. 1191]. Лядков был единственным, кроме Кириши Данилова, певцом, который ввел в былинную свою деревенское прозвище. Однако «личный почин» Кропачева проявлялся во второстепенных деталях повествования и не затрагивал сюжетообразующих элементов [6].

Однако в 1910 г. при переиздании сборника песен Рыбникова [5] под редакцией и с предисловием Алексея Евгеньевича Грузинского за Лядковым числятся уже четыре текста. «Четвертая песня – “О добром молодце неудачливом и речке Смородинке”, она обозначена у Рыбникова так: *Кенозеро; записано проездом от крестьянина*. Принадлежность ее Лядкову устанавливается совпадением с Гильфердинговской записью этой песни от того же Лядкова (“Молодец и река Смородина”, № 262)» [11, с. 457]. Это довольно редкая историческая песня, возникшая, как считают исследователи, не раньше XVII в. В центре повествования – судьба доброго молодца, который уезжает от нелюбимой жены. Песня осуждает хвастовство героя: насмешливо отозвавшись о р. Смородина, он погибает [8, с. 329]. Данная былина была опубликована в газете «Олонецкие губернские ведомости» и была доставлена туда самим Рыбниковым [1].

Вторым собирателем былин в Кенозерье был Гильфердинг. Посетив эти места спустя 10 лет после экспедиции Рыбникова, он отметил явное угасание былинных традиций в Заонежье, и только на Кенозере они продолжали процветать. Свобода и глушь – так объяснял собиратель это обстоятельство. В его сборник «Онежские былины» 1873 г. вошли 83 былины из Кенозерья, 11 из которых он записал от Кропачева [3]. Перечислим былины Кропачева-Лядкова и кратко охарактеризуем их содержание.

1. «Волга и Щелкан» — редкая историческая песня о событиях, связанных с тверским восстанием 1327 г. против татарского баскака Щелкана.

2. «Микула Селянинович и Иван Гоудинович» — былина, которая повествует о встрече Ивана Гоудиновича с чудесным пахарем, крестьянином Микулой Селяниновичем, превзошедшим его в «хитростях-мудростях».

3. «Женитьба Ивана Гоудиновича» — былина довольно раннего происхождения. Она содержит известный сюжет о сватовстве. В публикуемом варианте Иван едет за невестой один, берет ее силой и по пути в Киев сражается с царем Кошегом. Трагическая развязка былины подчеркивает отрицательное отношение к поступкам невесты.

4. «Илья Муромец и голи кабацкие» — в варианте Кропачева «чумаки-целовальники» не только отказываются угостить Илью Муромца вином, но и клеветают на него князю Владимиру. Оскорбленный Илья устраивает свой пир, на который созывает голю кабацкую. В конце былины происходит примирение Ильи с Владимиром.

5. «Василий Игнатьевич и Батыга» — былина позднего происхождения. По мнению некоторых исследователей, в ней нашло отражение конкретное историческое событие — нашествие хана Тохтамыша на Москву в 1382 г. (см., например, [2]).

6. «Василий Буслаевич» — былина о борьбе Василия Буслаева с новгородцами и его паломничестве в Иерусалим. В былине Буслаев едет в Иерусалим замаливать свои грехи. Однако во время поездки он совершает ряд кощунственных поступков и погибает.

7. «Авдотья Рязаночка» — очень редкая историческая песня, навеянная воспоминаниями о взятии и разорении Рязани Батыем в 1237 г. В публикуемом варианте речь идет о разорении Казани турецким королем Бахметом, что является, по мнению исследователей, позднейшим переосмыслением песни (см., например, [10]).

8–9. Былины «Кастрюк», «Молодец и река Смородина» описаны выше, так как их записывал еще ранее Рыбников.

10. «Молодец и королева» — социально-бытовая былина-баллада. Герой ее — неудачливый добрый молодец, которого губит похвальба. В публикуемом варианте молодец возвращается в свою семью.

11. «Птицы» — сатирическая былина, являющая собой картину социального беспорядка крестьян и самоуправства властей.

В биографической справке о сказителе, Гильфердинг дал краткое описание его исполнительской манеры: «Былины поет не совсем приятным, хриплым голосом, но всегда складно» [7, стб. 1167].

В 1927–1928 гг. по следам Рыбникова и Гильфердинга была организована экспедиция Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых, которые приехали в Кенозеро в 1927 г. Былины, записан-

ные братьями были опубликованы только в 1948 г. под названием «Летопись. Книга 13. Онежские былины». Биографические заметки о сказителях Пудоги и Кижей написаны Юрием Соколовым; справки о сказителях Кенозерья, Водлозерья, Рагнозерья даны Владимиром Ивановичем Чичеровым, который тоже принимал участие в этой экспедиции, будучи учеником братьев Соколовых. Они записали многих сказителей, но потомков Кропачева-Лядкова среди них нет.

В предисловии от редакции можно найти только одно упоминание о Кропачеве: «“Школы” Кенозера тогда только формировались, выделяясь из общей традиции, как результат творчества наиболее выдающихся мастеров. Такими мастерами, помимо Поромского (и группы сказителей, певших общие с ним изводы былин), были сказители Гусев и Иван Михайлов Кропачев, более известный по прозвищу Лядков, крестьянин дер. Мамонова. Однако, по материалам кенозерской экспедиции Б. и Ю. Соколовых, традиционными стали по преимуществу изводы Поромского. Былины, перенятые от Гусева и Кропачева, сохранялись в одиночных записях. Из 11 былин Кропачева только одна, “Женитьба Ивана Гоудиновича”, сохранилась в памяти односельчанки Кропачева Акулины Ножкиной» [9, с. 838]. Второе упоминание о Кропачеве в этом сборнике былин есть в справке сказителя Луки Андреевича Артемьева из д. Телицино. Когда-то он был соседом Поромского (Ивана Павловича Сивцева). По словам Луки Андреевича, Федор Тимофеевич и Иван Андреевич Сивцевы хорошие сказители, «но супротив Поромского и Кропачева из дер. Мамоновой никого нет!» [9, с. 793]. Таким образом о Кропачеве остались только эти два упоминания в памяти кенозерских жителей. Одна помнила его былину, второй сказал о нем доброе слово.

Вот такая жизнь была у сказителя былин Ивана Михайлова Кропачева! Одни загадки: при крещении получил одно имя, жил потом под другим; имел деревенскую фамилию Летков, а в литературе известен под фамилией Лядков; даже дата его смерти остается пока тайной. Но чем больше загадок, тем больше стремления найти их разгадки. Современная жизнь не стоит на месте, появляются новые технологии, новые возможности поиска информации, и я надеюсь, что мне все же удастся восстановить полную картину жизни и творческого пути моего предка.

Список литературы

1. Былина «О добром молодце неудачливом и речке Смородинке» // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 39. С. 6.
2. *Власова З.И.* Скоморохи и фольклор. СПб., 2001.
3. *Грицук В.* Былинное Кенозерье // Вокруг света. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/332/> (дата обращения: 10.06.2023).

-
-
4. Дневник происшествий по губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1870. № 3. С. 7.
 5. Лядков // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. Т. 2 / под ред. А.Е. Грузинского. М., 1910. С. 565.
 6. *Новиков Ю.А.* Соотношение традиционного и коллективного начал в художественном мире сказителей былин // Музей «Кизи». URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1581.html> (дата обращения: 10.06.2023).
 7. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: с двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873.
 8. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / сост. А.И. Баландин. Архангельск, 1983.
 9. Онежские былины / сост., науч. ред. Ю.М. Соколова, подгот. В.И. Чичерова. М., 1948. (Гос. лит. музей. Летописи, кн. 13)
 10. Песня об Авдотье-Рязаночке // Вантит. URL: ntit.ru/reflection-of-the-relationship-of-russia-with-the-steppe/87-pesnja-ob-avdote-gjazanochke.html (дата обращения: 10.06.2023).
 11. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 4 ч. Ч. 1. М., 1861.
 12. *Петрова Н.* Как открыли былины // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/558> (дата обращения: 10.06.2023).
 13. Письма П.Н. Рыбникова к И.И. Срезневскому // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. Т. 3 / под ред. Б.Н. Путилова. Петрозаводск, 1991. С. 261–262.
 14. Письмо П.Н. Рыбникова к П.А. Безсонову от 14 декабря 1860 // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 4 ч. Ч. 2. М., 1862. С. V.
 15. *Рыбников П.Н.* Заметка собирателя // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 4 ч. Ч. 3. Петрозаводск, 1864. С. I–LII.
 16. Утверждение граждан и обывателей в общественной должности // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 24. С. 103.

**«Ходили в Норвегу»
(экономические связи крестьян южного Беломорья
и Северной Норвегии в конце XIX – начале XX в.)**

Харитоновна Яна Эдуардовна – кандидат богословия, научный сотрудник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия, Национальный парк «Кенозерский»; museum@kenozero.ru; <https://orcid.org/0009-0003-0669-631X>

Статья посвящена экономическим взаимоотношениям жителей деревень южного Беломорья и Северной Норвегии. Предпринята попытка проследить различные аспекты данных взаимоотношений – торговлю между жителями этих регионов, найму поморов на суда, ходившие в Норвегию, содержание поморами собственных судов для торговых отношений с Норвегией, деятельность Онежской лоцманской службы, базировавшейся на территории южного Беломорья. Исследование основано на хранящихся в нескольких российских архивохранилищах документах, а также на источниках личного происхождения – воспоминаниях поморов и фотографиях из их семейных архивов.

Ключевые слова: южное Беломорье, Северная Норвегия, поморская торговля, экономические связи, лоцманская служба.

Экономические и культурные связи между Россией и Норвегией на протяжении длительного времени распространялись на значительную российскую территорию, включавшую в себя южные и балтийские регионы. Однако наибольшую активность эти взаимоотношения приобрели на Севере России [6, с. 1], где население прибрежных районов Белого моря тесно контактировало с жителями северных областей соседней Норвегии.

Для освещения темы экономических связей крестьян южного Беломорья и северной Норвегии на рубеже XIX и XX столетий значимым становится исследование собраний различных государственных архивов, а также источников личного происхождения – воспоминаний поморов.

Взаимодействие жителей Северной Норвегии и южного Беломорья рассматривалось в дореволюционных трудах, однако этот аспект излагался авторами в тот период описательно и фрагментарно [2, 11]. В современной региональной историографии освещение экономических связей России и Северной Норвегии затрагивает вопросы дипломатических взаимоотношений, поморской торговли, межкультурной коммуникации, бытового уклада [4, 7, 8, 14, 17, 18]. При этом в большинстве исследований речь идет о Поморском, Терском, Зимнем бе-

регах Белого моря, а взаимоотношения поморов южного Беломорья с жителями Северной Норвегии затрагиваются авторами частично.

В статье предпринята попытка проследить различные аспекты экономических взаимоотношений жителей южного Беломорья и норвежцев. Южное Беломорье – это территория, включающая в себя деревни, расположенные на Онежском полуострове Белого моря: Летняя Золотица, Пурнема, Пушлахта, Лямца, Луда, Уна, Лопшеньга, Яреньга, Летний Наволок.

Исследование основано на архивных документах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, Российском государственном архиве литературы и искусства, Государственном архиве Мурманской области, Государственном архиве Архангельской области, научных архивах Архангельского краеведческого музея и Национального парка «Кенозерский». Документы личного происхождения – воспоминания поморов южного Беломорья – были собраны в полевых экспедициях сотрудниками Архангельского областного краеведческого музея и Кенозерского национального парка.

Выявленные нами сведения – это договорно-законодательная документация, документы, освещающие хозяйственную деятельность, и нарративные источники. Все материалы можно разделить по нескольким темам – торговля между жителями южного Беломорья и Северной Норвегии, найм поморов на суда, ходившие в Норвегию, содержание поморами южного Беломорья собственных судов для торговых отношений с Норвегией, деятельность Онежской лоцманской службы, базирувавшейся на территории южного Беломорья.

Торговля между жителями южного Беломорья и Северной Норвегии. Экономические отношения между Россией и Норвегией в период конца XIX – начала XX в. отличались прочными торговыми связями. На Севере важной составляющей частью этих отношений была поморская торговля. Истоки русско-норвежской торговли уходят в позднее Средневековье, когда обе стороны ограничивались меновой торговлей, традиционной для большей части Европы.

В 1747 г. датское правительство разрешило русским промышленникам лов рыбы в норвежских водах на расстоянии одной мили от берега, а в 1789 г. – торговые отношения Финмарка и Архангельска при освобождении русских промышленников от пошлин. Меновая торговля русских и норвежцев в Финмаркене ограничивалась сроком с 15 июня по 15 августа [9, с. 52]. В 1830 г. этот срок был продлен до 15 сентября.

С конца XVIII столетия Российское государство предоставляло поморам Карельского и Терского берегов Белого моря льготы для строительства торговых судов, а в 1800 г. эти льготы были распространены и на жителей Онежского и Летнего берегов [9, с. 51].

В 1838 г. между Россией и Швецией (Норвегия отошла к Швеции в 1814 г.) был заключен договор о торговле, мореплавании и дружбе. По договору, русским промышленникам разрешалось вести торговлю в городах Северной Норвегии в течение четырех недель прямо с судов. Еще две недели можно было оставаться в становищах Финмаркена для товарообмена с местными жителями [9, с. 53] (ил. 1).

В первой половине XIX в. Российское государство также не единожды подтверждало льготы для поморов по беспошлинной торговле с Северной Норвегией¹. Так, в 1846 г. жители нескольких уездов Архангельской губернии, в том числе Онежского и Архангельского, а также посадов, в том числе Лудского, освобождались от пошлин за привозимый из Норвегии товар – треску и соль. Указами 1850–1860-х гг. жителям Беломорья разрешалось беспошлинно ввозить в Норвегию все товары и привозить в Россию соленую и сухую рыбу, ворвань, мех [9, с. 54].

Для поморов беспошлинный «вымен рыбы» в Норвегии зачастую составлял единственную возможность заработать [13, с. 19]. Жители Беломорья везли в Северную Норвегию зерновые, крупу, сено, продукты деревообработки и морских промыслов. Из Норвегии в Архангельскую губернию поступала соленая и сушеная рыба, соль, точильные камни, ружья, топоры, норвежские канаты, веревки, парусное полотно [5, с. 76]. При этом торговые отношения России и Норвегии являлись сложным сочетанием финансовых и торговых операций – купли-продажи, кредитования и обмена [5, с. 77]. Расцвет русско-норвежской торговли пришелся на вторую половину XIX в. К началу XX столетия товарообмен между странами постепенно перестал быть взаимовыгодным. Северные провинции Норвегии – Финмаркен и Трумс, все больше отходили от меновой формы торговли и чаще привлекали для ведения дел крупные торговые компании.

На Севере России в годы Первой мировой войны почти прекратилось судостроение и сократилось количество наемных работников. Пагубно сказывался на торговых отношениях запрет на вывоз из России в нейтральные государства хлебных продуктов, поскольку существовала опасность их попадания в руки неприятеля². Пришедшие к власти в России большевики внесли свой вклад в затухание торговых связей с Северной Норвегией, национализировав суда у крупных поморских промышленников и торговцев. Поморская торговля полностью исчезла к началу 1920-х гг. [15, с. 26; 16, с. 139].

¹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2. Оп. 1, т. 3. Д. 2612. Л. 23–24.

² *Трошина Т.И.* Первая мировая война как катализатор социальных и экономических изменений в северной деревне (поселения Онежского полуострова Белого моря) // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 93. Л. 22.

Документы, освещающие экономические взаимоотношения поморов южного Беломорья и норвежцев, хранятся в Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве Военно-Морского Флота. Это договоры сторон о взаимном рыболовстве, торговле, акты о разрешении конфликтных ситуаций³.

Интересен документ из фондов Российского государственного исторического архива, освещающий тесное взаимодействие обеих стран в изменении законодательства о поморской торговле. К 1884 г. в Норвегии назрели перемены в экономических отношениях с Россией, т.к. торговые интересы Северной Норвегии возросли и приблизились к интересам Южной Норвегии, где торговое сословие имело ряд преимуществ и прав. В связи с этим Королевская комиссия по обсуждению изменений в правилах торговли предложила России увеличить сроки пребывания русских промышленников в Норвегии с 8 до 14 недель (с 15 июня до 30 сентября), ввести розничную торговлю русскими товарами и повысить квоты на продажу русским соленой норвежской рыбы⁴.

Генерал-губернатор Архангельской губернии Н.Д. Голицын вел переговоры по данному вопросу с шведско-норвежским консулом в Архангельске Бальтазаром Флейшерем. Генерал-губернатор предложил прежде, чем выносить окончательное решение, опросить самих поморов. Несмотря на кажущиеся выгоды, поморы не одобрили ни один из пунктов. Увеличение сроков пребывания в Норвегии до конца сентября было невыгодно из-за ежегодной Маргаритинской ярмарки, открывавшейся в Архангельске 1 сентября, а также вследствие опасности для судоходства в осеннем море. Не выгодна была для поморов и розничная торговля из-за опасения, что она могла перейти в руки небольшой группы лиц, от которых зависело бы установление цен. Вредным поморы сочли для себя и увеличение квот на продажу соленой норвежской рыбы, т.к. ее стоимость в этом случае значительно увеличивалась⁵.

³ Дело о рассмотрении вопроса о заключении договора с Норвегией о взаимном рыболовстве // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 18. Оп. 5. Д. 720; Дело хозяйственного департамента МВД по представлению начальника Архангельской губернии о предполагаемых норвежским правительством изменениях в постановлениях о торговле русских с норвежцами // Там же. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 1766; Недоразумения между русскими шкиперами // Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 677; Заявление крестьянина Лапина о том, что в Белом и Баренцевом морях промышляют норвежские суда // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1915; Положение о промысловом надзоре в Архангельской губернии // Там же. Д. 4007.

⁴ Дело хозяйственного департамента... Л. 5–9.

⁵ Там же.

Еще один документ из фондов Российского государственного исторического архива освещает взаимоотношения самих поморов на территории Северной Норвегии во время ведения меновой торговли. В 1898 г. императорское российское консульство в Финмаркене сообщило в Департамент торговли и мануфактур, что шкиперы-поморы вступают друг с другом в «ожесточенную конкуренцию» за право первыми получить на свои суда груз⁶. Это соперничество возрастало в годы скудости улова в Северной Норвегии. Торопясь скорее получить груз и отплыть в Архангельск, поморские торговцы набивали цену на покупаемую рыбу, чем в случае меновой торговли понижали стоимость продаваемой ими норвежцам муки.

Сами поморы при таком варианте ведения торговых отношений оставались в накладе, поскольку покупали по завышенным ценам норвежскую рыбу летнего улова, тогда как норвежцы платили гораздо меньше за рыбу, выловленную зимой и весной. Кроме того, повышая меновой ценз при обмене русской муки на норвежскую рыбу, поморские купцы «заваливали» норвежцев мукой, чем заставляли последних искать дополнительные возможности сбыта излишков.

При этом наиболее благоразумные поморские шкиперы, осознавая вред такого способа торговли для обеих сторон, пытались договариваться. Заключаемые соглашения назывались на поморском техническом языке «заединок» и составлялись всегда письменно. По соглашению находившиеся в одном торговом месте поморские шкиперы брали на себя обязательства образовать артель и делить поровну либо брать по очереди всю приобретаемую у норвежцев рыбу. Распределение рыбы и хранение денег поручалось старосте артели — самому надежному шкиперу⁷.

С введением данной практики цена на рыбу снижалась наполовину. Однако «заединки» были востребованы далеко не всеми поморами, торговавшими в Северной Норвегии. Если соглашения и заключались, то существовали недолго.

Важной частью экономических отношений между двумя странами было урегулирование вопроса лова в водах страны-соседа. В конце XIX столетия норвежцы проявляли промысловую активность в русских территориальных водах, чем не только нарушали российские границы, но и лишали поморские рыбные промыслы возможности развиваться; поэтому с 1890-х гг. Россия регулярно проводила патрулирование своих территориальных вод. Однако, как тогда полагали, этих мер было недостаточно из-за сложностей при контроле обширной площади [6, с. 17].

⁶ Недоразумения между русскими шкиперами. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота имеются документы, освещающие добровольную помощь поморов в вопросе фиксации нарушений со стороны Норвегии. Так, в 1899 г. помор Павел Лапин докладывал, что за время своего промысла наблюдал, что в Белом и Баренцевом морях промышляют 33 норвежских судна. Норвежцы бьют морского зверя, собирают пух гаги, яйца морских птиц и охотятся на оленей на приграничной российской территории⁸.

С целью урегулирования спорных моментов в использовании морской акватории для рыбного промысла руководством Архангельской губернии в 1909 г. был предложен к рассмотрению проект о промысловом надзоре. Деятельность промыслового надзора регулировалась губернским Управлением земледелия и государственных имуществ. Промысловые воды предлагалось разделить на смотровые участки и назначить на каждый участок смотрителя и стражу⁹.

Найм поморов на суда, ходившие в Норвегию. Часть выявленных нами материалов повествует о найме поморов южного Беломорья матросами на промысловые и торговые суда, шедшие в Норвегию.

Подобный найм был одним из видов отходничества для жителей деревень южного Беломорья в начале XX в. Женщины и дети уходили «в услужение» в Архангельск и Онегу, а большая часть мужчин устраивалась матросами на поморские суда, которые занимались каботажным плаванием и ходили в Норвегию¹⁰. Хозяевами рыболовных судов были богатые крестьяне из различных поморских деревень – Сюзьмы, Патракеевки, Лопшеньги и др.¹¹

В Государственном архиве Мурманской области среди документов, содержащих сведения о рыбных промыслах и грузах, привезенных с Мурманского берега в навигацию 1903 г. на русских и иностранных судах, имеется список «разных лиц, рыбопромышленников, судовладельцев, команд, рабочих разного рода, занимающихся звериным промыслом, и разных торговцев, приехавших на Мурманский берег и в Норвегию в 1903 г.». Среди крестьян, нанятых на различные суда, числится и имя крестьянина Онежского уезда Золотицкой волости Михаила Ивановича Самойлова. В течение нескольких сезонов он ходил матросом на судне «Шуя», основным пунктом назначения которого было становище Териберка, где закупалась свежая рыба для

⁸ Заявление крестьянина Лапина... Л. 31–32 об.

⁹ Положение о промысловом надзоре в Архангельской губернии. Л. 77–77 об.

¹⁰ Трошина Т.И. Первая мировая война как катализатор... Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 22.

засолки и последующей продажи¹². Однако можно предположить, что экипаж совершал рейсы не только вдоль российских берегов, но и в Северную Норвегию.

Этнограф Наталья Ивановна Рождественская, посетившая в 1937 г. с экспедицией д. Лопшеньгу и Летний Наволок, писала, что местные поморы охотно нанимались матросами к купцам, торговавшим с Норвегией. Так, Иван Прокопьевич (его фамилия не указана) с 1918 по 1920 г. ходил матросом «в Норвегу» от архангельского купца и три года шкерил (разделявал) треску¹³. От мудьюгского купца ходил на парусном судне в Северную Норвегию помор А.В. Павленко, вспоминая, что в Норвегии была «другая жизнь»¹⁴.

Сотрудниками Архангельского краеведческого музея собраны воспоминания жителей Летнего берега Белого моря о найме на торговые суда. Например, уроженец д. Лопшеньги Михаил Иванович Юдин ходил на торговом судне в Норвегию от хозяев Мерзлютиных. На судах архангельского купца Коротина работали матросами жители д. Луды. Торговые суда содержали промышленники из Нёноксы и с острова Мудьюг¹⁵. Многие старожилы деревень южного Беломорья вспоминали, что их отцы плавали в Норвегию на судах судовладельца из д. Сюзьмы Семена Федоровича Сметанина. Ему самому и его отцу принадлежали пять судов – клипер «Забава», две шхуны с одинаковым именем «Держава», гафель-шхуна «Надежда» и шлюп «Первенец»¹⁶. Среди жителей южного Беломорья нанимал матросов на свое судно «Звезда» еще один житель д. Сюзьмы – судовладелец Федор Федорович Трифонов¹⁷.

Информацию о поморах – матросах торговых судов – удалось собрать сотрудникам Национального парка «Кенозерский» во время полевых экспедиций на территорию Онежского полуострова. Жительница д. Лопшеньги Валентина Александровна Петрова рассказала, что

¹² Сведения о рыбных промыслах и о грузах, привезенных с Мурманского берега в навигацию 1903 года на русских и иностранных судах // Государственный архив Мурманской области. Ф. ИЗО. Оп. 1. Д. 52. Л. 11 об.

¹³ Поморы ловили рыбу у берегов Норвегии и разделявали ее там же для продажи. См.: *Рождественская Н.И.* Тетради с расшифровками записей по фольклору и этнографии, сделанные в 1937–1938 гг. в деревнях Лопшеньга, Дураково и др. Архангельской области // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 187. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 33 об.

¹⁵ *Цветкова Л.И., Трошина Т.И.* Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. Л. 38–39.

¹⁶ Там же. Л. 40.

¹⁷ Там же. Л. 42.

ее дядя Яков Иванович Петров ходил на торговых судах за границу от фирмы «Бильдер»¹⁸.

По воспоминаниям уроженца Лопшеньги Сергея Григорьевича Поздеева, его дед Павел Андреевич Поздеев (1889–1935) с юности ходил зуйком на промысловых судах. Позже, приобретя опыт, нанимался матросом на малые купеческие суда (шхуны) для рейсов в Северную Норвегию. Из Норвегии в Архангельск и обратно возили рыбу, зерно и лес. Павел Андреевич привозил из заграничных рейсов «норвежскую» посуду, украшенную синим орнаментом, и рабочие инструменты – уровень и напарье (бур для сверления), которые до сих пор хранятся в семье¹⁹.

Содержание поморами южного Беломорья собственных судов для торговых отношений с Норвегией. Во второй половине XIX столетия в Архангельской губернии существовало 45 предприятий по строительству торговых поморских судов, принадлежавших, как правило, одному хозяину, который сам выполнял роль шкипера [9, с. 51–52]. В 1896 г. в Архангельском уезде из 414 судов 407 были местной постройки²⁰.

Среди выявленных нами документов имеются материалы о том, что сами поморы южного Беломорья содержали суда для торговли с Норвегией. Например, многие жители д. Лопшеньги в начале XX в. «ходили в Норвегу» на собственных судах. Так, Матвей Липатьевич Майзеров, по воспоминаниям его дочери Серафимы Матвеевны Майзеровой, привозил из норвежских портов рыбий жир в глиняных, как графины, бутылках и треску²¹. Отправлял в Норвегию за треской два своих судна еще один житель Лопшеньги – Гаврила Лукич Майзеров²². Совместно с лопшарем Лукой Осиповичем Юдины он владел яхтой «Вестник»²³. Лука Осипович Юдин имел еще одно судно – «Алмаз» – и ежегодно нанимал команду из поморов для торговли в Норвегии. В родную деревню для продажи он привозил палтус²⁴. Лопшари Федотовы – отец и

¹⁸ Беседа М.Н. Мелютиной и Я.Э. Харитоновой с жительницей д. Лопшеньга В.А. Петровой от 08.07.2023 [Аудиозапись беседы] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”».

¹⁹ Морская династия: история семьи Поздеевых. Рукопись. Личный архив С.Г. Поздеева // Там же.

²⁰ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства и бытовой уклад поморов Летнего берега в XIX – начале XX в. Научный отчет по итогам экспедиции на летний берега в 1987–1989 гг. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. Л. 38.

²¹ Там же. Л. 117.

²² Рождественская Н.И. Тетради с расшифровками записей по фольклору и этнографии... Л. 154.

²³ Цветкова Л.И. Традиционная система хозяйства... Л. 39.

²⁴ Там же. Л. 153.

три сына, по воспоминаниям Василия Александровича Федотова, совсем не занимались местным ловом рыбы, а ходили только в Норвегию на собственном парусном судне²⁵.

Ходили в Норвегию и женщины-лопшарки. К.П. Гемп в книге «Сказ о Беломорье» описала встречу с Варварой Агафоновой. Будучи еще незамужней, она ходила с отцом на его двухмачтовой шхуне на промысел в Норвегию [3, с. 178].

Жители деревень южного Беломорья привозили из Норвегии, кроме провизии, и одежду. Степан Матвеевич Петров вспоминал, что мужчины в Лопшеньге носили «норвежские рубахи» – вязанные из шерсти свитера²⁶ (ил. 2). Такие «рубахи» не линяли, носились долго и выглядели ярко, поскольку их часто украшали орнаменты-якорьки. Вязанные вещи («вязанки») привозили и детям, а женам и дочерям – норвежские ботиночки²⁷.

Несмотря на то, что торговля с Норвегией к моменту революционных событий в России стала затихать, некоторые поморы продолжали поддерживать экономические отношения с северным соседом. Так, в 1920-х гг. житель д. Лопшеньги Михаил Борисович Сметанин, продавая в Норвегии урожай, привозил домой большое количество хлопчатобумажной снасти, «дели», которую использовали при изготовлении рюж для ловли рыбы²⁸.

Деятельность Онежской лоцманской службы, базировавшейся на территории южного Беломорья. Выявленные нами документы содержат информацию о беломорских лоцманах, сопровождавших русские и норвежские суда.

Лоцманская онежская артель была одной из старейших беломорских морских организаций. Развитие мореплавания по Белому морю и потребность в лоцманах увеличились с возникновением экспортного лесопиления на левом берегу р. Онеги в устье р. Поньга, где в 1755 г. граф Петр Иванович Шувалов построил первый лесопильный завод.

Через несколько лет английский купец Вильям Гом построил новые пильные мельницы, судоверфи в д. Подпорожье, на р. Поньга, в г. Онеге, корабельные верфи, становище для погрузки до 50 судов у Кий-острова. В 1760 г. Гом произвел первый лесной торг [19, с. 73]. Для обеспечения плавания своих судов Гом в этом же году построил на острове Жижгин первый на Белом море маяк и поселил там организованную им артель лоцманов из крестьян д. Лямцы для проводки судов в порт Онега [20].

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 144.

²⁷ Там же. Л. 43.

²⁸ Там же. Л. 140.

В 1816 г. правительство реорганизовало эту артель в «Онежское общество лоцманов» [1, с. 191]. Члены Общества работали вахтами, проживая при маяке на мысе Летний Орлов, куда были переведены в 1840 г. из маячного городка на острове Жижгин. В задачу Общества входило проведение судов прибрежным курсом по Онежскому заливу Белого моря к Онежскому и Сорокинскому портам, а также за границу – в Норвегию и Швецию.

На территории южного Беломорья лоцманским центром издавна была д. Лямца. На протяжении долгих лет в Лямце существовали лоцманские династии. Известными ее уроженцами были лоцманы Федор Лукичев (годы жизни неизвестны), Савватий Степанович Харитонов (годы жизни неизвестны), Клавдий Семенович Харитонов (1863–1937), Федор Петрович Кузьмин (1911–2001), Федор Клавдиевич Харитонов (1906–1944) и др. По подворной описи 1866 г. в Лямце проживали 12 лоцманов²⁹. В начале XX в. лоцманская артель насчитывала 15 человек [10, с. 163].

Лоцманские семьи строго соблюдали преемственность поколений. По воспоминаниям жительницы Лямцы Галины Федоровны Пунанцевой, «если сын есть, сына на лоцмана учат, если дочь – зятя. Так и звали: лоцманские дома» [10, с. 163]. Лоцманскому делу обучали сызмальства. Сначала мальчика брали в ученики на проводку судна, потом ученики ездили в Архангельск и сдавали там экзамены. После экзамена получали звание лоцмана и возможность работать. За каждую проводку судна плата полагалась в общий котел, а с концом навигации вся сумма из него делилась в зависимости от того, кто сколько судов провел. К шестидесяти годам служба у лоцмана кончалась, и он выходил на пенсию, которую оплачивало государство. Дома у лоцманов были чуть больше, чем у других жителей. По воспоминаниям лямчанина Альберта Васильевича Совершаева, «раньше лоцманов было много. Если праздник, так оденут кителя, фуражки, друг к другу в гости ходили» [10, с. 151] (ил. 3).

В фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота находятся материалы, освещающие деятельность Онежской организации лоцманов в 1920-х гг. Документы содержат объяснительные записки по проектам лоцманских тарифов за проводку судов, сведения о движении судов в навигацию, списки иностранных судов, проведенных по Онежскому заливу, требования приобретения необходимого инвентаря и материалов для Онежской организации лоцманов. В это трудное для страны время штат Онежской лоцманской вахты был сокращен «ввиду малого количества судов»³⁰. Среди документов есть и именной список лиц, состоящих на службе в Онежской лоц-вахте. Все они проживали в Лямце³¹ (ил. 4).

²⁹ ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 149.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 80. Л. 62.

³¹ Там же. Д. 80, 85, 91.

В 1920-х гг. многие местные жители стали относиться к лоцманам негативно, объясняя это неприятием их больших заработков за короткий период времени и отсутствием необходимости в уплате налогов, которые приходится выплачивать другим социальным группам населения. Как сообщал корреспондент газеты «Красная Онега» в 1923 г.: «...платят бедняки, не имеющие куска хлеба, вдовы, вернувшиеся к своим разрушенным хозяйствам красноармейцы, а лоцмана живут все время на своем крестьянстве, получают паек круглый год, жалованье, одежду и прочее и не платят трудгуж налога³², работая 2–3 месяца в год. Население крайне недовольно их освобождением, так как заметно понижение поступления налогов» [12, с. 4].

К концу 1920-х гг. потребность в лямецких лоцманах постепенно сошла на нет. Отпала необходимость водить суда прибрежным курсом, новые пароходы могли ходить по открытому морю³³. Однако история лямецких лоцманов сохранялась жителями деревни в течение XX в. Один из лямецких лоцманов Никифор Михайлович Русинов (1888–1972) (ил. 5) рассказывал внуку, что, ведя судно мимо родной деревни, лоцманы всегда давали длинный гудок, приветствуя земляков³⁴.

Подводя итог, можно сказать, что выявленные нами материалы об экономических связях поморов и норвежцев на рубеже XIX и XX вв. являются важным источником по истории Архангельского Севера, позволяя более полно проанализировать значение взаимоотношений с Норвегией для жителей деревень южного Беломорья. Значение представленных документов, несмотря на их распыленность по различным государственным и частным архивам, состоит в том, что они дают возможность точнее реконструировать отдельные моменты взаимоотношений жителей северных районов России и Норвегии, а также выявить различные стороны данных связей.

Список литературы

1. *Башмаков П.И.* Маячное дело и его историческое развитие, устройства маяков, предостерегательных огней, автоматических буюв и их осветительных аппаратов и механизмов. Л., 1925.

³² Трудовой и гужевой налог – форма обязательного привлечения населения к бесплатному выполнению определенных работ и использованию принадлежащих отдельным гражданам гужевых средств по указанию органов советской власти.

³³ *Трошина Т.И.* Первая мировая война как катализатор... Л. 12.

³⁴ Беседа Я.Э. Харитоновой с жителем г. Онеги В.А. Русиновым от 12.12.2019 [Аудиозапись беседы] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”».

-
2. *Вальнев Ф.В.* О меновой торговле в Норвегии. Вардегус // Журнал Министерства Внутренних дел. 1839. № 7.
 3. *Гемп К.С.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.
 4. *Давыдов Р.А.* Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998.
 5. *Зарецкая О.В., Шагин М.С.* Становление и трансформация торговых связей поморов с жителями Северной Норвегии к концу XIX века // История и культура Русского Севера и Арктики. Архангельск, 2018. С. 74–80.
 6. *Касиян А.С.* Россия и Норвегия, 1905–1914 гг.: становление дипломатических отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2009.
 7. *Касиян А.С.* Россия и Норвегия, 1905–1914 гг.: становление дипломатических отношений: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2009.
 8. *Касиян А.С.* Некоторые особенности российско-норвежских отношений на Севере в XIX – начале XX века // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы. Петрозаводск, 2016. С. 60–69.
 9. *Красавцев Л.Б.* Правовые аспекты поморской торговли с Норвегией в XIX в. // Архангельск и северные страны конца XVI – начала XX веков. Архангельск, 1999. С. 51–58.
 10. Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья. М., 2006.
 11. *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
 12. О лоцманах Онежского залива // Красная Онега. 1923. № 19.
 13. *Пересадило Р.В.* Российские консульства в Норвегии и новые тенденции в российско-норвежских экономических отношениях конца XIX – начала XX века // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 19–22.
 14. *Пшенико Р.А.* Русский Север и Северная Норвегия: аспекты межкультурной коммуникации: дис. ... магистра культурологии. Архангельск, 2022.
 15. *Репневский А.В.* Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 138–145.
 16. *Репневский А.В.* Норвежцы в северных водах прежде и теперь: взгляд русских поморов // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 25–32.
 17. Россия – Норвегия: сквозь века и границы / под ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й.П. Нильсена. М., 2004.
 18. *Семущин Д.Л.* «Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения Российского государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 125–146.
 19. *Ульянов А.И.* Онежские мореходы. Онега, 2009.
 20. *Шухин Ю.* Маяки Белого моря. Жижгинский маяк: историко-техническая справка. URL: <http://mayaki-sssr.spb.ru/mayaki-belovo-morya/91/> (дата обращения: 23.06.2023).
-

Возрождение народных ремесел на территории Кенозерского национального парка: вклад Владимира Дмитриевича Шевелёва (1947–2023)

Шевелёва Елизавета Владимировна – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; elizaveta.sheveleva@gmail.com

Тридцать лет на территории Национального парка «Кенозерский» его коллективом при участии местного населения проводится целенаправленная и систематическая научная, проектная, экспозиционная, издательская работа с целью исследования и поддержки народных промыслов и мастеров, а также организации центров ремесел. Статья посвящена вкладу в эту деятельность научного сотрудника парка В.Д. Шевелёва (1947–2023).

Ключевые слова: Национальный парк «Кенозерский», народное искусство, народные промыслы и ремесла, культурное наследие.

Двадцать восьмого июля 2023 г., на семьдесят шестом году жизни и тридцатом году работы в Национальном парке «Кенозерский» после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни один из его старейших сотрудников Владимир Дмитриевич Шевелёв.

Вот как отозвалась о коллеге первый директор парка Е.Ф. Шатковская: «Владимир Дмитриевич пришел в Парк в 1993 году старшим научным сотрудником. Пришел тогда, когда у многих еще не было понимания, что такое национальный парк, как он должен развиваться в то время, когда все кругом рушилось. Когда вектор развития и направления движения выстраивались интуитивно, но с осознанным пониманием того, что мы сохраняем целостность и единство природного и культурного наследия, а местное население – главное действующее лицо в его охране. Важная часть культурного наследия – традиционные промыслы и ремесла. Но ко времени создания Парка многие виды народных промыслов и ремесел перешли в разряд “утраченного наследия”, практически прекратили свое существование. Как возродить хотя бы часть из них, вернуть интерес, убедить, что это очень важно? Вот это и стало на долгие годы основной темой Владимира Дмитриевича» [1] (ил. 1).

Необходимо отметить, что Владимир Дмитриевич стал сотрудником национального парка, уже имея значительный художественный, научный и административный опыт. Он родился в семье потомственных каргопольских мастеров-игрушечников Д.В. и К.П. Шевелёвых,

освоил гончарное ремесло еще в юности, будучи студентом художественно-графического факультета Костромского государственного педагогического института им. Н.А. Некрасова (ил. 2). Почти сразу после окончания института он поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) и был назначен директором Каргопольского краеведческого музея, занимаясь в значительной степени охраной и реставрацией памятников Каргополя. Кроме того, он существенно пополнил коллекции музея в ходе многочисленных экспедиций по территории Каргопольского и Плесецкого районов, а также Карелии. Он первым открыл расписные дома в деревнях по берегам Онеги, Кены и Кенозера.

Работа В.Д. Шевелёва в должности заведующего сектором народных промыслов и ремесел Национального парка «Кенозерский» началась с полевых исследований, с экспедиций по Кенозерью и Лекшмозерью. За тридцать лет были выявлены десятки старых мастеров, а также молодые люди, которые были готовы перенять ремесло, записаны интервью, проведена фотофиксация технологических процессов, совместно с коллегами целенаправленно собраны старинные образцы промысловых изделий и традиционные инструменты. Сейчас их можно увидеть в постоянных музейных экспозициях в Вершинино и Морщихинской.

Воспитанный в уважении к старшему поколению, Владимир Дмитриевич легко находил контакт со старыми мастерами: А.А. Амосовым, В.С. Хариным, Ф.В. Калитиным, П.Т. Ножкиной, З.А. Вахрамеевой, К.А. Ершовой и другими, причем настолько пользовался у них авторитетом, что они прислушивались к его советам. Так, в советское время корзины для прошивки края вместо черемухового прута уже нередко использовали трансформаторную проволоку, что существенно снижало художественное качество изделий. Владимиру Дмитриевичу удалось убедить мастеров отказаться от этого приема.

Комплексная программа работы с народными мастерами, которая проводилась и разрабатывалась В.Д. Шевелёвым совместно с администрацией национального парка и коллегами, состояла из целого ряда мероприятий:

- выявление мастеров, наблюдение за их деятельностью и помощь в творческой работе;
- привлечение к сотрудничеству и обучение молодых мастеров (А.А. Антуфьева, Ю.В. Тишина, Е.Н. Беляевой и др.);
- помощь в закупке материалов и инструментов для работы (нитки, лоскут, необходимые инструменты для деревообработки и электротехника);
- мотивация заинтересованности в сотрудничестве с национальным парком;
- содействие творческому росту мастеров (регулярно проводились мастер-классы и стажировки у известных народных мастеров;

по бересте – у С.Г. Канашева и С.Л. Шеметова; по традиционному гончарству – у братьев Шевелёвых; по традиционной росписи – у Т.В. Сердитовой; по текстилю – у А.А. Беднарчик, Т.В. Паниной и других мастеров Архангельской области и России);

– популяризация традиционных промыслов и творчества кенозерских и лекшмозерских мастеров: публикации в печатных изданиях, телерепортажи;

– создание ремесленных мастерских в д. Усть-Поча с 1998 г., в д. Моршихинской и пос. Поча в 2001 г.;

– разработка совместно с мастерами сувенирной продукции с учетом традиционного подхода к изготовлению и функциональному использованию предмета, материалов, форм и техник; изготовление сувениров, ориентированных также на спрос горожанина; возможность эксперимента и проявления творчества самого мастера;

– заказы национального парка на изготовление предметов для оформления гостевых домов и визит-центров на его территории: лоскутных покрывал, половиков, берестяных изделий, посуды и т.п.;

– формирование коллекций работ современных местных мастеров в музейном фонде национального парка;

– образовательная деятельность парка, направленная на развитие ремесел, включающая разработку учебных программ, методических пособий для школьных учителей, мастеров, экскурсоводов, проведение занятий со школьниками в местных школах, в мастерских (Усть-Поча, Моршихинская, Поча), в экологических лагерях;

– участие мастеров в региональных и всероссийских выставках.

Среди наиболее значимых временных и постоянных выставок Кенозерского национального парка, подготовленных и осуществленных при непосредственном участии В.Д. Шевелёва, который был опытным экспозиционером, необходимо назвать следующие проекты:

– «Народные мастера Кенозерья» (Библиотека Центрального дома художника в Москве, 1993 г.);

– «Кенозерье – край заповедный» (выставочный зал «Тушино» в Москве, 1997 г.);

– «Лоскутное шитье Кенозерья» (д. Вершинино, 1999 г.);

– экспозиция Центра народных ремесел в д. Усть-Поча, 1999 г.;

– «Кенозерье – край заповедный» (Марфин дом в Архангельске, 2001 г.);

– «Народные мастера Кенозерья» (Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия в Москве, 2000 г.);

– «Люди и природа Кенозерья» (районная библиотека в г. Каргополе, 2005 г.);

– «Под небом Кенозерья» (Музей изобразительных искусств в Архангельске, 2006 г.);

– «Осенины на Кенозере» (Выставочный зал Центра ремесел «Берегиня» в г. Каргополе, 2007 г.);

– экспозиция в д. Вершино: «Гефестово подворье» в 2009 г. (ил. 3), «Китоврасово подворье» в 2010 г., «Рухлядного амбара» в 2004 г.;

– «Осенины на Кенозере» (Визит-центр в д. Морщихинской, 2014 г.);

– оформление экспозиции у Монастырского острова на Наглимозере и Шекаловской заимки, 2015 г.;

– «Северный шелк» (Рукодельная изба в д. Морщихинской, 2017 г.);

– участие в оформлении (отбор предметов, монтаж) раздела экспозиции «Жилая изба» (Музей эпической поэзии «В Начале было Слово» в д. Шишкино, 2017 г. (ил. 4);

– оформление (роспись мебели, наличников, монтаж) интерьеров домов (архитектурный парк «Кенозерские бирюльки» в д. Масельге, 2018 г.).

Для осуществления программы по возрождению народных ремесел в Кенозерском национальном парке необходимо было привлечь, помимо бюджетных, средства российских и международных грантов. В.Д. Шевелёвым был выигран ряд грантов на разработанные им проекты, ставшие основой для создания ремесленных мастерских, возрождения традиционной Успенской ярмарки, научных исследований:

1. «Истоки» – создание мастерских практического ремесла Кенозерского национального парка (ремесленная мастерская в д. Усть-Поче). Грант Службы управления ресурсами рыб, диких животных и растений США, 1997 г.

2. Модельный школьный проект по экологическому образованию школьников в Национальном парке «Кенозерский». Грант Глобально-экологического фонда, 1998 г.

3. Школьные лесничества Кенозерского национального парка – восстановление традиций природопользования (создание мастерских народных ремесел на базе Лекшмозерской школы и мастерской в пос. Поча). Грант Фонда национальных парков, 2001 г.

4. Сохранение и развитие народных ремесел Кенозерского национального парка. Грант программы Форд Мотор Компани по защите окружающей среды и культурных ценностей, 2003 г.

5. Росписи крестьянских домов на Каргополье. Экспедиция по фиксации быстро исчезающих домов и сбору материалов о традиционных росписях (совместно с Е.В. Шевелёвой) и М.И. Мильчиком). Проект РГНФ № 03-04-18028-е, 2003 г. (ил. 5);

6. Круг ремесел – возрождение Кенозерских ярмарок и гончарного промысла. Грант Фонда национальных парков, 2004 г.

7. Подготовка к изданию альбома «Народные мастера Кенозерья» (совместно с Е.В. Шевелёвой). Проект РГНФ № 07-04-93817а/К, 2007 г.

Упомянутый альбом В.Д. и Е.В. Шевелёвых посвящен традиционным женским и мужским ремеслам в Кенозерье и Лекшмозерье, ста-

рым и современным мастерам, он был иллюстрирован снимками Владимира Дмитриевича. К сожалению, в свое время, в 2007 г., книга не увидела свет, однако сейчас есть планы возобновить эту работу и выпустить дополненный альбом, который, бесспорно, должен представлять интерес как для местных жителей и гостей парка, так и для специалистов. В нем будут представлены сведения о кенозерских мастерах, приведены их рассказы, в том числе о традиционных приемах и техниках ремесла. Многих мастеров старшего поколения, к глубокому сожалению, уже нет в живых, и тем важнее сохранить память о них и о деле их рук для следующих поколений.

В.Д. Шевелёв и сам был автором немалого числа научных и научно-популярных статей, учебно-методических пособий. Они были посвящены мельничному, бондарному, гончарному и кузнечному промыслам, монастырям и пустыням, старинным домам Кенозерья. Список его публикаций еще ждет составления.

В 2000 г., после смерти своего отца, Дмитрия Васильевича Шевелёва, Владимир Дмитриевич задумал и создал в Каргополе, в родительском доме, связанном с возрождением знаменитого игрушечного промысла, Музей мастеров Шевелёвых и каргопольской глиняной игрушки, официально открытый на средства Президентского гранта в 2003 г. (ил. 6). Двадцать лет он был его руководителем и хранителем, открывал гостям Каргополя мир народного искусства, работал в тесном сотрудничестве с туроператорами, разумеется, постоянно принимал посетителей Кенозерского национального парка, дополняя панораму тех ярких впечатлений, которые туристы получали в путешествии.

Необходимо отметить, что Владимир Дмитриевич и сам активно работал в национальном парке как народный мастер. Вместе со своим братом, опытным каргопольским гончаром Валентином Дмитриевичем Шевелёвым, он постоянно обучал кенозерских мастеров, а также детей и гостей парка изготовлению каргопольской глиняной игрушки.

Сейчас в сувенирной лавке парка можно увидеть не только авторскую керамику коллекции «Львы и розы» Вероники Сушко, созданную в рамках проекта «Сторитэггинг», но и обварные свистульки новодвинского мастера Михаила Третьякова, в которых проявляются черты традиционных образов народной игрушки. Сама же техника была сохранена и воссоздана в 1970-х гг. Шевелёвыми.

На протяжении почти двадцати лет работы в парке Владимир Шевелёв занимался также традиционной росписью по дереву, хотя изначально он изучал роспись как искусствовед. В 2003 г. Владимир Дмитриевич вместе с московским реставратором из Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря Николаем Григорьевичем Тимофеевым расписал свой дом в Каргополе, на фронтоне которого поселились сказочные белые львы, копии

тех зверей, что украшали свесы дома на р. Кена в д. Большое Самково. С тех пор почти ежегодно летом двор музея мастеров Шевелёвых в Каргополе становился мастерской под открытым небом.

В.Д. Шевелёв выполнил роспись наличников, ставен и интерьерных предметов для нескольких домов парка (ил. 7) (гостевые дома Евсеева в д. Вершинино и «Как у бабушки» на Масельге, макеты изб в экспозиции «Кенозерские бирюльки» и др.), а также экспозиционного оборудования (шкаф-заборка и стенды-«прялки» для электронных демонстрационных панелей в разделе «Сказители» музея «В Начале было Слово»). Последний комплект наличников был завершён мастером в мае 2023 г., совсем незадолго до смерти.

К сожалению, Владимир Дмитриевич не успел увидеть результаты нового проекта национального парка – музея «Львы и розы», который должен разместиться в доме М.М. Буянова 1912 г. постройки с великолепным расписным фасадом, открытым им полвека назад в д. Малое Самково на р. Кена. В 2021 г. этот замечательный дом был приобретен парком и перевезен в Вершинино. Сейчас завершена его сборка на новом месте, на берегу Кенозера. Реставратором Н. Данюком из Государственного Русского музея уже сделаны копии старинных росписей, которые будут расположены на фасаде вместо оригиналов, поскольку подлинная роспись, чудом сохранившаяся на северном, теневом фасаде дома, после его установки на новом месте, но с южной стороны, вряд ли просуществовала бы долго [2].

Разумеется, вся кропотливая масштабная работа по возрождению промыслов и ремесел на Кенозерье была бы невозможна без всемерной поддержки администрации Кенозерского национального парка, прежде всего, Елены Флегонтовны Шатковской и Александры Вячеславовны Яковлевой, самих мастеров, а также многих коллег, друзей и единомышленников, научных сотрудников и хранителей: М.Н. Мелютиной, А.И. Анциферовой, С.А. и Т.А. Синяговских и др.

Мастер, художник, искусствовед, исследователь, научный сотрудник парка, директор музея Шевелёвых, пчеловод, человек, преданный своему делу, понимавший, насколько важно сохранить традиции и культурное наследие для будущих поколений, и много для этого сделавший, – таким останется в памяти всех, кто его знал, Владимир Дмитриевич Шевелёв.

Список литературы

1. Мастер и хранитель: памяти Владимира Дмитриевича Шевелёва // Каргополье. 2023. 21 сент. № 38 (31319). С. 4.

2. Возрождение исторического дома «Львы и Розы» в Кенозерье // Кенозерский национальный парк. URL: <https://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/vozrozhdenie-istoricheskogo-doma-lvy-i-rozy-v-kenozere-otrestavrirovany-fasadnye-rospisi-vosstanavli/> (дата обращения 27.09.2023).

Контурная карта как междисциплинарное осмысление культурного и природного ландшафта

Ярлова Марта Сергеевна — магистр культурологии, ведущий специалист отдела Медиатека, куратор молодежного направления, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина; преподаватель, Российский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова; независимый куратор выставочных проектов; yaralova93@mail.ru

В статье рассматривается кураторский выставочный проект «Внутри контура», посвященный художественному осмыслению образа контурных карт. Анализ проекта призван показать, что разработанная автором концепция может использоваться как метод для последующего создания различными социокультурными институтами междисциплинарных проектов, посвященных осмыслению культурных и природных ландшафтов различных масштабов. В статье рассмотрена реализованная выставка и принципы ее построения, а также приведены составляющие заявленного метода.

Ключевые слова: кураторский проект, выставка, «Внутри контура», контурные карты, контур, художественная практика.

Осмысление куратором собственных проектно-выставочных практик всегда связано с некоторыми сложностями из-за отсутствия критической дистанции между исследователем и предметом исследования. Именно поэтому текст статьи предлагается воспринимать не как полноценное научное рассмотрение кейса, а как аналитический разбор реализованного проекта, концепцию и материально-пространственное решение которого можно использовать в качестве метода или подхода к исследованию культурного и природного ландшафтов. Речь пойдет о выставке «Внутри контура», прошедшей в Государственном Дарвиновском музее (г. Москва) с 15 апреля по 16 июля 2023 г. Куратор проекта — Марта Ярлова¹ (ил. 1).

Проект — выставка

Подзаголовком проекта стала фраза — «междисциплинарное размышление на тему контурных карт», которая контекстуализирует раз-

© Ярлова М.С., 2024

¹ Выставка «Внутри контура. Междисциплинарное размышление на тему контурных карт». Государственный Дарвиновский музей. 15.04 — 16.07.2023 г. URL: <https://www.darwinmuseum.ru/projects/exhibition/vnutri-kontura> (дата обращения: 15.07.2023).

говор о феномене контура как о многогранной (графической, смысловой) категории и картографировании как о практике, позволяющей фиксировать не только пространства и территории, но и концепции, образы и даже научные теории. Эта идея также обосновывает факт проведения художественного проекта в нехудожественной институции. Важно сказать о том, что междисциплинарность как подход активно разрабатывается в Государственном Дарвиновском музее, обладающем большой коллекцией художественных произведений, в первую очередь анималистической живописи и скульптуры, а на протяжении последних более чем 10 лет² реализующем проекты в области современного искусства и визуальной культуры. Эти проекты направлены на осмысление естественно-научных проблем художественными средствами. В их основе заложена идея формирования диалога между различными научными и практическими полями. Но что кажется даже более важным, эта практика позволяет создать пространства для зрительского размышления о разрабатываемых институцией проблемах на дополнительном, образном уровне, а также познакомить широкую аудиторию, часто по разным причинам не воспринимающую современное искусство³, с такими практиками.

Опыт Государственного Дарвиновского музея, конечно, не может быть напрямую экстраполирован, но позволяет говорить о потенциа-

² На сайте Государственного Дарвиновского музея в разделе «Посетителям» можно найти подраздел «Современное искусство», в котором собрана и актуальная, и архивная информация о проектах музея в области современных визуальных художественных практик, в том числе, например, в рамках Московской международной биеннале современного искусства. Для непрофильной институции акцентирование зрительского (пользовательского) внимания на данных проектах (буквальное написание словосочетания заглавными буквами и размещение его в центральном для аудитории музея разделе сайта) является достаточно редким в отечественном культурном контексте опытом, свидетельствующим о значимости таких художественных практик для музея. См.: Раздел «Современное искусство». Государственный Дарвиновский музей. URL: <https://www.darwinmuseum.ru/tags/современное%20искусство> (дата обращения: 15.07.2023).

³ Не упрощая определение аудитории конкретной музейной институции, необходимо уточнить, что ее основную часть составляют посетители (в том числе дети и подростки), которые приходят в музей, чтобы познакомиться с постоянной экспозицией, рассказывающей об эволюции и истории науки. Столкновение с художественными проектами разной степени концептуализации в пространстве музея действительно может происходить внезапно в процессе осмотра всех предлагаемых музеем экспозиций. Здесь идея знакомства аудитории с современным искусством не подразумевает опыта восприятия художественных проектов Государственного Дарвиновского музея посетителями, которые специально приходят на эти выставки.

ле использования современных художественных и кураторских практик для выстраивания дополнительных смысловых уровней в работе различных институций. Возвращаясь к разбору проекта «Внутри контура», необходимо охарактеризовать его концепцию. Важно еще раз подчеркнуть, что в отличие от выставочных проектов⁴, призванных продемонстрировать зрителю ту или иную часть истории развития картографии⁵ или методических и учебных материалов по географии⁶, «Внутри контура» – это проект, который позволил проблематизировать контурную карту не как учебный инструмент, но как художественное средство: формат, основу идеи художественного объекта, принцип мышления автора, способ формирования зрительского восприятия.

Контурная карта трактуется как модель, в какой-то мере как шаблон восприятия окружающего пространства. Как и любая карта, это возможно охватить взглядом очертания чего-то масштабного, с чем человеку сложно соотноситься. Это обозначение конкретной территории, ее визуализация, представление о ее положении в пространстве, наполнении, разнообразии. Контурную карту можно охарактеризовать как образ постоянно «жаждущего» заполнения объекта, обладающего внутренней пустотой, границами и минимумом информации, направленной на основное действие, совершаемое над картой, – заполнение.

Эта практика является коллективным творческим созидательным опытом, приобретенным многими поколениями во время обучения. Визуальные, графические действия по отношению к контурным картам знакомы и понятны всем. Нанесение изображения на такую карту не является насильственным действием над материалом. Процесс визуализации (закрашивание, штриховка, нанесение условных обозначений и т.п.) дополняет контурную карту как физический

⁴ Здесь в качестве примера приводятся московские выставочные проекты, связанные с демонстрацией фондовых материалов библиотек и музеев.

⁵ Выставка «Карта России. Вехи истории». Музеи Московского Кремля. 23.12.2014 г. – 15.03.2015 г. URL: <https://www.kreml.ru/exhibitions/moscow-kremlin-exhibitions/karta-rossii-vekhi-istorii/> (дата обращения: 15.07.2023); Выставка «Карты земель Русского Севера: реальность и мифы». Российская государственная библиотека. 19.10.2017 г. – 11.02.2018 г. URL <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/vistavki/russever> (дата обращения: 15.07. 2023).

⁶ Выставка «Из истории русской учебной географии». Российская государственная библиотека. 03.09 – 31.10.2013 г. URL: <http://olden.rsl.ru/ru/s7/s381/2013/20137787> (дата обращения: 15.07. 2023); Выставка «Картография – 2022». Российская государственная библиотека. 06.02 – 08.04.2023 г. URL: <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/vistavki/kartografiya-2022> (дата обращения: 15.07. 2023).

объект. Это ключевая идея, которая позволяет связать конкретную учебную практику с художественным процессом. Не заполняя буквальными контурные карты, участники проекта выполняли одно «задание» — наполнить пространство внутри выбранного контура так, как им кажется необходимым, значимым, эстетически и контекстуально оправданным.

Первоначально на стадии разработки⁷ и проведения кураторского исследования⁸ предполагалось, что проект может получить камерное решение в виде выставки в первую очередь плоскостных работ. Несмотря на то, что эта идея не была реализована, о ней кажется уместным сказать, чтобы показать заявленные в теме возможности междисциплинарного осмысления культурного и природного ландшафта. Такой вариант решения проекта предполагал создание объектов в виде буквально заполненных художниками контурных карт (мира, отдельных стран, регионов и т.д.). Получая «задание» заполнить карту, авторы, работающие в разных техниках и с разными медиа, могли трактовать выполнение этого «задания» любым образом. Это могли бы быть как отдельные произведения, так и серии, представляющие собой абстрактные или фигуративные графические работы, созданные на листе карты, в границах ее контуров или с выходом за них в зависимости от концепции произведения. Предполагалась возможность создания видео-арта, в котором контурная карта могла стать плоскостью, на которую бы проецировалось видео. В случае включения в проект художников, работающих с объемом (скульптура, объект, инсталляция), карта могла стать поверхностью, на которой бы выставлялись материальные произведения⁹. Объединяющей концептуальной основой для всех работ стало бы осмысление художниками территорий, отраженных на карте, с точки зрения различных характеристик их природных и культурных ландшафтов.

⁷ Проект впервые оформился в виде кураторской концепции в августе 2020 г. Затем он несколько раз претерпевал изменения на уровне не концепции, но решения и наполнения, откладывался по срокам и окончательно вышел на стадию подготовки с пониманием дат проведения и площадки (выставочные залы Государственного Дарвиновского музея) в августе 2022 г.

⁸ Под кураторским исследованием здесь понимается изучение широкой рамки темы, включающей в себя как историю применения в учебных практиках контурных карт, феномена картографирования как части визуальной культуры, так и анализ различных художественных (индивидуальных и выставочных) проектов с близкой концептуальной основой.

⁹ По замыслу контурная карта становилась бы верхней гранью подиума, на котором экспонировались работы, или же вертикально-плоскостной подложкой в привычном настенном варианте экспонирования.

Описание гипотетического состава проекта может показаться поверхностным, однако его цель – продемонстрировать возможность реализации концепции, в рамках которой привычное буквальное заполнение контурной карты становится художественным жестом. В этом случае происходит достаточно естественный междисциплинарный переход определенной практики из учебного/научного поля в творческое. Это позволяет снять вопросы, часто задаваемые к художественным проектам, использующим или имитирующим приемы, подходы или внешние черты научных, исследовательских областей. Иначе говоря, в проекте не возникает противоречия между форматом и идеей, т.к. заполнение контурной карты – это существующая практика, а решение ее художественными средствами создает, в первую очередь для зрителя, новое видение привычного. Для авторов же концептуальная рамка контурной карты становится и задачей, и способом художественно сфокусировать осмысление конкретного пространства и его образной составляющей.

Однако в осуществленном в 2023 г. проекте практически не было работ, созданных по описанному выше принципу. Причиной этого стала трансформация проекта, обусловленная не только необходимостью решить его в зоне плоскостных практик, но и потребностью разнообразить визуальный образ проекта, учитывая его реализацию в нехудожественной институции¹⁰. Исключением можно назвать работу Сергея Яралова «Все еще впереди» (ил. 2), в которой в соответствии с концепцией (Приложение 1) школьная советская контурная карта «заполняется» найденными (реди-мейд) объектами: папиросами «Беломорканал» и пуговицами от школьной советской форменной одежды. Остальные же работы, большая часть которых была создана специально для выставки¹¹, стали материальным воплощением размышлений художников об ограниченных теми или иными контурами реальных и метафизических пространствах, местах, наполненных

¹⁰ Необходимо пояснить, что визуально целостное решение выставки, которое возникает в случае, когда все художественные работы имеют единый носитель или экспозиционную основу (контурную карту), подходит для представления проекта зрителю в художественном музее или галерее, но может затруднять восприятие аудитории в непрофильной институции в силу некоторой повторяемости экспозиционного и художественного приема. Подготовленным зрителем она может восприниматься как стройность и взаимосвязанность частей проекта, для неподготовленного же может сделать выставку несколько монотонной. Конечно же, обобщить зрительский опыт невозможно и здесь подразумевается имплицитный зритель определенных типов культурных институций.

¹¹ В рамках выставки были представлены как уже ранее существовавшие художественные произведения, концептуально совпадающие с проектом, так и созданные художниками специально.

определенными практиками, объектами, людьми, воспоминаниями, эмоциями. Важной чертой проекта стало включение в него не только работ молодых авторов – студентов Российского государственного художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова, но и состоявшихся художников, работающих с разными материалами, а также участников, не относящихся к категории «художники», о чем будет сказано далее.

Не углубляясь в подробный разбор всех работ, которые были представлены «внутри контура», хочется выделить внутренние темы – трактовки концепции проекта, которые позволяют понять, насколько по-разному авторы могут выражать идеи в рамках заданного подхода. Художники могут обращаться к образному осмыслению непосредственных географических единиц, как это сделала Александра Шербакова в работе «Урал. Кавказ. Алтай-Саяны» (ил. 3). Автор использовала абрисы горных массивов для создания контуров отверстий в крышках объектов-«коробок», внутри которых скрыты фактуры, напоминающие и горные породы, и полезные ископаемые. Реально существующий на карте контур, выключенный из контекста, остается для зрителя неузнаваемым, а материальный объект превращается в соразмерную человеку «шкатулку с драгоценностями». Здесь возникает художественная игра не только с масштабом, но и с идеей наполнения/заполнения и соотношения топонима и его визуального образа (Приложение 2).

Авторы могут уйти от размышления о картографировании пространства и попробовать осмыслить феномен контура в истории художественных практик¹². В графической серии Алексея Иорша «Мэшап-1, 2, 3» (ил. 4) перерисованные контуры линейных работ Леонардо да Винчи, Рембрандта и Альбрехта Дюрера совмещаются с цветом абстрактной живописи Джексона Поллока, Сая Твомбли и Виллема де Кунинга. Это художественное размышление о противопоставлении линии и цвета, границы и цветовой плоскости сопровождается авторской сказкой, кратко пересказывающей историю развития визуальной культуры (Приложение 3). С одной стороны, такая трактовка кажется далекой от темы контурных карт, с другой – крайне интересной как образ метафизического пространства истории искусства, роль контура в котором осмысляется ее же субъектом – художником.

С идеей картографирования не пространства, а феномена связаны работы студентов факультета культурологии Российского государствен-

¹² Под практиками понимается то практическое поле, в котором они сами находятся. Таким образом, подобные практики можно рассматривать как размышление об истории искусства как пространстве, ландшафте и пути в нем.

ного гуманитарного университета — «карты теории культуры». Эти объекты, созданные не как художественные, а как учебные, представляют собой отчетную работу по курсу «теория культуры»¹³, в рамках которой студентам необходимо было в визуальной форме заполнить карту теоретических полей, которые оказываются наиболее значимыми для культурологии. Такой картой могут стать самые разные изображения: от здания, на каждом ярусе которого располагается та или иная теоретическая концепция, до портретов ключевых теоретиков. Могут же возникнуть и буквальные карты несуществующего пространства теории, в котором присутствуют свои географические обозначения и связи, как это решено в работе Марии Поленовой и Анастасии Огневой (ил. 5, Приложение 4).

Художники могут размышлять о контуре и карте человека и его тела¹⁴, о восприятии привычных пространств с новых точек зрения и в необычных условиях¹⁵, о самой практике изображения реальных мест и предметов¹⁶, что созвучно идее образа, модели, которым становится карта по отношению к картографируемой территории. Это не просто назывное перечисление возможных тем, но попытка продемонстрировать достаточную полифонию трактовок, возникающих у авторов, работающих с одной проблематикой. Выставочный же формат¹⁷ оказывается важным как представление в пространстве своего рода контурной карты коллективных размышлений на тему.

Проект — метод

Если задаться целью рассмотреть описанный проект не как отдельную выставку, а как метод, который может в дальнейшем использо-

¹³ Нехудожественный характер работ возвращает к идее междисциплинарности, которая лежит в основе выставочного проекта. Иными словами, художественное/визуальное/созидательное размышление на тему контурных карт может осуществляться не только художниками, но и, например, начинающими социокультурными исследователями.

¹⁴ Работа Анны Лыковой «Участи тела» 2023 г.

¹⁵ Серия Екатерины Забелиной «Без нас» 2022–2023 гг.

¹⁶ Серия Дмитрия Горельшева «Прямая перспектива» 2022–2023 гг., работа Елены Юдиной «Базовый пейзаж» 2023 г., работа Полины Шутовой «Деконструированный пейзаж» 2023 г.

¹⁷ Здесь под выставкой подразумевается не просто экспонирование работ с целью показать отдельные художественные объекты зрителю, а комплексное кураторское художественно-пространственное высказывание, которое становится целостным благодаря экспозиционным приемам, взаимосвязи между работами (смысловым, визуальным, образным переключкам), сопроводительным материалам (текстам), а также вписанности выставки в конкретную институцию, занимаемые проектом залы и их архитектуру.

ваться для создания локальных проектов, посвященных междисциплинарному осмыслению культурных и природных ландшафтов, то можно выделить следующие составляющие, которые видятся ключевыми.

Концептуальная рамка карты. Общая рамка идеи карты и картографирования как практики, которая фиксирует какую-то территорию (ландшафт) как модель или образ, может быть концептуальной основой для создания художественного или междисциплинарного проекта, включающего художественные практики. Работа с образом карты вписывается в длительную визуальную историю картографии, в процессе развития которой карта преобразовывалась в зависимости от превалирования визуальной иллюстративности или схематичной информативности. Исследование участниками проекта ландшафта для последующего создания работ оказывается созвучным идее изучения местности для дальнейшего нанесения ее на карту.

Образ контурной карты. Непосредственно контурная карта в таком проекте становится методом, подходом, определяющим уместность художественного (творческого, созидательного) действия по отношению к изучаемому и осмысляемому ландшафту. Задание, которое «генетически» связано с контурной картой, позволяет дать участникам проекта как четкую идейную основу, в границах которой создается каждый объект, так и большую свободу, подразумевающую широкую авторскую трактовку.

Буквальное заполнение контурной карты. Данная составляющая метода подразумевает возможность создания проекта, где участникам предлагается контурная карта конкретной территории, определяемой в зависимости от тематики, с которой работает институция.

Такой единообразный подход позволяет включать в проект самых разных участников:

1. Состоявшихся художников, работающих с разными медиа и в разных техниках.
2. Начинающих, а также самодеятельных художников.
3. Поэтов, писателей, сказителей, т.к. заполнять такую контурную карту можно не только визуальными образами, но и разными форматами текста.
4. Представителей разных социальных групп, связанных с территориями, осмысляемыми в проекте. Возможно включение не только разных возрастных категорий, поскольку заполнение контурной карты представляет собой связующий поколения опыт, но и участников, представляющих собой местные социокультурные практики. В таком случае каждому участнику может быть предложено заполнение контурной карты одного и того же пространства с точки зрения привычного именно для него взаимодействия с этим ландшафтом.

Другой важной категорией такого подхода становится возможность реализовывать на его основе пролонгированные, многосоставные художественные и социокультурные исследования. В таком случае на каждом этапе проекта может осмысляться определенная фрагмент ландшафта, часть территории, с которой работает институция. Иначе говоря, участниками могут заполняться контурные карты отдельных регионов, постепенно складывающиеся в контурную карту всей исследуемой территории.

Образное заполнение контурной карты. Реализация проекта благодаря работе не только с буквальной контурной картой, но и с идеей осмысления конкретного пространства в границах некоего контура дает возможность создать более визуально разнообразный практический результат и позволяет включать в проект уже существующие концептуально созвучные художественные произведения. При таком подходе ряд участников может также работать над заполнением реальных контурных карт. В то же время другие авторы могут расширить трактовку и контурной, и обычной карты, за счет фокусировки на идее контура.

Выставка и расширение аудитории. Представление результатов проведенного проекта в формате кураторской выставки позволяет создать единое пространство, контур, карту всех авторских размышлений, с которыми может познакомиться зритель. Образный, обобщающий характер художественного, творческого проекта позволяет привлечь широкую аудиторию к осмыслению результатов даже узких научных исследований, с которыми достаточно сложно знакомить людей за границами профессионального сообщества. Таким образом, подобный выставочный проект может быть развитием одного из направлений научной деятельности институции в области изучения культурных и природных ландшафтов. Участники проекта, которые могут знакомиться с полевыми, лабораторными, архивными и другими исследованиями сотрудников институций, общаться с ними непосредственно, становятся проводниками для зрителей в закрытое пространство научной работы через свое последующее осмысление, представленное в виде визуально-материальных объектов.

Рассмотренные составляющие не являются единственными и могут дополняться в зависимости от специфики конкретного проекта, однако эти пункты видятся базовыми для понимания того, почему контурная карта как концептуальная основа кураторского проекта может стать междисциплинарным методом, используемым различными институциями, работающими с осмыслением культурного и природного ландшафтов.

1. Концепция работы Сергея Яралова «Все еще впереди» 2020–2023 г.

1991 г. Май. 10 класс. Большая перемена. 4 этаж. Мужской туалет. Подоконник.

Будущее. Карты еще не раскрашены, папиросы еще не выкурены, оторванные пуговицы не пришиты. Еще не случился ГКЧП, Беловежская пуца ассоциировалась еще только с зубрами, не было расстрела Белого дома, не было ни первой, ни второй Чеченских войн, никто не знал слова «дефолт», а «майдан» означал еще просто рыночную площадь, еще существовали 6-я статья Конституции и Аральское море, и все еще были живы.

Единство. От Калининграда до Владивостока и от Архангельска до Душанбе нас объединяло: школа со скрипящем и разваливающимся общим средним образованием; единая страна, еще держащаяся расплзающимися швами карточных границ; пачка Беломора; школьный туалет – место личной свободы, одновременно Гайд-парк и кухня застойных времен.

Обряд инициации. Портвейн, brutальный Беломор по кругу. И черт с ними, с недоделанными уроками. Взрослая жизнь важнее.

Память. Мы еще не знали, что пепел на контурной карте страны – это мы, молодые, смелые, полные сил и надежд. Мы сами смахнули его на пол и побежали на урок взрослой экономической географии, оставив после себя оторванные пуговицы школьной формы...

2. Концепция работы Александры Шербаковой «Урал. Кавказ. Алтай-Саяны» 2023 г.

Когда мы слышим словосочетание «контурная карта», мы сразу представляем себе географическую карту с нанесенными контурами стран. Такие карты обычно содержат в себе элементы ландшафта (равнины, леса, горные хребты, моря, реки, океаны), важные объекты (например, места залежей ископаемых), какие-либо процессы или явления (зоны экономики, численность населения территорий, зоны трудовой деятельности). А что, если представить себе не общую территорию страны, а ее какую-то конкретную небольшую часть? Я решила представить, как могли бы выглядеть контуры некоторых крупных горных хребтов нашей страны, если их расположить на формате небольшой прямоугольной области и отсечь все остальное, оставив только границы горной цепи.

¹⁸ Концепции экспозиционных работ представлены с сохранением авторского стиля изложения их создателей, сопроводивших каждую работу, демонстрируемую на выставке, своим комментарием.

Если отрисовать контур горного хребта на белом листе бумаги и оставить его без каких-либо разметок, вы получите линию, заключающую в себе некую абстрактную форму. Мне захотелось перевести эти абстрактные композиции в объем, оставив при этом ощущение и линии, описывающие форму в виде контура и самой формы. Таким образом, получилась серия работ из глины, представляющих собой керамические скульптуры «Урал», «Кавказ», «Алтай-Саяны».

3. Концепция работы Алексея Иорша «Мэшап» 2023 г.

Сказка...

Жили-были краски. И линии. Да, еще художники жили-были.

Издавна художники смешивали краски и писали картины. Сначала на стенах пещер, на досках, стенах зданий, холстах, потом вообще на чем попало.

В руках художников линии превращались в рисунок, потом рисунок заполнялся красками, создавая образ мира. Иногда даже более прекрасный, чем сам этот мир.

Богатые люди собирали эти образы, заказывали свои портреты, и художники, приручившие краски и линии, благоденствовали.

Но однажды появилась фотография, которая не хуже художников стала отображать образы мира. И теперь для того чтобы сделать точное изображение, скажем богатого мецената, стало не нужно долго учиться правильно располагать краски и линии контура, чтобы картины получились «как в действительности».

И тогда краски взбунтовались — как так, мы же сами по себе красивые, можем создавать прекрасные формы и сочетания, не пытайтесь подражать реальности! За ними и линии освободились от необходимости строго следовать контурам лица, человеческого тела и вообще чего-либо.

То, что получилось, назвали абстракцией.

А я попытался нарисовать тот момент, когда краски и линии разорвали оковы традиционной формы и вырвались на свободу.

В качестве референсов использовались рисунки (контурные карты) Альбрехта Дюрера, Леонардо да Винчи и Рембрандта, а также живопись и графика абстракционистов Джексона Поллока, Сая Твомбли и Виллема де Кунинга.

4. Концепция работы Марии Поленовой и Анастасии Огневой «Карта теории культуры» 2022 г.

Мария Поленова: «Философы, лингвисты, писатели, — все те, чей вклад в развитие культурологии показался мне, как студентке, особенно значимым, плывут по необъятному миру теории культуры. Метки на карте — труды, школы, исторические направления, а зем-

ля – метафора самой культуры, на которой строится деятельность исследователей».

Анастасия Огнева: «Важную роль в развитии культурологи играли и продолжают играть философы, лингвисты и писатели. Философы помогли сформировать основные концепции и идеи, которые стали фундаментом для изучения культуры. Лингвисты имеют важное значение для культурологии, поскольку язык является ключевым инструментом в изучении и интерпретации культуры. Писатели также являются свидетелями своего времени и могут предоставлять уникальные перспективы на культуру и общество. Их произведения стали объектом изучения культурологов и помогли расширить и углубить наше понимание культуры».

**Архитектура в живом ландшафте:
сохранение и передача идентичности
в настоящем и будущем**

Северные проекты архитектора-реставратора Гали Владимировны Алфёровой

Абрамовский Василий Николаевич — заведующий отделом научно-исследовательской и просветительной работы, Северный морской музей; basilabram@mail.ru

Статья посвящена судьбе и творческому наследию замечательного советского архитектора-реставратора Г.В. Алфёровой, истории изучения ею памятников архитектуры Русского Севера в целом и Каргополя и Кенозерья в частности, уникальному общественно-значимому проекту реставрации силами студенческих строительных отрядов культовых памятников бывшего Крестного Онежского монастыря на Кий-острове, расположенном в Белом море.

Ключевые слова: архитектура, Русский Север, реставрация, Гали Владимировна Алфёрова, Крестный Онежский монастырь, Кенозерье, Каргополь, наследие.

Судьба защитников историко-культурного наследия в нашей стране — это, как правило, биография борца, преодолевающего множество препятствий и обстоятельств. Удивительно, но иногда самыми настоящими богатырями духа выступают хрупкие женщины. Именно им, их жизненной энергии и силе воли подвластны не только каменные или деревянные исторические стены, но и души и сердца людей, что гораздо сложнее! Одним из таких героев, буквально сражающихся за великую русскую культуру, являлась архитектор-реставратор Гали Алфёрова.

В июле 2023 г. 111 лет исполнилось бы Гали Владимировне Алфёровой, большому русскому архитектору и яростному защитнику исторического наследия России. Вместе с коллегами и учениками ей посчастливилось стоять у истоков важного общественного движения охраны памятников истории, культуры и архитектуры. Именно благодаря ей мы сегодня имеем уникальную возможность любоваться и изучать шедевры русского зодчества на своих родных местах, а не по фотографиям и рисункам. Своим примером, упорным трудом, жизненной и исследовательской энергией Гали Владимировна доказывала, что энтузиазм и четкая организация дела способны преодолевать косность, лень и равнодушие.

Наследие архитектора-реставратора Г.В. Алфёровой на несколько десятилетий было предано забвению. Только в последние годы к результатам ее труда все чаще стали обращаться те, кто связан с памят-

никами, новая жизнь которых стала возможна благодаря работе Алфёровой.

Гали Владимировна родилась 12 (25 по н. ст.) июля 1912 г. в Москве. В ряде работ она описывает свои детские воспоминания об уходящей старой Москве 1920-х гг., с которыми познакомил маленькую Гали ее отец; впечатления от реставрации палат В.В. Голицына и И.Б. Троекурова в Охотном ряду, которую проводил тогда еще совсем молодой Петр Дмитриевич Барановский [6, с. 3]. Именно тогда в душе будущего ученого сформировалась мечта – заниматься старинной архитектурой, ее изучением и реставрацией.

Превращением мечты в реальность стала учеба в Московском архитектурном институте (МАРХИ), который был окончен буквально за считанные дни до вторжения немцев в Советский Союз в июне 1941 г. Коренное изменение ситуации в стране и нависшая не только над историческим наследием, но и над миром опасность, стали причиной того, что мастеров и старинные чертежи были на время отложены – пришла пора защищать Родину [5, с. 9]. Тем же летом 1941 г. Гали окончила краткосрочные курсы фортификаторов и приступила к практической работе, о которой она, безусловно, никогда не думала. Первые три года ее профессиональной деятельности были связаны с необходимостью организации обороны и охраной исторического наследия старинных городов Центральной России и Украины: Тулы, Москвы, Смоленска, Киева и многих других. Именно из этого опыта произрастает у Гали Владимировны интерес к важной теме комплексной исторической застройки городов. Любопытно, что схожая судьба была и у легендарного архитектора-реставратора, одного из учителей Г.В. Алфёровой, чья жизнь также связана с изучением архитектурных памятников Русского Севера и охраной исторического наследия, Петра Дмитриевича Барановского, «университеты» которого пришлось на войну, только в его случае – на Первую мировую.

С 1944 г. Гали Владимировна сотрудница кабинета теории истории архитектуры Академии архитектуры. В 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «История московской архитектуры конца XVII века». Основу для исследования составила разработка проекта реставрации одного из самых интересных московских памятников той эпохи – Храма Воскресения Христова в Кадашах, в Замоскворечье. Силами Алфёровой этот памятник московского барокко был «прочитан» и удачно отреставрирован в 1945–1965 гг. Обстоятельства и история этой реставрации были блестяще изложены Гали Владимировной в монографии, ставшей примером методической и научной работы для нескольких поколений отечественных архитекторов [7]. Одновременно она участвовала в разработке и реализации нескольких важных проектов реставрации локальных исторических зон столицы. Прежде

всего необходимо выделить проект на Берсеневской набережной Москвы-реки. Заметим, что именно эти ее самостоятельные реставрационные опыты оформили интерес Алфёровой к русской церковной архитектуре XVII в.

С 1952 г. Гали Владимировна работала в музее Академии архитектуры, позже названным Музеем архитектуры имени А.В. Шусева. С 1960 г. она трудилась в должности старшего научного сотрудника Института теории и истории архитектуры. Ее главный вклад в историю отечественной архитектурной школы той поры – формирование теоретических основ древнего русского градостроительства.

В середине 1960-х Гали Владимировна вместе с академиками И.П. Петровским и М.Д. Миллионщиковым, народными художниками СССР П.Д. Кориным и А.А. Пластовым, профессорами Н.Н. Ворониным и Б.П. Михайловым, признанным знатоком древнерусского зодчества П.Д. Барановским участвовала в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Организация новой институции послужила началом широкого исследовательского и реставрационного движения по всему Советскому Союзу, в результате чего были спасены сотни памятников архитектуры, другие вышли из забвения, а тысячи людей стали активистами, пропагандирующими и, что особенно важно, изучающими и сохраняющими историю родного края.

С 1966 г. Гали Владимировна – активный член бюро секции архитектуры ВООПИиК, а с 1967 г. – председатель ее реставрационной комиссии.

Тогда же, в 1960-х, на волне активного строительства массового жилья по всей стране, территорией для которого становились в том числе и исторические центры древних поселений, вместе с коллегами Алфёрова сыграла ведущую роль в разработке принципов бережного отношения к исторической среде, прежде всего городской. Заметим, что само понятие «исторический город», которое легло в концепцию охранного законодательства и градостроительной практики, обязано его активному использованию и научному обоснованию исследователя и организатора охраны исторического наследия Г.В. Алфёровой.

Как эксперт, Гали Владимировна участвовала в выработке рекомендаций комиссии Центрального совета ВООПИиК, отвергнувшей проект детальной перепланировки Москвы, предполагавший уничтожение 80 % исторической застройки в пределах Садового кольца. Возглавляемая Г.В. Алфёровой комиссией разработала рекомендации по сохранению 115 исторических городов СССР [12, с. 217]. Именно она настояла на включении в их число многих провинциальных городов Русского Севера: Великого Устюга, Вологды, Архангельска, Каргополя, Сольвычегодска, Тотьмы и др.

Все годы активной творческой деятельности сфера научных интересов Алфёровой оставалась чрезвычайно широкой. По сути, ее специализацию можно было бы определить устаревшим сегодня понятием «архитектор-археолог». Гали Владимировна акцентировала внимание на важности широкого авторского и исследовательского кругозора, необходимости междисциплинарного научного подхода к изучению памятников. Ее работы как теоретического, так и практического характера всегда были связаны с самыми разнообразными архитектурными традициями: европейской, азиатской, арабской и, конечно, любимой русской.

Особый интерес у Гали Владимировны вызывал Север, рассматривавшийся ею как заповедник отечественной архитектуры, сохранивший корни, позволяющий выявить генезис традиций русского зодчества. Оттепельные 1960-е – середина 1970-х гг. – северный период ее творчества.

В 1962 г. она впервые приезжает в Архангельскую область и возвращается сюда снова и снова на протяжении многих лет. На долгие годы растягивается ее работа на Соловках и Беломорье, в Каргополе и Кенозерье [2]. Каждый отпуск она проводила на Севере. От простых летних путешествий с рюкзаком за плечами достаточно быстро она перешла к комплексному сбору материалов, пониманию истоков древнерусского зодчества и культуры в целом, корни которой, как предполагала исследовательница, находились на Русском Севере.

Особое внимание привлек Каргопольский озерный край и верхнее течение р. Онеги. Здесь она обнаружила особый характер как каменной, так и деревянной культовой северной архитектуры, обратила внимание на их уникальную художественную ценность и своеобразие, объединяющую функцию градообразующих церковных памятников. Важным обстоятельством стало выявление оригинальной каргопольской архитектурной школы, характеризующейся сочетанием нарядных, узорных порталов и наличников с широкими гладкими стенами и лаконичностью объемов церквей. Алфёрова отмечала, что северные поселения, особенно удаленные от транспортных магистралей и интенсивной хозяйственной деятельности, почти не искажены поздними изменениями и сохраняют оригинальную структуру XVII–XVIII вв. Этому способствует и рациональное использование окружающей среды, местных природных ресурсов. Так, к примеру, настоящий восторг у архитектора вызвали кенозерские часовни, максимально разумно вписанные в местный ландшафт и имеющие ряд локальных архитектурных особенностей, таких как малый размер (часовня-крест в д. Тырышкино на Кенозере) или устройство главы из одного вытесанного бревна (часовня в д. Горбачихе) (ил. 1).

Алфёрова побывала в самых труднодоступных местах Кенозерья, в частности в Хергозерской Макарьевской пустыни, о чем свидетель-

ствуют приведенные в книге «Каргополь и Каргополье» фотографии, планы и зарисовки обители [3, с. 179–180].

В 1966–1967 гг. Гали Владимировна, плотно занимающаяся темой исторических городов, выполнила множество чертежей и кроков в Каргополе, обмерила все ключевые каменные культовые постройки этого древнего города. Кроме того, она составила повековой план градостроительной истории Каргополя, зафиксировав то, как менялся город в своих границах и структуре. Сегодня некоторые из этих чертежей хранятся в фондах Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея.

Результаты почти десятилетних работ в Каргополье и на Кенозере Гали Владимировна представила в монографии «Каргополь и Каргополье» [3]. В ней впервые была сформулирована мысль о выявлении особой архитектурно-исторической зоны Русского Севера, объединяющей юго-западные территории Архангельской области. Эта, казалось бы, узкоспециализированная книга, изданная тиражом в 9000 экземпляров, быстро стала библиографической редкостью и предметом широкого интереса как специалистов, так и любителей Севера в целом.

Все годы своей работы Г.В. Алфёрова активно проявляла себя не только как кабинетный ученый, теоретик архитектуры, но и как практик-реставратор, прекрасно «читающий» памятники, не гнушающийся непосредственной работы с мастерком и раствором.

Ее профессиональное кредо, принцип работы: широкое вовлечение в реставрационные, исследовательские процессы студенчества и общественности, наиболее активных и заинтересованных людей. Именно поэтому практически все свои проекты она сопровождала изданием методических руководств, призванных не просто детально осветить работу исследователя-реставратора, но и мотивировать, побуждать к подобной деятельности энтузиастов-любителей, выступавших лучшими пропагандистами любой деятельности по сохранению и исследованию старинного русского зодчества. Профессионализм и популяризация исторического наследия – вот базовые принципы архитектора-практика Алфёровой [6, с. 44–45].

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, созданное в середине 1960-х гг., служило важным инструментом в деле улучшения охраны художественных и исторических богатств страны. Совет Министров РСФСР предоставил ВООПИиК право согласования проектов на реконструкцию древних исторически ценных городов, ансамблей и отдельных памятников. Активисты на местах должны были следить за сохранением исторической среды и отдельных объектов историко-культурного наследия – легализовать разбор, корректировать характер их приспособления под современные нужды, выделять ресурсы на реставрацию. По инициативе ВООПИиК и при участии

Г.В. Алфёровой в Московском архитектурном институте был открыт факультет, где с 1970 г. юношей и девушек начали готовить по специальности «архитектор-реставратор древних зданий».

С 1967 г. молодежная секция Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в дни каникул организовывало студенческие реставрационные отряды. Студенты разных вузов составили основную силу в деле сохранения памятников архитектуры. Ежегодно ВООПИиК выделяло крупные денежные ассигнования на их реставрацию.

Г.В. Алфёрова была главным вдохновителем и организатором движения студенческих строительных отрядов в стране. Один из первых таких отрядов летом 1968 г. [1, с. 83–93] приступил к работе на памятниках бывшего Крестного Онежского монастыря – обители, основанной Патриархом Никоном в середине XVII в. на острове беломорском острове в Онежской губе. Реставрационные работы Кийского студенческого строительного отряда должны были стать эталонными, образцовыми для всей страны (ил. 2). Именно на их опыте строилась дальнейшая реставрационная деятельность активистов-общественников [4].

Основу Кийского стройотряда составляли студенты Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева [11]. Он был одним из семи пилотных институтских студенческих строительных отрядов в Советском Союзе. Именно менделеевцы самыми первыми включились в движение. И их первым и самым важным объектом стал бывший Крестный Онежский монастырь. На протяжении почти шести летних сезонов, с 1968 по 1973 г., на Кий-остров высаживался отряд из нескольких десятков будущих химиков. Каждый их приезд являлся огромным событием не только для самих студентов-общественников, но и для всего Архангельского Севера. Реставрационные работы, проводившиеся под руководством Г.В. Алфёровой, постоянно были предметом интереса региональной и всесоюзной прессы, стали важным примером, позволившим местному населению без сурового северного прагматизма взглянуть на собственное прошлое [8–10].

Обстоятельства многолетней реставрационной работы на Кий-острове нашли отражение в виде целого ряда научных изданий Г.В. Алфёровой и прежде всего популярной в 1970-х гг. брошюры из серии «Знания» – «Сохраним памятники архитектуры. Реставрация архитектурного ансамбля на Кий-острове силами студенческих отрядов» [7]. Важно отметить, что вопреки сложившейся практике тех лет Гали Владимировна в своих публикациях практически никогда не скрывала тех фактов, которые объективно мешали решению важных задач реставрационных отрядов и исследователей. Она смело публиковала имена виновных в неудачах и, наоборот, отличившихся в ходе работ.

Правда, не все ее попытки назвать вещи своими именами проходили строгий редакторский контроль.

Как всегда, все, что происходит с первыми, несет совершенно конкретный отпечаток проблем. Работы на памятниках Кий-острова сопровождались большими сложностями, обусловленными, кроме всего прочего, и местной бюрократией. Самую большую сложность для организаторов реставрационных работ представляли проволочки с доставкой материалов, неизменно пьющие прорабы и еще больше пьющие нанятые «шабашники» из местных жителей г. Онеги, саботаж со стороны Архангельского отделения ВООПИиК, а также областных чиновников и т.д. По воспоминаниям Гали Владимировны, ее первый приезд на Кий-остров с группой стройотрядовцев был омрачен полным отсутствием лесоматериалов, обещанных местным онежским начальством. Ребята вынуждены использовать для строительства необходимого при реставрационных работах лесов так называемый «плавник», бревна, прибитые штормом к островам Кийского архипелага. Благо, деревообрабатывающие предприятия и запаны Онеги в обилии сплавляли по морю такой материал. Тут же, прямо в походных условиях, гасили известь, изготавливали инструмент из подручных материалов, договаривались с коллегами-комсомольцами Онежского лесодеревоперерабатывающего комбината о доставке гвоздей, толя и пиломатериалов. Интересно то, что местом проживания бойцов стройотряда весь период реставрации был существующий с 1924 г. на острове Дом отдыха «Кийский», продававший им путевки, стоимость которых вычиталась из зарплат студентов.

Из рядов стройотрядовцев МХТИ имени Д.И. Менделеева вышло немало высококлассных специалистов в разных областях науки и общественной жизни. Так, к примеру, лидером первого отряда менделеевцев был студент 3 курса Евгений Васильевич Юртов («Женя», как в своих работах называла его Г.В. Алфёрова), ставший прославленным советским и российским химиком, специалистом в области физико-химии экстракционных систем, членом-корреспондентом РАН, исполнявшим обязанности ректора своей альма-матер. Работа на Севере стала для него и многих других важной школой жизни.

Сам подход к работе, четко организованный Гали Владимировной, был образцовым: строгий распорядок дня, сочетание физической работы и знакомства с историей реставрации и архитектурой, передача опыта от опытных бойцов новичкам, зимняя подготовка к летним работам в Москве, отсутствие избыточных контактов с праздными отдыхающими, система иерархии, следование принципу «делу – время». Плюс искренняя благородность отличившимся и популяризация их имен, мотивация на качественную работу, общий энтузиазм и моральная ответственность.

Работа студенческих строительных отрядов на Кий-острове стала важным примером гражданской ответственности и научного осмысления. Как подсчитала сама Гали Владимировна, общее время, потраченное за шесть лет работы на реставрацию Крестного Онежского монастыря, составило чуть более восьми месяцев. Всего в работе было задействовано чуть более 150 человек. Не велики затраты. Однако за это время было сделано очень много: установлены леса, изготовлены кружала, зафиксировавшие форму сводов Трапезного и Келейного корпусов, заменена кровля со значительным свесом, чтобы отвести воду от фундаментов зданий, исполнена фигурная кладка на множестве стен и окон, выложены своды церкви Рождества Богородицы 1789 г. постройки и многое другое. Сама Алфёрова подготовила огромный комплексный проект реставрации архитектурного ансамбля монастыря, предполагавший восстановление его облика на первый период строительства — конец XVII столетия, так называемую никоновскую эпоху (ил. 3). Заметим, что именно по этой причине был разобран портик на восточной стороне колокольни, материалы от которого были использованы для вычинки алтарной апсиды Крестовоздвиженского собора (ил. 4).

К сожалению, человеческая беспечность и чиновническое равнодушие не дали завершиться полноценной реставрации монастыря. В 1974 г. в стенах Архангельского облисполкома было принято решение о бесперспективности работ на Кий-острове, и они были резко свернуты. В том же году на острове произошел большой пожар, в результате которого сгорели кровли трапезного комплекса и отреставрированного менделеевцами Рождественского храма монастыря. Эти события стали настоящей трагедией лично для Гали Владимировны, фактически воочию наблюдавшей то, как рушится, сгорая в огне и бездушии «ответственных лиц» дело, которому было посвящено столько энергии. С 1974 г. Алфёрова, до того не упускавшая возможности обращаться к общественности даже со страниц районных газет, только один раз затрагивает тему истории Крестного монастыря — в совсем небольшом, буквально на полторы странички, тексте в сборнике «Памятники Архангельского Севера», вышедшем в 1983 г. [7, с. 129–130].

В память о реставрационных работах под руководством Алфёровой в 1969 г. в возведенный кирпичный свод храма Рождества Богородицы Крестного Онежского монастыря была вмонтирована небольшая керамическая плита с ее фамилией (ил. 5).

На протяжении многих лет Гали Владимировна работала в интенсивном режиме: летом полевой сезон на Севере, зимой изыскания в столичных и архангельских архивах. Комплексность подхода позволила решить основную задачу исследователя: впервые был введен в научный оборот и проанализирован ряд архитектурных памятников Каргополя

и Кенозерья, исследована история строительства Крестного Онежского монастыря, выявлены особенности культовой и гражданской северной архитектуры. Кроме того, впервые был представлен анализ второго крупнейшего исторического административного центра Поонежья – Турчасовского посада, фактически второго города, стоящего в нижнем течении р. Онеги.

Важным элементом наследия Г.В. Алфёровой является то, что она была одним из теоретиков организации так называемых архитектурных заповедников – музеев под открытым небом [3, с. 187–188]. В конце 1960-х гг. недалеко от Архангельска был организован, а в 1973 г. открыт Музей деревянного зодчества под открытым небом «Малые Корелы», представлявший собой новый тип заповедников, которые планировали создавать. Этот формат сохранения наследия предков был основан на практике вывоза памятников архитектуры, обреченных на гибель на местах, из глухих и заброшенных регионов. Второй вариант, так называемый естественный заповедник, предполагал создание особых охранных зон и архитектурных комплексов непосредственно на территории, где памятник архитектуры изначально и находился. Подобные зоны предполагалось создать в каргопольском с. Ошевенск и в Кенозерье. На практике была реализована только часть этих планов – с конца 1991 г. ведет свою уникальную комплексную работу Национальный парк «Кенозерский».

Так или иначе, необходимо отметить, что одним из основоположников, теоретиков и практиков сохранения исторического и архитектурного наследия Русского Севера стала Г.В. Алфёрова, чьи идеи легли в основу многих архитектурных и реставрационных проектов, реализация которых растянулась на десятилетия, а некоторые, надеемся, еще ждут своего воплощения.

Последние годы жизни Гали Владимировны Алфёровой были связаны со многими профессиональными сложностями, которые наложились на семейные обстоятельства. Рубеж 1970 и 1980-х гг. – период активной работы над докторской диссертацией, которая, к сожалению, так и не была защищена. Гали Владимировна умерла 27 апреля 1984 г. в Москве, когда ее диссертация «Методы проектирования и строительства русских городов в XVI–XVII веках», подготовленная не с первого раза, уже была назначена на защиту, а авторефераты были отправлены по необходимым адресам.

Научный и личный архив Алфёровой в настоящий момент находится в разрозненном состоянии. Значительная его часть была утрачена в результате семейных передраг. Некоторую часть архива удалось спасти друзьям Гали Владимировны после ее смерти. Сейчас он постепенно обрабатывается сотрудниками Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева в Москве. Рабочие

материалы Алфёровой находятся также в фондах Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея, Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим», в котором она работала в 1970-х гг., а также в архиве Дома отдыха «Кийский» (г. Онега Архангельской обл.) и в нескольких частных собраниях.

Книги и публикации Г.В. Алфёровой ценны как важный, основанный на документах и личном опыте источник о возрождении замечательных памятников архитектуры: они строятся на живом и в то же время научном материале, знакомят читателя с основами реставрационного искусства. Ее общественная и организационная деятельность представляет огромный интерес для современных поколений ученых, реставраторов и, что важно, пропагандистов и популяризаторов дела сохранения национальной истории. Наследие архитектора-реставратора Гали Владимировны Алфёровой, в целом, и ее северных проектов, в частности, является важным примером гражданской ответственности и профессионального мастерства.

Список литературы

1. *Алфёрова Г.В.* Ансамбль Крестного монастыря на Кий-острове // Архитектурное наследие. Вып. 24. М., 1976. С. 83–93.
2. *Алфёрова Г.В.* Древнее и вечно молодое // Правда Севера. 1965. 29 января.
3. *Алфёрова Г.В.* Каргополь и Каргополье. М., 1973.
4. *Алфёрова Г.В.* О чем «говорят» стены Кийского монастыря // Правда Севера. 1965. 28 августа.
5. *Алфёрова Г.В.* Памятник русского зодчества в Кадашах. История его реставрации. М., 1974.
6. *Алфёрова Г.В.* Сохраним памятники архитектуры. Реставрация архитектурного ансамбля на Кий-острове силами студенческих отрядов. М., 1971.
7. *Алфёрова Г.В.* У Белого моря // Памятники архангельского Севера. Архангельск, 1983.
8. *Бадьин Ю.* Второе рождение Кийского ансамбля // Правда Севера. 1968. 25 августа.
9. *Мариничева О.* «Остров сокровищ» // Правда Севера. 1970. 9 августа.
10. *Озерова Л.* Монастырь и студенты // Правда Севера. 1971. 17 июля.
11. *Разгонов С.Н.* Северные этюды. М., 1972.
12. *Строева О.Г.* Памяти Гали Владимировны Алфёровой (1912–1984) // Кадашевские чтения. Вып. V. М., 2009. С. 217.

Церковь Рождества Богородицы в деревне Луде Приморского района Архангельской области

Гундакова Людмила Викторовна — независимый исследователь; lumaх@bk.ru

Статья посвящена одному из немногих сохранившихся памятников деревянного культового зодчества Беломорского Севера — Лудской церкви Рождества Богородицы. До недавнего времени ее история не привлекала пристального внимания историков и искусствоведов, поэтому основными источниками для нашего исследования явились архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. Богородицкая церковь в д. Луде Приморского района являлась частью храмового ансамбля, традиционно на Севере состоявшего из двух деревянных церквей (холодной и теплой) и шатровой колокольни. До сегодняшнего дня сохранилась только изучаемая нами теплая клетская церковь Рождества Богородицы. Удалось выяснить, что будучи построенной в 1862 г., она является четвертой известной ее постройкой: первая выстроена до 1527 г., вторая — в 1713 г., третья — в 1762 г. Закрытая советской властью в 1929 г. церковь была вновь открыта в 1944 г. Окончательное ее закрытие состоялось в 1964 г.

Ключевые слова: Беломорский Север, Лудский посад, Лудский церковный приход, церковь Рождества Богородицы, колокольня, иконостас, Лудская община верующих.

Данная статья основана на исторической записке, входящей в состав эскизного проекта реставрации памятника регионального значения: церкви Рождества Богородицы в д. Луде Приморского района Архангельской области. До последнего времени ее историей почти никто не занимался. Очерк, составленный еще в дореволюционном 1894 г. благочинным И. Ивановым, историю церкви начинает со строительства в 1862 г., не указывая сведений о предыдущих ее постройках и были ли они вообще [4, с. 219–220]. Хотя уже тогда епископ Архангельский и Холмогорский Макарий в одной из своих статей за 1878 г. упоминал «пречистенский приход на Луде» среди церковных приходов, образовавшихся в Двинском уезде «частью в XV, частью в XVI веках» [8, с. 9].

В своем исследовании мы опирались, прежде всего, на опубликованные и неопубликованные хозяйственные и поземельные грамоты XV–XVI вв., писцовые книги XVI–XVII вв., летописи, документы Го-

сударственного архива Архангельской области и архива Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры (г. Архангельск).

Фрагментарность использованной нами источниковой базы о церковном землевладении в XV–XVIII вв. не позволяет с точностью определить время возникновения церковного прихода и состав его храмового ансамбля. Удалось найти несколько грамот второй четверти XVI в. с упоминанием Лудской церкви. Самое раннее мы обнаружили в «Купчей Михаила Самата на двор в Луде, проданный в сентябре 1527 г. Двор с домом и строениями находился по соседству с церковью: «...а двор от Пречистыя, а з другую сторону Левонтъев двор Чернаго...» [1, с. 42, № 56]. Другим ранним документом является «Купчая Тимофея Худокуева на проданные им лудские пожни» в мае 1539 г. [1, с. 51, № 76]. Купчую писал лудский дьяк Иван Федорович [1, с. 51, № 76]. Лудская церковь упоминается и в Платежной книге Двинского уезда 1560 г. Из оброчной книги становится известно, что раньше «на Луде на Больших местех» одна из льготных варниц принадлежала Лудской церкви (собору): «...варница церковная Пречистые соборные, что Пречистая на Луде на посадце...» [6, с. 535]. Из вышесказанного можно допустить, что Лудский церковный приход с церковью Собор Пречистые Богородицы возник в начале или во второй четверти XVI в.

Первое известие о существовании в приходе второй церкви – Рождества Пресвятыя Богородицы, сохранившейся до нашего времени и являющейся предметом нашего изучения, относится к 1586 г. Согласно писцовым книгам князя Василия Андреевича Звенигородского за 1586–1587 гг.¹, в приходе уже существовал традиционный для Севера деревянный храмовый комплекс: шатровая церковь Собор Пречистой Богородицы (холодная), клетская церковь Рождества Пресвятой Богородицы (теплая) и обязательная звонница (в документе не указана).

Сам Лудский посадец, как и Унский, упоминался в письме Ивана Заболоцкого в 1552–1553 гг. [6, с. 535]. В «Платежнице» 1560 г. перечислялись также посады и посадцы в Холмогорах, Курцеве, Кулуе, Ширшеме, Нёноксе. Наиболее подходящим определением слов «посад» или «посадец» мы находим следующее: «населенный пункт, являвшийся торгово-ремесленным центром, как правило, без крепости» [8, с. 149]. Можно допустить, что применительно к Луде, Уне и Нёноксе главную роль в причислении их к посадам сыграло наличие достаточного количества промысловых соляных варниц и работников на них, вываривавших соль на продажу.

¹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 92. Л. 54.

Согласно Переписной книге Ивана Ивановича Философова и подьячего Козьмы Патракеева за 1676–1678 гг., в Луде в 1678 году числились 44 двора посадских людей (для сравнения в Уне – 44, в Нёноксе – 77), а также значились три двора церковного причта.

Дальнейшую историю Лудского прихода и ее церквей довольно подробно освещают клировые ведомости и другие документы, сохранившиеся в архивном фонде Архангельской духовной консистории Государственного архива Архангельской области.

В 1701 г. теплая церковь сгорела. Через 10 лет, в 1710–1713 гг., выстроили вторую, известную нам, церковь Рождества Пресвятой Богородицы. О времени постройки сообщала надпись на ее иконостасе².

В 1762 г. на ее месте возвели третью, известную нам, новую теплую Богородицкую церковь³. Время строительства совпало с потерей самостоятельности Лудского прихода и присоединением его к Унскому. В клировой ведомости за 1806 г. утверждается, что приход упразднили в 1785 г.⁴, а в клировых ведомостях за 1836, 1848 и позднее – что в 1765 г.⁵ Упразднили его за невозможностью лудских прихожан содержать местного священника. Вероятно, по той же причине к этому времени приход лишился второй церкви – холодной – Собора Пречистой Богородицы. Возможно, она сгорела или ее разобрали по ветхости без восстановления. Храмовый комплекс стал состоять из теплой церкви Рождества Пресвятой Богородицы и колокольни.

Новую церковь Рождества Пресвятой Богородицы срубили на деревянном фундаменте. Ее высота с крестом составила 12 сажен⁶. Она была кубоватая («верх кубом»), одноглавая («на кубу глава»), с деревянным восьмиконечным крестом⁷. Куб, глава и бочка над алтарем обиты чешуей. Трапеза имела крышу на два ската, паперть – на один скат. Обе крыши были крыты «тесом в две доски з зубцами»⁸. В середине трапезы стояли два столба, вдоль стен – лавки («лавки кругом»). Здесь же располагалась печь: «...кирпичная, белая, кладена по швецки в устье, ставень железной и с маленьким ставенком на крюках... Труба в верху кирпична...»⁹. Перед входом на паперть устроено крыльцо. Всего в строении было 15 окон: в алтаре – 3, церкви – 4, трапезе –

² ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 123. Л. 112 об. № 91.

³ Там же. Д. 306. Л. 468. № 1.

⁴ Там же. Оп. 35. Д. 3. Л. 158.

⁵ Там же. Оп. 31. Д. 3516. Л. 7; Ф. 448. Оп. 1. Д. 3. Л. 17. № 5.

⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 306. Л. 468. № 1.

⁷ Там же. Д. 123. Л. 107. № 1.

⁸ Там же. № 1, 2, 3.

⁹ Там же. Л. 114 об. – 115. № 126 и сл.

5 и паперти — 3¹⁰. Насчитывалось четыре деревянных двери «на две половины»: в паперть, трапезу и две в церковь¹¹. Церковь однопрестольная. Антиминс был новый, как сообщает в 1803 г. священник Унско-Лудского прихода Иван Нечаев¹². Однако в клировой ведомости за 1806 г. упоминался и старый: «...антиминс на полотне весьма ветхий дан преосв. Варнаваю архиепископом в 1700 году»¹³. Иконостас тябловый, трехъярусный¹⁴. Его перенесли из прежней церкви, о чем свидетельствовала сохранившаяся к 1803 г. запись на нем о строительстве церкви в 1710–1713 гг.¹⁵ По обе стороны царских врат находилось 12 икон, писанных красками. Некоторые в 1803 г. признавалась ветхими. Во втором ярусе располагалось 10 икон, в третьем — 14.

Старая колокольня стояла рядом — рубленая, шатровая, на пяти столбах¹⁶. Глава на шатре чешуйчатая. Крест деревянный, восьмиконечный. В четверике «анбар с перерубом пополам», рядом с амбаром — вход на колокольню. На звоннице висели шесть колоколов. В 1814 г. выстроили новую колокольню по примеру прежней: деревянную, шатровую, на каменном фундаменте, высотой 11 сажен¹⁷, т.е. на сажень ниже рядом стоящей церкви. Она имела чешуйчатую главу, одно слуховое окно без ставня, амбар и две двери. Колокола перевесили со старой колокольни в том же количестве.

В 1822 г. пришло время заменить столетний иконостас. На устройство новых «иконоставов в Унской и Лудской церквах» подрядились архангельские мастера-резчики И.Д. Куроптев и В.И. Спицын: «...в нутре церковей Унской и Лудской приличные благолепию новые иконоставы с резьбою и золочением по гульфарбе — и все резные у пяти приделов Царские врата... и свех их особенная от иконостава по приличию кить для резнаго образа Николая Чудотворца...» [5, с. 264, 349–350].

В 1826 г. вокруг церкви с колокольней поставили деревянную ограду¹⁸. Ее верх был решетчатый, низ забран досками. Ограда имела двое больших ворот на столбах, обитых и крытых досками, и малые дверцы (калитки).

Долгие годы прихожан Луды не оставляла надежда вновь обрести самостоятельность своей церкви или хотя бы иметь своего священни-

¹⁰ Там же. Д. 306. Л. 468. № 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 107. № 4.

¹³ Там же. Оп. 35. Д. 3. Л. 158.

¹⁴ Там же. Оп. 31. Д. 123. Л. 108 об. — 110 об. № 32–59.

¹⁵ Там же. Л. 112 об. № 91–92.

¹⁶ Там же. Л. 115–115 об. № 130–131.

¹⁷ Там же. Д. 306. Л. 468 об. № 2; Д. 426. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Д. 306. Л. 469. № 10.

ка. Очередная попытка была предпринята в 1836 г. В посаде насчитывалось 44 двора и 446 мещан (260 душ мужского и 186 душ женского пола)¹⁹. Однако так и не смогли найти денег на выплату постоянного оклада священнику: «...с ревизской души платить отказались по причине их бедности, неурожаев хлеба и рыбной же промышленности...»²⁰. Вновь вопрос о собственном священнике был поднят во второй половине 1850-х гг. В 1857 г. на общественные деньги купили для него дом, правда деревянный, ветхий и холодный²¹, но денег на «содержание постоянного оклада» вновь не набралось. Зато в причте Унско-Лудского прихода открылась вакансия должности младшего священника для приписной Лудской церкви²². Возможно, ее введение было связано с необходимостью строительства в Луде новой церкви. Старая за сто лет пришла в ветхое состояние, и местный священник должен был контролировать постройку новой, проект которой Архангельская духовная консистория утвердила в 1859 г.²³

Указом губернского правления губернскому землемеру от 15 июня 1860 г. приказывалось, «чтобы он ныне же чрез кого-либо из землемеров согласно желанию причта и прихожан посада... отвел место под постройку Лудской церкви близ старой ныне существующей церкви и колокольни»²⁴. Этот документ свидетельствует, что новую церковь собирались возводить не на месте прежней, а по соседству с ней и колокольней.

В 1862 г., ровно через сто лет, была выстроена новая церковь: деревянная, теплая, в форме корабля, на каменном фундаменте, с одной чешуйчатой главой, однопрестольная, с перенесенным из старой церкви трехъярусным иконостасом 1822 г. работы.

Спустя 10 лет после возведения новой церкви, местный причт с прихожанами озаботились состоянием старой колокольни 1814 г. постройки. В клировой ведомости за 1873 г. помощник священника Унско-Лудского прихода Евдоким Абрамов Второй, постоянно проживавший в Луде, обращал внимание на колокольню: «весьма ветхая и даже угрожает падением»²⁵. 8 февраля 1878 г. Унско-Лудский причт заключил контракт на перестройку колокольни с подрядчиком крестьянином Петром Спиридоновым. Благочинный 3-го округа Андрей Таратин рапортом от 20 апреля 1879 г. информировал консисторию об

¹⁹ Там же. Д. 3516. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Д. 105. Л. 18 об. – 19. № 34.

²² Там же. № 30.

²³ ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1180. Л. 2 об.

²⁴ ГААО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 386. Л. 1–3.

²⁵ ГААО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 5. Л. 30 об. – 31. № 2.

окончании работ: «...колокольня устроена на новом... месте, хорошо и прочно, фундамент устроен усердием прихожан из серого камня крепкий, обшита тесом и прилично окрашена...»²⁶.

Свою самостоятельность Лудский приход вновь обрел между 1880 и 1883 гг.²⁷ Причт по штату состоял из двух человек: священника и псаломщика. На их содержание стали получать деньги от казны в количестве 180 рублей в год. Священно- и церковнослужителям также было выделено в личное пользование 6 мер пахотной земли и около 20 возов сенокосной земли²⁸. Священник проживал в причтовом доме (холодном и требующем ремонта), псаломщик – в наемной квартире.

В последующие годы церковь и колокольня неоднократно подновлялись (ил. 1), при этом обшитую тесом церковь в разные годы окрашивали белилами, сиреневой и серой красками, колокольня была выкрашена охрой, в 1907 г. тотемский мещанин К.Н. Серегодский позолотил иконостас²⁹ [5, с. 332–333]. Одним из благотворителей церкви являлся Пертоминский монастырь³⁰ [3, с. 724].

После Октябрьской революции до середины 1920-х гг. Лудская церковь продолжала действовать без регистрации. 5 сентября 1926 г. Сюземский волостной исполком заключил с Лудским коллективом верующих договор о безвозмездной передаче им в пользование здания церкви и молитвенных принадлежностей³¹.

11 января 1928 г. вышло циркулярное распоряжение советских органов о внесении в договоры с коллективами верующих, заключенные после 1924 г., дополнительного пункта с требованием содержать церковное здание в исправности. Сюземский волисполком поручил своему члену Д.Н. Мошникову провести проверку церковного имущества в Луде и перезаключить договор по новым требованиям. При проверке он выявил необходимость ремонта здания, о чем составил акт с указанием сроков его проведения. Но коллектив верующих на общем собрании не согласился на проведение ремонта и тем самым, по словам Д.Н. Мошникова, отказался от использования здания церкви, а значит, расторг договор³². На здании церкви, по словам членов волисполкома, в течение недели висело объявление об аренде его всем желающим, но

²⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 591. Л. 19 об.

²⁷ См. клировые ведомости за 1880 и 1883 гг.: ГААО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 6. Л. 24 об. – 25; Д. 10. Л. 30–31.

²⁸ Там же. Д. 10. Л. 30–31. № 6–7.

²⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 2064. Л. 151–167 об.

³⁰ Там же. Д. 1915. Л. 124–137; Ф. 448. Оп. 1. Д. 22. Л. 152.

³¹ ГААО. Ф. р-565. Оп. 1. Д. 24. Л. 61 об.

³² Там же. Л. 54.

таковых не нашлось. После этого Сюземский волисполком обратился в Приморский райисполком произвести ликвидацию Лудской церкви.

Ввиду явной угрозы закрытия церкви коллектив верующих решил согласиться с новыми требованиями и просил Сюземский волисполком сохранить за ними церковь с рассрочкой ремонта на три года. Волисполком оставил просьбу без рассмотрения, т.к. «сроки подачи заявления истекли и заявление исходит не от правления культа верующих»³³.

В свою очередь, 2 августа 1929 г. собрание остальных граждан Луды согласилось с ликвидацией церкви и постановило «проработать вопрос об изъятии ценностей для устройства мельницы при с. Луда или других нужд населения»³⁴.

14 августа 1929 г. члены президиума Приморского райисполкома вынесли решение о ликвидации Лудской церкви с передачей здания райисполкому (РИК) для использования с культурно-просветительскими целями³⁵. Поскольку вопрос о закрытии церкви оказался спорным, его вынесли на обсуждение членов президиума Архангельского окружного исполкома 2 октября 1929 г. Были запрошены дополнительные сведения, которые РИК представил 17 ноября того же года³⁶. В итоге решение о ликвидации церкви в Луде было одобрено.

Впрочем, история Лудской церкви на этом не закончилась. Спустя 15 лет под ее куполом вновь зазвучали молитвы православного богослужения.

4 мая 1944 г. Лудская «община культверующих» обратилась к уполномоченному по делам церкви в «Доме Советов» в Архангельске с просьбой о разрешении открыть местную церковь³⁷. За возможность соблюдать церковные обряды и празднества верующие обязывались взять здание церкви под свою сохранность. Коллектив верующих состоял из 26 человек в возрасте от 34 до 79 лет. Это были в основном рабочие, рыбаки и колхозники, в том числе один инвалид войны³⁸. Общину верующих поддержали граждане с. Луда в количестве 270 человек, написав свое заявление еще в апреле³⁹.

Получив заявление, уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) при СНК СССР по Архангельской области Г. Попов запросил мнение заинтересованных организаций. Так, епископ

³³ Там же. Л. 59 об.

³⁴ Там же. Л. 62.

³⁵ Там же. Л. 61 об.

³⁶ Там же. Л. 54.

³⁷ ГААО. Ф. р-5620. Оп. 3. Д. 13. Л. 5, 13 об.

³⁸ Там же. Л. 13 об.

³⁹ Там же. Л. 6.

Архангельский Леонтий в ответе от 8 июня 1944 г. отметил, что «со стороны церковной власти к удовлетворению просьбы верующих села Луда о возвращении храма для отправления богослужения препятствий не встречается»⁴⁰. Напротив, председатель Беломорского райисполкома т. Плюснин выразил мнение РИК и Унского сельсовета об оставлении церкви закрытой, т.к. ее «использование потребует больших затрат на ремонт»⁴¹. В своем ответе он писал, что здание церкви никем не используется и находится почти в разрушенном состоянии: нет стекол в рамах, печи к топке не пригодны, крыша требует большого ремонта. Да и вообще, уточнял Плюснин, «церковь не закрыта, но из-за отсутствия священнослужителя не функционирует с 1931 года»⁴².

Обязательным условием открытия церковного прихода являлась регистрация местного коллектива верующих. 9 апреля 1945 г. «община культверующих» в с. Луда Унского сельсовета Беломорского района вновь обратилась к уполномоченному по делам РПЦ Г. Попову с заявлением: зарегистрировать их общину, состоящую «из 2-х деревень (Уна–Луда) одного сельсовета Унского и... присвоить звание общины верующих “Храм во имя Рождества Богородицы”»⁴³. Председателем общины являлся 71-летний Федор Васильевич Тихонов, рабочий Рыбкоопа, в 1930 г. получивший благословение епископа служить псаломщиком. Под заявлением подписались 28 человек.

19 апреля того же года община верующих в Луде была зарегистрирована⁴⁴. В удостоверении, выданном уполномоченным Советом по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Архангельской области Г. Поповым, было написано: «В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 11.01.1945 № 511-рс и заявлением общины верующих выдано настоящее удостоверение о регистрации Лудской общины верующих Унского сельсовета Беломорского района. Район деятельности общины село Луда и Уна Унского сельсовета. Название церкви – “Рождество Богородицы”»⁴⁵.

Распоряжением Совнаркома СССР от 11 января 1946 г. № 511-рс ходатайство верующих с. Луда об открытии церкви было удовлетворено⁴⁶. В течение семи дней общине верующих надлежало заключить договор с Беломорским РИК на прием в свое пользование здания церкви

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 21–23.

⁴⁴ Там же. Л. 25.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 16.

и культового имущества. Колокольня к этому времени уже была разобрана (по словам старожилов, на дрова).

14 октября 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», усилившее ответственность арендаторов за сохранность используемого объекта-памятника. Теперь арендовать такой объект допускалось только на условиях, устанавливаемых Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР с оформлением «Охранного договора».

Мы не нашли документа за 1940-е гг., согласно которому Лудская церковь Рождества Богородицы относилась бы к памятникам архитектуры. Тем не менее, к ней были применены новые требования. 10 июля 1948 г. была проведена перерегистрация местного церковного прихода⁴⁷. Председателем Унского сельсовета Зарубиным 29 сентября 1949 г. была составлена справка о состоянии церкви — памятника архитектуры на 1 октября того же года⁴⁸. Согласно справке, у церкви глава и иконостас были в удовлетворительном состоянии, в иконостасе было 24 иконы, все 14 окон остеклены, имелась ограда. Требовался частичный ремонт крыши и входного крыльца. На документе стояла подпись настоятеля церкви Е.Ф. Замятина, обязующегося «обеспечить сохранность памятника».

27 июля 1950 г. представители отдела по делам архитектуры Архангельского облисполкома в присутствии «председателя Лудской церкви» Ефима Федоровича Замятина составили акт технического осмотра памятника архитектуры при передаче его в аренду церковному совету⁴⁹. Общее состояние здания церкви признавалось удовлетворительным. Указывались сроки ремонтов: текущего — летом 1950 г. (установка водосточных труб, исправление штукатурки стен и мелких дефектов остекления) и капитального — в 1951 г. (замена нижних венцов, ремонт осевшего крыльца).

Одновременно с актом был составлен план церкви с обмерами. Согласно плану, здание теперь отапливалось двумя круглыми железными печами в церкви и трапезной (ранее были три: каменная квадратная в церкви и две круглые железные в алтаре и трапезной).

В 1964 г. Лудскую церковь вновь закрыли, на этот раз окончательно (ил. 2). Решением Архоблисполкома от 30 ноября 1964 г. № 914 «О снятии с регистрации религиозных обществ» было снято с регистрации религиозное общество в с. Нёнокса и д. Луде, как прекратившее

⁴⁷ Архив Архангельского Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры (далее — Архив НПЦ). Оп. 5. Д. 740.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

свою деятельность⁵⁰. Приморскому райисполкому разрешалось переоборудовать здание церкви в д. Луде для сельского клуба.

В 1965 г. из уже закрытой Лудской церкви были вывезены в Архангельск и включены в состав собрания Архангельского областного музея изобразительных искусств 11 икон из 24 имевшихся и 17 книг. В 1982 г. экспедицией Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника был вывезен церковный колокол. По словам местных жителей, оставшееся без присмотра имущество церкви было разграблено заезжими туристами. Вспоминают они и о пожаре в церкви, который смогли вовремя заметить и потушить.

Постановлением администрации Архангельской области от 13 августа 1998 г. № 207 «О принятии на государственную охрану памятников истории и культуры Архангельской области» Церковь Рождества Богородицы, 1862 г. постройки, в с. Луда Пертоминской сельской администрации была включена под № 782 в список памятников истории и архитектуры регионального значения с постановкой на государственную охрану.

Сегодня здание церкви, которой исполнился 161 год, заброшено и находится в аварийном состоянии. Остается только надеяться, что под покровительством Кенозерского национального парка оно будет отреставрировано и обретет вторую жизнь, сохраняя для последующих поколений память о славном прошлом нашего Беломорского Севера.

Список литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук: в 4 т. Т. 1. СПб., 1836.
2. *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском севере в XVII в.: в 2 т. Т. 1. М., 1909.
3. *Варфоломеев Н., св.* Из Лудскаго посада, Арх. уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. 15 ноября. № 21. С. 724.
4. *Иванов И.* Лудский приход // Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. С. 219–220.
5. *Кольцова Т.М.* Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII – начала XX века: История, памятники, мастера. СПб., 2020.
6. *Копанев А.И.* Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 514–536.
7. *Макарий (Миролюбов), еп.* Христианство в пределах Архангельской епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1878. Кн. 3. Отд. паг. С. 52–53.
8. Словарь русского языка. XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1991. Вып. 17.

⁵⁰ ГААО. Ф. р-2063. Оп. 1. Д. 6127. Л. 298.

Проект здания Депозитария «Небесное Кенозерье» ФГБУ Национальный парк «Кенозерский»

Еремеева Алена Вадимовна – ведущий архитектор, архитектурное бюро «Студия 44»; eremeeva@studio44.ru

В статье излагается авторский взгляд на проект Депозитария «Небесное Кенозерье» – здания, предназначенного для обеспечения надлежащих условий хранения, реставрации и постоянного экспонирования части музейного фонда Национального парка «Кенозерский».

Ключевые слова: депозитарий, проект, архитектура, фондохранилище, экспозиция, коллекция, икона, небеса, тябловый каркас, реставрационные мастерские.

Проект здания Депозитария разрабатывается одной из крупнейших частных проектных фирм России – архитектурным бюро «Студия 44» (г. Санкт-Петербург). Авторский коллектив проекта здания Депозитария «Небесное Кенозерье»: Н.И. Явейн (руководитель «Студии 44»), К.М. Матюрин, А.В. Еремеева, Е.А. Криштопчик, А.С. Кривоносов, А.В. Агашков, Л.В. Герштейн и М.С. Блинкова.

В Депозитарии «Небесное Кенозерье» будет храниться около 8 тыс. предметов живописи, прикладного искусства и этнографии, в числе которых особое место займут расписные «небеса» XVIII–XIX вв. Коллекция, состоящая из 17 полных и 5 фрагментарных комплексов «небес», имеет общемировую известность и считается самой значительной и уникальной по своей иконографии в России. Часть «небес» по сей день располагается в храмах, а 12 из них (8 полных комплексов и 4 – во фрагментах), ранее демонтированные, предстанут в экспозиции депозитария. Здание планируется возвести на территории Национального парка «Кенозерский», расположенного в юго-западной части Архангельской области на стыке Плесецкого и Каргопольского районов (ил. 1).

«Небо» – это особое потолочное перекрытие в деревянных храмах и часовнях, расписанное на библейские сюжеты. Расписное «небо» аллегорически олицетворяет небесную сферу со звездами, солнцем, луной и Царством Божим. Сам каркас «неба» напоминает солнце с расходящимися лучами. Сборная конструкция «неба» имеет форму пологой усеченной пирамиды. Деревянный каркас состоит из балок-тябел, которые радиально расходятся от центрального кольца, как лучи от солнца. Сегменты каркаса (радиальные грани, центральный медальон и угловые паруса) заполнены накладными расписными досками. Ке-

нозерские «небеса» различны по профилю (одни более, а другие менее пологие), по количеству граней (8, 12, 14, 15, 16) и по стилю росписи (академическая живопись, старообрядческая живопись, крестьянский примитивизм). Кроме того, «небеса» различаются размерами: некоторые из них располагались в маленьких часовнях, другие – в больших храмовых комплексах.

Проект депозитария нацелен на воспроизведение прежнего ракурса зрительского восприятия «небес». Так, каждое «небо» планируется разместить на его исторической высоте в своем объеме – собственном «мире», по масштабу и габаритам максимально приближенном к пространству того храма, где изначально находились «небеса».

Совокупность разновеликих восьмиугольных форм в архитектуре депозитария напрямую отсылает к «восьмерике» – строительному модулю деревянного зодчества Русского Севера, чья геометрия символизирует сакральную архитектонику мироздания (ил. 2).

В западной части депозитария запроектированы экспозиционные залы с системой открытого хранения «небес», где каждое «небо» будет установлено на его исконной высоте. В храмах «небеса» примыкали к стенам четырехугольных залов, являясь частью конструкции. В здании депозитария «небо» – экспонат. Это подчеркнуто тем, что каждое «небо» заключено в свое пространство «восьмерика» и при этом «оторвано» от стен (ил. 3).

В восточной части здания запроектированы помещения для хранения живописи, икон и других предметов из музейных коллекций Кенозерья, а также реставрационные мастерские. Вход в здание депозитария задуман как нарядное «красное» крыльцо – это еще одно обращение к самобытным чертам северного зодчества (ил. 4). По этому крытому крыльцу посетители депозитария поднимаются прямо под «небеса». Подобную входную конструкцию, связывающую внешний мир с внутренним пространством, можно увидеть, например, в ансамбле Лядинского погоста Богоявленской церкви – жемчужины Каргополья.

Проектом предусмотрены технологичные конструктивные решения с использованием современных материалов. Тем не менее в формах и внешней отделке воздается дань аскетичной местной архитектуре: восьмиугольные планы, шатровые крыши, небольшие окна, а также деревянные наружные стены, отсылающие к традиционному срубу. Чтобы контрастно подчеркнуть аутентичность деревянных «небес», одно из экспозиционных пространств будет накрыто стеклянным кровельным фонарем. Сквозь подлинный тябловый каркас зрителю откроется вид на звездное северное небо (ил. 5).

Опыт и традиции северного деревянного зодчества и композиционные принципы в современном архитектурном проектировании

Иняев Александр Александрович — член Общественного совета при Управлении государственной охраны объектов культурного значения Нижегородской области, директор Творческой мастерской архитектора Иняева А.А., член Союза архитекторов России; injaev@mail.ru

В статье обобщен опыт исследований композиционных приемов и принципов композиции (пропорционирования) объектов деревянного зодчества Русского Севера. Изучен и применен в реальном проектировании принцип равновесия между частями храма (нижний ярус крупнее, массивнее, уравнивается несколькими меньшими частями храма, выстроенными по продольной оси типа «корабль»). Также использовался принцип ярусности, когда можно проверить по плану построение фасада путем переноса проекции плана на фасадную плоскость. В основе канонического принципа (крестный ход повторяет направление движения как внутри, так и снаружи храма) лежит семантика и символика. Например, равносторонний треугольник — символ Бога, перевернутый треугольник — символ дьявола. К другим принципам можно отнести модульность членения (главный размер — размер квадрата — это внутренний размер четверика), а также соотношение целого и частного (отношение диагонали квадрата к его стороне, стороны квадрата к его стороне плюс полудиagonal и др.).

Ключевые слова: принцип композиции, принцип равновесия, модульность членения.

С объектами деревянного зодчества Русского Севера я познакомился на лекциях архитектора-реставратора Святослава Леонидовича Агафонова, автора восстановления Нижегородский Кремля. Это были известные памятники деревянного зодчества в Архангельской области и в Республике Карелия:

— архитектурный комплекс-тройник, расположенный в с. Верхняя Мудьюга (Онежский р-н Архангельской обл.) и состоящий из холодной Входоиерусалимской церкви 1754 г., теплой Тихвинской церкви 1865 г. и колокольни;

— Ильинская церковь 1786 г. в д. Вазенцы (Онежский р-н Архангельской обл.);

– Сретенская церковь 1677 г., колокольня 1740 г. в д. Чекуево (Онежский р-н Архангельской обл.);

– Успенская церковь 1774 г. в г. Кондопоге (Республика Карелия);

– Рождественская церковь 1763 г. в с. Бестужево (Устьянский р-н Архангельской обл.).

В экспедициях по Русскому Северу мною были изучены другие объекты Архангельской области:

– Вознесенская церковь 1651 г. в д. Пияле (Онежский р-н Архангельской обл.);

– Владимирская церковь 1757 г. в д. Подпорожье (Онежский р-н Архангельской обл.);

– архитектурный комплекс в с. Нёнокса (Северодвинский муниципальный округ Архангельской обл.), состоящий из Троицкой церкви 1727 г., Никольской церкви 1763 г. и колокольни нач. XIX в. (ил. 1);

– Никольская церковь 1618 г. и Церковь Рождества Христова 1860 г. в с. Пурнема (Онежский р-н Архангельской обл.);

– Никольская церковь 1661 г. и Церковь Фомы Апостола 1871 г. в с. Нижмозере (Онежский р-н Архангельской обл.).

Занимаясь проектированием, изучая методы проектирования и принципы построения старых храмов, я убедился, что эти принципы могут быть применимы для современного проектирования.

В основе представленного мной принципа композиции (пропорционирования) – соотношение целого и частного в построении фасада и плана здания храма. Композиция строится на основе квадрата – четверика, который по мере развития храма по вертикали подчиняется определенным закономерностям.

Основные пропорциональные отношения 1:1, 1:2, 5:7, 7:8, 13:21 сложились из традиций древних зодчих, оперировавших с мерами длины, соотнесенными с размерами человеческого тела (сажень, аршин, фут), и использовавших для разметки храма в качестве измерителя веревку. Базовыми пропорциями при построении служат соотношения диагонали квадрата к его стороне (5:7, или 1,41); стороны квадрата к его стороне + полудиagonal (13:21, или 1,618, – «золотое» сечение).

В основе мелкого членения храма положен размер человеческого тела, что определяет взаимосвязь размеров с визуальным восприятием. При членении плоскостей стен, например восьмерика, при определении размеров архитектурных элементов (глав, барабанов, крестов, кокошников и др.) можно использовать пропорционирование размеров в «золотом» сечении. Например, отношение диаметра основания главки к диаметру «пучины» и «пучины» к ее высоте должно составлять 1,618.

Если говорить о проектировании Федоровского храма Федоровского монастыря в г. Городец Нижегородской области (ил. 2, слева), то при делении нижнего квадрата – четверика – пополам получаем верх

притвора, оставшуюся половину делим еще пополам и получаем верх оконных наличников или низ аркатурного пояса. Половина верхнего квадрата – это основание центральной главы, граница верхнего квадрата – это верх креста и т.д. Эти же приемы композиционного построения можно распространить и на существующие, ранее построенные храмы.

Примером могут служить традиционные северные храмы. Например, Ильинский Храм в с. Чухчерьма Холмогорского района Архангельской области (ил. 2, справа) выполнен по образцам каменного зодчества. Возведенный в 1657 г. Ильинский храм по своей композиции несомненно подражал каменным сооружениям XVI – первой половины XVII в. Отсюда трактовка основного объема – четверика – как простого, четко очерченного фасадными плоскостями куба, несущего целое семейство небольших, покрытых лемехом глав, расположенных над плоской четырехскатной крышей. Всего их было девять. Центральная глава была поднята на невысокий шатер, остальные расставлены параллельно обрезу крыши – четыре по углам сруба, остальные по осям фасадов. Основной куб дополняли два квадратных в плане прируба – алтарный и входной для паперти, оба завершенные бочками.

Стилистически при проектировании мы ориентируемся на шатровые и крестово-купольные храмы периода XVI–XVII вв. – времени наивысшего расцвета своеобразной русской архитектуры.

Одним из первых проектов, который был нами осуществлен, – храм Иоанна Предтечи в г. Дзержинске Нижегородской области (ил. 3, слева; архитектор В.Н. Ижиков, главный архитектор проекта А.А. Иняев).

Объемно-пространственное решение принято с учетом уже выполненного фундамента, состоящего из двух частей. На одной из них должна быть построена церковь с приделом и алтарем, на другой – двухэтажный с мансардой настоятельский корпус.

Фронтальная композиция складывается из двух квадратов по вертикали с равносторонним треугольником, построенным по верхней стороне квадрата. Вершина треугольника определяет верх шатрового храма по кресту. Для сравнения приведена церковь Фрола и Лавра 1755 г. в с. Ростовском Виноградовского района Архангельской области (ил. 3, справа). Очевидно, что при проектировании храма Иоанна Предтечи и строительстве церкви Фрола и Лавра в с. Ростовском применимы общие композиционные приемы.

Одновременно с проектированием храма Иоанна Предтечи в г. Дзержинске создавался православно-просветительский комплекс. В его проектировании композиционно были применены те же принципы, что и при построении храмов:

1. Принцип равновесия как для ансамбля в целом, так и для каждого объема в отдельности.

2. Ориентация основных фронтальных композиций ансамбля на восприятие с магистралей – проспекта Циолковского и улицы Ленинского Комсомола и Свято-Тихоновского проезда, а также с точек их пересечения.

3. Ярусность композиции ансамбля.

4. Функциональное зонирование территории – выделение двух зон: для прихожан – открытая, для церковнослужителей – закрытая.

При проектировании собора Воскресения Христова православно-просветительского комплекса в г. Дзержинске был использован принцип модульного членения пространства, в основе которого лежит квадрат со сторонами 70×70 футов (средокрестие собора), следующий описанный квадрат – габариты собора 140×140 футов, следующий описанный квадрат – 200×200 футов (60,8 м – высота собора). Модулем членения пространства является квадрат 60,8×60,8 м. Из этой сетки квадратов, развернутых под 45° вдоль южной границы территории, выделяется территория комплекса.

Следующий комплекс с храмом Державной Божией матери был разработан в соответствии с описанными композиционными принципами в 1998 г. для архитектурного конкурса на его размещение по проспекту Гагарина в Нижнем Новгороде, но не был реализован. Только в 2015 г. в рабочем пос. Красные Баки Нижегородской области он был реализован и освящен как храм Николая Чудотворца (ил. 4).

В заключение перечислим храмы, возведенные по нашим проектам, также основанным на принципах композиции (пропорционирования), т.е. по законам красоты:

– храм Иконы Божьей матери Нечаянная Радость в Нижнем Новгороде (2004 г.);

– храм Святой Татьяны Великомученицы в г. Дзержинске (Нижегородская обл., 2012 г.);

– храм Успения в г. Заволжье (Нижегородская обл., 2021 г.);

– храм во имя Святителя Луки, Исповедника Архиепископа Симферопольского и Крымского в рабочем пос. Первомайском (Городецкий муниципальный округ Нижегородской обл., 2023 г.);

– храм Рождества Пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде (2023 г.) (ил. 5).

Историко-культурный ландшафт северного села Лядины. Натурные исследования и деятельность по сохранению исторической памяти

Коробова Татьяна Сергеевна — архитектор-реставратор, заведующая сектором по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей; tatiana-korobova@yandex.ru

В статье представлены результаты натурных исследований, связанные с выявлением историко-культурной ценности сельского ландшафта на примере северного с. Лядины. Затрагивается тема своеобразия исторического поселения. Акцентируется внимание на проблеме исчезающего наследия и способах предотвратить этот процесс. Рассматривается опыт совместных практических действий Каргопольского музея и инициативного сообщества в области сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: Русский Север, Каргополье, историко-культурный ландшафт, деревянное зодчество, Лядинский Погост, часовни села Лядины, воротный колодец, амбарная улица, сохранение исторической памяти.

Лядины — куст из семи деревень, располагающийся в Каргопольском районе Архангельской области, в 37 км от Каргополя по дороге на Пудож. Почти все деревни имеют двойные исторические названия: Гавриловская (Рубцова), Дудкинская (Дьякова), Столетовская (Павлова), Фоминская (Фомин Конец), Антоновская (Бутина), Мелентьевская (Берег), Киселевская. История поселения насчитывает более шести веков. За этот значительный период здесь сформировался мощный природно-культурный комплекс, в котором живое и материальное наследие сохраняется в естественной природной среде. Отсутствие какой-либо музеефикации пространства является главной отличительной особенностью комплекса и характерной чертой многих деревень на Русском Севере, что позволяет отдельно выделить понятие «историко-культурный ландшафт северной деревни».

До настоящего времени Лядины рассматривались специалистами в рамках отдельных исследований по архитектуре и искусству, истории, этнографии, традиционной народной культуре, социокультурной психологии и антропологии. С конца 1930-х гг. сюда неоднократно организовывались экспедиции, приезжали специалисты государственных

музеев, образовательных и научных учреждений. В 1938 г. студенты Московского архитектурного института обмеряли в Лядинах старинные курные избы, служебные и хозяйственные постройки. Архитекторы Академии архитектуры СССР Г.И. Полковников, А.Н. Буйнов и В.Н. Иванов проводили в 1940 г. фиксацию объектов Лядинского Погоста. Архитектор В.А. Крохин на основе натурных исследований выполнил в 1957 г. проект реставрации всех строений ансамбля-«тройника» в виде прекрасных чертежей в сложной технике акварельной отмывки. В том же году состоялась экспедиция специалистов Государственного Эрмитажа под руководством реставратора Ф.А. Каликина. Объектом их научного интереса стал уникальный комплекс икон конца XV в., находившийся в Покрово-Власьевской церкви Лядинского погоста. В рамках первой Онежской экспедиции 1958 г., организованной Государственной Центральной художественно-реставрационной мастерской, Н.Н. Померанцев обследовал произведения иконописи и декоративно-прикладного искусства в храмах Лядинского Погоста и двух местных часовнях. В результате двух экспедиций были отобраны произведения, обладающие высокой художественной ценностью, ныне они хранятся в собраниях ведущих музеев России – Государственного Эрмитажа и Русского музея.

Исследование планировочной структуры поселения проводил архитектор Ю.С. Ушаков. Плоды его трудов отражены в известной книге под его авторством «Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера», вышедшей в 1982 г. [3].

В течение многих лет научный сотрудник Каргопольского музея Н.И. Тормосова собирала ценнейшие материалы по истории и этнографии Лядинской волости и других волостей Каргополья. Результатом этой масштабной работы стала книга «Каргополье: история исчезнувших волостей», где Лядинам посвящена отдельная глава [2, с. 359].

В 2022 г. автором настоящей статьи начато комплексное изучение территории с точки зрения историко-культурного ландшафта. На сегодняшний день неразрывная взаимосвязь архитектуры и природы в Лядинах остается недооцененной. В тени знаменитого храмового ансамбля-«тройника» находится народное деревянное зодчество, преданы забвению многие примечательные постройки Лядин, ныне утраченные.

Основная цель работы – раскрыть потенциал территории как природно-культурного комплекса с живой историей. Прежде всего ведется поиск новых исторических сведений из архивных, библиографических и картографических источников, осуществляется систематизация имеющихся материалов, собираются иконографические материалы (живопись, графика, в том числе фиксационные и проектные чертежи). Важным направлением является проведение натурных исследований с графической фиксацией (обмерами) традиционной жилой деревянной

застройки и малых форм в деревнях Лядин. По отношению к местному ландшафту выявляется его своеобразие, проведен анализ визуально-пространственных связей на территории. Отдельные изыскания посвящены традиционной народной культуре, кустарным промыслам и истории священства. Особое внимание уделено изучению так называемого исчезнувшего наследия – утраченных памятников деревянного зодчества и объектов исторической среды, когда-то составлявших единое взаимосвязанное пространство.

По данным сотной, «волость Лядина» в середине XVI в. насчитывала шесть деревень с полудеревней и пустошью, что само по себе указывает на довольно развитую структуру поселения и позволяет отнести ее возникновение к более раннему периоду¹. Важная особенность: почти все упоминаемые названия деревень сохранились до настоящего времени: Гавриловская, Киселевская, Мелентьевская, Столетово. Название д. Дудкинской дано в версии Добковская. В сотной встречаются фамилии жителей Лядин, по которым деревни получили второе название. Так, к примеру, в д. Добковской (Дудкинской) проживали «Никифорик да Гридя Офремовы дети Дьякова»². В д. Гавриловской – «Сенка да Истомка Тимохины дети Рубцова»³. До сих пор д. Дудкинская называется Дьяковой, а Гавриловская – Рубцовой. Нынешняя д. Фомин Конец именуется в документах XVI в. деревней Фоки Лукина. Полагаем, второе название имело местный «домашний» характер, вошло в употребление в повседневной жизни, а в официальных переписных документах не значилось.

Древняя история Лядинской волости подробно не исследовалась. Важным подспорьем для восполнения лакун стал исторический документ середины XVII в., представляющий собой перепись населения 1648 г.⁴ В своем изначальном виде документ не был доступен широкому кругу специалистов по причине сложности написания древнерусской скорописи и отсутствия навыков быстрого прочтения. Благодаря междисциплинарному взаимодействию и помощи Дмитрия Вадатурского, научного сотрудника Государственного института искусствознания и Института наследия удалось расшифровать скоропись с микрофильма и перевести текст в электронный вид. В результате этой работы раскрылась очередная страница в истории волости, стали известны имена жителей, населявших лядинские деревни в середине XVII в. Ценным и одновременно любопытным фактом, подтверждающим устойчивость

¹ Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 382.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 383.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–503.

поколенческих связей, является упоминание в переписи фамилий, которые до сих пор носят жители Лядин и окрестных сел: Бутин, Овчинников, Сухоруков, Горбунов, Пономарев, Карбасников. Переписные документы требуют дальнейших изысканий: в настоящее время оцифровываются рукописные документы XVIII в.

Местность, где располагается куст деревень Лядины, равнинная: все участки между деревнями и в радиусе 0,5–0,6 км от деревень заняты полями, принадлежащими в свое время совхозу «Печниковский». Уже много лет поля не обрабатываются, имеется тенденция к зарастанию хвойными породами деревьев – соснами и елями. С востока, севера и запада территорию поселения окружают болотистые леса. С западной стороны по лесному массиву протекает р. Лёкшма, которую местные жители называют Ольховец.

По своему типу расположения Лядины относятся к приозерным поселениям. Озеро, которое располагалось к северо-востоку от д. Дудкинской и Гавриловской, стало причиной выбора этого места для заселения. К сожалению, со временем озеро заросло и на его месте сейчас образовалось болото. Часть воды, предположительно, ушла под землю из-за карстового характера местного грунта.

Пространственно-планировочная структура поселения – центрическая, радиально-кольцевая. Градостроительным и историческим центром является Лядинский Погост, на котором издревле до трагического пожара 2013 г. располагался храмовый ансамбль-«тройник» – великолепный памятник деревянного зодчества Русского Севера. От удара молнии в крест Покрово-Власьевской церкви вспыхнул пожар, который охватил всю церковь. Пламя через некоторое время перешло на соседнее строение колокольни. В результате и церковь, и колокольня погибли, от ансамбля сохранилась лишь Богоявленская церковь конца XVIII в. Погост в структуре поселения играет главенствующую роль. Отсюда в разных направлениях расходятся лучи семи деревенских улиц. Перспектива улиц ближних к Погосту деревень – Столетовской, Дудкинской, Гавриловской – замыкалась строениями храмового ансамбля.

Гибель в огне значимых построек Погоста сказалась на градостроительной структуре поселения: практически к нулю свелась роль храмового ансамбля как центра села и объединяющего начала, нарушилась система сформированных еще в XVII в. пространственных связей и визуальных коридоров. Функцию высотной доминанты вместо Покрово-Власьевской церкви и колокольни приняла на себя Богоявленская церковь. Живописный силуэт многоглавой церкви отлично просматривается с самых удаленных видовых точек д. Киселевской, Бутиной, Фомин Конец. Равнинный характер местности подчеркивает эффективность вертикали. Наличие открытых пространств полей, ранее использовавшихся под пашни, создает фон для гармоничного восприятия

открывающихся панорам и способствует динамичной смене пейзажных картин.

Между собой деревни соединены кольцевым обходом. Интересно отметить выявленный в процессе анализа планировочной структуры факт: дальние деревни куста Лядины равноудалены от центра, расстояние от них до Погоста составляет от одного до полутора километров.

Жилая историческая застройка деревень в Лядинах представлена на сегодняшний день в основном одноэтажными и частично двухэтажными избами, возведенными в последней четверти XIX в. Уцелели и некоторые более старые жилые дома – бывшие курные избы, перестроенные для топки по-белому. Их можно до сих пор определить по слеговым конструкциям крыши и заложенным волоковым проемам во внутренней поперечной стене в интерьере. Самые интересные и характерные курные избы с тесовыми кровлями, дымоаром на крыше, а также русской печью и расписным филенчатым шкафом-перегородкой в интерьере зафиксированы на обмерных чертежах в 1938 г.⁵ Ныне они не существуют, на их месте появились новые строения. Большинство дошедших до нашего времени изб сохраняют естественный бревенчатый вид (ил. 1), встречаются и образцы с обшивкой. Натурными исследованиями, проведенными в 2022 г. автором статьи, выделены основные типы исторических крестьянских изб в Лядинах, начато изучение архитектурного декора фасадов, собираются данные по символике резьбы наличников для выявления местного своеобразия.

В целом можно сказать, что облик каждой деревни отличается цельностью и выразительностью и не имеет диссонирующих элементов. Несколько ценных исторических изб, располагающихся в д. Гавриловской, за прошедшее десятилетие погибло в огне. Процент новой жилой застройки в Лядинах совсем невелик. В д. Столетовской и Гавриловской в 1980-х появилось несколько одноэтажных жилых домов «на два конца». В последние годы получает распространение обшивка бревенчатых стен сайдингом, что, безусловно, искажает аутентичную историческую среду, хранящую дух времени. Таких домов пока немного, и они не влияют на общую картину; однако уже сейчас важно популяризировать традиционный северный бревенчатый дом как образец для подражания.

Историческая среда лядинских деревень немыслима без объектов малых архитектурных форм, украшающих и наполняющих пространство. Определяющую роль в облике каждой деревни по сей день играют колодцы. Вода здесь залегает достаточно глубоко, полноводные реки и крупные озера отсутствуют, отчего окрестности получили название

⁵ Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева. Фонд архитектурной графики. Р V 1489-1,2,3; 1490; 1493.

«каргопольская сушь». В данной местности распространен тип так называемого воротного колодца (ил. 2). По сравнению с традиционным колодцем, где в габаритах сруба устроена лишь крышка или навес с валом, надземная часть воротного колодца представляет собой внушительное сооружение. Сруб помещен в центре дощатого помоста размерами 3×3,5 м. Над всей площадью помоста возвышается конструкция навеса в виде двух опор и двускатной крыши. Высота сооружения от уровня земли до конька достигает 3,5 м. Опорные столбы и вал между ними, именуемый воротом, выполнены из бревна. Вал приводится в движение колесом, собранным из досок сегментами с диагональными перекрестиями из бруса. Вращая его с помощью специальных ручек, цепь с бадьей для воды, накрученная на вал, опускается вглубь колодца. Для удобства в использовании колесо прикреплено к валу с правой стороны от сруба. Над опорными столбами устроена двускатная крыша с покрытием из дороженого теса. Свесы часто украшаются резными причелинами. «Воротны колодцы – особенность историко-культурного ландшафта Лядин и объекты, определяющие локальную идентичность села. На сегодняшний день здесь сохранилось несколько воротных колодцев: в д. Гавриловской, Киселевской, Бутиной, Столетовской. Полностью утрачены колодцы в д. Дудкинской. Большинство уцелевших колодцев находятся в неудовлетворительном состоянии и требуют принятия срочных мер, чтобы в будущем не допустить их утраты. Автором статьи проведен обмер воротного колодца в д. Столетовской, осуществлена подробная фотофиксация. Полученные материалы натурального исследования станут подспорьем для восстановления существующих и утраченных колодцев в Лядинах. В процессе разработки находится проект реставрации.

Любопытным и довольно оригинальным объектом малых архитектурных форм в Лядинах являются парные деревянные качели. До настоящего времени они уцелели перед домом Поповых в д. Бутиной (Антоновской). Точную дату их сооружения определить сложно. По словам нескольких представителей семьи Поповых, качели уже существовали в конце 1940-х гг. Опорные элементы сооружения выполнены из бревен, подвесы – из жердей, сиденья – из досок. Похожие по конструкции качели находились в д. Фомин Конец возле дома, принадлежащего семье Хариных. Вид качелей зафиксирован на фотографии 1960-х гг. Согласно информации потомка Хариных – С.В. Прялухина, качели были построены в 1964 г., семьи Поповых и Хариных хорошо дружили между собой, ходили друг к другу в гости. Вполне можно предположить, что Харины решили соорудить качели по образцу существующих у Поповых. Необходимо упомянуть о сохранившейся перед домом Хариных часовне Спаса Нерукотворного Образа, возведенной на рубеже XIX и XX вв. Жилой дом и часовня составляют своеобразный

микроансамбль внутри деревни, гармонично вписанный в ландшафт. Качели, которые также входили в рассматриваемый микроансамбль, ныне утрачены. Важно отметить, что от дома открывается прекрасный вид на Лядинский Погост, находящийся на расстоянии 700 м. Таким образом, очевидна визуальная связь между малым и большим ансамблями и их взаимодействие.

Важную роль в пространственной организации куста деревень Лядины играли часовни, которые располагались в каждой деревне, кроме Павловой (Столетовской). Здесь мы вплотную переходим к теме исчезнувшего наследия, довольно остро звучащей для Лядин. Согласно «Списку населенных мест Олонецкой губернии» за 1879 г. и «Олонецким епархиальным ведомостям» за 1907 г., в Лядинах насчитывалось пять деревянных часовен. Их посвящения частично известны по архивным описям, частично определены Н.И. Тормосовой во время ее научной работы над книгой «Каргополье: история исчезнувших волостей» [2, с. 368–371]. В центре д. Гавриловской, у дома Сухоруковых находилась часовня во имя св. мученика Власия. В д. Киселевской стояла часовня во имя Николая Чудотворца. На нее была ориентирована дорога, ведущая из соседней д. Берег. В центре д. Берег (Мелентьевской) располагалась часовня во имя Пророка Илии. По архивной описи 1841 г. известно, что потолки в Никольской и Ильинской часовнях были выполнены в виде «небес» с живописными изображениями ангелов и евангелистов⁶. По соседству с д. Берег, в д. Бутиной (Антоновской) существовала часовня в честь Зосимы и Савватия, а в д. Фомин Конец – часовня в честь Преображения Господня (Спасо-Преображенская). По воспоминаниям местных жителей, своя часовня имела и в д. Дудинской, она была посвящена Параскеве Пятнице. Документальных подтверждений этому факту пока найти не удалось. На р. Лёкшма и за болотом, куда отправляли пастись скот, также располагались часовни. Из всех перечисленных часовен сохранилась только одна, во имя Спаса Нерукотворного Образа в д. Фомин Конец. Большинство часовен было разобрано в середине XX в., Никольская часовня в д. Киселевской простояла до 1970-х гг.

Автором статьи в рамках исследования историко-культурного ландшафта предпринята попытка проанализировать систему расположения часовен в структуре куста деревень и проверить на местности утраченные визуальные связи с сердцем села – Лядинским Погостом. Для этого часовни были отмечены на современной карте и осуществлены

⁶ Дополнительная опись церковному имуществу церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что в Лядинском погосте Олонецкой епархии Каргопольского уезда, составленная в 1841 году // Государственный архив Архангельской области. Ф. 104. Оп. 3. Д. 345.

выходы на местность в каждую деревню, включая покинутую д. Берег. Определено место утраченной часовни Илии Пророка: сейчас на ее месте возникла группа деревьев. В зимнее время, когда отсутствует буйная растительность, удалось пройти по исчезнувшей исторической дороге, связывающей д. Киселевскую с д. Берег (Мелентьевской). Ее протяженность составляет в среднем 700 м. Полевыми исследованиями подтверждено, что дорога была ориентирована на часовню Николая Чудотворца. Сейчас на месте часовни сохранился крупный валун, служивший ступенью. Рядом установлен памятный деревянный крест, изготовленный местным жителем Алексеем Рудаковым.

Оценивая местоположение часовен в структуре куста деревень, можно говорить о существовании в Лядинах своеобразного часовенного круга, который читается на карте, если плавно соединить все точки, которыми отмечены на карте эти часовни. Ознакомившись с научным исследованием М.Н. Мелютиной «Священный календарь Кензерья» [1, с. 322], посвященным часовням, автор настоящей статьи решила обозначить рядом с отмеченными на карте часовнями даты праздников, в которые в них проходили богослужения. В итоге выявилась закономерность, согласно которой все праздники следуют друг за другом по кругу в порядке календарного года, начиная с осени, по часовой стрелке. Праздник Параскевы Пятницы приходится на 10 ноября, богослужение в этот день происходило в часовне д. Дудкинской, расположенной к востоку от Погоста. Далее по кругу следует д. Гавриловская, где служба устраивалась 24 февраля, в праздник св. мученика Власия. Сама деревня размещается к юго-востоку от Погоста. Двигаясь дальше, обнаруживаем на юго-западе д. Киселевскую, где отмечался весенний праздник Николы Вешнего. Далее, продолжая совершать виртуальный обход по сторонам света, следуют августовские праздники в деревнях, находящихся к западу и северо-западу от Погоста, — Берег и Бутина (Антоновская). Замыкает часовенный круг праздник Преображения Господня, именуемый в народе Яблочным Спасом, в д. Фомин Конец. В день праздника в часовнях совершалось богослужение, в остальные дни молились мирским чином. По свидетельству местных жителей, на праздник стекался народ из окрестных деревень и гостил в деревне, отмечающей праздник. Документально известно, что у каждой часовни существовал свой часовенный староста. Например, в Никольской часовне в д. Киселевской в начале XIX в. старостой являлся Андрей Калинин. Спустя столетие эта должность перешла к Прасковье Петровне Калининой. Ее потомки проживают ныне в соседней д. Павловой (Столетовской).

Данная работа — лишь первая попытка систематизировать накопленный материал. Тема часовен в Лядинах требует дальнейшего изучения. На сегодняшний день отчетливо ясно, что часовни являлись

неотъемлемым элементом, маркирующим территорию и составляющими историко-культурный ландшафт Лядин в том виде, который ушел в небытие и который мы сейчас не знаем. Для восстановления исторической памяти исследование лядинского часовенного круга продолжается, предстоит изучить и оцифровать довольно много архивных документов.

В ходе следующего этапа исследования автору удалось выполнить графическую реконструкцию потолка-«неба» часовни Николая Чудотворца в д. Киселевской (ил. 3). Данную работу получилось реализовать благодаря помощи Каргопольского музея, в фондах которого хранятся копии описей часовни за разные годы XIX столетия. В описях содержатся сведения о габаритах часовни, перечисляются иконы, украшавшие иконостас, а также образы, изображенные на сегментах «неба». Для определения габаритов часовни старинные меры длины сажени были переведены в современные метры. Далее перешли к геометрическим параметрам потолка-«неба». Благодаря фотографии Н.Н. Померанцева 1958 г. мы имеем представление о внутреннем облике и убранстве часовни. При внимательном рассмотрении сегментов потолка-«неба», вошедших в кадр, по определенным деталям можно определить местоположение изображаемых архангелов и евангелистов с восточной стороны. К счастью, большинство сегментов «неба» после разборки часовни было передано в фонды Каргопольского музея. На основе измерений и фотофиксации каждого сегмента создан план потолка-«неба». Композиция в плане близка к квадрату и состоит из восьми трапециевидных щитов с изображениями Распятия, двух евангелистов, четырех архангелов. В центральном круглом медальоне находилось изображение Господа Вседержителя. Угловые треугольные сегменты заполняли изображения херувимов. Необходимо сказать об особом, довольно ярком и гармоничном колорите «небес». Обращает на себя внимание утонченность в изображении фигур, подробная проработка деталей, изящество надписей. Сведений о мастере-иконописце, выполнявшем «небеса», не сохранилось. Однако смело можно утверждать, что он обладал изрядным опытом, был наделен художественным вкусом и даром колориста.

Исследование Никольской часовни планируется продолжить. Представляется возможным дать предложения по графической реконструкции интерьера и фасадов часовни. В фондах Каргопольского музея хранятся иконы и расписной фрагмент деревянного иконостаса часовни, а также резная деревянная фигура Николая Чудотворца в полный рост.

Отличительной особенностью Лядин является существовавший когда-то рядом с Лядинским Погостом ансамбль так называемой амбарной улицы. Фотографии 1960-х гг., выполненные Ильей Гольбергом,

фиксируют пять амбаров в одном ряду, которые незначительно отличались друг от друга по высоте и оформлению ворот. Амбары представляли собой одноэтажные бревенчатые постройки под двускатной крышей, предназначенные для хранения зерна. В настоящее время от амбарной улицы на своем месте уцелел только один амбар (ил. 4). Судя по внешнему облику, он может быть датирован концом XIX в. Основные габариты: 7×6 м, высота – около 4,6 м от земли до конька. В целом амбар сохранил свой исторический облик, однако нуждается в ремонте. Тесовая крыша устроена по слегам и перекрыта шифером, в котором имеются дыры. Полы в интерьере сгнили, внутри на бревнах остались зарубки, указывающие на местоположение сусек. В мае 2022 г. автором статьи проведены обмеры единственного сохранившегося амбара, выполнен проект реставрации, составлена смета на проведение ремонтно-реставрационных работ. Статус бесхозного и неиспользуемого строения заставляет задуматься о его дальнейшей судьбе и не допустить его исчезновения. Объектом культурного наследия амбар не является, однако для историко-культурного ландшафта Лядин представляет исключительную ценность. На Русском Севере сохранились единичные комплексы амбарных улиц на Пинеге. На Каргополье такие улицы перешли в разряд раритетов.

В процессе исследования природного ландшафта Лядин удалось выделить доминанты территории. Ими, безусловно, являются старые одиночные ели, которые отмечают начало и конец д. Киселевской, Фомин Конец, Бутиной. Возраст этих деревьев составляет более ста лет. По сведениям местных жителей, ели имели глубоко символическое значение. Существует даже выражение: «Их венчали у ели, а черти пели». Молодые, не получившие родительского благословения на брак, совершали обряд венчания, трижды обходя ель с зажженными свечами. В этом обряде сильны отголоски архаичной языческой традиции. В центре д. Дудкинской и исчезнувшей д. Берег привлекают внимание могучие лиственницы.

Параллельно с исследованием и изучением историко-культурного ландшафта Лядин автор статьи совместно с местными жителями и Каргопольским музеем проводит работу по сохранению исторической памяти. Первым шагом на этом пути стала идея установки памятных знаков на месте утраченных построек храмового ансамбля Лядинского Погоста (ил. 5). Архитектором Т.С. Коробовой был разработан общий вид знака в виде фрагмента сруба, символически напоминающего о существовании деревянных построек Погоста. На поперечном бревне предусмотрено крепление наклонной информационной таблички из композитного материала со сведениями об утраченном объекте. Текст сопровождается чертежом с изображением фасада постройки. Проект был реализован в июле 2022 г. Все работы по изготовлению сруба взял

на себя местный житель Василий Петрович Ворошук, бревна для знака привез местный предприниматель Николай Ильич Александров, дизайн информационных табличек разработала автор статьи, с приобретением пропитки для древесины помогла директор Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея Екатерина Александровна Забалдина. Таблички были изготовлены на средства, собранные при продаже календарей с видами Лядин и Лядинского Погоста.

Необходимо сказать, что проект осуществлен исключительно благодаря объединению инициативных жителей и равнодушных людей в сообщество, которое было образовано в апреле 2022 г. и получило название «Лядины. Возрождение храмового ансамбля». Основатели сообщества Татьяна Сергеевна Коробова и Надежда Федоровна Ворошук верят, что каждый шаг по сохранению исторической памяти приближает нас к восстановлению утраченных построек ансамбля.

Весной 2022 г. данное сообщество приняло участие в программе инициативного бюджетирования, выдвинув на конкурс проект по созданию информационного стенда «Летопись села Лядины». Идея проекта появилась у жительницы села Надежды Федоровны Ворошук. Она же написала заявку на конкурс. Визуализировала идею архитектор Татьяна Коробова. По результатам конкурсного отбора проект получил финансирование из областного бюджета и был реализован в октябре 2022 г. Коллективно было решено, что общий вид стенда должен быть выдержан в традиционном для Русского Севера стиле. Материалом для изготовления выбрано дерево. Стенд представляет собой каркасную конструкцию с обшивкой нижней части доской, украшенной декоративной резьбой, и завершением в виде двускатного навеса тесовой кровли. На трех планшетах размещена информация о кусте деревень Лядины, Лядинском Погосте и частном этнографическом музее-мастерской «Лядинские узоры». Тексты снабжены картой села и цветными фотографиями с видами наиболее интересных построек. Стенд установлен вблизи Лядинского Погоста, рядом с историческим амбаром – единственным уцелевшим из ансамбля амбарной улицы. Авторы проекта сочли, что именно с этой точки открывается наилучший вид на территорию Лядинского Погоста. К тому же мимо амбара проходит дорога, отходящая от трассы Каргополь – Пудож и ведущая к Богоявленской церкви, а также к д. Столетовской и Дудкинской. Таким образом, отсюда символически начинается знакомство с с. Лядины, его летописью и, конечно же, достопримечательностями.

В рамках инициативного бюджетирования удалось также получить финансирование и установить деревянное ограждение вокруг Погоста. Руководителем проекта являлась Надежда Ворошук. Работы по подготовке территории, обработке пропиткой деревянных элементов ограждения проводились при активной помощи местных жителей.

В 2021 г. Каргопольский музей провел кропотливую работу по созданию 3D-модели интерьера утраченной Покрово-Власьевской церкви, и теперь каждый желающий может совершить виртуальную экскурсию по ней, рассмотреть иконы, находившиеся в иконостасе церкви, полюбоваться колоритом «небес». Куратором проекта являлась заместитель директора по научной работе Ольга Борисовна Пригодина.

23 мая 2022 г. по благословению протоиерея Андрея Усачева вокруг Лядинского Погоста был организован крестный ход мирским чином. Также был совершен молебен у креста на месте утраченной часовни Николая Чудотворца в д. Киселевской. В марте 2023 г. у епископа Плесецкого и Каргопольского Александра (Зайцева) испрошено благословение на совершение молитв мирским чином в Богоявленской церкви Лядинского Погоста. Теперь почти каждое воскресенье здесь по утрам звучат молитвы. Напомним, что церковь находится в ведении Каргопольского музея, однако музейный статус объекта не мешает возвращению его первоначальной функции.

В перспективе у инициативного сообщества уже много новых планов, направленных на выявление историко-культурного потенциала и сохранение исторической памяти Лядин. Автор статьи выражает надежду на их благополучное и скорое осуществление.

Список литературы

1. *Мелютина М.Н.* Священный календарь Кенозерья // Кенозерские чтения-2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 322–341.
2. *Тормосова Н.И.* Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011.
3. *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. М., 1982.

Природное наследие Соловецкого архипелага в истории создания музея-заповедника (1960–1970-е гг.): государственные меры и общественное мнение

Мазилова Екатерина Андреевна – заведующий научно-методическим отделом, Архангельский краеведческий музей; аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет; e.mazilova@yandex.ru

Задача исследования – раскрыть предпосылки, которые повлияли на изменение профиля Соловецкого музея-заповедника в 1974 г., когда произошла его реорганизация из филиала Архангельского областного краеведческого музея в самостоятельное учреждение. В специализацию музея было добавлено природное наследие, что нашло отражение в названии. При этом, первые меры по изучению и сохранению природных комплексов были предприняты еще до 1974 г.

Ключевые слова: Соловецкие острова, Соловецкий музей-заповедник, природное наследие, охрана и сохранение.

12 декабря 1974 г. на основании Постановления Совета Министров РСФСР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов № 632 Соловецкий филиал Архангельского областного краеведческого музея был реорганизован в самостоятельное учреждение с прямым подчинением Управлению культуры Архангельской области. Музей-заповедник на Соловецких островах получил комплексный профиль, первый в СССР подобного типа, отражающий его разноплановую специализацию – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Забота о сохранении архитектурного наследия при создании музеев-заповедников к тому времени стала повсеместной практикой в стране. Изначально Распоряжение Совета Министров РСФСР № 69-р от 10 января 1967 г. постановляло создание историко-архитектурного музея-заповедника на базе памятников Соловецких островов. Природное наследие в качестве объекта музейного изучения и сохранения официально было введено позднее, однако составляет не менее важную часть целостного освоения и осмысления соловецкого пространства и нарратива. Задача исследования – раскрыть предпосылки изменения музейного профиля, на конкретных примерах показать, что природный компонент и ориентир в музейной практике появился не случайно, был подготовлен рядом предшествующих событий и направленных усилий.

Судить о внимании региональных властей к природному наследию Соловецкого архипелага в послевоенный период можно начиная с 1959 г., когда 28 февраля вышло Распоряжение Совета Министров РСФСР № 830-р, согласно которому леса Соловецких островов были переведены из третьей группы в категорию лесов первой группы. Это означало, что островной лесной фонд, имевший ранее преимущественно эксплуатационное назначение, теперь получал защитные, санитарно-гигиенические, оздоровительные функции, т.е. переходил к группе, в которую входят леса особо охраняемых природных территорий.

Ряд государственных нормативно-правовых мер в области природного регулирования приходится на 1960-е гг., когда Соловецкие острова становятся доступны для туристического посещения и активно обсуждается дальнейшая судьба их исторического и архитектурного наследия. Так, 4 октября 1963 г. опубликован приказ по Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР № 404, который утверждал положение о государственных охотничьих заказниках областного, краевого, республиканского (АССР) значения. Документ закреплял за областными исполкомами и Советами Министров АССР право на создание заказников, а также на установление их площадей, границ и режима пользования¹. На региональном уровне 30 ноября 1963 г. появилось решение Исполнительного комитета Архангельского областного Совета депутатов трудящихся «Об организации государственных охотничьих заказников». На основании документа были созданы четыре государственных охотничьих заказника областного значения, в том числе Соловецкий на территории островов Соловецкого архипелага. Целью создания видового заказника признавалась охрана и увеличение численности гаги и дикого северного оленя. Как известно, олени не относятся к коренным видам Соловецкого архипелага. Популяция лапландских оленей, завезенных на острова еще в XVI в., была полностью истреблена к 1942 г. В 1962 г. была предпринята новая попытка разведения северного оленя на Соловках, когда на острова завезли стадо в 50 особей. Решением предписывалось, что охраной диких зверей и птиц, а также проведением биотехнических мероприятий должны заниматься егеря самих заказников с привлечением общественности². В случае с Соловецким заказником фактически никаких природоохранных мер не проводилось.

¹ Положение о государственных охотничьих заказниках областного, краевого, республиканского (АССР) значения // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2063. Оп. 1. Д. 6809 а. Л. 21.

² Решение Исполнительного комитета Архангельского областного Совета депутатов трудящихся «Об организации Государственных охотничьих заказников» // Там же. Л. 24.

Примерно тогда же, с 1965 г., начинает разрабатываться Положение об охране природных богатств Соловецких островов. В качестве одного из центральных постулатов наряду с памятниками культуры леса признавались основным богатством Соловецкого архипелага. В проекте документа упоминается «сад акклиматизации растений», известный в то время как хутор Горки³, отмечается его биологическая ценность⁴. Хотя Положение так и не было опубликовано, важным следствием работы над ним стала организация Соловецкого лесничества (основание – Постановление Совета народного хозяйства Северо-Западного экономического района № 338 от 14 сентября 1965 г.). Целью создания лесничества прописывалась надлежащая охрана лесных массивов и ценных парковых древесных пород, расположенных на территории Соловецких островов и представляющих значительную историческую ценность, а также проведение лесокультурных и лесохозяйственных работ. Соловецкому лесничеству вменялся широкий функционал: от охраны лесов, проведения санитарных рубок и противопожарных мероприятий до организации питомнического хозяйства и научной работы по изучению декоративных деревьев на хуторе Горки⁵. Соответствующим штатом создаваемое лесничество обеспечено не было, поэтому и предписанные к исполнению обязанности оставались большей частью исключительно на бумаге.

Изучение архивных документов, в том числе черновых вариантов и проектов положений, позволяет проследить изменения в формулировках и объеме задуманных мер. Так, изначальные попытки выработки государственных мер по охране природных богатств Соловецкого архипелага в целом в 1965–1966 гг. свелись к учреждению заказника местного значения только на острове Анзер, входящем в состав архипелага. Если в 1965 г. и январе 1966 г. в Облисполкоме еще рассматривался проект положения об охране природных богатств Соловецких островов, то в черновом рукописном варианте от 21 января 1966 г. уже появляется формулировка за подписью председателя исполнительного комитета Архангельского областного Совета депутатов трудящихся К. Кострова, предписывающая превратить остров Анзерский Соловецкого архипелага в заповедник местного значения. В окончательном варианте, утвержденном решением Облисполкома от 7 февраля 1966 г. № 104, речь идет исключительно об охране природных богатств острова Анзер. Для сохранения в естественном состоянии участков природы с их растительностью

³ Первоначальное название хутора Горки, с 1822 г., – Макарьевская пустынь. В настоящее время – Ботанический сад Соловецкого музея-заповедника.

⁴ Положение об охране природных богатств Соловецких островов // ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 6809 а. Л. 26.

⁵ Там же.

и дикими животными остров выделяется в комплексный заказник общей площадью 4711 га⁶. Выбранный статус заказника, а не заповедника, видимо, обусловлен упрощенной процедурой его присвоения, для которого достаточно решения местного органа власти.

В 1965–1966 гг. в Управлении культуры разрабатывался документ, содержащий рекомендации по вопросам охраны природы, развитию туризма и экономики островов Соловецкого архипелага. Один из сохранившихся проектов данных рекомендаций принадлежал В.А. Лапину, директору Архангельской научно-реставрационной мастерской при Управлении культуры. В варианте его рекомендаций на Соловецком архипелаге предполагалось создание историко-биологического заповедника. В целях подъема экономики и освоения природных богатств предписывалась организация многоотраслевого совхоза с развитым животноводством, огородничеством, рыболовством и рыбоводством, с цехами консервирования грибов, ягод⁷ и т.д. Вероятнее всего, текст рекомендаций так и остался на уровне проекта. По крайней мере, большинство идей, в нем высказанных, никогда реализовано не было.

Итак, к началу 1967 г., когда вышло распоряжение Совета Министров РСФСР № 69-р об организации Соловецкого историко-архитектурного музея-заповедника, статус природного наследия Соловецкого архипелага не был окончательно решен. Принятые к тому времени меры оставались достаточно формальными, т.к. в действительности природоохранные мероприятия на удаленной островной территории не были обеспечены ресурсной базой. После официального распоряжения Министерству культуры РСФСР совместно с Архангельским облисполкомом было поручено разработать и утвердить границы создаваемого музея-заповедника. Изначально в тексте Положения приводился список памятников и объектов, которые должны были войти в состав музея. На этапе правок на местном уровне, по предложению Управления культуры, границами музея-заповедника предложено было признать всю территорию архипелага⁸. Это означало, что ответственность и контроль за соблюдением охранных, противопожарных и прочих требований, в том числе в области природных объектов и ландшафтов, возлагалась бы на Соловецкий музей. Вопрос о границах музея-заповедника был решен после 1974 г., когда Соловецкий музей-заповедник стал самостоятельным учреждением. Формально в Положении за

⁶ Положение об охране природных богатств острова Анзерский Соловецкого архипелага // Там же. Л. 14.

⁷ Рекомендации по вопросам охраны природы, развитию туризма и экономики островов Соловецкого архипелага // ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1155. Л. 13.

⁸ Положение о Соловецком историко-архитектурном музее-заповеднике // Там же. Д. 1264. Л. 17.

музеем была закреплена территория всех островов и прилегающей литоральной зоны, но по факту даже после прошедшей реорганизации исключительно силами музея не удалось бы вести полное научное и хозяйственное освоение всей территории.

Красноречивее всего о необходимости рационального использования и освоения культурных, исторических и природных богатств Соловецкого архипелага рассказывают многочисленные газетные и журнальные публикации 1960–1970-х гг. После 1959 г., когда на Соловки был организован первый туристический рейс из Архангельска, острова очень быстро стали популярным маршрутом для путешественников. В прессе появились разнообразные публикации и заметки, содержащие как восторженные отзывы, так и критические замечания по поводу плачевного состояния памятников. Резонанс от подобных публикаций был значительным.

Достаточно привести лишь один известный пример. 13 сентября 1966 г. в «Литературной газете» была опубликована статья Юрия Казакова «Соловецкие мечтания». Выразительным художественным языком автор передал восхищение от местной природы и великолепия архитектурных памятников. Но еще с большей силой и публицистическим мастерством он представил недостатки и проблемы островного «хозяйствования». Со знанием дела он ссылается и на выступления, только что состоявшиеся в июле того же года на Всесоюзной конференции «Памятники культуры Русского Севера», и на исторические факты, и на комментарии местных чиновников. Доказательно и последовательно писатель вскрывает проблемы, в том числе касающиеся нерационального использования природных ресурсов, говорит об обманутых ожиданиях туристов [3, с. 3]. Статья вызвала огромный резонанс. В редакцию поступили многочисленные отклики и письма, ответные публикации, например Д. Лихачева, члена-корреспондента АН СССР, А. Кирпичникова, археолога, кандидата исторических наук и т.д.

Пример со статьей «Соловецкие фантазии» показывает, насколько обсуждаемой была тема наследия Соловецкого архипелага среди широкой общественности. Подобных статей и примеров было большое множество. Если большинство из них делало акцент на неудовлетворительном состоянии архитектурных памятников, то Павлу Васильевичу Виткову принадлежит заслуга в привлечении внимания к природному наследию островов.

Назначенный на должность директора Соловецкой средней школы после руководства Архангельской школой № 6 П.В. Витков оказался на Соловецких островах в 1957 г. не по своей воле. Однако деятельный характер, инициативность и неравнодушная гражданская позиция не позволили ему оставаться в стороне от увиденных на Соловках противоречий. Он начал писать письма-обращения в Академию наук СССР, Президиум ЦК КПСС, обком КПСС и прочие институты власти. С 1958 г.

стали регулярно выходить в печати его статьи: в газетах «Советская Россия» от 16 мая 1959 г. [1], «Правда Севера» от 7 января 1960 г. [2] и др. В письмах и публикациях Павел Васильевич заостряет внимание именно на биологических ценностях Соловков. С точки зрения научной строгости, в его описаниях природных особенностей можно найти некоторые неточности, однако поражает искренняя заинтересованность, внимание к деталям, скрупулезность изложения и смелость решений. П.В. Витков одним из первых заговорил о богатой растительности островов: лесном массиве, включающем старовозрастные леса, сенокосных угодьях, пашнях, пастбищах, пресных озерах, рыбе разных пород и т.д.⁹ Особый акцент он делает на бедственном состоянии природных и биологических ценностей Соловецких островов: «лес гниет, луга заболачиваются, исчезает дичь, зверь и рыба, т.к. все это используется без надзора и хищничества»¹⁰. В своих статьях и письмах П.В. Витков не ограничивается высказываем критических замечаний. Он всегда предлагает возможные варианты, пути решения проблем. Так, в качестве первостепенных мер по улучшению состояния природных ресурсов и рационализации их организационно-хозяйственного использования в письме Президиуму ЦК КПСС в 1959 г. он выделяет следующие шаги:

1. Для решения вопроса о правильной эксплуатации и охране лесного массива и другой богатой растительности на уровне решения Правительства на Соловецких островах создать режим государственного заповедника.

2. Организовать разумную эксплуатацию лугов, пашни и пастбищ, спасти их от заболачивания и зарастания, дать им разумных хозяев.

3. «Спасти оставшиеся рыбные запасы, промысловых зверей и птиц от хищнического истребления и организовать научное рыбобразведение и охотничье хозяйство. Завести на Соловки из Ненецкого округа диких оленей и восстановить бывшее там стадо этих животных»¹¹ и т.д.

Именно П.В. Виткову принадлежит идея организации историко-биологического заповедника Севера на Соловецких островах, впервые прозвучавшая в его статье «Почему забыты Соловецкие острова». Интересно, что в тексте «Рекомендаций по вопросам охраны природы, развитию туризма и экономики островов Соловецкого архипелага», разработывавшемся в 1965 г. Управлением культуры, данная форму-

⁹ Письмо в президиум ЦК КПСС от директора Соловецкой средней школы, депутата Соловецкого островного Совета П. Виткова // Научный архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 2. Д. 192. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 5. — Как видим, письмо в президиум ЦК КПСС от 1959 г. предвосхитило события 1962 г., когда на Соловецкие острова действительно были завезены олени.

лировка была заимствована в первом же пункте документа: «Объявить Соловецкий архипелаг историко-биологическим заповедником»¹².

Важно отметить, что статья П.В. Виткова в газете «Правда Севера», его корреспонденция в президиум ЦК КПСС и редакцию газеты имели дальнейшее продолжение в виде официальной реакции местных властей. Публикация и личное обращение были рассмотрены на специальном собрании Исполнительного комитета Архангельского областного Совета депутатов трудящихся. По итогам заседания появилось решение № 79 от 28 января 1960 г. (протокол № 4, д. № 041/2) «Об использовании природных богатств острова Соловки». Архангельские власти были вынуждены признать правильной оценку состояния дел об использовании природных и историко-культурных ценностей Соловецких островов, которую привел в статье и письмах директор Соловецкой школы. Было решено командировать летом 1960 г. на Соловецкие острова комиссию облисполкома в составе представителей Управления сельского хозяйства, Управления культуры, отдела народного образования, Управления местной промышленности, Инспекции лесного хозяйства, Госохотинспекции и Управления рыбной промышленности Совнархоза¹³. И действительно, рабочая комиссия представителей областных органов власти выезжала летом 1960 г. на Соловецкие острова. Были намечены первоочередные практические мероприятия по сохранению соловецких памятников и природного наследия.

Таким образом, влияние периодической печати на судьбу природного и историко-культурного обустройства на Соловецком архипелаге сложно переоценить. Яркие, объективные и злободневные публикации не только формировали общественное мнение, но и активно воздействовали на принятие правительственных решений и стимулировали выработку дальнейших мер и необходимых мероприятий. Одной из таких мер стало создание Соловецкого музея-заповедника в 1967 г.

Что же удалось сделать Соловецкому музею-заповеднику в области изучения и сохранения природного наследия на первом этапе своего становления (по 1974 г. включительно)? Уже в 1968 г. в музее условно был выделен отдел природы. Это было не отдельное структурное образование, а именно указание на направление деятельности и объект изучения. Весь музейный штат на тот период не превышал 12 человек, а сотрудников научной части, включая заведующего филиалом, главного хранителя и т.д., было в два раза меньше. Тем не менее, начиная с 1968

¹² Рекомендации по вопросам охраны природы, развитию туризма и экономики островов Соловецкого архипелага. Л. 13.

¹³ Решение Исполнительного комитета Архангельского областного Совета депутатов трудящихся № 79 // Научный архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 2. Д. 192. Л. 1.

г. в штате музея практически всегда был человек, который занимался флорой и фауной Соловецких островов. Как и в целом по музею, для данного направления была характерна большая текучка кадров. Одним из первых сотрудников, занимавшимся изучением природной темы, была Людмила Павловна Власова (до 25 июня 1968 г.), затем Зинаида Михайловна Кабанова, Серафима Степановна Скребцова, Геннадий Николаевич Тикка (с ноября 1973 г.), Ольга Васильевна Семяшкина (с ноября 1974 г.) и др.

Комплектование фондов музея по естественно-научной тематике началось несколько позже формирования исторических, археологических и изобразительных коллекций. Так, на конец 1970 г. в фондах музея по отделу природы числилось всего 15 единиц хранения, в том числе 5 таксидермических скульптур, 4 предмета геологии и 6 предметов зоологии¹⁴. СобираТЕЛЬСкая работа проходила различными путями: в результате экспедиций по Соловецкому архипелагу и других островах Белого моря, а также в результате привлечения сторонних организаций. Например, в августе 1971 г. по заданию музея в районе острова Анзер работали аквалангисты северодвинского клуба «Пингвин». В результате их исследований коллекция музея пополнилась материалами по флоре и фауне Белого моря¹⁵. Основные экспонаты вошли в действующую выставку о природе Соловецких островов. Самостоятельные экспедиционные маршруты музейных сотрудников проходили в основном на территории самого архипелага, но в отличие от историко-бытовых и этнографических экспедиций были гораздо менее регулярными. Один из немногих примеров сбора образцов вне архипелага приходится на июнь 1974 г., когда в рамках комплексной экспедиции на островах Белого моря (Кондостров, Сеннуха) был собран гербарий и образцы флоры данных территорий.

В 1969 г. в Соловецком музее-заповеднике была открыта первая выставка естественно-научного направления, посвященная природе Соловецких островов. Автором выставки была С.С. Скребцова, художником — А.И. Усов. Изначально экспозиция была небольшая, в нескольких специально изготовленных витринах. В течение последующих лет она постепенно дополнялась объемными экспонатами. В том же году был составлен текст экскурсии по выставке «Природа Соловков». Кроме того, началась разработка экскурсионных маршрутов, посвященных природе архипелага, вне стен музейных залов. Первым природным

¹⁴ Годовой отчет Соловецкого музея за 1970 год // Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 85. Л. 19.

¹⁵ Отчет Соловецкого историко-архитектурного музея-заповедника, филиала Архангельского областного краеведческого музея, за 1971 год // Научный архив Архангельского краеведческого музея. Ф. 3. Оп. 1. Д. 508. Л. 3.

пространством Большого Соловецкого острова, которое стало активно популяризироваться экскурсионными средствами, стал хутор. Автором первых экскурсионных материалов также была С.С. Скребцова.

Первичному научному изучению Ботанического сада активно способствовали сторонние организации. Два года подряд, в 1969–1970 гг., на Соловках работали добровольцы из общественных организаций Полярно-Альпийского ботанического сада-института (Кольского филиала Академии наук СССР). Их силами была проведена инвентаризация посадок хутора Горки, составлена схема расположения основных древесных насаждений. Добровольцы также оказывали практическую помощь по сохранению и уходу за растениями. В результате проведенных работ была доказана большая естественно-историческая ценность сохранившихся древесных насаждений¹⁶. По итогам двухлетней работы дирекцией Полярно-Арктического ботанического сада-института были составлены рекомендации и направлены в Архангельский облисполком. В качестве ответной реакции в штате Соловецкого музея-заповедника с 1972 г. появилась ставка садовника (смотрителя за садом), однако еще долгое время она оставалась вакантной. Более того, облисполкомом было принято решение, что территория Ботанического сада войдет в состав Соловецкого музея-заповедника после его реорганизации в самостоятельное учреждение¹⁷.

Из-за неопределенности с хозяйственной принадлежностью территории Соловецких островов музей-заповедник уже с первых лет существования сталкивался с проблемой обеспечения контроля за пребыванием и отношением туристов к природному наследию. Особое опасение у музейных сотрудников вызывала территория Большого Заяцкого острова с уязвимой тундровой растительностью и археологическими памятниками каменных лабиринтов. В Управление культуры Архангельского облисполкома с 1968 г. поступали служебные записки от заведующего музеем Н.П. Варакина о «варварском поведении отдельных туристов»¹⁸. Уже тогда он предлагал в качестве охранной меры организовать посещение Большого Заяцкого острова и его памятников только с разрешения дирекции Соловецкого музея-заповедника. Данное ходатайство было поддержано Г.Г. Фруменковым, председателем Архангельского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

¹⁶ Переписка с Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры по проведению консервативно-реставрационных работ на Соловках, с Полярно-Альпийским садом по охране уникальных посадок на Соловецких островах и др. // ГААО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1528. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ Докладная записка Н.П. Варакина // Там же. Д. 1155. Л. 60.

Таким образом, научное и музейное освоение природного наследия Соловецкого архипелага началось фактически сразу же после учреждения островного музея, несмотря на то, что официально комплексную специализацию, включающую природоведческую направленность, музей-заповедник получил лишь после 1974 г. Исследование и популяризация природных ландшафтов начались традиционными музейными средствами через комплектование естественно-научных коллекций, создание природных экспозиций и организацию экскурсий, а также благодаря активному привлечению специализированных научных организаций. Кроме того, уже тогда музеем были предприняты первые попытки по систематизации охранных мер в связи с возрастающей туристической активностью. В первую очередь внимание музея было обращено на такие территории, как Ботанический сад и Большой Заяцкий остров, обладающие уникальными природно-культурными комплексами. Именно они в первую очередь впоследствии вошли в состав самостоятельного музея-заповедника.

Итак, особенностью территории Соловецкого архипелага является тот факт, что природное наследие и историко-культурное достояние здесь теснейшим образом связаны. Эта особенность, обусловленная историческим способом освоения территории и природопользования, остается актуальной и в настоящее время. Также при создании музея-заповедника нельзя было не учитывать включенности архитектурных и исторических памятников в естественный природный ландшафт, который является их неотъемлемой частью, жизненным пространством и контекстом. Природные ритмы продолжают оказывать влияние на музейное устройство. Природа является объектом изучения и эстетического показа на Соловках, а также источником удовлетворения гедонистических потребностей. Однако еще на раннем этапе формирования и становления музея ряд важных вопросов, связанных с хозяйственной подчиненностью территории и обеспечением охранных мер, не получили однозначного, юридически грамотного и долгосрочного решения. Отдельные попытки в виде создания заказника на острове Анзер сроком на пять лет или передачи всей территории с разнообразными природными комплексами в ведение музея-заповедника, подведомственного Управлению культуры, без обеспечения соответствующим штатом и полномочиями, не имели результата. Вопрос о статусе природного наследия Соловецкого архипелага остается обсуждаемым и в настоящее время.

Список литературы

1. *Витков П.В.* Использовать богатства Соловецких островов // Советская Россия. 1959. 16 мая.
2. *Витков П.В.* Почему забыты Соловецкие острова // Правда Севера. 1960. 7 янв.
3. *Казakov Ю.* Соловецкие мечтания // Литературная газета. 1966. 13 сент.

Сравнительная характеристика окраски церковной деревянной архитектуры Заонежья и Кенозерья. К истории вопроса

Незвицкая Татьяна Викторовна – кандидат архитектуры, начальник отдела научно-методической работы Всероссийского центра сохранения деревянного зодчества имени В.С. Рахманова, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж»; nezv@yandex.ru

Цветовая палитра памятников деревянного зодчества традиционно воспринимается обществом в естественных природных серо-коричневых оттенках древесины. Существующие окрашенные фасады памятников чаще интерпретируются как нетрадиционные и современные решения. Исследования последних лет доказали, что традиция окраски домов, храмов, часовен существовала ранее XIX в. Знание традиционной цветовой палитры откроет еще одну страницу строительной истории памятников. Сравнительный анализ окраски храмов и часовен Заонежья и Кенозерья позволят выявить существующие общие и индивидуальные традиции каждой территории.

Ключевые слова: памятник деревянного зодчества, сохранение, реставрация, цвет, окраска, обшивка.

Рассмотрение актуальной проблемы изучения цветовой палитры, применявшейся для окраски фасадов деревянных храмов Заонежья, предполагает исследование объектов, расположенных не только на этой территории, но и церквей на близлежащих территориях бывшей Олонецкой епархии. Сравнительный анализ окраски храмов Заонежья и Кенозерья позволит выявить общие и индивидуальные традиции наружного цветового оформления сооружений каждой территории.

Окраска в XIX столетии обшитых деревянных фасадов храмов при их ремонте представляется утилитарным процессом изменения облика объекта, что было отмечено многими российскими исследователями. Сегодня сложно восстановить разнообразие цветовой гаммы окраски деревянных храмов, т.к. в основном при реставрации второй половины XX в. обшивка, покрытие глав, бочек, барабанов были заменены, краски частично смылись. В результате деревянные храмы представлены нашему взору монохромными аскетичными постройками. Определение цветовой палитры отдельных храмов Заонежья и Кенозерья, в том

числе в окраске фасадов храмов Кижского погоста в XIX столетии по архивным данным, исследованиям, «следам» краски на памятниках, и обобщение цветовых решений по конструктивным элементам объектов будет способствовать получению новой информации о покраске объектов культурного наследия, что необходимо для продолжения начатых исследований и формирования современного отношения к этим процессам. Выявление, сохранение и популяризация знаний о цветовых решениях окраски фасадов памятников является актуальной задачей современности.

Анализ современных исследований и публикаций показал, что за последние 10 лет исследователи памятников деревянного зодчества частично изучили и представили информацию о цветовом многообразии решений по окраске фасадов церквей и часовен. Архивные сведения, фотографии рубежа XIX и XX вв., а также иконы – это документальные свидетели существования окраски памятников. А.Б. Бодэ [3] и М.И. Мильчик [5] предположили, что традиция окраски фасадов, крыш, главок, бочек, декора деревянных храмов существовала ранее XIX в. По материалам монографии М.И. Мильчика, посвященной древним иконам с изображением погостов и монастырей, А.Б. Бодэ определил наличие окрасок церковных сооружений в XVII–XVIII столетиях, тем не менее, требуется дополнительная верификация полученной информации. Цветные фотографии также являются достоверным источником информации о покраске храмов, они появились в начале XX в., и в основном это фотографии известного русского фотографа, химика и изобретателя С.М. Прокудина-Горского (ил. 1). Остались территории, где вопросу цветовых решений исторических церковных сооружений не было уделено должного внимания, в частности территория Заонежья с памятником мирового значения – архитектурным ансамблем Кижского погоста.

Во второй половине XX в. при реставрации памятников деревянного зодчества по методике А.В. Ополовникова «на оптимальный облик» такие чуждые наслоения XIX в., как обшивка, металл, нетрадиционный декор были демонтированы. Фиксация демонтированных элементов при реставрации была недостаточно полной из-за малой исторической ценности реконструкций и ремонтов XIX в., а так же из-за нехватки времени. Косвенной причиной послужило также негативное отношение к богатому убранству храмов, использование сооружений не по назначению. Целью реставрационной деятельности А.В. Ополовникова было максимальное сохранение народной храмовой архитектуры. Тем не менее архитектурный облик храма XIX столетия в многообразии цветовых решений постепенно исчез не только с территории Заонежья, но и с большей части России. Сбор информации, сохранение строительной истории объектов, в том числе о «боголепных поновлениях» [6]

крайне важен в настоящее время для возможных проектов обновления разрушенных красочных слоев и представления нового аспекта историко-культурной ценности памятников. Целью данного исследования является определение цветовых решений фасадов отдельных храмов Заонежья и Кенозерья для выявления типовых колористических решений и возможных современных интерпретаций в деятельности музеев.

Самыми достоверными источниками покраски фасадов являются сами памятники с сохранившимися элементами обшивки. Одним из таких редких объектов в Заонежье считается Никольская церковь из д. Вегоруксе (ил. 2). На объекте сохранилась окраска фасада белилами, окраска кровли черлядью (темно-красная краска) [7] и окраска декора синим цветом. Краска сохранилась также на деревянных часовнях в Кижском ожерелье. Например, на часовне Петра и Павла в д. Насоновщине (Волкостров) были зафиксированы автором проекта и Т.И. Вахрамеевой следующие цветовые решения: зеленым колером были окрашены крыши; черлядью – четверик звонницы, галерея, ступени крыльца, подзоры; на столбах зеленым цветом были покрашены детали под названием «пояс валиком». Также было установлено, что на рубеже XIX и XX вв. при проведении реконструкции часовни (третий строительный период) выполнялась покраска обшитых стен и резных деталей¹. В результате изучения памятника установлено, что покраска стен восьмерика красной охрой была сделана до обшивки часовни. Это было обнаружено после снятия во второй половине XX в. обшивки стен. Восьмерик звонницы часовни Архангела Михаила из д. Леликозеро до ее обшивки также, вероятно, был окрашен черлядью, а зеленым цветом были окрашены подзоры звонницы. Таким образом, покраска проводилась как обшитых, так и необшитых храмов. Следовательно, окраска храмов выполнялась ранее XIX в., что подтверждает предположение, сделанное А.Б. Бодэ.

В архивных документах подробно описаны работы по покраске храмов Заонежья, из которых следует, что существовала достаточно распространенная цветовая палитра основных конструкций деревянных церквей. Работа по их окраске в XIX столетии обычно описывалась в строительных делах, сметах, переписке. При этом давались точные указания: «Окрасить крышу и купол в два раза медянкой на масле, окрасить наружную обшивку светло-палевым колером в два раза по грунту, окрасить масляною белильной краской по грунту в два раза оконные

¹ Часовня Петра и Павла в д. Насоновщина. Документы по исследованию исторической покраски деталей и элементов фасадов – 2017 // Научный архив Музея Киж. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4790. Л. 8.

переплеты, двери, наличники, карнизы»². В описании и в сведениях о храмах дана следующая информация: «Трапеза и алтарь снаружи обшиты тесом и окрашены белилами, шатер медянкою; блюдо под шатром и крыши над трапезой и алтарем чернетью»³. Например, в Кижском ожерелье каркасные сени часовни Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в д. Подбельники имеют охристую окраску стен. Кроме окраски внутренних помещений использовали также обои и шпалеры, которые к сожалению, в интерьерах храмов и часовен Заонежья не сохранились: «В 1879 и 1884-м церковь сия обшита тесом с внешней стороны лесопромышленником (ныне умершим) Петром Федоровым Захарьевым на свой счет, а в 1885 году окрашены стены снаружи белилами, а крыша черлядью на два раза, внутри церкви стены оклеены обоями, и окна окрашены белилами»⁴; «...зданием деревянная с таковою же колокольнею, обшита снаружи и внутри тесом и окрашена снаружи охрою, а внутри обита шпалерами»⁵.

Ансамбль Кижского погоста, расположенный в Заонежье, не стал исключением из правил. Так, И. Я. Билибин в начале XX в. охарактеризовал строительные изменения, произошедшие с объектами Кижского погоста: «К сожалению, у старшей (церкви Преображения Господня. — Т. Н.) все купола обиты железом и окрашены в яркий светло-зеленый цвет, а сама она, кажется, белее снега» [1]. Восприятие белого цвета на храме, который доминировал в пространстве, вызывает разочарование у исследователя. Такая же окраска была у фасадов Покровской церкви в д. Анхимово (ил. 3). Впрочем, белый цвет «является символом Божественного нетварного света. В белых облачениях совершают богослужения Рождества Христова, Богоявления, Вознесения, Преображения» [8].

Деревянные главы Покровской церкви Кижского погоста, обшитые лемехом и окрашенные сине-зеленым цветом в начале XX в., до сегодняшнего дня сохраняют на лемехе небольшие красочные включения. Пробы краски малярами на внутренних помещениях колокольни под-

² Дело о дозволении в Масельгском погосте построить новую деревянную церковь // Национальный Архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 36/416. Л. 195.

³ Сведения о состоянии церквей, духовенстве, пастве, училищ при церквях по благочиническим округам и монастырям Олонецкой епархии за 1873 год и документам об их предоставлении и рассмотрении в консистории // Там же. Оп. 1. Д. 54/6. Л. 157.

⁴ Ведомость о церкви главной, или самостоятельной, во имя Святого Пророка Илии, Повенецкого уезда, Масельского Паданского прихода за 1889-й год // Там же. Оп. 20. Д. 28/310. Л. 32.

⁵ Ведомость о церкви главной, или самостоятельной, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, Повенецкого уезда. Паданского погоста за 1889-й год // Там же. Л. 14.

тверждают наличие следующих цветовых решений покраски конструктивных элементов храмов и колокольни Кижского погоста: обшивка стен – белилами, главки из металла и лемеха – сине-зеленым цветом, декор – синим, черлядью и зеленым цветами.

Если сгруппировать цветовые решения храмов Заонежья по основным конструкциям, то можно установить следующую закономерность: стены обычно окрашивались белилами, охрой, палевым цветом и частично черлядью; для кровли чаще всего использовали черлядь и зеленый цвет; для оконных проемов – белила, синий и зеленый цвета; для декора применяли белила, черлядь, зеленый и синий цвета; двери окрашивали зеленым цветом и черлядью.

В Пудожском районе «в Никольской часовне сохранилась наружная и внутренняя покраска. Снаружи стены окрашены светлой охрой с выделением карнизов, лопаток на колокольне и причелин красным суриком» [2, с. 205], крыша и охлупень, по-видимому, были окрашены темно-красными цветом (черлядью). При изучении строительной истории Александро-Невской церкви в с. Ухтома Вологодской области установлено, что стены здания были обшиты доской и раньше окрашены белой краской, а дорожные доски были окрашены красным суриком [4, с. 243]. Исследования деревянной архитектуры Республики Коми Игорем Николаевичем Шургиным также подтверждают информацию о применении белой краски для стен церквей и колоколен [10]. Таким образом, можно предположить, что традиционные цвета окраски использовались и на соседних с Заонежьем территориях.

В наше время практика восстановления исторических цветовых решений при проведении работ по сохранению деревянных храмов – крайне редкое событие. Примером такой деятельности на территории Кенозерья стала научная реставрация церкви Георгия Победоносца Порженского погоста в 2016 г. (ил. 4 и 5), где были восстановлены исторические цветовые решения фасадов на основе научно-исследовательских работ, выполненных Всероссийским художественным научно-реставрационным центром им. академика И.Э. Грабаря⁶. Были исследованы красочные слои фрагментов кровли, проемов и обшивки стен (зеленый красочный слой на лемехе; оранжевый и зеленый цвета на карнизных свесах; белый цвет на обшивке стен; белый и зеленый красочные слои на оконных проемах).

В состав краски зеленого цвета на лемехе входили цинковые и свинцовые белила, синий медьсодержащий пигмент на основе связующего

⁶ Отчет о проведении исследований грунта и красочного слоя фрагментов кровли и обшивки стен церкви Георгия Победоносца (д. Федоровская) // Научный архив ФГУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 1. Оп. 2. Д. 352.

масла. Белесая обшивка стен и оконных проемов выполнена свинцовыми белилами на основе масла. В зеленую краску на масляной основе для оконных проемов включены зеленый медный пигмент, свинцовые белила и цинковые белила. В состав оранжевой краски на карнизе входили: свинцовый сурик, свинцовые белила, баритоновые белила, кальцинированная известь (краска на известковом вяжущем). Результаты исследования специалистов центра И.Э. Грабаря показали, что все красочные составы на известковом вяжущем равномерно покрыты сначала белым грунтом, далее основным цветом (зеленым или оранжевым) и в завершении – тонким белесым или зеленоватым слоем для придания нужного оттенка конструкции сооружения. В краске на масляной основе вместо грунта использована олифа. Следует отметить, что масляными составами покрыты самые быстроразрушающиеся от влаги элементы крыши.

В Урочном положении (1843 г.) так описывается технология малярных работ: в п. 469 «на каждую часть окраски маляры должны для себя сварить олифу, растирать и приготавливать краски»; в п. 471 «все нижеписанные малярные работы рассчитаны для окрашивания по грунтовке за два раза масляною краскою новых деревянных крыш, полов, стен, заборов, палисадников, дверей, оконных переплетов и других разных и мелких частей» [9, с. 394–395]. Далее в Урочном положении прописаны составы рецептов для получения цветных красок по разнообразным поверхностям. Там же описан рецепт приготовления олифы: «для варения олифы, полагается на один пуд масла конопляного, сурику 3/4 фунт и 3/4 фунта Зильберглицу» [9, с. 395]. Олифа также использовалась для обработки с обеих сторон листового железа, что продлевало срок службы металлических кровель, глав. В Урочном положении даются пошаговые указания по малярным работам каждого отдельного конструктивного элемента сооружения. Так, в п. 472а «для окрашивания новых деревянных крыш и отливов над фундаментами» рекомендовалось использовать «черлядь на масле, за два раза» [9, с. 398].

Натуральная масляная основа любой исторической краски обладала высокими антисептическими свойствами, отталкивала воду, предохраняла дерево от высыхания, не закупоривала поры, давала возможность дереву дышать и регулировать влажность. Можно предположить, что покраска значимых деревянных сооружений выполнялась не только по эстетическим причинам, но и с практической целью продления срока службы.

Исторический факт окраски известных деревянных храмов России и сегодня воспринимается нашими современниками с некоторым недоверием, что безусловно является темой для дополнительных исследований и представления информации о традиции окраски фасадов памятников.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Утраченное цветное многообразие церковных сооружений следует выявлять и по возможности сохранять. При восстановлении покраски, опираясь на научные изыскания, следует использовать исторические традиционные техники, приемы и, по возможности, материалы.

2. В основном (традиционно в XIX в.) стены главных храмов Заонежья и Кенозерья окрашивались в белый цвет, а главки — в зелено-голубой цвет (Кижский и Космозерский погосты, Порженский погост). В храмах Кенозерья в отличие от Заонежья в цветовых решениях декора использовался оранжевый цвет.

Список литературы

1. Билибин И.Я. Народное творчество Севера // Мир искусства. 1904. № 11. С. 38.
2. Бодэ А.Б. Никольская часовня в урочище Ялгандсельга. Материалы обследования // Деревянное зодчество. Вып. VI. М.; СПб., 2018. С. 196–206.
3. Бодэ А.Б. Покраска фасадов деревянных церквей XIX — начала XX веков // Рябининские чтения — 2019. Петрозаводск, 2019. С. 216–218.
4. Бокарев А.В., Бодэ А.Б. Александро-Невская церковь в селе Ухтома Вологодской области // Деревянное зодчество. Вып. V. М.; СПб., 2016. С. 239–250.
5. Мильчик М.И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков. СПб., 2017.
6. Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1974.
7. Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия: словарь-гlossарий. М., 1995.
8. Символика богослужебных цветов // Справочник православного человека: в 2 ч. Ч. 1 / сост. В. Пономарев. М., 2006.
9. Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях. СПб., 1843.
10. Шургин И.Н. От лесной избышки до церкви дивной. Деревянная архитектура Коми. М., 2009.

Влияние природно-географической среды на пенитенциарную практику монастырей Европейского Севера России

Павлушков Александр Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России; apavlushkov@yandex.ru

В статье через изучение пенитенциарной деятельности монастырей рассматривается влияние природно-географических условий на формирование российской карательной системы. Делается вывод о том, что природная среда формировала своеобразие государственных и церковных институтов. Раскрывается характер воздействия таких факторов, как климат, природа, географическое расположение, что нашло отражение в двух аспектах: географическом расположении отдельных монастырей, явившемся причиной включения их в пенитенциарную систему, и связанной с ней жизнедеятельности. Различие подходов в понимании природной среды государством и церковью отразилось и на особенностях развития их пенитенциарных систем.

Ключевые слова: Европейский Север России, православные монастыри, пенитенциарная практика, природно-географическая среда.

Жизнедеятельность общества всегда строилась на взаимодействии с природой. Человек использует природные продукты для удовлетворения самых разнообразных потребностей. В этом смысле географическая и природная среда относятся к числу тех факторов, которые нельзя не учитывать. Она влияет на социальную организацию. Эволюция социально-политических, управленческих институтов также определялась набором объективных условий, которые человек старался использовать для своих нужд. В этом смысле обращение научного сообщества к проблемам влияния природы на развитие социальных процессов имеет принципиальное значение, поскольку дает ответ на первопричины и особенности формирования отдельных социальных институтов.

Подчеркнем, что изучением влияния естественных факторов на развитие общества занимаются исследователи различных областей знаний, которые условно можно объединить в самостоятельные научные направления [14]. Особо следует выделить подходы, определяемые историческим материализмом и географическим детерминизмом. Первый рассматривает природную среду как условие зарождения социально-материальных отношений с присущим им делением на антагонистические классы. Роль природы признается, но не абсолютизируется. Географический детерминизм делает акцент на расположении территории как

движущей силы развития общества. География определяет возможности и своеобразие социальной организации общества, влияет на национальный менталитет и политический уклад. Такие известные историки, как В.О. Ключевский, С.М. Соловьев всегда подчеркивали воздействие природного фактора на развитие государственных и общественных институтов. При этом рассмотрение ими российской истории вполне вписывается в концепцию В.И. Вернадского о единстве культурных и природных ландшафтов, образующих единую социобиосферную среду [4]. Эта среда имеет пространственно-исторические особенности, которые, в свою очередь, формируются под воздействием национально-природного уклада. Соответственно, каждая цивилизация не только по-своему использовала уникальные природные ресурсы в ареоле территориального проживания, но и в значительной степени «формировала многие виды геосистем», «геопространственные механизмы и формы поведения субъектов» [15]. Пенитенциарная практика северных монастырей в значительной степени также создавалась под воздействием природных факторов.

Для начала необходимо определиться с понятиями.

Природно-географическая среда включает внешние условия обитания и существования человека. Это территориальное пространство, почва (рельеф), климат, природные ресурсы – растительный и животный мир. Подчеркнем, что человек не только приспосабливается к окружающей среде, но и в значительной степени меняет ее облик, формируя природно-социальные образования.

Пенитенциарная практика – это дисциплинарная и иная деятельность монастырей в сфере наказания посредством создания специальных мер воздействия (труд, наставления, физические ограничения). Главная цель пенитенциарного учреждения – исправление правонарушителя. В России существовало две юрисдикции: государственная и церковная, которые образовывали собственные пенитенциарные системы. Они были связаны между собой, но имели и принципиальные отличия. Государственная пенитенциарная система сформировалась в XIX столетии в результате проведения тюремной реформы, основанной на внедрении гуманных и более справедливых принципов наказания. Пенитенциарное учреждение являлось частью уголовно-исполнительной системы и отражало тенденцию демократизации российского общества. В этом смысле происходил постепенный отказ государства от использования монастырей в карательных целях, которые длительное время служили инструментом и местом тюремного наказания.

Таких монастырей, имеющих статус государственных тюрем, было немного. Однако именно естественно-природные условия предопределили желание государства использовать монастыри в качестве тюремных учреждений. Например, удаленность от центра и суровые условия обитания были решающими аргументами при интеграции части монастырей в

государственную систему наказания. В Соборном Уложении 1649 г. была закреплена норма о ссылке преступников в удаленные места «куда государь укажет» [12], что связывалось в том числе и со ссылкой в дальние монастыри. Они располагались на периферии и были оторваны от столичных городов. В дальние монастыри светские власти ссылали последователей различных сект, учителей-старообрядцев и лиц, совершивших преступления против церкви. Законодательный акт 1722 г. разрешал ссылать в дальние монастыри ханжей (тунеядцев). В документе особо подчеркивалось, что в дальних монастырях для сосланных не будет соблазна «шататься по городам» и собирать милостыню. Географическая уединенность обители и отсутствие населения для «рассеивания прельщения» являлась главным критерием для назначения места ссылки [8, № 477, с. 130].

О том, что географическое расположение монастыря наилучшим образом способствует борьбе с тунеядством, говорили и отдельные постановления Святейшего Синода. Например, крестьянина Филиппа Иванова дважды ссылали в монастыри за попрошайничество в Москве. Он выдавал себя за трудника одного из московских монастырей. Синоду было предоставлено право установления истинности слов задержанного. По окончании следствия виновного отправили «в труды» в дальний монастырь на исправление [10, № 2548, с. 124–125].

Церковная пенитенциарная юрисдикция сформировалась гораздо раньше государственной как результат генезиса церковно-православной корпорации со сложившимся сводом норм. Природная среда также была важнейшим критерием для привлечения обитателей в таком качестве. Об этом косвенно говорят материалы судебных решений, где обозначались требования к содержанию ссыльных: находиться «в трудах черных», «молиться денно и ношно» и т.д.

Влияние природного фактора на пенитенциарную практику монастырей можно рассмотреть в двух аспектах: расположение и постройки специальных помещений, обитание и занятия ссыльных.

Суровая природа Европейского Севера была созвучна христианскому представлению о содержании наказания. Прежде всего это суровый климат, создающий трудности для проживания (повышенная влажность, низкие температуры). Нахождение в тяжелых климатических условиях при минимальных средствах обеспечения было болезненным испытанием и для психики, и для физического состояния. Соответственно именно климатический и географический факторы объясняют большие масштабы включения северных монастырей в пенитенциарную практику. На территории Вологодской и Новгородской епархий примерно каждый третий монастырь был задействован в пенитенциарных целях, в Архангельской епархии — значительно больше.

Природа влияла и на типы построек, используемых для наказания правонарушителей. Для России, отличающейся большим разнообразием

ем природного ландшафта, было характерно строительство специальных помещений из камня и дерева. Наиболее ранней формой такой постройки была земляная тюрьма, или яма. Для начального периода становления государственности ямы были вполне типичными объектами инфраструктуры и служили разнообразным целям: от хранения продуктов до изоляции должников, преступников и военнопленных. Они не требовали значительных затрат на обустройство и были распространены повсеместно. Яма могла обкладываться срубом, закрываться деревянным щитом по принципу устройства колодца. Подъем невольников осуществлялся с помощью лестницы. Такие тюрьмы обустраивались повсеместно, поэтому попытка связать их расположение с принадлежностью к монастырям, как это делают отдельные исследователи, вызывает сомнение [2].

Функционирование таких ямных тюрем в имперский период оспаривается современными историками на том основании, что нет соответствующих археологических подтверждений [16]. Однако простота их сооружения, а также письменные свидетельства ряда источников, включая законодательные акты, дают основание полагать, что они сохраняли свое значение достаточно долго. Например, в 1722 г. по императорскому указу в Соловецкий монастырь был сослан иеромонах И. Буяновский за непристойные слова. Он содержался в земляной тюрьме монастыря «до конца жизни неисходно». О наличии земляной тюрьмы в Соловецком монастыре говорит и указ Елизаветы Петровны о ликвидации таковой. Формулировки указа подчеркивают, что тюрьма была именно в форме ямы: «подземную тюрьму засыпать землей» [11, № 41]. О земляной тюрьме есть упоминания и в других источниках. Известно, что в ней содержался протопоп Аввакум и некоторые учителя раскола [13]. Другой вопрос, что в условиях северных широт с обильными осадками и влажным климатом постройка земляных тюрем не могла производиться повсеместно — их строили только на высоких и сухих местах.

В период формирования централизованного государства для временного содержания правонарушителей стали использовать хозяйственные монастырские постройки: подклети храмов, помещения крепостных стен, деревянные порубы и т.д. Содержание в них, как правило, было временным, до принятия судебного решения либо как административно-штрафная мера. Ссылные с длительными сроками заключения содержались в подготовленных для этой цели специальных помещениях: дальних кельях, изолированных пристройках или небольших тюрьмах.

Географическое расположение монастырей позволяло предотвращать побеги ссылных. Как правило, такие обители были удалены от центра. В то же время расстояние до них не было критическим, и сохранялась возможность осуществления контроля над ссылными.

Леса, болота, большое количество рек фактически сводили к нулю попытки побегов. Даже при удачном побеге ссыльный не мог самостоятельно выбраться из глухого леса. Типичным примером может служить судьба архимандрита Констанонитова монастыря Феофана, формально сосланного в декабре 1663 г. за шпионаж, а в действительности – за самовольный приезд в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь к опальному патриарху Никону в июне того же года [7]. Он предпринял две неудачные попытки побега из разных обителей. Первый раз он бежал в октябре 1665 г. из Кирилло-Белозерского монастыря, выломав в келье окно и спустившись по веревке с крепостной стены. Охрана, несмотря на царский указ «беречь его накрепко», обнаружила следы только утром. Заблудившегося Феофана сначала обнаружили местные крестьяне, но отпустили за деньги, показав дорогу в с. Устье. Уставшего беглеца задержали через десять дней недалеко от Кубенского озера. Он готовился переправиться в Спасо-Каменный монастырь, а оттуда – в Иверский монастырь. В статусе колодника его перевели в Соловецкий монастырь, но уже в октябре 1668 г. он вместе с попом Сысоем и разбойником Андреем Веревкиным совершил повторный побег на баркасе. Заблудившись ночью в море, они не смогли выбраться на материк. Через три месяца тела беглецов обнаружили на Шуерецком острове.

На тщетность побегов по причине сложных природно-географических условий указывали и другие исторические факты. Например, известны случаи бегства ссыльных из вологодского островного Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере. Для побега использовали подручные средства: бревна, плоты. Но все попытки заканчивались неудачей, беглецов задерживали в лесу при подходе к населенным пунктам. Естественная среда вокруг северных обителей создавала своеобразную приграничную зону.

Влияние географического фактора особенно проявлялось в пенитенциарной деятельности островных монастырей. В силу географических особенностей страны, пронизанной реками, озерами и морями, островной тип монастырей был распространен не только на Севере, но и в центральной части России. На Севере расположено 11 островных монастырей, которые в различной степени выполняли пенитенциарные задачи. Подвижников они привлекали не только своей удаленностью, но и возможностью оградиться от греховного, полного пороков человеческого мира, что нашло отражение в житийной литературе и иконографии [5]. Впрочем, на островах строили и специфические учреждения, вкрапленные в природный ландшафт. Например, часть Каменного острова на Кубенском озере окаймляла ряжная (режная) линия, состоящая из примыкающих к друг другу небольших деревянных зданий [6]. Они строились вдоль берега на стоящих бревнах, чтобы

предотвратить подтопление. Большая часть таких построек использовалась для хранения продуктов и ночлега паломников, но некоторые помещения предназначались и для ссыльных. Постройки для ссыльных представляли собой легкие срубы, установленные на бревенчатой конструкции. Они располагались в дальней части ряжной линии, имели отдельный проход, но были уязвимы, особенно во время штормов и ледоходов. Строительство ряжной линии было обусловлено дефицитом территории, что особенно ощущалось в период экономической активности Спасо-Каменного монастыря в XVI–XVII вв.

С XVIII в. влияние природно-географических факторов на пенитенциарную деятельность монастырей снижается. Это было обусловлено появлением регулярного государства, институты которого формировались на основе формальных рациональных правил. Светское законодательство сохраняло церковное наказание как дополнительную меру, допускавшую использовать монастыри при согласовании с церковными властями. На место монастырей приходят тюремные и исправительные учреждения.

Вместе с тем церковь сохранила собственную пенитенциарную систему для исправления клира, и природно-географический фактор по-прежнему учитывался при вынесении решений о ссылке. Например, повсеместно в XVIII–XIX вв. была распространена практика перевода клира за дисциплинарные нарушения в более отдаленные монастыри. Как правило, речь шла о провинциальных небольших обителях, расположенных в глухих местах. Ссыльные находились в краткосрочной ссылке под присмотром настоятеля. Философско-христианская доктрина не разграничивала и не противопоставляла природную стихию и человека, как это было ранее. Наиболее отчетливо это проявилось в иконографии островных монастырей, которые стали изображаться более естественно и реалистично, знаменуя торжество святости церкви над территориальной сакральностью [5].

Содержание ссыльных также происходило с учетом особенностей природной среды. Об этом говорят отчеты настоятелей. В зависимости от режима наказания ссыльному могли назначить максимальные ограничения. Например, питаться только «слезным хлебом и водой умеренно» [8, № 545, с. 192]. Рацион питания определялся теми продуктами, которые производились в данном регионе. В решениях о содержании ссыльных часто содержались общие установки: «что Бог даст», «кормить умеренно», «содержать по милости Божией», что, по сути, означало режим естественных ограничений, характерный для монашеской жизни в целом [8, № 545, с. 192].

Единство с природой требовало аскетизма от человека, что в равной степени относилось не только к ссыльным, но и ко всем насельникам. Монастырская жизнь запрещала ленность и праздность живущим в них. Об этом прямо говорилось в документе «О звании монашеском

и правилах жизни в монастырях» [9, № 1197, с. 97]. Работа ссыльных в монастырях определялась их статусом и соответствовала природному циклу. Летом — хозяйственные и огородные работы, сенокос, «мукосейные труды»; осенью — уборка урожая; зимой — заготовка дров. Подобные работы выполняли светские лица или временно лишенные сана. В 1730 г. Синод отправил в ссылку священника в отдаленный монастырь на две недели с определением в «мукосейные труды» [10, № 2329, с. 97]. Чаще всего характер работ не указывался, а значилась общая формулировка «монастырские труды». Сельскохозяйственный календарь работ мог совпадать с православным календарным циклом. В частности, виновных в святотатстве, убийстве и поджоге предлагалось ссылать на 15 лет в дальние монастыри с «употреблением» в тяжелые монастырские работы и обязательным присутствием на литургии. Каждый день они обязаны были посещать церковь и просить у Бога прощения [11, № 165, с. 192]. Малолетних воров предлагалось ссылать в монастыри с обязательным выполнением ежедневных земных поклонов [11, № 465, с. 437].

Еще один аспект взаимосвязи природы и ссылки — это творчество ссыльных. Наиболее ярко эта связь проявилась в старообрядческой литературе пустозерских сидельцев: протопопа Аввакума, дьякона Федора Иванова, попа Лазаря Романовского и соловецкого инок Епифания. Находясь в ссылке, эти старообрядцы пытались воссоздать природный русский язык как сочетание народно-разговорного и церковно-славянского в противовес увлечению латинской культуре. Для природного языка Аввакума была характерна простота подачи, отсутствие высокопарности, что сближает истинного христианина с природой и окружающим миром, в которых есть божественная чистота. Неслучайно язык Аввакума называют «культурным слепком с живого диалекта» [1]. Считается, что ссылка старообрядцев и суровая природа способствовала выработке определенных канонов природной устной и письменной фольклорной речи. Ее отличает натурализм описания земных пороков, наличие ненормативной упрощенной лексики, гротеск и нравоучительный воспитательный тон. Смысловой доминантой полемических сочинений пустозерских узников является не только идея защиты старой веры, но и стремление спасти весь христианский мир своей личной твердостью и ответственностью за всех [3]. Интересно, что для доказательства своей правоты учителя-старообрядцы в своих сочинениях используют природные образы. Патриарх Никон сравнивается с волком, чем подчеркивается его коварство, справщики церковных книг уподобляются «блудливой кошке по кринкам».

Таким образом, природно-географический фактор имел определенное влияние на церковную пенитенциарную систему. Если церковь в природе видела сакральную силу и связывала ее значение с христианским представлением о наказании, где природа и Бог сливаются в единое целое,

то государство подходило к использованию монастырей в карательных целях с более рациональных позиций, видя в природно-географических условиях лишь атрибут поддержания необходимого тюремного режима: изоляции, предупреждения побегов, психологического воздействия.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдение над стилем «Жития протопопа Аввакума» // Русская речь. СПб., 1923. С. 195–293.
2. *Кузьмин С.И., Пертли Л.Ф.* Исполнение наказаний (XI–XVII века) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 6 (193). С. 32–38.
3. *Кортава Т.В.* Язык и стиль произведений пустозерских узников // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 4. С. 37.
4. *Лавренова О.А.* Культурный ландшафт: от Земли к космосу // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. 2004. № 2. С. 140–151.
5. *Мильчик М.И.* Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI – начала XVIII века // Святые и святыни северорусских земель (по материалам VII науч. региональной конф.). Каргополь, 2002.
6. *Павлушкова А.Р.* К вопросу о роли Спасо-Каменного монастырь в карательной политике Российского государства (XVI–XVII вв.) // HISTORIA PROVNIÆ – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1038–1092. URL. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rol-i-spaso-kamennogo-monastyru-a-v-karatelnoy-politike-rossiyskogo-gosudarstva-xvi-xvii-vv> (дата обращения: 26.07.2023).
7. *Паршукова И.Н.* Ссылка архимандрита Феофана в Кириллов монастырь // Вологодский ЛАД. 2015. № 2. С. 210–213.
8. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 2. 1722 г. СПб., 1872.
9. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 4. 1724 – 28 января 1725 гг. СПб., 1876.
10. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 7. 21 января 1730 – 23 декабря 1732 гг. СПб., 1890.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 1. 25 ноября 1741–1743 гг. СПб., 1899.
12. Соборное Уложение 1649 г. Гл. X. Ст. 198; Гл. XIX. Ст. 13. URL. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#1> (дата обращения: 15.07.2023).
13. *Степанов С.А.* Неистовый Аввакум // Вестник РУДН. Политология. 2001. № 3. С. 132–139.
14. *Федюнина Д.Ю.* Географическая среда и развитие общества // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 2. С. 63–72.
15. *Шальнев В.А., Дегтярева Т.В.* Географическая среда: спорные вопросы и пути их решения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 74. С. 145–153.
16. *Шаляпин С.О.* К вопросу об устройстве средневековых монастырских темниц // XIII Ломоносовские чтения. Архангельск, 2001. С. 152–157.

Сакральный статус деревьев в культурном ландшафте Русского Севера¹

Пермиловская Анна Борисовна — доктор культурологии, заведующая, главный научный сотрудник, Научный центр традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; annaperm@fciaarctic.ru

На Русском Севере характерным явлением природно-культурного ландшафта в контексте традиционной культуры этносов были священные рощи (более всего они сохранились на Кенозере), сакральные, придорожные деревья, деревья-знаки «карсикко». Строительная обрядность выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне оберегали свои сакральные ценности. Большое значение для строительства имел выбор деревьев, которые использовались в деревенном зодчестве как в практическом, так и в знаково-сакральном значении.

Ключевые слова: Русский Север, строительная обрядность, сакральные деревья.

Сельский культурный ландшафт Русского Севера — это культурный феномен, объединяющий природный и историко-архитектурный территориальный комплекс, основанный на традиционной культуре. Сельский культурный ландшафт — это система, которая включает в себя природный ландшафт, поселение, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру, религию.

В традиционной культуре, деревья, используемые для строительства, имели особый сакральный статус. Семантика строительной обрядности выступала как знаковая система, с помощью которой крестьяне Русского Севера оберегали свои сакральные и ритуальные ценности, а также своеобразие народной культуры, ее связь с окружающим миром. Дерево — один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временной образы.

Для выбора места строительства нового храма использовались строевые деревья. Ритуал проходил с помощью гадания. Предание об осно-

© Пермиловская А.Б., 2024

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 122011300471-0 по научной теме «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».

вании д. Сухое имеет традиционный мотив: выбор места для поселения и для культовой постройки определен с помощью совмещенных языческих и христианских атрибутов: «лесины» (дерева) и иконы. Однако место оказывается неудачным — далеко от воды: *«Хотели встать на реку туда подальше, но положили туда икону, встали утром — а она тут же на наволоке сухом, на лесине. Тут и построили деревню: так и есть Сухое»* [4, с. 39].

Религиозно-мифологическая семантика выбора места строительства храма с помощью священного животного (коня), дерева и иконы отражена в легендах об основании церквей в д. Владимирской и д. Паданы (Карелия). *«Крестьяне д. Владимирской долго бесплодно спорили о месте, где поставить церковь. Не раз сходились они для обсуждения этого вопроса и не раз расходились с враждою в сердце друг против друга. И этому не было бы конца, если бы неожиданно не появился созревший на этот случай в чьей-то крестьянской голове такой план: запрячь молодого незжженного жеребца в сани, направить в лес, вырубить там строевое дерево, положить дерево на сани и пустить жеребца на свободе: где он остановится — на том месте и быть церкви»*. В д. Паданы Медвежьегорского района Карельской АССР *«лошадь запрягали на дровни, на дровни клали бревно, ставили икону и пустили лошадь, а где она встала, там и церковь строили»* [4, с. 41].

Также большое значение для строительства дома имел выбор деревьев не только в практическом, но и в сакральном значении. Существовали деревья, которые нельзя было использовать для строительства. К ним относилась большая группа священных деревьев. Священными считались как отдельно стоящие деревья, так и целые рощи, особенно часто встречавшиеся на Русском Севере. Они росли на месте разрушенной церкви, часовни или на кладбище [2, с. 28] (ил. 1). Священные рощи как культовые места сохранились в XIX–XXI вв. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой помимо деревьев находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, дерево с явленной на нем иконой, целебный источник (ил. 2). Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен. Рощи считались неприкосновенными. В такой священной роще нельзя было не только рубить деревья, но и просто сломать ветку, а нарушивших запреты постигали наказания, рассказы о которых формировали корпус местных легенд [11, с. 67].

В Ошевенской слободе Каргопольского района сохранился ряд священных деревьев, которые расположены у источников. Как правило, это были деревья с какими-либо аномалиями. Например, на берегу

оз. Валдово стоит раздвоенная сосна, на которой развешена одежда. По существу, это дерево выполняло функции обетного креста и несло человеку избавление от болезней. Рядом находится несколько обетных крестов с приношениями (ил. 3).

Сакральный статус имели некоторые «придорожные» деревья и рощи. Многие из них отмечали границу своей территории, располагаясь за околицей селения, у дороги или на перекрестке дорог. В Зонежье и на Каргополье у развилки и перекрестков стояли «дорожные» деревья, преимущественно сосны и ели, с которыми были связаны особые верования и обряды. Дорожная сосна у начала большой дороги за д. Мягроозеро – это старое дерево с дуплом, в котором находился крест, а прежде здесь была икона. Помолвившись, путники оставляют в дупле монеты или тряпочки, или развешивают куски ткани на ветвях сосны [6, с. 64; 13, с. 275].

У дороги Конёво – Усть-Поча Плесецкого района на территории Кенозерского национального парка стоит большая многоствольная дорожная сосна с обетными приношениями. «Диаметр сосны 116 сантиметров, высота 15 метров, возраст 200 лет. Широко раскинутые ветви простираются до середины проезжей части. Диаметр кроны превышает 15 метров. Другое “святое” дерево находится у деревни Зехнова на опушке заросшего лесом холма. Это огромная сосна диаметром 110 сантиметров и высотой 22,4 метра в возрасте 200 лет. Рядом стоит старинный деревянный крест. Могучие древние “святые” сосны остаются объектами почитания и поклонения у местного населения. С ними связаны исторические события и легенды, обычаи, имеющие ритуальные значения. “Святые” рощи и деревья традиционно сохраняются и оберегаются населением» [12] (ил. 4).

Деревья в некоторых регионах сажали у дорог по случаю рождения ребенка. На Кенозере зафиксирован обычай – сажать ель, если родился мальчик, иву – если девочка. Рябине и можжевельнику («вересу») поверья приписывали особое свойство открывать человеку дорогу, выводить из леса заблудившихся.

Запрет брать что-нибудь у священных колодцев, деревьев, камней, часовен мотивировался неминуемым наказанием за святотатство. Старые большие деревья, растущие в деревнях или в непосредственной близости от них, почитаемые неприкосновенными, служили местом сбора во время больших празднеств. Здесь водили хороводы и устраивали игры, жгли обрядовые костры, отсюда начинались ритуальные процессии и обходы дворов.

«Отношение к окружающему пространству у русского человека всегда ассоциировалось с некоторым духовным простором, наличием освященных мест как носителей духовных ценностей. Священные рощи с их уникальными часовнями и крестами, на которые по древ-

ним обычаям, принятым на Севере, повязаны полотенца и платки, являются неотъемлемой частью живописных ландшафтов Кенозерья. На территории Парка сохранилось более 45 “Святых” рощ! Интересна история их возникновения: предполагается, что они возникли в местах бывших языческих святилищ-капищ или древних идолов. Точное время их возникновения или создания уже затерялось в истории. В рощах нельзя громко разговаривать, рубить деревья, ломать сучья, заготавливать бересту, собирать грибы и ягоды. Запреты и ограничения на пользование этими лесами, установившиеся в сознании людей, говорят о происхождении рощ как остатков девственных лесов. Некоторые деревья в рощах старше 200 лет. Территории этих лесных участков можно рассматривать как генетические резерваты и по праву считать древнейшей формой заповедности» [12]. В каждой роще находится крест или часовня как знак святости. Население относится с почтением к этим местам, считая, что роща принадлежит тому угоднику, для которого в роще построена часовня [12].

К специфической категории следует отнести так называемые «буйные» деревья. «Им приписывались особые свойства – разрушительная сила, скрытая и тайная, угадать и указать которую могут лишь одни колдуны. Такое дерево, с корня срубленное и попавшее между двумя бревнами в стены избы, без всяких причин рушит все строение и обломками давит насмерть неопытных и недогадливых хозяев. Даже щепка от таких бревен, положенная со зла лихим человеком, ломает и разрушает целые мельницы» [7, с. 287] (ил. 5). По отношению к «буйным» деревьям существенными для их смысла могли оказаться такие значения слова «буй», как «церковная ограда», «кладбище», «межа», «грань», «погост» – место, где стоит церковь, с пониманием их общей негативной семантики как границы.

К «буйным», «нечистым» деревьям относилась осина. Природные свойства осины, ограниченное использование при строительстве, а также тяготеющее над ней проклятие (по христианскому преданию на осине повесился Иуда-предатель) немало способствовали своеобразному избранничеству этого дерева в славянской и русской традиционной культуре, а также в фольклоре. На Русском Севере в большом почете у пастухов были осиновые барабаны, звуки которых в лесу помогали пастуху держать все стадо поблизости и при необходимости быстро собрать его. Для изготовления такого барабана выбирали осину из самых густых зарослей на болоте; делали барабан ночью при свете костра, разведенного из осиновых поленьев. Считалось, что использование осинового барабана угодно лешему и другой нечистой силе, обитающей в лесу и на болотах. Это скрепляет договор пастуха с лешим и одновременно усиливает магические свойства самого инструмента. При таком отношении к осине становятся понятны касающиеся ее бы-

товые предписания и запреты. «Грешное» дерево запрещалось вносить в дом и даже сажать вблизи человеческого жилья, иначе в нем поселятся черти и будут буйствовать. В доме внезапно станет биться посуда, слышаться беспричинные звуки, буря снесет крышу, из стен начнут выпадать бревна [1, с. 116].

Запрещалось использовать при строительстве, рубить очень старые деревья, которые, по поверьям, должны были умереть своей смертью. Непригодным считалось дерево, на котором ворон свил гнездо, и любое бревно с места пожара (для предохранения будущего дома от пожара) [6, с. 80]. На Русском Севере в XIX – начале XX в. существовала традиция не сажать деревья около дома. Местные жители считали, что ветви деревьев закрывают окна избы от солнца, т.е. от тепла и света, которые так ценились на Севере.

Кроме того, ради благополучия дома и его обитателей существовал обычай, запрещающий сажать деревья вблизи дома, чтобы не вымерла семья: «У дома куст – настоится дом пуст» [10, с. 118]. Также в этом ритуальном контексте нужно сказать о другом запрете, связанном с деревьями, который получил распространение в средней полосе России, а позднее и на Севере, – не использовать при строительстве деревья, выращенные человеком и находящиеся в пределах усадьбы. Дерево, посаженное около дома, воплощает идею непрерывности рода, как и сам дом: если что-то одно перестает существовать, другой объект отчасти компенсирует утрату.

К малоизученным явлениям культуры прибалтийско-финских народов относится феномен дерева-знака «карсикко». Сам термин происходит от карельского *karsie*, «обрубить ветки, карзать». Другие названия: северофинское *hurrikas*, южнофинское *ristipuu* («крестовое дерево»), эстонское *ristikuusk* («крестовая ель»), *ristipedäjä* («крестовая сосна»), ср. архангельское и вологодское *залазь*, коми *nac ny* и др. Карсикко – это преимущественно хвойное дерево с ветками, обрезанными определенным образом. У него обрублена вершина, после чего на хвойном дереве, как правило, вырастает две или три верхушки. Дерево имеет затесанный или зарубленный ствол. Затес может быть площадкой, поверхностью, на которой вырезаются другие знаки, например, родовые или семейные клейма, знаки собственности, инициалы и даты. Или же зарубка может иметь свою форму: изображение человеческого лица, птицы.

Дерево-знак «карсикко» делали по десяткам поводов – от смерти родственника до удачной рыбалки и охоты. В местах погребения появлялись целые рощи обрубленных деревьев. Карелы приходили туда поклониться духам предков, а заодно приносили разные жертвенные подношения. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой обрядности как сим-

вол духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась *мирового дерева* с функциями *оберега и медиатора* между мирами, маркируя сакральные границы [5].

По мнению ведущего специалиста по этой теме А.П. Конкка, это явление фиксируется в финнско-карельском пограничье, в таежной зоне от Северной Швеции и Норвегии до Уральских гор и генетически восходит к культуре финно-угорских сообществ лесных охотников и рыболовов. Экспедиционными исследованиями были зафиксированы сходные явления на Верхней Вычегде и Мезени. В Архангельской области – это территория Национального парка «Кенозерский» (Плесецкий р-н). В Котласском и Вилегодском районах были собраны данные по карсикко у русского населения на святых местах и обнаружена развитая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и церковных рощах. А.П. Конкка во время экспедиционного обследования зафиксировал это явление у южных вепсов, тихвинских карел (Ленинградская обл.), в арктической культуре поморов Поморского, Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря [5, с. 10].

Нанесение знака, метки, изменение природного состояния объекта переводит карсикко в область культуры. Здесь проявляется адаптивная функция традиционной этнической культуры (финно-угорской, севернорусской) обеспечивать приспособление человека к окружающей среде, выполняя защитно-сакральную миссию. Карсикко делается в ситуациях кризиса, нарушения обычного хода и состояния вещей. Карсикко кроме защитной и охранной функции одновременно исполняет роль медиатора между мирами. В связи с пограничным характером карсикко (дерева как знака границы) выделяется несколько территориальных локусов для его местоположения: «гора, мыс, остров, линия берега, опушка леса, надпорожье, росстань, лесная (промысловая) изба, кладбище и его окрестности, отдельное захоронение, жертвенная роща, культовое место (например, территория “священного” родника)» [5, с. 14, 16].

На этих культовых местах, кладбищах в попытке нейтрализации православием сакральной силы языческих символов могли быть поставлены и деревянные кресты. Во время экспедиционного обследования уникального исторического поселения с. Кимжа в Мезенском районе (2004–2007 гг.) автором было обнаружено и введено в научный оборот именно такое сакральное место. Оно находится в районе кладбища в Белой Виске. «Виска» означает протоку между озерами, в данном случае это расстояние между Белым озером и р. Кимжа. Это сакральное место для жителей Кимжи. Здесь протекает Чертов ручей. *«Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то дьявольщина виделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест»*. Крест «спрятан»

между старыми елями и не виден с расположенной рядом дороги: с одной стороны – лес, с другой – сенокосные угодья. В качестве места установки выбрана необычная многоствольная ель с четырьмя стволами и с обрубленными нижними ветками. Автором была зафиксирована именно такая ель в 2004 г. В настоящее время осталось два ствола, остальные высохли и аккуратно обрезаны. Между ними расположен крест без перекладины, вероятно, она была утрачена. Крест традиционной восьмиконечной формы, выкрашен в красный цвет и имеет характерные для православной культуры Русского Севера надписи. Здесь лежат приношения: монетки, конфеты, к веткам дерева привязаны разноцветные тряпочки. Воду из ручья использовали для лечения маленьких детей [8, с. 307–309].

Пространство, освоенное христианской святыней (крестом, часовней, церковью, священным деревом), считалось святым и поэтому относительно безопасным для человека. В Мезенском и Пинежском культурных ландшафтах значительная их часть расположена на окраине поселения, в непосредственной близости к лесу. Тем самым срабатывала инерция культурной традиции нейтрализовать опасное место путем возведения христианской святыни [3, с. 187]. Например, идентичная ситуация сопровождала постройку обетного креста в д. Лавеле Пинежского района. *«У нас по дороге в Лавелу в одном месте все пугало. Дьявол человеком покажется и заставит молотить: кичигу в руки даст и хлеба нет, а молотишь. Многие видали. И вот дали ответ: “Поставим крест на этом месте и будем ходить к нему с молебнами”. И что ты думаешь? Тихо стало. А потом крест убрали и опять дьявол объявился. Хошь верь, хошь не верь, а че-то есть»* [3, с. 66].

Широта ритуально-символической парадигмы священных, буйных, придорожных деревьев, деревьев-знаков «карсикко», различные формы и способы обработки дерева связаны, прежде всего, с мифологическими представлениями о дереве и его роли в жизни человека. Отдельной темой исследования может стать взаимоотношение карсикко к жертвенным, священным деревьям и рощам, а также к дальнейшим формам их существования (обетные и намогильные кресты, часовни, священные камни, источники и др.) [9, с. 150–158].

Традиционная строительная обрядность в природно-культурном ландшафте выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Севера оберегали свои сакральные ценности. Большое значение для строительства имел выбор деревьев, которые использовались в народной архитектуре. Он определялся бытовыми, прагматическими свойствами тех или иных пород в сочетании с мифопоэтическими и христианскими представлениями о сакрально-символических влияниях этих пород или знаковых деревьев на жизнь как конкретного человека, так и социума.

Список литературы

1. *Агапкина Т.* О «чертовом» дереве осине... // Родина. 1995. № 5. С. 115–117.
2. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
3. *Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского Севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Архангельск, 2008. С. 180–196.
4. *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
5. *Конка А.П.* Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013.
6. *Логинов К.К.* О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 46–67.
7. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
8. *Пермиловская А.Б.* Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010.
9. *Пермиловская А.Б.* Строительные традиции и обрядность северного деревянного зодчества // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 150–158. DOI:10.17223/19988613/58/22
10. *Славянская мифология: энциклопедический словарь* / под ред. С.М. Толстой. М., 2002.
11. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2* / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999.
12. *Уникальные природные объекты* // Кенозерский национальный парк. <http://www.kenozero.ru/o-parke/prirodnoe-nasledie/unikalnye-prirodnye-obekty/> (дата обращения: 22.05.2023).
13. *Щепанская Т.В.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

Реставрация памятников как основа для развития исторических поселений на примере воссоздания ветряной мельницы в деревне Гафостров

Яндовский Виктор Эдуардович – член-корреспондент Академии архитектурного наследия, государственный эксперт Министерства культуры РФ по проведению историко-культурной экспертизы, член Союза архитекторов России; janijan1@yandex.ru

Статья посвящена комплексному исследованию и воссозданию перевезенных и утраченных памятников архитектуры в историческом поселении «Деревня Гафостров». Здесь на основании архивных материалов и обмерных чертежей аутентичными инструментами с применением традиционных технологий и соблюдением методики реставрации на историческом месте была воссоздана деревянная ветряная мельница 1886 г. с действующим механизмом.

Ключевые слова: историческое поселение, воссоздание, мельница, столбовка, историко-культурный опорный план, технология, плотницкие работы.

Согласно статье 59 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», историческими поселениями являются включенные в перечень исторических поселений федерального значения или в перечень исторических поселений регионального значения населенные пункты или их части, в границах которых расположены объекты культурного наследия, включенные в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения.

Первый список исторических поселений был составлен еще в советское время, в 1970 г. Тогда в него вошло 115 населенных пунктов. Далее он расширялся, и в 1990 г. в него входило уже 426 городов, 54 поселка городского типа и 56 сел. Однако в 2010 г. совместным приказом Министерства культуры и Министерства регионального развития список был урезан более чем в 12 раз. Сейчас в него не входит даже Москва, не говоря уже о таких городах Золотого кольца, как Сергиев Посад и Иваново. Также в списке нет Новгорода Великого, Пскова и других населенных пунктов, ценность которых, казалось бы, очевидна.

В современной России вопросы стратегического развития территорий обсуждаются преимущественно в масштабе крупных регионов и мегаполисов, при этом проблемы локального развития остаются как бы «внутри большой матрешки», где они теряются на фоне более крупных процессов. А ведь именно на локальном уровне сегодня наиболее отчетливо проявляется неравномерность социально-экономического и культурного развития российских территорий.

Именно поэтому, исходя из выше сказанного, меня как архитектора-реставратора с большим опытом работы над реализованными проектами охранных зон и достопримечательных мест заинтересовало предложение фонда «Траектория»¹ стать одним из научных руководителей культурно-этнографического проекта по возрождению исторического поселения и созданию на его территории историко-этнографического центра «Деревня Гафостров». С 2019 г. фондом «Траектория» проект реализуется при поддержке Министерства культуры Республики Карелия, Администрации Муезерского района, Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы».

Согласно различным источникам, д. Гафостров была основана в 1602 г. Поселение считается одним из старейших в Ребольской волости Муезерского района Республики Карелия. По данным переписи в 1679 г., в деревне было девять дворов. По словам местных жителей, а также Натальи Таботы (Поттоевой), семья Поттоевых здесь проживает с самого начала существования поселения, на протяжении девяти поколений. Среди ранее зафиксированных объектов культурного наследия упоминаются дома Захаровых и Куропаткиных, эти семьи уехали с острова в начале прошлого века, далее их след был утерян.

Объекты культурного наследия на острове в основном составляют дома и хозяйственные постройки Поттоевых. Воссозданная карта острова с приблизительным расположением объектов и именами их владельцев является основой для дальнейшей разработки историко-культурного опорного плана исторического поселения.

Было установлено, что Гафостров – это единственное поселение Муезерского района, на территории которого не велось военных действий. В настоящее время Гафострову присвоен статус исторического поселения (административный статус – нежилое поселение).

Постройки, зарегистрированные на территории деревни как памятники культурно-исторического наследия Республики Карелия, а также окружающий исторический ландшафт утрачены, но продолжают находиться в реестре. Среди них рига Поттоевых конца XIX в., жилой дом

¹ «Траектория» – фонд поддержки, научных, образовательных и культурных инициатив. См.: URL: <https://traektoriafdn.ru> (дата обращения: 10.06.2023).

Федора Ефимовича Поттоева 2-й половины XIX в., дом Захарова, дом Куропаткина. Два объекта – ветряная мельница и рига Куропаткина находятся на о. Кижы.

Кроме образовательной и просветительской деятельности задачей проекта является воссоздание на историческом месте действующей копии объекта культурного наследия регионального значения «Деревянная мельница 1886 г. из д. Гафостров», перевезенной в 1989 г. в музей-заповедник «Кижы». Одним из условий, которые я, как научный руководитель проекта воссоздания мельницы, поставил перед началом работ, было исполнение всех плотницких работ по старинным технологиям и аутентичными инструментами. Из личной коллекции мною были предоставлены старинные исторические кованые топоры, тесла, скобели и т.д., которые послужили образцами для изготовления аналогов инструментов. Именно ими и проводились все работы на объектах в д. Гафостров (ил. 1).

Мельница из д. Гафостров – памятник традиционного деревянного зодчества, находящийся в составе экспозиции сектора «Северные карелы» музея-заповедника «Кижы» Медвежьегорского района Республики Карелия. Охранный статус памятника: объект культурного наследия регионального значения. По типу конструкции мельница является четырехкрылой «столбовкой». Общие ее габариты: 5,0×3,0×3,0 м.

Мельница была построена в конце XIX в. финским мастером, фамилия которого неизвестна.

1954 г. – окончание эксплуатации мельницы.

1955 г. – ремонт мельницы.

1979 г. – обследование мельницы. При обследовании памятника в натуре на основании постройки обнаружена старая надпись, вырезанная на двухкантном брус: «1886 Milagi». Мельница разобрана, перевезена на о. Кижы, складирована в д. Васильево. Столб мельницы и нижние венцы основания остались в Гафострове: столб не смогли демонтировать, нижние венцы были в плохом состоянии.

1979–1989 гг. – восстановление мельницы на месте экспозиции.

2007 г. – замена драночного покрытия (дранка уложена внахлест), замена оси одного крыла Плотницким центром музея-заповедника «Кижы».

2009 г. – изготовление и замена основания Плотницким центром музея-заповедника «Кижы».

2014 г. – противоаварийные работы по замене поперечных и продольных брусьев платформы, опорных конструкций вала, лопастей, элементов крыльца, драночной кровли Плотницким центром музея-заповедника «Кижы».

Аналоги мельницы из д. Гафостров существуют на территории Финляндии:

- мельница из д. Хаттуваара в музее деревянного зодчества «Пиелинен», г. Лиекса (ближайший аналог);
- мельница в д. Рантсила;
- мельница в музее Рийхипиха, д. Вуолийоки;
- Санкаланская мельница, г. Пудасъярви.

В результате проведенных исследований и изысканий в 2019–2023 гг. в рамках таких проектов, как «Школа технологий “Калевалы” в д. Гафостров» и «Дорогами Вяйнолы: древнее ремесло и технологии деревни Хауккашауари» были выполнены следующие работы:

- изучены собранные архивные материалы;
- проанализированы архивные обмерные чертежи (ил. 2);
- проведены натурные исследования памятника (мельницы из д. Гафостров на о. Киж);
- изучены узлы конструкций и поворотных механизмов, разработаны дополнительные чертежи для производства работ;
- произведен анализ предыдущих реставрационных мероприятий;
- по историческим аналогам изготовлены плотницкие кованые инструменты для производства работ;
- на базе Плотницкого центра музея изготовлен поворотный механизм мельницы (ил. 3);
- по традиционным технологиям аутентичными инструментами и с соблюдением методики реставрации на историческом месте в д. Гафостров воссоздана точная копия памятника (мельница 1886 г.) с действующим механизмом.

Непосредственными местами проведения практических работ были музей-заповедник «Киж» и д. Гафостров. Собрана подробная информация об истории поселения Гафостров (финское название – *Haukkasaari*), историко-культурном, архитектурно-градостроительном контексте существования памятника в пространственной среде.

Использованные методы включали в себя изучение библиографических материалов, визуальный осмотр, опрос местных жителей, градостроительные обмеры, историко-архитектурные и архитектурно-археологические исследования, включающие археологические раскопки, спутниковую фиксацию координат. Также проведены архитектурно-археологические обмеры утраченной церкви в д. Гафостров.

Студенты и участники проекта в течение пяти лет получали теоретические знания и прослушали курс лекций:

1. Основные методики исследовательских и проектных работ на объектах культурного наследия.
2. Воссоздание, реставрация и консервация объектов культурного наследия.

3. Законодательная, методическая и нормативная база федерального и регионального уровней по сохранению объектов культурного наследия.

4. Современные подходы проектирования в исторической среде и на объектах культурного наследия.

5. Обработка древесины традиционными плотницкими инструментами.

Проведена работа по фотофиксации руинированных памятников с разных точек, составлены схемы фотофиксации, схемы расположения более мелких построек относительно памятника, измерены габаритные размеры, зафиксированы вертикальные и горизонтальные координаты памятника GPS-навигатором с точностью до сотых долей секунд, а вертикальных отметок – с точностью до 1 м. Координаты точек загружены в Google Earth в формате gpx. Объекты размещены на карте в соответствии со схемой снятия координат.

Результаты исследования легли в основу историко-культурного опорного плана д. Гафостров, который сейчас находится в разработке. Архитектурно-градостроительное исследование территории также послужит основанием для принятия решений в ходе планируемой реконструкции исторического поселения.

Историческое место расположения мельницы имеет большую роль в формировании градостроительной структуры населенного пункта. Оно располагается в точке, имеющей наибольшую высоту на острове. Это значит, что мельница играла роль не только главной градостроительной доминанты, но и географического ориентира – с воды ее было видно на десятки километров. Возведение нами мельницы на том же месте позволило высотную доминанту восстановить.

По архивным документам было установлено, что на историческом месте должны были остаться нижние венцы креста – основы мельницы. В 1979 г. их не забрали в «Кизи» вместе с амбаром и мельницей, потому что они были в плохом состоянии. Во время производства работ на восточном плече креста на постели из крупных плоских камней под забутовкой из более мелких камней последовательно были обнаружены шесть пар подков, а на западном – шесть зубов, предположительно лошади. При укладке первого венца все находки, имевшие символическую ценность, зубы и подковы, были заложены на их прежние места.

В августе 2023 г. на мельнице д. Гафостров была смонтирована вся конструкция с валом и передаточными колесами, были установлены жернова и произведен пробный помол муки (ил. 4, 5).

Опыт воссоздания копии деревянной мельницы еще раз показал, что воссоздание построек прошлого является сложной проблемой, решение которой достижимо только с привлечением научно обоснованных методов.

ванных данных библиографии, археологии, культурологии, истории и теории архитектуры, искусствоведения, а также высококвалифицированного труда плотников-реставраторов с применением старинных технологий и инструментария.

Хотелось бы поблагодарить всех причастных к осуществлению этого проекта. А это несколько десятков молодых и высокомотивированных молодых людей со всей России и из-за рубежа, сотрудники музея «Кижы», администрация Муезерского района Республики Карелия, местные жители и многие другие неравнодушные люди, которые стремятся сохранить нашу великую культуру.

Природные факторы формирования и развития среды обитания человека

**Опыт междисциплинарного исследования по сохранению
и использованию потенциала биологического разнообразия
в Арктической зоне Европейского Севера России
(на примере малонарушенных лесных территорий
Архангельской области)**

Ануфриев Владимир Валерьевич – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; vvanufriev@yandex.ru

Давыдов Руслан Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; nordhistory@mail.ru

Мамонтов Виктор Николаевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; mamont1965@list.ru

Михайлова Галина Викторовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; g.mikhaylova@fciactic.ru

Пунанцев Евгений Александрович – младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; magnumus444@yandex.ru

Чуракова Елена Юрьевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; alex0000001@yandex.ru

Изложены методологические подходы проведения междисциплинарных исследований, обеспечивающие согласование естественно-научного, социально-экологического и историографического направления работ при решении задач изучения, сохранения и использования биоресурсов. Представлены результаты исследований малонарушенных лесных территорий в Архангельской области, показана их высокая природоохранная ценность и социокультурная значимость.

© Ануфриев В.В., Давыдов Р.А., Мамонтов В.Н., Михайлова Г.В., Пунанцев Е.А., Чуракова Е.Ю., 2024

Ключевые слова: сохранение и использование биоресурсов, междисциплинарные исследования, природоохранная ценность, социокультурная значимость, лесные территории Архангельской области.

Междисциплинарные исследования необходимы для формирования целостного, комплексного подхода к разработке теории взаимодействия природы и общества, выявления их взаимопроникновения, единства и соподчиненности, разработки встроенных в специфический социокультурный контекст методов и инструментов сохранения природной среды.

Методологическими подходами проведения таких междисциплинарных исследований в области естественно-научного, социально-экологического и историографического направлений на философском уровне является холистический подход и представление о единстве человека и природы, предполагающее право совместного рассмотрения законов и истории природы и общества в духе идей В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева в философии, В.В. Докучаева, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского в естествознании. В наше время подобные идеи содержатся в работах Л.Н. Гумилева, Н.Н. Моисеева, Н.Ф. Реймера.

На общенаучном уровне осуществить междисциплинарный синтез исследования позволяют: системный подход, отражающий всеобщую связь и взаимообусловленность явлений и процессов окружающей действительности; синергетический подход, основой которого является рассмотрение объектов как самоорганизующихся систем; эволюционный подход, акцентирующий исследование на различных аспектах развития и изменения объекта [1, 9]. В социально-экологических исследованиях широко используется концепция экосистемных услуг, обеспечивающая приоритет равнозначности экологических, экономических и социокультурных факторов [3].

Конкретно-научный уровень методологии междисциплинарных исследований может быть представлен набором методов, необходимых для решения естественно-научных, социально-экологических и историографических исследовательских задач. Для синтеза понимания предмета исследования с разных научных подходов и интеграции полученных знаний могут быть использованы методы комплексного картографирования (составление и анализ карт различного содержания – геоботанических, ментальных и т.д.) [4, 5] и метод кейсов, применяемый в комплексных социально-экологических исследованиях и направленный на изучение отдельной, конкретно-зависимой ситуации [6]. При изучении влияния различных внешних и внутренних факторов целесообразно построить сетевую модель (схему) изучаемого объекта с особым упором на узлы пересечений различных силовых линий (при-

родных, техногенных, социокультурных и др.). При этом необходимо учитывать разную степень влияния факторов, возможность некоторых незначительных факторов оказывать всеохватывающее по масштабу и последствиям воздействие [12].

Научным коллективом лаборатории биоресурсов и этнографии Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики УрО РАН проводятся междисциплинарные исследования, объединяющие опыт и знания естественных и гуманитарных дисциплин в целях рационального использования и сохранения потенциала биоразнообразия в Арктической зоне Европейского Севера России [2, 10, 13]. В данной статье представлены результаты комплексных исследований биоразнообразия, истории заселения и хозяйственного использования массивов ненарушенных старовозрастных лесов, расположенных в восточной части Архангельской области в междуречье Мезени и Печоры. Эти лесные массивы являются крупнейшими в Европе и служат не только эталоном биоразнообразия северной тайги, но и важнейшими межрегиональными элементами экологического каркаса, поддерживающими баланс и средообразующие функции экосистем как на территории Архангельской области, так и на территориях сопредельных регионов.

Леса исследованной территории находятся на возвышенных участках Среднего Тимана. Это наиболее древний массив малонарушенных лесов в Архангельской области, где возвышенные участки в отличие от большей части территории области не подвергались последним двум оледенениям. Главной их особенностью является абсолютное доминирование лесов возрастом более 100–150 лет. В целом для флоры Европейского Северо-Востока возвышенности Тимана – это своеобразный мост, соединяющий территории Беломорско-Кулойского плато и Урала, поэтому во флоре данного района представлены как виды аркто-альпийского, так и сибирского комплексов. Четыре вида мхов (*Aulacomnium turgidum*, *Hedwigia emodica*, *Neckera crispa*, *Encalypta brevicollis*) и пять видов арктоальпийских сосудистых растений (*Woodsia alpina*, *W. ilvensis*, *Saxifraga cespitosa*, *Micranthes nivalis*, *Draba hirta*), обнаруженных здесь, не известны сегодня на других территориях материковой части Архангельской области. Подготовлены карты-схемы и геоботанические описания, которые могут рассматриваться как основа для долговременного экологического мониторинга старовозрастных лесов этой территории.

В малонарушенных лесах северо-восточной части Архангельской области распространена самая крупная в Европе тиманская группировка дикого северного оленя, численность которой в 1980-х гг. оценивалась в 4,5 тыс. особей. В последующие десятилетия происходило неуклонное снижение обилия дикого оленя на этой территории, в том

числе по причине интенсивной охоты на него. С использованием спутниковых снимков высокого разрешения выявлены участки обитания тиманской группировки дикого северного оленя. Установлено, что в малонарушенной тайге на востоке Архангельской области северный олень в летний период предпочитает участки с невысокой заболоченностью и высокой долей старых хвойных лесов. Большое значение в выборе участков обитания имеет разнообразие типов местообитаний и их мозаичность. Рекомендован комплекс мероприятий по сохранению этого вида при ведении лесохозяйственной деятельности.

Выполнен исторический обзор хозяйственного использования малонарушенных лесных территорий в восточной части Архангельской области в XIX–XX вв. – междуречья Печоры и Мезени. Данную труднодоступную территорию в XIX в. называли «почти вовсе неизвестной» [11, с. 599–600], «совершенно безлюдной, никем, кроме зверей, необитаемой» [8, с. 92]. Антропогенное воздействие было крайне незначительным и ограничивалось в основном эксплуатацией дорог через леса и болота (так называемую «тайболу»), связывавших селения по берегам рек бассейнов Печоры и Мезени. В более широком понимании это была часть пути, соединявшего Санкт-Петербург, Москву и другие города Европейской части России через Архангельск, Пинегу, Мезень с Печорским краем и Приуральем.

Зимняя дорога Вожгора – Усть-Цильма (около 235–240 км) эксплуатировалась до конца XIX в. Вдоль дороги на расстоянии примерно 25 км друг от друга располагались станционные избы (кушни). Грунтовая дорога круглогодичного использования Койнас – Усть-Цильма (около 267 км) была построена в 1890-х гг. (Койнасский, или Печорский, тракт); в настоящее время заброшена. Во второй половине XIX в. возникли д. Шегмас, Ларькино, Кобыльская. В переписи 1897 г. все хозяева дворов числились лесными охотниками [7], т.е. главным источником доходов для селившихся здесь людей была охота. Образованные с 1935 г. коллективные хозяйства (колхозы) использовали природно-ресурсный потенциал территории, заключали договоры на вылов рыбы, охотничий промысел, вывозку леса.

Методами интервью и фокус групп изучено отношение местного населения к деятельности по сохранению малонарушенных лесных территорий. В восприятии населения эта деятельность оценивается в целом положительно. Биологические ресурсы остаются важным подспорьем для жизнеобеспечения местных жителей, которые занимаются рыбной ловлей, охотой, сбором дикоросов. Планируемое в ближайшее время освоение лесных ресурсов в Лешуконском районе, по мнению участников опроса, несет угрозу деградации территорий значимых для их природопользования, способствует сокращению численности биоресурсов, добываемых для самообеспечения и в целом формирует

дискомфортные условия для жизни. Жители района выражают заинтересованность в сохранении лесов в верховьях р. Мезенская Пижма, Четлас, Цильма. Они считают необходимым запретить рубку леса на этой территории, поскольку здесь берут свои истоки реки, расположены летние места обитания и размножения дикого северного оленя, проходят пути его миграции, находятся уникальные природные ландшафты, привлекающие туристов из разных регионов страны. На основании данных опросов составлены ментальные карты, отображающие отношение населения к сохранению лесных территорий и созданию природоохранных территорий.

Сравнительный анализ результатов зоологических, геоботанических исследований и ментальных карт природопользования населения выявил наличие биотопов с высокой природоохранной ценностью в границах территорий, регулярно используемых для традиционного природопользования. Иначе говоря, реализуемые местными жителями практики природопользования в настоящее время не приводят к деградации/разрушению уникальных природных экосистем.

Основанная на результатах опросов ментальная оценка природной ценности не противоречит оценке, сделанной на основе зоологических ботанических исследований. Приемлемой формой сохранения малонарушенных лесных массивов, по мнению ученых и населения, является создание ландшафтного заказника либо иное ограничение промышленного природопользования. Вместе с тем, при ментальной оценке природной ценностью наделяются также важные для поддержания биоресурсного потенциала территории (особенно верховья рек, водосборные участки) и освоенные населением места традиционного природопользования; поэтому площадь территорий, подлежащих охране, указывается респондентами значительно больше, чем по данным экологической оценки.

Таким образом, описанный исторический и социальный фон реализации природоохранных мероприятий на территориях, изученных зоологами и ботаниками, хорошо связывается в единую картину «природа-человек-общество» для малонарушенного хозяйственной деятельностью лесного массива Европейского Северо-Востока России, создавая научный базис для сохранения и использования биоразнообразия в этом районе.

Список литературы

1. *Акимова Т.А., Хаскин В.В.* Экономика Природы и Человека. М., 2006.
2. *Ануфриев В.В., Михайлова Г.В., Давыдов Р.А., Киселев С.Б.* Влияние социально-экономических и экологических изменений на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 5. С. 171–181.

-
-
3. Бочарников В.Н. Междисциплинарный подход к проблеме: «природа-общество-человек». Владивосток, 2014.
 4. Воробьева Т.А. Картографирование природопользования: опыт комплексных атласов // Наука. Инновации. Технологии. 2020. № 1. С. 125–140.
 5. Гришина Е.А. Социальное (ментальное) картографирование: возможности и ограничения метода // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–2 (10). С. 272–277.
 6. Кулик М.И., Копыльцова С.Е., Лихачева О.В. Метод кейсов в комплексных социально-экологических исследованиях. Псков, 2017.
 7. Новиков А.В. Деревни Лешуконья: исторические очерки. Архангельск, 2007.
 8. Обзорение Печорского края архангельским губернатором действительным статским советником Н.Д. Голицыным летом 1887 года. Архангельск, 1888.
 9. Пляцук Л.Д., Черныш Е.Ю. Синергетика: нелинейные процессы в экологии: монография. Сумы, 2016.
 10. Селянина С.Б., Чуракова Е.Ю., Михайлова Г.В., Пономарева Т.И. Характеристика растений-гидрофитов и показателей воды в водотоках Приморского заказника в районе добычи алмазов (Архангельская область) // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. Т. 11, № 2–8 (8). С. 47–58.
 11. Шренк А. Путешествие по северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 году. СПб., 1855.
 12. Яницкий О.Н. Междисциплинарные исследования: проблема и пути ее решения // Социологические исследования. 2018. № 3 (407). С. 126–135.
 13. Newth Ju.L., McDonald R.A., Wood K.A., Rees E.C., Semenov I., Chistyakov A., Mikhaylova G., Bearhop S., Cromie R. L., Anna Belousova A., Petr Glazov P., Nuno A. Predicting intention to hunt protected wildlife: A case study of Bewick's swan in the European Russian Arctic // Oryx. 2022. No. 56 (2). P. 228–240. DOI 10.1017/S0030605320000435.

Изучение фауны насекомых экологических троп Лекшмозерского лесничества Кенозерского национального парка

Быльченко Александр Алексеевич – младший научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; byla1996@mail.ru

В целях изучения видового состава насекомых на территории Лекшмозерского лесничества Кенозерского национального парка в 2022 г. были заложены пробные площадки в районе экологических троп «Тропа муравейников», «Тропа предков» и «Система Пяти озер». Получение выборок осуществлялось путем установки площадок почвенных ловушек на границе лесных и луговых биотопов в местах наибольшего ожидаемого биоразнообразия, а также проведением энтомологического кошения сачком и ручного сбора материала. В полученных выборках определено 68 видов насекомых, из которых 22 являются новыми для кадастровых списков парка. Продолжение данных работ позволяет положить начало инвентаризации фауны насекомых Кенозерского парка и использовать полученные материалы как дополнительную характеристику и параметр биомониторинга различных природных процессов, а также может быть полезно в экпросветительских и экспозиционных целях.

Ключевые слова: энтомология, биоразнообразие, Кенозерский национальный парк.

Территория Архангельской области, несмотря на свои внушительные размеры и разнообразие природно-ландшафтных условий, представляет собой белое пятно в энтомологическом отношении. По полноте изученности видового состава основных таксонов она занимает одно из последних мест в России, не говоря уже о структуре фаун и характере населения. В целом, исследования энтомофауны региона носят фрагментарный характер. Существующие материалы на территории Кенозерского национального парка включают в основном описание отдельных таксономических групп¹ [5].

© Быльченко А.А., 2024

¹ *Болотов И.Н.* Энтомофауна Кенозерского национального парка – история изучения. Институт экологических проблем Севера, 2007 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 1. Оп. 2. Д. 271; *Цуриков М.Н.* Жесткокрылые, отмеченные на территории Кенозерского национального парка, в окрестностях Масельгского озера с 26 июля по 6 августа. Липецк, 2007 // Там же. Д. 147; *Горюнов Д.Н.* Научный отчет «Инвентаризация фауны муравьев в Каргопольском секторе Кенозерского национального парка» //

Для данного исследования было принято решение получить и обработать максимально репрезентативные выборки насекомых в местах наибольшей концентрации как видового, так и численного биоразнообразия, чтобы использовать полученные материалы для установления дальнейшей структуры фауны и населения насекомых на территории Кенозерского национального парка. Получение проб в ходе исследования достигалось двумя путями – установкой на 25–32 дня почвенных ловушек Барбера открытого типа вдоль границы лесных и луговых участков и неизбирательное энтомологическое кошение на луговых участках в районах разнотравья. Районом исследования были выбраны участки вдоль экологических троп «Система Пяти озер», «Тропа предков» и «Тропа муравейников» Лекшмозерского лесничества Кенозерского национального парка.

Исследованный материал получен при помощи почвенных ловушек Барбера, посредством ручного сбора и энтомологического кошения. В качестве почвенных ловушек использовались пластиковые емкости объемом 500 мл со слабым (оптимальная концентрация – от 2 до 5 %) раствором формалина. Таким образом, преимущественно выборку составили герпетобионты, эпигеобионты, хортобионты. Эти группы насекомых включают основное численное и видовое биоразнообразие, что позволяет получить наиболее репрезентативную выборку [10, 13].

Одна площадка установки ловушек – прямая линия с расстоянием между отдельными ловушками приблизительно в 4–5 м. Количество ловушек и характер размещения указаны в описании биотопов. Общий период экспонирования – с 14 июня по 19 июля 2022 г.

Обработка выборок производилась на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета с июля по ноябрь 2022 г. В определении использовался бинокулярный микроскоп «БиоМед» и методическая литература [1, 3, 5–8, 13].

Характеристика районов исследования. Климат района расположения парка умеренно континентальный с многоснежной и умеренно холодной зимой, короткой весной с неустойчивыми температурами, умеренно теплым летом и продолжительной ненастной осенью. Климат обычен для умеренного пояса Северного полушария. Преобладание количества осадков над испарением, холодные зимы, устойчивый снежный покров способствуют развитию хвойных лесов.

Средние температуры на время осуществления работ: +24 °С днем, +20 °С ночью.

Там же. Д. 961; Федосеева Е.Б. Инвентаризация комплекса звезд рыжих лесных муравьев вдоль маршрута «Тропа муравейников» в Кенозерском национальном парке. Архангельск, 2018 // Там же. Д. 871.

«*Тропа Муравейников*». Участок кошения – луговое разнотравье на границе с д. Морщихинской и вересковая поляна в 2 км от населенного пункта. Участок установки ловушек – граница молодого березняка и ольшаника вблизи береговой линии Лекшмозера. Было установлено 10 ловушек со средним расстоянием между точками 4–5 м. Период экспонирования – с 14 июня по 7 июля 2022 г. (24 дня), кошение производилось в момент установки и в момент снятия ловушек.

«*Тропа предков*». Участки кошения – лесная поляна в старом сосняке вдоль тропы, преобладание злаковых и папоротников по периметру. Участок установки ловушек – граница между разнотравным лугом и ельником, всего установлено 10 ловушек, из них 5 ловушек установлено в зоне ельника, 5 – на луговом участке. Период экспонирования – с 15 июня по 8 июля 2022 г. (24 дня), кошение – в момент установки и в момент снятия ловушек.

Экологическая тропа «Система Пяти озер». Экологическая тропа «Система Пяти озер» включает множество различных биотопов (тематических участков):

1. Участок «Система Пяти озер – лес».

Ловушки устанавливались на лесной поляне у тропы «Система пяти озер» в зеленомошном ельнике на плакорном участке тропы. Установлено пять ловушек в молодом сосняке на плакорном участке южного склона холма. Координаты точки установки ловушек – 61°49.892' с.ш., 38°00.324' в.д. Период экспонирования – с 17 июня по 17 июля 2022 г. (31 сутки).

2. Участок «Система Пяти озер – луг».

Ловушки и кошение проводились на опушке сосняка в низине у начала тропы «Система Пяти озер». Место установки – вдоль границы соснового участка, поляна с преобладанием злаковых растений. Установлено 10 ловушек. Период экспонирования – с 16 июня по 17 июля 2022 г. (30 суток).

3. Участок «Поле верх».

Участок представляет собой опушку молодого ольшаника на границе сельхозугодий (овсяного поля у д. Гужово). Установлено 10 ловушек на опушке ольшаника, не затронутой сельскохозяйственной активностью, – на естественном разнотравном лугу между полем и высеваемым полем: пять ловушек на опушке и пять в глубине ольшаника. Период экспонирования – с 17 июня по 17 июля 2022 г. (31 сутки), кошение производилось в момент установки и в момент снятия ловушек.

4. Участок «Поле низ».

Граница поля и березняка, поляна со смешанным разнотравьем. Установлено пять ловушек и проведено кошение.

Район д. Орлово. Окрестности населенного пункта Орлово, луг с преобладанием бобовых и крестоцветных растений, расположенный

вдоль дороги на д. Моршихинскую у Лекшмозера. Энтомологическое кошение и ручной сбор проводились с 17 по 18 июля 2022 г.

Рельеф и почвенный покров районов исследования:

1. «Тропа муравейников» – у побережья Лекшмозера, плакорный участок к северу от тропы. Почвы дерново-подзолистые.

2. «Тропа предков» – склоны юго-восточной экспозиции, почвенный горизонт – глинистый на луговом участке и железисто-подзолистый вглубь сосняка.

3. Район тропы «Система Пяти озер»:

3.1. Участок «Система Пяти озер – лес» – плакорная поляна на вершине холма – побережья Вендозера. Почва дерново-подзолистая.

3.2. Участок «Система Пяти озер – луг» – низинный луг между холмами – водоразделами Кижозера и оз. Масельского.

4. «Поле верх» – вершина холма и западный склон северного побережья оз. Пежихерье, почвы – глинистые и железистые подзолы (вглубь ольшаника)

5. «Поле низ» – нижняя часть северного склона холма к северу от с. Гужова, почвы – граница между глинистыми почвами холма и дерновыми почвами низинного участка.

Энтомофауна района исследований. Фаунистический список, включающий в себя виды насекомых, изучаемые в полевых сборах летом 2022 г., содержит общий видовой перечень насекомых, определенных из результатов сборов на ноябрь 2022 г. Определение видов осуществлялось с применением актуальной учебно-методической литературы и материалов по изучению насекомых Архангельской области и Кенозерского национального парка, а также с помощью сопоставления материалов и работ по территориям с похожими природными или климатическими условиями [2, 4, 9, 11, 12].

Общее число исследованных видов составило 68, в том числе:

- 2 рода из класса Collembola – ногохвостки;
- 4 вида из отряда Lepidoptera – чешуекрылые, или бабочки;
- 2 вида из отряда Odonata – стрекозы;
- 39 видов из отряда Coleoptera – жесткокрылые, или жуки;
- 2 вида из отряда Hemiptera – полужесткокрылые, или клопы;
- 8 видов из отряда Hymenoptera – перепончатокрылые;
- 11 видов из отряда Diptera – двукрылые.

Детальное описание видового состава и таксономической принадлежности обнаруженных насекомых представлено в таблице.

Описание содержит актуальное, согласованное с Глобальной системой по биоразнообразию (Global Biodiversity Information Facility, GBIF) [14], а также с ресурсом Fauna Europaeae [15] название вида и его систематическое положение, встречаемость вида на территории исследованных биотопов и охранный статус видов в Красной книге региона

или Российской Федерации с соответствующей номенклатурой. Следует заметить, что в исследованной выборке охранный статус определяется только у навозника весеннего (*Trypocoplis vernalis* L.), единичная находка которого выявлена на луговом биотопе у территории тропы «Система Пяти озер».

Таксономический состав насекомых района исследований

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
	Семейство Poduroideae	Подуры настоящие							
1	<i>Podura sp.*</i>	Подура	+	+			+		
	Семейство Orchesellidae	Орчеселлиды							
2	<i>Orchesella sp.*</i>	Орчеселла		+	+	+	+		
	Отряд Lepidoptera	Чешуекрылые							
	Семейство Geometridae	Пяденицы							
3	<i>Eupithecia tantilaria</i> (Boisduval, 1840)	Пяденица цветочная еловая		+					+
4	<i>Gonepteryx rhamni</i> (Linnaeus, 1758)	Крушинница	+						
	Семейство Papilionidae	Парусники							
5	<i>Papilio machaon</i> (Linnaeus, 1758)	Махаон	+						
	Семейство Pieridae	Белянки							
6	<i>Aporia crataegi</i> (Linnaeus, 1758)	Боярышница	+						
	Отряд Odonata	Стрекозы							
	Семейство Coenagrionidae	Стрелки							
7	<i>Coenagrion hastulatum</i> (Charpentier, 1825)	Стрелка копыеносная	+						
	Семейство Lestidae	Лютки							

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
8	<i>Lestes dryas</i> (Kirby, 1890)	Лютка – дриада	+						
Отряд Coleoptera		Жесткокрылые							
Семейство Carabidae		Жужелицы							
9	<i>Brosicus cephalotes</i> (Linnaeus, 1758)	Головастая жужелица			+				
10	<i>Carabus glabratus</i> (Paykull, 1790)	Жужелица гладкая	+	+	+	+		+	
11	<i>Cicindela campestris</i> (Linnaeus, 1758)*	Скакун полевой				+			
12	<i>Cicindela maritima</i> (Dejean, 1822)*	Скакун приморский				+	+		
13	<i>Dromius schneideri</i> (Crotch, 1871)	Дромиус Шнейдера	+	+		+			
14	<i>Harpalus rubripes</i> (Duftschmid, 1812)*	Жужелица волосистая			+	+			
15	<i>Harpalus affinis</i> (Schränk, 1781)	Бегун смежный			+	+	+	+	
16	<i>Pterostichus melanarius</i> (Illiger, 1798)	Птеростих обыкновенный	+	+	+	+	+		
17	<i>Pterostichus niger</i> (Schall., 1783)	Птеростих черный	+	+		+	+	+	
Семейство Buprestidae		Пилюльщики							
18	<i>Buprestis pilula</i> (Linnaeus, 1758)*	Приутайка пилюльная	+	+	+		+		
Семейство Staphylinidae		Стафилиниды							
19	<i>Lordithon pygmaeus</i> (Fabricius, 1777)	Лордитон пигмеус	+	+	+	+	+	+	

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
20	<i>Philhygra sp.</i>	Филигра			+			+	
21	<i>Quedius fuliginosus</i> (Gravenhorst, 1802)	Куэдиус бурый	+	+	+	+	+	+	
Семейство Vuprestidae		Златки							
22	<i>Vuprestis rustica</i> (Linnaeus, 1758)	Златка хвойная пятнистая							+
Семейство Geotrupidae		Навозники							
23	<i>Trypocoplis vernalis</i> (Linnaeus, 1758)*	Навозник весенний				+			
24	<i>Geotrupes rugosissimus</i> (Fleischer, 1925)	Навозник лесной		+		+	+		
Семейство Cantharidae		Мягкотелки							
25	<i>Podistra rufotestacea</i> (Letzner, 1845)*	Мягкотелка руфотестацеа	+			+			
26	<i>Cantharis fusca</i> (Linnaeus, 1758)*	Мягкотелка бурая	+	+	+		+		
27	<i>Malthinus sp.</i>	Малтинус				+	+	+	
Семейство Nitidulidae		Блестянки							
28	<i>Cylloides ater</i> (Herbst, 1792)*	Циллодес черный			+		+		
29	<i>Cychramus luteus</i> (Fabricius, 1787)	Блестянка обыкновенная							
30	<i>Cylindroramus sp.*</i>	Цилиндрорамус						+	
Семейство Scirritidae		Трясинники							

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
31	<i>Cyphon sp.</i>	Трясинник	+				+		
Семейство Erytlyidae		Грибовики							
32	<i>Triplax collaris</i> (Schaller, 1783)	Триплакс колларис				+		+	
33	<i>Triplax aenea</i> (Schaller, 1783)	Триплакс аэна						+	
Семейство Tenebrionidae		Чернотелки							
34	<i>Lagria hirta</i> (Linnaeus, 1758)	Мохнатка обыкновенная		+					
35	<i>Phaleromela subhumeralis</i> (Marseul, 1876)	Фалеромела субгумералис	+	+					
36	<i>Phaleria cadaverina</i> (Fabricius, 1792)	Фалерия трупная			+				
37	<i>Bolitophagus reticulatus</i> (Linnaeus, 1767)	Болитофагус ретикулатус					+		
Семейство Oedemeridae		Узконадкрылки							
38	<i>Chrysanthia geniculate</i> (Heyden, 1877)	Узконадкрылка черноусая	+						
Семейство Cerambycidae		Усачи							
39	<i>Alosterna tabacicolor</i> (De Geer, 1775)	Бурый усач	+						
40	<i>Monochamus sutor</i> (Linnaeus, 1758)	Еловый малый черный усач		+					
Семейство Chrysomelidae		Листоеды							
41	<i>Lema cyanella</i> (Linnaeus, 1758)*	Лема цианела					+		

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
42	<i>Bromius obscurus</i> (Linnaeus, 1758)*	Черная па-дучка					+	+	
43	<i>Gastrophysa virid-ula</i> (De Geer, 1775)*	Листоед ша-велевый	+					+	
44	<i>Galeruca tanaceti</i> (Linnaeus, 1758)	Козьявка тысячелист-никовая, или пижмовая козявка					+		
Семейство Curculionidae		Долгоносики							
45	<i>Polydrusus fulvi-cornis</i> (Fabricius, 1792)	Слоник жел-торогий			+	+			
46	<i>Polydrusus tereti-collis</i> (De Geer, 1775)	Слоник листовой березовый			+				
47	<i>Polydrusus picus</i> (Fabricius, 1792)	Сосновый слоник			+		+		
Отряд Hemiptera*		Клопы							
Семейство Piesmatidae		Пиезмы							
48	<i>Piesma capitatum</i> (Wolff, 1804)*	Пиезма го-ловчатая	+		+				
Семейство Miridae		Слепняки							
49	<i>Adelphocoris lin-eolatus</i> (Goeze, 1778)*	Клоп люцер-новый	+		+				
Отряд Hymenoptera		Перепончато-крылые							
Семейство Apidae		Настоящие пчелы							
50	<i>Bombus hypnorum</i> (Linnaeus, 1758)	Шмель го-родской							+
51	<i>Bombus sporadicus</i> (Nylander, 1848)	Шмель садо-вый					+		

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
Семейство Braconidae		Бракиониды							
52	<i>Heterogamus dispar</i> (Haliday, 1833)*	Гетерогамус разрозненный					+		
Семейство Ichneumonidae		Ихневмонидные наездники							
53	<i>Rhyssa persuasoria</i> (Linnaeus, 1758)*	Наездник рогохвоста большого, или рисса усердная							
Семейство Formicidae		Муравьи							
54	<i>Formica rufa</i> (Linnaeus, 1758)	Рыжий лесной муравей		+	+				
55	<i>Formica aquilonia</i> (Yarrow, 1955)	Северный лесной муравей	+						
56	<i>Lasius flavus</i> (Linnaeus, 1758)	Желтый земляной муравей			+		+		
Семейство Vespidae		Настоящие осы							
57	<i>Vespa crabro</i> (Linnaeus, 1758)*	Шершень обыкновенный	+						
Отряд Diptera		Двукрылые							
Семейство Limoniidae		Комары-лимониды							
58	<i>Metalimnobia bifasciata</i> (Schrank, 1781)*	Болотница	+	+					
59	<i>Pilaria meridiana</i> (Staeger, 1840)*	Пилярия полосатая						+	
Семейство Tipulidae		Комары-долгоножки							

№	Латинское название	Русское название	«Тропа муравейников»	«Тропа предков»	«Система Пяти озер» – лес	«Система Пяти озер» – луг	Поле верх	Поле низ	Ор-лово
60	<i>Tipula paludosa</i> (Meigen, 1830)	Вредная долгоножка	+			+			
61	<i>Prionocera turcica</i> (Fabricius, 1787)	Прионоцера турцика		+					
Семейство Culicidae		Настоящие комары							
62	<i>Aedes dorsalis</i> (Meigen, 1830)	Кусака дорсалис		+					
63	<i>Aedes pionips</i> (Dyar, 1919)	Кусака пионипс	+						
64	<i>Aedes punctor</i> (Kirby, 1837)	Кусака пунктор							
65	<i>Dixa nubilipennis</i> (Curtis, 1832)	Диксия	+	+					
Семейство Tabanidae		Слепни							
66	<i>Chrysops caecutiens</i> (Linnaeus, 1758)	Пестряк лесной	+			+	+	+	+
67	<i>Tabanus autumnalis</i> (Linnaeus, 1758)*	Слепень большой	+			+	+		+
Семейство Platypozidae		Грибные мухи							
68	<i>Callomyia sp.*</i>	Калломия			+		+		
<i>Всего видов:</i>			29	19	20	20	24	14	5

Примечание: плюсом отмечены отряд и виды, регистрация которых выполнена на территории пунктов исследования; * – новые для Национального парка «Кенозерский» виды насекомых.

Всего определены представители 68 видов насекомых, при этом 24 из них ранее не зарегистрированы на территории Кенозерского парка. После проверки достоверности видовой идентификации, виды будут внесены в кадастр Кенозерского национального парка. Среди определенных видов нет видов насекомых, которые были бы занесены в Красную книгу Архангельской области, однако обнаружен ранее не зарегистрированный на территории парка навозник весенний, входящий в Красную книгу Российской Федерации с категорией «2, И», что позволяет при подтверждении находок и статуса включить его в охранные списки.

Интерпретация данных. Наибольшая часть новых для территории видов принадлежит к группе жесткокрылых, что связано с рядом как объективных, так и субъективных факторов. Во-первых, данная группа наиболее широко представлена в почвенных ловушках, послуживших основным источником исследуемого материала. Во-вторых, последнее исследование жесткокрылых на территории Кенозерского парка датируется 2007 г. и представляет не территории района исследований, а сопредельные территории (район оз. Масельгского). Это последнее исследование отличается экспонированием ловушек в более поздний период (июль – август), что обуславливает и территориальный, и сезонный характер ожидаемых различий в выборках. В-третьих, жесткокрылые на севере Палеарктики в целом представляют собой, вероятно, наиболее многочисленную по видовому составу группу насекомых, поскольку ряд семейств отличается специфическими приспособлениями как к зимовке, так и к жизни в лесных районах – в подстилке, непосредственно в древесине или в различных специфических участках леса – норах и экскрементах животных и пр.

Новые для территории виды относятся в том числе к ряду систематических групп, которые ранее не определялись на территории парка. Это, например, клопы (Himenoptera, полужесткокрылые), а также один вид наездников и один вид настоящих ос. К данному моменту на территории Кенозерского парка более нет указаний на видовой состав этих отрядов насекомых, что связано с систематически-специализированным характером проводимых ранее исследований. С одной стороны, такой подход обеспечивает точность и достоверность определения представителей отдельных систематических групп, а применяемые специфические методики сбора и определения позволяют получать репрезентативную выборку данных отрядов. С другой стороны, избирательность в работе с отдельными отрядами зачастую приводит к тому, что в данных о научной работе парка не представлены целые, зачастую многочисленные на территории отряды и семейства. Так, на сегодня нет задокументированных данных о видовом составе прямокрылых (Orthoptera) – кобылок, кузнечиков и сверчков.

Работы по исследованию и определению материалов, полученных в ходе полевых исследований летом 2022 г., еще не завершены. Однако предварительный результат уже позволяет сделать ряд немаловажных выводов:

1. Настоящее исследование расширяет существующий кадастровый перечень видов, составленный в ходе предыдущих исследований энтомофауны Кенозерского национального парка на 24 новых для территории вида, которые после согласования нюансов их систематического определения будут включены в кадастровые списки национального парка.

2. Определены виды, представленные на ключевых биотопах экологических троп, в том числе один вид, находящийся в Красной книге Российской Федерации, что имеет потенциальное значение как для экопросветительских целей и развития туристических ресурсов парка, так и для природоохранной деятельности по сохранению территорий и ландшафтов национального парка.

3. Выбранная методика наряду с подбором корректных методов сохранения и консервации выборок насекомых позволяет получать репрезентативные выборки насекомых с исследуемых территорий парка. Это дает возможность использовать полученные материалы в ходе комплексных исследований энтомофауны.

Список литературы

1. *Беньковский А. О.* Определитель жуков-листоедов (Coleoptera Chrysomelidae) Европейской части России и европейских стран ближнего зарубежья. М., 1999.

2. *Винокуров Н. Н.* Насекомые полужесткокрылые (Heteroptera) Якутии. Л., 1979.

3. *Гринбергс А. О.* фауне ногохвосток (Collembola) Советского Союза. I. Каталог ногохвосток СССР // *Latvijas entomologs*. 1960. № 2. С. 21–68.

4. *Ижевский С. С., Никитский Н. Б., Волков О. Г., Долгин М. М.* Иллюстрированный справочник жуков-ксилофагов – вредителей леса и лесоматериалов Российской Федерации. Тула, 2005.

5. *Колосова Ю. С., Подболоцкая М. В.* Насекомые-опылители в этнокультурном ландшафте Кенозерского национального парка // *Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук*. 2011. С. 185–190.

6. *Малькова М. Г., Якименко В. В., Винарская Н. П., Немчинова Н. Н., Михайлова О. А.* Кровососущие комары Западной Сибири: фауна, систематика, особенности экологии, методы полевых и лабораторных исследований. Омск, 2013.

7. Определитель насекомых Европейской части СССР: в 5 т. / под общ. ред. Г. Я. Бей-Биенко. М.; Л., 1964.

8. *Скуфьин К. В.* Методы сбора и изучения слепней. Л., 1973.

9. *Софронова Е. Ф.* К изучению фауны полужесткокрылых насекомых (Heteroptera) Северного макросклона хребта Хамар-Дабан (Восточная Сибирь) // *Вестник Томского государственного университета. Биология*. 2015. № 2 (30). С. 82–95.

10. *Старк В. Н.* Фауна СССР. Жесткокрылые. Т. 31. М.; Л., 1952.

11. *Хумала А. Э., Полевой А. В.* К познанию энтомофауны национального парка «Онежское Поморье» // *Труды Карельского научного центра РАН*. 2022. № 1. С. 21–48.

12. *Якобсон Г. Г.* Жуки России и Западной Европы. Вып. I–XI. СПб., 1905–1915.

13. *Яхонтов В. В.* Экология насекомых. М., 1969.

14. Global Biodiversity Information Facility. URL: <https://www.gbif.com> (дата обращения: 27.09.2022).

15. Fauna Europaea. URL: <https://fauna-eu.org> (дата обращения: 27.09.2022).

Результаты племенной работы с мезенской породой лошадей на экоферме «Мезенка» Кенозерского национального парка¹

Вдовина Наталья Владиславовна – старший научный сотрудник, Приморский филиал Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук – «Архангельский научно-исследовательский институт сельского хозяйства»; vdovina.natali2014@yandex.ru
Юрьева Ирина Борисовна – кандидат сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник, Приморский филиал Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук – «Архангельский научно-исследовательский институт сельского хозяйства»; arhsel@mail.ru

Кенозерским национальным парком ведется работа по сохранению аборигенной породы лошадей Архангельской области – мезенской. Выведенная методом народной селекции порода прекрасно приспособлена к условиям Крайнего Севера и обладает рядом ценных хозяйственно-биологических качеств. В настоящее время она имеет ограниченный генофонд. поголовье мезенских лошадей Кенозерского национального парка, содержащихся на экоферме «Мезенка», имеет высокую племенную ценность, что обеспечивает получение элитного потомства и способствует совершенствованию породы. Лошади неоднократно представлялись к показу на конных выставках разного уровня, где получали титулы чемпионов и занимали призовые места. На ферме лошади используются для знакомства посетителей с породой и обучения верховой езде, а также в конных прогулках и на праздничных мероприятиях.

Ключевые слова: биоразнообразие, мезенская порода лошадей, генофонд, Кенозерский национальный парк, экоферма, племенная работа, выставки.

В современном мире одной из важнейших государственных задач каждой страны становится проблема сохранения, восстановления и рационального использования природного биоразнообразия.

© Вдовина Н.В, Юрьева И.Б., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Изучение многолетней динамики экосистем, естественного хода процессов и явлений в Национальном парке «Кенозерский» (1-22-104-1).

Сокращение видового разнообразия грозит человечеству невосполнимой потерей многих как уже осваиваемых, так и потенциальных ресурсов, а в перспективе — деградацией и разрушением биосферы. Активная «созидательная» деятельность человека поставила под угрозу исчезновения многие виды растений и животных. Особенно остро этот вопрос встает в отношении малочисленных и аборигенных (местных) видов животных, чей генофонд в определенных природно-климатических, экологических и хозяйственных условиях не может быть заменен генофондом других пород, а будучи однажды уничтожен или поглощен, уже не может быть восстановлен.

В странах, где общество осознало необходимость сохранения и поддержания биологического разнообразия, создаются особо охраняемые природные территории, включающие в себя заповедники, заказники, национальные парки и памятники культуры, которые находятся под особой охраной государства. В настоящее время в мире существует свыше 147 тыс. охраняемых территорий общей площадью 19,3 млн км², что составляет 13 % поверхности суши². По данным Росстата, в России на начало 2023 г. насчитывалось 11 931 особо охраняемая природная территория как федерального, так и регионального уровня общей площадью 244,3 тыс. км², из которых 62,3 тыс. км² занимают 67 национальных парков и 107 природных заповедников³.

Особо охраняемые природные территории имеются и в Архангельской области. Одним из 107 объектов, находящихся под федеральной охраной в регионе, является Кенозерский национальный парк, расположенный на юго-западе области и занимающий часть территории Каргопольского и Плесецкого районов. Помимо природных комплексов с уникальной флорой и фауной на территории Национального парка сохраняются многочисленные памятники материальной и духовной культуры, традиции и реликтовые формы народного творчества, хозяйствования и природопользования Русского Севера⁴. Не случайно, именно здесь был задуман проект и с 2018 г. начата работа по сохранению генофондов северных пород сельскохозяйственных животных, в частности мезенской породы лошадей.

Исторической родиной и ареалом распространения породы является территория современного Мезенского округа Архангельской области. Созданная трудом крестьян Севера под влиянием потребности в силь-

² Охраняемая природная территория // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.05.2023).

³ Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 16.05.2023)

⁴ Общая информация // Национальный парк «Кенозерский». URL: <http://kenozero.ru> (дата обращения: 17.05.2023)

ных, выносливых, приспособленных к северному климату упряжных лошадях мезенка была известна уже во времена Петра I, а при Екатерине II получила широкое распространение. Первое, самое раннее упоминание о мезенках, которое нам удалось найти в Государственном архиве Архангельской области, относится к 1618 г., когда английский ботаник Традесконт-старший увидел этих лошадей в Архангельской губернии и описал их в своих воспоминаниях: «...что касается их лошадей, то они хорошего сложения, хотя и мелкорослые, но крепкие... напоминают лошадей берберийских, но лучше их для использования в любой части света» [2].

За исторический период своего развития порода приобрела целый ряд уникальных биологических и хозяйственных признаков. Мезенские лошади отлично приспособлены к суровым климатическим условиям Севера, хорошо переносят холод, прекрасно ориентируются в ненастье, не боятся гнуса, устойчивы к заболеваниям, неприхотливы к условиям кормления и содержания, отличаются хорошими нагульными качествами. Благодаря своеобразному строению конечностей, свободно передвигаются по глубокому снегу и вязкой топкой почве. Успешно работают как в упряжи, так и под седлом.

До середины XX в. мезенские лошади были широко распространены по всему северу Архангельской области. Однако после прекращения государственного планирования коневодства во второй половине XX в. и с внедрением в сельское хозяйство техники поголовье мезенок подверглось резкому сокращению. К началу 1990-х гг. популяция сохранилась в наибольшей чистоте лишь в Мезенском районе. На современном этапе своего развития она очень малочисленна и в соответствии с классификацией пород по степени риска, представленной в отчете ФАО – Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (FAO – Food and Agriculture Organization) в 2015 г., входит в категорию «критический статус» (количество самок менее 200 голов) [3]. На начало 2023 г. поголовье мезенок на исторической родине, в Мезенском районе, составило 310 голов, в том числе 133 кобылы.

С 1993 г. специалистами Архангельского НИИ сельского хозяйства (АрхНИИСХ) ведется племенная работа, направленная на восстановление и сохранение генофонда мезенских лошадей, в основе которой лежит метод чистопородного разведения. Селекционные мероприятия направлены на типизацию конепоголовья с одновременным поддержанием широкого генетического разнообразия в породе. Наиболее ценное поголовье сосредоточено на генофондно-племенной ферме сельскохозяйственного производственного кооператива «Рыбколхоз Север», расположенного в с. Долгощелье Мезенского района Архангельской области. Именно здесь и были приобретены три племенные

лошади, которые вместе с другими животными были поставлены на экоферму «Мезенка», расположенную в д. Моршихинской Каргопольского сектора Кенозерского национального парка. Следует отметить, что на этот момент в парке уже имелись три лошади мезенской породы, которые были приобретены в 2005 г. на 20-й Областной выставке «Животноводство Поморья». Новые мезенки органично вписались в направление работы парка по сохранению аутентичности территорий и увеличили численность поголовья для начала работы по сохранению аборигенных генофондов.

Всего в Кенозерском парке на 1 июня 2023 г. содержалось 10 мезенок, в том числе один жеребец, четыре кобылы, один мерин и четыре кобылки в возрасте до двух лет. Все лошади имеют племенные документы – паспорта, которые оформляются с момента организации конефермы и завоза лошадей. Для получения данного паспорта животное обязательно должно иметь документальное подтверждение достоверности происхождения, поэтому все мезенки парка протестированы методом ДНК-диагностики. Анализ генетической структуры по 17 микросателлитным локусам ДНК показал, что кенозерская популяция мезенских лошадей обладает широким генетическим разнообразием. У исследованных лошадей типировано 99 аллелей из 133 выявленных в популяции.

С 2019 г. Кенозерский национальный парк на основе договора о научном сотрудничестве с Приморским филиалом Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения РАН – «Архангельский НИИСХ» проводит совместную работу по сохранению популяции мезенской лошади. Сотрудники Селекцентра по мезенской породе лошадей, входящего в состав филиала, курируют племенную работу с конепоголовьем экофермы, обсуждают перспективы племенного использования лошадей со специалистами парка и заведующим конным двором, периодически выезжают в парк для проведения зоотехнического обследования имеющихся животных, проводят комплексную оценку (бонитировку) их племенной ценности, дают рекомендации по подбору родительских пар для получения потомства с определенными параметрами по комплексу селекционируемых в породе признаков (происхождение, тип, промеры, экстерьер, работоспособность, качество потомства). Благодаря сотрудничеству работников Национального парка и Селекцентра поголовье мезенских лошадей Кенозерья имеет высокую племенную ценность, что обеспечивает получение элитного потомства и способствует совершенствованию породы. Свидетельством высокого качества мезенок Национального парка «Кенозерский» являются их победы на выставках различного уровня. Так, в 2018 г. парк впервые принял участие в Международной

конной выставке «Иппосфера», где жеребец Чук завоевал титул чемпиона породы (ил. 1). В июне 2019 г. на XXVII Областной выставке «Животноводство Поморья» кобыла Фидия стала чемпионом породы среди кобыл, а в августе того же года на очередной Международной выставке «Иппосфера» кобыла Мозаика взяла высший знак отличия – титул «Краса аборигенов», опередив всех остальных представителей местных пород (ил. 2).

Помимо очных выставок, с 2020 г. организаторы «Иппосферы» проводят онлайн-выставки «Краса аборигенов», на которых кенозерские мезенки также занимают призовые места. В 2022 г. парк представил к показу сразу пять лошадей. По результатам экспертной оценки кобыла Физичка была признана чемпионом мезенской породы в ринге основного класса среди кобыл в возрасте от 4 лет и старше, а также заняла второе место среди мезенских лошадей всех возрастов (ил. 3). Жеребец Фрегат получил титул чемпиона мезенской породы в основном классе среди жеребцов от 4 лет и старше. Кобыла Мечта, которой на тот момент было всего 2,5 года, превзошла всех конкурентов, завоевав титулы «Чемпион мезенкой породы в ринге юниоров среди кобыл 2–3 лет», «Чемпион породы в ринге мезенских лошадей всех возрастов», «Вице-чемпион III Виртуальной выставки “Иппосфера – 2022”» в ринге «Краса аборигенов». Мечта является дочерью двух чемпионов международных и областных выставок – жеребца Чука и кобылы Мозаики, поэтому ее победы вполне закономерны. Еще одна представительница парка, кобылка Фантазия заняла почетное третье место среди кобыл в классе годовиков, уступив лишь 0,5 балла бывшей соседке по конюшне кобылке Музыке. В 2021 г. Музыка была приобретена конным клубом «Ласточка», расположенным в г. Кирове Мурманской области. По словам руководителя клуба Ирины Мазуренко, им была нужна лошадь, которая идеально подходила бы для содержания в суровых природно-климатических условиях Заполярья, а с учетом того, что клуб посещают дети, помимо приспособительных качеств, должна была иметь не слишком высокий рост и добрый, покладистый характер. Кобылка Музыка настолько соответствовала всем требованиям, что в 2022 г. конный клуб приобрел в Кенозерском парке еще одну мезенскую лошадку.

Кроме работы по сохранению и совершенствованию уникальной аборигенной породы Русского Севера Национальный парк ведет и просветительскую деятельность. Экоферму «Мезенка» посещает большое количество туристов из различных регионов нашей страны, приезжающих на отдых в Каргопольский сектор парка, где они наглядно знакомятся с мезенской породой. Экскурсии на экоферму проводятся также в дни различных мероприятий, которые достаточно часто проходят в парке.

Так, в конце июня 2022 г. в д. Морщихинской прошла IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Аборигенные породы лошадей – национальное достояние России», на которой присутствовали занимающиеся вопросами аборигенного коневодства ученые и практики из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Архангельска, Сыктывкара, Петрозаводска, Архангельской, Вологодской, Владимирской, Московской, Мурманской, Рязанской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Республик Удмуртия, Саха (Якутия), а также из Беларуси. Помимо именитых специалистов по коневодству, на конференции выступали и «молодые ученые». Ученицы 6-го класса Лекшмозерской средней школы представили результаты исследований, проведенных на конепоголовье экофермы, посещение которой было организовано для участников конференции [1]. Представленные к показу лошади получили высокую оценку и вызвали большой интерес у специалистов-конников и профессиональных фотографов-иппологов (ил. 4).

Мезенские лошади в парке используются достаточно интенсивно и разнообразно. Проводится не только пропаганда породы как бренда Архангельской области, но и обучение верховой езде, организуются конные туристические маршруты как под седлом, так и в упряжи, лошади участвуют в праздничных мероприятиях и фотосессиях на фоне сельских ландшафтов. Учитывая направленность деятельности Национального парка, масштабы его территории и заинтересованность специалистов Кенозерья в сохранении исторического и культурного наследия Русского Севера, мезенские лошади парка будут востребованы и в дальнейшем, подтверждая свою уникальность и высокую племенную ценность.

Список литературы

1. *Вдовина Н.В., Юрьева И.Б.* Конференция по аборигенному коневодству в Кенозерье // Коневодство и конный спорт. 2022. № 4. С. 30–32.
2. *Гамель И.* Англичане в России в XVI, XVII вв. СПб., 1865. С. 139.
3. The Second Report on the State of the World's Animal Genetic Resources for Food and Agriculture / eds B.D. Scherf & D. Pilling. Rome, 2015. URL: <https://www.fao.org/3/i4787e/i4787e00.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

Культурные луговые ландшафты Кенозерского национального парка в окрестностях деревни Зехновой. Флористический аспект за 2014–2021 гг.¹

Губина Александра Михайловна – магистрантка 2-го курса образовательной программы Биоразнообразии Арктики, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; gubina.a.m@yandex.ru
Паринова Татьяна Александровна – кандидат биологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; t.parinova@narfu.ru

На территории Кенозерского национального парка сохраняются уникальные для Русского Севера природные объекты, в частности антропогенно-зависимые вторичные экосистемы – луговые угодья, являющиеся отражением истории ведения сельского хозяйства на Европейском Севере и индикатором общего хода современных сукцессионных смен растительного покрова. При этом луговые экосистемы, вносящие свой вклад в биологическое разнообразие, находятся сегодня в этом регионе под угрозой исчезновения, что требует принятия оперативных мер по сохранению культурных луговых ландшафтов.

Ключевые слова: культурные луговые ландшафты, луга, луговые угодья, флористический состав, флористическое сходство, Кенозерский национальный парк.

Луговые экосистемы – растительные сообщества с преобладанием многолетних травянистых растений со средним или высоким уровнем увлажнения и преобладанием вегетации в летний период. Луга относятся к интразональным сообществам. На территории Кенозерского национального парка луга формируются преимущественно на водоразделах, но также в долинах рек и вокруг озер. Абсолютное большинство лугов национального парка – это вторичные или антропогенно-зависимые луга, появившиеся в связи с освоением лесных территорий для сельского хозяйства путем подсечно-огневого земледелия. Луговая стадия для вторичных растительных сообществ поддерживается за счет хозяйственной деятельности – выпаса и/или сенокосения. До начала

© Губина А.М., Паринова Т.А., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Изучение влияния исторического подсечно-огневого и переложного земледелия на современное состояние природных комплексов и формирование культурных ландшафтов Кенозерского национального парка на основе архивных картографических документов, материалов дистанционного зондирования, данных полевых исследований» (1-22-104-3).

1990-х гг. освобожденные от леса участки использовались в качестве пашен, сенокосов и пастбищ, а на сегодняшний момент их фитоценозы существуют в стадии залежи – неиспользуемых хозяйственных угодий, постепенно зарастающих кустарником и древесной растительностью [2, 4].

Кенозерский национальный парк – один из немногих сохранившихся в практически первозданном виде уголков Русского Севера с традиционными культурными ландшафтами, которые требуют пристального внимания биологов, историков, культурологов. Мониторинговые мероприятия, направленные на выявление флористического состава лугов, позволяют сделать вывод об агроэкологическом состоянии угодий, ходе демулационных процессов и степени трансформации растительных сообществ, потерях биологического разнообразия, что в дальнейшем можно использовать для составления рекомендаций по восстановлению и поддержанию состояния ландшафтных объектов на луговой стадии.

Авторами были предприняты флористические исследования модельных угодий в окрестностях д. Зехновой с последующим анализом изменения состава травостоев за период 2014–2021 гг.

Методика. Геоботанические исследования проводили на модельных луговых угодьях в окрестностях д. Зехновой – Оньковском, Студенецком и Молочном (ил. 1) с 6 по 15 июля 2021 г. Геоботанические стандартные временные пробные площади в 100 м² закладывали по стандартной методике в пределах наиболее характерных участков луга. Для каждого описания отмечали основные признаки местообитания и фитоценоза, выявляли полный видовой состав с определением проективного покрытия каждого вида.

Для определения степени флористического сходства сообществ за 2014–2021 гг. по коэффициенту П. Жаккара использовали собственные флористические списки за 2021 г. и списки из научного отчета Кристина Бьюреке и Марте Холтен Йоргенсена², проводивших исследования в 2014 г. на тех же угодьях. Данные обрабатывали статистически, оценивали достоверность.

Результаты и обсуждение. В рамках исследования заложили и описали 16 временных геоботанических пробных площадей: на Оньковском угодье – 7, на Студенецком – 6, на Молочном – 3. Количество пробных площадей соотносится с количеством четко выделяемых в травостое по аспекту крупных однородных контуров.

² Бьюреке К., Йоргенсен М.Х. Научный отчет 2014 г. «Полевое обследование полустественных лугопастбищных угодий д. Зехновой (НП «Кенозерский», Россия) и рекомендации по их поддержанию» // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»».

Всего в общем флористическом списке для трех луговых угодий окрестностей д. Зехновой в 2021 г. зарегистрировано 83 вида сосудистых растений, в 2014 г. – 118 видов. Сравнив флористические данные, выявили, что видовое богатство, в среднем по всем исследованным угодьям, снизилось на 30 %. Наименьшие изменения отмечены для Студенецкого угодья, показатели видового богатства которого за 2014 и 2021 гг. статистически не отличаются. Видовое богатство для Оньковского и Молочного угодий значительно сократилось, что подтверждают статистические данные (ил. 2).

Коэффициент Жаккара составляющий 28,1 % на Оньковском угодье, 31,7 % – на Молочном и 32,6 % – на Студенецком, указывает на низкое видовое сходство сообществ (см. таблицу).

Коэффициент флористического сходства луговых угодий по Жаккару

Год	2021			
	Угодье	Оньковское	Студенецкое	Молочное
2014	Оньковское	28,1%		
	Студенецкое		32,6%	
	Молочное			31,7%

Наиболее интересны данные, полученные в отношении Студенецкого угодья, видовое богатство которого за семилетний период практически не изменилось, но при этом в травостое произошла смена доминантных и содоминантных видов.

В течение семилетнего периода, в рамках которого проводили сравнение, можно выделить тенденцию к вытеснению мелкотравного разнотравья видами крупногабитусного разнотравья: *Filipendula ulmaria*, *Chamaenerion angustifolium*, и дерновинными видами, например *Deschampsia cespitosa*.

Наиболее заметны изменения в агроботанических группах разнотравья на 30–35 % и злаков на 10–15 % (ил. 3).

Из-за отсутствия хозяйственной деятельности происходит постепенная деградация луговых сообществ, снижение видового разнообразия. Наблюдается начальная стадия демулационного сукцессионного процесса в сторону зонального типа растительности – таежного хвойного леса. Луговые угодья начинают зарастать от стены окружающего леса [1]. Также одной из причин снижения видового разнообразия, вытекающей из отсутствия хозяйственной деятельности, является накопление растительной ветоши, которая препятствует нормальному развитию мелкотравного разнотравья и мохового яруса [3].

Несмотря на отмеченные негативные тенденции в изменении флористического состава культурных луговых ландшафтов, луговая стадия фитоценозов исследованных угодий пока сохраняется. Для дальней-

шего сохранения и поддержания угодий необходимо проведение выборочной рубки деревьев по периметру лугов, расчистка от поросли кустарника и проведение ежегодного одноукосного сенокоса в фазу максимальной вегетации видов доминантов, уборка растительной ветоши и сена на лугах.

Список литературы

1. *Аверина М.В., Феклистов П.А.* Вторичные сукцессии на землях из-под сельскохозяйственного пользования на территории Кенозерского национального парка // Вестник КрасГАУ. 2016. № 5 (116). С. 25.
2. *Кириллова Д.С.* Культурные ландшафты Русского Севера как объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО // Сервису и туризму – инновационное развитие. СПб., 2020. С. 48–51.
3. *Куликова Е.Г.* Оценка состояния земель сельскохозяйственного назначения, выбывших из оборота // Проблемы и мониторинг природных экосистем. Пенза, 2016. С. 93–96.
4. *Трапезникова О.Н.* Исторический анализ динамики земледелия лесной зоны Восточно-европейской равнины // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 2. С. 87–99.

Структура земельных угодий Лекшмозерской дачи государственных крестьян Колодозерской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии по состоянию на 1862 год

Козыкин Александр Владимирович – старший научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; gryllus2007@gmail.com

Петрова Надежда Вячеславовна – научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; fenolog@kenozero.ru

Анализ таблиц подробного вычисления угодий Лекшмозерской дачи Колодозерской волости Каргопольского уезда 1862 г. дал возможность оценить масштабы сельскохозяйственного освоения в прошлом южной части Кенозерского национального парка и увидеть структуру комбинированного лесопольного землепользования.

Ключевые слова: земельные угодья, экспликация земель, межевые планы, структура землепользования, лесопольное земледелие, пашня, перелог, сенокос, выгон, огуменник.

Находящиеся в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК) таблицы подробного вычисления угодий Лекшмозерской дачи Колодозерской волости Каргопольского уезда 1862 г.¹ являлись приложением к межевым планам, списанным в архив в 1957–1959 гг. При утрате картографической основы экспликация угодий не стала «слепым» документом. Таблицы содержат ценную информацию по типам угодий на территории Лекшмозерья в середине XIX в., площадям участков, отнесению их во владение казны и во владение крестьянских обществ отдельно по деревням. Также в таблицах содержатся сведения о топонимах, по большей части ныне забытым. Площади угодий даны в десятинах и квадратных саженьях. В приводимой нами таблице для удобства анализа и сопоставления площади указаны в гектарах.

Суммарные площади угодий и их доля в балансе земель Лекшмозерской дачи по состоянию на 1862 г.

Тип угодий	Площадь, га	Доля, %
Строения	9,46	0,03
Дороги и тропы	163,53	0,60

© Козыкин А.В., Петрова Н.В., 2024

¹Таблицы подробного вычисления угодий к планшетам Лекшмозерской дачи Колодозерской волости Каргопольского уезда 1862 г. // НАРК. Ф. 33. Оп. 3/32, 51/31.

Продолжение табл.

Тип угодий	Площадь, га	Доля, %
Кладбища	0,24	0,00
Улицы	8,87	0,03
Огороды	5,21	0,02
Огуменники	6,62	0,02
Пашня трехпольная удобренная	839,66	3,08
Пашня неудобренная	146,06	0,54
Перелogi лесные	4934,47	18,11
Перелogi кустарниковые	1621,51	5,95
Выгоны чистые	34,00	0,12
Выгоны с кустарником	10,87	0,04
Сенокосы ежегодные	1203,73	4,42
Сенокосы чистые (потные)	8,41	0,03
Сенокосы с кустарником	210,84	0,77
Сенокосы мокрые	6,29	0,02
Сенокосы болотные	8,50	0,03
Хвойный лес по сухому грунту	774,65	2,84
Лиственный лес по сухому грунту	8,15	0,03
Мешаный лес по сухому грунту	482,15	1,77
Хвойный лес по мокрому грунту	4240,05	15,56
Мешаный лес по мокрому грунту	1673,42	6,14
Хвойный лес по болоту	2609,87	9,58
Мешаный лес по болоту	649,20	2,38
Хвойный кустарник по сухому грунту	49,81	0,18
Лиственный кустарник по сухому грунту	39,55	0,15
Мешаный кустарник по сухому грунту	92,85	0,34
Хвойный кустарник по мокрому грунту	44,02	0,16
Мешаный кустарник по мокрому грунту	83,88	0,31
Хвойный кустарник по болоту	23,80	0,09
Лиственный кустарник по болоту	5,43	0,02
Мешаный кустарник по болоту	223,88	0,82

Окончание табл.

Тип угодий	Площадь, га	Доля, %
Болото с кустарником	18,03	0,07
Чистое моховое болото	243,75	0,89
Разливы	3,93	0,01
Озера	6716,54	24,65
Ручьи	36,27	0,13
Пески	1,41	0,01
<i>Всего</i>	<i>27 238,90</i>	<i>100</i>

Суммарная площадь разных типов угодий, перечисленных в архивных таблицах, равна площади контуров, нанесенных на утраченные планшеты межевания. Площади по типам угодий приведены без пропусков (пробелов), что дает объективное представление о структуре землепользования на площади 27 239 га. На иллюстрации представлена диаграмма, отражающая доли угодий Лекшмозерской дачи в общем балансе земель по состоянию на 1862 г.

Перечисленные угодья в таблицах были отнесены ко владениям деревень Морщихинской, Анфаловской, Гужово, Масельги, Думино, Ожегово, Ольшевской, Кайсаровской, Воротниковской, Хвалинской, Вильно (Виленской), Илекинской, Прокошниковской, Казариновской, Ившинской, к церковным владениям и казне.

Необычными для современного взгляда представляются такие типы угодий, как «улицы», «огуменники», «перелог», «сенокосы потные», «разливы», «мешаные леса, мешаные кустарники». В прошлом *улицей* называлась огороженная полоса между полей для прогона скота на выгоны. Косая изгородь по обе стороны улицы оберегала пашни и сенокосы от потравы скотом. Выделение *огуменников* в отдельные участки можно объяснить тем, что на гумнах в Нечерноземье Европейской России часто строились овины для огневой досушки зерна. Устройство овинов в деревнях было опасно, т.к. они часто горели. О таких пожарах, когда выгорали целые деревни, писал С.В. Максимов [1, с. 98].

В словаре В.И. Даля читаем: «Перелог – поле, покинутое для перележки; в трехпольном хозяйстве это пар, паренина, паровое поле, земля под паром; в переложном, перелоговом хозяйстве, это та часть земли, которая при выпашке покидается, для отдыха, на несколько лет: залеж, залог; перелог дернеет на 8–10 лет, и тогда зовется целиной, непашью, степью, новиной...» [2, с. 63]. Иначе говоря, перелог – это форма сельскохозяйственного использования, включающая элемен-

ты подсеčno-огневого земледелия и пашенной трехпольной системы. Перелог фактически был резервным элементом трехпольной системы земледелия. В перелогe периодически производились распахки для компенсации пахотных земель «трехполья», переводившихся в «пар». Как правило, переложные лесные земли отличались меньшим плодородием, достаточно быстро истощались, забрасывались на некоторое время (10–40 лет) под зарастание лесом. Обработка почвы была неглубокой, в основном проводилась бороной-суковаткой, сделанной из ствола ели, и сохой.

Разливами назывались пруды на ручьях перед водяными мельницами, предназначенные для накопления воды. Значение понятия *потный сенокос* авторам настоящей статьи выяснить не удалось, хотя в словаре В.И. Даля есть упоминание о «потных травах» (см. «Саранка»). *Мешаный лес* и *мешаный кустарник* в современном понимании означают лес и кустарниковые пустоши смешанного породного состава.

Весьма необычным, с современной точки зрения, представляется разделение участков лесов и кустарников по категориям – «по сухому грунту», «по мокрому грунту», «по болоту». Здесь можно делать только предположения о типологической структуре описанных межевymi инженерами в 1862 г. лесах.

Весьма показательно сопоставление площадей угодий в общем балансе. Постоянная пашня занимала менее 4 % земель, в то время как перелог охватывал около 24 %. Удивляет невысокая доля выгонов – всего 0,16 %. Вероятное объяснение этому – в использовании в качестве выгонов лесных перелогов. Доля сенокосов довольно значительна – 5,3%, однако хорошие сенокосы занимали 4,5 %. Общая же доля освоенных под сельскохозяйственное использование земель составляла 33,2 % от общего баланса земель. В какой степени были использованы лесные угодья, можно только предполагать.

Результатом обработки таблиц к планам межевания явились также значительные списки топонимов по разным типам угодий. Часто встречающиеся одинаковые названия свидетельствуют о главенстве урочищ и гидронимов в топонимической структуре. Трудность топонимической идентификации участков заключается не только в отсутствии карт, но и в выходе названий из употребления в хозяйственной жизни и быту много десятилетий назад.

Список литературы

1. Максимов С.В. Бродячая Русь Христа-ради: в 7 т. Т. 3. М., 2010.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 2000.

Природоохранная ценность малонарушенных лесов Национального парка «Онежское Поморье»

Коротков Владимир Николаевич — кандидат биологических наук, заведующий отделом, Институт глобального климата и экологии имени академика Ю.А. Израэля; kortkovv@igce.ru

Представлены результаты обследования лесного покрова части территории Национального парка «Онежское Поморье» (окрестности мысов Ухтнаволок, Пертнаволок и Сатанский, Конюховой губы, оз. Б. Выгозеро, Б. Паранино, Паранинское, Пушкозеро, Угольное, Дикое, долины р. Золотицы), а также его проектируемой охранной зоны в окрестностях Семи озер. На территории хорошо сохранились участки старовозрастных лесов, для которых характерны смешанный состав древесного яруса, высокий уровень видового разнообразия и абсолютно разновозрастный древостой. Поставлен вопрос о необходимости расширения территории Национального парка «Онежское Поморье» и создания его охранной зоны, где будут запрещены интенсивные лесозаготовки, которые сейчас ведутся в центральной части полуострова и угрожают сохранности ценных природных комплексов.

Ключевые слова: малонарушенные леса, видовое разнообразие, национальный парк, Онежское Поморье.

Национальный парк «Онежское Поморье», созданный в 2013 г., расположен на севере Онежского полуострова, а также на узких полосах его прибрежной части с запада и востока. Эта территория входит в состав Онежского и Приморского районов Архангельской области и относится к Североевропейской таежной провинции Евразийской таежной области. Одной из задач парка является изучение и сохранение массивов малонарушенных северотаежных лесов, являющихся особо ценными природными объектами.

На Онежском полуострове были выделены две малонарушенные лесные территории площадью более 400 тыс. га [1], однако в состав национального парка вошла только часть этого лесного массива, а остальная территория в настоящее время подвергается лесозаготовкам [2]. Современное состояние лесов во многом определяется историей природопользования. С первой половины XVII в. до второй половины XIX в. на побережье Онежского полуострова развивалось солеварение, что привело к вырубке лесов близ поселений [2]. Площадь сельскохозяйственных угодий была незначительна, а сообщение между селения-

ми проходило вдоль побережья и по морю. Таким образом, на периферии полуострова ландшафты претерпели значительную антропогенную трансформацию, а центральная часть полуострова была слабо затронута хозяйственной деятельностью. После уменьшения спроса на беломорскую соль основными занятиями населения стали рыбная ловля и охота. В XX в. созданные в конце 1920-х – начале 1930-х гг. колхозы были рыболовецкими, а сельское хозяйство только обеспечивало собственные нужды жителей [2].

На территории Национального парка «Онежское Поморье» хвойные леса занимают 96,4 % покрытой лесом площади, в том числе 74,3 % – с преобладанием ели, 22,1 % – с преобладанием сосны. На мелколиственные породы (береза, осина, ольха серая) приходится 3,6 % покрытой лесом площади. Хвойные леса, имеющие возраст более 150 лет, занимают 80 % покрытой лесом площади¹.

В 2014–2015 гг. было проведено геоботаническое обследование части территории – окрестностей мысов Ухтнаволок, Пертнаволок и Сатанский, Конюховой губы, озер Б. Выгозеро, Большое Паранино, Паранинское, Пушкозеро, Угольное, Дикое, долины р. Золотица, а также его проектируемой охранной зоны в окрестностях Семи озер. Район исследований ограничен географическими координатами 64,8285° – 65,1633° с.ш. и 36,5076° – 37,2064° в.д. При выполнении геоботанических описаний и на маршрутах были выборочно взяты керны из стволов деревьев разного диаметра для уточнения возраста древостоев, зафиксированы местонахождения редких видов сосудистых растений, мхов, грибов и лишайников [4, 6, 7]. Геоботанические описания (всего 81 описание) были включены в международную базу данных [9]. К числу интересных флористических находок относятся *Cicerbita alpina* Wallg. и *Cotoneaster antoninae* Juz., которые раньше не отмечались на территории Архангельской области [8].

Древостои малонарушенных лесов национального парка представлены елью сибирской (*Picea obovata* Ledeb.), елью европейской (*Picea abies* (L.) Н. Karst.) и елью финской (*Picea × fennica* (Regel) Kom.), сосной обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) с участием березы пушистой (*Betula pubescens* Ehrh.), осины (*Populus tremula* L.), ольхи серой (*Alnus incana* (L.) Moench.), ивы козьей (*Salix caprea* L.), рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia* L.). Возраст сосны достигает 150–360 лет (максимум – 444 года), возраст елей в разновозрастных еловых древостоях – 200–370 лет (максимум – 402 года), максимальный возраст осины

¹ Эколого-экономическое обоснование и основные положения. Схемы организации и развития Национального парка «Онежское Поморье»: научный отчет: в 2 т. Т. 1 / сост. С.В. Торхов, О.В. Червяков. Петрозаводск, 1999 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 11, 12.

достигает 220–240 лет [5]. Возраст самых старых живых елей в лесах Онежского полуострова превышает 425 лет, а возрастная структура свидетельствует о длительном отсутствии пожаров [10]. Старовозрастные леса такой площади служат местообитаниями для разнообразной фауны, в том числе для крупных видов птиц и млекопитающих, имеющих большие территориальные потребности (десятки квадратных километров) и чувствительных к фактору беспокойства. На этой территории зарегистрированы скопа, орлан-белохвост, большой подорлик, сапсан, серый сорокопуд, занесенные в Красные книги РФ и Архангельской области, а также мохноногий сыч, бородатая неясыть и осоед, включенные в Красную книгу Архангельской области [3].

Результаты обследования территории показали хорошую сохранность лесного покрова Национального парка «Онежское Поморье» [2, 5]. Здесь представлен практически полный набор ассоциаций, характерных для северотаежных лесов: *Linnaeo borealis-Piceetum abietis*, *Rubo chamaemori-Piceetum abietis*, *Aconito septentrionalis-Piceetum obovatae*, *Melico nutantis-Piceetum abietis*, *Cladonio arbusculae-Pinetum boreale*, *Vaccinio vitis-idaeae-Pinetum*, *Oxycocco quadripetali-Pinetum*. Наряду с производными вариантами лесных сообществ, занимающих небольшую площадь, хорошо сохранились участки малонарушенных старовозрастных лесов, для которых характерны смешанный состав древесного яруса, высокий уровень видового разнообразия и абсолютно разновозрастный древостой.

Ельники кустарничково-зеленомошные (*Linnaeo borealis-Piceetum abietis*), как правило, имеют послепожарное происхождение и по набору диагностических видов, относятся к ассоциации *Linnaeo borealis-Piceetum abietis*. В составе древостоев (возраст 180–260 лет) помимо ели обычно примесь *Betula pubescens*, местами отмечена также сосна. В ярусе подроста и подлеска отмечены ель и береза пушистая, а также единичные экземпляры *Sorbus aucuparia* L. и *Juniperus communis* L. В травяно-кустарничковом ярусе содоминируют *Vaccinium myrtillus* L. и *V. vitis-idaea* L., а участие других кустарничков минимально. К константным видам, имеющим небольшое проективное покрытие, относятся *Avenella flexuosa* L., *Linnaea borealis* L., *Luzula pilosa* (L.) Willd., *Maianthemum bifolium* (L.) F.W. Schmidt, *Melampyrum pratense* L., *Orthilia secunda* (L.) House, *Solidago virgaurea* L., *Trientalis europaea* L. В мохово-лишайниковом ярусе доминируют *Hylocomium splendens* и *Pleurozium schreberi*, а лишайники встречаются редко.

Заболоченные ельники долгомошно-сфагновые (*Rubo chamaemori-Piceetum abietis*), достаточно широко распространены на обследованной территории. В состав древесного яруса с сомкнутостью крон 0,3–0,5 входят ель и береза пушистая. Высота деревьев составляет 15–19 м, на высоте 1,3 м диаметр деревьев – 30–35 см, возраст – 200–370 лет.

В подросте преобладает ель с примесью березы пушистой и единичным участием рябины, иногда встречается ольха серая. Проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса составляет 70–90 %; к доминирующим видам относятся *Equisetum sylvaticum* L., *E. palustre* L., *Calamagrostis phragmitoides* C.Hartm., а к константным – *Chamaepericlymenum suecicum* (L.) Asch. & Graebn., *Rubus chamaemorus* L., *Trientalis europaea* L. Проективное покрытие мохового покрова составляет 80–90 %; доминантами являются виды рода *Sphagnum* (*S. girgensohnii* Russow, *S. magellanicum* Brid., *S. warnstorffii* Russow).

Ельники высокотравные (*Aconito septentrionalis-Piceetum obovatae*) отличаются высоким видовым разнообразием и представляют собой наиболее сохранившиеся участки лесов национального парка, приуроченные к водно-ледниковым равнинам и обычно расположенные в нижних и средних частях склонов, а также по берегам водотоков. В состав древесного яруса (сомкнутость крон – 0,3–0,5, помимо ели) обязательно входит *Betula pubescens*, а также средневозрастные и старые генеративные деревья *Sorbus aucuparia* и *Salix caprea* L. Иногда в составе древостоев встречаются *Alnus incana* (L.) Moench и *Populus tremula* L., гораздо реже – *Pinus sylvestris*. Высота деревьев ели достигает 25–30 м, на высоте 1,3 м диаметр деревьев – 45–62 см, возраст – 150–270 лет. В подросте преобладают ель и береза пушистая; местами отмечены также ольха серая, ива козья, рябина, реже осина. Из кустарников изредка встречаются *Daphne mezereum* L., *Juniperus communis*, *Ribes spicatum* E. Robson in With., *Rosa acicularis* Lindl. Проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса составляет 90–100 %; содоминантами в разных соотношениях выступают виды высокотравья (*Aconitum septentrionale* Koelle, *Athyrium filix-femina* (L.) Roth, *Dryopteris expansa* (C. Presl) Fraser-Jenk. & Jermy, *Geranium sylvaticum* L.) и бореального мелкотравья (*Gymnocarpium dryopteris* (L.) Newm., *Equisetum sylvaticum* L., *Phegopteris connectilis* (Michx.) Watt, *Rubus saxatilis* L.). Проективное покрытие мохового яруса варьирует в широких пределах от 5 до 60 %; преобладают *Rhytidiadelphus triquetrus* (Hedw.) Warnst., *Rhizomnium magnifolium* (Horik.) T.J. Kop., *Barbilophozia lycopodioides* (Wallr.) Loeske, а участие *Pleurozium schreberi*, *Hylocomium splendens*, *Dicranum majus*, *Plagiochila porelloides* (Nees) Lindenb. незначительно.

На территории Национального парка «Онежское Поморье» выявлены уникальные участки старовозрастных осиновых лесов (*Melicocnutantis-Piceetum abietis*), которые, по-видимому, сформировались в результате пожаров (об этом свидетельствуют угольки под подстилкой) или после сплошных рубок высокотравных ельников. Осинники представляют собой стадию восстановления еловых лесов. Максимальный возраст деревьев осины достигает 220–240 лет (описаны древостои возрастом от 90 до 240 лет), максимальная высота – 23–25 м,

максимальный диаметр – 90 см. Сомкнутость крон древесного яруса составляет 0,5–0,8. В древостое отмечены также ель, береза пушистая, сосна обыкновенная. Проективное покрытие яруса подроста и подлеска варьирует от 5 до 40 %. В подросте преобладает ель, а доля лиственных деревьев (береза пушистая, рябина обыкновенная, ива козья, осина) обычно невелика. Из кустарников отмечены единичные экземпляры *Daphne mezereum* и *Juniperus communis*. В травяно-кустарничковом ярусе (общее проективное покрытие 95–100 %) содоминантами выступают *Geranium sylvaticum*, *Gymnocarpium dryopteris*, *Rubus saxatilis*, *Lathyrus vernus*, *Vaccinium myrtillus*, *Vaccinium vitis-idaea*, *Maianthemum bifolium*, *Solidago virgaurea*. Осинники отличаются высоким уровнем видового разнообразия. В среднем видовая насыщенность сосудистых растений составляет 32 вида на 100 м², среди которых 26 видов относятся к травам. Проективное покрытие мохового яруса варьирует от 1 до 40 %. Самыми обычными видами мхов являются *Rhytidiadelphus triquetrus*, *Pleurozium schreberi*, *Hylocomium splendens*. Видовая насыщенность мхов составляет около пяти видов на 100 м². На старых осинах обильны эпифитные лишайники, среди которых обычно доминирует *Lobaria pulmonaria* (L.) Hoffm., занесенная в Красные книги России и Архангельской области, а также *Alectoria sarmentosa* (Ach.) Ach., *Lobaria scrobiculata* (Scop.) P. Gaertn., *Nephroma laevigatum* Ach., *Parmelia sulcata* Taylor, *Peltigera canina* (L.) Willd., *Phlyctis argena* (Spreng.) Flot., *Ramalina farinacea* (L.) Ach.

К песчаным приморским террасам приурочены сосняки кустарничковые зеленомошно-лишайниковые и зеленомошные, имеющие по-слепожарное происхождение и несущие следы выборочных рубок. Зеленомошно-лишайниковые сосняки по набору диагностических видов близки к ассоциации *Cladonia arbusculae-Pinetum sylvestris*. Древесный ярус представлен исключительно сосной (*Pinus sylvestris* L.) разного возраста. Высота древостоя составляет 10–16 м, диаметр деревьев варьирует от 14 до 40 см, сомкнутость крон – 0,3–0,5. Возраст сосновых древостоев – 100–250 лет. В подросте преобладает сосна, а ель (*Picea obovata* Ledeb. и/или *P. × fennica* (Regel) Kom.) встречается редко. Из кустарников в небольшом количестве отмечен *Juniperus communis* L. Проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса составляет 60–80 %. Из кустарничков доминируют *Empetrum hermaphroditum* Hagerup и *Vaccinium vitis-idaea* L. с примесью *Arctostaphylos uva-ursi* (L.) Spreng., *Calluna vulgaris* (L.) Hill, *Vaccinium myrtillus* L., *Linnaea borealis* L., а участие трав (*Festuca ovina* L., *Trientalis europaea* L., *Melampyrum pratense* L., *Chamaenerion angustifolium* (L.) Scop.) незначительно. Средняя видовая насыщенность сосудистых растений составляет 11 видов на 100 м², среди которых шесть видов относятся к травам. Хорошо выражен мохово-лишайниковый ярус, в котором содоминиру-

ют зеленые мхи (*Pleurozium schreberi* (Willd. ex Brid.) Mitt., *Hylocomium splendens* (Hedw.) Schimp.) и лишайники (*Cetraria islandica* (L.) Ach., *Flavocetraria nivalis* Kärnefelt & A.Thell, *Cladonia stellaris* (Opiz) Pouzar & Vězda, *Cladonia arbuscula* (Wallr.) Flot., *Cladonia rangiferina* (L.) Weber ex F. H. Wigg). В среднем на площади 100 м² было отмечено около пяти видов зеленых мхов и девяти видов лишайников. Синузия эпифитных лишайников отличается невысоким разнообразием: здесь отмечены *Hypogymnia physodes* (L.) Nyl. и виды рода *Bryoria*.

Сосняки кустарничковые зеленомошные относятся к ассоциации *Vaccinio vitis-idaeae-Pinetum*. Древостои представлены не только сосной, довольно обычны смешанные древостои с участием ели и березы пушистой (*Betula pubescens* Ehrh.). Высота древостои составляет 15–20 м, диаметр деревьев варьирует от 20 до 40 см, сомкнутость крон – 0,3–0,6, возраст – 150–320 лет. В ярусе подроста и подлеска преобладают ель и береза пушистая с небольшим участием *Juniperus communis*. Проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса составляет 60–90 %. Из кустарничков доминируют *Vaccinium myrtillus* и *V. vitis-idaea* с примесью *Empetrum hermaphroditum*, реже *Vaccinium uliginosum* L. Из трав обычно встречаются *Orthilia secunda* (L.) House, *Goodyera repens* (L.) R. Br., *Luzula pilosa* (L.) Willd., *Maianthemum bifolium* (L.) F.W. Schmidt, *Melampyrum pratense* L., *Solidago virgaurea* L., хотя их проективное покрытие невелико. Средняя видовая насыщенность сосудистых растений составляет 14 видов на 100 м², среди которых восемь видов относятся к травам. Зеленые мхи (*Pleurozium schreberi*, *Hylocomium splendens*) занимают доминирующие позиции в ярусе D, а участие лишайников минимально. В среднем на площади 100 м² было отмечено около пяти видов зеленых мхов и два вида лишайников.

Кроме описанных выше сосновых лесов, приуроченных к дренированным местообитаниям, широкое распространение имеют заболоченные сосняки кустарничково-сфагновые, относящиеся к ассоциации *Oxycocco quadripetali-Pinetum sylvestris*.

Результаты геоботанического обследования территории показали хорошую сохранность лесного покрова Национального парка «Онежское Поморье». Здесь представлен практически полный набор ассоциаций, характерных для северотаежных лесов. Наряду с производными вариантами лесных сообществ сохранились участки малонарушенных старовозрастных лесов, для которых характерны смешанный состав древесного яруса, высокий уровень видового разнообразия, разновозрастный состав ценопопуляций древесных видов, гетерогенная структура сообществ, связанная с вывалами и ветроломами старых деревьев.

В настоящее время значительную угрозу природным комплексам Национального парка «Онежское Поморье» представляют концентрированные сплошные рубки в центральной части полуострова. Ожидает-

ся, что интенсивные лесозаготовки приведут к снижению рекреационной и природоохранной ценности национального парка [2]. В речных бассейнах с преобладанием аккумуляции стока прогнозируется усиление заболачивания и задержка лесовосстановления, а в бассейнах с транзитом стока – интенсивная эрозия почвы и эвтрофикация водных экосистем, которая распространится ниже по течению [2]. В связи с этим встает вопрос о необходимости расширения территории Национального парка «Онежское поморье» и создания его охранной зоны, где будут запрещены интенсивные лесозаготовки.

Список литературы

1. Аксенов Д.Е., Добрынин Д.В., Дубинин М.Ю., Егоров А.В., Исаев А.С., Карпачевский М.Л., Лестадис Л.Г., Потапов П.В., Пуреховский А.Ж., Турубанова С.А., Ярошенко А.Ю. Атлас малонарушенных лесных территорий России. М., 2003.
2. Браславская Т.Ю., Колбовский Е.Ю., Есипова Е.С., Коротков В.Н., Немчинова А.В., Чуракова Е.Ю., Козыкин А.В., Кулясова А.А., Алейников А.А. Ландшафтно-бассейновый подход в экологической оценке малонарушенных лесов Онежского полуострова // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Т. 84, № 6. С. 905–919.
3. Волков А.Е., Волкова Е.В. Изучение состояния популяций редких видов птиц национального парка «Онежское Поморье» // Научные исследования редких видов растений и животных в заповедниках и национальных парках Российской Федерации за 2005–2014. Вып. 4. М., 2015. С. 434–437.
4. Волкова Е.В., Коротков В.Н., Волков А.Е. Национальный парк Онежское Поморье. Выявление и изучение состояния популяций редких видов растений и грибов, разработка мер по их сохранению // Научные исследования редких видов растений и животных в заповедниках и национальных парках Российской Федерации за 2005–2014. Вып. 4. М., 2015. С. 432–434.
5. Коротков В.Н. Видовое и ценотическое разнообразие малонарушенных лесов национального парка «Онежское Поморье» // Принципы и способы сохранения биоразнообразия. Йошкар-Ола, 2015. С. 169–171.
6. Коротков В.Н., Пчёлкин А.В. Первичные сведения о лихенобиоте национального парка Онежское Поморье // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Естественные науки. 2016. № 3. С. 35–44.
7. Софронова Е.В., Афонина О.М., Андреева Е.Н., Бельдиман Л.Н., Безгодов А.Г., Боровичев В.А., Бойчук М.А., Чепинога В.В., Чернядьева И.В., Дорошина Г.Я., Дулин М.В., Федосов В.Э., Флатберг К.И., Галанина О.В., Гинзбург Э.Г., Гришуткин О.Г., Гришуткина Г.А., Игнатов М.С., Игнатова Е.А., Колтышева Д.Е., Константинова Н.А., Коротеева Т.И., Коротков В.Н., Кривобоков Л.В., Кучера Я., Кучеров И.Б., Кукуручкин Г.М., Кушневская Е.В., Кузьмина Е.Ю., Лапшина Е.Д., Максимов А.И., Максимова Т.А., Мамонтов Ю.С., Николаев И.А., Носкова М.Г., Нотов А.А., Филиппов Д.А., Попова Н.Н., Потёмкин А.Д., Савченко А.Н., Смагин В.А., Телеганова В.В., Тубанова Д.Я. Новые бриологические находки // Арктоа. 2016. Т. 25, № 1. С. 183–228.
8. Шмидт В.М. Флора Архангельской области. СПб., 2005.

9. Jašková A., Braslavskaya T.Y., Tikhonova E., Paal J., Rūsiņa S., Laiviņš M., Kucherov I.B., Genikova N.V., Knollová I., Chernenkova T.V., Churakova E.Yu., Diekmann M., Halvorsen R., Kirichok E.I., Korotkov V.N., Kryshen A.M., Lugovaya D.L., Morozova O.V., Potapov P.V., Prokazina T.S., Schei F.H., Semishchenkov Y.A., Shevchenko N.E., Sidorova O.V., Smirnov N.S., Smirnova O.V., Tsvirko R., Turubanova S.A., Chytrý M. European boreal forest vegetation database // *Phytocoenologia*. 2020. Vol. 50, no. 1. P. 79–92.

10. Wallenius T.H. Forest age distribution and traces of past fires in a natural boreal landscape dominated by *Picea abies* // *Silva Fennica*. 2002. Vol. 36, no. 1. P. 201–211.

Перспективные объекты биомониторинга растительности приливно-отливной зоны Белого моря в Национальном парке «Онежское Поморье»

Мосеев Дмитрий Сергеевич – научный сотрудник, Институт океанологии имени П.П. Ширшова Российской академии наук; viking029@yandex.ru

Брагин Альберт Владимирович – начальник отдела природных комплексов и объектов, Национальный парк «Кенозерский»; aaraboloto@yandex.ru

Футоран Павел Александрович – старший государственный инспектор в области охраны окружающей среды, Национальный парк «Кенозерский»; blaid008@yandex.ru

Махнович Наталья Михайловна – научный сотрудник, Институт океанологии имени П.П. Ширшова Российской академии наук; nmakhnovich@yandex.ru

В публикации представлены объекты растительности побережья Онежского полуострова, за состоянием популяций и сообществ которых рекомендуется контроль на территории Национального парка «Онежское Поморье». В первую группу мониторинга включены виды, охраняемые на территории Архангельской области: *Blysmus rufus*, *Puccinellia phryganodes*, *Puccinellia maritima*, *Ruppia maritima*, *Rhodiola rosea*, *Tolypella normaniana*. Вторую группу составляют редкие сообщества. Также рекомендуется охрана пионерных сообществ *Salicornietum europeae* и уникальных сообществ «подводных лугов» Белого моря – *Zosteretum maritimae*.

Ключевые слова: биомониторинг, охраняемые виды, редкие сообщества, марши, Белое море.

Биомониторинг включает контроль и наблюдения за объектами живой природы и является важной частью регулярных исследовательских работ на особо охраняемых природных территориях. В Национальном парке «Онежское Поморье» проводятся регулярные наблюдения за миграциями перелетных птиц, контроль над их численностью [14, 17]. Следует отметить мониторинговые наблюдения над внесенной в Красную книгу России [8] родиолой розовой и ее сообществами на мысе Сатанском у д. Летняя Золотица [6]. Однако регулярные наблюдения на особо охраняемых природных территориях за редкими и охраняемыми видами, растительными сообществами, пресноводным и мор-

ским бентосом и планктоном недостаточны. В публикации названия видов сосудистых растений приведены согласно сводке [15], названия растительных ассоциации даны с позиции эколого-фитоценотического подхода [13].

Территория парка расположена вдоль побережья Белого моря на Онежском полуострове. Все организмы береговой зоны тесно взаимосвязаны между собой и могут выступать различными объектами мониторинга [12]. На берегах в весенние и осенние миграции останавливаются многочисленные стаи птиц, в прибрежье обитают разнообразные морские организмы. Береговая зона парка покрыта галофитной растительностью, основными местообитаниями сообществ которой являются марши и пляжи. Пляжи и дюны расположены на обширных полосах побережья с выраженным волноприбойным воздействием [10]. В устьях рек и вершинах заливов расположены марши [11]. Это низкие берега, которые образуются в результате приноса приливом взвешенных и влекомых наносов в приливно-отливную зону моря. Они покрыты галофитной субаэральной растительностью, хорошо переносящей накопление солей в грунте и соленую воду [9].

Некоторые виды растений, обитающих на побережье Белого моря, включены в Красную книгу Архангельской области (2020 г.). К ним относятся: *Blysmus rufus*, *Puccinellia phryganodes*, *Puccinellia maritima*, *Ruppia maritima*, *Rhodiola rosea*, *Tolypella normaniana* (см. таблицу). Эти виды составляют первую наиболее важную для наблюдений группу мониторинга. Необходим контроль над их численностью и состоянием популяций. Так как численность вида растения не является точным показателем, можно учитывать его проективное покрытие на единицу площади. Для контроля над состоянием популяции желателен отбор нескольких экземпляров растений для учета биоморфологических показателей и выявления болезней. Если популяция небольшая, то эти показатели по возможности следует выявлять в полевых условиях. В сентябре 2020 г. в устье р. Луда Унской губы на территории Кенозерского национального парка был обнаружен новый в России вид водоросли *Tolypella normaniana*, который также требует охраны и внесен в список видов бионадзора Архангельской области¹.

В гетерогенных условиях приливно-отливной зоны формируются растительные сообщества, которые подвержены многим негативным воздействиям, связанным как с природными, так и с антропогенны-

¹ Протокол Министерства природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области по редким и находящимся под угрозой исчезновения животным, растениям и иным организмам на территории Архангельской области. № 8. От 20 апреля 2021 г. // Архив Министерства природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области.

ми процессами. Это нефтяные разливы, экстремальные штормовые нагоны, разрушения береговой полосы штормами, из-за которых такие сообщества часто претерпевают изменения в видовом составе и структуре, что требует контроля и регулярных наблюдений над их экологическим состоянием. Среди них вторую группу биомониторинга составляют сообщества ассоциаций с доминированием редких видов, включенных в Красную книгу Архангельской области [7]: *Blysmetum rufi*, *Puccinellietum phryganodis*, *Ruppiaetum maritimae*, *Rhodioletum roseosum* (ил. 1). Исследовать экологическое состояние таких сообществ рекомендуется геоботаническим методом с закладыванием пробных площадей в пределах фитоценозов с однородными условиями произрастания. На пробных площадях следует проводить учет всех геоботанических параметров: видового состава, общего проективного покрытия, проективного покрытия видов, высоты ярусов. Для изучения влияния изменения абиотической среды можно исследовать химический состав почв (путем отбора анализов на наиболее важные для растений биогенные вещества – содержание соединений азота и фосфора, калия, серы), а также проверять почвы на соленость и pH – важные факторы, влияющие на состав и структуру приморской растительности. Также следует изучать влияние приливов. Такие сообщества очень уязвимы к воздействию штормовых нагонов и влиянию нефтяных разливов.

Большие площади на осушках маршей Унской губы и у мыса Чесменский занимают сообщества ассоциации *Salicornietum europaeae* (ил. 2). Это первые (пионерные) сообщества на осушках, способствующие формированию маршей, образованию сообществ других стадий сукцессии галофитной растительности. Именно поэтому требуется контроль над геоботаническими параметрами сообществ и биологическими параметрами растений путем закладывания геоботанических площадей в пределах фитоценозов (как и для редких сообществ).

На нижней и верхней литорали Унской губы и вдоль побережья Онежского залива обычны сообщества морской травы zostеры из ассоциации *Zosteretum maritimae* (ил. 3). Они образуют уникальные для Белого моря «подводные луга», которые являются биоценозом для различных видов моллюсков, служат важнейшим субстратом нереста беломорской сельди [5]. Известно, что в 1960-х гг. произошла массовая гибель zostеры морской в Белом море. Основной причиной гибели принято считать поражение сообществ zostеры миксомицетом *Labirintula* [3]. В настоящее время происходит восстановление сообществ zostеры в Белом море. Наиболее достоверные сведения об этом получены в отношении западного побережья моря [4, 16]. Сведения о развитии и восстановлении сообществ *Zosteretum maritimae*

в прибрежье Белого моря у Онежского полуострова пока неполные. В Унской губе zostера образует крупные сообщества у мыса Маймин, в Кинжугской губе, у полуострова Заяцкий. У берегов Онежской губы в настоящее время известны поселения морской травы в устье р. Вейга, у мыса Чесменский [10]. Визуальные наблюдения показывают, что локально zostера встречается на литорали вдоль всего Онежского берега. Ранее имелись сведения о произрастании zostеры в губе Ухта [3]. Мониторинг сообществ ассоциации *Zosteretum maritimae* необходим для получения данных о восстановлении вида в Белом море и возможном образовании паразитических инвазий в популяциях вида, а также для контроля над нерестилищами беломорской сельди.

Рекомендуемые объекты биомониторинга растительности побережий в Национальном парке «Онежское Поморье»

Объект	Местонахождения	Место-обитания	Причина наблюдений
Виды			
Поточник рыжий – <i>Blysmus rufus</i>	Мыс Чесменский, Унская губа (мыс Сосновый), губа Мокрая	Марши	Вид внесен в Красную книгу Архангельской области (2020 г.): категория 3 – редкий вид
Бескильница ползучая – <i>Puccinellia phryganodes</i>	Мыс Чесменский, Унская губа (устье р. Кинжуга, п-ов Заяцкий), устье р. Вейга, губа Мокрая	Марши	Вид внесен в список бионадзора Красной книги Архангельской области (2020 г.)
Бескильница приморская – <i>Puccinellia maritima</i>	Мыс Чесменский, устье р. Вейга, губа Мокрая, мыс Юхновский наволоок	Марши	Вид внесен в список бионадзора Красной книги Архангельской области (2020 г.)
Руппия морская – <i>Ruppia maritima</i>	Мыс Чесменский, устье р. Вейга, губа Мокрая, Унская губа, мыс Юхновский наволоок	Осушки приливно-отливной зоны	Вид внесен в список бионадзора Красной книги Архангельской области (2020 г.)

Объект	Местонахождения	Место-обитания	Причина наблюдений
Родиола розовая – <i>Rhodiola rosea</i>	Мыс Сатанский	Каменисто-песчаный пляж	Вид внесен в Красную книгу Российской Федерации (2008 г.), Красную книгу Архангельской области (2020 г.): категория 3 – редкий вид
Фиалка приморская – <i>Viola maritima</i>	Мыс Чесменский, устье р. Котова, мыс Сатанский, губа Мокрая	Пески береговых валов	Новый вид для флоры Архангельской области
Толипелла Нормана – <i>Tolypella normaniana</i>	Унская губа, рядом с д. Лудой	Осушки приливо-отливной зоны	Охраняемый вид на территории области
Сообщества			
Поточника рыжего – <i>Blysmetum rufi</i>	Мыс Чесменский	Марши	Редкие сообщества на территории Архангельской области
Бескильницевые – <i>Puccinellietum phryganodis</i>	Мыс Чесменский, Унская губа (устье р. Кинжуга, п-ов Заяцкий), устье р. Вейга	Марши	Редкие сообщества на территории Архангельской области
Руппиевые – <i>Ruppium maritima</i>	Мыс Чесменский, устье р. Вейга, губа Мокрая, мыс Юхновский наволок	Марши	Редкие сообщества на территории Архангельской области
Родиоловые – <i>Rhodiolum roseosum</i>	Мыс Сатанский	Каменисто-песчаный пляж	Редкие сообщества на территории Архангельской области
Солереса европейского – <i>Salicornietum europeae</i>	Губа Мокрая, мыс Чесменский, устье р. Котова, устье р. Вейга, Унская губа (устье р. Луда, п-ов Заяцкий)	Марши	Пионерные сообщества на осушках маршей

Объект	Местонахождения	Место-обитания	Причина наблюдений
Зостеры морской – <i>Zosteretum maritimae</i>	Губа Мокрая, мыс Юхновский наволок, осушки рядом с устьями р. Котова и Вейга, Унская губа	Нижняя и средняя литораль, литоральные ванны, верхняя сублитораль	Восстанавливающиеся сообщества после массовой гибели ценозообразователя <i>Zostera marina</i> в 1960-х гг. Подвержены гибели по биологическим причинам. Являются важными составляющими фитобентоса Белого моря. Субстрат нереста беломорской сельди

Биоценозы берегов очень уязвимы к значительным негативным природным и антропогенным воздействиям. Пляжи и марши подвергаются разрушительному действию штормов и штормовых нагонов, которые приводят не только к изменению в составе сообществ, но и к их полному уничтожению. В системе ESI (индекс экологической чувствительности) [1] это самые уязвимые к нефтяным разливам берега. Влияние нефтяных разливов может долгое время сказываться на состоянии растительного покрова, его восстановление продолжается долгие годы. Эти причины также являются важным поводом для сохранения уникальных биоценозов приливно-отливной зоны.

Список литературы

1. Блиновская Я.Ю., Гаврило М.В., Дмитриев Н.В., Погребов В.Б., Пузаченко А.Ю., Усенков С.М., Книжников А.Ю., Пухова М.А., Шилин М.Б., Семанов Г.Н. Методические подходы к созданию карт экологически уязвимых зон и районов приоритетной защиты акваторий с берегов Российской Федерации от разливов нефти и нефтепродуктов. М., 2012.
2. Вехов Н.В. Зостера морская (*Zostera marina* L.) Белого моря. М., 1992.
3. Гемп К.П. Сырьевые запасы морских водорослей и трав и перспективы дальнейшего развития их промысла в Белом море // Труды Всесоюзного совещания работников водорослевой промышленности СССР: в 2 т. Т. 1. Архангельск, 1962.
4. Горенко В.А., Фролов С.Б., Березина М.О., Левицкий А.Л. Значение зостеры морской (*Zostera marina* L.) как субстрата для нереста беломорской сельди // Материалы Международной научной конференции по водным макрофитам «Гидроботаника 2020». Борок, 2020. С. 40–42.
5. Дровнина С.И., Петрова Н.В. Особенности половой структуры популяций охраняемого вида родиола розовая (*Rhodiola rosea* L.) на Летне-Золотицком

участке Национального парка «Онежское Поморье» в 2021 году // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 457–461.

6. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.

7. Красная книга Российской Федерации. Архангельск, 2008.

8. *Леонтьев О.К., Никифоров Л.Г., Сафьянов Г.А.* Геоморфология морских берегов. М., 1975.

9. *Мосеев Д.С.* Некоторые особенности развития маршевых берегов Белого и Баренцева морей // Геология морей и океанов. М., 2017. С. 245–249.

10. *Мосеев Д.С., Махнович Н.М., Березина М.О., Брагин А.В.* «Подводные луга» зостеры (*Zostera marina* L.) в эстуариях Онежского и Двинского заливов Белого моря // Геология морей и океанов. М., 2022. С. 253–257.

11. *Мосеев Д.С., Махнович Н.М., Брагин А.В., Покровская И.В., Фоторан П.А., Бабушкин М.В., Козыкин А.В., Баянов Н.Г., Пилипенко А.В., Пилипенко С.В.* Биомониторинг побережья Белого моря на Онежском полуострове // XXIX Береговая конференция: Натурные и теоретические исследования – в практику берегопользования. Калининград, 2022. С. 257–259.

12. *Мосеев Д.С., Яковлев А.Е., Фоторан П.А.* О маршах побережья Белого моря на Онежском полуострове // Геология морей и океанов. М., 2022. С. 258–262.

13. *Неиштаев В.В.* Проект Всероссийского кодекса фитоценологической номенклатуры // Растительность России. 2001. № 1. С. 62–70.

14. *Покровская И.В., Брагин А.В.* Особенности новейших изменений орнитофауны в южном Беломорье // Кенозерские чтения – 2021: Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 512–520.

15. *Черепанов С.К.* Сосудистые растения России и сопредельных государств. СПб., 1995.

16. *Шкляревич Г.А.* Восстановление зарослей *Zostera marina* L. в Кандалакшском заливе Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Естественные и технические науки. 2014. № 4. С. 13–18.

17. *Etz W., Teritski G., Kays R., Mueller U., Wikelski M. et al.* Biological Earth observation with animal sensors // Trends in Ecology and Evolution. 2022. Vol. 37, no. 4. P. 293–298.

Различия лишенобиоты олиготрофных верховых болот двух растительно-климатических зон¹

Пчёлкин Алексей Васильевич — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук; pchelkin@igras.ru

В статье приведены результаты сравнительного анализа видового состава и биогеографического анализа доминирующих видов лишайников двух олиготрофных болот: Кузнецовского болота, расположенного в заказнике «Лекшмох» Архангельской области, и Галкинского болота в Национальном парке «Угра» Калужской области.

Ключевые слова: верховые олиготрофные болота, лишайники, заказник «Лекшмох», Национальный парк «Угра».

Болота играют важную роль в функционировании экосистем в целом. Особенно важна роль болотных экосистем в процессе декарбонизации. Болотные экосистемы наряду со степными характеризуются накоплением и складированием связанного углерода в отличие, например, от лесных экосистем, в которых при достижении климаксовых сообществ накопление углерода прекращается, а процессы накопления углерода практически становятся равны его выделению (ил. 1). Так, в тропических лесах почти отсутствует лесная подстилка, а в лесах умеренного пояса она незначительна. В болотных экосистемах процесс декарбонизации выражается в непрерывном накоплении торфяных отложений, которые могут достигать значительных величин. Доказана огромная регулирующая роль болот в водном балансе, нормализации гидрологического режима для естественной среды обитания многих редких видов животных и растений. Лишайники являются признанными индикаторами состояния сообществ, и поэтому оценка их состояния представляется важной компонентой общей биоиндикации.

Сравнение проведено по доминантам лишенобиоты Галкинского олиготрофного верхового болота в Калужской области (Национальный природный парк «Угра») и олиготрофного болота аапа-типа в Архангельской области (Кузнецовское болото, заказник «Лекшмох»). Боло-

© Пчёлкин А.В., 2024

¹ Обследование Кузнецовского болота (заказник «Лекшмох») проведено по договору с Национальным парком «Кенозерский»; сравнение с лишенобиотой Галкинского болота (Национальный парк «Угра») — по теме госзадания FMWS-2024-0007 «Биотические, географо-гидрологические и ландшафтные оценки окружающей среды для создания основ рационального природопользования».

то в Калужской области расположено в природно-растительной зоне смешанных и широколиственных лесов, болото же в Архангельской области принадлежит таежной природно-растительной зоне, которая в западной части Восточно-Европейской (Русской) равнины граничит на юге с зоной смешанных и широколиственных лесов, а восточнее Нижнего Новгорода – с лесостепной зоной. Верховые болота в Калужской области находятся на южном пределе сплошного распространения. Галкинское болото образовалось на месте бывших торфоразработок и расположено в центре заповедного Галкинского леса, представляющего европейский смешанный хвойно-широколиственный лес, где соседствуют липа, дуб, ель и сосна. Кузнецовское болото расположено на территории Государственного природного комплексного (ландшафтного) заказника регионального значения «Лекшмох» (Архангельская обл.), примыкающего к границам Национального парка «Кенозерский», в 82-м и 83-м кварталах Каргопольского участкового лесничества [2, с. 38–49]. Обследование лишенобиоты болотных экосистем проведено методом маршрутного учета на соснах и березах (ил. 2).

В таблице приведено сравнение доминирующих видов лишайников.

Доминирующие виды лишайников двух верховых болот

Вид лишайника	Болото	
	Кузнецовское	Галкинское
<i>Amandinea punctata</i> (Hoffm.) Coppins et Scheard.	+	–
<i>Bryoria furcellata</i> (Fr.) Brodo & D. Hawksw.	+	–
<i>Bryoria fuscescens</i> (Gyeln.) Brodo & D. Hawksw.	+	–
<i>Cetraria sepincola</i> (Ehrh.) Ach.	–	+
<i>Cladonia arbuscula</i> (Wallr.) Flot.	+	–
<i>Cladonia botrytes</i> (K. G. Hagen) Willd.	+	+
<i>Cladonia coniocraea</i> (Floerke) Spreng.	+	+
<i>Cladonia digitata</i> (L.) Hoffm.	+	+
<i>Cladonia fimbriata</i> (L.) Fr.	+	+
<i>Cladonia pleurota</i> (Floerke) Schaer.	+	–
<i>Cladonia rangiferina</i> (L.) Weber ex F. H. Wigg.	+	–
<i>Evernia prunastri</i> (L.) Ach.	–	+
<i>Evernia mesomorpha</i> Nyl.	+	+
<i>Hypocenomyce scalaris</i> (Ach.) M. Choisy	–	+
<i>Hypogymnia physodes</i> (L.) Nyl.	+	+
<i>Imshaugia aleurites</i> (Ach.) S. L. F. Meyer	+	–
<i>Lecanora pulicaris</i> (Pers.) Ach.	–	+
<i>Lecanora symmicta</i> (Ach.) Ach.	+	+

Вид лишайника	Болото	
	Кузнецовское	Галкинское
<i>Melanohalea olivacea</i> (L.) O. Blanco et al.	+	+
<i>Melanohalea septentrionalis</i> (Lynge) O. Blanco et al.	+	—
<i>Mycoblastus sanguinarius</i> (L.) Norman	+	—
<i>Parmelia sulcata</i> Taylor	+	+
<i>Parmeliopsis ambigua</i> (Wulfen) Nyl.	+	—
<i>Parmeliopsis hyperopta</i> (Ach.) Arnold	+	—
<i>Physcia stellaris</i> (L.) Nyl.	—	+
<i>Platismatia glauca</i> (L.) W. L. Culb. & C. F. Culb.	+	—
<i>Pseudevernia furfuracea</i> (L.) Zopf.	+	—
<i>Usnea hirta</i> (L.) Weber ex F.H.Wigg.	+	—
<i>Usnea subfloridana</i> Stirt.	+	—
<i>Vulpicida pinastri</i> (Scop.) J.-E. Mattsson & M. J. Lai	+	—
<i>Xanthoria parietina</i> (L.) Th.Fr.	—	+
Всего видов-доминантов	25	15

Для сравнительного анализа доминирующих видов двух олиготрофных болот был использован показатель сходства между двумя наборами данных — коэффициент сходства Жаккара:

$$K_j = c / (a + b - c),$$

где c — число общих видов для Кузнецовского и Галкинское болот, a — число доминантов для Кузнецовского болота, b — число доминантов для Галкинское болота.

Коэффициент сходства Жаккара по доминирующим видам для сравниваемых олиготрофных болот равен 0,43.

Географический анализ является важным инструментом лихенологических исследований, позволяющим разобраться в особенностях формирования и современных связях изучаемой лихенобиоты, определить идущие в ней в настоящее время процессы. Такой анализ дает возможность проследить направления доминирующих миграционных потоков в прошлом и настоящем, а также выявить комплекс эндемичных видов и оценить современную степень специфичности лихенобиоты. В основном такой анализ производят на основании максимально полного списка выявленных видов. В нашем случае проведение географического анализа основано на доминирующих видах лишайников.

В отечественной лихенологии во второй половине XX — начале XXI в. географический анализ лихенобиоты в основном проводится на зональной и региональной основах [1, 3, 4]. При зональном анализе выделяют географические элементы флоры — группировки видов, име-

ющих сходное распространение и более или менее выраженный центр либо область массовости в пределах определенной растительно-климатической зоны, а также ее высотного пояса в горах, для которых эти виды являются характерными по фитогеографическим параметрам. Региональный анализ базируется на изучении особенностей ареалов лишайников и на выделении ареалогических групп. В отличие от зонального при региональном анализе ареалы видов группируются не по центрам массовости, а по широте охвата регионов земли. Региональный принцип позволяет определить уровень специфичности изучаемой лишайнобиоты. Результаты географического анализа показаны на ил. 3.

Сравнение по географическим элементам флоры лишайнобиоты показало, что для мультizonального, бореального и мультирегионального элементов коэффициент сходства Жаккара равен 0,30, а для голарктического элемента он составляет 0,29. Для видовой структуры этот параметр равен 0,43. На видовом уровне отмечены различия: если на Кузнецовском болоте обычны представители рода *Bryoria*, а особенно массовым видом является *Bryoria furcellata*, то на Галкинском болоте виды этого рода полностью отсутствуют и не найдены такие виды, как *Pseudevernia furfuracea*, *Mycoblastus sanguinarius*, представители рода *Cladonia subg. Cladina* и др. В то же время на Галкинском болоте найдены *Xanthoria parietina*, *Evernia prunastri*, отсутствующие на Кузнецовском олиготрофном болоте аапа-типа. По-видимому, на видовой состав лишайников болот значительное влияние оказывает флористический спектр лишайнобиоты прилегающих территорий, как в случае с Кузнецовским болотом, вплотную примыкающим к Национальному парку «Кенозерский» [5]. По зональному анализу лишайнобиоту Кузнецовского и Галкинского болот можно охарактеризовать как бореально-мультizonальную, по региональному – как голарктически-мультireгиональную.

Список литературы

1. Голубкова Н.С. Анализ флоры лишайников Монголии. Л., 1983.
2. Пчёлкин А.В. Первичные сведения о лишайнобиоте Государственного природного заказника «Лекшмох» // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. 2019. Т. 31, № 3–4. С. 38–49.
3. Трасс Х.Х. Анализ лишайнофлоры Эстонии: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Тарту, 1968.
4. Урбанавичюс Г.П. Как определить географический элемент лишайников // Труды Первой Российской лишайнологической школы. Петрозаводск, 2001. С. 223–237.
5. Pchelkin A.V., Tarasova V.N., Valekzhanin A.A. The lichens and allied fungi of the southern part of the Kenozersky National Park (Arkhangelsk Region, NW Russia) // Folia Cryptogamica Estonica, Estonian Naturalist's Society (Estonia). 2021. Vol. 58. P. 145–164.

Пчелы Онежского полуострова: фауна, экология и охрана

Потапов Григорий Сергеевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; grigorij-potapov@yandex.ru

Футоран Павел Александрович – старший государственный инспектор в области охраны окружающей среды – охотовед, Национальный парк «Кенозерский»; blaid008@yandex.ru

Колосова Юлия Сергеевна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; kolosova_arkh@mail.ru

В статье представлены результаты многолетних исследований фауны и экологии пчел Онежского полуострова. Зарегистрировано 25 видов пчел из семейств Andrenidae, Colletidae, Megachilidae и Apidae. Основу изученной фауны составляют виды с широкими ареалами, что типично для таежной зоны Европейского Севера России. Ряд видов является достаточно уязвимым к антропогенному воздействию, что требует проведения мониторинговых исследований о состоянии популяций.

Ключевые слова: пчелы, ареалы, Европейский Север России, Архангельская область, биотопическая приуроченность.

Несмотря на длительную историю изучения пчел в России, некоторые регионы все еще изучены достаточно фрагментарно. К ним относятся и Архангельская область. Для данного региона из представителей надсемейства Apoidea детально исследованы только шмели [7]. При этом все еще остается ряд районов Архангельской области, по которым имеются лишь отдельные сведения, в том числе и в отношении шмелей. Одна из таких малоизученных территорий – Онежский полуостров. Благодаря имеющимся коллекционным материалам известны немногочисленные сборы начала XX в. [7]. Недавними считаются данные из низовий р. Онеги [2] и западной части Онежского полуострова [3].

В настоящем исследовании мы представляем информацию о распространении и экологии пчел семейств Andrenidae, Colletidae, Megachilidae и Apidae на территории Онежского полуострова. Данные группы пчел играют важную роль в качестве опылителей многих видов энтомофильных растений, что требует разработки мер охраны разнообразия пчел в исследуемом регионе.

В ходе проведения настоящих исследований изучены коллекции Российского музея центров биологического разнообразия Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики Уральского отделения РАН и Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, собранные за период 2000–2022 гг.

Согласно результатам наших исследований, на территории Онежского полуострова и прилегающих районов в низовьях р. Онеги зарегистрировано 25 видов пчел из семейств Andrenidae, Colletidae, Megachilidae и Apidae. Среди зарегистрированных видов, большинство (19 видов) составляют шмели (род *Bombus*). Отмечено также 4 вида мегахилид (рода *Coelioxys* и *Megachile*), по одному виду из андренид (род *Andrena*) и коллетид (род *Colletes*). Основу фауны пчел Онежского полуострова составляют виды с широкими ареалами (преимущественно транспалеаркты с температурным типом широтного ареала), что типично для таежной зоны Европейского Севера России и, в целом, обусловлено миграционным характером биоты Фенноскандии [4].

В сравнении с низовьями р. Онеги фауна шмелей Онежского полуострова более бедная ввиду отсутствия в ее составе ряда видов южных фаунистических элементов, например *B. rupestris* (Fabricius 1793) и *B. sichelii* Radoszkowski 1860 [2]. Данные виды характерны прежде всего для вторичных антропогенных лугов, которые на Онежском полуострове представлены в меньшей степени, чем в низовьях р. Онеги. Подобные закономерности хорошо известны для исследуемого региона и ранее были неоднократно детально проанализированы [4].

Обращает на себя внимание присутствие на Онежском полуострове *B. consobrinus* Dahlbom 1832. По данным скандинавских авторов [6], на территории Фенноскандии *B. consobrinus* известен как узкий олиголект, т.е. он имеет четкую трофическую специализацию, поскольку фуражирует на аконите (борце) северном (*Aconitum septentrionale*) [6]. По этой причине в Фенноскандии и ближайших к ней территориях распространение *B. consobrinus* повторяет дизъюнкции ареала аконита [6]. Типичные местообитания в Архангельской области, где регистрируются фуражирующие особи *B. consobrinus*, представляют собой обочины лесных дорог и луговые местообитания с аконитом вдоль различных типов леса, прежде всего ельников [8]. Закономерно его присутствие на Онежском полуострове, где характерны малонарушенные таежные сообщества. Вид занесен в Красную книгу Архангельской области, в силу его уязвимости к антропогенному фактору, приводящему к разрушению естественных местообитаний [1].

По сравнению с соседними регионами Европейского Севера (Финляндией и Карелией) на территории Онежского полуострова и в целом на северо-западе Архангельской области зарегистрировано значительно меньше видов пчел из семейств Andrenidae, Colletidae, Megachilidae

[9]. Очевидно, что дальнейшие исследования позволят увеличить число видов из данных групп для исследуемого региона.

Для некоторых видов пчел из представленных групп наблюдается снижение численности в Финляндии, и они классифицируются как находящиеся под угрозой исчезновения или вымершие на региональном уровне [5]. Наши данные не позволяют нам адекватно оценить редкость этих видов на Онежском полуострове. Однако очевидно, что наблюдается более низкое обилие андренид, коллетид и мегахилид по сравнению со шмелями на северо-западе Архангельской области, что требует постоянного мониторинга их популяций. Возможное сокращение численности пчел под воздействием антропогенного фактора может иметь такие последствия, как возможное исчезновение некоторых видов из региональной фауны. Будущие исследования должны быть направлены на более детальное изучение местной фауны пчел. Это позволит увеличить число зарегистрированных видов пчел и более подробно выяснить особенности их экологии в целях разработки дальнейших мер охраны.

Список литературы

1. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.
2. *Потапов Г.С., Колосова Ю.С., Пинаевская Е.А.* Новые сведения о фауне шмелей (Hymenoptera: Apidae) Онежского района Архангельской области // Труды Карельского научного центра РАН. Биогеография. 2021. № 8. С. 90–96.
3. *Хумала А.Э., Полевой А.В.* К познанию энтомофауны Национального парка «Онежское Поморье» // Труды Карельского научного центра РАН. Биогеография. 2022. № 1. С. 21–48.
4. *Шварцман Ю.Г., Болотов И.Н.* Пространственно-временная неоднородность таежного биома в области плейстоценовых материковых оледенений. Екатеринбург, 2008.
5. *Hyvärinen E., Juslén A., Kemppainen E., Uddström A., Liukko U.M.* Suomen lajien uhanalaisuus. Punainen kirja 2019. Helsinki, 2019.
6. *Pekkarinen A., Teräs I.* Zoogeography of *Bombus* and *Psithyrus* in North-Western Europe (Hymenoptera, Apidae) // *Annales Zoologici Fennici*. 1993. Vol. 30, no. 3. P. 187–208.
7. *Potapov G.S., Kolosova Yu.S.* Fauna of bumblebees (Hymenoptera: Apidae: *Bombus* Latr.) in the mainland part of Arkhangelsk Region, NW Russia // *Annales de la Société entomologique de France* (N.S.). 2016. Vol. 52, no. 3. P. 150–160.
8. *Potapov G.S., Kolosova Yu.S.* The distribution of *Bombus* (*Megabombus*) *consobrinus* Dahlbom, 1832 (Hymenoptera: Apidae) in Northern European Russia // *Fauna norvegica*. 2021. Vol. 41. P. 27–33.
9. *Söderman G., Leinonen R.* Suomen mesipistiäiset ja niiden uhanalaisuus. Helsinki, 2003.

Исследование происхождения гибридогенного вида — эндемика побережий Онежского залива × *Leymotrigia bergrothii* с использованием методов секвенирования ДНК следующего поколения (NGS)¹

Родионов Александр Викентьевич — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, главный научный сотрудник, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; avrodionov@mail.ru

Пунина Елизавета Ольгердовна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; elizaveta_punina@mail.ru

Гнутиков Александр Александрович — старший научный сотрудник, Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; alexandr2911@yandex.ru

Мачс Эдуард Модрисович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; edw.machs@gmail.com

Носов Николай Николаевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; nnosov2004@mail.ru

С использованием методов кариологии, секвенирования ДНК по методу Сэнгера и секвенирования следующего поколения (NGS), изучен кариотип, а также внутригеномный и межвидовой полиморфизм транскрибируемых спейсеров гена 35S рРНК генома ядра и интрона trnL генома хлоропластов у предполагаемого межродового гибрида × *Leymotrigia bergrothii*. В кариотипе диплоидный набор хромосом равен 49. Подтверждено его происхождение в результате гибридизации *Leymus arenarius* × *Elytrigia repens*, причем гибридные растения унаследовали хлоропластную ДНК от *Elytrigia repens*. В геномах трех исследованных образцов гибрида × *Leymotrigia bergrothii* во всех полученных

© Родионов А.В., Пунина Е.О., Гнутиков А.А., Мачс Э.М., Носов Н.Н., 2024
¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант 22-24-01117 (АВР, ЕОП — постановка задачи, сбор материала, кариология и NGS-секвенирование) и 22-24-01085 (ННН, ААГ — секвенирование хпДНК по Сэнгеру) на оборудовании Центра коллективного пользования «Клеточные и молекулярные технологии изучения растений и грибов» Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН и Центра коллективного пользования «Геномные технологии, протеомика и клеточная биология» Всероссийского научно-исследовательского института сельскохозяйственной микробиологии.

массивах прочтений выявлены приблизительно равные количества риботипов, пришедших от родителей и соответствующих как обоим субгеномам *Pseudoregneria*, так и 9–10 вариантам риботипов, характерных для видов рода *Leymus*. Иных риботипов, даже в следовых количествах, в геномах исследованных видов и гибридов не выявлено.

Ключевые слова: межвидовая гибридизация, полиплоидия, нотовиды.

В семействе Poaceae есть несколько родов недавнего гибридного происхождения. Их гибридный статус настолько очевиден, что они выделены в особый тип таксономических единиц – нотороды [18]. Эти случаи представляют общебиологический интерес, поскольку наглядно демонстрируют роль отдаленной гибридизации в таксонообразовании у высших растений [11, 12]. Один из таких видов был описан Х. Линдбергом [27] как *Tritordeum bergrothii* Lindb. – предполагалось, что это гибрид *Triticum repens* L. и *Hordeum arenarium* (L.) Aschers., т.е., по современным представлениям, гибрид *Elytrigia repens* (L.) Nevski и *Leymus arenarius* Hochst. [18]. Вид был описан по сборам исследователя флоры Карелии И.О. Бергрота, сделанным им в 1896 г. на о. Русский Кузов и по образцу, собранному А.К. Каяндером в 1899 г. на песчаном берегу Белого моря у с. Покровского (Онежский берег). При этом отмечалось, что растения из сборов Каяндера по морфологии ближе к *Hordeum arenarium* f. *subarenarium* (сейчас *Leymus arenarius*), а растения, собранные на Русском Кузове, ближе к *Triticum repens* f. *subrepens* (= *Elytrigia repens*). Позднее Николай Николаевич Цвелев отнес эти растения к роду \times *Leymotrigia* Tzvelev, как вид \times *Leymotrigia bergrothii* (Н. Lindb.) Tzvelev [2]. Складывается впечатление, что на островах Онежской губы, Поморского и Карельского берегов этот вид встречается редко [5, 7, 9, 17], в то время как на песчаных пляжах Онежского берега вид скорее обилен [3, 8, 10]. Кроме побережий Онежской губы \times *Leymotrigia bergrothii* встречается на песчаных отмелях Ладожского озера [9].

До недавнего времени гибридное происхождение рода или вида, особенно вида плодоносящего, определялось прежде всего на основе необычного сочетания морфологических признаков [18, 19, 21, 24]. Бесспорно – это важный, как правило, надежный критерий, однако определяющие таксономическую принадлежность признаки часто кодируются полигенно, а в других случаях наоборот – моногенно, что разным образом сказывается на мозаике морфологических признаков у гибридного потомства. Наконец, параллелизмы в явлениях наследственной изменчивости, в соответствии с законом Н.И. Вавилова [4], могут создавать иллюзию гибридного происхождения видов там, где ее нет.

Одним из подходов, позволяющим исследовать гибридное происхождение растений, является исследование внутригеномного полимор-

физма множественно повторенных генов, таких как гены, кодирующие РНК-компонент аппарата белкового синтеза – рибосом [14, 22, 26]. В геноме растений несколько тысяч генов 35S рРНК, кодирующих молекулы 18S-, 5.8S- и 26S рРНК. Причем участки гена, кодирующие эти молекулы, разделены быстро эволюционирующими последовательностями транскрибируемых спейсеров ITS1 и ITS2, уровень изменчивости которых позволяет использовать их как ДНК-идентификаторы (ДНК-штрихкоды) видов [14, 20]. Мы исследовали внутригеномный полиморфизм ITS-последовательностей гена 35S рРНК как подход, позволяющий верифицировать гибридное происхождение растений, собранных на песчаном морском берегу в с. Пурнема (Онежский берег Белого моря), по морфологическим признакам, определявшимся как $\times L. bergrothii$.

Исследование кариотипа делящихся клеток меристемы корня показало, что у собранных растений в диплоидном наборе (2n) 49 хромосом. Хромосомное число у данного вида определено впервые (см.: [18]). Это было ожидаемо, т.к. у *Leymus arenarius* $2n = 56$, а у *Elytrigia repens* $2n = 42$ [1].

Секвенирование методом Сэнгера последовательности интрона гена *trnL* генома хлоропластов *Leymus arenarius*, *Elytrigia repens* и \times *Leymotrygia bergrothii* показало, что растения *L. bergrothii* из наших сборов унаследовали хлоропластную ДНК от *Elytrigia repens*. Покажем только те позиции, по которым секвенированные последовательности различались. В качестве референс-последовательности взята последовательность *Leymus avenarius* GQ245074 – образец с побережья Баренцева моря, полуостров Варангер, Норвегия [28], идентичный по последовательностям образцу из Пурнемы (Pur19-21) и Ленинградской области (LO); буквой D обозначена делеция:

3333DDDDDD344
0224DDDDDD903
9479DDDDDD661

<i>Leymus arenarius</i> GQ245074	tcaaDDDDDDtga
<i>Leymus arenarius</i> LO	tcaaDDDDDDtga
<i>Leymus arenarius</i> Pur19-21	tcaaDDDDDDtga
<i>Elytrigia repens</i> Alt09-03	cattaatgatttg
<i>Elytrigia repens</i> Alt673	cattaatgatttg
<i>Elytrigia repens</i> Alt16-261	cattaatgatDtg
\times <i>Leymotrygia</i> Pur19-24	cattaatgatDtg
\times <i>Leymotrygia</i> Pur19-27	cattaatgatDtg
\times <i>Leymotrygia</i> Pur0-1	cattaatgatDtg

Все образцы *Elytrigia repens*, исследованные в данном эксперименте, собраны нами на Алтае; все образцы \times *Leymotrygia* – в с. Пурнема Онежского района Архангельской области.

Поскольку у злаков хлоропласты наследуются по материнской линии [23], то полученные данные говорят о том, что материнским растением у гибрида была *Elytrigia repens*.

Методом секвенирования ДНК следующего поколения (NGS) нами исследован внутригеномный полиморфизм последовательностей транскрибируемого спейсера ITS1 у межродового гибрида – ноторода и нотовида \times *Leymotrigia bergrothii*, образцы Pur0-1, Pur19-24, Pur19-27, собранного нами на Онежском берегу Белого моря (locus classicus для вида), где этот вид доминирует среди прибрежной растительности. Кроме того, чтобы выяснить происхождение субгеномов леймотригии, методом локус-специфичного секвенирования NGS на платформе Illumina нами исследована рДНК родственных \times *Leymotrigia* диплоидных и полиплоидных видов, относящихся к разным родам злаков трибы Ячmeneвых, для которых с большой долей вероятности можно было предположить их субгеномную композицию, соответствующую принятой в настоящее время классификации, где H – это *Hordeum*-тип субгенома, St – *Pseudoroegneria*-тип, P – *Agropyron*-тип и др. [25, 29]. В сравнительный анализ вошли *Leymus ramosus* Alt14-218, *Leymus arenarius* LO, *Leymus arenarius* Pur19-21, *Elytrigia gmelinii* Alt14-710, *Elytrigia gmelinii* Alt1180, *Elytrigia gmelinii* Alt11-90, *Elytrigia pseudocoesia* Alt1468, *Elytrigia repens* Alt09-03, *Elytrigia repens* Alt16-261, *Elytrigia repens* var. *glaucum* Alt14-354, *Elytrigia repens* var. *glaucum* Alt14-69, *Elytrigia repens* var. *aristata* Alt16-305, *Elytrigia repens* var. *aristata* Alt16-368, *Elytrigia lolioides* Alt334, *Elytrigia geniculata* Alt14-496, *Elytrigia villosa* Yak, *Psathyrostachys juncea* LE, *Psathyrostachys juncea* Alt14-05, *Psathyrostachys juncea* Alt14-05, *Hordeum brevisubulatum* Alt14-185, *Hordeum brevisubulatum* Alt14-294, *Hordeum nevskianum* Alt14-41, *Hordeum nevskianum* Alt14-571, *Hordeum roshevitzii* Alt301, *Hordeum turkestanicum* Alt10-594, *Hordeum macilentum* Alt16-439, *Hordeum* sp. Alt19-160, *Hordeum* sp. Alt10-254, *Roegneria villosa* ssp. *caerulea* LE, *Roegneria villosa* ssp. *lake-pilosa* LE, *Agropyron krylovianum* Alt18-289, *Agropyron krylovianum* Alt1212, *Agropyron krylovianum* Alt15-144, *Agropyron desertorum* Alt13-246, *Agropyron* sp. Alt14-150. Большую часть образцов составили наши экспедиционные сборы, часть образцов – из гербария Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (LE).

Нами показано, что у трех образцов *Elytrigia repens* во всем массиве прочитанных ITS1-последовательностей присутствует приблизительно в равных долях по два типа последовательностей, соответствующих St-риботипам, характерным для *Pseudoroegneria* (см. таблицу). Кроме того, у одного образца *Elytrigia repens* в небольшом количестве выявлены последовательности H-риботипа, характерные для субгеномов ячменей.

**Внутригеномный полиморфизм последовательностей ITS1
× *Leymotrigia bergrothii***

ZOTU ID	Исследованные образцы/количество «ридов» каждого из ZOTU (риботипа)							
	14	15	16	28	31	39	49	50
Zotu1	2152	2294	0	451	2278	0	547	456
Zotu3	1103	916	0	785	2179	0	878	808
Zotu6	664	839	0	2	5	0	1	0
Zotu35	6	1	0	0	0	0	2	0
Zotu29	10	2	0	0	4	0	0	1
Zotu26	19	1	0	0	4	0	0	0
Zotu18	50	0	1	2	6	0	1	1
Zotu23	28	0	0	0	2	0	0	0
Zotu22	20	4	0	0	11	0	0	0
Zotu34	10	0	0	0	0	0	0	0
Zotu32	13	0	0	0	0	0	0	0
Zotu39	4	0	0	0	4	0	0	0
Zotu38	3	0	0	0	2	0	0	3
Zotu33	10	0	0	0	0	0	0	0
Zotu14	1	284	0	0	0	0	0	0
Zotu12	1	0	0	119	0	1	120	121
Zotu15	1	0	0	69	0	0	80	72
Zotu5	0	0	689	267	1	0	362	319
Zotu8	0	0	1348	1	0	1	0	1
Zotu2	0	0	1621	1022	0	2293	1337	1128
Zotu16	0	0	177	0	0	0	0	1
Zotu4	0	0	399	898	0	1130	1142	871
Zotu10	0	0	99	139	0	213	105	137
Zotu9	0	0	188	112	0	371	101	101
Zotu11	0	0	243	44	0	0	45	61
Zotu17	0	0	22	8	0	19	12	5
Zotu13	0	0	19	6	0	310	9	4

ZOTU ID	Исследованные образцы/количество «ридов» каждого из ZOTU (риботипа)							
	14	15	16	28	31	39	49	50
Zotu7	0	0	39	10	0	1338	22	16
Zotu30	0	0	5	1	0	3	6	0
Zotu36	0	0	3	1	0	4	1	0
Zotu40	0	0	8	0	0	0	0	0
Zotu19	0	0	14	6	0	19	6	8
Zotu28	0	0	6	2	0	7	2	5
Zotu21	0	0	20	1	0	14	2	2
Zotu25	0	0	8	1	0	7	6	1
Zotu24	0	0	16	1	0	11	0	1
Zotu27	0	0	0	6	0	0	8	7
Zotu37	0	0	0	2	0	0	6	1
Zotu20	0	0	0	14	0	0	20	16
Zotu31	0	0	0	4	0	0	4	6

Примечание: номерами (в колонках) обозначены следующие образцы, ITS-последовательности которых секвенированы: 14 – *Elytrigia repens* Alt09-03; 15 – *Elytrigia repens* Alt673; 16 – *Leymus arenarius* (Ленинградская обл., берег Финского залива); 28 – ×*Leymotrigia bergrothii* Pur19-24 (Онежский берег Белого моря, locus classicus); 31 – *Elytrigia repens* Alt16-261 (Горный Алтай); 39 – *Leymus arenarius* Pur19-21 (Онежский берег Белого моря); 49 – ×*Leymotrigia bergrothii* Pur19-27 (Онежский берег Белого моря); 50 – ×*Leymotrigia bergrothii* Pur0-1 (Онежский берег Белого моря).

Два образца *Leymus arenarius* ($2n = 42$) продемонстрировали довольно высокий уровень внутригеномного полиморфизма (соответственно 10 и 14 вариантов риботипов), однако все эти риботипы соответствовали *Leymus*-типу субгеномов. У трех исследованных образцов гибрида ×*Leymotrigia bergrothii* во всех полученных массивах прочтений выявлены приблизительно равные количества риботипов, соответствующих как обоим субгеномам *Pseudoregneria*, так и 9–10 вариантам риботипов *Leymus*. Иных риботипов, даже в следовых количествах, у исследованных видов и гибридов не выявлено (см. таблицу и иллюстрацию, где использована одинаковая нумерация образцов). Нет и большого количества синглетонов и редких вариантов, характерных для «репрессуемого» С-субгенома аллополиплоидных видов рода *Avena* [13] и субгенома рода ×*Elyhordeum* [15].

Риботипы *Leymus* мы обозначили как L, хотя считается, что в геноме этого рода один из геномов произошел от *Psathyrostachys* (геном Ns), а предок второго неизвестен [25]. Но в геномах наших образцов вида *Leymus* (два образца *Leymus arenarius* и один – *L. ramosus*) нет риботипов, характерных для *Psathyrostachys*, а у исследованных нами двух образцов *Psathyrostachys juncea* нет риботипов *Leymus*-типа. По-видимому, это результат «фракционирования» рДНК в геномах гибридного происхождения [11, 16].

Было неожиданно то, что у \times *Leymotrigia bergrothii* в отличие от аллополиплоидных видов рода *Avena* и межродовых гибридов \times *Elyhordeum* нет большого числа синглетонов и редких разнообразных вариантов ITS1, дериватов основных риботипов. Появление большого числа дериватов одного или нескольких «родительских» риботипов связано процессом «фракционирования» генома гибрида и неополплоида [11]. Отсутствие их у \times *Leymotrigia*, как предполагаем, связано с преимущественно вегетативным размножением \times *Leymotrigia bergrothii*.

Список литературы

1. Агапова Н.Д., Архарова К.Е., Вахтина Л.И., Земскова Е.А., Тарвис Л.В., Сафонова И.Н. Числа хромосом цветковых растений флоры СССР. Морaceae – Zygophyllaceae. СПб., 1993.
2. Арктическая флора СССР: в 10 вып. Вып. 2 / под ред. А.И. Толмачева. Семейство Gramineae. М.; Л., 1964.
3. Брагин А.В., Мосеев Д.С., Махнович Н.М., Покровская И.В., Фоторан П.А., Козыкин А.В., Черенкова Н.Н., Баянов Н.Г. Экспедиция на Онежский полуостров «Белое море – ворота в Арктику. Загадки пернатых мигрантов» // Труды Архангельского центра Русского географического общества. Вып. 9. Архангельск, 2021. С. 333–345.
4. Вавилов Н.И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. М.; Л. 1935.
5. Вузман Е.И., Кожин М.Н. Флора Лувеньгского архипелага (Кандалакшский залив, Белое море) // Ботанический журнал. 2019. Т. 104, № 6. С. 918–942.
6. Заславская Н.В. Флора и растительность засоленных приморских экотопов западного побережья Белого моря: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Петрозаводск, 2007.
7. Кравченко А.В., Тимофеева В.В., Фадеева М.А. О флоре островов в южной части Онежской губы Белого моря (Республика Карелия) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2015. № 4. С. 65–78.
8. Макарова М.А., Дровнина С.И., Петрова Н.В. Растительность побережий Белого моря на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 466–472.
9. Морозова К.В. Конспект злаков (Poaceae) флоры Карелии // Новости систематики высших растений. 2008. Т. 40. С. 5–35.

10. Мосеев Д.С., Махнович Н.М., Брагин А.В., Футоран П.А., Козыкин А.В. Видовой состав и общая характеристика растительности экотопов маршей и пляжей Онежского полуострова // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 482–498.

11. Родионов А.В. Тандемные дупликации генов, эуполиплоидия и вторичная диплоидизация – генетические механизмы видообразования и прогрессивной эволюции в мире растений // Turczaninowia. 2022. Т. 25, № 4. С. 87–121. DOI: 10.14258/turczaninowia.25.4.12

12. Родионов А.В. Эуплоидия как способ видообразования у растений // Генетика. 2023. Т. 59, № 5. С. 493–506. DOI: 10.31857/S0016675823050119

13. Родионов А.В., Амосова А.В., Крайнова Л.М., Мачс Э.М., Михайлова Ю.В., Гнутиков А.А., Муравенко О.В., Лоскутов И.Г. Феномен высокой частоты мутаций в генах 35S рРНК С-субгена у полиплоидных видов *Avena L.* // Генетика. 2020. Т. 56, № 6. С. 657–666.

14. Родионов А.В., Гнутиков А.А., Коцинян А.Р., Коцербуба В.В., Носов Н.Н., Пунина Е.О., Райко М.П., Тюпа Н.Б., Ким Е.С. Последовательность ITS1–5.8S рДНК–ITS2 в генах 35S рРНК как маркер при реконструкции филогении злаков (сем. Poaceae) // Успехи современной биологии. 2016. Т. 136, № 5. С. 419–437.

15. Родионов А.В., Добрякова К.С., Пунина Е.О. Полиморфные сайты в районе ITS1–5.8S rDNA–ITS2 у гибридогенного рода *×Elyhordeum* и предполагаемых гибридов *Elytus* (Poaceae: Triticeae) // Генетика. 2018. Т. 54, № 9. С. 999–1014. DOI: 10.1134/S0016675818090126

16. Родионов А.В., Шнеер В.С., Гнутиков А.А., Носов Н.Н., Пунина Е.О., Журбенко П.М., Лоскутов И. Г., Муравенко О.В. Диалектика видов: от исходного единообразия, через максимальное разнообразие к конечному единообразию // Ботанический журнал. 2020. Т. 105, № 9. С. 835–853. DOI: 10.31857/S0006813620070091

17. Соколов Д.Д., Филлин В.Р. Определитель сосудистых растений окрестностей ББС МГУ. М., 1996.

18. Цвелев Н.Н., Пробатова Н.С. Злаки России. М., 2019.

19. Чепинога И.С. К вопросу о гибридном происхождении двух видов миндала секции *Eumygdalus L.* // Проблемы интродукции растений и отдаленной гибридизации. М., 1998. С. 491–492.

20. Шнеер В.С., Родионов А.В. ДНК-штрихкоды растений // Успехи современной биологии. 2018. Т. 138, № 6. С. 531–538.

21. Юрцева О.В., Крамина Т.Е. О гибридном происхождении *Polygonum boreale* (Polygonaceae) на Белом море // Ботанический журнал. 2004. Т. 89, № 5. С. 781.

22. Belyakov E.A., Mikhaylova Y.V., Machs E.M., Zhurbenko P.M., Rodionov A.V. Hybridization and diversity of aquatic macrophyte *Sparganium L.* (Typhaceae) as revealed by high-throughput nrDNA sequencing // Scientific Reports. 2022. Vol. 12, no. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-25954-0>

23. Corriveau J.L., Coleman A.W. Rapid screening method to detect potential biparental inheritance of plastid DNA and results for over 200 angiosperm species // Amer. J. Bot. 1988. Vol. 75. P. 1443–1458.

-
-
24. Ellstrand N.C., Whitkus R., Rieseberg L.H. Distribution of spontaneous plant hybrids // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 1996. Vol. 93. P. 5090–5093.
25. Fan X., Sha L.N., Yang R.W., Zhang H.Q., Kang H.Y., Ding C.B., Zhang L., Zheng Y.L., Zhou Y.H. Phylogeny and evolutionary history of *Leymus* (Triticeae; Poaceae) based on a single-copy nuclear gene encoding plastid acetyl-CoA carboxylase // BMC Evolutionary Biology. 2009. Vol. 9, no. 1. P. 1–15.
26. Gnutikov A.A., Nosov N.N., Koroleva T.M., Punina E.O., Probatova N.S., Shneyer V.S., Rodionov A.V. Origin of the rare hybrid genus \times *Trisetokoeleria* Tzvelev (Poaceae) according to molecular phylogenetic data // Plants. 2022. Vol. 11, no. 24. P. 3533.
27. Lindberg H. *Triticum repens* L. \times *Hordeum arenarium* (L.) Aschers. (*Tritordeum Bergrøthii* Lindb. fil. n. hybr.) // Meddelanden af Societatis pro Fauna et Flora Fennica. 1905–1906. H. 32. S. 21.
28. Soininen E.M., Valentini A., Coissac E., Miquel C., Gielly L., Brochmann C., Brysting A.K., Sonstebo J.H., Ims R.A., Yoccoz N.G., Taberlet P. Analysing diet of small herbivores: the efficiency of DNA barcoding coupled with high-throughput pyrosequencing for deciphering the composition of complex plant mixtures // Front. Zool. 2009. Vol. 6. P. 16. DOI:10.1186/1742-9994-6-16
29. Yen C., Yang J.L., Yen Y. Hitoshi Kihara, Askel Löve and the modern genetic concept of the genera in the tribe Triticeae (Poaceae) // Acta Phytotaxon. Sin. 2005. Vol. 43. P. 82–93.

Сообщества с поточником рыжим (*Blysmus rufus* (Huds.) Link) в Национальном парке «Онежское Поморье»

Смирнова Марина Алексеевна – младший научный сотрудник, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; medvedetz@gmail.com

Дровнина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; drovnina@yandex.ru

Петрова Надежда Вячеславовна – научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; fenolog@kenozero.ru

На побережье Белого моря литоральные сообщества с участием поточника рыжего (*Blysmus rufus*) встречаются редко. Данный вид занесен в Красную книгу Архангельской области. На территории Национального парка «Онежское Поморье» выявлено два участка, где данный вид играет ценотическую роль в составе литоральных сообществ: залив около мыса Сатанский и побережье Унской губы. В районе мыса Сатанский видовой состав наиболее пестрый по набору растительных сообществ и меняется от галофильной к болотной растительности. Здесь нами были описаны сообщества с участием поточника, в которых также отмечены осока Маккензи (*Carex mackenziei*), болотница одночешуйная (*Eleocharis uniglumis*), лапчатка гусиная (*Potentilla ancerina*). В Унской губе были описаны маршевые сообщества с поточником рыжим и поточниково-злаковые луга, где характерными видами являются поточник рыжий, полевица соломенно-желтая (*Agrostis straminea*), овсяница красная (*Festuca rubra*), мятлик болотный (*Poa palustris*), осоки (*Carex salina*, *C. subspathacea*) и триостренник болотный (*Triglochin palustris*).

Ключевые слова: Белое море, Национальный парк «Онежское Поморье», литоральная растительность, галофиты, *Blysmus rufus*, Красная книга Архангельской области.

Blysmus rufus (поточник рыжий, п. тонкий, п. тощий) – вид однодольных растений семейства *Cyperaceae*. Под названием *Schoenus ferrugineus* Huds. в 1762 г. впервые этот вид описал британский ботаник Уильям Хадсон [19, 20].

Blysmus rufus – бореальный плюризональный евразийско-американский вид, длиннокорневищный многолетник, гемикриптофит, галофит. Его естественное местообитание – солоноватые марши северных морей, заболоченные участки с подпиткой минерализо-

ванными водами, солонцеватые берега озер, болотистые и сырые луга, осоковые болота [1, 8, 15, 16, 17].

Поточник рыжий распространен на юге Фенноскандии, в Англии, Средней Европе, Средней Азии, Гималаях, Монголии, Китае, Северной Америке. В России произрастает в пределах европейской части: в Ленинградской (побережья и острова Финского залива), Псковской (болота с минеральным питанием), Архангельской и Мурманской (побережья и острова Белого моря) областях, а также в южных частях Западной, Средней и Восточной Сибири [3, 5, 8, 16]. В Архангельской области отмечен на Соловецких островах, на побережьях Онежской и Двинской губ, в дельте Северной Двины, произрастает в приливо-отливной зоне на илистых и илисто-песчаных осушках маршей, встречается в устьях малых рек, впадающих в Белое море [6, 7, 12, 18].

Blysmus rufus занесен в Красные книги Архангельской, Ленинградской, Мурманской, Новосибирской, Псковской областей, Латвии и Восточной Фенноскандии [6, 7, 19].

В ходе маршрутных геоботанических исследований побережий Национального парка «Онежское Поморье» летом 2021 г. нами изучен растительный покров беломорских побережий в пределах естественных границ растительных сообществ на маршруте от мыса Летний Орлов до д. Летняя Золотица, в окрестностях д. Лопшеньги и Яреньги, а также на побережье Унской губы. Исследования проводились с целью выявления фитоценотического и флористического разнообразия приморских ландшафтов, получения данных о редких видах растений и растительных сообществах, нуждающихся в охране.

Blysmus rufus впервые на территории Национального парка «Онежское Поморье» был отмечен А.В. Кравченко в 2020 г. в районе мыса Летний Орлов¹. В 2021 г. нами и Д.С. Мосеевым найдены еще несколько местообитаний поточника: в устье р. Золотица, на мысах Чесменский и Сатанский, в Унской губе, на осушках средних маршей, заливаемых в сизигийные приливы [11, 13].

На Летне-Золотицком участке побережье представляет собой валунные и песчаные террасы, местами заболоченные. В прибрежной полосе в небольших бухтах и почти замкнутых заливах встречаются небольшие по площади литориновые луга и болота. Залив около мыса Сатанский наиболее пестрый по набору растительных сообществ, где видовой состав сообществ меняется от галофильной к болотной.

¹ Информационный отчет о результатах экспедиционных работ на северо-западном побережье Онежского полуострова (территория НП «Онежское Поморье») / отв. исп. Н.В. Петров // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»». Ф. 2. Оп. 2.1. Д. 70.

Побережья Унской губы – это низкие, плоские, заиленные или заболоченные морские террасы. Сообщества средней литорали бывают периодически подтоплены морскими водами, даже в максимальный отлив. Сообщества с поточником рыжим были обнаружены на северном, западном и восточном берегах Унской губы на заболоченной низкой литорали. Они занимают небольшие по протяженности участки [10].

Сообщества с участием или доминированием *Blysmus rufus* на Летне-Золотицком и Унском участках Национального парка «Онежское Поморье» представлены в таблице.

Сообщества с *Blysmus rufus* в Национальном парке «Онежское Поморье»

Растительное сообщество	Млечниково-поточниковые		Поточно-болотнищевые		Поточниково-моховые	Поточно-осоково-злаковые	Вейниково-болотно-травяные	Поточно-тростниковые
	Ун	Ун	Сат	Сат	Сат	Ун	Ун	Ун
Участок	Ун	Ун	Сат	Сат	Сат	Ун	Ун	Ун
Номер описания	977	979	605	599	587	978	974	884
ОПП ТКЯ	50	35	30	20	30	45	45	60
<i>Blysmus rufus</i>	30	20	12	5	10	10	5	20
<i>Glaux maritima</i>	2	10	–	–	–	1	–	3
<i>Triglochin maritima</i>	10	1	–	–	–	–	–	5
<i>Triglochin palustris</i>	3	1	–	–	2	5	3	–
<i>Plantago maritima</i>	+	+	–	–	1	1	–	–
<i>Juncus gerardii</i>	5	–	–	–	–	–	–	–
<i>Juncus atrofuscus</i>	–	8	–	–	–	–	–	5
<i>Eleocharis uniglumis</i>	–	–	15	7	15	–	–	–
<i>Carex mackenziei</i>	–	–	3	3	5	–	–	–
<i>Potentilla ancerina</i>	–	–	–	–	5	–	–	–
<i>Carex glareosa</i>	–	–	–	–	1	–	–	–
<i>Carex subspathacea</i>	–	–	–	–	2	5	–	–
<i>Carex salina</i>	–	–	–	–	–	5	–	–
<i>Poa palustris</i>	–	–	–	–	–	10	–	–
<i>Agrostis straminea</i>	–	–	–	–	–	7	5	15
<i>Phragmites australis</i>	–	–	–	–	–	–	7	20
<i>Calamagrostis groenlandica</i>	–	–	–	–	3	–	20	–
<i>Pedicularis palustris</i>	–	–	–	–	–	–	8	–
<i>Parnassia palustris</i>	–	+	–	–	–	2	7	–
<i>Eryophorum angustifolium</i>	–	–	–	–	–	–	3	–

Растительное сообщество	Млечниково-поточниковые		Поточниково-болотнищевые		Поточниково-моховые	Поточниково-осоково-злаковые	Вейниково-болотно-травяные	Поточниково-тростниковые
<i>Carex paupercula</i>	—	—	—	—	—	—	—	3
<i>Naumburgia thyrsoiflora</i>	—	—	—	+	—	—	—	—
<i>Warnstorfia exannulata</i>	—	—	—	—	30	—	—	—
<i>Aulacomnium palustre</i>	—	—	—	—	+	—	—	—

Примечание: Ун — Унская губа; Сат — залив Сатанский; ОПП ТКЯ — общее проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса, %; проективное покрытие видов в сложении сообщества приводится в %; плюсом отмечены виды, имеющие покрытие менее 1 %.

Сообщества с участием *Blysmus rufus* в национальном парке различаются по условиям формирования и соответственно образуют разные типы, близкие по составу к литориновым лугам и болотам: четыре типа в Унской губе — млечниково-поточниковые, поточниково-осоково-злаковые, вейниково-болотно-травяные с поточником и поточниково-тростниковые; и два типа на мысе Сатанский — поточниково-болотнищевые и поточниково-моховые.

Для млечниково-поточниковых сообществ в Унской губе характерно присутствие поточника, млечника (*Glaux maritima*) и других облигатных и факультативных галофитов (*Plantago maritima*, *Juncus atrofusculus*, *J. gerardii*, *Triglochin maritima*, *T. palustris*). В поточниково-осоково-злаковых сообществах участвуют осоки *Carex salina*, *Carex subspathacea* и злаки *Agrostis straminea*, *Poa palustris*. Поточниково-тростниковые сообщества формируются двумя доминантами — *Blysmus rufus* и *Phragmites australis*, а также галофитами *Agrostis straminea*, *Juncus atrofusculus*, *Plantago maritima*, *Triglochin maritima*. В вейниково-болотно-травяных сообществах участвует вейник гренландский (*Calamagrostis groenlandica*) и группа видов болотного разнотравья (*Eryophorum angustifolium*, *Parnassia palustris*, *Pedicularis palustris*, *Phragmites australis*).

Для поточниково-болотнищевых сообществ мыса Сатанский кроме болотницы одночешуйчатой (*Eleocharis uniglumis*) характерна осока Маккензи (*Carex mackenziei*). В поточниково-моховых сообществах доминирует мох дрепанокладус крючковидный (*Drepanocladus aduncus*).

В литературе ранее приводились указания на произрастание поточника на берегах Белого моря: на западном побережье в сообществах ассоциации *Festuceto-Caricetum glareosae* [1] с участием видов (*Carex*

glareosa, *Agrostis straminea*, *Plantago maritima*, *Juncus gerardii*, *Triglochin maritima*) с флористическим составом, близким к уже упоминавшимся млечниково-поточниковым сообществам, а также на илистых осушках в эстуарии р. Кереть Кандалакшского залива в пределах Республики Карелия [12].

В Ленинградской области на Финском заливе описаны литориновые сообщества с участием *Blysmus rufus*: в северо-западной части острова Мощный существуют небольшие участки с доминированием поточника рыжего [9]. На Березовых островах поточник совместно с осокой Маккензи участвует в составе галофильных сообществ низкотравных болотистых лугов [14].

В Псковской области *Blysmus rufus* указывался еще начиная с 1884 г. [2]. В настоящее время его произрастание подтверждено на болоте «Солонники» с выходом засоленных вод в окрестностях д. Черноручье. Поточник рыжий с небольшим покрытием участвует в составе болотного сообщества среди тростниковых зарослей [4].

Blysmus rufus – редкий вид, т.к. занимает узкую экологическую нишу в природе, является уязвимым к эвтрофикации воды. Так, в Финском заливе популяция поточника рыжего за последние годы уменьшилась в связи активной застройкой приморских берегов, рекреацией и загрязнением воды и прибрежных территорий [8]. Для дальнейшего сохранения популяции поточника необходимо избегать высокой рекреационной нагрузки, захламления побережий, загрязнения морских вод. В Национальном парке «Онежское Поморье», кроме изучения и мониторинга за состоянием популяций данного вида, предлагается зонировать территорию парка по степени доступности для посещения. При прокладывании экотроп рекомендуется избегать мест произрастания редких уязвимых видов.

Список литературы

1. *Бабина Н.В.* Галофитная растительность западного побережья Белого моря // Растительность России. 2002. № 3. С. 3–12.
2. *Баталин А.Ф.* Материалы для флоры Псковской губернии // Труды Санкт-Петербургского ботанического сада. 1884. Т. 8, вып. 3. С. 593–638.
3. *Глазкова Е.А.* Флора островов восточной части Финского залива: состав и анализ. СПб., 2001.
4. *Ефимов П.Г., Конечная Г.Ю., Жакова Л.В.* О приморских элементах во флоре Псковской области // Ботанический журнал. 2016. Т. 101, № 8. С. 910–923.
5. *Кожин М.Н.* Классификация флор малых островов Кандалакшского залива Белого моря // Ботанический журнал. 2011. Т. 96, № 8. С. 1091–1108.
6. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.
7. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.
8. Красная книга Ленинградской области: Объекты растительного мира. СПб., 2018.

9. Ликсакова Н.С., Глазкова Е.А. Растительность и природоохранная ценность сообществ и биотопов острова Мощный (Финский залив) // Ботанический журнал. 2018. Т. 103, № 10. С. 1304–1335.

10. Макарова М.А. Литоральная травянистая растительность Унской губы побережий Белого моря национального парка «Онежское Поморье» // Растительный покров Европейского Севера и Арктики. Архангельск, 2022. С. 125–130.

11. Макарова М.А., Дровнина С.И., Петрова Н.В. Растительность побережий Белого моря на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 466–472.

12. Мосеев Д.С. Новые и охраняемые виды сосудистых растений в локальных приморских флорах Белого и Баренцева морей // Труды Архангельского центра русского географического общества. Архангельск, 2017. С. 360–366.

13. Мосеев Д.С., Макарова М.А., Дровнина С.И. Редкие и охраняемые виды растений морских берегов и озер национального парка «Онежское Поморье» и сопредельных территорий // 90 лет научных исследований в Кандалакшском заповеднике: история и перспективы. Апатиты, 2022. С. 73–75.

14. Природная среда и биологическое разнообразие архипелага Березовые острова (Финский залив) / отв. ред. Н.Н. Цвелёв. СПб., 2007.

15. Флора Северо-Востока Европейской части СССР: в 11 т. Т. II / под ред. А.И. Толмачева. Л., 1976.

16. Флора Сибири: в 14 т. Т. 3 / сост. Л.И. Малышев, С.А. Тимохина, С.В. Бубнова и др. Новосибирск, 1990.

17. Цвелёв Н.Н. Определитель сосудистых растений Северо-Западной России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области). СПб., 2000.

18. Шмидт В.М. Флора Архангельской области. СПб., 2005.

19. *Blysmus rufus* (Huds.) // Плантариум. Определитель растений онлайн. URL: <https://www.plantarium.ru/page/taxonomy/taxon/6711.html> (дата обращения: 14.07.2023).

20. *Schoenus ferrugineus* Huds. // Kew. Royal Botanical Garden. URL: <https://powo.science.kew.org/taxon/urn:lsid:ipni.org:names:312831-1> (дата обращения: 14.07.2023).

Перспективы проекта «Тропа муравейников» Кенозерского национального парка¹

Федосеева Елена Борисовна – доктор биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Зоологического музея, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; elifedoseeva0255@yandex.ru

Горюнов Данила Николаевич – ведущий инженер лаборатории почвенной зоологии и общей энтомологии, Институт проблем экологии и эволюции Российской академии наук имени А.Н. Северцова; azoku@yandex.ru

Черенкова Надежда Николаевна – кандидат биологических наук, заместитель директора по сохранению биоразнообразия, Национальный парк «Кенозерский»; nncherenkova@mail.ru

Туристический образовательный маршрут протяженностью 3,5 км в Каргопольском секторе Кенозерского национального парка проложен в 2002 г. через территорию, где сосредоточено более 100 муравейников. В создании и воплощении проекта главную роль сыграли школьное лесничество и местные жители д. Моршихинской. «Тропа муравейников» оснащена приподнятым деревянным настилом, предохраняющим территорию от рекреационной нагрузки: за год ее посещает не менее 1000 человек. Кольцевой маршрут охватывает почти все типы экосистем окрестностей Лекшмозера. Разнообразие маршруту придают и размещенные в 2007–2008 гг. на всем его протяжении деревянные арт-объекты, символизирующие богатый животный мир парка. Очередным этапом в развитии проекта стало привлечение специалистов-биологов, предпринявших в 2018–2019 гг. картирование и обмеры муравейников, а также изучение фауны муравьев Лекшмозерья. Установлено, что в окрестностях обитает не менее 12 видов из родов *Formica*, *Lasius* и *Mutilla*. Массовым из группы рыжих лесных муравьев является северный лесной муравей, чьи муравейники доминируют на лесных участках. Для открытой местности (луг, опушки) типичен обыкновенный тонкоголовый муравей. Представленная в статье

© Федосеева Е.Б., Горюнов Д.Н., Черенкова Н.Н., 2024

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания по договору с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Изучение многолетней динамики экосистем, естественного хода процессов и явлений в национальном парке «Кенозерский» (шифр научной темы: 1-22-104-1). Камеральная обработка проб и определение муравьев выполнены при поддержке Научно-исследовательского Зоологического музея МГУ по теме ЦИТИС: 121032300105-0.

информация о взаимосвязях видов на «Тропе муравейников» не только занимательна для школьников и посетителей парка, но и полезна в контексте экологического образования.

Ключевые слова: муравьи, муравейники, экотропа, экологическое образование, мониторинг, Formica.

Кенозерский национальный парк, образованный в 1991 г. на юго-западе Архангельской области, состоит из двух частей – Плесецкого и Каргопольского секторов. Сами жители называют их Кенозерьем и Лекшмозерьем, по имени крупных озер, вокруг которых издавна строится местная жизнь. На краю Моршихинской, центральной деревни Лекшмозерья, установлены деревянные скульптуры муравьев. Отсюда начинается экологический маршрут «Тропа муравейников». Его протяженность – всего 3,5 км, но он стал одним из самых популярных туристических маршрутов в парке – за год его посещают не менее 1000 человек гостей. Тропа подходит для первого знакомства с природой южной части парка. Здесь представлены практически все типы экосистем окрестностей Лекшмозера: суходольный материковый луг, зарастающий луг, сосняк сфагновый, сосняк черничный, сосняк багульниковый, небольшие фрагменты сосняков лишайниковых, болото, ельник-черничник, озеро, участок коренного логового ельника, лесной ручей, побережье озера, заросшее тростником и ольхой. Отмечены редкие и охраняемые виды растений. Более 2 км покрыто приподнятыми широкими дощатыми настилами, предохраняющими почву и муравьев от вытаптывания.

Идея создания экотропы, которая позволяет ознакомиться с природными достопримечательностями, принадлежит школьному лесничеству, им руководила Елена Петровна Попова. Место для экспозиции под открытым небом подсказала Валентина Андреевна Портнова, хорошо знавшая территорию. Она и помогла выбрать лесной участок с повышенной плотностью муравейников. Проект тропы был разработан в 2001 г. и представлен на районной научно-практической конференции «Роль человека в истории развития науки», проходившей в Каргополе. Задачи образовательного маршрута заключаются в пробуждении интереса к познанию родной природы и воспитании экологической культуры взрослых и детей.

Первые экскурсии по «Тропе муравейников» провела ученица Лекшмозерской школы Анна Нефедова. Позднее здесь работали экскурсоводы парка и учителя Лекшмозерской школы, а в 2007–2008 гг. в экологическом кружке для школьников «Живинка» стали готовить юных экскурсоводов. В первые годы тропа была обустроена как исключительно природная. Оснастить ее деревянными арт-объектами предложил Илья Кузубов – организатор известного на Русском Севере фестиваля под открытым небом «Тайбола». Команда «Тайболы» при

участии волонтеров парка обустроила маршрут арт-объектами в технике, напоминающей традиционные северные ремесла. Сегодня на тропе можно увидеть фигуры лося, лисы, зайца, бобра, совы, медведицы с медвежонком. Встречает посетителей у входа пара муравьев, образующая «Муравьиную Триумфальную арку».

Арт-объекты, несомненно, помогли привлечь туристов. И все же, чтобы проект стал многолетним, рассказ о муравьях разумнее было строить на биологии местных видов. Экскурсоводам, особенно юным, нужна информация о муравьях, обитающих рядом – в парке. Иными словами, во избежание рутины и для устойчивого общественного интереса к проекту потребовались дополнительные знания и практика работы с муравьями.

Закономерным стало обращение за помощью к профессионалам. По приглашению руководства парка московские мирмекологи в 2018 и 2019 г. осуществили инвентаризацию муравейников по принятым стандартам. В итоге появилась карта с расположением более 100 жилых гнезд (ил. 1), получены данные о размерах муравейников и определена их видовая принадлежность. К настоящему времени в окрестностях Морщининской выявлено 12 видов муравьев, но, как показывает сравнение с данными по мирмекофауне климатически близких территорий, список видов муравьев парка еще далеко не полон (см. таблицу).

Цель настоящей статьи – представить информацию о взаимосвязях видов «Тропы муравейников». Она должна быть не просто занимательна, но и полезна в контексте экологического образования. Вместе с тем, попытаемся наметить направление полевых исследований, в которых ведущая роль предназначена участником местного школьного лесничества. Для пояснений использованы фотографии, сделанные на тропе во время обследования маршрута.

Особенности биологии и отношений обитателей «Тропы муравейников». Муравейники рыжих лесных муравьев – главные объекты маршрута (ил. 2). В действительности так именуется четыре близких вида (*Formica rufa*, *F. polyctena*, *F. lugubris* и *F. aquilonia*), которые обитают по всему поясу умеренных лесов Евразии. Все они относятся к подроду *Formica* s. str. рода *Formica* подсемейства *Formicinae*.

подавляющее большинство муравейников тропы, как показали взятые с гнезд пробы, принадлежат северному лесному муравью – *F. aquilonia* (ил. 2а). Единственное гнездо *F. lugubris* – волосистого лесного муравья – стоит под сосной рядом Визит-центром (ил. 2б). В сосняке-зеленомошнике в окрестностях Морщининской (но вне тропы) обнаружили муравейник лугового муравья – *F. pratensis* – вида из того же подрода, но редкого в северных лесах [3].

На открытых участках маршрута рядом с оз. Лекшма найдена серия гнезд *F. exsecta*, вида из другого подрода *Formica* – *Coptoformica* – тон-

коголовых муравьев (ил. 3). Муравьи обоих подродов различаются по размерам и строению. В частности, первые крупнее, а вторые имеют характерную выемку на затылочной части головы. Численность населения в крупных муравейниках рыжих лесных муравьев может превышать 1 млн особей, что на порядок больше семей тонкоголовых [4].

Внешне их гнезда похожи: у тех и других муравьев купол построен из растительных остатков и опирается на вал вынесенной из подземных ходов и камер земли. Тем не менее, между ними есть важные отличия. Купола рыжих лесных муравьев сложены преимущественно из опавшей хвои, почвы, древесных частиц (ил. 4а). В куполе тонкоголовых муравьев преобладают почва, травянистые частицы, кусочки мхов и лишайников (ил. 4б), которые они подбирают с поверхности либо отгрызают с окружающей гнездо растительности. В куполе рыжих лесных муравьев есть прочная опора из пня, благодаря которой по мере роста муравейник не оседает, а может долго расти и вверх, и вширь. Купол тонкоголовых муравьев опирается на стебли, и после их разрушения начинает оседать, вынуждая муравьев строить жилище заново [2, 4].

Указанным различиям в устройстве гнезд отвечают предпочтения видов к местам гнездования и фуражировки. Рыжие лесные муравьи строят гнезда в лесу либо на его окраине, но их кормовые участки, пронизанные кормовыми дорогами, обязательно связаны с древостоем, где они разводят колонии тлей [4]. Напротив, тонкоголовые муравьи гнездятся на опушках, полянах и верховых болотах. Кормовых дорог они не устраивают, предпочитая охотиться на открытой местности, где пасут тлей на кустарниках и травах [3]. При этом и те, и другие, обладая высокой численностью населения, активно защищают как свои гнезда, так и кормовые участки, т.е. имеют охраняемые кормовые территории [3]. В ходе обследования нам довелось наблюдать нападение муравьев *F. aquilonia* на гнездо *F. exsecta*, оказавшееся рядом с их дорогой.

Сходным образом оба вида поступают в отношении другого представителя рода *Formica* – *F. fusca* – бурого лесного муравья, чьи гнезда тоже встречаются на маршруте. Они малозаметны, если нет выбросов почвы из ходов. Их находят при специальном обследовании: под камнями в почве, в гнилых стволах, кочках, где они сооружают гнездовые секции (ил. 5). В размерах семей (до 10 тыс. особей) этот вид из подрода *Serviformica* уступает и рыжим лесным, и тонкоголовым муравьям, которые в своих местообитаниях фактически контролируют численность прочих муравьев. Именно поэтому бурый лесной муравей гнездится по периферии кормовых участков видов-доминантов либо там, где их нет. В последнем случае, особенно на прогреваемой территории, число его гнездовых секций может достигать 10 на 100 м². Охраной кормовой территории эти муравьи не занимаются и действуют на поверхности

как одиночные фуражиры в отличие от рыжих лесных и тонкоголовых муравьев, применяющих групповую охоту.

Несмотря на свое подчиненное положение, *F. fusca*, как и другие виды *Serviformica*, обитающие в Архангельской области (см. таблицу), играют важнейшую роль в сохранении и расселении видов-доминантов. Дело в том, что из всех муравьев рода *Formica* только самки представителей *Serviformica* способны основать новую семью без участия рабочих [3]. В их мощном жировом теле содержится такой запас питательных веществ [9], что, найдя после брачного лёта подходящее укрытие, они зимуют, осуществляют яйцекладку и выводят первое поколение рабочих самостоятельно.

У молодых самок рыжих лесных муравьев в отличие *Serviformica* жировое тело тонкое [10]. Свое существование они могут поддержать тремя способами: оставшись в материнском гнезде, внедрившись в другой муравейник своего вида либо в гнездо муравьев *Serviformica*. Этим обусловлено то, что появление новой семьи у рыжих лесных муравьев проходит либо в результате почкования муравейника, либо с помощью временного социального паразитизма [3]. При почковании часть рабочих покидает материнское гнездо и строит отводок, куда муравьи переносят молодых самок, рабочих, а также часть расплода. В случае временного паразитизма проникшая в гнездо *Serviformica* самка заменяет местную, и рабочие вида-хозяина ухаживают за ней и ее расплодом. Поскольку теперь откладывает яйца только самка-паразит, видовой состав поначалу смешанной семьи постепенно меняется, и в итоге гнездо *Serviformica* превращается в муравейник рыжих лесных муравьев. Те же стратегии размножения присущи и тонкоголовым муравьям [3].

Почкование и фрагментация (разделение семьи на равные части) известны у многих видов муравьев. Подобно вегетативному размножению растений, эти варианты размножения семей помогают быстро заселить новые территории. Однако присущее рабочим муравьям пешее перемещение ограничивает дистанцию почкования одной-двумя сотнями метров. Преодолеть серьезные преграды (обширные водные пространства, зоны гарей, ветровала и пр.) с помощью выделения отводков невозможно.

Проблема решается тем, что у самцов и молодых самок муравьев сохранились крылья. Летают они плохо, причем после спаривания самцы живут недолго, а самки крылья вскоре сбрасывают. И все же, подхваченные потоками ветра, крылатые в период брачного лёта переносятся на огромные расстояния. На островах Белого моря зарегистрировано большинство видов муравьев с континентальных территорий региона (см. таблицу). Не стали исключением и виды-доминанты: на крупных островах Беломорья существуют поселения и рыжих лесных, и тонкоголовых муравьев [1, 8]. Тем не менее, они не

могли быть первопоселенцами в силу описанных выше особенностей биологии. Саму возможность освоения островов им предоставили виды *Serviformica*, самки которых основывают новые семьи самостоятельно.

Кроме упомянутых видов *Formica*, в окрестностях Моршихинской при обследовании трех пробных площадок (по 10×10 м²) в сосняке-зеленомошнике, на разнотравном лугу и вересковой пустоши выявлены гнезда более мелких по своим размерам муравьев *Lasius* и *Myrmica*. В основе их построек – секция, подобная секциям *F. fusca*, – из вертикального ствола, на который нанизаны камеры (ил. 5а). Снаружи гнезда бывают прикрыты холмиком из вынесенной наружу почвы (ил. 5б). Как и бурые лесные муравьи, они охотно гнездятся в колодах, почвенных буграх, злаковых и моховых кочках [5].

Уступая формикам в размерах особей, мирмики и лазиусы превосходят их по числу гнезд на единицу площади. Например, на 100 м² разнотравного луга, где был один муравейник тонкоголового муравья, пришлось два гнезда бурого лесного муравья, 24 гнезда четырех видов мирмик (*Myrmica rubra*, *ruginodis*, *lobicornis* и *scabrinodis*) и семь гнезд черного садового муравья (*Lasius niger*). Избегать встреч с агрессивными доминантами помогают трещины в земле и тоннели, которые мирмики и лазиусы прокладывают в подстилке и под поверхностью почвы.

О программе «Мониторинг муравьев Формика». В 2009 г. проходивший в Нижнем Новгороде XIII Всероссийский мирмекологический симпозиум принял решение развернуть исследования структуры и состояния поселений муравьев *Formica*. Акцент на представителях данного рода неслучаен. Рыжие лесные муравьи и ряд других видов *Formica* имеют наиболее крупные и устойчивые поселения, которые в благоприятных условиях занимают целые лесные массивы и контролируют все ярусы насаждения. Именно они дают наибольший эффект как почвообразователи и энтомофаги.

К сожалению, в последние десятилетия в результате запущенности лесного хозяйства и увеличения антропогенной нагрузки численность муравьев в лесах России упала в ряде регионов до критического уровня. В первую очередь это касается наиболее значимых видов – рыжих лесных и тонкоголовых муравьев. По многолетним наблюдениям в муравьином заказнике «Верхняя Клязьма» нарушение регламентов лесопользования и охотоведения в Московской области привело за несколько лет к деградации больших комплексов муравейников [5]. Одной из важнейших целей программы «Мониторинг муравьев Формика» стало получение объективной информации о современном состоянии популяций *Formica* в различных регионах России. В настоящее время работы по инвентаризации поселений предприняты в Московской, Рязанской, Нижегородской, Екатеринбургской и Новосибирской областях.

Осуществить столь масштабные исследования, тем более вести мониторинг появляющихся изменений силами немногих ученых сложно. Между тем сотрудничество со школьными лесничествами и юннатами в заповедниках приносит пользу обеим сторонам. Местные жители всегда лучше знают, где искать муравейники. Само появление экотропы в парке – их заслуга. Став участниками XVI симпозиума «Муравьи и защита леса», проходившем в Подмосковье в 2022 г., ученики морщининской школы Ян Курмин и Вячеслав Малахов познакомили слушателей с историей создания «Тропы муравейников» [7], узнали о разнообразии исследований в мирмекологии и прошли практику полевой работы с муравьями.

В заключение перечислим направления работ, которые целесообразно осуществить в Кенозерском национальном парке:

1. Продолжить выявление и инвентаризацию других комплексов рыжих лесных и тонкоголовых муравьев.

2. Провести повторно картирование JPS-навигатором и измерение гнезд «Тропы муравейников» по стандартной методике [4]. Проанализировать изменения по сравнению с данными 2018 г.

3. Определить число дорог, отходящих из каждого муравейника. Они равны числу колонн – относительно автономных субъединиц семьи рыжих лесных муравьев (со своей группой рабочих и самок каждая).

4. Подсчитать поврежденные (животными, птицами, лесоустроительными работами, ветровалом) и брошенные муравьями гнезда, определить их координаты и оценить их процентную долю.

5. Выявить возможные колонии муравейников, о которых судят по наличию дорог между гнездами.

6. Создать фенологический календарь жизнедеятельности муравейника, в котором регистрируются сроки следующих явлений:

- полное освобождения куполов от снега;
- появление первых рабочих на куполах – начало активизации семей;
- появление на куполах скоплений муравьев (муравьев-теплоносцев) – начало весеннего разогрева муравейников;
- начало перемещения рабочими муравьями материала на куполе (начало восстановления гнезда после зимовки);
- массовый выход муравьев на территорию (хорошо оформленных потоков еще нет);
- образование дорог к деревьям, кустарникам (весной, в период начавшегося сокодвижения муравьи собирают выделяющийся в трещинах коры сок, содержащий сахара);
- появление на дорогах фуражиров с белковой добычей (насекомые, пауки, дождевые черви и пр.) и/или строительным материалом (хвоя, веточки, соломинки, лепестки, почечные чешуйки, кусочки смолы, камешки и т.д.);

- появление крылатых самок и самцов на куполе, что указывает на выход из куколок первого поколения муравьев;
- появление рабочих, выносящих из гнезда мелкие белые кусочки, напоминающие скорлупки от яиц, — оболочки куколок, из которых вывелось очередное поколение муравьев;
- появление на некоторых дорогах муравьев-носильщиков, переносящих в жвалах своих личинок и куколок, а также внутригнездовых муравьев (они сложены в позе «чемоданчика») — это могут быть обмены между родственными гнездами в колонии, а также образование отводка либо переселение семьи на новое место;
- образование по периметру муравейника свежих выбросов почвы, указывающих на начавшуюся подготовку к зимовке (муравьи чистят зимовочные камеры и подземную часть гнезда, строят дополнительные камеры);
- исчезновение дорог, резкое снижение плотности муравьев вблизи гнезда, перемещение рабочего населения с территории в гнездо, постепенная миграция в подземные камеры и галереи;
- появление время от времени на куполе единичных рабочих, в то время как основная масса населения муравейников приступает к зимовке.

Для наблюдений лучше выбирать муравейники вблизи экотропы. Регистрацию достаточно проводить один раз в 10–15 дней. Некоторые из указанных явлений могут совпадать по времени, другие повторяться. Например, вынос куколочных оболочек в зависимости от размеров семьи может проходить 1–4 раза за сезон активности, а появление теплоносцев на куполе летом, как и вынос куколок на его поверхность после похолодания указывает на нестабильность терморегима гнезда.

Список муравьев Кенозерского национального парка не исчерпывается видами, представленными в таблице. Отдельного внимания заслуживают открытые биотопы — различные луга и верховые болота, где свои многовидовые ассоциации муравьев. Но фаунистические сборы и оценку плотности гнезд здесь целесообразнее выполнять специалистам либо под их руководством.

Виды семейства Formicidae, зарегистрированные в Архангельской и Мурманской областях

Вид	Русское название	Кенозерский национальный парк	Пинежский заповедник	Соловецкие острова	Кандалакшский заповедник
<i>Formica aquilonia</i>	северный лесной муравей	+	+	+	+

Вид	Русское название	Кенозерский национальный парк	Пинежский заповедник	Соловецкие острова	Кандалакшский заповедник
<i>F. polyclteta</i>	малый лесной муравей	—	+	—	+
<i>F. lugubris</i>	волосистый лесной муравей	+	+	+	+
<i>F. truncorum</i>	красноголовый муравей	—	+	—	+
<i>F. pratensis</i>	луговой муравей	+	—	—	+
<i>F. sanguinea</i>	кровавый муравей-рабовладелец	—	+	+	—
* <i>F. lemani</i>	северный черный муравей	—	+	+	+
* <i>F. gagatoides</i>	полярный муравей	—	+	+	+
* <i>F. fusca</i>	бурый лесной муравей	+	+	—	+
* <i>F. picea</i>	болотный муравей	—	+	+	—
* <i>F. uralensis</i>	черноголовый муравей	—	+	+	—
<i>F. exsecta</i>	обыкновенный тонкоголовый муравей	+	+	+	+
<i>F. pressilabris</i>	малый тонкоголовый муравей	—	+	—	—
<i>F. forsslundi</i>	тонкоголовый болотный муравей	—	+	+	—
<i>Camponotus herculeanus</i>	красногрудый муравей-древоточец	—	+	+	+
<i>Lasius niger</i>	черный садовый муравей	+	+	—	—
<i>L. flavus</i>	желтый земляной муравей	+	—	—	—
<i>Myrmica ruginodis</i>	морщинистая мирмика	+	+	+	+
<i>M. rubra</i>	рыжая мирмика	+	—	—	+
<i>M. lobicornis</i>	северная мирмика	+	—	+	+
<i>M. sulcinodis</i>	таежная мирмика	—	—	+	+

Вид	Русское название	Кенозерский национальный парк	Пинежский заповедник	Соловецкие острова	Кандалакшский заповедник
<i>M. scabrinodis</i>	моховая мирмика	+	+	–	+
<i>M. rugulosa</i>	луговая мирмика	+	+	–	–
<i>Leptothorax acervorum</i>	подкорный муравей	–	+	+	+
<i>Harpagoxenus sublaevis</i>	–	–	–	+	–
<i>Formicoxenus nitidulus</i>	блестящий муравей-малютка	–	–	+	–

Примечания: 1. Использованы данные из публикаций: [1, 8, 6]. 2. Звездочкой отмечены виды *Serviformica*.

Список литературы

1. Бызова Ю.Б., Уваров А.В., Губина В.Г., Залеская Н.Т., Захаров А.А., Петрова А.Д., Суворов А.А., Воробьева Н.Г. Почвенные беспозвоночные беломорских островов Кандалакшского заповедника. М., 1986.
2. Горюнов Д.Н. Гнездостроение у муравьев *Formica exsecta* (Hymenoptera, Formicidae) // Зоологический журнал. 2015. Т. 94, № 10. С. 1132–1137.
3. Длусский Г.М. Муравьи рода *Formica*. М., 1967.
4. Захаров А.А., Длусский Г.М., Горюнов Д.Н., Гилёв А.В., Зрянин В.А., Федосеева Е.Б., Гороховская Е.А., Радченко А.Г. Мониторинг муравьев *Formica*. М., 2019.
5. Захаров А.А. Муравьи лесных сообществ, их жизнь и роль в лесу. М., 2015.
6. Захаров Р.А. Муравьи *Formica* (Formicidae) // Компоненты экосистем и биоразнообразии карстовых территорий Европейского севера России (на примере заповедника Пинежский. Архангельск, 2008. С. 261–272.
7. Малахов В.С., Курмин Я.А. «Тропа муравейников» как способ вовлечения школьников в эколого-просветительскую деятельность Кенозерского национального парка // Материалы XVI Всероссийского мирмекологического симпозиума «Муравьи и защита леса». М., 2022. С. 229–231.
8. Федосеева Е.Б. Муравьи Соловецких островов // Материалы X Всероссийского мирмекологического симпозиума «Муравьи и защита леса». М., 1998. С. 141–142.
9. Федосеева Е.Б. Состояние внутренних органов самок муравьев *Formica cinerea* и *Lasius fuliginosus* в период брачного лета // Материалы XVI Всероссийского мирмекологического симпозиума «Муравьи и защита леса». М., 2022. С. 188–192.
10. Fedoseeva R.B., Grevtsova N.A. Flight muscles degeneration, oogenesis and fat body in *Lasius niger* and *Formica rufa* queens (Hymenoptera: Formicidae) // Russian Entomological Journal. 2020. Т. 29, no. 4. P. 410–420.

Новые находки европейской жемчужницы (*Margaritifera margaritifera* L.) на Онежском полуострове

Футоран Павел Александрович – старший государственный инспектор в области охраны окружающей среды – охотовед, Национальный парк «Кенозерский»; blaid008@yandex.ru

Шапкин Олег Александрович – младший научный сотрудник, Дарвинский государственный природный биосферный заповедник; sharpin-o-a@mail.ru

Вихрев Илья Витальевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; vikhrevilja@gmail.com

Мосеев Дмитрий Сергеевич – научный сотрудник, Институт океанологии имени П.П. Ширшова Российской академии наук; viking029@yandex.ru

Дворянкин Геннадий Александрович – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; dga130157@gmail.com; научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; fish@kenozero.ru

Европейская жемчужница – *Margaritifera margaritifera* (Linnaeus, 1758) – редкий вид моллюсков, внесенный в Красные книги России и Архангельской области. Требуется изучение состояния его популяций как на всей территории России, так и в ее отдельных регионах, где обитает моллюск. В статье приведены результаты изучения популяций европейской жемчужницы в малых реках Онежского полуострова со сходными гидрологическими условиями – Усть-Яренье и Сярте. Сравнительные данные показали, что плотность популяции жемчужницы в р. Сярта превышает таковую в р. Усть-Яренье.

Ключевые слова: европейская жемчужница, Онежский полуостров, Национальный парк «Онежское Поморье», редкие виды.

Европейская жемчужница *Margaritifera margaritifera* (Linnaeus, 1758) – охраняемый вид пресноводных двустворчатых моллюсков, населяющий холодноводные, маломинерализованные ручьи и реки на Севере, Западе и Юго-Западе Европы, а также на восточном побережье Северной Америки. Вид включен в Красный список Международного союза охраны природы и природных ресурсов, в Красные книги России [6], Архангельской области [4] и Карелии [5] как сокращающийся в численности вид.

В Архангельской области изучены популяции жемчужницы в малых реках: р. Солза и ее притоке р. Казанка, р. Кожа с притоком р. Сывтуга, р. Сомба, Нименьга, Малошуйка [2], бассейне р. Лопшеньга – ручьях Каменный и Жемчужный [1, 3, 8].

До недавнего времени статус жемчужницы на Онежском полуострове оставался неясен. В 1975 г. экспедицией Северного научно-исследовательского института рыбного хозяйства она была обнаружена в Каменном ручье, вытекающем из оз. Каменное [1]. С тех пор вплоть до образования в 2013 г. Национального парка «Онежское Поморье» исследования по изучению популяций жемчужницы в ручьях Онежского полуострова не проводились (ил. 1).

В августе 2015 г. во время экспедиции была обнаружена жемчужница в ручьях Каменный и Жемчужный в бассейне р. Лопшеньга [1]. Ручей Каменный был обследован в верхнем и среднем течении, а ниже не удалось обследовать из-за большого уровня воды.

Задачей нашего исследования было обследование р. Сярта и Усть-Яреньга (Летний берег Онежского полуострова) для оценки современного состояния популяций жемчужницы, в том числе поиск новых местообитаний в пределах территории Национального парка «Онежское Поморье».

Материалы и методы. В августе 2022 г. во время экспедиции были обследованы две малые реки – Сярта и Усть-Яреньга. На участках рек, где обнаружены популяции европейской жемчужницы, были заложены трансекты площадью от 20 до 660 м² у истока и в нижнем течении обследованных участков рек. Общая площадь трансект в р. Сярта – 975 м², в р. Усть-Яреньга – 1100 м². На трансектах промерены глубина и скорость течения (с помощью поплавка и секундомера), описаны грунты, подсчитано количество моллюсков, рассчитана плотность моллюсков на 1 м² русла реки. Кроме того, в р. Усть-Яреньга проведены учеты моллюсков на трех участках площадью от 202 до 660 м² (общая площадь 1100 м²), рассчитана плотность моллюсков на 1 м² русла реки.

Описание обследованных рек. Сярта находится на севере Онежского полуострова на территории Национального парка «Онежское Поморье», течет в направлении с юга на север, исток берет из Сяртозера, впадает в Белое море. При впадении в море река образует простое устье. Длина водотока – 11 км, ширина по всей протяженности – 5–7 м. Глубины на перекатах – 0,2–0,7 м, на плесах – более 1 м. В донных отложениях преобладают каменисто-песчаные грунты. Вода имеет гумусовый оттенок. Сярта – река полугорного типа со скоростью течения не более 1 м/с (ил. 2), а в низовье реки скорость течения существенно снижается. На камнях часто поселяются водные мхи обрастатели – фонтиналис (*Fontinalis*) и варнсторфия (*Warnstorfia*).

Зафиксировано присутствие жилой формы кумжи (*Salmo trutta* L.). Обследованы верхнее (1,6 км) и нижнее (менее 1 км) течения реки. В верхнем течении с большой скоростью течения и перекатами обнаружены скопления европейской жемчужницы. В устьевом участке, имеющем равнинный характер, жемчужница не обнаружена.

Река Усть-Яреньга находится на севере Онежского полуострова на территории Национального парка «Онежское Поморье», течет в направлении с юга на север. Исток она берет из оз. Слободское, впадает в Белое море, образуя при впадении в море простое устье. Длина водотока – 13 км, ширина по всей протяженности – 5–8 м. Глубины на перекатах – 0,2–0,7 м, на плесах – более 1 м. В донных отложениях преобладают каменисто-песчаные грунты (см. таблицу). Вода имеет гумусовый оттенок. Река полугорного типа со скоростью течения не более 1 м/с. На камнях часто поселяются водные мхи обрастатели – фонтиналис (*Fontinalis*) и варнсторфия (*Warnstorfia*). Зафиксировано присутствие жилой формы кумжи (*Salmo trutta* L.) и атлантического лосося (*Salmo salar* L.). Обследовано нижнее течение, где обнаружены скопления жемчужницы (ил. 3). Можно предположить наличие жемчужниц и выше обследованного участка, т.к. нижнее течение реки расположено в сходных условиях.

Результаты и их обсуждение. В верхнем течении р. Сярта жемчужница встречается скоплениями на участках длиной от 5 до 7 м. Ширина русла реки в этих местах составляет от 5 до 7 м. Общая протяженность обследованных участков с колониями жемчужницы составила 158 м, общая протяженность обследованного русла реки – около 1600 м (ил. 2). Скорости течения на участках, где обнаружена жемчужница, можно условно разделить на три группы: слабое – до 0,09 м/с; среднее – от 0,15 до 0,25 м/с; быстрое – до 0,44 м/с. Жемчужницы отмечались как на участках с равнинным характером, так и на быстротоках, часто за перекатом. Глубина ручья в местах скопления жемчужниц составляла от 40 до 60 см, в среднем – 50 см. На двух участках реки общей площадью 975 м² обнаружено 93 жемчужницы, плотность населения жемчужниц на 1 м² русла реки изменяется от 0,05 до 2,2 особей (см. таблицу).

На трех площадках общей площадью 1100 м² в нижнем течении Усть-Яреньги общее количество моллюсков составило 35 особей. Ширина реки на этих участках изменялась от 5 до 8 м. Общая длина исследованных площадок составила 172 м, общая длина обследованного русла реки – около 3500 м (ил. 3). Скорости течения на участках, где обнаружена жемчужница, можно условно разделить на две группы: слабое – от 0,05 до 0,09 м/с; среднее – от 0,15 до 0,17 м/с. Плотность колоний менялась от 0,01 до 0,07 особей на 1 м² русла реки (см. таблицу).

Гидролого-гидробиологические характеристики участков р. Сярта и Усть-Яреньга (Онежский полуостров), в которых обнаружены популяции европейской жемчужницы (*Margaritifera margaritifera*)

Водоток	Протяженность обследованного участка реки, м	Число обследованных участков	Площадь обследованных участков, м ²	Характер грунта	Скорость течения, м/с	Глубина, см	Количество жемчужниц, особей на обследованных участках	Плотность населения жемчужниц, особей на 1 м ² русла
Сярта	1600	2	975	Валуны, галька мелких и средних размеров, крупнозернистый песок, заиленные участки, пороги	0,09–0,25	40–60, средняя 50	93	0,05–2,2
Усть-Яреньга	3500	3	1100	Валуны, галька средних размеров, крупнозернистый песок, заиленные участки, пороги	0,05–0,17	40–60, средняя 50	35	0,01–0,07

Плотности популяций в обеих реках составляют в среднем от 1,12 (min 0,05, max 2,2) особей на 1 м² русла в р. Сярта и до 0,04 (min 0,01, max 0,07) в р. Усть-Яреньга. Зарегистрированная плотность населения жемчужниц в р. Сярта значительно превышает таковую в р. Усть-Яреньга. Вместе с тем, учитывая неполное обследование Усть-Яреньги, такие выводы требуют дополнительной проверки. По опубликованным данным, плотность населения в 500 взрослых особей на 100 м² может обеспечивать успешное воспроизводство жемчужниц [7]. Полученные нами данные показывают, что плотность населения жемчужницы в обследованных реках предположительно мала для успешного воспроизводства популяций. Этот предварительный вывод требует подтверждения путем дополнительного обследования р. Сярта и Усть-Яреньга.

С образованием Национального парка «Онежское Поморье» изучение структуры популяций европейской жемчужницы на Онежском полуострове носит регулярный характер: актуализируется информация по рекам и ручьям, в которых обитает жемчужница, данные водоемы

имеют ключевое значение для охраны этого вида на особо охраняемых природных территориях.

Проведенные нами обследования показывают, что в отдельных водотоках (р. Сярта, Усть-Яреньга) плотность изучаемых моллюсков низка. Для выявления основных носителей глосидий моллюска требуется дополнительные ихтиологические исследования и биотехнические мероприятия (расчистка рек от завалов). Для оценки состояния популяции на предмет их обновления необходимо детальное обследование рек с дополнительными морфометрическими исследованиями жемчужниц.

Список литературы

1. Волков А.Е., Волкова Е.В. Предварительные результаты исследований популяций европейской жемчужницы ручьев бассейна реки Лопшеньга на Онежском полуострове Архангельской области // Известия РАН. Серия биологическая. 2017. № 1. С. 19–23.
2. Вихрев И.В. Распространение и современное состояние популяций жемчужницы европейской (*Margaritifera margaritifera* L.) на восточной границе ареала: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Сыктывкар, 2013.
3. Кабаков М.Б., Попов В.Е., Дворянкин Г.А., Вихрев И.В., Кондаков А.В., Болотов И.Н. Состояние популяций жемчужницы европейской *Margaritifera margaritifera* (Linnaeus, 1758) в бассейне реки Лопшеньга Онежского полуострова // Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий. Архангельск, 2019. С. 460–464.
4. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.
5. Красная книга Республики Карелия. Белгород, 2020.
6. Красная книга Российской Федерации (животные). М., 2021.
7. Махров А.А., Иешко Е.П., Щуров И.Л., Широков В.А. Европейская жемчужница (*Margaritifera margaritifera* (L. 1758)): состояние изученности и пути сохранения в реках Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2009. № 1. С. 101–113.
8. Футоран П.А., Брагин А.В., Дровнина С.И., Волков А.Е., Волкова Е.В. Мониторинг состояния популяции жемчужницы европейской (*Margaritifera margaritifera* L. 1785) в национальном парке «Онежское Поморье» // Научные исследования в заповедниках и национальных парках Российской Федерации (2015–2021 гг.). Симферополь, 2022. С. 405–406.

Динамика юго-восточного побережья Унской губы Белого моря и его первоначальное освоение в голоцене¹

Яковлева Алена Павловна – аспирант, Институт географии Российской академии наук; iakovleva-ap@yandex.ru

Репкина Татьяна Юрьевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук; t-repkina@yandex.ru

Кублицкий Юрий Анатольевич – кандидат географических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; uriy_87@mail.ru

Леонтьев Петр Александрович – старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; barograph@yandex.ru

Гуринов Артем Леонидович – кандидат географических наук, младший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук; Аграрно-технологический институт Российского университета дружбы народов; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; gurinov.artem@gmail.com

Орлов Александр Владимирович – младший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; 95orlov@rambler.ru

Беличенко Алексей Евгеньевич – младший научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук; alexbelichenko@yandex.ru

На юго-восточном побережье Унской губы, в районе д. Уны (Летний берег Белого моря) в 2022–2023 гг. были выполнены геолого-геоморфологические, георадиолокационные, палеолимнологические и георадиолокационные исследования, а также дешифрованы детальные

© Яковлева А.П., Репкина Т.Ю., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Гуринов А.Л., Орлов А.В., Беличенко А.Е., 2024

¹Статья подготовлена в рамках государственного задания по договору с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Изучение многолетней динамики экосистем, естественного хода процессов и явлений в национальном парке «Онежское Поморье» (шифр научной темы: 1-22-104-2), а также в рамках тем государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119021990091-4 и FMGE-2019-0005 (геоморфологические и георадиолокационные исследования), государственного задания при финансовой поддержке Министерства просвещения России (проект № FSZN-2020-0016) (палеолимнологические исследования), государственного задания РГПУ им. А.И. Герцена № 2023-2025 VRFY-2023-0010 (палеолимнологические исследования).

космические снимки. Восстановлены условия развития юго-восточных берегов Унской губы и стратегия их первоначального освоения представителями Беломорской культуры в голоцене. Задokumentированы прерывистые фрагменты древних береговых линий на высотах, не превышающих 6–6,5 м, фиксирующие верхний предел уровня моря в позднем голоцене.

Ключевые слова: морские берега, морфодинамика, относительный уровень моря, палеолимнологические исследования, георадиолокационные исследования, геoarхеологические исследования, голоцен, Летний берег, Белое море.

Унская губа, один из крупных эстуариев Белого моря, вдаётся в Онежский полуостров на 30 км и приурочена к Унско-Ухтинскому грабену древнего заложения [1]. В позднеледниковое-голоценовое время она была частью пролива, расположенного между Онежским и Двинским заливами [4]. Берега губы развиваются в результате сложного сочетания воздействия волн, приходящих из открытой акватории Белого моря, приливных, нагонных и иных колебаний уровня моря, а также стока речных вод. Морфодинамика берегов ранее изучалась на открытом волновому воздействию северо-западном побережье эстуария в районе оз. Мураканского [12], а также устье (горле) губы, где наряду с волнением также действуют сильные приливные течения [7, 8]. В вершине эстуария получены сведения об изменении относительного уровня моря за последние ~2,8 тыс. кал. л.н. [11]. Первые сведения о морфодинамике берегов вершины эстуария, развивающихся в затишных условиях, в основном под действием приливов и медленного последнеледникового поднятия, изложены в нашей предыдущей работе [10]. В марте 2023 г. получены новые полевые данные, позволившие уточнить имеющуюся реконструкцию.

Освоение побережья представителями Беломорской морской культуры, видимо, началось около 6 тыс. л.н. и происходило параллельно со стремительным ростом береговых аккумулятивных форм рельефа и выдвиганием берега [5]. На открытых берегах района горла Унской губы встречаются многочисленные свидетельства бытования представителей эпохи неолита – раннего металла (ил. 1). Тем не менее, вершина эстуария с археологической точки зрения изучена крайне мало. В районе д. Уны нами исследована группа озер (палеопроливов), морских террас, древних береговых линий, которые могли быть удобны для освоения представителями первобытных приморских культур. Совместный анализ геоморфологических, палеолимнологических и археологических данных позволил выявить морфолитодинамические условия формиро-

вания берегов вершины эстуария, предварительно оценить их возраст, проследить взаимосвязь между развитием и освоением берегов. Результаты исследований стали основой при разработке проекта организации экскурсионного маршрута в буферной зоне Национального парка «Онежское Поморье».

Материалы и методы. Экспедиционные исследования в окрестностях д. Уна включали три этапа работ: 1) в феврале – марте 2022 г., 2) июле – августе 2022 г. и 3) марте 2023 г. (ил. 2).

На первом этапе в зимних условиях были проведены георадиолокационное и тахеометрическое профилирования, а также изучены донные отложения оз. Червозеро (урез 7,3 м) и Светлого (урез 9,8 м).

Георадиолокационное профилирование выполнено с целью уточнения мощности и особенности залегания озерных, морских и ледниковых отложений, характерных для побережья Белого моря. Работы осуществлялись при помощи георадара Око-3 и антенн с частотой 250 и 400/900 МГц. Ввод данных о превышениях проводился с использованием высот, которые были получены по результатам тахеометрического профилирования с помощью DGPS-приемника PrinCe i50. Тахеометрическое и георадиолокационное профилирование выполнялись одновременно. На камеральном этапе была проведена обработка первичных (полевых) радарограмм с использованием специальных программных пакетов CartScan, Prism 2.5, RadExplorer 1.42. Интерпретация радарограмм выполнена на основе анализа волновой картины по стандартной методике [9] с учетом данных бурения и визуального наблюдения мощности снежного покрова, которые позволили соотнести волновую картину радарограммы с реальным разрезом.

Бурение донных отложений озер осуществлялось со льда с помощью русского торфяного бура (диаметр 5 см, длина керна 1 м) и сопровождалось литостратиграфическим описанием кернов и отбором отложений на радиоуглеродное датирование и диатомовый анализ. Максимальная глубина скважин составила ~7 м.

На втором этапе (июль – август 2022 г.) было проведено комплексное обследование рельефа и археологических памятников к западу и востоку от д. Уны. В ходе археологической разведки было обнаружено местонахождение кварцевой индустрии (см. ил. 2).

На третьем этапе (март 2023 г.) было произведено бурение донных отложений озера Светлого (ил. 2). Получено два керна (ил. 3). Отобрано два образца на радиоуглеродный анализ, который позволит обосновать хронологию форм берегового рельефа и уточнить полученную реконструкцию.

На камеральном этапе полевые данные были дополнены геоморфологическим дешифрированием детальных космических снимков, полученных с сервисов SAS-planet (ArcGIS IMAGERY; Bing.Satellite) и GoogleEarth (googlemaps), а также анализом топографической основы. Вся эта информация сведена в ГИС-проект и проанализирована в среде ArcGIS.

Результаты исследования. Геоморфологические исследования показали, что на юго-восточном побережье Унской губы на высотах более 10 м сохранился рельеф одной из стадий деградации последнего оледенения, частично измененный береговыми процессами во время позднеледниковой трансгрессии [3]. В ходе работ и при геоморфологическом дешифрировании детальных космических снимков повсеместно отмечено наличие моренных гряд, холмов, положение которых определило конфигурацию береговой линии послеледникового моря. Извилистый берег перерабатывался приливно-отливными и волновыми процессами, а вогнутости берега заполнялись морскими отложениями. Омываемые водами послеледникового моря поверхности на высотах более 10 м представляли из себя острова, возвышающиеся над акваторией древнего водоема. По своему морфологическому облику данная территория видимо представляла из себя фиардово-шхерный тип побережья – сочетание ледниковых форм, которые впоследствии были частично преобразованы волновыми процессами.

В настоящее время основным фактором формирования берегов ктовой части Унской губы в голоцене являются приливно-отливные явления. По этой причине большая часть территории представляет из себя пологовыпуклые преимущественно заболоченные поверхности древних осушек. Выраженные в рельефе уступы террас зафиксированы фрагментарно на высотах до 6–6,5 м. По данным радиоуглеродного датирования в скважине JT2012 (см. 2) [11] установлено, что относительный уровень моря в окрестностях д. Уны достигал значений $+2,60 \pm 0,47$ м над современным уровнем моря 2804 ± 52 кал. л.н. Иначе говоря, юго-восточное побережье Унской губы последние ~2,8 тыс. лет поднималось со скоростью около 0,9 мм/год.

В ходе экспедиций была обследована группа моренных останцов, озер и заболоченных понижений между ними, которые, видимо, представляли собой серию палеопротоливов, в разное время отчленившихся от моря в результате медленного поднятия берегов района. Для более детального изучения были выбраны оз. Червозеро и Светлое, располагающиеся между моренными грядами.

По результатам георадиолокационного профилирования и бурения разрез послеледниковых отложений участка исследований включает

три интервала. Наиболее полный разрез отложений получен из донных осадков (урез 7,3 м) оз. Червозеро (см. ил. 2). У северо-восточного берега озера были вскрыты озерно-болотные отложения (гиттия мощностью 1–2 м), которые залегают на сортированных среднезернистых песках, вероятно, сформированных волнами в озерной котловине (см. скважины 157 и 158 на ил. 2). Отложения не представляют интереса для датирования времени обособления озерной котловины от моря. Более представительный и, видимо, древний разрез донных отложений вскрыт в юго-западной, относительно мелководной части котловины (см. скважину 159 на ил. 2 и 4). Под озерно-болотными отложениями (гиттия, торф, общая мощность – 1,3–1,35 м) залегают хорошо отмытые мелкозернистые пески (МЗП), а под ними – крупнозернистые пески с включениями гравия и макроостатков, в том числе фрагментов древесины. В центральной части оз. Светлого (урез 10,5 м) также был получен разрез донных отложений (см. ил. 3). Под озерно-болотными отложениями, представленными гиттией и торфом мощностью 0,511–0,519 м, залегают сизовато-серый алеврит с песком, сменяющийся глинистым алевритом, опесчаненным мелкозернистым песком.

На георадарном профиле P0005-08 видно, что пески облекают кровлю морены (см. ил. 4). Вероятно, они могут быть сопоставлены со временем отчленения озера от моря. Керны отложений отобраны для аналитических исследований и датирования.

Профиль P0005-003 (ил. 5) пересекает заболоченную перемычку между оз. Светлым (урез 9,8 м) и оз. Червозеро (урез 7,3 м). На профиле на глубинах 3–5 м от уровня поверхности более или менее четко прослеживается кровля морены (на ил. 5 обозначена цифрой 4). Выше лежащая толща, вероятно, имеет двучленное строение; верхняя часть ее представлена торфом (на ил. 5 обозначен цифрой 2). Учитывая мощность перекрывающей толщи, перемычка между озерами располагалась на высотах ~8–9 м.

В районе оз. Мураканского трансгрессия среднего голоцена (Тапес) началась около 8,4 тыс. кал. л.н. и достигла своего максимума (до 9,5 м над современным уровнем моря) 8,4–7,4 тыс. кал. л.н. В течение 7,4–6,0 тыс. кал. л.н. относительный уровень моря стабилизировался на высоте около 8,5–8 м, а в промежутке 6–3,9 тыс. кал. л.н. довольно медленно снижался и колебался в районе 8–7 м [12].

С учетом неравномерности изменения относительного уровня моря на берегах Унской губы [12] обособление от моря оз. Светлого может быть предварительно сопоставлено с завершением первого этапа трансгрессии среднего голоцена, а оз. Червозеро – с понижением

уровня моря после ~ 6 тыс. кал. л.н. Оценки времени отчленения от моря оз. Червозеро и Светлого также близки и к предварительным датировкам ранних археологических памятников побережья Онежского полуострова, а также бытования стоянок и поселений на берегу оз. Мураканского [2].

В ходе археологической разведки в пределах палеопротоливов памятники обнаружены не были. Однако на моренном останце западнее д. Уны на близких высотах обнаружено местонахождение «Остров» (см. ил. 2), которое, так же как и стоянка в 2 км к северо-востоку от д. Луды, задокументированная в 1997 г. экспедицией А.Е. Беличенко, относится к группе ранних археологических памятников Онежского полуострова. Как и в районе оз. Мураканского [2, 6], в кутовой части Унской губы поселения древнего человека смещались вслед за изменением конфигурации морского берега. Местонахождение «Остров» располагается на высоте около 9–9,5 м и ориентировано в сторону древнего залива. Предполагаемый возраст – 5–3 тыс. до н.э (неолит – ранний металл).

На протяжении всех этапов освоения Онежского полуострова, в том числе побережья кутовой части Унской губы, прослеживается зависимость расположения поселений от положения береговой линии моря (кормовой базы) и наличия пресной воды (см. ил. 1). На ранних этапах освоения потребность в пресной воде заставляла жителей выбирать участки вблизи устьев рек и ручьев или там, где неглубоко залегают водоупорный горизонт. Источником питьевой воды в районе местонахождения «Остров» могли служить надморенные грунтовые воды, приуроченные к кровле ледниковых суглинков. В пределах данного местонахождения обнаружены следы обработки кварцевого сырья, что характерно для территорий западного и северо-западного берегов Белого моря. Вероятно, эти памятники связаны с процессом освоения морского побережья выходцами с Карельского берега Белого моря.

Таким образом, взаимосвязь между историей развития берегов Онежского полуострова и их освоением достаточно отчетлива. Датирование донных отложений оз. Червозеро и Светлого позволит более уверенно определить время формирования береговой линии и уточнить время бытования стоянки.

Выводы. 1. Основным фактором формирования берегов в вершине Унской губы с голоцена до наших дней являлись приливно-отливные явления, поэтому террасы (на высотах, не превышающих 6–7 м) в основном практически плоские и представляют собой приливные осушки, вышедшие из-под уровня моря в результате медленного послеледникового поднятия.

2. На высотах более 10 м сохранились группы моренных останцов. Извилистый характер береговой линии, обилие заливов и проливов могли стать причиной, по которой эти берега являлись благоприятными для освоения представителями беломорской культуры. Наиболее перспективными для поиска археологических памятников являются участки вблизи устьев рек, ручьев и места, где на небольшой глубине залегает водоупорный горизонт (как было отмечено в пределах местонахождения «Остров»).

3. Время обособления от моря проливов на высотах ~ 9,5–10 м (оз. Светлое) может быть предварительно сопоставлено с завершением первого этапа трансгрессии среднего голоцена (~ 8,4–7,4 тыс. кал. л.н.), а на высотах ~ 7 м (оз. Червозеро) – с понижением уровня моря после ~ 6 тыс. кал. л.н.

Список литературы

1. *Балуев А.С., Журавлев В.А., Терехов Е.Н., Пржиялговский Е.С.* Тектоника Белого моря и прилегающих территорий. Объяснительная записка к «Тектонической карте Белого моря и прилегающих территорий» м-ба 1: 1 500 000. М., 2012. (Труды ГИНа, вып. 597).

2. *Беличенко А.Е., Репкина Т.Ю., Зарецкая Н.Е.* К вопросу о поиске и датировке объектов беломорской морской культуры // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней. Архангельск, 2020. С. 17–24.

3. Государственная геологическая карта РФ масштаба 1: 200 000. Серия Онежская. Лист Q-37 с акваторией (Северодвинск). Объяснительная записка. М., 2013.

4. Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Атлас-монография «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза». Вып. II. Общая палеогеография / под ред. А.А. Величко. М., 2002.

5. *Репкина Т.Ю., Беличенко А.Е., Яковлева А.П.* Побережье Унской губы Белого моря: взаимодействие рельефа и человека // VIII Щукинские чтения: рельеф и природопользование. М., 2020. С. 735–741.

6. *Репкина Т.Ю., Романенко Ф.А., Зарецкая Н.Е., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Шилова О.С., Беличенко А.Е., Архипов В.В., Яковлева А.П.* Динамика западного берега Унской губы (Летний берег Белого моря) в голоцене и его заселение // Материалы V Всероссийской конференции с международным участием «Динамика экосистем в голоцене» (К 100-летию Л. Г. Динесмана). М., 2019. С. 271–273.

7. *Сафьянов Г.А., Репкина Т.Ю.* Динамика берегов Унской Губы (Летний берег Белого моря) // Geomorfologiya. 2013. № 1. С. 82–89.

8. *Сафьянов Г.А., Репкина Т.Ю., Селезнева Е.В., Кунгаа М.Ч.* Морфодинамика берега как критерий долгосрочного прогноза развития побережий (на примере Летнего берега Белого моря) // Геоморфологические ресур-

сы и геоморфологическая безопасность: от теории к практике. М., 2015. С. 172–175.

9. Старовойтов А.В. Интерпретация георадиолокационных данных. М., 2008.

10. Яковлева А.П., Репкина Т.Ю., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Гуринов А.Л., Орлов А.В., Беличенко А.Е. Динамика юго-восточных берегов Унской губы Белого моря и их заселение в голоцене // Рельеф и четвертичные образования Арктики, Субарктики и Северо-Запада России. Вып. 9. СПб., 2022. С. 314–319.

11. Kemp A.C., Horton B.P., Nikitina D.L., Vane C.H., Potapova M., Weber-Bruya E., Culver S.J., Repkina T., Hill D.F., Selezneva E. The distribution and utility of sea-level indicators in Eurasian sub-Arctic salt marshes (White Sea, Russia) // *Boreas*. 2017. Vol. 46, issue 3. P. 562–584. DOI:10.1111/bor.12233

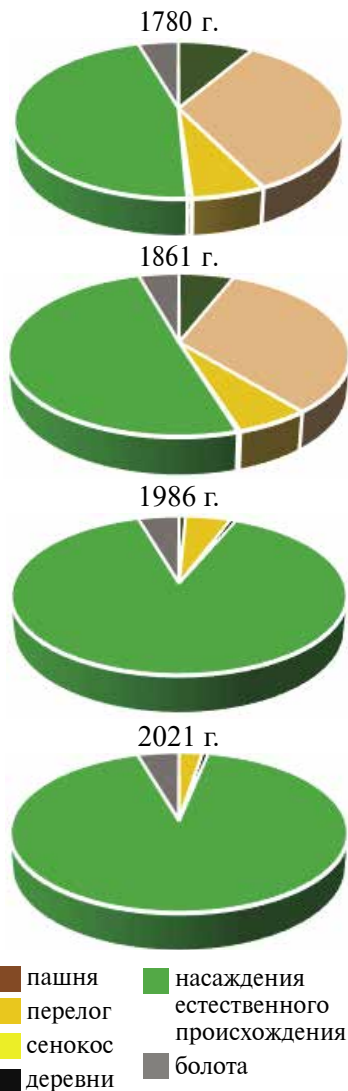
12. Kublitskiy Yu., Repkina T., Leontiev P., Shilova O., Zaretskaya N., Gurinov A., Lugovoy N., Subetto D., Yakovleva A., Seung Il Nam, Jung-Hyun Kim, Yeong-Ju Son, Peretrukhina A. Reconstruction of relative sea-level changes based on a multiproxy study of isolated basins on the Onega Peninsula (White Sea, northwestern Russia) // *Quaternary International*. 2023. Vol. 644–645. P. 79–95. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2022.04.016>

Иллюстрации

Иллюстрации к статье А.В. Козыкина, Е.Н. Наквасиной

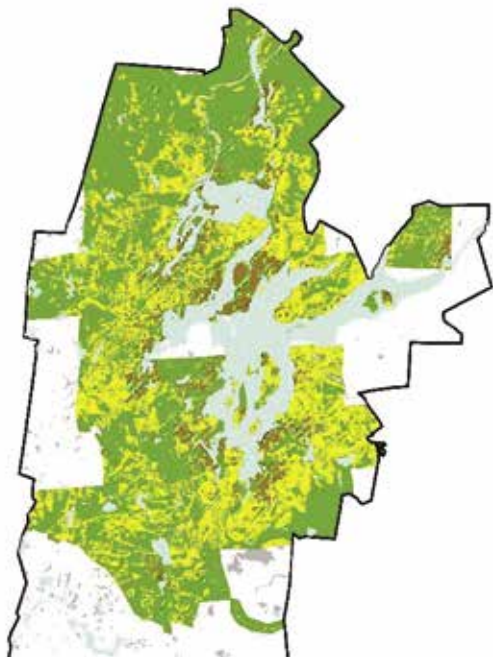
Ил. 1. Территории Кенезерского национального парка, покрытые растровыми аналогами межевых планов

Ил. 2. Динамика землепользования на ключевом участке Кенезерского национального парка, %

Ил. 3. Фрагмент
межевого плана 1861 г.
южного побережья
Кенозера

Ил. 4. Векторное
изображение обработанных
межевых планов 1861 г.

Иллюстрации к статье О.А. Лавреновой

Ил. 1. Камчатка. Цвет как индекс глубины пространства.
Фото О.А. Лавреновой

Ил. 2. Лисичка. Художник М.В. Нестеров. 1915 г. URL: https://artline.ru.net/upload/information_system_22/8/9/8/item_898/information_items_property_10052.jpg

Ил. 3. Архангельск.
URL: <https://bangkokbook.ru/galereya/krasivye-mesta-v-arhangelske-dlya-82-foto.html>

Ил. 4. Пригород
Воркуты. URL: [https://
avatars.dzeninfra.ru/get-
zen_doc/4721351/pub_63
0004a0a28a920bbe80f91b
_63000529a28a920bbe812
a2d/scale_1200](https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/4721351/pub_630004a0a28a920bbe80f91b_63000529a28a920bbe812_a2d/scale_1200)

Ил. 5. Деревня Кимжа
(Мезенский р-н
Архангельской обл.).
URL: [https://
web.archive.org/
web/20190914203109im_
https://bigpiccha.
ru/wp-content/
uploads/2019/09/20-
Кимжа-Олеся-Никулина-
IMG_2059.jpg](https://web.archive.org/web/20190914203109im_/https://bigpiccha.ru/wp-content/uploads/2019/09/20-Кимжа-Олеся-Никулина-IMG_2059.jpg)

Ил. 6. Храм
Владимирской
Божией Матери,
с. Подпорожье
(Ленинградская
обл.). URL:
[https://commons.
wikimedia.org/wiki/
File Церковь_
Владимирской_
иконы Божией_
Матери_в_
Подпорожье.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Церковь_Владимирской_иконы_Божией_Матери_в_Подпорожье.jpg)

Ил. 7. Соловецкий монастырь. URL: https://azbyka.ru/palomnik/images/a/a3/Спасо-Преображенский_Соловецкий_монастырь.jpg

Ил. 8. Мурманск — столица Арктики.
URL: https://mykaleidoscope.ru/x/uploads/posts/2022-09/1663377415_8-mykaleidoscope-ru-p-murmansk-stolitsa-arktiki-obo-i-8.jpg

Ил. 9. День активного отдыха, пос. Каратайка (Ненецкий автономный округ). URL: <https://www.culture.ru/events/2725043/den-aktivnogo-otdykha-znamya-edinstva?location=neneckiy-avtonomnyy-okrug>

Иллюстрации к статье И.Н. Шургина

Ил. 1. Охотничья снасть – слопец на глухаря. Бассейн р. Пижма Печорская (Усть-Цилемский р-н, Республика Коми), 1978 г.
Фото И.Н. Шургина

Ил. 2. Варка обеда на сенокосе. На переднем плане – трехстенный шалаш, справа – место для костра, на заднем плане – лабаз (амбарчик) на четырех опорах (Усть-Куломский р-н, Республика Коми, нач. XX в. Из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Ил. 3. Охотничья избушка на р. Уюпт (Усть-Куломский р-н, Республика Коми), 1975 г.
Фото И.Н. Шургина

Ил. 4. Охотничий амбар (Усть-Куломский р-н, Республика Коми, нач. XX в. Из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

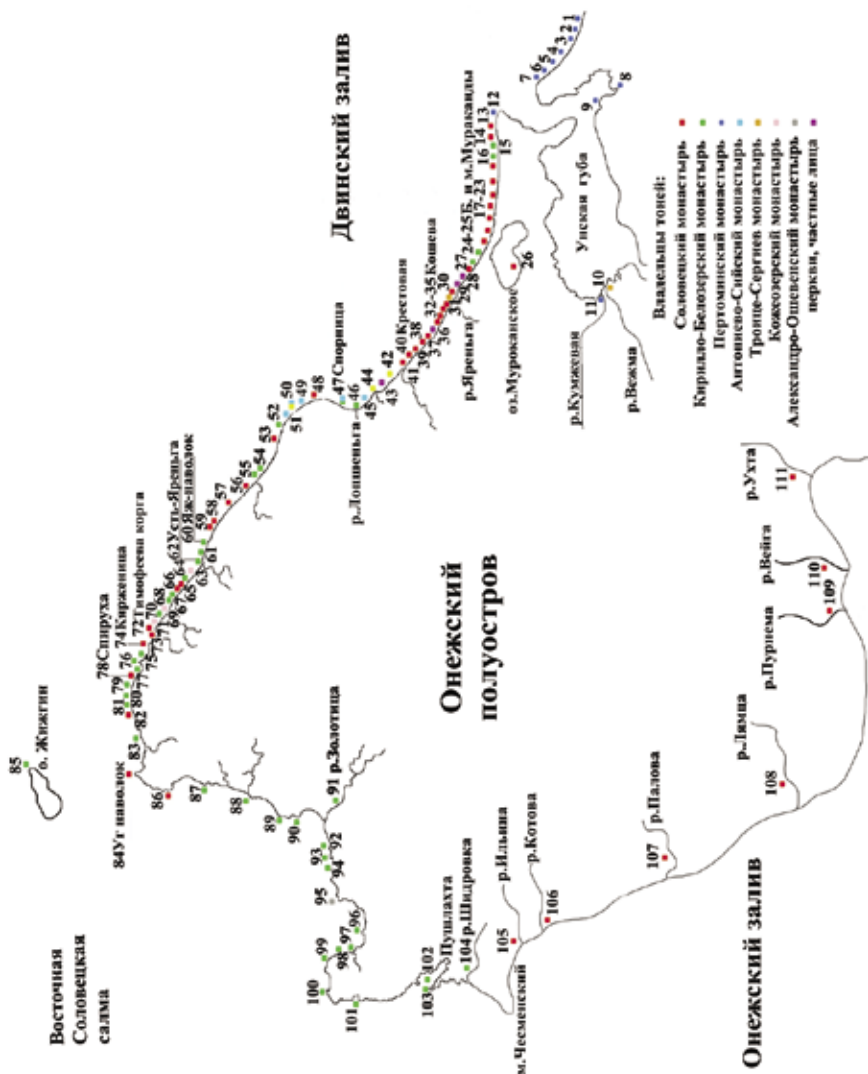

Ил. 5. Охотничий лабаз на одной опоре и его хозяин – лесник Иван Ульянович Лопырев. Бассейн р. Уюпт (Усть-Куломский р-н, Республика Коми), 1975 г. Фото И. Н. Шургина

Ил. 6. Улица в Ерчем-даре – сенокосной деревне (Усть-Куломский р-н, Республика Коми, нач. XX в. Из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Иллюстрация к статье Я.И. Алексеевой

Ил. 1. Карта-схема расположения тоней

Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой

Ил. 1. Тоня «Браница».
Фото А.И. Анциферовой.
2023 г.

Ил. 2. Тоня «Турка».
Рыбаки возвращаются
после проверки невода.
Фото
А.И. Анциферовой.
2023 г.

Ил. 3. Надписи на
стене тоньской избы.
Фото Е.А. Буторина.
2023 г.

Ил. 4. Поклонный
крест на тоне
«Зацепино».
Фото
А.И. Анциферовой.
2019 г.

Ил. 5. Тоня
«Большая Сярга».
Фото Е.Г. Мазилова.
2018 г.

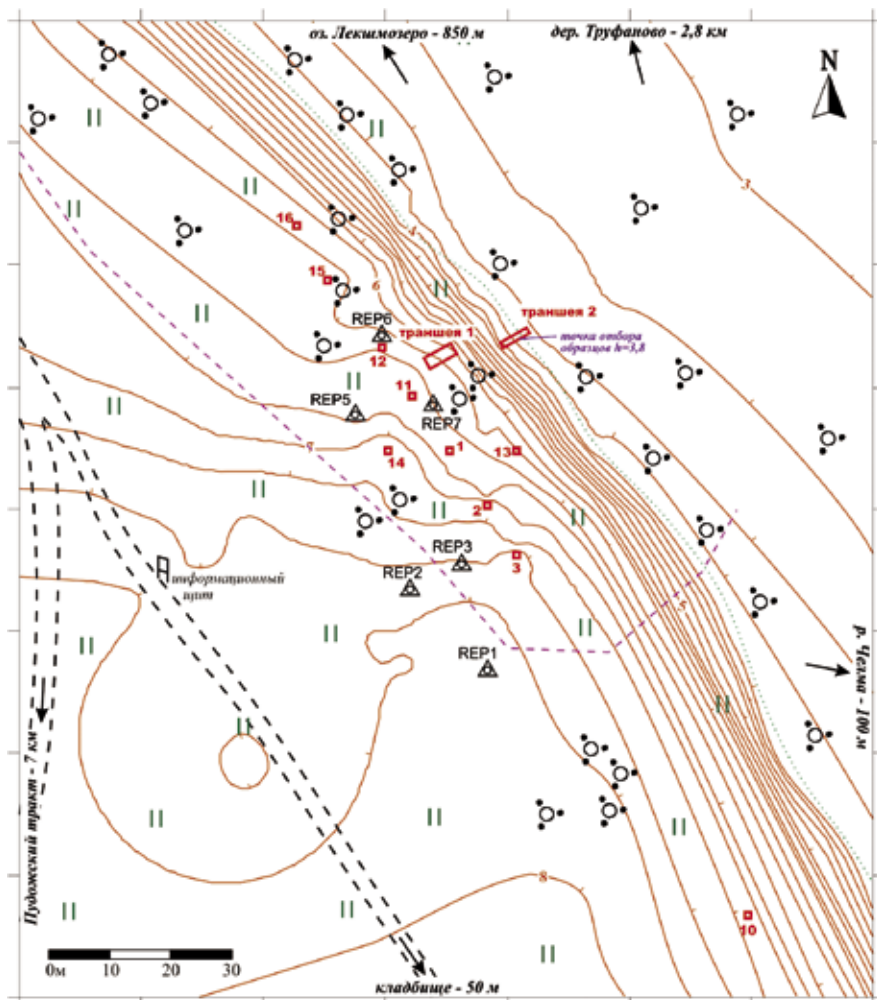
Ил. 6. Тоня
«Кярженица».
Фото
Е.Г. Мазилова.
2018 г.

Иллюстрации к статье Д.В. Герасимова, В.И. Хартановича,
Р.И. Муравьева, Д.Д. Кузнецова, А.В. Лудиковой,
Т.В. Сапелко

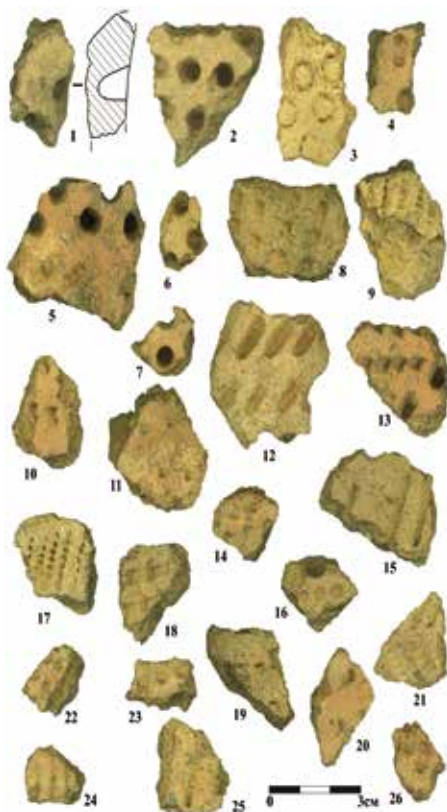
Ил. 1. Карта расположения стоянки Усть-Чёлма и других археологических памятников Лекшмозерья

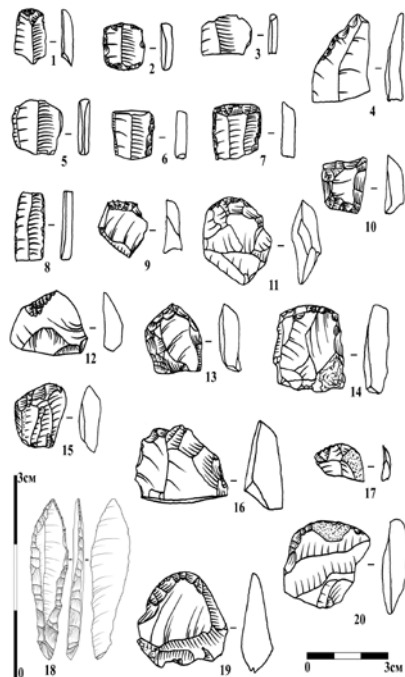
Условная система высот (от уреза воды в оз. Чёлмское (Монастырское) в июле 2021 г.), горизонталы проведены через 0,25 м

- – шурфы, траншеи
- ▲ – репер
- – дороги полевые
- – граница растительных зон
- – предполагаемая граница распространения культурного слоя стоянки Усть-Челма
- ||| – луг
- – кустарник

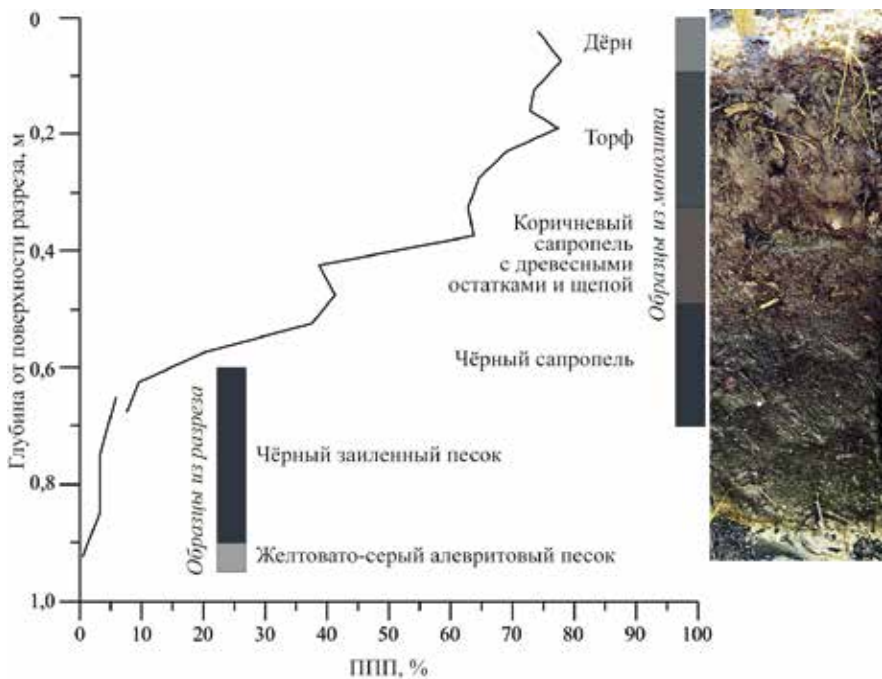
Ил. 2. План стоянки Усть-Чёлма

Ил. 3. Керамика позднего неолита – эпохи раннего металла со стоянки Усть-Чёлма: 1 – фрагмент венчика сосуда; 2–26 – фрагменты стенок сосудов

Ил. 4. Кремневый инвентарь стоянки Усть-Чёлма: 1–3, 5–8 – орудия на пластинах и микропластинах; 4 – резчик; 9–17, 19–20 – скребки на отщелах; 18 – наконечник на пластине

Ил. 5. Стоянка Усть-Чёлма. Литостратиграфия разреза траншеи 2 и график изменения потерь при прокаливании

Иллюстрации к статье В.Н. Калуцкова

Ил. 1. Двинская литературная магистраль: авторы и основные места остановок

Ил. 2. Памятник М.В. Ломоносову в Архангельске. Скульптор И.П. Мартос. Фото В.Н. Калуцкова

Иллюстрации к статье М.Н. Мелютиной

Ил. 1. Бурса – кустарный промысел в море. Из собрания Архангельского краеведческого музея. 9402/3 КП (КП 60251)

Ил. 2. Майзеров Василий Лукич
(1874–1938).
1937–1938 гг., д. Лопшеньга.
Фото Н.И. Рождественской.
Из Фольклорного архива
Государственного музея истории
русской литературы имени
В.И. Даля. № 64/11. Ед. хр. 92

Ил. 3. Парус для карбаса.
1-я пол. XX в.,
д. Лопшеньга.
Из музейного фонда
ФГБУ «Национальный
парк «Кенозерский»».
ОП КП–778.
Фото Е. Мазилова

Ил. 4. Гарпун
для зверобойного
промысла. 1-я пол.
XX в., д. Лопшеньга.
Из музейного фонда
ФГБУ «Национальный
парк «Кенозерский»».
ОП КП–567.
Фото Н. Седунова

Ил. 5. Манок
на нерпу. 1980-е гг.,
между д. Лопшеньгой
и Летний Наволок.
Из музейного фонда
ФГБУ «Национальный
парк «Кенозерский»».
ОП КП–1359.
Фото Е. Федотовой

Ил. 6. Ящик для хранения инструмента, изготовленный Павлом Матвеевичем Федотовым (1925–1980). 1947 г., д. Лопшеньга. Из музейного фонда ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». ОП КП–906

Ил. 7. Блок для ткацкого станка. Конец XIX – начало XX в. Из музейного фонда ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». ОП КП–723. Фото М. Кувалдиной

Ил. 8. Блок для ткацкого станка. Конец XIX – начало XX в. Из музейного фонда ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». ОП КП–541. Фото М. Кувалдиной

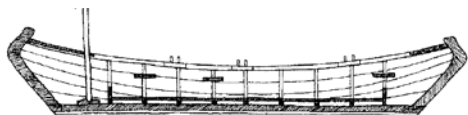

Ил. 9. Авторская надпись А. А. Федотова на скамье. 1893 г., между д. Лопшеньгой и Летний Наволок. Из музейного фонда ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». ОП КП–1358. Фото Е. Федотовой

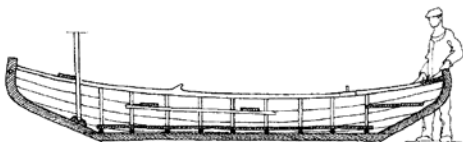

Ил. 10. Петр Михайлович Юдин. 1937–1938 гг., д. Лопшеньга. Фото Н.И. Рождественской. Из Фольклорного архива Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля. № 64/11. Ед. хр. 92

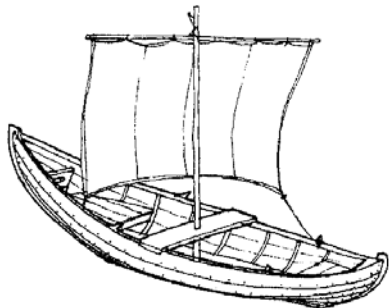
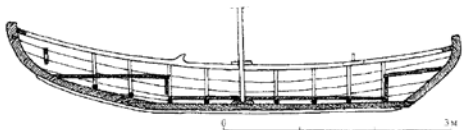
Иллюстрации к статье Ю.М. Наумова

Ил. 1. Лодка русских, проживающих на Онежском озере. Рис. А. Скворцова

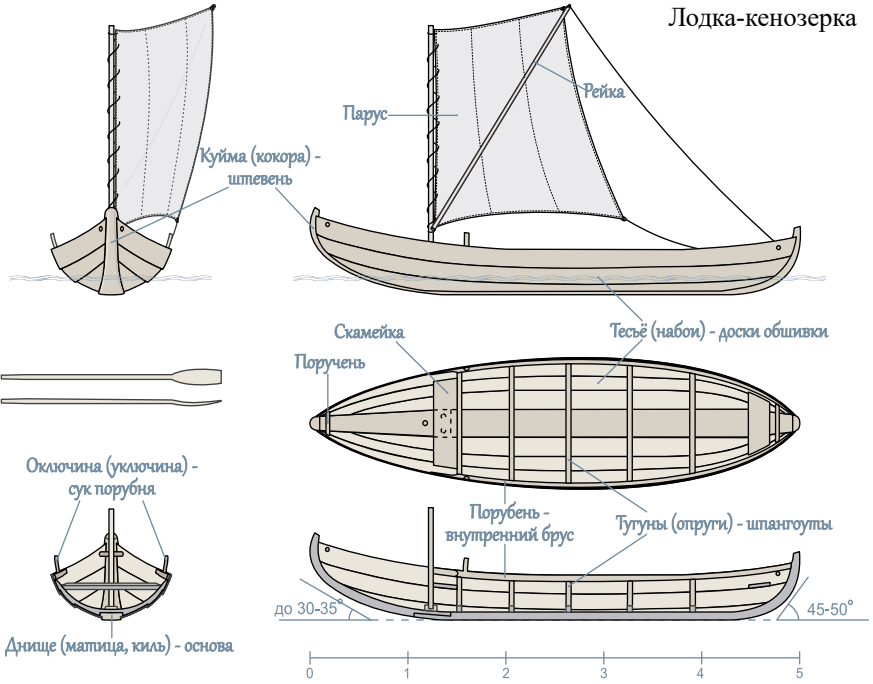

Ил. 2. Лодка карел оз. Сямозера. Рис. А. Скворцова

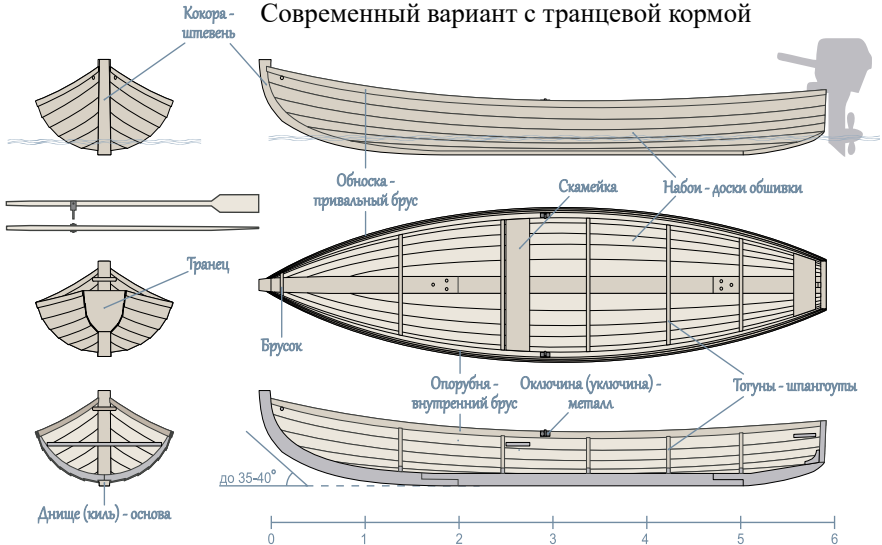

Ил. 3. Лодка северных карел. Рис. А. Скворцова

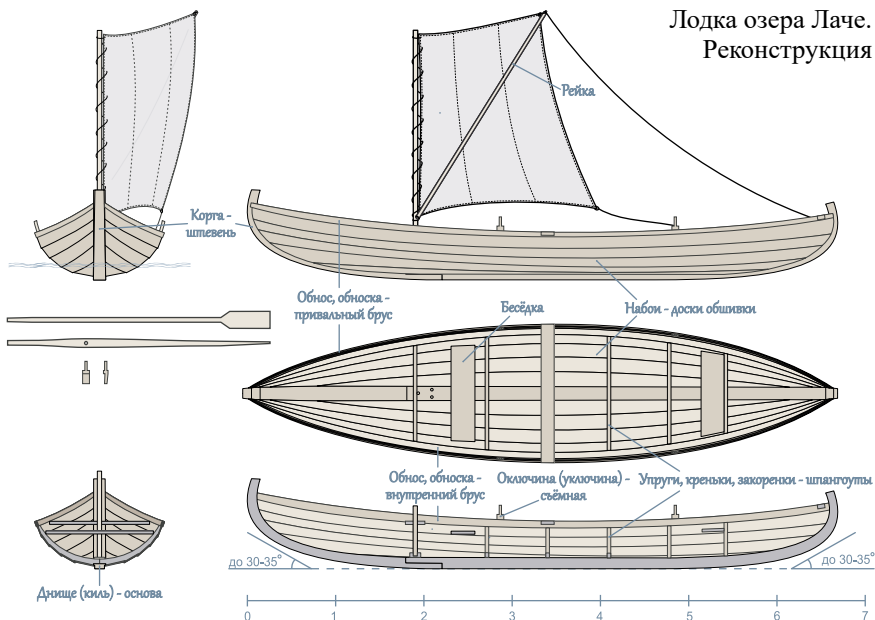
Лодка-кенозерка

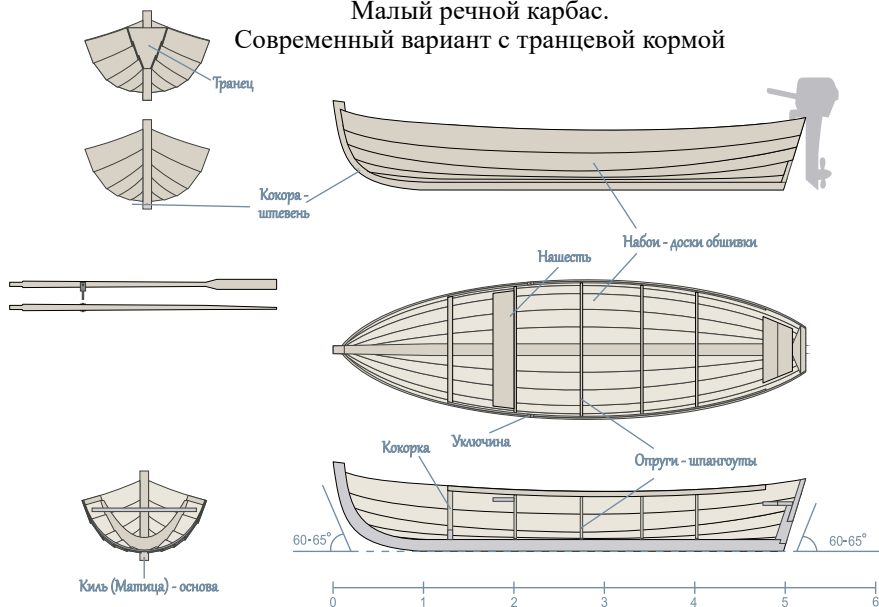
Лодка-лекшмозерка. Современный вариант с транцевой кормой

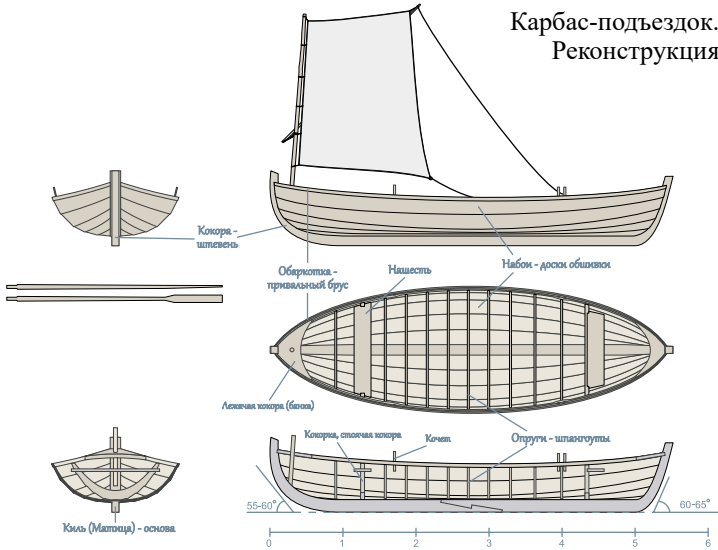
Лодка озера Лаче. Реконструкция

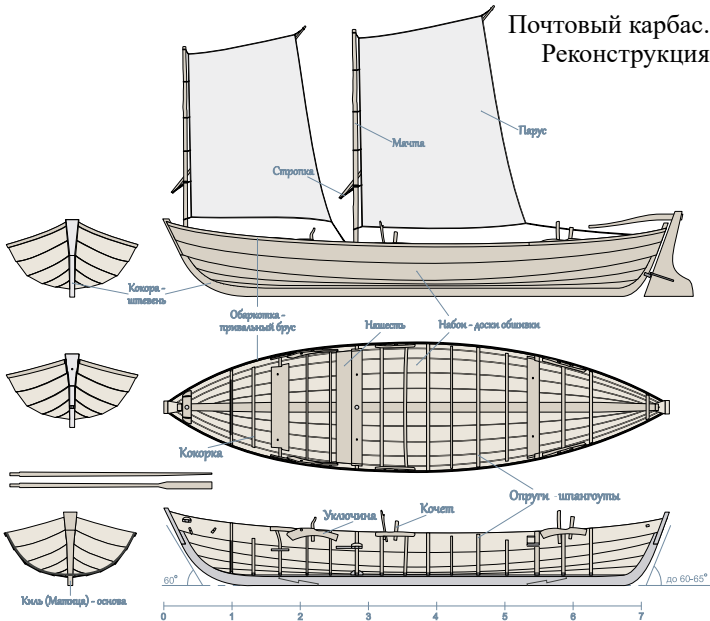
Малый речной карбас. Современный вариант с транцевой кормой

Карбас-подъездок. Реконструкция

Почтовый карбас. Реконструкция

Ил. 4. Реконструкции традиционных лодок локальных центров, выполненные Е.Г. Мазилывым

Иллюстрации к статье В.Ю. Родионовой

Ил. 1. Икона XVII в.
из деисусного чина «Рождество
Христово; Неизвестный святой»
(в записи – Праотец Исаак)
(размер 127,2×50,5 см,
ЦМиАР КП 640)

Ил. 2. Рентгенограмма фрагмента № 1
с изображением лица Праотца Исаака

Ил. 3. Рентгенограмма фрагмента № 2
с изображением рук Праотца Исаака

Ил. 4. Рентгенограмма фрагмента № 3
с изображением одежд Праотца Исаака

Ил. 5. Рентгенограмма фрагмента № 4
с изображением ног Праотца Исаака

Иллюстрации к статье Л.Г. Роц

Ил. 1. Жижгинский маяк.
Фото Л.Г. Роц, 2011 г.

Ил. 2. Поселок Жижгин. Справа на мысу – Жижгинский агаровый завод, в центре – двухэтажный 12-квартирный жилой дом из бруса. Слева до горизонта расположены жилые бараки, начальная школа, заводская контора, клуб. 1968 г. Из личного архива Л.Г. Роц.

Ил. 3. Водоросли, выброшенные штормом на берег острова Жижгин. Фото А.В. Роц, 2011 г.

Ил. 4. Жители четвертого барака (представители шести семей) на острове Жижгин. Верхний ряд слева направо: Дешевых Валентина Николаевна, неизвестная женщина с ребенком на руках, Донцова Александра Михайловна, Шангина Елена Леонтьевна, Москаленко Григорий Савельевич, Донцов Николай Алексеевич с сыном Владимиром на руках, Байдуров Николай, неизвестная женщина, Дешевых Александр Васильевич с сыном Николаем на руках. Нижний ряд слева направо: Донцов Лев, Донцова Катя, Шангина Люда, Шангина Люба, два неизвестных мальчика и девочка. 1959 г. Фото из личного архива Л.Г. Роц

Иллюстрации к статье А.Н. Старицына

Ил. 1. Ю.И. Смирнов на фоне разрушенной часовни у Куносозера.

1960 г. Научный архив ФГБУ
«Национальный парк “Кенозерский”».
Ф. 1. Оп. 2. Д. 1060. Приложение 4.2.
№ 60

Ил. 2. Вид
Куносозера.
Фото
А.Н. Старицына.
2018 г.

Ил. 3. Ю.И. Смирнов
на берегу Венхозера.
1960 г. Научный архив
ФГБУ «Национальный
парк “Кенозерский”».
Ф. 1. Оп. 2. Д. 1060.
Приложение 4.2. № 59

*Ил. 4. Вид
на Венихозеро.
Фото
А.Н. Старицына.
2013 г.*

*Ил. 5. Крест на горе
над Венихозером.
1960 г. Научный архив
ФГБУ «Национальный
парк «Кенозерский»».
Ф. 1. Оп. 2. Д. 1060.
Приложение 4.2. № 68*

*Ил. 6. Гора
над Венихозером.
Фото
А.Н. Старицына.
2018 г.*

Иллюстрации к статье Я.Э. Харитоновой

Ил. 1. Русские поморские суда на рейде г. Тромсё. 1907 г. Из фондов Мурманского областного краеведческого музея. НВ 3636.

Ил. 2. Молодой помор в свитере орнаментального вязания. 1937 г., д. Луда. Фото Н.И. Рождественской. Из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 117. Л. 106

Ил. 3. Лоцманы д. Лямцы. 1920-е гг. Из личного архива Л.А. Денисовой

Ил. 4. Именной список лиц, состоявших на службе в Онежской лоц-вахте. 1923 г.

Из фондов Российского государственного архива ВМФ. Ф. Р-457. Оп. 1. Д. 91. Л. 35

Лист 35

СТАТ
Правления Лоцманства

33
23

№	Должность	Служащие и их отчества	Инициалы
1.	Капитан	САХАЛИН Алексей Александрович	
2.	Полковник	КАРПОВ Павел Александрович	
3.	Полковник	СЕРГЕЕВ Иван Александрович	
4.	"	КАРПОВ Александр Александрович	
5.	Капитан	КАРПОВ Александр Александрович	
6.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
7.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
8.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
9.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
10.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
11.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
12.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
13.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
14.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
15.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
16.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
17.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
18.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
19.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
20.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
21.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
22.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
23.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
24.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
25.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
26.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
27.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
28.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
29.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
30.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
31.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
32.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
33.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
34.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
35.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
36.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
37.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
38.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
39.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
40.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
41.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
42.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
43.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
44.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
45.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
46.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
47.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
48.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
49.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
50.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
51.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
52.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
53.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
54.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
55.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
56.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
57.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
58.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
59.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
60.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
61.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
62.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
63.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
64.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
65.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
66.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
67.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
68.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
69.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
70.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
71.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
72.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
73.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
74.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
75.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
76.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
77.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
78.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
79.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
80.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
81.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
82.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
83.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
84.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
85.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
86.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
87.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
88.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
89.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
90.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
91.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
92.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
93.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
94.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
95.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
96.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
97.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
98.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
99.	"	КАРПОВ Павел Александрович	
100.	"	КАРПОВ Павел Александрович	

Исполнитель: *Родион Павлович Карпов*
Секретарь: *Родион Павлович Карпов*
Директор: *Родион Павлович Карпов*

Ил. 5. Лямецкий лоцман Никифор Михайлович Русинов (1888–1972). 1940-е гг. Из личного архива В.А. Русинова

Иллюстрации к статье Е.В. Шевелёвой

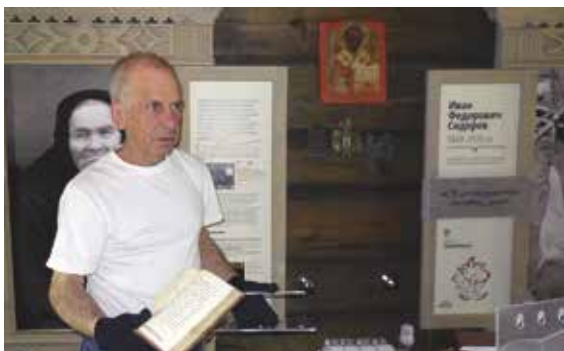

Ил. 1. Владимир
Дмитриевич Шевелёв.
Начало 2000-х гг.
Фото Б. Францена

Ил. 2. В.Д. Шевелёв
за гончарным кругом.
1972 г.
Из фондов Музея
мастеров Шевелёвых

*Ил. 3. Экспозиция
«Гестовое подворье».
2010 г.
Фото В.Д. Шевелёва*

*Ил. 4. В.Д. Шевелёв
в процессе монтажа
экспозиции музея
«В Начале было Слово»
в д. Шишкино. 2015 г.
Фото Е.Ф. Шатковской*

*Ил. 5. В экспедиции «Домовые росписи Каргополя», д. Малое Самково
на р. Кена. Первый слева – В.Д. Шевелёв, на переднем плане –
Е.В. Шевелёва, вторая справа – местная жительница, и студенты
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного
университета. Июль 2003 г. Фото М.И. Мильчика*

Ил. 6. В.Д. Шевелёв на выставке «Частные музеи – самородки России» в выставочном центре «Сокольники». 2019 г., г. Москва. Фото Е.В. Шевелёвой

Ил. 7. В.Д. Шевелёв в процессе росписи наличников гостевого дома Евсева. 2018 г. Фото Е.В. Шевелёвой

Иллюстрации к статье М.С. Ярловой

Ил. 1. Афиша выставки «Внутри контура»

Ил. 2. Ярлов С. «Все еще впереди». Ситуационно-временная реконструкция. Реди-мид объекты: контурная карта СССР, папиросы «Беломорканал», металлические пуговицы. 2020–2023 гг.

Ил. 3. Шербакова А. «Урал. Кавказ. Алтай-Саяны»: а) общий вид работы в экспозиции; б) «Алтай-Саяны». Шамот (глина), глазури. 2023 г.

Ил. 4. Иорш А. «Мешап-3»: Акрил, соус, технических холст. 2023 г.

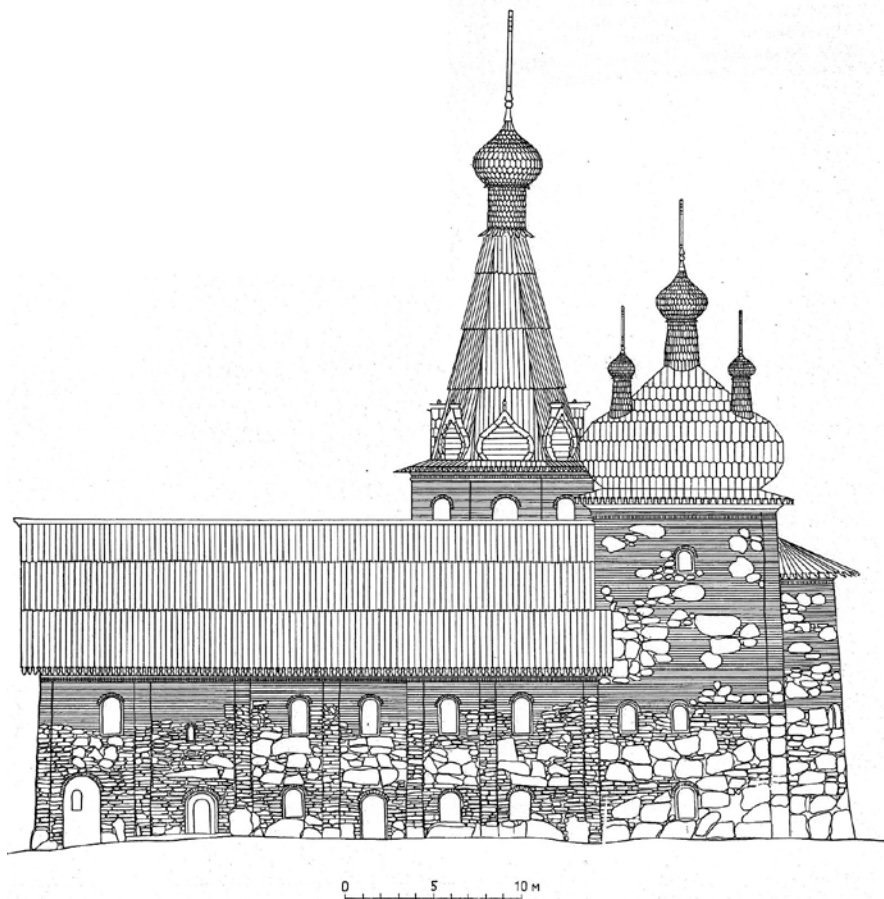
*Ил. 5. Поленова М., Огнева А. «Карта курса “Теория культуры”».
Бумага, папье-маше, краски. 2022 г.*

Иллюстрации к статье В.Н. Абрамовского

Ил. 1. Деревня
Горбачиха на
Кенозере. Лесная
часовня. Фото
Г.В. Алфёровой.
Источник:
Алфёрова Г.В.
Каргополь
и Каргополье. М.,
1973. С. 167

Ил. 2. Директор
Дома отдыха «Кийский»
Н.М. Педерсен
и Г.В. Алфёрова.
1974 (?) г.

Ил. 3. Трапезный комплекс и Рождественская церковь. Проект реставрации Крестного Онежского монастыря Г.В. Алфёровой. 1968–1971 гг.

Ил. 4. Апсиды Крестовоздвиженского собора и восточный фасад колокольни Крестного Онежского монастыря. Кий-остров. 1969–1970 гг.

Ил. 5. Керамическая плита с фамилией архитектора-реставратора Г.В. Алфёровой, вмурованная в свод храма Рождества Богородицы в ходе реставрации. 1969 г.

Иллюстрации к статье Л.В. Гундаковой

Ил. 1. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в посаде Луда. Из фондов Российского этнографического музея. Источник: *Шангина И.И.* Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея // Кенозерские чтения – 2019: Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 327

Ил. 2. Церковь Рождества Богородицы в д. Луде. Фото А.Г. Воронкова. 1973 г. Из архива НПЦ. Оп. 5. Д. 740

Иллюстрации к статье А.В. Еремеевой

Ил. 1. Экстерьерная визуализация. Вид на главный вход в здание депозитария

Ил. 2. План потолка с размещением «небес»

Ил. 3. Интерьерная визуализация. Экспозиция «Небо» из часовни в д. Карпова. Мастер Ф. Иок»

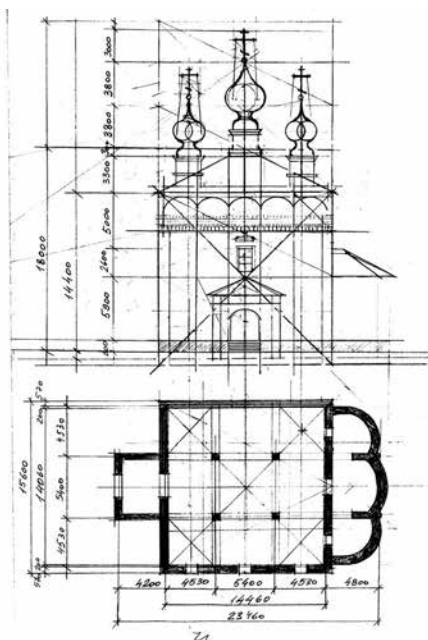
Ил. 4. Экстерьерная визуализация. Общий вид

Ил. 5. Интерьерная визуализация. Экспозиция «Тябловая конструкция “неба”»

Иллюстрации к статье А.А. Иняева

Ил. 1. Троицкая церковь (1727 г.),
Никольская церковь (1763 г.),
колокольня (начало XIX в.) в с. Нёнокса
(Приморский р-н
Архангельской обл.)

Ил. 2. Слева – схема графического построения Федоровского храма
Федоровского монастыря в г. Городце (Нижегородская обл., 2009 г.),
справа – Ильинский Храм в с. Чучерьма
(Холмогорский р-н Архангельской обл.)

Ил. 3. Слева – храм Иоанна Предтечи в г. Дзержинске (Нижегородская обл., 2005 г.), справа – церковь Фрола и Лавра (1755 г.) в с. Ростовском (Виноградовский р-н Архангельской обл.)

*Ил. 4. Храм Николая Чудотворца
в рабочем пос. Красные Баки
(Нижегородская обл., 2015 г.)*

*Ил. 5. Храм Рождества
Пресвятой Богородицы
в г. Нижнем Новгороде
(2023 г.)*

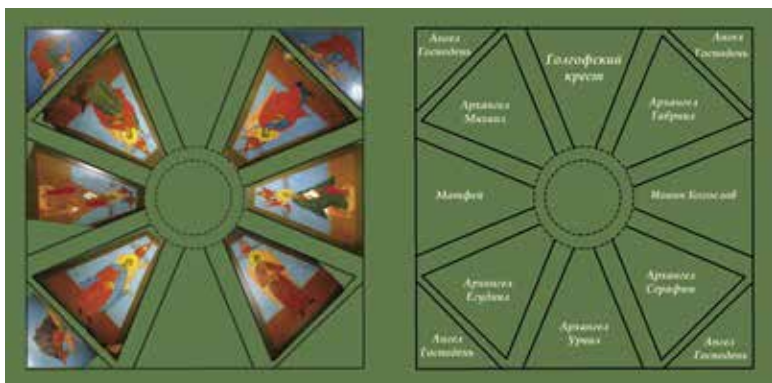
Иллюстрации к статье Т.С. Коробовой

Ил. 1. Исторические избы конца XIX в. в д. Гавриловской (Рубцовой).
Фото Т.С. Коробовой. 2022 г.

Ил. 2. Воротный колодец в д. Киселевской.
Фото Т.С. Коробовой. 2023 г.

Ил. 3. Графическая реконструкция потолка-«неба» часовни Николая Чудотворца в д. Киселевская. Архитектор Т.С. Коробова. 2022 г.

Ил. 4. Вид на Лядинский Погост и амбар с информационным стендом. Фото Т.С. Коробовой. 2022 г.

Ил. 5. Установка памятного знака на месте утраченной Покрово-Власьевской церкви Лядинского Погоста. 2022 г.

Иллюстрации к статье Т.В. Незвицкой

Ил. 1. Церковь Иоанна Предтечи в д. Леушино.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Ил. 2. Никольская церковь
в д. Вегоруксе (Медвежьегорский р-н
Республики Карелия).
Фото Т.В. Незвицкой. 2012 г.

Ил. 3. Покровская церковь
в д. Анхимово (Вытегорский
уезд Олонецкой губ.).
Начало XX в.

Ил. 4. Церковь Георгия Победоносца общий вид Порженского погоста (Плесецкий р-н Архангельской обл.). Фото В. Штрика. 2016 г.

Ил. 5. Алтарь церкви Георгия Победоносца Порженского погоста (Плесецкий р-н Архангельской обл.). Фото В. Штрика. 2016 г.

Иллюстрации к статье А.Б. Пермиловской

Ил. 1. Священная роща в Кенозерском национальном парке.
Фото Н. Чеснокова

Ил. 2. Часовня Параскевы
Пятницы в священной роще
д. Тырышкино (XIX в.)
на территории Национального
парка «Кенозерский».
Фото А. Пермиловской

Ил. 3. Обетные кресты
около оз. Валдово. XX в.,
с. Ошевенск.
Фото А. Пермиловской

Ил. 4. Святое дерево (сосна)
с обетными приношениями
на дороге в д. Усть-Поча
на территории Национального парка
«Кенозерский».
Фото А. Пермиловской

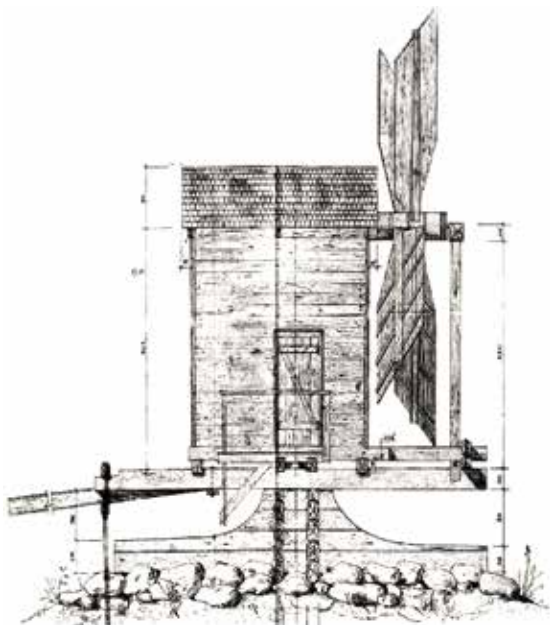
Ил. 5. «Злыднево» дерево в доме
Т.А. Паюсовой, 1909 г.
Фото А. Пермиловской

Иллюстрации к статье В.Э. Яндовского

Ил. 1. Плотницкие инструменты из коллекции В.Э. Яндовского, использованные при изготовлении аналогов для воссоздания мельницы

Ил. 2. Обмерные чертежи:
а) боковой фасад мельницы:
б) план нижней обвязки мельницы. Научный архив музея-заповедника «Кизи»

Ил. 3. Горизонтальный вал поворотного мельничного механизма в сборе с ведущей и ведомой шестернями

Ил. 4. Центровка вала в ходе проверки работы механизма мельницы

Ил. 5. Смонтированная конструкция с валом и передаточными колесами.
Август 2023 г.

Иллюстрации к статье Н.В. Вдовиной, И.Б. Юрьевой

Ил. 1. Жеребец Чук – «Чемпион породы»
на Международной конной выставке «Иппосфера 2018».
Фото И. Юрьевой

Ил. 2. Кобыла Мозаика – «Краса аборигенов 2019».
Источник: <https://expoconf.online/krasa-aborigenov>

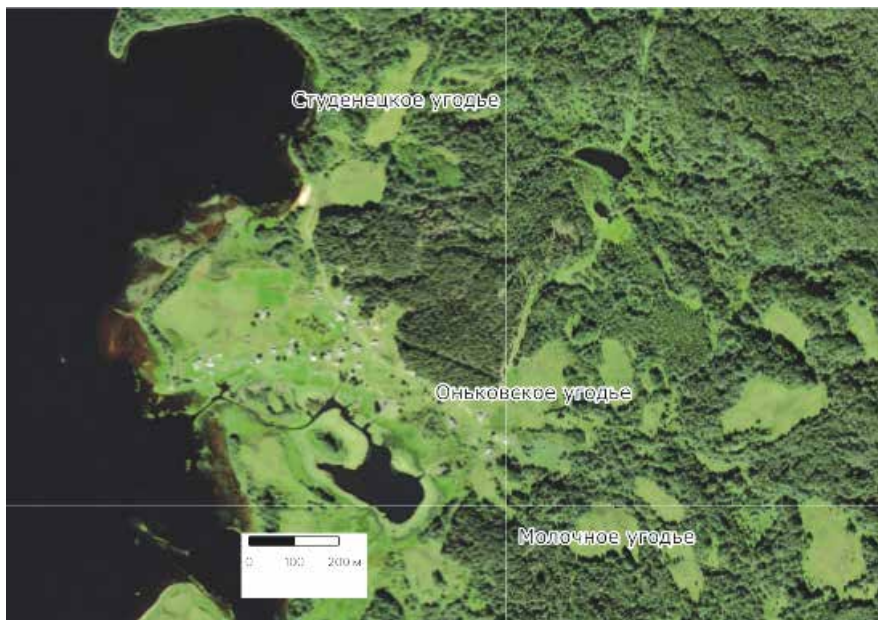

Ил. 3. Кобыла Физичка. Фото С. Балабановой

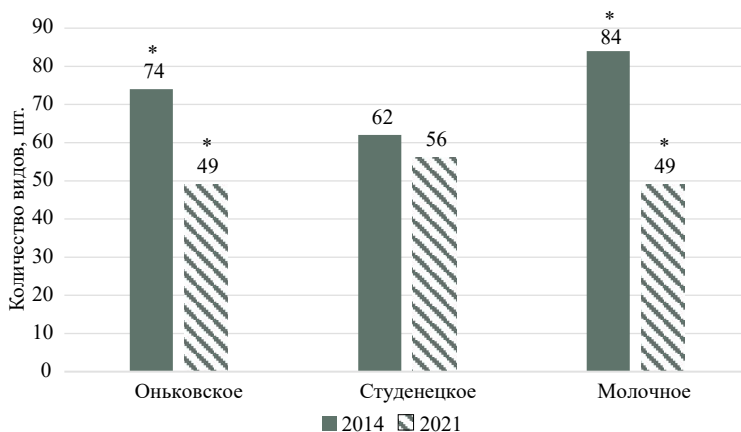

Ил. 4. Показ лошадей на экоферме «Мезенка». Фото Э. Николаевой

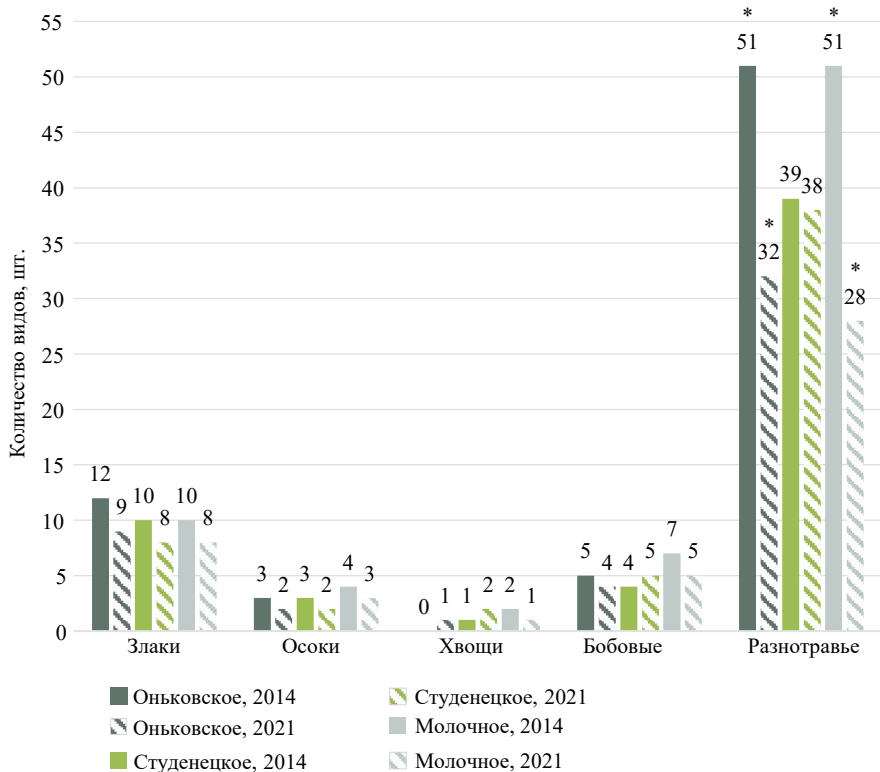
Иллюстрации к статье А.М. Губиной, Т.А. Париновой

Ил. 1. Карта-схема расположения модельных угодий в окрестностях д. Зехновой

Ил. 2. Изменение видового богатства угодий за 2014–2021 гг. (звездочкой отмечены значения, имеющие статистическую разницу)

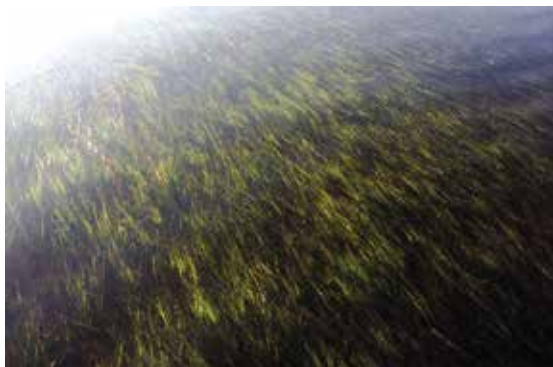
Ил. 3. Количественные изменения видов в агроботанических группах за 2014–2021 гг. (звездочкой отмечены значения, имеющие статистическую разницу)

**Иллюстрации к статье Д.С. Мосеева, А.В. Брагина,
П.А. Футорана, Н.М. Махновича**

Ил. 1. Сообщество с доминированием *Puccinellia phryganodes* на марше у мыса Чесменский

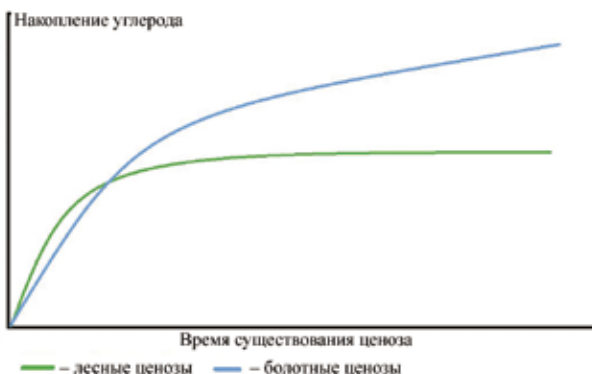
Ил. 2. Сообщество с доминированием *Salicornia europaea* на марше у мыса Чесменский

Ил. 3. Сообщество с доминированием *Zostera marina* в Кинжугской губе у мыса Сосновый

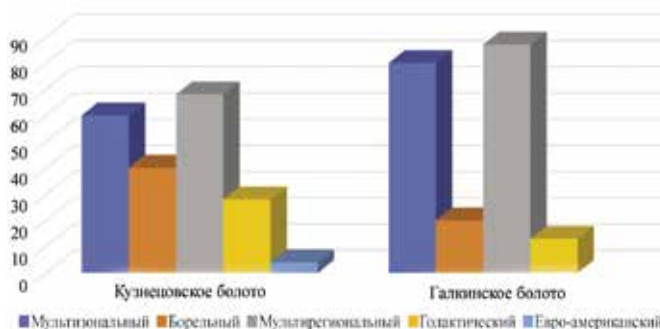
Иллюстрации к статье А.В. Пчёлкина

Ил. 1. Схема декарбонизации в лесных и болотных экосистемах

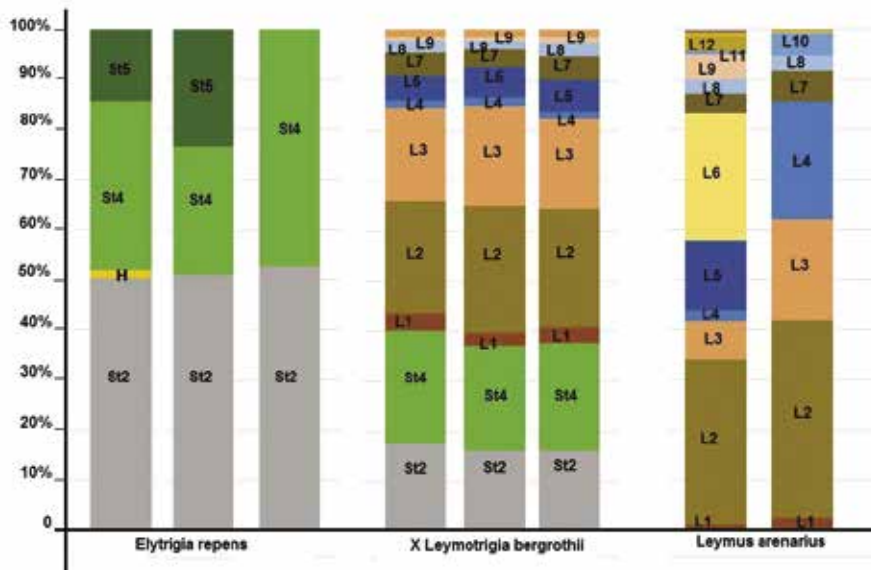

Ил. 2. Обследование лишайнобиоты Галкинского болота в Национальном парке «Угра»

Ил. 3. Географические элементы лишайнобиоты Кузнецовского (Архангельская обл.) и Галкинского (Калужская обл.) олиготрофных болот, %

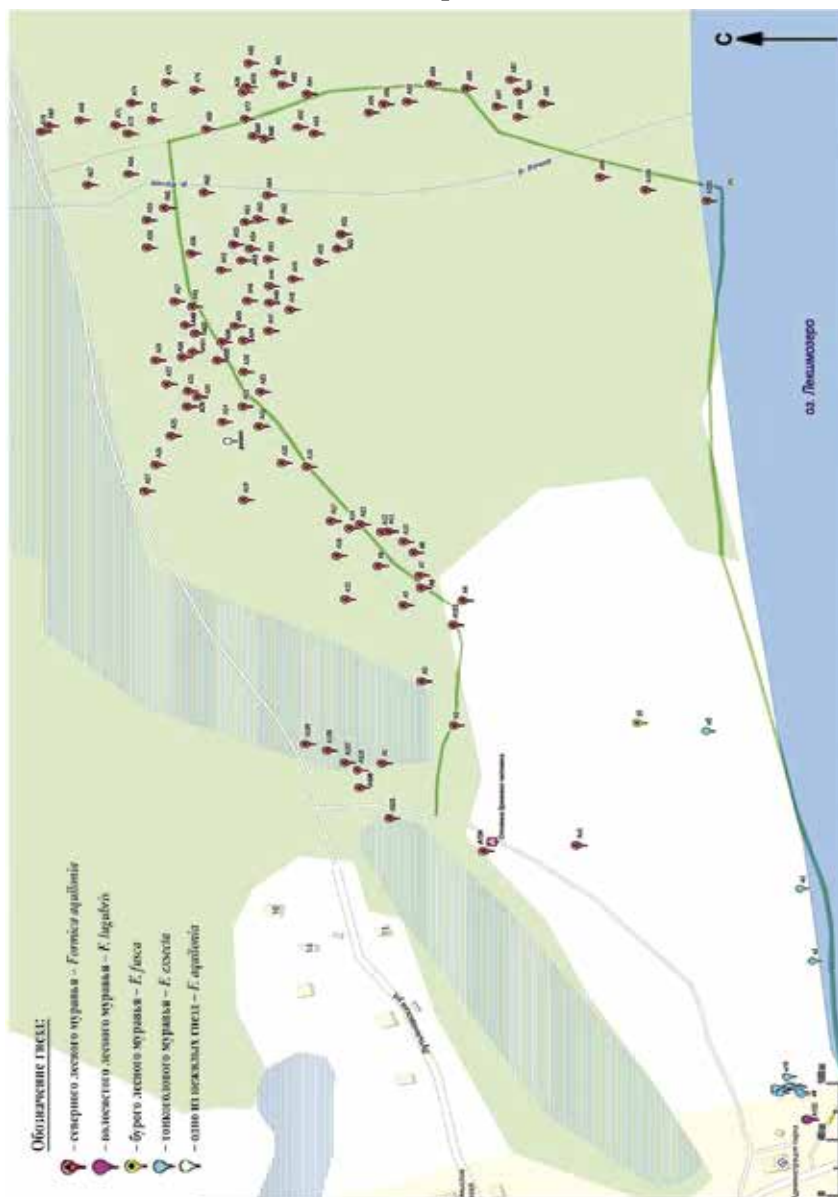

Иллюстрации к статье А.В. Родионова, Е.О. Пуниной,
А.А. Гнутикова, Э.М. Мачса, Н.Н. Носова

Внутригеномный полиморфизм видов из круга родства *×Leymotrigia bergrothii*

Иллюстрации к статье Е.Б. Федосеевой, Д.Н. Горюнова,
Н.Н. Черенковой

Ил. 1. Карта гнезд рыжих лесных и тонкоголовых муравьев на «Тропе муравейников», по данным 2018 г.

перебрано, проверит

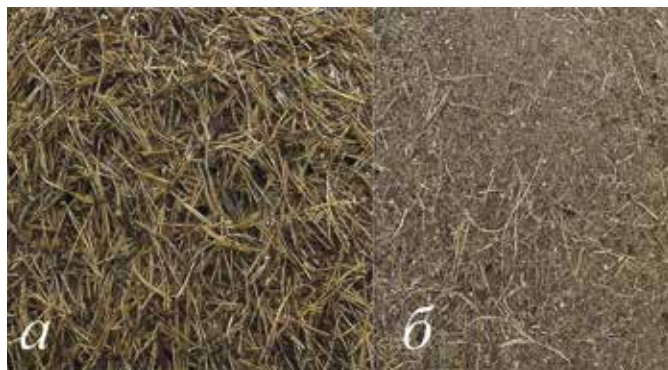

Ил. 2. Муравейники двух видов рыжих лесных муравьев: а) северного лесного муравья (*Formica aquilonia*); б) волосистого лесного муравья (*Formica lugubris*)

Ил. 3. Гнезда обыкновенного тонкоголового муравья (*Formica exsecta*)

Ил. 4. Материал гнездового купола:
а) у муравьев *Formica aquilonia*;
б) у муравьев *Formica exsecta*

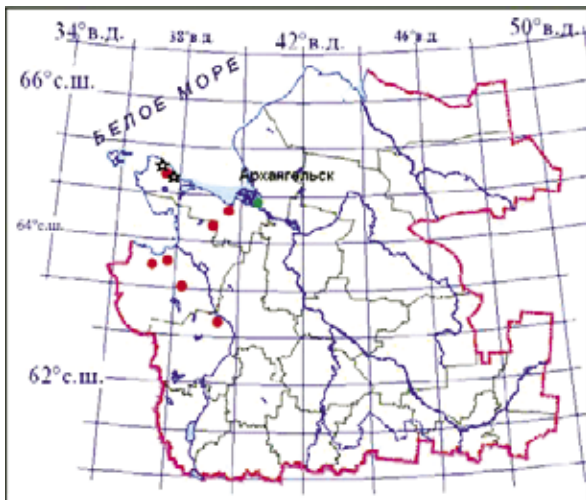

Ил. 5. Почвенные гнезда муравьев: а) гнездовая секция бурого лесного муравья (*Formica fusca*); б) почвенный холмик гнезда рыжей мирмики (*Myrmica rubra*)

**Иллюстрации к статье П.А. Футорана, О.А. Шапкина,
И.В. Вихрева, Д.С. Мосеева, Г.А. Дворянкина**

Ил. 1. Распространение
Margaritifera
margaritifera
в Архангельской
области [4].
Звездочками отмечены
новые местообитания
жемчужницы
европейской

Ил. 2. Река Сярга

Ил. 3. Река Усть-Яреньга.
Одно из мест, где обнаружена
жемчужница.
Фото О.А. Шапкина

**Иллюстрации к статье А.П. Яковлевой, Т.Ю. Репкиной,
Ю.А. Кублицкого, П.А. Леонтьева, А.Л. Гуринова,
А.В. Орлова, А.Е. Беличенко**

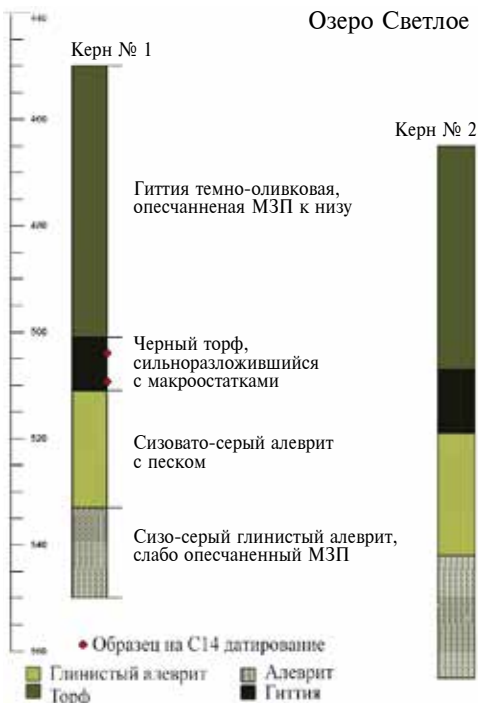
Ил. 1. Карта местонахождений и археологических объектов в устье Северной Двины и в районе Унской губы Белого моря

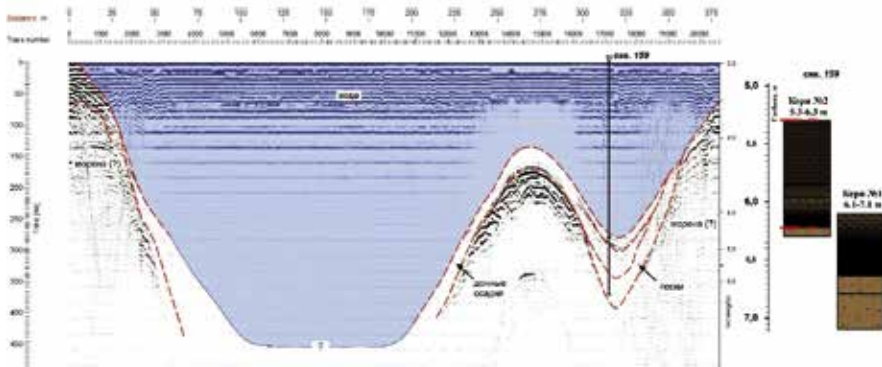
Ил. 2. Карта фактического материала и района работ:

1 – пункты геолого-геоморфологических наблюдений в феврале – марте 2022 г. и 2 – в июле – августе 2022 г.; 3 – пункты измерения высоты с помощью DGPS в феврале – марте 2022 г.; 4.1 – скважины ручного бурения в феврале – марте 2022 г., 4.2 – скважины ручного бурения в марте 2023 г., 4.3 – скважины ручного бурения JT2012 [11]; 5 – линии георадарных профилей (февраль – март 2022 г.); 6 – линии пеших маршрутов (июль – август 2022 г.)

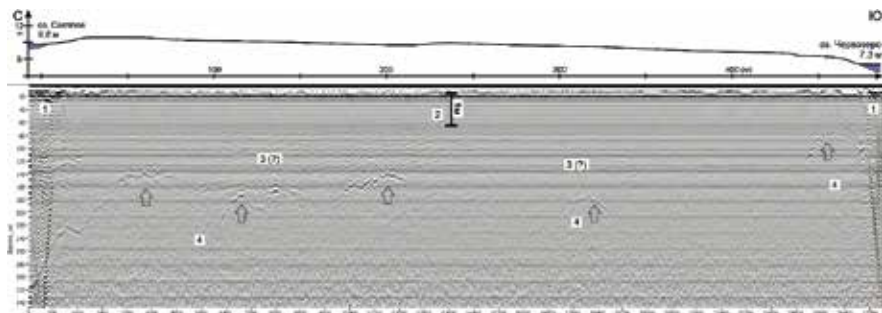
Ил. 3. Разрез донных отложений оз. Светлого. Положение скважины, полученной в марте 2023 г. см. на ил. 2

перебрано

Ил. 4. Георадарные профили P0005-008 (съемка 250 МГц) и разрезы, полученные в пределах оз. Червозеро. Временной разрез. Глубины указаны на шкале справа с учетом различий по слоям: для верхней части $\epsilon = 81$ (вода), для нижней части $\epsilon \approx 22$ (суглинки). Положение профилей см. на ил. 2

Ил. 5. Профили P0005-003 (съемка 250 МГц). Временной разрез. Вертикальный масштаб указан для $\epsilon = 65$ (обводненный торф) без учета возможных различий по слоям. Цифрами на рисунках обозначены: 1 – вода, снег, лед озера; 2 – торф, слагающий верхнюю часть перемычки; 3 – отложения неизвестного состава и генезиса (пески, суглинки и т.п.); 4 – морена (кровля отмечена стрелками). Положение профилей представлено на ил. 2

Содержание

Ландшафт человека: исследования Русского Севера на перекрестке наук

<i>Баранов Д.А.</i> Ландшафт как событие	4
<i>Козыкин А.В., Наквасина Е.Н.</i> Межевые планы в историко-экологических исследованиях Кенозерского национального парка	13
<i>Лавренова О.А.</i> Колористика северного ландшафта: семиотический подход	23
<i>Трапезникова О.Н.</i> Эволюция исторического культурного ландшафта русской деревни в лесной зоне	32
<i>Шургин И.Н.</i> Крестьянская архитектура в таежной среде Европейской России	43

Роль историко-культурного наследия в формировании и осмыслении пространства человека

<i>Алексеева Я.И.</i> Использование рыбных и морских звериных тоней Кирилло-Белозерским, Соловецким и другими монастырями в их вотчинах на Онежском полуострове в XVIII веке	52
<i>Анненкова Д.А.</i> Формулы этикета в говорах Кенозерья	74
<i>Анциферова А.И.</i> Тони как характерный элемент традиционного культурного ландшафта Летнего берега Белого моря. Результаты обследования прибрежных промысловых участков в 2023 году	81
<i>Герасимов Д.В., Кузнецов Д.Д., Лудикова А.В., Муравьев Р.И., Сапелко Т.В., Хартанович В.И., Холкина М.А.</i> Об истории озера Чёлмское и древнейших обитателях Кенозерья	88
<i>Иванова А.А.</i> Этнолингвистический словарь Кенозерья: концептуальные основания, структура, материал	100
<i>Калитин В.А.</i> «Олонецкие епархиальные ведомости» как источник для составления истории Кенозерского прихода	109
<i>Калуцков В.Н.</i> Русский Север и его литературное освоение	124
<i>Качинская И.Б.</i> Обозначение кровного родства в говорах Кенозерья ...	130
<i>Мелютина М.Н.</i> Антропология холодного ландшафта: промысловый аспект (опыт изучения источников, записанных в деревне Лопшеньге)	141
<i>Мухин Д.А.</i> Разбросанные общества (О крестьянском управлении в центральных уездах Вологодской губернии на рубеже XIX и XX веков)	153
<i>Наумов Ю.М.</i> К вопросу методики и результатам изучения традиционного судостроения	163

<i>Никонов С.А.</i> Зверобойные промыслы кольских купцов на архипелаге Шпицберген в конце XVIII века.....	172
<i>Пшенко Р.А.</i> Языковой ландшафт в русско-норвежской коммуникации (на примере топонимики)	181
<i>Родионова В.Ю.</i> Икона XVII века «Рождество Христово; Неизвестный святой» из Пахомиева Кенского монастыря. Новые открытия	190
<i>Роц (Шангина) Л.Г.</i> Жизнь на острове Жижгин. Природно-географические и экономические факторы освоения и развития территории в условиях изолированности от материка	194
<i>Ружников А.В.</i> Унская губа в контексте истории Беломорья	206
<i>Смирнова М.А.</i> Наставники и ученики Ю.И. Смирнова (По материалам Мемориальной библиотеки Ю.И. Смирнова)	214
<i>Старицын А.Н.</i> Старые фотографии рассказывают (К вопросу об использовании фотографического материала при ретроспективной реконструкции культурного пространства выговских староверов)	224
<i>Трошина Т.И.</i> Концессионная программа треста «Северолес» в Каргопольском и Онежском уездах: экономический эффект и отношение населения	231
<i>Филиппова И.В.</i> Кенозерский сказитель былин Кропачев-Лядков.....	243
<i>Харитоновая Я.Э.</i> «Ходили в Норвегу» (экономические связи крестьян южного Беломорья и Северной Норвегии в конце XIX – начале XX в.)..	255
<i>Шевелёва Е.В.</i> Возрождение народных ремесел на территории Кенозерского национального парка: вклад Владимира Дмитриевича Шевелёва (1947–2023)	267
<i>Яралова М.С.</i> Контурная карта как междисциплинарное осмысление культурного и природного ландшафта	273

**Архитектура в живом ландшафте:
сохранение и передача идентичности в настоящем и будущем**

<i>Абрамовский В.Н.</i> Северные проекты архитектора-реставратора Гали Владимировны Алферовой	286
<i>Гундакова Л.В.</i> Церковь Рождества Богородицы в деревне Луде Приморского района Архангельской области.....	296
<i>Еремеева А.В.</i> «Проект здания Депозитария «Небесное Кенозерье» ФГБУ Национальный парк «Кенозерский»	306
<i>Иняев А.А.</i> Опыт и традиции северного деревянного зодчества и композиционные принципы в современном архитектурном проектировании	308
<i>Коробова Т.С.</i> Историко-культурный ландшафт северного села Лядины. Натурные исследования и деятельность по сохранению исторической памяти	312

<i>Мазилова Е.А.</i> Природное наследие Соловецкого архипелага в истории создания музея-заповедника (1960–1970-е гг.): государственные меры и общественное мнение.....	324
<i>Незвицкая Т.В.</i> Сравнительная характеристика окраски церковной деревянной архитектуры Заонежья и Кенозерья. К истории вопроса.....	334
<i>Павлушков А.Р.</i> Влияние природно-географической среды на пенитенциарную практику монастырей Европейского Севера России.....	341
<i>Пермиловская А.Б.</i> Сакральный статус деревьев в культурном ландшафте Русского Севера	349
<i>Яндовский В.Э.</i> Реставрация памятников как основа для развития исторических поселений на примере воссоздания ветряной мельницы в деревне Гафостров	357

Природные факторы формирования и развития среды обитания человека

<i>Ануфриев В.В., Давыдов Р.А., Мамонтов В.Н., Михайлова Г.В., Пунанцев Е.А., Чуракова Е.Ю.</i> Опыт междисциплинарного исследования по сохранению и использованию потенциала биологического разнообразия в Арктической зоне Европейского Севера России (на примере малонарушенных лесных территорий Архангельской области).....	364
<i>Былъченко А.А.</i> Изучение фауны насекомых экологических троп Лекшмозерского лесничества Кенозерского национального парка.....	370
<i>Вдовина Н.В., Юрьева И.Б.</i> Результаты племенной работы с мезенской породой лошадей на экоферме «Мезенка» Кенозерского национального парка	383
<i>Губина А.М., Паринова Т.А.</i> Культурные луговые ландшафты Кенозерского национального парка в окрестностях деревни Зехновой. Флористический аспект за 2014–2021 гг.....	389
<i>Козыкин А.В., Петрова Н.В.</i> Структура земельных угодий Лекшмозерской дачи государственных крестьян Колодозерской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии по состоянию на 1862 год.....	393
<i>Коротков В.Н.</i> Природоохранная ценность малонарушенных лесов Национального парка «Онежское Поморье»	397
<i>Мосеев Д.С., Брагин А.В., Фоторан П.А., Махнович Н.М.</i> Перспективные объекты биомониторинга растительности приливно-отливной зоны Белого моря в Национальном парке «Онежское Поморье»	405
<i>Пчелкин А.В.</i> Различия лишенобиоты олиготрофных верховых болот двух растительно-климатических зон.....	412
<i>Потапов Г.С., Фоторан П.А., Колосова Ю.С.</i> Пчелы Онежского полуострова: фауна, экология и охрана	416
<i>Родионов А.В., Пунина Е.О., Гнутиков А.А., Мачс Э.М., Носов Н.Н.</i> Исследование происхождения гибридного вида – эндемика побере-	

жий Онежского залива × <i>Leymotrigia bergrothii</i> с использованием методов секвенирования ДНК следующего поколения (NGS)	419
<i>Смирнова М.А., Дровнина С.И., Петрова Н.В.</i> Сообщества с поточником рыжим (<i>Blysmus rufus</i> (Huds.) Link) в Национальном парке «Онежское Поморье»	428
<i>Федосеева Е.Б., Горюнов Д.Н., Черенкова Н.Н.</i> Перспективы проекта «Тропа муравейников» Кенозерского национального парка	434
<i>Футоран П.А., Шапкин О.А., Вихрев И.В., Мосеев Д.С., Дворянкин Г.А.</i> Новые находки европейской жемчужницы (<i>Margaritifera margaritifera</i> L.) на Онежском полуострове	444
<i>Яковлева А.П., Репкина Т.Ю., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Гуринов А.Л., Орлов А.В., Беличенко А.Е.</i> Динамика юго-восточного побережья Унской губы Белого моря и его первоначальное освоение в голоцене	449
Иллюстрации	457

Научное издание

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

**Ландшафт человека:
исследования Русского Севера на перекрестке наук**

*Сборник материалов
XI Всероссийской научно-практической конференции*

Составители: **Мелютина** Марина Николаевна,
Быльченко Александр Алексеевич

Редактор *И.М. Кудрявина*
Оригинал-макет *О.Е. Болдыревой*
На обложке – фото *К.В. Маланина*
Дизайн обложки *А.В. Мартыновой*

Подписано в печать **. ** ****. Формат 60×84/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. **. ** Тираж 200 экз. Заказ №

Типография